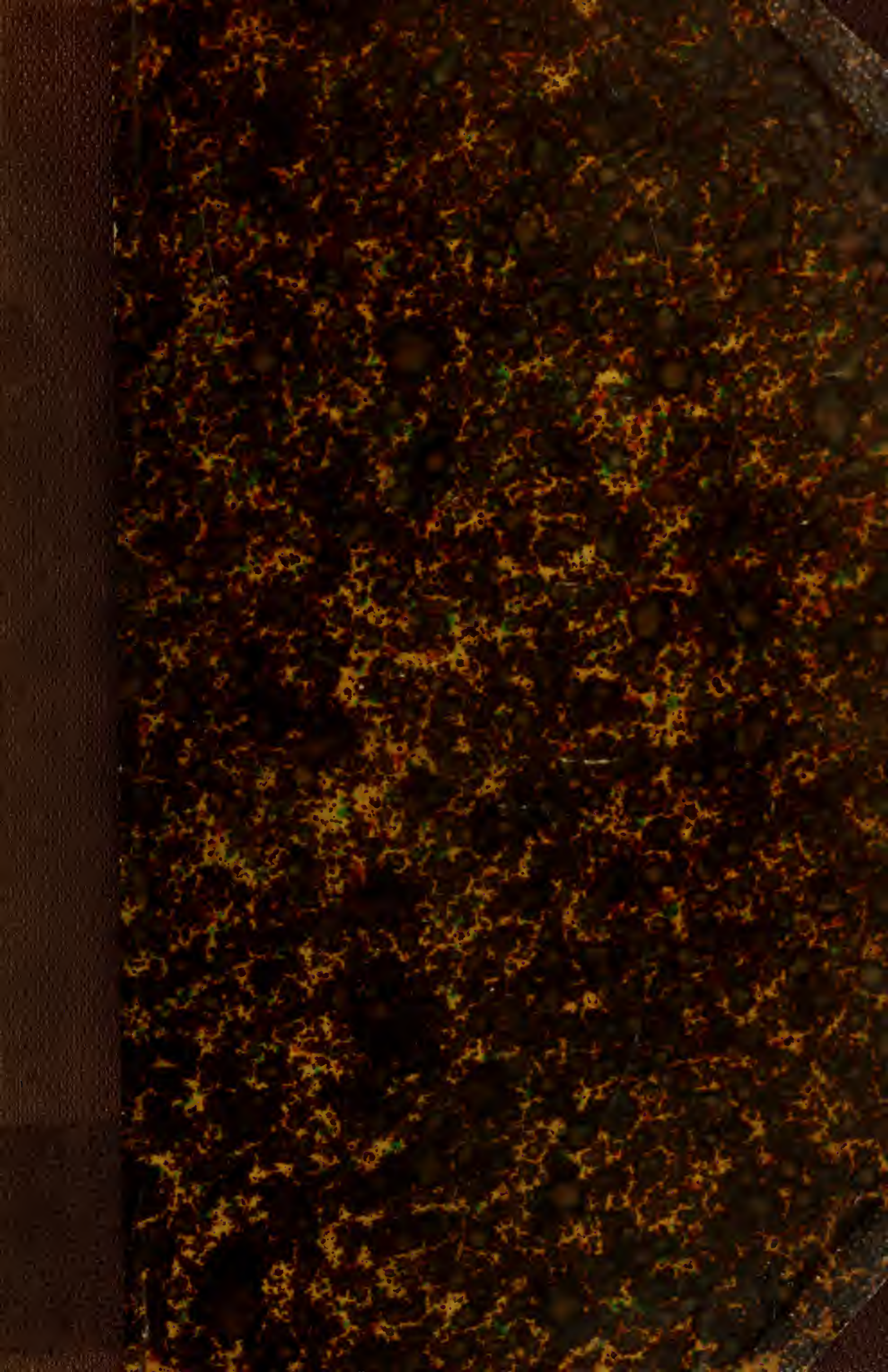
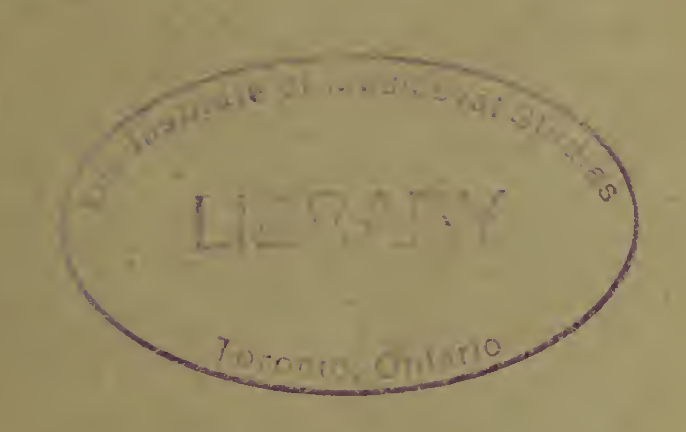



LIBRARY
Toronto, Ontario

ЕВГЕНІЙ БУДДЕ.

КЪ ИСТОРІИ
ВЕЛИКОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1896.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Деканъ *Д. Бѣляевъ.*

Предисловіе.

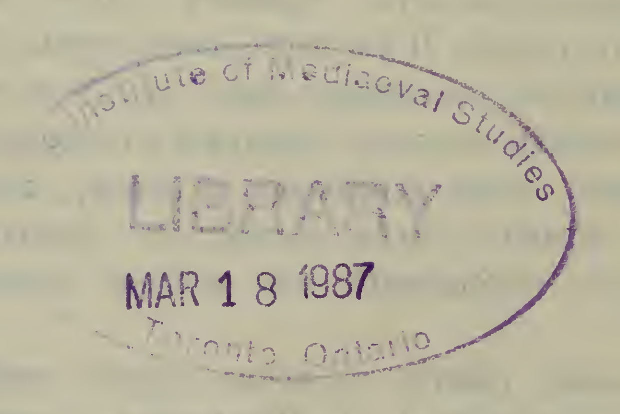
Предлагаемый трудъ является результатомъ продолжительныхъ занятій въ области русской діалектологіи. Главнымъ матеріаломъ для этого труда послужилъ матеріалъ, собранный мною въ непосредственныхъ бесѣдахъ съ крестьянами Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ Рязанской губерніи, куда я былъ командированъ Историко-филологическимъ Факультетомъ Императорскаго Казанскаго Университета лѣтомъ 1894 года (см. Отчетъ о командировкѣ въ „Ученыхъ Запискахъ" Каз. Университета. Январь. 1895. Также Отдѣльн. оттискъ). Поэтому прежде всего считаю долгомъ здѣсь выразить свою признательность Факультету за доставленную мнѣ возможность на мѣстѣ добыть и изучить совершенно новый матеріалъ. Этотъ новый матеріалъ цѣликомъ вошелъ въ I-ую часть настоящаго труда, представляющую возможно полное описаніе неизвѣстнаго донынѣ говора; II-ую часть моего труда составляетъ подробное сличеніе, описаннаго мною въ I-й части, говора съ другими русскими говорами древними и современными; наконецъ, III-ья часть, самая небольшая по объему, представляетъ выводы изъ первыхъ двухъ частей. Въ „Заключеніи" высказано нѣсколько соображеній изъ исторіи описаннаго мною говора.

Самое дѣятельное участіе въ моемъ трудѣ принималъ дорогой и глубокоуважаемый А. А. Шахматовъ, которому и

приношу здѣсь душевную благодарность за содѣйствіе и совѣты, затѣмъ считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить благодарность А. Ѳ. Бычкову, Ф. Ѳ. Фортунатову и Р. Ѳ. Брандту, оказывавшимъ мнѣ самое разнообразное содѣйствіе, а также И. А. Бычкову, хранителю рукописей Императорской Публичной Библіотеки.

Евг. Будде.

Казань. 1896 г.
3 марта.



Къ Исторіи великорусскихъ говоровъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ научной разработкой современныхъ намъ русскихъ нарѣчій и говоровъ связаны наши представленія о древнѣйшихъ эпохахъ русскаго языка, связаны наши свѣдѣнія о звуковомъ и формальномъ составѣ русскаго праязыка. Точное знакомство съ живыми русскими нарѣчіями и говорами, составленное на основаніи научнаго ихъ описанія, изслѣдованія и, по возможности, личнаго наблюденія должно быть исходною точкой при нашихъ заключеніяхъ о русскомъ языкѣ прошедшихъ вѣковъ. Поразительное разнообразіе звуковыхъ оттѣнковъ изъ области гласныхъ или согласныхъ въ произношеніи лицъ, принадлежащихъ разнымъ говорамъ, должно быть принято во вниманіе при научныхъ построеніяхъ и гипотезахъ о системахъ звуковъ русскаго языка тѣхъ эпохъ, которыя недоступны нашему непосредственному наблюденію. Наши представленія о звукахъ русскаго языка до послѣдняго времени были въ значительной степени обусловлены привычнымъ видомъ орѳографическихъ начертаній и свѣдѣніями о старо-славянскомъ языкѣ по рукописямъ, давшими въ свою очередь начало тѣмъ звуковымъ представленіямъ, которымъ часто не находилось соотвѣтствія въ дѣйствительности, въ средѣ живыхъ звуковъ русскаго языка. Новѣйшій поворотъ въ направленіи языкознанія вообще, и русскаго языкознанія въ частности, занятія современной діалектологіей русскаго языка и перемѣна въ точкѣ отправ-

ленія при изученіи лингвистическихъ явленій, именно, — опредѣленіе неизвѣстнаго, искомаго, при посредствѣ или изъ извѣстнаго, найденнаго и опредѣленнаго,—все это внесло уже въ современную русскую лингвистику несомнѣнныя достоинства: критическую оцѣнку старыхъ положеній, уничтоженіе оказавшихся невѣрными и построеніе новыхъ положеній на основаніи болѣе доказательныхъ и убѣдительныхъ данныхъ

Въ связи съ новымъ изученіемъ русскаго языка на живыхъ говорахъ стоитъ и чтеніе и пониманіе древнихъ русскихъ рукописей: древняя орѳографія во многихъ случаяхъ получила понятный смыслъ, перестала казаться въ очень многихъ случаяхъ прихотью, капризомъ или безсмысленнымъ мудрствованіемъ полуграмотнаго писца, малограмотному человѣку не отказывается болѣе въ естественномъ и часто единственно возможномъ для него изображеніи на письмѣ тѣхъ звуковъ, которые онъ самъ употреблялъ или употребляетъ въ своемъ произношеніи, допускается сознательная цѣль и сознательное отношеніе у древнихъ русскихъ книжниковъ къ своей орѳографіи, замѣчается стремленіе проникнуть въ мыслительный процессъ древняго писца при постановкѣ имъ той или другой буквы въ его рукописи,—словомъ, изученіе современной дѣйствительности, даже наиболѣе мелкихъ проявленій ея, начиная отъ малограмотныхъ написаній и кончая крупнѣйшими явленіями въ области народной рѣчи и мысли, начинаетъ разсѣивать туманъ въ нашихъ представленіяхъ о нашемъ языкѣ—народѣ, начинаетъ вносить яркій свѣтъ въ наше самосознаніе.... Я не буду называть именъ тѣхъ ученыхъ, съ дѣятельностью которыхъ связаны успѣхи нашей науки въ вышесказанномъ смыслѣ: имена этихъ ученыхъ извѣстны всякому лингвисту; скажу только, что въ этихъ-же успѣхахъ русской науки и я почерпнулъ для себя новыя силы, новыя надежды и желаніе продолжать изслѣдованіе живыхъ русскихъ говоровъ. Я выбралъ для себя на этотъ разъ одинъ небольшой уголокъ, гдѣ слышится русская рѣчь, и думаю, что я не ошибся, ограничивая свое изслѣдованіе областью русскаго говора на небольшомъ пространствѣ громадной русской территоріи. При выборѣ темы, помимо общаго интереса къ изысканіямъ въ области діалектологіи русскаго языка, мною руководило глубокое убѣжденіе въ томъ, что описаніе и изслѣдованіе всякаго народнаго говора рано или поздно должно быть принято во вниманіе при построеніи

общей исторіи русскаго языка, должно отразиться извѣстнымъ образомъ на нашихъ выводахъ о русскомъ праязыкѣ, объ историческомъ развитіи дѣйствующихъ въ нашемъ языкѣ законовъ.

Покойный И. И. Срезневскій завѣщалъ много задачъ будущимъ историкамъ русскаго языка въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Мысли объ исторіи русскаго языка": эти задачи составляютъ насущную потребность науки о русскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Срезневскій высказалъ свои мысли, прошло почти полвѣка, но и по сіе время далеко не всѣ эти задачи выполнены, а къ выполненію многихъ изъ нихъ даже еще и не приступали; и это—естественно, понятно: область задачъ и занятій такъ широка, что нѣтъ возможности охватить ихъ въ короткое время, и значеніе отдѣльныхъ трудовъ и монографій по частнымъ вопросамъ можетъ быть незамѣтнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не считаться съ мыслями Срезневскаго, нельзя не видѣть всей ихъ важности и справедливости, когда читаешь: „Для того, чтобы матеріалы для исторіи русскаго языка были приготовлены вполнѣ, нужно многое.... По каждому изъ нарѣчій русскихъ и ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для каждаго отдѣльно особенная грамматика съ разборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанія. Развитіе языка въ мѣстныя видоизмѣненія должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитіе языка повременное по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ" [1]). Такимъ образомъ, для своей работы я выбралъ заОкскій край (смотря съ юга) нынѣшней Рязанской губерніи.

Именно, этотъ край обратилъ на себя мое вниманіе по многимъ причинамъ: 1) мнѣ хотѣлось *лично* познакомиться со всѣми говорами въ нынѣшней Рязанской губерніи, какъ съ говорами, совершенно не изслѣдованными, и такимъ образомъ дополнить свой трудъ: „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій" (В. 1892), гдѣ изслѣдована по преимуществу южная часть нынѣшней Рязанской губерніи въ діалектологическомъ

---

1) *Срезневскій.* Мысли объ исторіи рус. языка. 1887. Спб. Стр. 98—99.

отношеніи, т. е. та часть, которая лежитъ къ югу отъ Оки. Само собой разумѣется, меня интересовали въ данномъ случаѣ вопросы, не составляетъ-ли Ока естественной границы говоровъ, не приближается-ли говоръ этого края къ говору смежному Владимірскому, нельзя-ли составить себѣ нѣкоторое понятіе о говорѣ старой Муромо-Рязанской земли, могъ-ли быть и говоръ Муромо-Рязанскій [1].... На такіе вопросы меня наводили тѣ звуковыя особенности въ говорѣ за-Окскаго края, съ которыми я сталъ впервые знакомиться по сообщеніямъ мѣстныхъ уроженцевъ и жителей, когда составлялъ свой первый трудъ по діалектологіи, живя на югѣ Рязанской губерніи. 2) На магистерскомъ диспутѣ моемъ проф. В. Ѳ. Миллеръ обратилъ мое вниманіе на говоръ Касимовскаго уѣзда, поскольку этотъ говоръ обнаруживался и выдѣлялся въ моей диссертаціи. Наконецъ, 3) и критика отмѣтила по моей работѣ особенности говора на сѣверѣ Рязанской губерніи. Эти особенности прежде мнѣ самому не были извѣстны вполнѣ, а теперь я лично съ ними познакомился. Я сосредоточилъ свои занятія въ Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Оказалось, что чѣмъ далѣе углублялся я на сѣверо-востокъ, тѣмъ разница въ говорѣ сравнительно съ южной половиной Ряз. губерніи становилась рѣзче и интереснѣе, а потому я и объѣхалъ весь сѣверо-восточный уголъ Рязанской губерніи. Въ Спасскомъ уѣздѣ я записывалъ говоръ крестьянъ (почти исключительно женщинъ) изъ слѣдующихъ селъ и деревень: с. Санское, с. Гавриловское, д. Жо̆лобова Слобода, с. Новый Киструсъ, д. Деревенское, с. Ижевское, с. Вы̆желѣсъ (произн. Вы̆жлисъ), д. Воскресенское.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ—изъ слѣдующихъ селъ и деревень: с. Нармушадь, с. Ерахтуръ, д. Борки, с. Шостья, с. Чинуръ, с. Антоново, Лѣсново, Ярыгино, Брѣево, Ломъ, Жданово, Селище, Дмитріево, Лощина, Данево, г. Касимовъ, Уланова Гора, Гусевской Заводъ, Гусевской Погостъ, Бѣльково, Забѣлино, Урядино, с. Китово, д. Китово, Акулово, с. Чарусъ, Ивановское, с. Ветчаны (Истомино), Курша, Борисково, Малахово, Андроново; Катово, Логино, Рогачево, Горы, Чуфилово, Бычково (с. Черкасово), Зубово, Расторгуево, Семеино,

---

[1]) См. мой «*Отчетъ*» о командировкѣ въ Ряз. губернію. Казань. 1895. Изъ «Ученыхъ Записокъ» Каз. Унив.).

Снохино, Кабаново, Меркулово, Симоново (Тумскій край), с. Тума; д. Оськино, Ахматово, с. Давыдово, д. Праватарово, с. Шаранина, Агѣево, Акулово (другое), Амляшовскіе выселки, Наумцево, д. Жалудково, Немнясево, Норино, Анисово, Малышкино, с. Парахино, Фомино, Залѣсье, Астафьево, Велькова, Алексѣево, Ужищево, Мягково, Волчково, Ламакино, Бѣлясево. Или по волостямъ: Ерахтурская волость, Шостинская, Дмитріевская, Погостинская, Китовская, Ветчанская, Тумская, Давыдовская, Парахинская, Алексѣевская, Ламакинская.

Въ описаніи изслѣдуемаго говора я буду держаться обычнаго порядка изложенія: сперва опишу звуки этихъ говоровъ, что̀ составитъ первый томъ—фонетику; затѣмъ обращусь къ формальному составу, что̀ составитъ второй томъ труда—морфологію. Главное вниманіе я обращу на фонетику, и въ ней—на нѣкоторые отдѣлы ея въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ; при этомъ я займусь особенно тѣми отдѣлами, по которымъ собранный мною матеріалъ представляетъ новыя данныя для исторіи великорусскаго нарѣчія; согласнымъ звукамъ я удѣляю въ своемъ трудѣ болѣе видное мѣсто и разсматриваю ихъ съ большей подробностью, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Такой планъ моей работы обусловленъ содержаніемъ собраннаго матеріала, который представляетъ много цѣннаго и новаго для исторіи согласныхъ звуковъ русскаго языка; не могу не замѣтить при этомъ, что въ большинствѣ научныхъ изслѣдованій по русскому языку до сихъ поръ какъ-то гораздо подробнѣе изслѣдователи останавливались на гласныхъ звукахъ, чѣмъ на согласныхъ, что̀, конечно, обусловливалось отчасти и недостаточнымъ нашимъ знакомствомъ съ русскими живыми говорами. Какъ бы-то ни было, гласнымъ звукамъ болѣе удѣлено вниманія въ ученой литературѣ по русскому языку, чѣмъ согласнымъ. Такъ какъ изслѣдуемые мною говоры, говоры нынѣшней Рязанской губерніи, *вообще* относятся къ говорамъ южно-великорусскаго поднарѣчія, то, естественно, прежде всего мнѣ оказалось необходимымъ познакомиться въ подробностяхъ съ ближайшими, сосѣдними говорами, принадлежащими къ тому-же поднарѣчію. Но здѣсь представились для меня непреодолимыя препятствія въ рѣшеніи многихъ интересовавшихъ меня вопросовъ; эти препятствія заключаются въ томъ, что вообще южно-великорусскіе говоры

крайне мало изслѣдованы, почти даже не описаны, и потому многіе говоры южно-великорусскаго поднарѣчія остаются для насъ почти неизвѣстными, по крайней мѣрѣ, въ подробностяхъ. Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ съ говорами сѣверно-великорусскаго поднарѣчія: они болѣе подробно описаны, по нимъ издано гораздо больше матеріаловъ, литература ихъ гораздо богаче. Интересуясь судьбой согласныхъ звуковъ въ той части русскаго языка, которая нынѣ составляетъ южно-великорусское его поднарѣчіе, я пожелалъ познакомиться обстоятельно съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ литературы предмета относительно произношенія согласныхъ въ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ. Съ 1892 года мы имѣемъ для подобныхъ цѣлей прекрасно составленную работу А. И. Соболевскаго: „Очеркъ русской діалектологіи", служащую незамѣнимымъ справочнымъ сочиненіемъ, такъ какъ въ этомъ своемъ трудѣ авторъ воспользовался, кажется, всѣмъ печатнымъ матеріаломъ по народнымъ русскимъ говорамъ, матеріаломъ, разбросаннымъ ранѣе по разнымъ изданіямъ статистическихъ комитетовъ, не сгруппированнымъ и потому недоступнымъ для параллельнаго обозрѣнія. Послѣ этого труда мы можемъ почти не справляться со старымъ трудомъ Даля („О нарѣчіяхъ русскаго языка" 1852 г.), такъ какъ матеріалы послѣдняго вошли и въ „Очеркъ" Соболевскаго, хотя и не надо забывать при пользованіи тѣмъ и другимъ трудомъ, что Даль говоритъ о звукахъ въ большинствѣ случаевъ по собственному слуху, а Соболевскій—по печатнымъ изданіямъ матеріаловъ. Оказывается, что говоры смежныхъ съ Рязанской губерній извѣстны намъ чуть-ли не менѣе всѣхъ остальныхъ: „о говорахъ Калужской губерніи мы имѣемъ крайне мало свѣдѣній" [1]): нѣсколько отдѣльныхъ чертъ говора въ Мосальскомъ уѣздѣ да одна черта говора въ Жиздринскомъ уѣздѣ, въ частности, по отношенію къ согласнымъ звукамъ намъ извѣстны: мягкость *к* и твердость двойного *ш* въ Мосальскомъ уѣздѣ [2]). Почти

---

[1]) Соболевскій. Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. Вып. I. Стр. 15.

[2]) Соболевскій. Ib. 15. Сравни однако у Даля (О нарѣчіяхъ. LXIII. При Словарѣ 1880 г.): *иоканье* въ Боровскѣ, *чваканье* въ Медыни, нечистое *ч*, *ц*—въ Бѣлевскомъ, *«здля»*, *путанье* звуковъ *х*, *ф*, *хв*, *кв*; *г*=γ въ Малоярославцѣ. *ф*=*хв*, зля (для)—въ Жиздрѣ; чаіо=чего—ib.

такою-же скудостью отличаются наши свѣдѣнія о говорахъ Тульской губерніи, въ особенности — о говорахъ Новосильскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ [1]): о согласныхъ мы знаемъ, что *п* и *ф* въ концѣ слова могутъ быть мягкими (около Тулы), *г* = *γ*, *хв* = *ф*, *ф* = *х*, *хф*; *г*, *к*, *х* въ формахъ дат. и мѣстн. пад. могутъ переходить въ свистящіе соотвѣтствующіе звуки. Изъ говоровъ Орловской губерніи мы имѣемъ, оказывается, также немного свѣдѣній о говорахъ только трехъ уѣздовъ [2]): о согласныхъ мы знаемъ: мягкое *к* (Елецкій уѣздъ), двойное твердое *ш* (Елец., Ливенскій уу.), мягкое *л*, близкое къ франц. *l* (Елецк. у.) [3]).

„Съ говорами Курской губерніи мы сравнительно хорошо знакомы“ [4]), благодаря, конечно, записямъ Халанскаго въ Щигровскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ; по вопросу о согласныхъ звукахъ намъ извѣстно въ этихъ говорахъ слѣдующее: конечное *п* обыкновенно твердо, вмѣсто конечнаго *ф*—твердое *в*, *г* = *γ*, *ф* = *х* и *хв*, дат. и мѣстн. падежи иногда съ древними свистящими вмѣсто мягкихъ *г*, *к*, *х* (Щигров. у.); спорадически согласные звонкіе вм. глухихъ: доро́*ж*ка (Бѣлгород. у.); двойные *л*, *н*, *д* и др. вм. *ль*, *нь*, *дь*, звонкіе въ концѣ и серединѣ словъ, *в* вм. *л* въ формахъ прош. времени (Путивл. у.). Почти вездѣ *г* = *γ* въ окончаніи—*го*: въ Старооскольскомъ, Обоянскомъ, Суджанскомъ, Новооскольскомъ, Путивльскомъ уѣздахъ [5]). О говорахъ Рязанской губерніи Соболевскій въ 1892 году сказалъ: „Несомнѣнно, эти говоры—сильно акающіе (даже сѣверные)“ [6]). Теперь, послѣ того какъ я познакомился лично съ говорами Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ, это мнѣніе придется измѣнить и Соболевскому, и мнѣ (я въ своей первой работѣ о рязанскихъ говорахъ полагалъ также на основаніи сообщеній другихъ лицъ, что и на сѣверѣ Ряз. губерніи *аканье* такое-же, какъ на югѣ): говоръ Спасскаго и Касимов-

---

[1]) Соболевскій. Ib. Стр. 16. Срв. у Даля ib.: вошпиталь, *г*=*g*—Кашира.

[2]) Соболевскій. Ib. Стр. 16.

[3]) Сравни у Даля ib.: мѣна *х* и *ф*; мягкое *к* въ Мценскѣ. Стр. LXIV. «Мченскъ»—я самъ слышалъ.

[4]) Соболевскій. Ib. 17 и слѣд.

[5]) Сравни у Даля ib. LXIV еще: *щ*=двойное *ш*, *в*=*м*, мягкое *к*, *твъты*, *зямчукъ*.

[6]) Соболевскій. Ib. 18.

скаго уѣздовъ (въ особенности послѣдняго) по *аканью* отличается отъ южныхъ говоровъ, какъ увидимъ далѣе, и скорѣе подходитъ въ Касимовскомъ уѣздѣ къ умѣренно-акающимъ говорамъ. Согласные звуки въ говорахъ южныхъ уѣздовъ Ряз. губерніи описаны раньше мною [1]), а согласные въ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ будутъ описаны въ этомъ трудѣ.

Наши свѣдѣнія о говорахъ Тамбовской губерніи также небогаты [2]): намъ извѣстно о согласныхъ только мягкость *к* (въ Кадомскомъ и частью въ Липецкомъ у.), звукъ *γ* въ окончаніи—*го* (Кадом. у.), твердость двойного *ш* (часть Липец. у.), *що*—въ Кадомскомъ и Липецкомъ уѣздахъ [3]). О великорусскихъ говорахъ Воронежской губерніи мы тоже немного знаемъ: по отношенію къ согласнымъ звукамъ намъ извѣстно *г*=*γ*, мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш* въ Нижнедѣвицкомъ и Бобровскомъ уѣздахъ [4]).

Объ акающихъ говорахъ прочихъ губерній, болѣе отдаленныхъ отъ Рязанской, мы знаемъ едвали еще не менѣе, чѣмъ о говорахъ, упомянутыхъ выше; но даже и говоры Московской губерніи по уѣздамъ намъ неизвѣстны, такъ какъ нѣтъ ихъ описанія [5]). Въ области согласныхъ звуковъ замѣтимъ слѣдующіе факты: *дж* вм. *ж*, *г*=*γ*, *що* въ части Нов городсѣверскаго у. Черниговской губерніи; мѣну *ц* и *ч* въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ уу. Нижегородской губерніи [6]), мѣну *ц* и *ч* въ Псковскомъ уѣздѣ Псков. губ., *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, *ц* вм. *ч*, твердое двойное *ш*—на югѣ Псковской губ.; *г*=*g*—въ Великолуцкомъ у. Псковской губерніи [7]).

---

[1]) «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій». В. 1892.

[2]) Соболев. ib. 19.

[3]) Срв. у Даля ib. LXV: въ Темниковѣ *х*=*к*, «у Кадома есть небольшой слѣдъ *цоканья: прочь* произносится почти какъ *процъ*».

[4]) Соболев. ib. 20. Срв. у Даля ib. LXIV—LXV: *Хвилипъ, куфня*; *Алдо́ха* (Нижнедѣвицкъ).

[5]) Соболев. ib. Стр. 20—24.

[6]) *Ляпунова*. О говорахъ Лукоянов. у. Нижегород. губ. Спб. 1894. См. приложенную въ концѣ карту. *Соболевскій*. Ib. 22.

[7]) Соболев. ib. 23—24.

Мы сдѣлали бѣглый обзоръ извѣстнаго намъ изъ области согласныхъ звуковъ въ акающихъ говорахъ великорусскаго нарѣчія. Какъ видитъ читатель, на основаніи наличнаго матеріала можно составить себѣ приблизительное понятіе о современномъ произношеніи въ этихъ говорахъ звуковъ: *к*, *ч*(*ц*), *г*, *ж*, *ѳ*, *щ*, какъ о звукахъ, которые обратили на себя вниманіе наблюдателей, и о которыхъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ многихъ говоровъ. Обусловлено-ли это тѣмъ, что наблюдатели, описывая какой-нибудь говоръ, привыкли отвѣчать на обыкновенные и шаблонные вопросы различныхъ „программъ“, составленныхъ уже давно и устарѣвшихъ, для собиранія данныхъ по народнымъ говорамъ, или тѣмъ, что большая часть наблюдателей занималась этимъ дѣломъ безъ особой любви, подготовки, невнимательно слушая народную рѣчь, или—не различали слухомъ оттѣнковъ звуковыхъ, или, наконецъ,—все, что̀, дѣйствительно, *есть* въ говорахъ и *слышится*, все это наблюдателями передано, и искать и ожидать больше нечего, рѣшить невозможно.... Тѣмъ интереснѣе всякое новое сообщеніе, которое можетъ заставить многихъ вновь прислушаться къ ихъ родному говору или вообще къ народному говору, тѣмъ болѣе хочешь знать, не сохранились-ли гдѣ-либо среди живыхъ говоровъ отзвуки говоровъ древнихъ, или многіе древніе говоры слѣдуетъ считать умершими, погибшими навсегда и не отразившимися ни въ живой русской рѣчи, ни въ памятникахъ древней русской письменности... Такъ, напр., мы по необходимости вѣримъ тому, что псковскій говоръ исчезъ уже безслѣдно [1]), и вѣримъ потому, что въ старомъ псковскомъ говорѣ была мѣна *ж* и *з*, *ш* и *с*, а въ современныхъ говорахъ этой мѣны будто-бы нѣтъ [2]); мы принуждены думать вслѣдъ за Соболевскимъ, что псковскій говоръ ото всѣхъ другихъ русскихъ говоровъ отличался своей мѣной *ж* и *з*, *ш* и *с*. Между тѣмъ мы на самомъ дѣлѣ не знаемъ хорошенько, есть-ли изъ современныхъ намъ говоровъ такіе, которымъ до сихъ поръ извѣстна эта мѣна, какіе это говоры, насколько распространена въ нихъ указанная замѣна и проч. Мы также еще пока не знаемъ, дѣйствительно-ли *ото всѣхъ*

---

[1]) Соболевскій. Лекціи[2]. Стр. 38.

[2]) Его-же. Ук. соч. 38, гдѣ, впрочемъ, есть ссылка на нѣкоторые говоры, знающіе и теперь эту мѣну.

русскихъ говоровъ отличался псковскій говоръ названной замѣной, и намъ потому не кажется странной такая замѣна *только въ одномъ* изъ русскихъ говоровъ: мы принимаемъ на вѣру эти утвержденія Соболевскаго, хотя, собственно говоря, основаній для такихъ утвержденій мало, если принимать за основанія только свидѣтельство нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ письменности. Далѣе, мы не можемъ удовлетвориться и тѣми свѣдѣніями, которыя намъ сообщаетъ Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ“ (стр. 39) о говорѣ древнихъ вятичей, будто-бы говоръ вятичей далъ начало тѣмъ великорусскимъ говорамъ, которые не знаютъ мѣны *ц* и *ч*, будто-бы этотъ говоръ „въ древности не имѣлъ никакихъ рѣзкихъ особенностей и отличался отъ другихъ говоровъ только тѣмъ, что въ немъ отсутствовали тѣ особенности, которыя отличали эти говоры“. Этого мы не знаемъ. Видѣть основанія для выше приведеннаго утвержденія въ языкѣ Галицкаго Евангелія 1357 г., Переяславскаго списка Поученій Ефрема Сирина 1377 г., Суздальскаго списка лѣтописей 1377 г. едвали позволительно: почему въ этихъ памятникахъ мы должны искать отраженія говора вятичей? Кто ихъ писалъ? вятичъ, или нѣтъ? На основаніи лѣтописи мы не можемъ считать Галичь сѣверный, Переяславль и Суздаль поселеніями вятичей. Наконецъ, какъ распространилось и колонизовалось племя вятичей къ концу XIV вѣка, отъ котораго имѣются эти памятники? Гдѣ въ это время племя вятичей сохранялось въ большей цѣлости и густотѣ своей? Лѣтопись говоритъ намъ о разсѣленіи вятичей *по Окѣ* [1]), гдѣ и было ихъ первоначальное гнѣздо, а не по Волгѣ и не на сѣверъ отъ Волги; мы знаемъ также, что „лучшіе мужи“ изъ вятичей попали вмѣстѣ съ кривичами, словенами на югъ и разселились въ городахъ по Деснѣ, по Востри, по Трубежеви, по Сулѣ и Стугнѣ, куда ихъ направилъ в. к. Владиміръ [2]) въ X вѣкѣ, а въ началѣ XII вѣка Владиміръ Мономахъ прошелъ къ Ростову „сквозѣ Вятичѣ“ [3]).

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Арх. Ком. Спб. 1872. Стр. 11—12.

[2]) Лѣтопись ibid. Стр. 119. Подъ 988 г.

[3]) Лѣтопись ibid. Стр. 238. Подъ 1096 г. Если подъ 964 г. мы читаемъ про Святослава, что онъ «иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе Вятичи»..., то это еще не значитъ, что онъ, именно, на Волгѣ былъ среди вятичей: этимъ указывается только направленіе его пути.

Слѣдовательно, если искать гдѣ-либо остатковъ вятичей, то тамъ, гдѣ было ихъ гнѣздо, и гдѣ они сидѣли густо населенными постоянными жителями. При подобныхъ размышленіяхъ волей-неволей припоминаешь глубоко-правдивыя слова И. В. Ягича, высказанныя имъ въ 1889 году въ сочиненіи, гдѣ разсѣяно много замѣчательныхъ и цѣнныхъ соображеній по вопросу о древнемъ русскомъ языкѣ. Ягичъ такъ выразился о нашихъ свѣдѣніяхъ по древнимъ русскимъ говорамъ: „Читая эти нѣсколько страницъ („Лекціи" Соболевскаго. 1-ое изд. Стр. 33—37), чувствуешь, какъ все это еще шатко, неопредѣленно, какъ не далеко еще ушла наука въ этой области"...[1])

Равнымъ образомъ при нашихъ свѣдѣніяхъ о древнихъ русскихъ говорахъ рискованно признавать извѣстное фонетическое явленіе, напр., мѣну *ш* и *с*, *ж* и *з*, присущимъ *только одному* изъ древнихъ говоровъ, псковскому. Всѣ-ли діалектическіе признаки древнихъ русскихъ говоровъ нашли для себя выраженіе въ древней письменности? Всѣ-ли говоры древняго русскаго языка оставили намъ память по себѣ въ нашей древней письменности? Еще 20 лѣтъ тому назадъ Колосовъ намекалъ на это, говоря: „Быть можетъ, и весьма быть можетъ, что признаваемое исключительными чертами новгородскаго нарѣчія было въ такой-же мѣрѣ свойственно и нѣкоторымъ другимъ племенамъ. Такъ, смѣну *ч* на *ц* и обратно мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ такихъ иногда мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ основанія предполагать новгородскихъ выселенцевъ" [2]).

Совсѣмъ другое дѣло—вопросы *современной* діалектологіи русскаго языка, изслѣдованіе живыхъ современныхъ русскихъ говоровъ и нарѣчій; ихъ необходимо изучить во всей подробности и отъ нихъ отправляться въ своихъ заключеніяхъ о говорахъ древнихъ, привлекая на помощь памятники древней письменности. Я вполнѣ согласенъ съ Колосовымъ въ томъ, что „къ строго научнымъ заключеніямъ скорѣе можетъ привести глубокое, всестороннее изученіе одного какого-либо говора, чѣмъ собраніе, хотя бы то и богатое, данныхъ на про-

[1]) Ягичъ. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. Стр. 25.

[2]) Колосовъ. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣв.-влкр. нарѣчія. Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XVII. № 3. Спб. 1877. Стр. 214.

странствѣ цѣлаго нарѣчія" [1]).... Вотъ почему я сосредоточиваюсь на изученіи одного говора, говора небольшой области, интересующей меня уже нѣсколько лѣтъ, области совершенно не изслѣдованной въ отношеніи лингвистическомъ. Само собой разумѣется, что совершенно не пускаться въ область исторіи современныхъ намъ говоровъ нельзя, такъ какъ во многихъ случаяхъ мы уже имѣемъ полную возможность представить себѣ съ достаточной ясностью картину отношеній между живыми говорами и памятниками древнихъ русскихъ нарѣчій, и это—благодаря послѣднимъ работамъ и успѣхамъ въ области науки исторіи русскаго языка и современной діалектологіи, но *историческая* діалектологія еще въ процессѣ своего созиданія. Вотъ почему еще долгое время наши работы въ этой области будутъ представляться работами *„къ вопросу"*, и я, по крайней мѣрѣ, не рѣшаюсь въ общемъ заголовкѣ выставить какое-либо другое названіе, не чувствуя въ себѣ достаточныхъ силъ представить цѣльное и полное рѣшеніе самаго вопроса.

Ниже я вкратцѣ намѣчаю тѣ пункты, на которыхъ буду останавливаться въ своемъ трудѣ, и дѣлаю перечень тѣхъ особенностей изучаемаго мною говора, которыя обратили мое вниманіе во время моего личнаго знакомства съ рѣчью крестьянъ Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ Рязанской губерніи.

Поѣздка въ Спасскій и Касимовскій уѣзды Рязанской губерніи лѣтомъ 1894-го года дала мнѣ возможность во многомъ пополнить свои свѣдѣнія о говорѣ въ нынѣшней Рязанской губерніи: послѣ личнаго знакомства съ говоромъ жителей Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ явилась возможность уяснить себѣ отношеніе говора южной части губерніи къ говору сѣверной, именно, той части, которая примыкаетъ къ Владимирской губерніи, къ Меленковскому уѣзду. Казалось-бы, что интересующая насъ часть Рязанской губерніи не должна была-бы представлять рѣзкихъ отличій въ діалектологическомъ отношеніи отъ своей южной и юго-западной части, но на самомъ дѣлѣ выходитъ наоборотъ: какъ-будто Ока служитъ естественной границей для нѣкоторыхъ фонетическихъ чертъ обще-рязанскаго говора; за Окой, т. е. области, лежащія по

---

[1]) Колосовъ. Указ. соч. ibid. Стр. 9. Срв. Богородицкаго. Курсъ грамматики р. языка. Варшава. 1887. Стр. 196—198. § 66 мелкій шрифтъ.

лѣвой сторонѣ рѣки, отличаются по говору во многихъ отношеніяхъ отъ областей, расположенныхъ по правую сторону Оки. Несомнѣнно, что общій типъ говора, извѣстнаго нынѣ въ районѣ Рязанской губерніи, достаточно опредѣленъ въ сочиненіи „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей Рязанскаго говора“ В. 1892, но есть интересныя частности, заслуживающія болѣе спеціальнаго изслѣдованія. Мнѣ было указано въ свое время на тѣ интересныя особенности говора Касимовскаго уѣзда, которыя лишь мѣстами вошли въ мой вышеназванный трудъ; я самъ хорошо понималъ, что матеріалы, доставленные мнѣ изъ Касимовскаго уѣзда, даютъ возможность говорить о говорѣ Касимовскаго уѣзда отдѣльно, обособить этотъ говоръ въ изслѣдованіи, но тогда у меня не было достаточнаго количества матеріаловъ, и многіе вопросы оставались подъ сомнѣніемъ или вовсе не разрѣшенными, а пускаться въ предположенія и догадки было-бы смѣло и безплодно. Надо было уяснить себѣ отношеніе этого говора къ говорамъ ближайшихъ мѣстностей и собрать лично побольше матеріала для изслѣдованія. Я считаю излишнимъ останавливаться подробно на томъ вопросѣ, что рязанскій говоръ не ограничивается какими-либо искусственными границами нынѣшней Рязанской губерніи: объ этомъ было говорено между прочимъ мною на 1-ой страницѣ вышеназваннаго сочиненія, но долженъ и послѣ истекшаго времени повторить, что говоръ въ этой части южно-великорусскаго нарѣчія особенно типиченъ и сохранился, можно сказать, лучше, чѣмъ въ сосѣднихъ губерніяхъ. Причину этого надо искать, вѣроятно, въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя переживались Рязанскимъ краемъ [1]), оставшимся какъ-бы въ сторонѣ отъ общаго тяготѣнія средней полосы Россіи къ Литовскому государству въ XIV—XV вѣкѣ и отстаивавшимъ долѣе другихъ права своей независимости. Но, съ другой стороны, сила обстоятельствъ взяла-таки свое, и въ концѣ концовъ мы видимъ, начиная со Спасскаго уѣзда, нѣсколько иной говоръ, чѣмъ на югѣ Рязанской губерніи, мы встрѣчаемъ здѣсь черты сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ большемъ числѣ и какъ правило, хотя аканье сохраняется.... Прежде всего мы

[1]) См. брошюру *Шахматова:* «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій». В. 1894. Стр. 7. 10—11.

разстаемся здѣсь со звуками *γ* (h) въ падежныхъ формахъ родительнаго падежа; далѣе, мѣстами слышимъ и полное отсутствіе звонкаго фрикативнаго *γ*, вмѣсто котораго является часто звукъ мгновенный *г*; губной твердый *в очень часто* замѣняется неслоговымъ *у*, которое мѣстами слышится и вмѣсто язычнаго твердаго *л*; наконецъ, какъ явленіе постоянное, мы встрѣчаемъ почти во всемъ Спасскомъ и во всемъ Касимовскомъ уѣздѣ *цоканье*, т. е. употребленіе звука *ц* вмѣсто *ч*. Въ вопросѣ о цоканьѣ чрезвычайно интереснымъ представляется слѣдующее явленіе, которое мы замѣтили въ послѣднее свое путешествіе: именно, есть мѣстности, гдѣ звукъ *ц* произносятъ такъ, что въ немъ ясно слышится и шипящій элементъ, какъ будто *ч*; этотъ звукъ мы будемъ обозначать черезъ *ц* съ надписнымъ *ч*: ц[ч]. Наоборотъ, есть въ этихъ-же мѣстностяхъ и звукъ *ч* съ оттѣнкомъ свистящаго элемента; этотъ звукъ мы будемъ обозначать начертаніемъ *ч* съ надписнымъ *ц*: ч[ц]. Само собой разумѣется, что въ этомъ звуковомъ явленіи мы наблюдаемъ, такъ сказать, самый процессъ перехода *ч* въ *ц* и наоборотъ; эта шепелеватость говора, встрѣчаемая сплошь у извѣстнаго населенія, уясняетъ намъ самую исторію звука *ч* въ русскомъ языкѣ и сближаетъ насъ съ нашими предками.... Такой звукъ мы впервые встрѣтили въ с. Нармушади Касим. уѣзда, гдѣ затруднялись даже письменной передачей слова: нич[ц]аво́, Юдич[ц]а (отечество: Борисъ Юдичъ), хотя преобладающимъ звукомъ всетаки въ большинствѣ словъ является здѣсь звукъ *ц* вмѣсто орѳографическаго и литературнаго *ч*. Эти же звуки мы слышали въ сс. Лѣсновѣ, Даневѣ, Дмитріевѣ и друг.—почти на границѣ съ Меленковскимъ уѣздомъ Владимирской губерніи. Далѣе, есть мѣстности, гдѣ при *ц* вмѣсто *ч* говорятъ и наоборотъ—*ч* вмѣсто *ц*, но это—явленіе, которое рѣже встрѣчается, чѣмъ сплошное цоканье, отличающее вообще извѣстную мнѣ часть Спасскаго и Касимовскаго уѣзда. Напр., въ с. Гиблицахъ, Ибердусѣ, Дубровкѣ, Тимохинѣ мы слышимъ че́рква, предте́ца, ве́цар и т. п., въ с. Даневѣ—пӑчалу́й; „силе[і]зе́нь ту́жыт, пла́чит, сакруша́тча, вазьлѣ́ у́тки увива́тча“... (пѣсня), чвяты́, ате́чь Кинстинти́н; „атъ виньча́ привяду́т, хмель обсыпа́ют куль крыльча“, но: рѣцка, ноц, запла́цыт, „как ни по́ лугу, лужо́цку“ (пѣсня) и проч. Рядомъ съ этимъ явленіемъ мы наблюдаемъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ шепелеватость говора въ другихъ отношеніяхъ; такъ,

звукъ мягкій *с* произносится съ оттѣнкомъ *ш*, и въ этомъ случаѣ, при наблюденіи этого фонетическаго явленія, мы уясняемъ себѣ тотъ процессъ полнаго перехода *с* въ *ш*, который завершился уже окончательно въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ, изъ древнихъ, напр., въ псковскомъ, а изъ современныхъ — въ говорахъ нѣкоторыхъ поволжскихъ губерній, частью въ Казанской, Симбирской, гдѣ мы слышимъ звуки *ш* вм. *с* и *ж* вм. *з* даже твердые. Такъ, въ Касимовскомъ краю цѣлый громадный районъ селъ и деревень произноситъ *с'* съ оттѣнкомъ звука *ш*, что̀ мы будемъ означать начертаніемъ *с*^{ш}, въименахъ прилагательныхъ на—*скій*. На вопросъ: „вы чьи“? вамъ скажутъ: Зу́бӑс^{ш}ьки (д. Зубово), Астарhо́с^{ш}ьки (д. Расторгуево, произн. Астарhо́ва), Снахи́ньс^{ш}ьки (д. Снохино́), hарьс^{ш}кіjи (д. Горы́, произн. hары́), Цухви́лӑс^{ш}ьки (д. Чуфи́лово, произн. Цухвилӑва), Быцко́с^{ш}ьки (д. Бычково, произн. Быцко́ва) и т. п. Этотъ говоръ слышенъ на далекомъ пространствѣ вокругъ боевого села Тумы Касим. уѣзда. Вы слышите названіе деревни Амляшо́с^{ш}ьки вы́с^{ш}е^{і}лки или Абляшо́с^{ш}ьки вы́с^{ш}е^{і}лки (кажется, по фамиліи Амляшова или Абляшова); здѣсь далѣе говорятъ: е́с^{ш}ь (=есть), де́с^{ш}ить (десять), с^{ш}ё (всё), „Лява́шкуй зва́ли, хот^{с}ь с^{ш}мѣ́йси“... (д. Чуфилово) и т. п. Стоитъ особаго упоминанія еще произношеніе мягкихъ звуковъ *т* и *д*: въ этихъ же и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ мы слышимъ мягкое *т* съ оттѣнкомъ свистящаго *с*, т. е.—*т*^{с}, какъ видно изъ только что приведеннаго выраженія, слышаннаго въ д. Чуфиловѣ, или изъ слѣдующихъ: „т^{с}ея́ бо́ля ни вида́ть, т^{с}ё́мна но́цушка ня спа́ть; но́ца т^{с}ё́мная, ту́ца hро́зная“... (пѣсня въ с. Ерахтурѣ); „зӑхат^{с}ѣ́л мой му́ш лихо́й бо́ле^{і}сти“, тамъ же. Мягкое *д* слышится съ оттѣнкомъ звука *з*: *д*^{з}; это гораздо болѣе распространенное явленіе, чѣмъ предыдущее смягченіе звука *т*; его мы слышимъ постоянно въ деревняхъ и селахъ Тумской волости, Давыдовской, Парахинской, Алексѣевской и даже въ Ерахтурской уже: „там хо́д^{з}ить, hуля́ить удало́й мало́дцык“ (пѣсня въ с. Ерахтурѣ), „па д^{з}е́сить—jіё́ сца́сья бу́дить“ (д. Шо́стья), „д'ыть о́н пӑhляд^{з}ѣ́л“; „ты пӑсабле́иш за д^{з}е́ньhи“ (д. Чуфилово), д^{з}ьвѣ́, д^{з}ѣ́ука и проч. Въ Парахинской волости (въ дд. Фоминѣ, Астаховѣ, Новенькой, въ с. Парахинѣ) рядомъ съ звукомъ *д*^{з} мы встрѣчаемъ еще большее смягченіе звука *д*, доходящее до звука *д* съ оттѣнкомъ *ж*—*д*^{ж}: ад^{ж}ё́жа̄, падд^{ж}ё́хку (поддѣвку,

вин. п. ед. ч.), ня хо́д^{ж}им—1 л. мн. ч.; и рядомъ съ этимъ—звукъ *з* тоже съ оттѣнкомъ *ж*: з^{ж}: вз^{ж}е́ли (=взя́ли), „пра кня́з^{ж}я“ и т. п. До сихъ поръ мы обратили вниманіе на выдающіяся особенности говора въ области согласныхъ звуковъ, но нельзя пройти молчаніемъ даже и въ предварительномъ, бѣгломъ описаніи выдающихся чертъ Касимовскаго говора замѣчательнаго явленія въ области гласныхъ: мѣстами (особенно въ Парахинской волости) встрѣчаются дифтонги у͡о, у͡а при извѣстныхъ условіяхъ, какъ это булетъ показано ниже. Къ области же гласныхъ относится и долгота, растянутость нѣкоторыхъ гласныхъ ударяемыхъ и неударяемыхъ, которую мы замѣтили еще и въ южной части Касимовскаго уѣзда. Эту долготу мы будемъ имѣть въ виду при дальнѣйшемъ изложеніи и обозначать ее на письмѣ.

Какъ упомянутыя выше особенности говора Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ, такъ многія другія, напр., въ области гласныхъ звуковъ, подвергающихся различнымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ положенія ихъ въ словѣ среди другихъ звуковъ или отъ ударенія, а равно, во многихъ случаяхъ, и само удареніе, кажется, достаточно имѣютъ права на вниманіе лингвиста и сами по себѣ, но сравнительное обозрѣніе этихъ особенностей съ характерными чертами другихъ южновеликорусскихъ говоровъ, а также, въ извѣстныхъ случаяхъ, и съ параллельными явленіями въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ, дастъ картину отношеній отдѣльныхъ говоровъ другъ къ другу въ ихъ исторіи.

Историческая діалектологія русскаго языка, можно сказать,—наука будущаго: до сихъ поръ мы имѣемъ лишь матеріалы для построенія этой науки, но самыя отношенія говоровъ другъ къ другу, ихъ исторія и образованія далеко еще не представляются ясными, далеко еще не подготовлено даже и въ области матеріаловъ всего, что̀ потребуется для построенія полной исторіи русскихъ говоровъ, русскаго языка, для уясненія вопросовъ, касающихся возникновенія и образованія этихъ говоровъ въ зависимости отъ историческихъ и многихъ другихъ сложныхъ причинъ и условій быта и культа.... Мы пока по необходимости должны ограничиваться тѣмъ, что лишь отмѣчаемъ самый фактъ, доступный нашему наблюденію, воздерживаясь отъ предположеній или выводовъ, для которыхъ иногда оказывается мало основаній. Но, не смотря на такое

состояніе исторической діалектологіи русскаго языка, нельзя, въ интересахъ истины, не упомянуть здѣсь о томъ, что и собранные уже матеріалы нашими учеными и любителями родного языка дали возможность сдѣлать первый, но блестящій шагъ на почвѣ исторической діалектологіи русскаго языка, на почвѣ уясненія тѣхъ прошлыхъ эпохъ жизни нашихъ нарѣчій, которыя остались далеко за нами. Мы разумѣемъ тотъ шагъ, который сдѣлалъ А. А. Шахматовъ своимъ трудомъ: „Изслѣдованія въ области русской фонетики" В. 1893 года. Мы считаемъ этотъ трудъ *единственнымъ* въ нашей ученой литературѣ по русской лингвистикѣ, гдѣ представлена серьезно-научная попытка содѣйствовать рѣшенію вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи находятся современные намъ русскіе нарѣчія и говоры къ тѣмъ нарѣчіямъ, которыя переданы намъ нашей письменной стариной; вопросъ о томъ, какъ древняя орѳографія служила цѣлямъ литературной передачи живого произношенія, какъ уяснить себѣ связь стараго русскаго языка на всемъ пространствѣ его литературнаго употребленія съ тѣми говорами, которые нынѣ доносятся до насъ изъ живыхъ устъ простого народа, словомъ, вопросы исторической діалектологіи русскаго языка впервые научно освѣщаются въ книгѣ Шахматова, и наша молодая наука уже имѣетъ въ этомъ отношеніи прочное и замѣтное начало. Стремленіе обосновать современное намъ разнообразіе русскихъ говоровъ и нарѣчій историческими данными, связать исторію народа съ исторіей его языка, представить естественную связь между жизненными процессами возникновенія и развитія обширнѣйшаго государственнаго тѣла и между духовной реакціей на эти процессы въ самой-же массѣ этого составного тѣла, реакціей со стороны языка, заставило того-же Шахматова высказать свой взглядъ и на этотъ предметъ въ только-что изданной имъ брошюрѣ: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій". В. 1894. Здѣсь мы имѣемъ оригинальную и въ высшей степени правдоподобную мысль о возникновеніи бѣлорусскаго говора и южно-великорусскаго. Все это изложено ясно и убѣдительно. Мы съ своей стороны предполагаемъ дать только новый матеріалъ, естественнымъ образомъ не принятый во вниманіе Шахматовымъ и не вошедшій въ его главный трудъ, а затѣмъ на основаніи этого новаго матеріала подвергнемъ пересмотру и вопросъ о южно-великорусскомъ нарѣчіи,

представивъ свои соображенія и догадки относительно исторіи его говоровъ, насколько эта исторія уясняется и видоизмѣняется, съ нашей точки зрѣнія, послѣ знакомства съ новыми говорами и изслѣдованія этихъ говоровъ, еще никѣмъ не описанныхъ.

Та часть Рязанской губерніи, которую я изъѣздилъ лѣтомъ 1894-го года, представляетъ изъ себя лѣсистую и довольно дикую мѣстность; нерѣдко проѣзжаешь десятки верстъ песками или лѣсомъ и болотами; крестьяне здѣсь значительно грубѣе, чѣмъ въ южной части губерніи, они рѣдко уходятъ на промыслы и большею частью живутъ постоянно на своихъ мѣстахъ, занимаясь рубкой дровъ, лыкомъ и вообще древодѣліемъ; крестьяне того края, который называется Куршею, т. е. Куршакѝ (по мѣстному названію), слывутъ даже у своихъ сосѣдей за „дроворубовъ". Къ этому краю относится Китовская волость, Ветчанская (Курша съ рѣкою того-же названія), Колесниковская; не менѣе дикая мѣстность и волость Парахинская. Женское населеніе и подавно дикое: женщины какъ-будто даже не живутъ „съ вѣкомъ наравнѣ", хотя внѣшній ихъ видъ и костюмы въ общемъ представляютъ одинъ типъ съ крестьянками южной части; здѣсь, на сѣверѣ, мы видимъ тотъ-же покрой понёвы или понявы, такой-же сарафанъ, рожки на головѣ, платки (шали), шушпаны, шушуны, онучи и обуры и проч.; лишь мѣстами (с. Шаранина) замѣчается довольно густо навѣшанное украшеніе на лбу изъ монетъ или блестокъ, а чаще—изъ бисера [1]). Говоръ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей до того своеобразенъ, что нѣсколько первыхъ моментовъ положительно съ трудомъ понимаешь рѣчь простого народа: надо вслушаться и попривыкнуть къ мѣстному произношенію; въ особенности требуется сразу большое вниманіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы слышимъ дифтонги (Парахинская волость, а также—Забѣлино, въ которомъ дифтонги находятся нынѣ въ процессѣ своего перехода просто въ *долгіе* гласные; но по единогласному признанію мѣстныхъ интеллигентныхъ жителей,—священниковъ, учителей и т. п. лицъ,—здѣсь, въ Забѣлинѣ, еще лѣтъ 30 тому назадъ можно было всюду ясно различать произношеніе: к͡уонь, Ах͡уоня и т. д.): такъ они

---

[1]) См. мой «Отчетъ о командировкѣ». Казань. 1895 г. Стр. 32—36.

поражаютъ непривычный слухъ и дѣлаютъ русскую рѣчь какой-то чужой; то-же можно сказать про долгіе гласные звуки, которые ясно слышатся въ говорѣ Касимовскаго края: эта растянутость рѣчи сообщаетъ ей какую-то особенную музыкальность, но не отрывистость, къ которой мы привыкли при нашихъ удареніяхъ, стягивающихъ всю силу гласныхъ звуковъ слова въ ударяемый гласный, который пріобрѣтаетъ свою явственность на счетъ другихъ гласныхъ, не ударяемыхъ и остающихся какъ-бы въ тѣни. Описываемая-же долгота, наоборотъ, какъ-бы ослабляетъ силу ударенія, которое не такъ рѣзко здѣсь слышится, не такъ оттѣняетъ ударяемый гласный: иногда при записи приходилось поставить даже два ударенія на одномъ словѣ: де́ня́к—де́ня̄къ = денегъ, род. п. мн. числа. Какъ самыя природныя условія этой мѣстности, такъ и говоръ жителей, по моему мнѣнію, мало даютъ намъ права на предположеніе о поздней колонизаціи этого края: культуры въ этой сторонѣ почти нѣтъ никакой, а особенности мѣстнаго говора рѣшительно возстаютъ противъ того, чтобы выводить мѣстныхъ крестьянъ изъ новгородской области,—или надо предположить, что въ старой новгородской области были говоры, о существованіи которыхъ мы ничего не знаемъ и существованія которыхъ мы не подозрѣвали. Если такъ, то, можетъ быть, именно, жителями, принадлежавшими къ этимъ говорамъ, и были заселены интересующія насъ мѣстности Рязанской губерніи...

Я лично представляю себѣ дѣло совершенно иначе: напр., я не могу допустить, чтобы дифтонги, дзеканье, *дж* вм. *д'*, *ш* вм. *с*, *ж* вм. *з*, наконецъ, своеобразное цоканье и т. п. можно было выводить изъ тѣхъ областей русскаго говора, гдѣ нынѣ не замѣчаемъ почти ни одной изъ вышеназванныхъ фонетическихъ особенностей: это дѣло, по моему, невозможное. Далѣе, не будемъ забывать, что во всемъ районѣ, гдѣ только я былъ, нѣтъ ни одного села, ни одной деревни о̀кающей, а всюду—сплошное *а̀канье*. Странно было бы допустить сохраненіе многихъ звуковыхъ особенностей въ говорѣ переселенцевъ и потерю только одной—о̀канья; да и какъ могло зайти а̀канье въ такую глушь, если здѣсь не было говоровъ, которые по своему вокализму принадлежали къ говорамъ, развившимъ у себя а̀канье? Скорѣе, кажется, можно предположить, что говоры интересующихъ насъ мѣстностей также естественнымъ путемъ развили у себя аканье, какъ и сосѣдніе окрест-

ные говоры, а прочіе фонетическіе признаки нашихъ говоровъ скорѣе указываютъ на то, что эти признаки удержались здѣсь лишь благодаря исключительнымъ условіямъ природнымъ: лѣсамъ и трудно проходимымъ въ прежнее время болотамъ, тогда какъ въ сосѣднихъ говорахъ эти же признаки мало-помалу исчезли подобно тому, какъ на нашихъ глазахъ и на нашей памяти исчезли дифтонги въ с. Забѣлинѣ послѣ того, какъ это село стало проѣзжимъ и превратилось изъ села „кисельнаго“ въ село торговое, складочное, гдѣ нынѣ построена даже пароходная пристань для пассажировъ и товаровъ. Я полагаю, что мы не будемъ очень далеки отъ истины, если теперь по поводу изслѣдуемыхъ русскихъ говоровъ припомнимъ опять то, что уже приходило на мысль покойному Колосову, когда онъ занимался русской діалектологіей. Мнѣ думается, что мы имѣемъ нѣкоторыя основанія усматривать въ жителяхъ лѣсистыхъ мѣстностей за-Окскаго края нынѣшней Рязанской губерніи потомковъ древнихъ вятичей, которые здѣсь сохранились, быть можетъ, въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ нынѣшней Вятской губерніи, гдѣ они смѣшались съ древними новгородцами... Думаю я также, что лѣтописецъ XI—XII вѣка, оставившій намъ довольно обстоятельныя и вѣрныя свѣдѣнія о славянскихъ народахъ и русскихъ племенахъ въ древнѣйшія времена, не безъ основанія повторилъ въ своей лѣтописи ходячее въ то время преданіе о ближайшемъ родствѣ вятичей съ ляхами, между тѣмъ какъ тотъ же лѣтописецъ не выводилъ новгородскихъ словенъ или кривичей изъ ляховъ. Въ лѣтописи мы читаемъ: „Радимичи бо и Вятичи отъ ляховъ. Бяста бо два брата въ лясѣхъ, Радимъ, а другий Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Вятичи“ [1]). Мѣстность поселенія вятичей, ихъ обычаи и образъ жизни также подробно и краснорѣчиво описаны нашимъ начальнымъ лѣтописцемъ [2]); это народъ грубый, дикій, первоначально сильный, непреклонный и опасный для сосѣдей и князей, но вскорѣ уступившій силѣ многочисленныхъ сосѣдей—враговъ и, вѣроятно, смѣшавшійся съ ними и частью разсѣянный по разнымъ областямъ и предѣламъ:

---

[1]) Лѣтопись по Лавр. списку. Изд. Арх. Ком. Спб. 1872. Стр. 11—12.

[2]) Ibid. Стр. 13, а также 80 (воинственность ихъ) и 392 (волость ихъ).

по крайней мѣрѣ, самое имя вятичей исчезаетъ изъ памятниковъ письменности уже въ XIII—XIV вѣкѣ. Куда они дѣлись? Такимъ образомъ, мы усматриваемъ возможность видѣть въ нынѣшнихъ жителяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Касимовскаго края потомковъ древнихъ вятичей, забившихся въ уголочекъ, оставшійся какъ-бы нетронутымъ во время междоусобій и татарскаго разгрома. Слыша говоръ этихъ жителей, ихъ дзёканье и твердое цоканье, невольно припоминаешь преданіе о родствѣ вятичей съ ляхами.. Замѣчательно, что въ самомъ центрѣ этого глухого края, въ Куршинскомъ краю, среди „куршаковъ", есть село *Ветча̀ны*, произн. *Вятча̀ны* (на волостномъ правленіи написано черезъ *ѣ*: „Вѣтчанское волостное правленіе") [1]). Это географическое названіе намъ тоже говоритъ о себѣ кое-что.

Далѣе, если позволительно говорить, что вятичи въ древности населяли нынѣшнія губерніи: Калужскую, Орловскую, Тульскую, Московскую и Смоленскую, то тѣмъ болѣе позволительно усматривать вятичей въ нынѣшней Рязанской губерніи, такъ какъ, по лѣтописи, „Вятъко сѣде съ родомъ своимъ *по Оцѣ*, отъ негоже прозвашася Вятичи". Такимъ образомъ, Ока, дѣйствительно, служитъ какъ-бы естественной границей говоровъ, которые въ силу своей исторіи обособились другъ отъ друга въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ. Рѣчная система Оки, Волги и Камы была, конечно, естественнымъ путемъ колонизаціи народовъ, а потому съ этой стороны является возможность усматривать потомковъ вятичей и въ нынѣшней Вятской губерніи. Подробное сравненіе фонетическихъ особенностей нынѣшняго вятскаго говора, насколько онъ намъ извѣстенъ, съ особенностями изслѣдуемыхъ говоровъ въ Рязанской губерніи должно выставить на видъ тѣ сходныя черты въ томъ и въ другихъ, которыя исключаютъ всякую возможность предположенія какого-либо *случайнаго* сходства между этими говорами. Здѣсь я позволю себѣ напомнить читателямъ то, что говорилъ Колосовъ о вятскомъ говорѣ, который вмѣстѣ съ новгородскимъ говоромъ былъ предметомъ его изслѣдованій и личныхъ наблюденій.

Колосовъ говоритъ: „Рѣчь вятчанъ не больше, какъ *говоръ*. Но если говоръ, то *какого* нарѣчія?... Сколько мнѣ извѣ-

[1]) Мой «Отчетъ». Стр. 36.

стно, всѣ признаютъ вятчанъ потомками новгородскихъ выселенцевъ. Такъ-ли это? Вѣрно-ли, что вятчане говорятъ новгородскимъ нарѣчіемъ?... Мы знаемъ особенности древняго новгородскаго нарѣчія по памятникамъ, начиная съ XI вѣка, но не имѣемъ никакого понятія о языкѣ многихъ другихъ русскихъ племенъ эпохи основанія Хлынова (въ 1174 г.; съ 1781 г.—Вятка) и болѣе древней.... Не знаю, высказывалъ-ли кто и когда мысль о томъ, что вятичи колонизировали вятскій край. Мнѣ такая мысль не только не кажется странною, но—напротивъ—я готовъ признать ее вѣроятною. Доводы въ ея пользу, конечно, будутъ шатки, доказать ее съ очевидностью несомнѣнной истины нѣтъ возможности, но также трудно ее рѣшительно и опровергнуть“.... „Нельзя не обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ нынѣшней Калужской губерніи, въ области, слѣдовательно, Оки, гдѣ нѣкогда жили Вятичи, есть селеніе Вятское, *Вятчина* ... И не случайность же условила тожество топографическихъ названій въ мѣстностяхъ, настолько одна отъ другой отдаленныхъ, какъ губерніи Калужская и Вятская“ [1]). На подобныя мысли навело Колосова то обстоятельство, что онъ замѣтилъ существенную разницу между говоромъ новгородскимъ и вятскимъ, хотя замѣтилъ и нѣкоторое сходство между ними, но надо имѣть въ виду, что Колосовъ изслѣдовалъ только сѣверно-великорусское нарѣчіе, а въ странѣ древнихъ вятичей онъ наблюденій тогда не дѣлалъ. Слѣдовательно, онъ могъ при сравненіи новгородскаго и вятскаго говоровъ придти къ заключенію отрицательнаго характера, что, молъ, вятскій говоръ не есть новгородскій. Интересно, къ какому заключенію пришелъ бы онъ, производя наблюденія надъ рѣчью народа въ странѣ древнихъ вятичей? Иначе говоря, интересно было бы послѣ наблюденій, напр., въ Рязанской губерніи въ Касимовскомъ краю сдѣлать одному и тому-же лицу наблюденія свои надъ рѣчью народа въ Вятской губерніи, въ вятскомъ краю. Чрезвычайно важное значеніе имѣетъ слуховое впечатлѣніе при наблюденіяхъ надъ

---

[1]) Колосовъ. Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣв.-влкр. нарѣчія. Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. Т. XVII. 1877 г. Стр. 213. 214. 215. 216. О сходствѣ вятскаго говора съ новгородскимъ и о различіи—стр. 217.

рѣчью: тѣ измѣненія звуковъ, въ особенности гласныхъ, которыя кажутся иногда невѣроятными при теоретическихъ построеніяхъ, уясняются въ то время, когда слышишь переходные звуковые оттѣнки въ живой рѣчи....

Итакъ, я расположу свое описаніе говоровъ по особенностямъ въ области согласныхъ звуковъ: I. Говоры не цокающіе. II. Говоры цокающіе. III. Говоры цокающіе и чёкающіе[1]). Начну однако съ описанія вокализма нашихъ говоровъ.

Считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ о своей транскрипціи, принятой мною въ этомъ трудѣ для передачи народнаго произношенія. Вообще, я старался быть возможно послѣдовательнымъ и точнымъ, но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ народное произношеніе могло быть точно передано обыкновенными нашими буквенными знаками, я не считаю для себя обязательнымъ держаться строго фонетической транскрипціи, чтобы не пестрить текста различными значками. Съ этою цѣлью я часто пишу букву *ѣ* тамъ, гдѣ она имѣетъ подъ удареніемъ литературное произношеніе, букву *й*—послѣ гласныхъ; *ъ* и *ь* между согласными ставлю только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ближе* опредѣлить гласный звукъ я не могъ своимъ слухомъ, но тамъ, гдѣ явственно звучалъ извѣстный оттѣнокъ гласнаго, обыкновенно въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго, я обозначалъ этотъ оттѣнокъ соотвѣтствующей буквой, однако со знакомъ краткости (˘) надъ нею, и въ этомъ отношеніи расхожусь съ Богородицкимъ относительно его транскрипціи, такъ какъ не всѣ гласные, удаленные отъ ударяемаго, звучатъ въ нашихъ говорахъ одинаково неопредѣленно, а равно не обозначаю этихъ гласныхъ и точками сверху, какъ дѣлаетъ Шахматовъ. Такимъ образомъ, знаки: *ӑ*, *ŏ*, *й*, *ы̆* и проч. въ моей транскрипціи означаютъ всетаки болѣе или менѣе ясные звуки: *а*, *о*, *и*, *ы*, хотя и не такіе ясные, какъ въ слогахъ ударяемыхъ или непосредственно предшествующихъ ударяемому. Далѣе, я употребляю знаки: *а*[е], *е*[а], *е*[і] тамъ, гдѣ слышится открытость или закрытость звука, но гдѣ не произошло полнаго перехода одного гласнаго въ другой. Знаки: ç, ѕ, ѕ, *т*[с], *ч*[ц] и проч. для выраженія оттѣнковъ согласнаго произношенія звуковъ объяснены мною въ соотвѣт-

[1]) Я предпочитаю этотъ терминъ странному, на мой взглядъ, термину: «чваканье».

ственныхъ мѣстахъ текста, въ примѣчаніяхъ подъ строкой. Знакъ ъ въ большинствѣ случаевъ служитъ для выраженія неопредѣленнаго гласнаго, очень близкаго къ очень краткому звуку *i*, а знакъ мягкости согласнаго въ большинствѣ случаевъ обозначается мною *апострофомъ* надъ этой мягкой согласной; мягкость согласныхъ не обозначена лишь тамъ, гдѣ она соотвѣтствуетъ мягкости въ литературномъ (московскомъ) произношеніи. Знакъ ç обозначаетъ *всегда мягкій* звукъ. Суффиксъ прилагательныхъ—*ъск*, — смягчая предшествующую согласную, мною такъ и изображался въ транскрипціи народнаго произношенія въ изслѣдуемыхъ говорахъ Касимовскаго уѣзда, такъ что въ этомъ случаѣ знакъ ъ есть знакъ смягченія предшествующей согласной.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВЪ НАРОДНЫХЪ ГОВОРОВЪ ВЪ КАСИМОВСКОМЪ УѢЗДѢ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Глава I-ая.

Долгіе гласные.

Въ изслѣдуемыхъ мною говорахъ Касимовскаго уѣзда (и въ прилежащихъ частяхъ Спасскаго уѣзда) ясно слышатся *долгіе* гласные звуки: а, е, о, и, у, ы. Долгота этихъ звуковъ бываетъ *ударяемой* и *неударяемой*, въ *открытыхъ* слогахъ и въ *закрытыхъ*. Насколько я могъ замѣтить, долгота эта вообще не обязательна, такъ что одно и то-же слово въ одной и той-же формѣ звучитъ то съ долгой гласной, т. е. съ гласной протяжной, то съ краткой, обыкновенной, но чаще всего и почти какъ правило гласная бываетъ долгой *въ конечномъ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго*.

Примѣры, въ которыхъ слышались мнѣ долгіе гласные, можно сгруппировать слѣдующимъ образомъ: 1) долгій гласный звукъ *а* въ открытомъ и закрытомъ слогѣ подъ удареніемъ: *въ именахъ прилагательныхъ* краткой и полной формы женскаго рода имен. пад. ед. числа; *въ настоящемъ времени глаголовъ* стяженныхъ, въ формахъ, гдѣ звукъ *á* получается изъ стяженія группы—áie.—Напр., друγā́ у жы̆нихá (вечеринка)—с. Ерахтуръ; избá бальшā́ бывáе'ть—с. Шостья; мóтăльнăя какā́-та (фабрика)—с. Гусевской Погостъ; пăгавóрка

така́-та — Уланова Гора; как бальша̄я като́ра̄ изба — Шостья и друг. Въ глагольныхъ формахъ: угада́т — 3 ед. — Данево; быва́т — 3 ед. — Гусевской Погостъ; Забѣлино; э́та сафсе́м ра̄з-мака́т — 3 ед. — Забѣлино; фсяло́ на́ша въяж'ж'а́ш — 2 ед. — с. Китово. 2) Долгій гласный звукъ *а* въ открытомъ конечномъ слогѣ не подъ удареніемъ: *въ нарѣчіяхъ*, гдѣ это *а* изъ *о* или *е* по закону акающихъ говоровъ: там ти́ха̄, сми́рна̄ — Ерахтуръ; уш пло́ха̄, во́ску-ту мно̄ʏа̄ — Нармушадь; До́лʏа̄ п'а̄днаму́ — Катово, Тумскій край; вить, жа́лка̄ — Расторгуево, ibid.; шли хо́тка̄ — Логино, ibid.; и мн. др. Также долгое *а* встрѣтилось намъ въ означенномъ положеніи въ словѣ Ур'а́ᵉдйна̄ = Урядино (названіе села Китовской волости). Далѣе, *въ именахъ прилагательныхъ* женскаго и средняго рода краткой формы, причемъ въ послѣднихъ звукъ *а* изъ *о* по закону акающихъ говоровъ: неⁱ леⁱни́ва̄ мо́жйть два на́пр'аᵉдѐть — Шостья; как бальша̄я като́ра̄ изба — ib.; Шо́стиньска̄ (= Шостьинская; на вопросъ: „ты откуда“?) — ib.; ли́па̄ва̄ кара́ — Ломъ; Ула́ньска̄ баба — Уланова Гора; вот кака́я ме́лёнька̄ (рыба) — д. Китово; Уря́диньска̄ — Урядино; ка́жна̄ время — Ерахтуръ; и бе́ла̄ ткём и си́н'а̄ — Шостья. Также въ словѣ: ны́н'а̄ (= нынѣ) — Забѣлино. Долгій гласный а̄ въ открытомъ слогѣ *не конечномъ* и не подъ удареніемъ имѣется въ слѣдующемъ примѣрѣ: Ми́ла̄я, Бо́ʏ-ба ни́ забы̄л! — Зубово Кас. у. 3) Долгій гласный звукъ *а* въ закрытомъ конечномъ слогѣ не подъ удареніемъ: *въ именахъ прилагательныхъ* членныхъ въ им. пад. ед. ч. муж. рода въ окончаніи — *а̄й* изъ — *ый* черезъ — *ой*; *въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ* женскаго рода съ основой на — *а* въ косвенныхъ падежахъ, гдѣ является окончаніе — *ай* изъ — *ой* (= ою, оѣ, ои), т. е. въ творит. падежѣ ед. ч. именъ существительныхъ, въ род., дат., твор., мѣстномъ падежахъ именъ прилагательныхъ; *въ именахъ существительныхъ* муж. рода въ окончаніи род. падежа множ. числа — *овъ*, откуда въ нашихъ говорахъ — *а̄ф*, — *а̄ў* черезъ — *ав*; *въ именахъ прилагательныхъ* притяжательныхъ въ суффиксѣ — *овъ* (— *евъ*), откуда наше: — *а̄ф*, — *'а̄ф*, — *а̄ў*, — *'а̄ў* въ именит. пад. ед. ч. муж. рода; *въ именахъ прилагательныхъ* въ род. мѣстн. падежахъ множ. числа вмѣсто окончанія — *ыхъ* (— *ихъ*), откуда наше — *а̄х*, — *'а̄х*; *въ именахъ существительныхъ и при-*

лагательныхъ въ суффиксѣ—*ок* (—*ък*),—*ен* (—*ьн*), когда этими суффиксами оканчивается форма, откуда наше—*āк*,—*'āн*; *въ именахъ существительныхъ* односложныхъ (бывшей основы на—*о*) муж. рода съ кореннымъ гласнымъ *о*, если эти существительныя передаютъ свое удареніе предлогу или префиксу, образуя съ послѣднимъ двусложное слово; *въ именахъ существительныхъ* муж. рода полногласнаго типа—*оло*—съ неударяемымъ вторымъ *о*, которое въ нашихъ говорахъ превращается въ *ā*; въ окончаніи твор. и мѣстн. п. ед. ч. *именъ существительныхъ* и *прилагательныхъ*—*омъ*,—*емъ*, откуда наше:—*ам*,—*'ам*; вообще въ формахъ *именъ существительныхъ* и *глаголовъ* съ неударяемыми звуками *о*, *е* разнаго происхожденія въ положеніи ихъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ, гдѣ въ такомъ случаѣ появляется въ нашихъ говорахъ на мѣстѣ неударяемыхъ *о*, *е*—*ā*, *'ā*; *въ словѣ „девять“*, гдѣ звукъ *я* (*'а*) звучитъ долго; наконецъ, *въ глагольныхъ формахъ* настоящаго времени и тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ этимологическое окончаніе—*ешь*,—*етъ*,—*емъ*, откуда наши: *'āш*,—*'āт*,—*'āм* съ неударяемымъ звукомъ *'а* долгимъ. Кромѣ этого всего, долгое неударяемое *ā* въ конечномъ закрытомъ слогѣ слышалось нами *въ мѣстномъ падежѣ мн. ч. именъ сущ. женскаго рода* на *а*, въ окончаніи—*ахъ*. Примѣры: a) И jaᵉзы́к ста́л пёстрāй—с. Новый Киструсъ Спас. у.; деⁱшо́вāй—Забѣлино Касим. у.; во́от, ради́мāй, травӯ по́л'āм—1 л. мн. ч.—с. Китово Касим. у.; Ибр₀дускāй = Ибердусовскій отъ с. Ибердусъ—ibid.: ты, мой садо́вāй, меⁱня́ ту́т дёржыш—Чарусъ, Касим. у.; пья́нāй, тък ни вино́вāн—Бычково Касим у.; бѣ́лāй—село Ижевское Спас. у.; лѣ́тъшнāй γот—Вы́жлисъ (по картѣ: Выжелѣсъ) Спас. у.; γарѣ́лāй лѣ́с—Воскресенское, Спасск. у.; са́мāй γало́днāй γо́т—ib, дявя́тāй—Ерахтуръ Касим. у; ка́жнāй,—беⁱрёзъвāй, суко́ннāй (хала́т), хрёснāй, дре́внāй—Нармушадь ib; бѣ́днāй, пе́рьвāй, насты́лāй, рѣ́ткāй, сцысли́вāй, дубо́вāй, ми́лāй—Шостья ib.; глубо́кāй—Ломъ ibid.; двухъэта́жнāй—Гусевской Погостъ ibid.; хво́рāй, ру́ськāй—ibid.; харо́шāй—Уланова Гора ib.; жылѣ́знāй—Дмитріево ib.; ни жана́тāй—Бѣльково ib.; цо́рнāй хлѣ́п—Китово ib.; де́нь ма́йшькāй—Ивановское ibid. и мн. др.—b) С пăлави́нāй—Шостья; у э́тāй—ibid.; Акси́ньяй—Горы; с ры́бāй—сухо́й день—Расторгуево („Ăстарγо́ва“)—ib.; c)—aрѣ́хāх нада?—Бѣлясево

Касим. у.; d) Хвадéй Кандрáтьяф—Горы; Пéтр Пáулӑу—Чуфилово; е) пять цалкóва̄х—с. Китово; грыбóва̄х—род. пад. мн. ч.—д. Борисково (Ветчан. волости); свѣжй̆нька̄х—род. п. мн. ч.—Малахово; f)—слúва̄к—род. п. мн. ч.—Гусевской Погостъ; грúвя̄н—Бѣльково; ни винóвя̄н—Бычково; х Тýмеа шэзь урúвя̄н—Зубово; g)—ни хватáит нá га̄т хлѣ́ба—Ветчаны; вы́ва̄д—Рогачево; h)—хóла̄д да даж'ж'й̆—Рогачево; сóла̄д—Шаранина; i) Нинúла пéть лѣ́т зáмъжа̄м—Рогачево; х пья́на̄м вúди—Бычково; k)—пóмя̄р—Семеино; свéка̄р—Расторгуево; царя́-та рýпь сóра̄к—ibid.; l)—из мѣ́ры кары́т дéвять—Забѣлино; (м. б., непосредственно изъ формы *дéветь); m)—фсѣ́ сéмьдеiсят бýдя̄т—3 л. ед. ч.—Бѣльково; сѣ́я̄ш—2 л. ед. ч.—ibid.; травý пóля̄м—1 л. мн. ч.—с. Китово; нъкалóтя̄ш—2 л. ед. ч.—с. Китово; (такіе примѣры, гдѣ касим.—'а̄ш—2 л. ед. ч.—восходитъ къ основному старосл.—иши,—вообще въ нашихъ говорахъ встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ формы съ—'а̄ш изъ—еши, и объясняются, вѣроятно, аналогіей къ *обычнымъ* формамъ на—'а̄ш,—а̄ш (или—'аш,—аш). Сравните: ювр. любя, хóдя, нóся.... 3 л. ед. ч.—вмѣсто ожидаемаго: люби, хóди, нóси—и: лю́бють, хóдють, нóсють—3 л. мн. ч., какъ будто отъ глаголовъ такъ называемаго I-го спряженія). Далѣе примѣры: ни пъкупáя̄м—1 л. мн. ч.—дер. Китово; мóца̄м, стéля̄м—1 л. мн. ч.—Чарусъ; ни напúша̄ш—2 л. ед. ч.—Давыдово; ня стáня̄ш—2 л. ед. ч.—ibidem. и мн. другихъ. Наконецъ,—n)—в дѣ́фка̄х-та̄—Бѣльково Касим. у.

Долгій звукъ е слышится намъ также только въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ: *подъ удареніемъ:* въ словѣ: нéт—с. Ивановское Касим. у., гдѣ это слово произносили всегда скорѣе въ два слога, чѣмъ въ одинъ: нéэт, и въ глагольныхъ формахъ 2-го, 3-го лицъ ед. ч. и 1-го лица мн. ч. наст. вр., гдѣ ударяемое долгое *е* изъ стяженія—*ѣе*. Напр., умѣ́ш, умѣ́т, умѣ́м. *Въ неударяемомъ слогѣ* въ глагольныхъ формахъ 2-го лица ед. числа наст. времени на—*ешь*: сéтъки слýшаје̄ш—2 л. ед. ч.—Бѣльково.

Долгій звукъ о извѣстенъ только подъ удареніемъ: *въ открытыхъ слогахъ въ срединѣ слова*, напр., ýльи-ти тṓжа—Нармушадь; вóску-ту мнóуа̄—ib.; деiшṓва̄й—Забѣлино; нá̆калṓтяш—2 л. ед. ч.—Китово; свéка̄р харṓшай цы́лаэк—Рас-

торгуево; *въ закрытыхъ слогахъ въ концѣ слова*, напр.,—ну, нябо̄сь, ку́пют!—с. Шаранина; во́т, радимāй! (здѣсь прямо слышалось два слога: вóот).—Китово.

Долгій звукъ и извѣстенъ въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ: въ ударяемыхъ, кромѣ того, *въ открытомъ* слогѣ: таки́-ти бе[і]зымёнки тку́тца—Ерахтуръ Касим. у.; и *въ закрытомъ:* хлѣп у нáс радӣтцы̄—Гусевской Заводъ (принадлежитъ въ административномъ отношеніи уже Владимирской губерніи); хто малӣтцы—3 ед.—Ивановское Касим. у. Въ неударяемыхъ слогахъ, въ конечномъ открытомъ слогѣ: бáркӣ? (въ вопросѣ)—Гусевской Погостъ Касим. у.

Долгій звукъ у слышался только въ открытыхъ слогахъ въ положеніи подъ удареніемъ и не подъ удареніемъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ только въ конечныхъ слогахъ; *ударяемое* *ӯ*: Ду́шӯ, звы̄ш, стáла быть, атрѣ́зāли—Выжлисъ Спас. у.; сётъки слу́шаjёш—2 л. ед. ч.—Бѣльково; травӯ по́лям—1 л. мн. ч.—Китово; ну, нябо̄сь, ку́пют!—с. Шаранина. *Неударяемое* *ӯ*: ду́шӯ—Выжлисъ (см. выше); го́лāсӯ нѣ́ту—Уланова Гора Касим. у.; съ цы́м jе[і]ди́м—тӯ?—д. Китово; нá вāдӯ онá набѣ́лӣтцыть—Чарусъ; кáк зāтирājе[і]м-тӯ?—ibidem.

Долгій звукъ ы бываетъ въ нашихъ говорахъ ударяемымъ и неударяемымъ, въ *конечныхъ* открытыхъ и закрытыхъ слогахъ. *Ударяемый конечный закрытый слогъ* съ *ы̄:* мӣлāя, Бо́ўба нӣ забы́л!—Зубово Касим. у. *Неударяемый конечный закрытый слогъ* съ *ы̄*: замāцы̄м—1 л. мн. ч.—(=замáчиваемъ)—Акулово Касим. у. *Ударяемый конечный открытый слогъ* съ *ы̄*: ў цужы̄ люди (въ пѣснѣ)—Ерахтуръ; *неударяемый конечный открытый слогъ* съ *ы̄:* хлѣп у нáс радӣтцы̄—Гусевской Заводъ; и друг.

Такимъ образомъ, въ нашихъ говорахъ Касимовскаго уѣзда извѣстны долгіе гласные звуки: *а*, *е*, *о*, *и*, *у*, *ы*. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, эти звуки являются въ разнообразныхъ положеніяхъ: то въ ударяемыхъ слогахъ, то въ неударяемыхъ, то въ закрытыхъ, то въ открытыхъ, то въ конечныхъ, то въ серединѣ словъ, но нельзя сказать (и это особенно ясно будетъ видно въ дальнѣйшемъ обозрѣніи вока-

лизма нашихъ говоровъ), чтобы долгіе гласные здѣсь были обязательны: тѣ-же самые звуки въ такихъ-же положеніяхъ извѣстны и безъ долготы; кромѣ того, во многихъ изъ приведенныхъ примѣровъ долгіе гласные показаны нами въ вопросительныхъ предложеніяхъ, слѣдовательно, въ нихъ долгота гласныхъ можетъ быть обусловлена самой интонаціей, но все-таки и по приведеннымъ примѣрамъ ясно видно, что долгота гласныхъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ вообще не совпадаетъ съ долготой реторическаго характера нашего литературнаго языка. Можно положительно сказать, что звукъ *а* въ нашихъ говорахъ чаще всего бываетъ долгимъ, какъ видно изъ примѣровъ, и эта долгота звука *а* особенно замѣтна въ конечныхъ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ. Такъ какъ вообще качество долготы нашихъ говоровъ обращаетъ на себя вниманіе, останавливаетъ на себѣ слухъ наблюдателя, заѣзжаго въ Касимовскомъ уѣздѣ, то мы и сочли необходимымъ перечислить всѣ тѣ случаи, гдѣ эти долгіе гласные поразили нашъ слухъ. Оказалось возможнымъ формулировать *точно* только случаи употребленія *долгаго а*, прочіе-же случаи довольно трудно обобщить въ виду малочисленности самихъ примѣровъ, слышанныхъ нами, съ другими долгими гласными. Изъ этого, конечно, можно заключить, что звукъ *а* нашихъ говоровъ занимаетъ исключительное положеніе, а количество случаевъ *долгаго а* въ закрытыхъ слогахъ даетъ намъ право отмѣтить какую-то связь между долготой звука *а* и положеніемъ его въ закрытомъ слогѣ. Ниже мы представимъ посильныя объясненія этого явленія въ связи съ явленіями долготы гласныхъ въ другихъ русскихъ говорахъ, а теперь перейдемъ къ дальнѣйшей характеристикѣ Касимовскихъ говоровъ.

Глава II-ая.

Дифтонги.

Въ глубинѣ Касимовскаго уѣзда, въ Китовской волости, а также въ говорѣ с. Ярыгина (на р. Сынтулѣ) и вообще на сѣверѣ извѣстны *дифтонги*. На сѣверѣ Касимовскаго уѣзда есть село Парахино, составляющее вмѣстѣ съ прилегающими къ нему деревнями Парахинскую волость; сюда входятъ деревни: Фомино, Залѣсье, Новая, Астахово (на картѣ: Астафьево), говоръ которыхъ я и записывалъ. Говоръ этой волости особенно поражаетъ слухъ наблюдателя своими дифтонгами. Кромѣ этихъ мѣстностей, я не встрѣтилъ больше нигдѣ дифтонговъ, хотя старожилы и уроженцы Касимовскаго края увѣряли меня, что на ихъ памяти и въ Погостинской волости (д. Забѣлино) говорили *такъ-же*, какъ нынѣ говорятъ въ Парахинской волости, но самъ я въ д. Забѣлинѣ уже не слышалъ дифтонговъ.

Въ говорѣ Парахинской волости нынѣ извѣстны слѣдующіе дифтонги (дифтонгическія сочетанія): $\widehat{\text{уо}}$ и $\widehat{\text{іе}}$. Первый изъ этихъ дифтонговъ въ большинствѣ случаевъ слышится съ бо̀льшей ясностью *въ первой своей части*, т. е. перевѣсъ въ произношеніи дифтонга $\widehat{\text{уо}}$ слышится на звукѣ *у*; это бываетъ однако только въ томъ случаѣ, когда дифтонгъ имѣетъ на себѣ удареніе, *въ случаѣ ударяемости дифтонга* $\widehat{\text{у́о}}$; но, такъ какъ этотъ дифтонгъ чаще всего слышится *въ неударяемыхъ слогахъ* вообще, то мы и будемъ говорить сперва о слогахъ неударяемыхъ. Говоръ Парахинской волости характеризуется употребленіемъ дифтонга $\widehat{\text{уо}}$, именно, въ неударяемыхъ слогахъ, и въ этомъ положеніи дифтонгъ $\widehat{\text{уо}}$ отличается отъ ударяемаго дифтонга $\widehat{\text{у́о}}$ тѣмъ, что *при отсутствіи на немъ ударенія въ немъ слышится съ бо̀льшей ясностью второй его элементъ*, т. е. перевѣсъ произношенія получается на звукѣ *о*. Такое произношеніе ($\widehat{\text{уо̀}}$) есть произношеніе *обычное* въ говорѣ Парахинской волости [1]. Впрочемъ, *иногда и ударяемый* дифтонгъ $\widehat{\text{уо}}$

---

[1]) Въ говорѣ Китовской волости (въ центральной части уѣзда), а также въ говорѣ с. Ярыгина (на сѣверѣ уѣзда) мнѣ слышался скорѣе дифтонгъ

слышался намъ съ перевѣсомъ въ произношеніи *на второй* своей части, т. е. на звукѣ *о*.

Вообще, мнѣ довольно трудно было услѣдить перевѣсъ произношенія на составныхъ элементахъ этого дифтонга: слышалось то у͡о, то у͡ó у разныхъ лицъ; но дифтонгъ самъ по себѣ, т. е. *два* звука—у͡о,—замѣтны были сразу. Въ приводимыхъ ниже примѣрахъ мы будемъ, въ случаѣ неударяемости дифтонга у͡о, ставить на словѣ два ударенія:—одно этимологическое, т. е. то удареніе, съ которымъ данное слово извѣстно въ говорѣ, другое—акустическое, такъ сказать, т. е. то удареніе, которое намъ слышалось на болѣе ясной части дифтонга у͡о.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что дифтонгъ у͡о въ говорѣ Парахинской волости извѣстенъ на мѣстѣ этимологическаго (основного) звука *о* въ закрытыхъ и открытыхъ слогахъ, ударяемыхъ и неударяемыхъ, и на мѣстѣ этимологическаго звука *у* (старосл. ѫ) также въ закрытыхъ и открытыхъ слогахъ, ударяемыхъ и неударяемыхъ. Далѣе, этотъ-же дифтонгъ является здѣсь вмѣсто *у* (*ю*) и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этимологическимъ (основнымъ) звукомъ служитъ звукъ *я* (*'а*)—старосл. ѧ, т. е., именно, въ формахъ глагола въ 3 л. множ. числа наст. времени глаголовъ такъ называемаго 2-го спряженія, если эти формы не имѣютъ ударенія на личномъ окончаніи и въ народномъ говорѣ перешли изъ формъ 2-го спряженія въ формы 1-го спряженія. Наконецъ, дифтонгъ у͡о извѣстенъ и въ формахъ 3-го лица единств. числа наст. времени на мѣстѣ этимологическаго (основного) звука *е* или *и* передъ личнымъ окончаніемъ.

I. *Дифтонгъ у͡о изъ о въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ:* другóй гó͡^{у}от, хтару͡óй (=второй), дамó͡^{у}ой—Парахино; ру͡óгӑт ня нóс'у͡от = роговъ не носятъ (на головѣ) — ibidem. [1]).

о͡о съ первымъ закрытымъ звукомъ *о*—*о*^{у}, т. е. *о͡^{у}о*, чѣмъ ясное *у͡о*; иногда подобнымъ образомъ говорили и въ Парахинѣ. См. примѣры.

[1]) Относительно род. падежа множ. числа «рогъ» срв. пословицу: «Бодливой коровѣ Богъ *рогъ* не даетъ».

Руо̑к = рогъ, им. пад. ед. ч.—Парахино; за табуо̑й—ib.; зимуо̑й-ту ўули-ти вязўть—д. Китово [1]).

II. *Дифтонгъ уо̑ изъ о въ открытомъ ударяемомъ слогѣ*: вӗрст со̆^у^рак—Ярыгино, ўоба папа́ бранять (въ пѣсни)—с. Китово; Хӑмину̑о (=Фомино)—Фомино; ницау̑о (если это изъ „ницао́“, а не изъ „ницаво́“. Произношеніе *ницао́* въ Касим. уѣздѣ извѣстно такъ-же часто, какъ и произношеніе *ницаво́*). Он дълякуо̑, ни аднуо̑ (=ни одно́)—Парахино.

III. *Дифтонгъ уо изъ у въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ*: а яму́ ани́ даjуо̑т—3 л. мн. ч.—Парахино.

Замѣтимъ, что въ Парахинской волости формы 3-го лица множ. ч. глаголовъ наст. времени при *ударяемомъ* окончаніи—*у́тъ,—ютъ* слышатся вообще *довольно рѣдко* съ дифтонгомъ: при „даjуо̑т“ мы имѣемъ: „арю́т“—3 л. мн. ч. (=ору́тъ)—Парахино. Совсѣмъ другое наблюдается въ неударяемомъ слогѣ, какъ увидимъ ниже.

IV. *Дифтонгъ уо̑ изъ у въ открытомъ ударяемомъ слогѣ*: не встрѣтился.

V. *Дифтонгъ уо̑ изъ у въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ*: драўа́ рѣ́жуо̑т (мужики)—3 л. мн. ч.—Фомино; пля́шуо̑т—3 л. мн. ч.,—ib.; при́дуо̑т—3 л. мн. ч.; игра́jуо̑т, но́с'уо̑т, ӑбува́jуо̑т, быва́jуо̑т, про́ç'уо̑т [2]), зна́jуо̑т, рабо́тӑjуо̑т, нађѣ́нуо̑т [3]), сы́п'уо̑т, запу́с'т'уо̑т, пло́т'ницуо̑т и мн. др.—Парахино, Фомино, Астахово, Ахматово. (См. Приложенія). Здѣсь вездѣ мы имѣемъ формы 3 лица множ. числа.

---

[1]) Обратите вниманіе на членъ:—*ту* и—*ти* въ этомъ примѣрѣ; изъ перваго члена обнаруживается *преобладаніе перваго гласнаго въ дифтонгѣ* уо̑ въ словѣ: зимуо̑й.

[2]) Буквой ç мы означаемъ звукъ *с* съ шипящимъ оттѣнкомъ или *ш* съ свистящимъ оттѣнкомъ, почти *ш*, звукъ, постоянно встрѣчаемый въ Касим. говорахъ. Этотъ звукъ *всегда мягкій*. Сравни нашъ «Отчетъ». Стр. 37.

[3]) Буквой ђ мы означаемъ звукъ *дж*, произносимый какъ *д* съ оттѣнкомъ *ж*.

VI. *Дифтонгъ у͡о изъ у въ открытомъ неударяемомъ слогѣ*: нѣту͡о, присѣ́с'ть на тра́хку͡о (=на травку)—Парахино; „ӑставля́й сваю́ нѣ́шку͡о у ма́тёре^а" (=нѣжку, нѣгу: въ свадьбишной пѣснѣ, когда расплетаютъ косу; пѣсня передавалась говоркомъ, потомъ пѣлась).—Парахино; на шыро́кўю ўлицу͡о—ibid.; асьму́шку͡о при́няс'ли́ виньца́—Фомино; харо́шўо—винит. падежъ единств. числа женск. рода краткаго прилагательнаго; пъвяду́т нивѣ́сту͡о—ibid.; ска́жу͡о—1 л. ед. ч.=скажу́—ib.; ѕѣвицу͡о [1])—вин. пад. ед. ч.—ib. и мн. друг.

Наконецъ, VII. *Дифтонгъ у͡о* въ нашихъ говорахъ появляется *въ формахъ 3-го лица единственнаго* числа, а не множественнаго, *въ наст. времени* глаголовъ I-го и II-го спряженія, т. е. на мѣстѣ тематическаго звука *е* и *и* передъ личнымъ окончаніемъ—*тъ*. Примѣры: игра́jу͡от наро́т, ту́т пріѣ́д'у͡от дру́шка—Фомино; на Ма́льцаў хо́jу͡от=на Мальцевъ (заводъ) ходитъ (мужъ)—Парахино; каку́ю взду́мӑjу͡от—ib. (См. Приложенія).

Какъ видимъ, здѣсь дифтонгъ *у͡о является въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ*. Дифтонга у͡о въ другомъ положеніи въ формахъ 3-го лица ед. числа наст. времени, напр., въ открытомъ слогѣ ударяемомъ и неударяемомъ (открытый слогъ могъ бы получиться при отсутствіи личнаго окончанія—*тъ* или—*ть*; срв. формы: игра́я, бу́дя, хо́дя и проч. на югѣ Ряз. губерніи и здѣсь—ниже), а также въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ мы не встрѣтили.

Подводя итогъ всему сказанному въ этой главѣ о дифтонгѣ *у͡о* въ нашихъ говорахъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Въ говорахъ Касимовскаго уѣзда дифтонгъ *у͡о* (о͡ᵘо) извѣстенъ намъ въ пяти различныхъ положеніяхъ (VII-ой пунктъ пока оставляемъ): *въ закрытомъ и открытомъ ударяемомъ слогѣ, конечномъ и серединномъ, вмѣсто звука о другихъ русскихъ говоровъ*, а также вмѣсто звука *о* литературнаго русскаго нарѣчія и старославянскаго, слѣдовательно, вмѣсто зву-

---

[1]) Буквой ѕ (зѣло) означается звукъ *д* съ оттѣнкомъ *з*: *дз*.

ка *о* основного. Далѣе: *въ закрытомъ ударяемомъ слогѣ, въ закрытомъ и открытомъ неударяемомъ слогѣ, только конечномъ, вмѣсто звука у другихъ русскихъ говоровъ* (старосл. ѫ, но: нѣту͡о—Парахино, выше). Принимая во вниманіе далѣе, что въ народныхъ говорахъ вообще замѣчается переходъ глаголовъ изъ II-го спряженія въ I-ое въ формахъ наст. времени, мы можемъ объяснить себѣ вышеприведенную форму 3 л. ед. ч. „хóју͡от" (=ходитъ), какъ происшедшую чрезъ посредство формы *ходетъ (или б. м. отсюда—*хóдётъ); сравни: хóдя, лю́бя, нóся, вóзя и проч. на югѣ Ряз. губ. и въ другихъ русскихъ говорахъ—непосредственно изъ формъ: *хóде, лю́бе, нóсе, вóзе, быть можетъ, по аналогіи съ формами I-го спряженія: бýдя, пи́ша, игрáя и проч. Сравни при этомъ и формы 3-го лица множ. числа въ народныхъ говорахъ: смóтрютъ, лю́бютъ, хóдютъ, тóпютъ; срв. выше здѣсь: нóс'у͡óт, прóç'у͡óт и друг. Кромѣ того, находя въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ *рядомъ* съ вышеприведенными формами 3-го лица *ед. числа* наст. времени и такія, какъ: пріѣ́дёт, хóјёт (=хóдитъ—3 л. ед. ч.)—Парахино, Фомино (см. ниже Приложенія), мы думаемъ, что не ошибемся, если признаемъ нашъ дифтонгъ *у͡о* въ формахъ 3-го лица ед. числа наст. времени стоящимъ вмѣсто звука *о* (*ё*), смягчающаго предшествующую согласную, въ другихъ русскихъ говорахъ. Значитъ, въ пунктѣ VII мы имѣемъ примѣры *дифтонга у͡о изъ 'о въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ.* Такимъ образомъ, Касимовскіе говоры представляютъ намъ дифтонгъ *у͡о* на мѣстѣ звуковъ *о* (*'о*) и *у* (*'у*) другихъ русскихъ говоровъ. Вообще, мы видимъ въ нашихъ говорахъ *дифтонги ударяемые и неударяемые*, и это служитъ ихъ особенностью сравнительно съ другими русскими говорами, въ которыхъ сохранились дифтонги преимущественно или исключительно въ ударяемомъ положеніи. Въ частности дифтонгъ *у͡о* вмѣсто *о* является въ нашихъ говорахъ *только подъ ударені́емъ*, вмѣсто-же *'о* только въ неударяемомъ положеніи въ 3 л. единств. числа; а вмѣсто звука *у* (*'у*) дифтонгъ *у͡о* нашихъ говоровъ является почти исключительно *въ неударяемомъ слогѣ* (форма даjу͡óт—3 л. мн. ч.—почти единичная. См. выше). Въ какомъ отношеніи дифтонги нашихъ говоровъ находятся къ дифтонгамъ другихъ русскихъ говоровъ,

и какія условія возникновенія ихъ,—эти вопросы будутъ разсмотрѣны ниже, во II-мъ и III-мъ отдѣлахъ настоящаго труда. Насколько извѣстно до сихъ поръ, въ области южно-великорусскихъ говоровъ дифтонги еще не были указаны, и въ этомъ отношеніи Касимовскіе говоры представляютъ новыя данныя для діалектологіи.

Дифтонгическое сочетаніе і͡е. Этотъ звукъ, всегда съ преобладаніемъ первой его части—*і*, мы слышимъ иногда въ Парахинской волости вмѣсто звуковъ *е* и *и* въ формахъ 1-го лица множественнаго числа наст. времени въ окончаніяхъ—*емъ* и—*имъ* I-го и II-го спряженія; въ такомъ случаѣ дифтонгъ *і͡е* мы слышали только въ *неударяемыхъ* слогахъ. Примѣры: ку́пі͡ем муки́—1 л. мн. ч. изъяв. накл.—Фомино; сѣ́јі͡ем, ста́ні͡ем—1 л. мн. ч.—Фомино, Парахино. Съ этими формами сравните формы вышеприведенныя: по́л’а̄м, ста́н’а̄м—1 л. мн. ч.—съ *долгимъ* гласнымъ—сс. Китово, Чарусъ и друг. Мы ожидали-бы здѣсь формъ: сѣ́јём, ста́нём или съ дифтонгомъ *’у͡о*, какъ выше въ 3 л. единственнаго числа.

Это же сочетаніе *і͡е* извѣстно намъ въ другихъ мѣстностяхъ Касимовскаго уѣзда на мѣстѣ древне-русскаго и старославянскаго *ѣ* въ *ударяемыхъ* слогахъ: въ сс. Шаранинѣ, Чуфиловѣ, Норинѣ (Шеинскаго прихода), Ахматовѣ, а также и въ Парахинѣ. Примѣры: мі͡е́ру нато́пцу—1 л. ед. ч.—Шаранина; ні͡е́ту, ні͡е́ту!—Чуфилово; не[і] сумѣ́ю пі͡е́сьни пі͡е́ть—(съ преобладаніемъ въ послѣднемъ словѣ звука—*і*)—Парахино; „я ба́й ні͡е́т“!—ibid.; „во́çимь мі͡е́р на $т^{с}$ягло́!“—(съ преобладаніемъ опять звука—*і*)—Ахматово [1]).

Въ звукѣ *і͡е* = *ѣ* мы видимъ мѣстами преобладаніе перваго элемента—*і*—въ произношеніи, а мѣстами—второго элемента—*е*. Болѣе точнаго указанія мы дать не можемъ, такъ какъ вообще *і͡е* = *ѣ* въ нашихъ говорахъ *очень рѣдко* встрѣчается, и намъ удалось уловить слухомъ это произношеніе лишь въ немногихъ словахъ. Зато произношеніе монофтонгическаго *і* подъ удареніемъ вмѣсто *ѣ* встрѣчается гораздо ча-

---

1) Знакомъ $т^{с}$ мы обозначаемъ звукъ *т* съ оттѣнкомъ *с*: $т^{с}$, но не *ц*.

ще, въ особенности это произношеніе сильно замѣтно въ деревнѣ Норинѣ, какъ будетъ видно ниже.

Кажется, можно только вообще сказать, что сочетаніе $\widehat{іе}$ съ преобладаніемъ элемента *і* на мѣстѣ стараго *ѣ* подъ удареніемъ слышится чаще въ односложныхъ словахъ въ закрытыхъ слогахъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

Изъ предыдущаго обзора долгихъ гласныхъ и дифтонговъ въ нашихъ говорахъ мы уже замѣтили, что какъ тѣ, такъ и другіе гласные звуки *н собязательны* въ извѣстныхъ положеніяхъ въ говорахъ Касимовскаго уѣзда; кромѣ того, всѣ эти звуки и *не повсемѣстны* въ Касимовскомъ уѣздѣ, а потому они представляются какъ бы *мелочными* діалектическими отличіями, но нельзя не обратить вниманія на то, что эти діалектическія особенности присутствуютъ въ нашихъ говорахъ одновременно: *гдѣ* извѣстна долгота, *тамъ* извѣстны и дифтонги, *гдѣ* есть $\widehat{іе}$=*ѣ*, *тамъ* встрѣчается и долгота, и все это—въ области южно-великорусскаго нарѣчія.

Въ концѣ обзора долгихъ гласныхъ и дифтонговъ Касимовскаго говора считаю не лишнимъ указать на то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, *дифтонгамъ* говора въ Парахинской волости и прилежащихъ мѣстностяхъ *соотвѣтствуетъ долгота* гласныхъ въ говорѣ средней и южной части Касимовскаго уѣзда. Срв., напр., „за табу͡ой“ и „с ры́ба̄й“ и мн. друг. выше. Эта долгота меня часто сбивала при скорой записи; я каждый разъ почти затруднялся точно опредѣлить мѣсто ударенія въ такихъ словахъ: ставить-ли при записяхъ удареніе тамъ, гдѣ оно стоитъ въ литературномъ произношеніи и гдѣ, конечно, оно слышится и въ приведенныхъ выше словахъ народнаго произношенія въ Касимовскимъ уѣздѣ, или тамъ, гдѣ у меня поставленъ знакъ долготы; я этимъ хочу сказать, что слово слышалось какъ-бы съ двумя удареніями или, еще лучше сказать, съ двумя долгими слогами, причемъ тотъ слогъ, который соотвѣтствуетъ ударяемому въ литературномъ произношеніи даннаго слова, звучалъ *короче* другого долгаго слога. Такое приблизительно или подобное произношеніе я слышалъ у чеховъ. Особенно ясно слышна долгота гласныхъ въ нашихъ говорахъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Касимовскаго уѣзда: въ Шостьѣ,

въ Ерахтурѣ, въ Чинурѣ, въ Ярыгинѣ, въ Китовѣ, въ Чарусѣ, т. е. въ сѣверо-восточномъ углу Касимовскаго уѣзда. Дифтонги-же преимущественно слышны на сѣверѣ уѣзда въ Парахинской волости: въ Парахинѣ, Фоминѣ, Новой, Астаховѣ, Ахматовѣ, а также частью въ томъ районѣ, гдѣ слышна и долгота гласныхъ, именно, въ Китовской волости.

Особнякомъ стоитъ произношеніе: тˢюп'линькяю—вин. пад. ед. ч. жен. рода имени прилагательнаго вмѣсто „тéпленькую", слышанное нами тоже въ с. Парахинѣ. Вѣроятно, мы здѣсь имѣемъ звукъ *ю* изъ *ё* чрезъ *ю͡о*: *тˢю͡оп'линькяю, откуда и наше—тˢюп'линькяю. Сравни бѣлор. цюплый (=тёплый), жывюмъ—1 л. мн. ч. (=жывёмъ), юй (=ёй), юсь (=ёсть), а также малорус. Черниговск. юой (=ей), юй, тю͡отка, тютка и мн. др. (См. *Соболевскаго.* Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892 г. Вып. III. 19. Вып. IV. 29 и слѣд. passim). Можетъ быть, первоначально звуки *ю͡о* и *ю* были въ положеніи передъ слѣдующими твердыми слогами.

Глава III-я.

Звукъ *а* въ говорѣ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ я постараюсь представить обозрѣніе всѣхъ тѣхъ основныхъ звуковъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени развился въ нашихъ говорахъ звукъ *а*, не смягчающій и смягчающій предшествующую согласную, т. е. звукъ *а* и *'а* послѣ согласныхъ, а также звукъ *а* въ началѣ слóва. Я буду приводить примѣры не только изъ говора Касимовскаго уѣзда, но и изъ говора прилегающей части Спасскаго уѣзда. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть возможность сразу получить представленіе о томъ, изъ какихъ основныхъ звуковъ развились звуки *а* и *'а* (я) въ разсматриваемыхъ нами говорахъ. Такъ какъ всѣ эти говоры *а̀кающіе*, то, конечно, звукъ *а* и явля-

ется въ нихъ преобладающимъ, т. е. преобладающимъ въ вокализмѣ этихъ говоровъ, но, чтобы видѣть, чѣмъ и насколько аканье нашихъ говоровъ отличается отъ аканья южно-рязанскихъ говоровъ и вообще говоровъ съ сильнымъ, или полнымъ аканьемъ, мнѣ придется въ этой-же главѣ указывать и на тѣ случаи, гдѣ является въ изслѣдуемыхъ нами теперь говорахъ отступленіе отъ сильно акающихъ говоровъ, т. е. придется указывать и на другіе звуки, которые здѣсь являются вмѣсто ожидаемыхъ звуковъ *а* въ сильно акающихъ говорахъ. Само собой разумѣется, что настоящая глава, какъ разсматривающая звуковыя явленія, происшедшія послѣ измѣненія характера ударенія русскаго языка и обусловленныя экспираторнымъ элементомъ этого ударенія, должна обозрѣвать гласные звуки въ зависимости отъ положенія ихъ относительно ударенія или ударяемаго слога. Мы разсмотримъ звукъ *а* (*'а*) ударяемый, звукъ а (*'а*) въ слогѣ *передъ* удареніемъ, звукъ а (*'а*) въ слогѣ *послѣ* ударенія и звукъ *а* (*'а*) въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударенія къ началу или къ концу слова. Согласно этому, мы раздѣлимъ свое разсужденіе на четыре отдѣла.

§ I. Звукъ *а* (*'а*) является подъ удареніемъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ произошелъ изъ стяженія группы: а́јe—или—а́јa въ формахъ глагола и имени прилагательнаго членнаго женскаго рода. Иначе сказать, глаголы III-го класса (*Лескинъ.* Грам. Рус. пер. 108. 111. 142.) на—ати,—яти съ ударяемымъ тематическимъ а въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ представляютъ очень часто стяженныя формы въ настоящемъ времени, гдѣ является одинъ звукъ *а́*; этотъ-же звукъ имѣется въ прилагательныхъ членныхъ въ имен. пад. ед. ч. жен. р., если онъ былъ ударяемымъ въ формахъ не стяженныхъ. Примѣры: он зна̀т, мы зна̀м, нӑзыва̀тца—3 ед.—Уланова Гора Касим. у., чита̀т—ib., када̀ быва̀т, пъсыла̀м—ib., зна̀ш, рӑзгада̀ш—2 ед.—ib., пълага̀тца — 3 ед.—ib., нӑзыва̀тчя — 3 ед. Дмитріево, увива̀тчя, сӑкруша̀тчя—3 ед. Дапево, угада́т—3 ед. ib., зна̀т, быва́т—Гус. Погостъ, Забѣлино; э̀та сафсѣм рӑзмака́т—3 ед. Забѣлино, си̇лы ни хвата̀т—ib., ф сяло̀ на̀ша въяж'ж'а́ш—2 ед., с. Китово. Здѣсь-же я упомяну о замѣчательныхъ случаяхъ произношенія въ нашихъ говорахъ группы *аэ*, не *ае* (аје), въ

означенныхъ и подобныхъ формахъ глагола; въ этой группѣ *аэ* съ ударяемымъ и неударяемымъ звукамъ *а* слышно такое широкое *э*, что чуть не *а*, такъ что можно, пожалуй, эту группу изобразить на письмѣ такъ: *а̀ӓ* или *аӓ*. Ясно, что такое произношеніе указываетъ на неслоговое ј между *а* и *е* и представляетъ собой то произношеніе, черезъ которое должны были перейти глагольныя формы на—аєши,—аєтъ... прежде, чѣмъ дать произношеніе—аաши,—аатъ и—аши,—атъ.. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ здѣсь и долгое *а*, и дифтонгическое сочетаніе *аӓ*, и стяженное *а* съ утраченной долготой. (См. ниже—Морфологію). Примѣры: ударяемое *а*: пра̊зыва̀эмъ — 1 мн. Шостья, хвата̀эт — 3 ед. Бѣльково. (Неударяемое *а* въ такихъ примѣрахъ см. ниже). Собственно говоря, это — черта сѣверно-великорусскаго нарѣчія или, по крайней мѣрѣ, чаще всего встрѣчаемая теперь тамъ, но нельзя думать, что она не была извѣстна прарусскому языку или даже общеславянскому, такъ какъ противъ этого говоритъ сравненіе языковъ славянскихъ между собою. Колосовъ въ Новгородскомъ говорѣ отмѣчаетъ: почита̀ш, ён ба̀т—Указ. соч. 15., въ Вятскомъ: сшива̀м, ба̀ш, ба̀т—223., въ Ярославскомъ и во Владимирскомъ (Муромскомъ)—зна̀ш — 295., въ Архангельскомъ, Вологодскомъ и Пермскомъ: чита̀ш—2 ед., въ Вологодскомъ: онъ чита̀эт книгу—325 и прим. 2. Въ этомъ примѣчаніи сообщеніе, повидимому, совершенно вѣрное: почти то-же мы слышимъ въ нашихъ говорахъ. Въ Сборникѣ пѣсенъ Истомина и Дютша находимъ: пропива̀тъ 3 ед.—стр. 92 (Арх.), спродува̀тъ—3 ед, сорыва̀тъ, устила̀тъ—194. (Г. Кемь Арх. губ.) [1]). Въ Олонецкомъ говорѣ: вида̀шь, увида̀шь (отъ гл. вида̀ю, вида̀ть)— 2 ед. —Гильфердингъ. Он. был. Столб. 137; поѣзжа̀шь—177, зна̀шь—228, игра̀шь—248., оставля̀шь—347, гуля̀шь—903, приплыва̀тъ—57, кача̀тъ—154, заставля̀тъ—396 и мн. др. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, повидимому, это

[1]) Мы здѣсь приводимъ примѣры только на *ударяемое а*, т. к. о неударяемомъ *а* вообще и въ такихъ формахъ въ частности мы будемъ говорить ниже; кромѣ того, неударяемое *а* въ печатныхъ матеріалахъ, можетъ быть, и не слѣдуетъ понимать, какъ *чистое а*. Такія формы съ неударяемыми *а* см. также у *Колосова* ibid., у *Истомина* и *Дютша* стр. 37. 47. 153 и др., у *Даля*. О нарѣчіяхъ. Стр. XLIX. LIV. LVI.

явленіе довольно рѣдкое, въ особенности подъ удареніемъ: ма̀шь вм. ма̀ешь—2 л. ед. ч. [1]). Это же явленіе мы имѣемъ и въ млр. нарѣчіи, въ галицкомъ говорѣ, у Лемковъ и Бойковъ: пожива̀тъ—3 ед., купа̀тъ — 3 ед., збира̀мъ—1 мн., збира̀те—2 мн., збира̀тъ—3 ед. и мн. др. (см. *Соболевскаго*. Очеркъ... Жив. Стар. 1892. IV. Стр. 53. 56. 57. 59).

Что касается именъ прилагательныхъ, то они являются съ ударяемымъ *а* въ именит. пад. ед. числа ж. р. въ смыслѣ *членныхъ* прилагательныхъ, хотя и не всегда возможно рѣшить вопросъ, употребленіе-ли это безчленныхъ формъ, или членныхъ, но стяженныхъ. По крайней мѣрѣ, въ сѣв.—влкр. говорахъ, напр., въ Казанскомъ, почти вездѣ, гдѣ мы употребляемъ въ ювр., или литературномъ нарѣчіи, членныя прилагательныя, слышатся формы стяженныя или безчленныя [2]). Въ разсматриваемыхъ нами теперь говорахъ мы имѣемъ ударяемое *а* въ слѣдующихъ примѣрахъ. друγа́ у жйниха́ (вечеринка)—Ерахтуръ, друγа́ сляза́—ib. (въ пѣснѣ), изба́ бальша̄ бываˈеˈть—Шостья; мо́та̀льная кака́-та фа́брика—Гус. Погостъ, пăгаво́рка такӑ-та Уланова гора, и друг. Долгота гласнаго говоритъ здѣсь въ пользу стяженія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ этомъ отношеніи наши говоры приближаются къ говорамъ сѣверно-великорусскимъ [3]).

Ударяемое *а* (ˈ*а*) является еще въ нѣкоторыхъ формахъ глагола вмѣсто *о* ударяемаго, т. е. изъ *о* ударяемаго; въ эти формы *а̀* вошло вслѣдствіе образованія по аналогіи: ла́витца — 3 ед.—Забѣлино, ла́вимъ — 1 мн. — Ерахтуръ, ла́вють — 3 мн. ibid., ни ла́вютца у́тки-ти—Рогачево. Глаголъ „лави́ть" со звукомъ *а* въ акающихъ говорахъ былъ причиной появленія этого *а* и въ формахъ, гдѣ коренное *о* должно бы стоять подъ удареніемъ. Срв. хвати́ть—хва́тишь, мани́ть—ма́нишь и др. [4]). Дака́ньцына—Шостья (=докончена). Срв.

---

[1]) *Карскій*. Обзоръ. Стр. 150. 152. Срв. формы: паймàамъ—1 л. мн. ч. напыта́амъ — 1 мн. ч. въ Могилевскомъ говорѣ. *Соболевскій* ibid. III. стр. 18. 19.

[2]) См. мою брошюру: Главнѣйшія черты народн. р. говора въ Казан. губ. В. 1894. Стр. 26—27. Здѣсь же, на стр. 17—20 о стяженныхъ гласныхъ въ глаголахъ.

[3]) Срв. *Ляпуновъ*. «Нѣсколько словъ»... Стр. 33.

[4]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи». 19—21.

„канчать" при „дака́ньчивать", которое и могло вовлечь въ аналогію глаголъ „доко́нчить" соверш.-окончательнаго вида. Ударяемое 'а мы имѣемъ далѣе изъ неударяемаго (м. б., и ударяемаго)—*ѣ* въ нарѣчіяхъ: падьля́ при падьлѣ́—Пармушадь (=по́длѣ), вазьля́, пасьля́—ib., Забѣлино (=вѣзлѣ́, см. Mikl. Lex. s. v., по́слѣ). Срв. мое соч. „Къ діалектологіи"... Стр. 36.

Наконецъ, ударяемое 'а мы имѣемъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ мы не встрѣчали этого звука въ южно-рязанскихъ говорахъ, гдѣ онъ, именно, образовался изъ основного ударяемаго *е* (изъ—ъ) послѣ мягкаго согласнаго. Такъ, мы имѣемъ: „у меⁱня́ рука́ ля́хкая"— с. Ижевское Спасск. у.; можетъ быть, 'á изъ *é* въ словѣ: паня́ва—с. Китово Касим. у. (обыкновенно: панёва). Что касается перваго изъ приведенныхъ словъ, то оно указываетъ, по моему мнѣнію, на *аканье* говоровъ, въ которыхъ оно употребляется: я думаю, что произношеніе *ляхко́*, *ляхка́* и под. были причиной появленія произношенія *ля́хкая*, **ля́хкай* и под. Но какъ это произношеніе извѣстно въ *окающихъ* говорахъ? Насколько я знаю, это слово съ такимъ произношеніемъ отмѣчено еще только въ *вятскомъ* говорѣ: здѣсь имѣемъ: *ля́че*, *кря́сло*; въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи отмѣчено: *ля́хче* [1]). Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ второй случай замѣчательнаго совпаденія при-Окскихъ говоровъ Рязанской губерніи съ говорами Вятской губерніи: конечное долгое *о*—*а* или дифтонги и появленіе ударяемаго 'а изъ ударяемаго 'е [2]),

---

[1]) *Соболевскій.* Очеркъ.... Жив. Стар. 1892. II. Стр. 20 и прим. 4, также стр. 22.

[2]) *Шахматовъ.* Изслѣд. въ обл. р. фонетики. Стр. 73. Здѣсь Шахматовъ, объясняя написаніе *легьчеѥ* грамоты 1229 г. по сп. В. (Рус.-Лив. Акты. Прилож. Стр. 436), говоритъ: «общерусское льгъчӧ измѣнялось въ lög̑čö, откуда послѣ ассимиляціи g слѣдующему č löx̑čö (x̑ обозначаетъ средненебное х) и далѣе leⁱx̑čö, ср. написаніе легьче (Это ошибкою: написано въ Грамотѣ, какъ мы видѣли, легьчеѥ, а не легьче), великор. леⁱхче. Звукъ eⁱ, оказавшись передъ твердой согласной,.. переходилъ въ ä, которое или измѣнялось въ ö, или, сохраняясь при извѣстныхъ условіяхъ, какъ ä, переходило затѣмъ въ *а*». Здѣсь для меня является непонятнымъ то, *когда* же х въ словѣ löx̑čö было средненебнымъ, и почему *g* въ словѣ lög̑čö не могло быть, если это

а, кромѣ того, долгота ударяемыхъ и неударяемыхъ гласныхъ звуковъ. Что касается второго слова: „панява“, то оно извѣстно уже въ древне-русскомъ языкѣ: въ Новгородской Тріоди Постной XI вѣка читаемъ: въ багърѧницѣ мѣсто понѧвою прѣпоıасасѧ; оумъıваю оубо ногы. ѡтираю же и понѧваю (не опечаткой-ли *а*?); понѧвою прѣпоıасаıеть; понѧвою ѡтьрлъ ıеси; възьмъ понѧвꙋ; однако тутъ-же мы встрѣчаемъ одинъ разъ написаніе: *поновою* Христе тъгда прѣпоıасасѧ—*Срезневскій*. Др. п. р. письма и языка. (Изв. АН. X. вып. V. 446. 445) Едвали можетъ быть такая описка [1]), а, если и описка, то ее можно объяснить только при предположеніи, что здѣсь въ словѣ *поновою* написано *о* послѣ *н* вмѣсто *е*, т. е. вмѣсто *поневою*, а не вмѣсто ѧ: вѣдь, во всѣхъ случаяхъ писецъ написалъ ѧ, нигдѣ нѣтъ ıа; можетъ быть, уже тогда начиналось колебаніе въ произношеніи, хотя въ Новгородскомъ говорѣ, вѣроятно, обыкновенно это слово звучало „понява“: по крайней мѣрѣ, и въ другомъ Новгородскомъ памятникѣ, который почти на цѣлое столѣтіе моложе Постной Тріоди, именно, въ Монастырскомъ Уставѣ церковнаго служенія XII—XIII в., мы читаемъ постоянно: и положи ризы и възь понѧвоу прѣпоıасасѧ; прѣстанеть дондеже игоуменъ прѣпоѧшетьсѧ понѧвою; отирати понѧвою; отрѣшить понѧвоу.—*Срезневскій*. Ib. 513. (Въ Уставѣ есть мѣна звуковъ *ц* и *ч*).

Если я не возьмусь объяснять возникновеніе произношенія ля́хкая, ля́хче, ля́кче при лёхкая, лехче, лекче и лёхче, лёкше, такъ какъ для меня неясно возникновеніе *средненебнаго х* или *г*, потому что мы и теперь имѣемъ мягкое *ч* и передъ нимъ *твердое к* или *х*, и я, вслѣдствіе этого, склоненъ видѣть въ произношеніи ле́хче, ле́кче церковно-славянское вліяніе, а въ

такъ, тоже средненебнымъ? Почему написаніе грамоты 1229 года *легьчеıє* имѣетъ такое рѣшительное значеніе? Въ сп. А. мы имѣемъ: *льгче*, а въ сп. С—*льгце*. Мнѣ кажется, этотъ *ь* въ словѣ легьчеıє есть явленіе графическое вм. *ъ*, имѣющаго значеніе твердости звука *г*. Едвали, кромѣ того, не было въ этомъ словѣ удареніе на—*че́*—легьче́ıє, какъ *ловчье*; тогда *е* послѣ *л*, естественно, есть *е*[i]. У насъ и до сихъ поръ при *ле́хче*—*лёхче* и *лёкше*. Другое дѣло относительно словъ: коля́сный, головя́шка, сѣя́льный; см. *Шахматовъ*. Ib. Стр. 84. 85. 93. 179. 185. 187.

1) *Шахматовъ*. Ib. 191.

произношенія лёхче и под.—чисто русское, то насчетъ словъ понёва и понява, кажется, можно высказаться рѣшительно, что здѣсь надо видѣть двоякое образованіе, т. е. чередованіе звуковъ *е* и ѩ такое-же, какое мы видимъ въ словахъ калёный и каля́ный [1]), солёный и соля́ный и под. Само собой разумѣется, что такія двойныя формы, въ которыхъ языкъ уже имѣлъ чередованіе *е* и *я*, какого бы происхожденія эти *е* и *я* ни были, послѣ того какъ въ звукѣ *е* слились два звука: и *е*, и *ѣ*, а въ звукѣ *'а*—два звука: и ѩ, и ѧ, могли повлечь за собой и новообразованія. Въ настоящее время слово „понява" преимущественно употребительно въ сѣв.-великорусскомъ нарѣчіи: въ Новг., Олон., Вологод., Арханг. губерніяхъ, а слово „понёва"—въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ: въ Калуж., Орлов., Тул., Ряз., Тамб., Вор., Смоленск. губерніяхъ [2]). Я полагаю, что это чередованіе сравнительно недавнее потому, что въ *древнихъ* памятникахъ мы имѣемъ только *понѩва* [3]). Но насколько недавне это чередованіе, рѣшить трудно.

§ II. Звукъ *а* (*'а*) въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому.

Въ этомъ отдѣлѣ собственно слѣдуетъ говорить о такъ называемомъ а̀каньѣ и я̀каньѣ. Такъ какъ характеръ аканья изслѣдуемыхъ нами говоровъ нѣсколько иной, чѣмъ характеръ аканья южно-рязанскихъ говоровъ, описанныхъ нами прежде въ другомъ трудѣ, то мы нѣсколько времени остановимся на общей характеристикѣ аканья Касимовскаго говора и говора прилежащихъ мѣстностей Спасскаго уѣзда.

Вообще, нужно сказать, что аканье сѣверо-восточнаго угла Рязанской губерніи скорѣе умѣренное, чѣмъ сильное: здѣсь какъ-бы происходитъ борьба за возобладаніе того или другого вида аканья. Правда, мы выше видѣли, напр., въ формахъ именъ прилагательныхъ какъ будто *сильное* аканье, но при *такомъ* аканьѣ наблюдается нѣсколько иной характеръ яканья. Въ этомъ и состоитъ особенность говоровъ сѣ-

---

[1]) См. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 136.

[2]) *Даль.* Словарь. S. v. «Понява».

[3]) *Miklosich.* Lex. s. v. понѩва. Его-же: Etym. Wtb., гдѣ находимъ только: ponjava.

веро-восточнаго угла Ряз. губерніи: они при *сильномъ* аканьѣ въ своемъ яканьѣ приближаются къ типу умѣренно-акающихъ (якающихъ) говоровъ, т. е. при произношеніи: въ даму́, вазы́ (ваза́), вазі́, хаді́, пасі́ и под. произносятъ *я* (*'а*) чисто *лишь передъ твердымъ слогомъ*: пясу́, вязу́, вяду́, вяла́..., но: неⁱс'лі́, веⁱз'лі́, веⁱлі́... Между тѣмъ какъ въ южно-рязанскихъ говорахъ мы постоянно наблюдали произношеніе: няс'лі́, вяз'лі́, вялі́..., за что̀ это произношеніе мы и назвали *полнымъ аканьемъ*. Но не надо думать, чтобы произношеніе веⁱлі́... было повсемѣстнымъ въ говорахъ сѣв.-восточнаго угла Ряз. губерніи: есть мѣстности, гдѣ *полное* аканье встрѣчается, какъ правило, и произношеніе веⁱлі́ составляетъ исключеніе.

Такимъ образомъ, прежде всего можно сказать, что въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ всякое *о*, находящееся въ предударномъ слогѣ, произносится, какъ чистое *а*; такъ-же произносится и звукъ *а* въ этомъ положеніи относительно ударяемаго слога [1]).

Займемся яканьемъ. Такъ какъ въ большинствѣ современныхъ русскихъ говоровъ мы имѣемъ теперь полное отожествленіе звуковъ *е* и *ѣ*, то въ отдѣлѣ яканья мы будемъ разсматривать и случаи современнаго *'а* изъ *'е*, и случаи *'а* изъ *ѣ* въ нашихъ говорахъ. Отдѣльно будемъ говорить лишь о случаяхъ *а* изъ *е* послѣ *ж*, *ш*, *щ* (гдѣ щ = шш), *ц* и о случаяхъ *'а* изъ ѧ или ѫ въ предударномъ слогѣ.

А съ предшествующей мягкостью согласнаго изъ основного е (ѣ). Сяло́, ня зна́ю, сямо́й γадо́к—Ижевское, Киструсъ Спасск. у., пиряво́зим—1 л. мн. ч.—д. Деревенское Спас. у., мӑяму́—ib., яму́, яво́—ib., к няму́—Нармушадь Касим. у., за няво́ хаді́ла—Ерахтуръ, ib., привязла́ цытьвяртну́ю и бу́деⁱть—ib., дӑляко́, бяру́, бяру́ть, плягу́ть, нӑпяку́ть—ib., ня но́сють—Борки, тяпло́, ляγла́, бясха́брик, привязу́ть—ib., вясно́й, прясто́л-жы, кӑрянно́й, ўмяршы́х ляжы́ть—Ерахтуръ, сястро́й, сляза́, пӑтряпа́йм—1 л. мн. ч.—Шостья, Яра́хтур—Шостья, пясо́к—ib., пӑ сялу́—ib., бирягла́, пякла́, пяца́льна, мъстяра́,

[1]) Мы здѣсь не имѣемъ въ виду только нѣкоторыхъ случаевъ основного *а* послѣ шипящихъ. О нихъ см. ниже. Окающихъ мѣстъ рѣшительно никакихъ нѣтъ. См. *Ляпунова*. «Нѣсколько словъ»... Стр. 22. Прим. 1.

сястра́, пьрястáла, ядвá, сямнáтцăти—ib., плятýтъ, ляжы́тъ—3 л. ед. ч.—Брѣево (твердое *т* къ углу, въ которомъ лежитъ г. Касимовъ), вярсты́ три́—Селище, плятýт—Дмитріево, сяво́дьни, двухъятáжнай—Гусевской Погостъ, сирябрá—Улан. Гора, у свякро́ви, яво́, щяпнáя пасýда, привязýт, в Рязáни, пиряшы́та, тясáть—ib., ф т^с ирямý, бярýт, вясны́, ръсплятýт—Дмитріево, сямо́й, тякýчăя, ямý, яво́—Данево, пъвядýт—Гиблица, пъмярлá, Ягóр—Забѣлино, пятро́фькӣми—ib., сямъя́—им. п. ед. ч.—Бѣльково, гърямы́шная, пъднясýт, зъплятáлися—ib., Пятро́виц—Урядино; сяло́, пънямнóгу, ф шы́шкахъ симянá; вы́-ти яво́ не[1] сѐјити—с. Китово, тряпáть, свякры́—им. п. ед. ч., другáя цýть цýть ляжы́ть—д. Китово; бис хрястá, блины́-ти пякýть, кáгжа ни пъцытáть та свякры́—ib., ня жáль, ня пóмню; зăплятáлă-та?—ib., нямнóшка, дярýть, ня хóдю—1 л. ед. ч., ня пóмню, γряцы́ха—Чарусъ; я жыý ня здѐсь, ня знáю—Ветчаны, афсяцá, гряцы́шки, ф Пятро́фьки, сямнáтцăть, симянá не[1] сни́мяш, кáг бы уляжăлси, патóм тряпáть, ткáть принясýт—Ивановское (Ветчан. вол.); нядáвна, фсяво́—Андроново (Малахово), çьвякры́, принясýт, нязнáмӳји, дяшóва—им. п. ед ч. ж. р. крат. форма прил., пъхлябáют. пăвядýт, в нявó·глéнит, (=глянетъ—3 л. ед. ч.), яштò, лятáют; рѐтьку трём дă хлябáим—1 л. мн. ч., блявáть, ня рóднăй бы́л,—Ветчаны; лянóк, сами ня кýшăим—1 л. мн. ч., ня хóжу—1 л. ед. ч.—Борисково; гýню нясý, травы вăбярý—Малахово; вяснóй—Симоново (теперь идетъ ниже Тумская волость), у хвякóли—Катово, иза фсяўó—ib., пăмярлá, яшшó, двух дяржăý, γрябý, он жжóх яво́ дóм та, ня знáю, ямý мýжу-ту (см. ниже „Членъ" и „Синтаксисъ")—Катово; принясý, ня бóльна хъть харóш, сицáс тяпло́, сявóннишный вицарóк, у нявó рукá ни дрăγанéт—Рогачёво; шаштáми, ни лапáткими γрябýт—ib., ня вóрют, мялкá рякá-та, а то бяз вы́вăда кáг-жа, а то рáзя ня плáкăла—Горы; мáла-ль у нас яво́ лѐсу-та—Чуфилово; на γγлý ляжáл стари́к—Бычково; ня бýдиш јисть, ня хóжу—1 л. ед. ч.—ib., я ня пóвню (=пóмню)—Зубово; пярóм ни напи́шаш—2 л. ед. ч.—Давыдово; дяшэ́вли, ня стáняш—ib., лѐт сямнáтцáть, блявáла крóвью, ня вóин, у мя́ фсявó мнóγа, яшчó—Семéино; студянó, тяпло́—Катово; смятáны-ти у кавó сайдётцы и би́с смятáни ядя́—3 л. мн. ч. ib., вӣрьтянó, ня дáмна, ня бóльна халóде[1]н—Снохино; ня лóўка бýдя—3 л. ед. ч.—ib., пиряпáхы̆вăиш—2 л. ед. ч., ня хвáтя—3 л. ед. ч.—

Снохино; лапти плятýт—Шаранина (Парахин. вол.), па щё мнѣ́ яво́—ib., я ня пи́шу, ня сы́пьтя, с Кýршы нам яо́ пирястáвили—ib. [1]), сяло́-та Хро́лик сё завём—1 л. мн. ч., ib., х пяцáх (=въ печáхъ), я яво́ ў вадѣ́ пáрю—ib., Шулёўа Тыцкин ямý про́звиш'ш'а—ib., он ç̌ё на Рязáни ко́ç̌я—ib.; азярки́, стяпны́я ѣ́зьдют („степными“ здѣсь называютъ жителей южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи), аўрябýшшыји были я́ўъдӣ, ня с пýт (=пудъ)—Амляшовскіе выселки; кýры ни нясýт—Жалýдково; Хядо́ç̌ья принясла́ яво́—Акулово (Китов. вол.) и мн. др.

До сихъ поръ мы все разсматривали примѣры произношенія *'а (я)* изъ *'е* или *ѣ* въ слогѣ передъ ударяемымъ, именно, *въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ*; теперь посмотримъ, что̀ получается изъ *'е* или *ѣ* въ предударномъ слогѣ въ положеніи его *передъ мягкимъ согласнымъ или слогомъ*. Примѣры:

Ф се^{і}лѣ́—Выжлисъ Спасск. у., не^{і}здѣ́лал—ib., (*з* мягкое, что̀ видно изъ того, что въ другихъ говорахъ, напр., въ Тумской волости и Парахинской Касим. у. въ этомъ словѣ *з* звучитъ съ оттѣнкомъ *ж*: з^{ж}ьдѣ́лал. См. ниже); ф се^{і}лѣ́—Гиблицы, Дубровка, Тимохино, Ибердусъ Касим. у., симья́—Ивановское Ветчан. вол., хрёснай выкупáит нивѣ́сту—Ветчаны; с нивѣ́стӑй—ib., зилѣ́зьнӑва—ib., пе^{і}ри́на, три рибёнка, миня́—вин. п. ед. ч.—ib., ӑт зими́-ти ни атхо́дит—Борисково, ib., с рибёнкӑм—ib. Ç̌е^{і}ме́йна—Катово, Тум. вол.; вилѣ́л, типе́р, привиз^{ж}ёт—3 л. ед. ч.—Логино ib.; вот тибѣ́ ӑтвяцáть, лаўýшку пътиря́л Хамá, нильзя́—ib.; я царáсь хо́лйла, хо́лйла тибѣ́ кýр-тӑ—Бычково; ф како́м ç̌илѣ́—Андроново, Малахово Ветчан. вол., виç̌е́лая, ў васкриç̌е́нья, пе^{і}рьвá, пе^{і}рьво́й, миня́—вин. п.—ib., Катово, Тум. вол.; типе́ря—Бычково, Снохино; сире́ть кӑраўо́ду—Снохино; цао́-ш тибѣ́ ищё—ib., у миня́, ищо́, дамно зýбы-ти пътиря́ла—Шаранина; ўвицарý ле^{і}тѣ́ла самá—Горы, ib., сич^{ч}я́с миня́ вы́вйли—Давыдово, ib; на тилѣ́ўи, ўре^{і}бё—3 л. ед. ч., се^{і}рьпо́м—тв. п. ед. ч.—Праватарово; нӑбирёш, митёш избý—ib.; ни виля́т—Парахино; јіё—вин. п. ед. ч.—Ахматово; сӑрхваны́ типе́рь фсё—Алексѣево; рибя́т къраýлям—1 л. мн. ч.—Волчково и мн. др.

[1]) О Куршѣ см. нашъ «Отчетъ». Стр. 36. Казань. 1895 г.

Такимъ образомъ, въ означенномъ положеніи звукъ *е*, мы видимъ, въ нашихъ говорахъ на всемъ пространствѣ обслѣдованной нами мѣстности, т. е. въ сѣверо-восточномъ углу Рязанской губерніи звучитъ близко къ звуку *і*, а кое-гдѣ и прямо звучитъ, какъ *і*, т. е. появляется *и́канье* рядомъ съ *а́каньемъ* и *я́каньемъ*. Правда, что во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ и случаи я̀канья вмѣсто и̂канья, но эти случаи встрѣчаются сравнительно рѣже. Есть однако мѣстность, которая въ нашихъ записяхъ отмѣчена, какъ отличающаяся *по преимуществу полнымъ яканьемъ*, подобнымъ южно-рязанскому. Мы приведемъ примѣры изъ этой мѣстности. Эта мѣстность—районъ вокругъ д. Горы, близъ с. Тумы, слѣдовательно, сѣверо-западная часть Касимовскаго уѣзда, смежная съ Рязанскимъ уѣздомъ. Здѣсь, въ деревнѣ Горы, мы имѣемъ: *мяня́* съ чистымъ *я*, ка̀къ по-бѣлорусски; *тябя́*—вин. ед.—Зубово, ана́ рябя́т-та јих мнóγā!—Горы. (См. ниже „Синтаксисъ"); стăршына́ пріѣ̆хăл, ви́дит—ляжы́, вязи́тя дамóй!—Бычково; я притуγáю явó г зямлѣ́—ib; цавó, я сямéйна—ib.; хлѣ́ба нѣт: пы́шък нăпякёш—2 ед. ib.; Тˢярёшы́цка Зубово; принясé—3 ед. ib., ăт тябя́-та шла, вѣ́ку привязли́—ib., лябе́душку Пъласкéрьюшку (пѣсня)—ib., бяри́ зá два рубли—Давыдово (смежная волость); капéйцка разъяди́на—ib, питьдясят—Логино (Тумск. вол.); зямли́цы нѣ́т—Семéино, нябéснăва ни утайш—ib.; ăтняси́, дярéвня, дявя́тāй, дясятāй—Горы; цáрсва нябёсная, сястри́цушки—Катово; прилятѝ, изъ зямлѣ́, он тяпéрь дóма мўж-ăт; зацнём с цытьвярьγу̀—ib.; нядáмна ăтяли́лась—ib., ăсярьцáиш 2 ед.—Снохино, бярёш—2 ед. ib., вярёўка—Логино; криньдялéй—род. мн. ч.—ib., на зялѣ́знай дарóγи—Горы; у мяня́ пять сястёръ—ib.

Изрѣдка это явленіе наблюдается и въ глубинѣ уѣзда: въ Ветчанской волости: была́ ня ди́тяцка, ня ми́лая (пѣсня)—Ветчаны, ня пьют, зъплятёны ади́н плитˢéнь, рябя́тки—ib.; хрясти́тйль—Борисково; марóс яе́ ажóх—Шарапина (Парáхин. вол.). на щё яё γóрькяю—ib., ана пă зямлѣ лятáит ф травѣ́, па лѣ̆су лятáя—3 л. ед. ч. (соловьиха)—Агѣево (Китов. вол.); нижынихи́ хъть, а вяли́ки—Андроново ,пъдняçли́, дярётца, пъднясёт, „за яѳи́на гóря"—Парахино; пяньки́ ру́бют—Фомино, вядёрку, ляжы́т фся́ нă зямѣ́—ib., бяс трёх—Парахино, ф сырóй зˣямлѣ́, испякёш, няçи́-ка—ib.

Очень рѣдко, но всетаки мы встрѣчаемъ и звукъ *е*ⁱ или *і* въ означенномъ положеніи *передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ*: ў еⁱра́хтури—Нармушадь, беⁱсцэ́сья—Ерахтуръ, не́ⁱ хо́дють—Шостья, *у*рицы́ху сѣ́јим—Куземкино, улижы́тца—3 ед. іb., симна́тцӑть—Шостья, ў пеⁱцэ́—іb., нисо́к—Чинуръ, Гусевской заводъ (въ административномъ отношеніи принадлежитъ къ Владим. губ..), преⁱсто́льнай—Гус. Погостъ, деⁱшо́вай—Забѣлино, пеⁱсца́ная—Китово (село), я неⁱ зна́ю како́ва цысла́—Ивановское.

Изъ обозрѣнія случаевъ, гдѣ стоитъ основное *е* (ъ) въ слогѣ передъ удареніемъ, мы видимъ, что въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ на мѣстѣ этого основного *е* или *ѣ* находятся звуки: *'а* (*я*), *е*ⁱ, *і*, причемъ звукъ *'а* (я) находится *по преимуществу* передъ твердымъ слогомъ, *е*ⁱ (і)—по преимуществу передъ мягкимъ слогомъ. Такъ какъ есть довольно много случаевъ употребленія и звука *'а* передъ мягкимъ слогомъ, съ одной стороны, и звука *е*ⁱ передъ твердымъ слогомъ, съ другой, причемъ послѣднихъ случаевъ гораздо меньше, чѣмъ первыхъ, то мы заключаемъ, что изслѣдуемые нами говоры по своему вокализму все болѣе становятся я́кающими, но, вѣроятно, за много лѣтъ до нашего времени у нихъ было *только аканье* умѣренное, и въ этомъ отношеніи они *архаичнѣе*, кажется, чѣмъ говоры южно-рязанскіе.

Теперь переходимъ къ случаямъ, въ которыхъ стоитъ нынѣ въ нашихъ говорахъ звукъ *'а* (я), еⁱ, *і* изъ основного *ѣ* въ предударномъ слогѣ.

Звукъ 'а (*я*) *изъ ѣ передъ ударяемымъ твердымъ слогомъ.* Примѣры: пріяжжа́ють—Ижевское, Спасск. у., двяна́тцӑть—Шостья, Касим. у., выбя*у*а́ю, вядро́ (если здѣсь *ѣ*), прӑдява́иш— 2 ед.—Ижевское, Деревенское, Выжлисъ, Киструсъ Спасск. уѣзда, бяжы́ш, бяго́м—Андроново Касим у., пъспяшы́ли—Ветчаны, пӑязда́ни—им. п. мн. ч., пӑвянца́ют—іb., дяфцо́нки, у на́с ляску́ нимно́га—Борисково, място́ў-ти, іb., ляцы́ли—Логино; Сядо́ф (фамилія)—Бычково, жыни́х пріяжжа́я—3 ед.—Зубово; бяжа́ть-та э́та мо́жна̄—Катово, ба́ршня бядо́вая—іb.; па лясам, на сня*у*у́, цэ́ряф како́й пӑдъяда́л—Шаранина, Амляшов. выселки; ряка́ х прӑвѣ́ᵃ—Жалудково; х Ту́мьçьким лясу́—іb.; ва цвяту́—Зубово; мы сляпы́ји—Чуфилово; г жанѣ́ зӑбяжа́л—Бычково; ръзряза́ют до́цыри—Праватарово, зӑмяца́ла—іb.; даро́*у*а сяца́ми—Малышкино; пріяжжа́ли, ряцэ́й,

мяста́ — Парахино, Фомино, Астахово; тра́вы гажы́ мяста́ми — Велькова, зӑтява́ть пышки хацу́ — Ламакино; здяла́ми-ти — Акулово (Китов. вол.) и мн. др. [1]).

Звукъ 'а (я) передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ изъ ѣ: смя́тцы-ти, неопр. н., — Давыдово Касим. у., яди́м — 1 л. мн. ч., ядя́ — 3 л. мн. ч. — Катово; ядя́т — Ветчаны, пӑляни́ссы — 2 ед., γряхи́-ти — Катово; рӑздяли́ла — Рогачево; аддялёная — Горы; што́-ш смя́тцы-ти! — Логино; ляни́ва ста́ла — Семе́ино; зӑляпи́ли-бы — Снохино; у на́с їих смяня́лъсь (священниковъ) — Шаранина, пъмясти́ш — 2 ед. ib.; сяки́рки — Акулово, сами пъяди́м — 1 мн. — ib., стряля́ют — Немпясево, сьмяя́лись — Андроново; тьвятё — 3 ед. Праватарово; яди́м са́мя[1] — Астахово (Парахинск. вол.), на рякѣ́ — ib.; аддялёны, яди́м — 1 мн. — Ахматово [2]).

---

[1]) Списокъ этихъ словъ можно было-бы значительно увеличить. Мы на всякій случай приводимъ здѣсь еще слова изъ разныхъ мѣстъ, чтобы сдѣлать потомъ болѣе основательный выводъ. Спасскій уѣздъ: γнядая. стӑрицо́к сядо́й, сляпо́й — Ижевское, Киструсъ, Воскресенское, Выжлисъ. Касимовскій уѣздъ: ӑбвянца́ли, мяста́м — Ерахтуръ, на эту стяну́, ӑтвяца́й, ӑдява́ютца, рӑспява́ить — ib.; ряка́, сядо́й, ӑѕяяла, ѕяло̆у — род. мн., ляка́рства, ӑбяшша́нси — Нармушадь; двяна́тцать, вя̆но́к, вянка́, приспява́ить — 3 ед., — Шостья, хляба́ — Жданово, за рякой — Шпилёво, ӑдява́ла — Антоново, дява́ть — Касимовъ, бяда́ — Уланова Гора, ф пяхо́ти — ib., зӑпява́й, чьвятка́ми — Дмитріево, чьвя́ты, вяно́к — Данево, вянки́, зӑ ряку́ — Гус. Погостъ, място́ф — Забѣлино, ӑдява́ют, сядо́й — Бѣльково; пріяж'ж'а́йтя (*ж* нѣсколько тверже, чѣмъ въ Даневѣ), смяша́юсь; зӑплята́лӑ-та вянки? — с. Китово, пънӑдява́ям — 1 л. мн. ч. — д. Китово, три яжжа́лых ло́шъди (*ж* — твердое) — Урядино, цвятки́ нъдява́ли, вянки́ — Чарусъ.

[2]) Чтобы нельзя было подумать, что въ этомъ спискѣ не приводится словъ изъ Спасскаго уѣзда потому, что тамъ такого произношенія не слышно, мы приводимъ здѣсь слова и изъ Спасскаго уѣзда, пополняя списокъ и Касимовскихъ мѣстностей. Спасскій уѣздъ: ядя́ть — 3 мн., мясте́цка, бяли́лися — Киструсъ, Деревенское. Касимовскій уѣздъ: ядя́ть — 3 мн. — Ерахтуръ, смяни́ли, сядя́ть (сѣдатъ), три вяньца́ — Шостья, пріяж'ж'я́ли — Данево (*ж* почти совсѣмъ мягкое. См. предыдущее примѣчаніе, при словѣ: пріяж'ж'а́йтя — с. Китово). Замѣчу здѣсь, что я приводилъ формы: яди́м, ядя́, ядя́т, ядя́ть отъ глагола «ѣсть», принимая въ нихъ звукъ *ја* (я), какъ происшедшій изъ основного ѣ, но, быть можетъ, въ этомъ словѣ, какъ и

Звукъ e^{i} (*i*) *изъ ѣ передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ*: шэ́сь де'те́й, де'ви́цник, се'тя́ми—Киструсъ, Ижевское Спасск. уѣзда, ве'ньца́л—Ерахтуръ Касим. у.; се'ньца́, ле'ни́ва, је'ди́м—Шостья, ве'ньчя́ют, бпльја́—Уланова Гора, падію́т – 3 мн (=падѣваютъ, глаголъ другого образованія; срв. дѣ-ти. См. ниже Морфологію; такое-же спряженіе гл. пѣ-ти), све'тли́ч"ку—Дмитріево, Данево; сами съје'дя́т—Забѣлино; с ци́м је'ди́м-ту́?—д. Китово; бе'ли́ть—н. н.—Чарусъ; э́нта́т ышшо́ по́п-та ве'ньца́л—Чарусъ; шта́бы э́ти ни́тки пъме'сти́ть *г дяло́м*—Ивановское Ветчан. вол.; и друг., напр., виньца́ютца—Акулово Китов. волости, Ветчаны; билѣ́я бу́дя—Катово Тум. вол., в рикѣ́-ти—Рогачево, па́бинннѣ́й (=побѣднѣй)—Семеино; виньца́ли—Катово; дите́й-ти—Шаранина.

Звукъ e^{i} (*i*) *изъ ѣ передъ твердымъ ударяемымъ слогомъ* встрѣчается вообще рѣдко, какъ и звукъ e^{i} (*i*) изъ *е* въ такомъ-же положеніи (см. выше), хотя примѣры всетаки есть: ре'шо́ты (если здѣсь было *ѣ*)—Ломъ Касим. у., дифцо́нка—Дмитріево; де'фцо́нка—Урядино, хтò ле'цы́л?—ibidem., *у* ве'нкѣ́-ти—Ивановское.

Наконецъ, разсмотримъ основные звуки *е* (*ѣ*) послѣ шипящихъ и *ц*.

Здѣсь мы опять видимъ по преимуществу звукъ *а* въ нашихъ говорахъ, и лишь изрѣдка является звукъ *ы* (*и*). Шипящіе: *ж*, *ш*, *шш* (=*щ*) въ нашихъ говорахъ всегда тверды, *ц* – также, и потому послѣ нихъ слышимъ звуки *а* и *ы*; послѣ *ч*, какъ послѣ мягкаго звука въ нашихъ говорахъ, имѣемъ *я* и *и*; *щ* иногда звучитъ, какъ двойное мягкое или среднее *шш*: если оно—среднее *шш*, то мы надъ нимъ ставили знакъ мягкости, а послѣ него – твердые гласные: *а*, *ы* (см. выше и ниже—примѣры).

Передъ твердымъ слогомъ: *а*: цаво́—Деревенское Спасск. у. [1]), с пцалми́ (=съ пчелами)—Нармушадь Касим. у.; ж жано́й—Алексѣево, клюцаво́й—Ерахтуръ, жана́, ж жано́й—Шостья, Шаранина; цаты́ря—ib.; цара́шн'ава – ib., жала́нья, чяво́ (записано: чо^аво́)—Гусевской Погостъ; цалу́ютца [2]) — Агѣево, Китово; жала́ит, вчяра́сь—Касимовъ, цара́сь— Бычково, Катово,

---

въ нѣкоторыхъ другихъ, слѣдуетъ допустить колебаніе еще для общеславянскаго языка между *ѣ* и *ја*. Впрочемъ, см. *Fortunatov*. Archiv für Sl. Philologie. XII. 98—99.

[1]) См. мой «Отчетъ». Казань 1895. Стр. 11.

[2]) См. объ этомъ словѣ у *Шахматова*. Изслѣд.... Стр. 161—162. Произношеніе «поцѣлу́й» указано еще *Шевыревымъ* въ Кириловѣ. Поѣздка. II. 110.

Парахино, Ломакино; шастóй—Уланова Гора, шаштóй — Горы, Акулово (Китов. волости), жанá, жанáтай — ib., Бѣльково, Урядина, Чарусъ, Горы, Семеино, Праватарово; Ражаштвá — Праватарово; цавó — Дмитріево, Катово; вицарýшную пѣ́сню — Бѣльково, пшанó — ib., цатыри — Китово, Урядино, Катово, к цамý — Ветчаны, Давыдово, цатыри цапкá—Катово, Горы, Снохино; щялá (= ш'т'ялá)— Бычково; цапóў — род. мн. — Праватарово, жалáннай—Парахино; шаштáми—твор. п. мн. ч.—Рогачево; цаó, ницаó— Зубово, Снохино: цатыря—Ерахтуръ, вицарýха, цавó—Акулово, чятыря—Забѣлино, пшанá—род. п. ед. ч.—Дмитріево, Чарусъ; жанá—Нармушадь; цаó = цавó — Шаранина; цалкóвыхъ—Нармушадь, Китово; цапóм—тв. ед. ч.—Китово.

Передъ мягкимъ слогомъ: *а*: пшанúца—Выжлисъ Спасск. у.; пшаньцá—Ивановское (Ветчап. вол.) Касим. у.; Давыдово; царьнúки (= чернúки)—Бычково; мужавéльникъ — Рогачево; (ср. Смол. Лѣтоп. Авраамки: по мождеельнику—стр. 101); пъцарьплá (= почерпнýла)—Фомино, Парахино. Праватарово; сцапля́ (= сцѣпившись. См. ниже—Синтаксисъ.)—Ветчаны; сцаплéйтися—Снохино (= сцѣпля́йтесь; пов. накл.); шастú (= шести) – Ахматово; Шамя́кин (фамилія)—Чарусъ; жанúтца—неопр. н.—Ерахтуръ; жанúлси—Горы, Расторгуево; жанúх—Ветчаны, Парахино, Снохино, Давыдово; г жанѣ́—Бычково, Норино.

Передъ твердымъ слогомъ: *ы*: цывó—Нармушадь, Касим. у.; Шостья; цытыри—Китово; уцышэ́нья(= утѣшеніе). (Срв. выше—что было сказано о произношеніи пъцыжэле[і]й.)—Семеино; жылтѣ́я (= желтѣе)—Чарусъ, Урядино, Забѣлино, че[і]тыри—Киструсъ, Спасск. уѣзда.

Передъ мягкимъ слогомъ: *ы*: жынúх, жынúлси—Нармушадь, Дмитріево, Данево, Бѣльково, Зубово, жылѣ́я—3 ед. (= жалѣетъ; б. м., желѣетъ.)—Логино; у жынѣ́—Алексѣево, г жынѣ́—ib.; шыстú — ib.; жылѣ́знай — Дмитріево; жырéлья—д. Китово (= ожерелье).

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія рефлексовъ основныхъ звуковъ *е* и *ѣ* въ слогѣ передъ ударяемымъ въ положеніи ихъ послѣ шипящихъ (небныхъ) согласныхъ и *ц*, въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ, мы видимъ, что здѣсь является преобладающимъ звукомъ звукъ *а* (*'а*) независимо отъ того, какой слогъ будетъ ударяемый: мягкій или твердый. Звукъ *ы* (*и*) вмѣсто *е* и *ѣ* является сравнительно рѣдко, хотя всетаки

и онъ извѣстенъ. Это стоитъ въ связи съ судьбой звука *е* и *ѣ не послѣ шипящихъ* въ этихъ говорахъ, а также съ судьбой звука ѧ (ѩ) въ предударномъ слогѣ въ этихъ-же говорахъ.

Звукъ 'а (я) изъ основного ѧ (ѩ) въ предударномъ слогѣ передъ твердымъ и мягкимъ согласнымъ или слогомъ.

Передъ твердымъ ударяемымъ слогомъ: т"яуло́—Ижевское Спасск. у., пр̆ятяна́я (льняна́я), свято́й—Киструсъ, Спасск. у.; ямшы́к—Ижевское, ibid.; плимяшы́—им. п. мн. ч.—ib.; пряду́ть—3 мн.—Ерахтуръ, Касим. у.; пятна́тцăть—ib.; свято́я о́зяро—Нармушадь; „сядыjи люди—святы́jи" —ib.; рядо́к—Ерахтуръ; са свято́й, пято́к пряду́—1 л. ед.-ч., нăряжа́ютца 3 мн. ч., пъняла́—Шостья, святы́х—Касимовъ; чясо́ф пятна́тцăть—Уланова гора; вяжу́—1 л. ед. ч., взяла́—ib.; пляса́ть—Данево; ăбряжа́ют—Данево; и спиа́с пряду́ть—д. Китово; нăпряла́, тяула́—Чарусъ, у нас язы́к-та адин: и туды́ и суды́ ска́жыт—Рогачево, Касим. у.; ăтряжа́йсси—2 л. ед. ч.—Катово; ба́быти пряду́т — Шаранина; саряжа́йси —Давыдово; къляда́ — Шостья; святой — Андроново, Малахово; т^с^ягло́ — Ветчаны, т^с^яну́ть—Логино, Астахово (Парахин. вол.);—у дьяцка́—Борисково, зъпряга́л—Бычково; трясу́—Астахово; свяшшэ́ньнику—Расторгуево.

Передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ: пăуляди́тя—Ижевское Спас. у.; нăпряде́ть, гляди́, пряде́м—1 л. мн. ч.,—Шостья, Касим. у.; кады́ глядя́т, пъгляди́—Уланова Гора, гляди́т—3 ед.—Дмитріево; скипяти́ш—2 ед.—Забѣлино; пряде́ть—3 л. ед. ч.—д. Китово; ў мяли́нъцки (мя́лка)—Шостья, уляди́—Семеино, ани ни уляя́—3 мн.—Горы, дом ауляде́ть—Давыдово; уляди́ш, улядѣ́ла — Катово; пăгляди́тца—3 ед. Ветчаны; ху́т^с^ь ба пъгляэ́ла!—Астахово, Парахино; саряди́ла—Катово, пря́жу нăпряде́ш—ib., пряде́ш—Снохино; там три святи́те^і^ль прихо́дют—Шаранина, пътрясе́т—3 ед.—Ветчаны, мяки́нки—ib.; ăбряди́ли и зăваши́ли, пашли́—Расторгуево; жалѣ́ли—Бычково [1]).

Звукъ е^і^ (і) изъ основного ѧ (ѩ) передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ встрѣчается очень рѣдко, а передъ твердымъ

[1]) *Miklosich*. Etym. Wtb. s. v. žalĭ. 3. Б. м. подъ вліяніемъ ударяемаго слога: жа́ль. Срв. «На́да уш пăжырьцэя»—Чарусъ. Срв. *Шахматовъ*. Изслѣд... 204.

слогомъ почти никогда: на́пре'дёш—2 ед. ч., пре'дём—1 мн. ч.—Ерахтуръ, Касим. у.; јији́ц с ты́ш'ш'ю—Уланова Гора; тре'си́—Дмитріево: сцыслíвай (=счастли́вый)—Шостья; либе'ди́ная—Данево: на́да уш (пъ)жырьцә́я—Чарусъ. (Ср. мое соч. „Къ Діалектологіи". Стр. 33), је'ји́ц мане́нька-та је́сь—Рогачево, Горы Касим. у.; и шшу́кп, и лини́, и је'зи́—Рогачево. (См. Mikl. Etym. Wtb.: jazĭ.); с ау́цы́ сыма́йтца и приде́тцы (=пряде́тся)—Катово.

Передъ твердымъ слогомъ я встрѣтилъ только нѣсколько разъ: је'зы́к—Ижевское Спасск. у., је'зы́к стал пе́страй—Киструсъ, Спасск. у.; свишшә́ньнику—Нармушадь, Касим. у.; је'мшы́к—Ерахтуръ ib.; све'шшә́льникъ—ib.; пъпле'шы́—Данево, (пъ)цыжә́ле'й=потяжеле́й—д. Китово, Касим. у. Въ послѣднемъ словѣ причина появленія звука *ы* (твердое *и*), думаю, лежитъ въ согласномъ *ц*, которое въ этой мѣстности получается изъ мягкаго *т*: $т^{с}$=тј. Звукъ же *ц* (=тс) здѣсь *вездѣ всегда твердый*, и послѣ него, дѣйствительно, встрѣчается *ы* (цыво́) изъ основного *е* или даже изъ *ѣ*; слѣд., тяжо́лъ перешло въ тежо́лъ или: $т^{с}$яжо́лъ—$т^{с}$ежо́лъ—$т^{с}$ажо́лъ—$т^{с}$ыжо́лъ [1]).

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія словъ, гдѣ является звукъ основное ѧ (ѧ), мы можемъ заключить, что этотъ звукъ является *наиболѣе устойчивымъ*, какъ въ положеніи передъ твердымъ слогомъ, такъ и въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ, и рефлектируется въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ въ звукѣ *'а* (*а*); звукъ $е^{і}$ (*і*) изъ ѧ (ѧ) встрѣчается вообще рѣдко. Совсѣмъ не то мы видѣли по отношенію къ звуку основному *е* и *ѣ*. Надо вообще замѣтить, что даже въ о́кающихъ говорахъ основной звукъ ѧ (ѧ) довольно устойчивъ и держится въ предударныхъ слогахъ рядомъ со звуками *о* (*'о*) изъ основныхъ *о* и *е* въ означенномъ положеніи [2]) Эта устойчивость звука ѧ (ѧ) понятна въ акающихъ говорахъ, гдѣ звукъ ѧ (ѧ) поддерживается общимъ характеромъ вокализма—а̀канья, но въ говорахъ сѣверно-великорусскихъ нѣсколько непонятна.

---

[1]) Послѣ перваго моего изслѣдованія не были извѣстны среди рязанскихъ такіе говоры. Срв. *Шахматовъ* Ibid. 205. Теперь оказывается, что сѣверо-восточные говоры въ Ряз. губерніи имѣютъ изрѣдка $е^{і}$ изъ *я*. (По Шахматову—говоры: β.).

[2]) См. мою брошюру: «Главн. черты народн. р. говора въ Каз. губ.». Стр. 16.

Если мы теперь окинемъ взоромъ весь списокъ словъ, помѣщенныхъ нами въ § II, то намъ станетъ ясно, что общій характеръ нашихъ говоровъ по отношенію къ рефлексамъ основныхъ звуковъ *е*, *ѣ* и *ѧ* (*ꙗ*) въ предударномъ слогѣ въ значительной степени *якающій* и напоминаетъ намъ наши южно-рязанскіе говоры; но больше всего мы всетаки встрѣчаемъ случаевъ употребленія звука *'а* (я) изъ *е* (ѣ) передъ твердымъ ударяемымъ слогомъ, затѣмъ *'а* (я) изъ *е* (ѣ) передъ мягкимъ ударяемымъ слогомъ, и въ этомъ, именно, положеніи основной звукъ *е* (ѣ) допускаетъ значительное колебаніе между своими рефлексами изслѣдуемыхъ нами современныхъ намъ говоровъ. Вопреки нашему прежнему мнѣнію мы должны сказать, что вліяніе слѣдующаго мягкаго слога или согласнаго на предшествующій гласный звукъ должно было обнаруживаться и прежде въ языкѣ и на основаніи сравненія родственныхъ языковъ между собою должно быть признано очень старымъ, а потому тѣ говоры, въ которыхъ это вліяніе еще не утратило свою силу, еще сохранило свои слѣды, должны считаться древнѣйшими сравнительно съ говорами, гдѣ это вліяніе мягкаго слога уже перестало быть замѣтнымъ. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, говоры Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи представляются намъ болѣе древними, чѣмъ говоры южныхъ уѣздовъ этой-же губерніи. Вотъ почему слѣдуетъ теперь измѣнить мнѣніе о томъ, что *вся* Рязанская губернія представляетъ *одинъ* типъ говоровъ—сильно акающихъ. Мы видимъ теперь, что наши говоры представляютъ какъ-бы переходъ отъ сильно-акающихъ къ умѣренно-акающимъ; въ нихъ уже встрѣчается иканье, которое является распространеннымъ уже въ центрѣ Московской губерніи. Къ такому-же выводу должно насъ привести и разсмотрѣніе гласныхъ звуковъ нашихъ говоровъ въ положеніи *послѣ* ударяемаго слога и въ положеніи *вдали* отъ ударяемыхъ слоговъ, гдѣ мы встрѣтимъ звуки неопредѣленные. Если мы разсмотримъ еще консонантизмъ нашихъ говоровъ, то намъ придется допустить то предположеніе, что и въ древности среди восточно русскихъ нарѣчій существовали переходные говоры, которые собой сближали различныя нарѣчія, и такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи объяснить себѣ тотъ фактъ, что по даннымъ нашей древней письменности

древне-русскіе говоры являются довольно *обособленными* другъ отъ друга по своимъ типичнымъ признакамъ.

Звукъ а въ начальномъ слогѣ слова передъ удареніемъ изъ е въ иностранныхъ собственныхъ именахъ. Здѣсь мы имѣемъ: Ахре́м = Ефремъ—Катово, Касим. у.; Алдо́тья—Дубровка, Ивановское, Катово; „Алдо́тью взе́ть“ — Бычково; Алдо́тья — Парахино; Аста́хій—ib., Ахи́мья — Бычково.

Съ этимъ произношеніемъ въ этихъ именахъ интересно сравнить произношеніе и написаніе ихъ въ древне-русскихъ памятникахъ письменности изъ области окающихъ и акающихъ говоровъ: въ Поручной литов. князей около 1390 года мы имѣемъ: Охремъ—Акты Ю. и З. Р. № 2. т. I; Иванъ Офремовицъ—АЮ. № 71. (XXXII)—Новгородскія купчія XIV—XV вѣка; Овдо́тья—АЮ. № 27. Двинск. 1613 г.; срв. Овдо́тья— въ пѣсняхъ Истомина и Дютша. Стр. 102. (Архан. губ. Онежск.); Остафьеви—АЮ. № 71. (VI.); дворъ Остафьевъ— Смол. Лѣт. Авраамки, стр. 64. Срв. стр. 71. Съ княземъ Остафьемь—ib. 77. пособи князю Остафью—ib. 77. при тысячкомъ Остафьи—ib. 68. Остафѣй Есифовичь—179. Федоръ Остафьевичь—179. (П. С. Р. Л. XVI томъ.). Святае Уфимья—ib. 222. Оѳимка—АЮ. № 55. 1653 г. Ефимьевъ—АЮ. № 417. 1518 г. Въ совр. народныхъ говорахъ: Офи́мья— Пѣсни Истомина. 48. Олонецк. губ. [1]).

Мнѣ кажется, что звукъ *а*, а не *ја*, во всѣхъ этихъ словахъ въ *акающихъ* говорахъ доказываетъ собой, что это произношеніе образовалось въ эпоху аканья изъ произношеній съ *о*, какія мы привели изъ древнихъ памятниковъ и современныхъ окающихъ говоровъ.

Во всѣхъ этихъ словахъ не было начальнаго ј (какъ и въ словахъ, подобныхъ слову „Алдаки́мъ“, о которыхъ см. ниже въ §, трактующемъ о звукѣ *а* въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго), ибо, если-бы онъ былъ, то мы ожидали бы въ акающихъ говорахъ произношеній: *Яхре́м, *Ялдо́тья, *Яхи́мья, *Яста́хій и т. п., однако такого произношенія мы въ народныхъ акающихъ говорахъ не слышимъ; если кое-гдѣ и слышалъ я произношеніе Яфре́мовъ (Ефремовъ — городъ Тул. губ.) и под., то это произношеніе принадлежало уже людямъ книжнымъ и полуграмотнымъ, понатершимся въ го-

---

[1]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 24.

родахъ и около грамотныхъ людей; само собой понятно, что произношеніе „Яфре́мовъ“ — вторичное, новообразованіе, и произошло оно изъ литературнаго произношенія „јефре́мъф“: какъ произношеніе јеало́въй даетъ въ акающихъ и якающихъ говорахъ произношеніе јало́въй и под., такъ произношеніе јеафре́мъф должно было дать — јафре́мъф, что̀ мы и видимъ. Народныя же формы Ахре́м, Афре́м при сѣв.-влкр. Офре́м (см. выше АЮ. № 71. XXXII.) ясно показываютъ основное произношеніе ефре́м (=эфре́м) безъ начальнаго ј. То же можно сказать про слова Алёна—Олёна, Алгинья—*Олгинья и под. Замѣчательно, съ другой стороны, то, что мы никогда не слышимъ произношенія: Ого́р—Аго́р (=Егоръ), а всегда слышимъ—јеіго́р, јеаго́р, јаго́р, и это доказываетъ, по моему мнѣнію, то, что въ этомъ словѣ всегда слышалось начальное *г’* или *ј*, т. е. мягкое *γ*, которое и переходило, и до сихъ поръ переходитъ въ діалектахъ въ *ј*. [1]). Если это такъ, то *ј* въ началѣ такихъ словъ, какъ јаго́р и друг., доказываетъ собой, что въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ различался звукъ *г* и *γ*, причемъ мягкое *г*, именно, давало *γ*, между тѣмъ какъ мягкаго звука *г въ древнѣйшую* пору русскаго языка вовсе не было.

---

[1]) Срв. *Брандта.* Лекціи по исторической грамматикѣ р. языка М. 1892. Стр. 114—115. Здѣсь мы видимъ, что Брандтъ вообще считаетъ всякое мягкое γ іотомъ: «Мягкое, т. е. средненебное, γ есть тотъ звукъ, который мы называемъ іотомъ». Стр. 114. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ словахъ и нашего литературнаго нарѣчія, да и въ нѣкоторыхъ говорахъ вообще трудно различить мягкое γ и ј передъ гласными. Срв. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 51. Подобнымъ образомъ, какъ произношеніе Офре́м, Оле́на... указываютъ на начальное *е* въ словѣ Елена безъ ј (Эле́на) еще, кажется, въ общерусскомъ языкѣ (въ Поликарп. Ев. 1307 г. мы имѣемъ также Ѡлена—л. 118.), такъ и произношеніе ощё при акающемъ ащё (аш’ш’ó, ашшó...) указываетъ на отсутствіе (діалектическое) начальнаго ј въ словѣ еще (эще). Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ олонец. эщё, влад.-муромское эщó при ювр. ряз. ашшó и под., новгор. още. Въ нашихъ говорахъ замѣчательно, что мы нигдѣ не встрѣтили *ашшо* съ начальнымъ *а*, а вездѣ или *и*, или *я*: *ишшó*—Воскресенское Спас. у., Ерахтуръ, Нармушадь, Шостья, Дмитріево, Бѣльково, Чарусъ Касим. у; *яштó*—Ветчаны, *яшшó*—Катово, *яшчё*—Рогачево, Семеино, Давыдово, *яштó*—Чуфилово, Праватарово; *яшшó*—Парахино, Анисово Касим. у. Срв. мое «Къ діалектологіи». 78. См. *Колосова.* Замѣтки... ibid. Стр. 291 и прим. I.; Стр. 221—222 (вятск. *э*); стр. 12. Фортунатовъ и

Теперь замѣтимъ еще въ обзорѣ современнаго звука *а* въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ, разсматривая вопросъ о томъ, какимъ основнымъ звукамъ онъ соотвѣтствуетъ, что въ нашихъ говорахъ мы иногда слышимъ этотъ звукъ *а* въ слогѣ передъ ударяемымъ тамъ, гдѣ его вовсе прежде не было, т. е. *звукъ а приставной передъ группой согласныхъ*. Такъ мы слышимъ: у афсѣх (=у всѣхъ)—Ерахтуръ, Касим. у.; афтóрьник—iЬ; аржы́ (=ржи́—им. п. мн. ч. отъ сл. „рожь“. Срв. сѣна́, авсы́, проса́, конопи́ и др.)—Дмитріево; аржы́цу ста́нут бра́ть—Ивановское Ветчан. волости.

Наконецъ, звукъ *а*, образовавшійся въ предударномъ слогѣ *по ассимиляціи* со звукомъ *а* ударяемаго слога: Гара́ськи́на—Бѣльково, Касим. уѣзда [1]).

§ III. Звукъ *а* (*'а*) въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ.

Здѣсь мы разсмотримъ прежде всего тѣ случаи, гдѣ является звукъ *а* (*'а*) въ *чистомъ* видѣ, т. е, гдѣ звукъ *а* (*'а*) слышится явственно; затѣмъ—тѣ случаи, гдѣ слышится звукъ *неопредѣленный*, но близкій къ звуку *а*, по крайней мѣрѣ, настолько, что его удобнѣе разсматривать въ отдѣлѣ звуковъ *а*, иначе мы всетаки не передали бы его характера. Этотъ неопредѣленный звукъ *обыкновенно* слышится въ закрытыхъ слогахъ, но есть закрытые слоги, въ которыхъ явственно слышится звукъ *а* (*'а*). Объ этомъ послѣднемъ мы говорили отчасти въ I-ой главѣ, гдѣ разсматривали долгіе гласные, а потому здѣсь говорить подробно о немъ не представляется надобности.

1) Звукъ *'а*, *а* послѣ ударяемаго слога прежде всего звучитъ явственно тамъ, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ основному *а* (ꙗ, ѧ), т. е. въ такихъ существительныхъ, основа которыхъ оканчивалась на неударяемое—*а*,—*ja* или—ѧ: па́лка, ка́ша, ду́ма, Ду́ня, и́мя.... Затѣмъ — въ именахъ прилагательныхъ

Шахматовъ предполагаютъ въ такихъ случаяхъ начальное придыханіе (h), во всякомъ случаѣ не j. См. *Фортунатова*. Лекціи по фонет. стрсл. яз. Печатн. изд. Стр. 79—81. *Шахматова*. Изслѣдованія... Стр. 12. Срв. *Соболевскаго*. Рецензія въ Ж. М. Н. Пр. Отд. оттискъ стр. 430. (1894 г.).

[1]) Примѣры, относящіеся сюда см. также у *Шахматова*. Ук. соч. Стр. 24. См. АЮ. № 98. 1616 г.: Государева дьяка Гарасима. Мы можемъ дополнить къ тому, что указано Шахматовымъ и Соболевскимъ (въ рецензіи) еще: патриархомъ Оакимомъ Орусалимъскимъ. Лѣтоп. Авраамки. 215. Но объ этомъ см. ниже. Это не предударный слогъ.

краткихъ женскаго рода на такое-же окончаніе, а равно въ именахъ прилагательныхъ полныхъ (членныхъ) женскаго рода, представляющихъ изъ себя стяженныя формы на *а*. *ͣа* въ имен. п. ед. ч. и не стяженныя—на—*ая*,—*яя* въ им. п. ед. ч. Что касается послѣднихъ, то здѣсь мы слышимъ иногда неявственное *ͣа* неударяемое только послѣ звука *к*: го́рькеͥја— им. п ед. ч. жен. рода. Въ именахъ прилагательныхъ членныхъ звукъ *а*, *ͣа* перешелъ и въ прочіе падежи и слышится, большею частью, явственно и въ открытыхъ, и въ закрытыхъ слогахъ, какъ мы видѣли выше.

Примѣры: я дирeͥве́нска—д. Деревенское Спасскаго уѣзда; като́ра—Ерахтуръ Касим. у.; ны́ньца кра́сна бума́γа пушша́еͥтца—ib.; ана стайть паро́жна изба—ib.; ана́ кака́я—та сале́на (рѣчка)—ib.; ма́тушка равйла—ib. (пѣсня); ни леͥни́ва̄ мо́жыть два на̄предͥе́ть—Шостья; как бальшая като́ра̄ изба́—ib.; Ула́ньска ба́ба—Уланова Гора; ана сми́рна ба́ба—та; жана́—та харо́ша̄; Папо́фьска гара́ да́льша (=дальше, см. ниже)—ib.; пъгаво́рка така̄́—та; дубле́на шу́ба, хажа́ла шуба, пиряшы́та, падде́фка суко́нна—ib. [1]). Мать хре́сна — Данево; папо́ська зеͥмля́ (=поповская) — Гусев. Погостъ; иш ана́ цы́ста (трава)—Китово; свякры́ цытьве́рта—ib., три яжжа́лы́х да цытьве́рта треͥтья́шка—Урядино; я дяшо́ва̄—Ветчаны; басни́ста̄ кака́я—Шаранина; астарγо́çька—Расторгуево [2]); салда́тка цатьве́рта—Алексѣево; д ыть каку́ цыта́ла — Мягкова; не въ конечныхъ слогахъ мы слышимъ нынѣ звукъ *а* въ нашихъ говорахъ въ косвен. падежахъ именъ прилагательныхъ.; вмѣсто окончаній: —*ому*,—*ему*,—*ою*,—*ею*,—*ую*,—*юю* вездѣ мы

---

[1]) Въ разговорѣ перечислялось приданое («выводъ») за невѣстой въ Улановой Горѣ, близъ г. Касимова. Интересно сравнить перечисленіе имущества въ нашихъ древнихъ грамотахъ: Духовныхъ, Купчихъ и Договорныхъ: напр., продалъ есми... меринъ саврасъ, меринъ воронъ, меринъ голубъ, меринъ гнѣдъ, меринъ буръ, меринъ рыжъ, старъ добрѣ, вислоухъ—АЮ. № 85., лѣтникъ камчать, шубка зелена—АЮ. № 415., меринъ чалъ, охабень новъ—ib. № 421., меринъ буланъ, ковуръ—ib. № 422., чашка золота—Собр. Г. Грам. и Догов. I. № 25, 26., вотола сажена—ib. № 34. и мн. др. Все прилагательныя безчленныя.

[2]) «Расторгуево» въ народномъ произношеніи: «Астарγо́ва». Бабы такъ отвѣчаютъ на вопросъ: «чья ты»?.

слышимъ:—*аму*,—*аю*, т. е. звукъ *а* ('*а*) вмѣсто *о*, *е*, *у*, *ю*: по цо́рнаму, думу крѣпкāю—Ерахтуръ; сп̆равѝнкаю с сало́м-каю—Шостья; на цэ́ламу, на зе'лёнаму—Данево; кра́снаю дѣвчю—вин. п. ед. ч.—ib.; пад бѣ́лаю—ib.: свѣ́жаю вадо́й—Ивановское, Ветчан. вол. и друг. Здѣсь всѣ примѣры представляютъ звукъ *а* въ открытыхъ слогахъ. Въ закрытыхъ слогахъ мы видѣли его выше: тамъ онъ соотвѣтствовалъ въ большинствѣ случаевъ основнымъ: *ы*, *о*, *у*: пе́стрāй, сѣ́рай..., кра́снāй (род.—дат.—твор.—мѣстн. п. ед. ч. ж. р.), кра́снаю (=ую въ вин. п. ед. ч. ж. р., собственно, въ открытомъ слогѣ); цалко́вāх (=ыхъ, род. п. мн. числа). Отмѣтимъ формы членныхъ прилагательныхъ, отступающихъ въ звуковомъ отношеніи отъ выше названныхъ (преимущественно въ слогѣ съ *к*'), и формы существительныхъ въ твор. п. мн. числа тоже въ слогахъ съ *к* (съ новымъ суффиксомъ — *ами*): я сама́ Ту́мьçке'ja (=Ту́мская)—Шаранина; срв. т'ыть о́н Ту́мьçькāй—ibid.; заму́жне'ja—Куземкино; срв. на щё яе́ ўбрькяю—Шаранина Касим. у.; съ пирили́нкими, са скла́ткими—г. Касимовъ; ба́ркими—Гус. Погостъ; Пятро́фькими — Забѣлино; за азёркими jе́сть—ib. и др. Также въ слѣдующемъ примѣрѣ послѣ *ц* (изъ *к*?): со́дют лу́квйцыми—Урядино Китов. вол. Срв. въ закрытыхъ слогахъ: х по́нькях—мѣстн п. мн. ч.—Парахино; но́ни ста́ли зъплята́ть дѣ́хькям—дат. п. мн. ч.—Фомино (Парахин. вол.); срв. еще: абы́че'й—Данево; до́не'л (=до́нялъ)—Куземкино, Нармушадь Касим. у.

Далѣе, въ открытыхъ-же слогахъ мы имѣемъ этотъ звукъ *а* ('*а*) чистый въ формахъ глагола 3 л. ед. ч. безъ окончанія—*ть* и въ формахъ глагола 2 л. мн. ч. на—*те*; здѣсь мы, стало быть, имѣемъ звукъ *а* ('*а*) изъ основного *е*, и исключеній почти нѣтъ: скажы́тя, пайди́тя, вайди́тя, пъўлядѝтя—д. Деревенское, с. Ижевское Спас. у.; прашша́йтя—Борки Касим. у., нацу́йтя, найде́тя, вы́къшāйтя—Нармушадь; пайдё́мтя—Ерахтуръ, пишы́тя, пріяж'ж'а́йтя, спро́сьтя (2 л. мн. ч. буд. вр.)—Бѣльково, Китово; праѣ́тьтя—2 л. мн. ч. буд. вр.—Рогачево; да́йтя—Чуфилово; нъцапля́йтя—Снохино; ня сы́пьтя — Шаранина; воз'ьмётя, прашчя́йтя, ни хази́тя, ступа́йт'я—ib., Зубово; ни паки́ньтя—Давыдово. Лишь изрѣдка мы слышали вмѣсто '*а*—*и*: заста́фьти, пишы́ти, накро́йти, зайди́ти, ступа́йти въ Улановой Горѣ (подгородное село у

Касимова) и въ Дмитріевѣ (на границѣ съ Владимирской губерніей); впрочемъ, и въ Парахинѣ, тоже близъ Владимирской губерніи.

Примѣры звука *'а* въ 3 л. ед. ч. глаголовъ [1]): бу́дя, быва́я, пасо́хня — Катово, Касим. у.; ѣ́дя, слу́жа, жылѣ́я, ня по́мня, мо́жа—Горы; мо́я, пріяжжа́я, пама́жа, ни дъпуска́я, ба́я—Давыдово, Логино, Семеино; вхо́дя, зна́я, у́ца (=учитъ) —Семеино; жалѣ́я — Катово; хо́ца, хва́тя, при́мя, пало́жа, пъцыта́я, нацу́я, асты́ня—Шаранина; ки́сня, ко́ся, лята́я— Агѣево; браса́я—Акулово, хо́дя—Расторгуево, пăваро́тя—Жалудково; т'е́ня (=тянетъ)—Бычково; и мн. др. (См. Морфологію—ниже). То же мы имѣемъ и въ названныхъ выше мѣстностяхъ Спасскаго уѣзда.

Звукъ *а* (*'а*) является также изъ основного *о* (*е*) въ конечномъ открытомъ слогѣ нарѣчій или именъ прилагательныхъ краткихъ средняго рода, а равно въ именахъ прилагательныхъ членныхъ ср. рода на—*ое* въ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ; прилагательныя средняго рода на—*ее*, большею частью, имѣютъ неопредѣленный звукъ, склонный къ *і*, на мѣстѣ тематическаго неударяемаго—*е* вмѣсто ожидаемаго *'а*. Напримѣръ: мно́ɣа, ɣу́дна—Ерахтуръ Касим. у.; э́та, на́да, ти́ха, сми́рна, ў́лѣва дверь—Нармушадь, ра́на, ча́ста, ма́ла, пло́ха, до́лɣа, ско́ра, сты́дна—іb. Шостья, бага́та, мо́жна, мапе́нька, нямно́шка и др.—Шостья, Антоново, Бѣльково, Урядино, д. Китово, Чарусъ и др.— повсемѣстно. То-же относится и къ именамъ существительнымъ ср. рода съ темой на—*о*,—*јо*: за лѣ́та, мѣ́ста, аѳя́ла— Ерахту́ръ; јежли дѣ́ла—ве́дра—Шостья; адява́ла (=одѣяло)— Антоново; брю́ха—Бѣльково; ў по́ля, страје́нья и др.—Парахино. То-же въ Спасск. уѣздѣ.

Въ открытыхъ слогахъ мы имѣемъ еще звукъ *а* (*'а*) изъ *и*, *ы* и *е* въ частицахъ: *ли*, *бы*, *же* (союзъ), а также въ сравнительной степени на—*е* отъ прилагательныхъ и нарѣчій: пла́кăть што́-ля!—Гус. Погостъ Касим. у.; Хили́п што́-ля?— Чарусъ и друг. Ницаво̀, коб'ты́ нъвази́л-ба—Ветчаны; я́ ба пъмярла́—Катово; уш э́ти-бы хăрашо́-ба—Рогачево; ми́ла̄я,

---

[1]) Въ этихъ примѣрахъ находятся и глаголы на—*е*, и глаголы на—*і*, которые перешли въ I-ое спр.

Бóх-ба ни забы́л—Зубово; щé ба слы́шна бы́ла—Бычково; и другія.

Кáг-жа—Рогачево и повсемѣстно; он нам радьня́-жа—ib.; цаб-жа, радúма, здѣлаш?—Зубово; дѣу́ка-жа у́цытца—ib.; щé-жа, цаты́ри дѣвăцки—Снохино; тóжā – Нармушадь, Ерахтуръ, Дмитріево и друг.

Въ сравнительной степени особенно извѣстенъ этотъ звукъ послѣ небныхъ шипящихъ согласныхъ, и въ этомъ же положеніи мы его встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, а равно и вообще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является основное *е* (*ѣ*) въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ ударяемаго непосредственно; но отсюда есть много исключеній; вообще, звукъ конечный *е* (*ѣ*) колеблется въ своихъ рефлексахъ въ современныхъ говорахъ Касим. и Спасск. уѣздовъ: мы встрѣчаемъ на мѣстѣ этого *е* (*ѣ*) или *'а*, или $е^і$ (*і*), или $е^а$ (э); ***почти никогда*** не слышно *'а* въ падежныхъ формахъ на—*ѣ* отъ именъ: здѣсь вездѣ—*і*. Примѣры: ўдвóя (вдвое)—Деревенское, Спасск. у., двóя—Дмитріево, Данево Касим. у., ны́ньца, ны́ньча—Ерахтуръ, Нармушадь; нóньца — Чарусъ, Забѣлино; двóя, трóя с нéю—Ерахтуръ; (Киструсъ Спасск. уѣзда), Шостья; пъмалóжа, дáльша—Уланова Гора; патóньша, бóльша, мéньша—Ерахтуръ; стáрьша—Нармушадь; пъкарóца—Шостья; рáньша, папрóшша—ib.; пъде^{і}шэ́вля—Нармушадь; пъхладьнѣ́я—Ерахтуръ; цаты́ря—Шостья; таш'пѣя—ib.; пьјинѣя—Уланова Гора; чяты́ря—ib.; пъжырьцэ́я—Чарусъ; жылтѣя—Забѣлино; ху́жа—Бѣльково; пабóльша—д. Китово; Ивановское; пăсырѣ́я, цаты́ря—Урядино; цаты́ре^а—Ивановское; *у*двóя (=вдвое), *у*лу́бя—Рогачево; рáзя (=развѣ)—Горы; шы́ре^а—Андроново; Малахово; „А то рáзя! мéньшэ бы́ла дварóў-ти!“—Катово; „дáвя (=давѣ, давеча) я пълсапóшки наѳѣла“—Бычково; дўóя, трóя, пóс'ля мáслины, рáзя—Шаранина; „ны́ньца ни зắжы*у*áют“—Агѣево; цаты́ря—Жалудково; ны́ньца—Зубово; „э́нтā дáльша ат нáс“—Немнясево; паху́жэ—Праватарово; „нóньчя што ни дáле^{і}й, то ху́жа“—Акулово Китов. волости [1]).

Съ другой стороны, въ такихъ же случаяхъ мы имѣемъ здѣсь звукъ $е^і$ (*і*): Вóусе^і—д. Воскресенское Спасск. у.; ны́нь-

---

[1]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 44 (бы=ба); стр. 16—18.

че'—г. Касимовъ; но́ньчи—Гусевской Погостъ; ны́ньцы—Дмитріево, Ивановское; ўо́ф'си—Нармушадь; во́ўсе'—Китово, Чинуръ; (срв. сяво́дьни—г. Касимовъ); че'ты́ре'—Забѣлино; (Киструсъ Спас. у.); чяты́ре'—Дмитріево; паста́рышы—Дмитріево; (срв. выше: ны́ньцы—тамъ-же: послѣ *ц* и *ш*); цаты́ре'—Китово; памя́кшы—срв. степ.—г. Касимовъ; бо́льшы, ме́ньшы—Гус. Погостъ; Забѣлино; „бли́жы-ти е́сть"—Забѣлино; ны́нп—Борисково; ф цаты́ри—Катово; паца́ще'—ib.; палу́ч'ч'и—ib.; пӑдаро́жы—Логино; ра́зи (=развѣ)—Рогачево; цаты́ри—Горы; ны́ньцы—Малахово; дяшэ́в'ли—Давыдово; не́ўди взе́ть—Логино; „ӑўурьцы́ но́ни пло́хи"—Катово; „ще́-жа́, цаты́ри дѣвӑцки"—Снохино; павы́шы—Шаранина; „хош два́ ху́нта, хош бо́льшы"—ib.; „ра́ньшы я жыла́ въ Ухѣ"—Расторгуево; „о́би иж Жалу́ткъва"—Жалудково(?); и друг.

Такимъ образомъ, отсюда видно, что послѣ шипящихъ и *ц* является *ы*, а въ другихъ случаяхъ—*е'*, *і* въ слогѣ, слѣдующемъ непосредственно за ударяемымъ, вмѣсто *е* (*ѣ*).

Сравните окончанія падежей на—*ѣ*: к нивѣсти, на ла́ф'ки—Ветчаны Касим. у.; х по́ли—Борисково Ветчан. волости; в ро́шшы—ib.; на за́ди (=на заводѣ)—Симоново; у Хвяко́ли (=у Хвяколѣ вм. у Хвяколы по аналогіи съ „ӑт зямлѣ" и проч.): ў мѣ́с'ти—Рогачево; „з Давы́дъськи́ми на зялѣ́знай даро́ўи"—Горы; „х пьяна̄м ви́ди"—Бычково; „у ни́х ў ба́ни сиди́т"—Зубово; х по́ли, па даро́шки, па старо́нки, на сту́ли—Семеино; в ӑўаро́ци—Катово; ў бало́ти—Катово; на Ряза́ни, ў мѣ́с'ти—Горы; в Ӑстарўо́ви, ф сваё́й дире́вьни—Расторгуево, и друг. [1]).

Далѣе, чтобы разсмотрѣть вполнѣ звукъ *а* ('*а*) въ *открытыхъ* неударяемыхъ слогахъ послѣ ударяемаго, намъ остается еще нѣсколько пунктовъ: '*а въ причастіи* на—*лъ* (наше изъявит. накл. прош. вр.); въ именит. пад. множ. числа муж. рода (наше множ. число на—*и* неударяемое) съ неударяемымъ окончаніемъ; *въ имен. пад. множ. числа именъ жен. рода* въ окончаніи—*ки*; *въ мѣстоименіи са́ми*; *въ творит. пад. множ. числа именъ* въ окончаніи—*ми*; во всѣхъ этихъ случаяхъ вмѣсто конечнаго неударяемаго звука *и* мы слышимъ иногда въ

[1]) Срв. мое указ. соч. Стр. 35. 38.

нашихъ говорахъ звукъ *'а*; далѣе,—въ мѣстоименіи *сѧ* (*ся*), присоединяемомъ къ глагольнымъ формамъ, и, наконецъ,—въ членѣ: *та* или *то* (=тоже *та*). Первый пунктъ—самый замѣчательный; *этой особенности* въ произношеніи причастныхъ формъ на—*лъ* (—*ли*) *я нигдѣ на югѣ Рязанской губерніи не встрѣчалъ*, какъ не встрѣчалъ и дифтонговъ (см. выше: о *ѣ*=*͡іе* см. ниже). Приведу примѣры: „нау́ш'ники да́ля“ (=дали)—Парахино; но преимущественно эта особенность проявляется въ слогѣ, не непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ, а *черезъ одинъ слогъ*: сусва́тăля, вы́пйля, за́пярьля, на́брăля; „Ди́ди-Ла́дън сѣц упря́тăля, праса́ çѣ́яля“ (пѣсня: „Дидъ-Ладо“)—Парахино, Астахово, Фомино; вообще, въ Парахинской волости, гдѣ мы видѣли и дифтонги. Далѣе: пѣçьни игра́ј͡уот дѣ́хькя (=дѣ́фьки—им. пад. множ. ч.)—Парахино; „з двумя́ с рибя́тъмя“—Фомино; „яди́м са́мя“ (=сами)—Астахово. Надо сказать по поводу приведенныхъ примѣровъ нѣсколько словъ: во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы слышали на концѣ звукъ *'а*, но *не чистый*, а *небный*, склонный къ звуку *е*, такъ что правильнѣе было бы транскрибировать его такъ: *'а*ᵉ.

Въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Парахинской волости, этого звука въ означенномъ положеніи намъ не встрѣчалось. Вышеприведенныя формы причастій, кажется, слѣдуетъ сопоставить съ формами на—лѣ въ древне-русскихъ памятникахъ въ прич. прош. вр. въ имен. падежѣ множ. числа при единств. числѣ на—лъ.

Переходимъ къ мѣстоименію—*сѧ* при глаголахъ. Неударяемое—*ся* при глаголахъ звучитъ въ нашихъ говорахъ, какъ—*с'а* съ чистымъ *а*, затѣмъ,—какъ—*си* и, наконецъ,—какъ—*сы*. Первое изъ этихъ окончаній слышится рѣже другихъ, но всетаки имѣется; иногда согласный *с* даже слышится твердымъ, и окончаніе—*с'а* превращается въ—*са*: прăступлюса—1 л. ед. ч.—Ветчаны Касим. у.; щиба́ли́с'а—Семеино (=сшибались); сăряди́лăса—Катово; паба́йлиç'а—Катово (=поба́ились=поговорили. См. Синтаксисъ); „с аўцы́ сыма́йтца“—3 л. ед. ч.—ib.; сцапля́йтпс'а—Снохино; испуɣа́лăс'а—ib.; мы ăбажгё́м'-с'а—Фомино (Парах. вол.); „да́йтя вади́цы напи́тца, ради́мӥји“!—Чуфилово. (Относительно присоединенія—*ся* къ гла-

голамъ: *пить*, *баить* и под. см. Синтаксисъ); дѣ́ука-жа у́цы́тца—Зубово; и мн. др. Здѣсь мы привели нѣкоторыя слова, въ которыхъ конечное *а* (*'а*) находится *не непосредственно* послѣ ударяемаго слога, а въ слогахъ, удаленныхъ къ концу слова отъ ударяемаго слога, и это мы сдѣлали потому, что такихъ словъ съ конечнымъ *яснымъ а* (*'а*) вообще немного.

Окончанія—*си* и—*сы* (—*цы*) мы имѣемъ чаще: „Куды́ бо́льна пътӑрапилси“?—Ветчаны Касим. у.; рӑзацнётцы—3 л. ед. ч., бьём'си—1 л. мн. ч., зӑвалились—Симоново Тум. вол.; ɣдѣ Бо́ɣу пӑмалитцы пълянйссы—2 л. ед. ч.—Катово; уцы́тцы-ти?—неопр. н.—ib.; жапилси—Горы; што́-и с'мяятцы-ти!—Давыдово; дай напитцы-ть (вм. *ти*—члена—*ть*; частица, можетъ быть, не принадлежитъ составу формы неопр. наклоненія. Срв. мое соч. „Къ Діалектологіи“... Стр. 125—126); Бо́ɣу малитцы—неопр. н.—Семенно; рӑзɣаритцы—3 л. ед. ч.—ib.; „с'мята́ны-ти у као́ сайдётцы“—3 л. ед. ч.—Катово; придётцы (=прядётся)—3 л. ед. ч.—ib.; с'мѣйси—Кобаново Тум. вол.; сӑряжа́йси ж жынихам ɣлядѣтцы“—Давыдово; как збярёмси—Расторгуево; ръзайдём'си—Бычково; „нéцӑо хвалитцы, гарьдитцы! хто́ ни брапитцы-ти“?—Алексѣево; цайкю (!) напитцы ф по́ля—Ламакино; хлѣп у на́с ралитцы—Гус. Заводъ, Бѣльково; ана́ убьётцы—Бѣльково; събяру́тцы—3 л. мн. ч.—ib.; захо́тцы (=захочется)—3 л. ед. ч.—ib.; радитцы у на́с хлѣ́бӑт—Китово; Чарусъ; х каму́ прӑшша́тцы-ти?—Чарусъ; ӑкуна́тцы—неопр. н.—Ивановское; адин у́ле[i]й ӑтрайлси—Ерахтуръ; жынилси—Нармушадь; ӑбяшша́лси, раскро́йси—ib.; Ерахтуръ; прасну́лси—Шостья; прастимси—1 л. мн. ч.—ib.; не[i] с'мѣйси—Гус. Погостъ; сканьчялси—г. Касимовъ; дӑгада́лси, браса́лси—Уланова Гора; радилси—Дмитріево; въспад'нялси—Данево; взӑрадава́лси, ӑбламилси, чйлава́лси (=цѣловался)—Данево; взялси, истамилси, пъвалилси, брыка́йси—ib.; зънима́лси, вазьмéс'с'и—2 л. ед. ч.,—вирьтис'с'и—2 л. ед. ч.—Гус. Погостъ; пъдӑражы́с'с'и—2 л. ед. ч.—Забѣлино; дабьéс'с'и—2 л. ед. ч.;—аста́лси—Бѣльково; што̆-б о́н усла́лси (лён)—Китово; пӑде[i]рём'си, рӑзбе[i]рём'си—1 л. мн. ч. (*е*—не *ё*)—Китово (село); уцы́лси—Урядино; „как бы уляжа́лси“—Ивановское; срв. въ Спасскомъ уѣздѣ: баjис'с'и=боишься—Ижевское; являлси—гор. Спасскъ; сӑɣласилси, пъмирилси—д. Деревенское; зӑвалилси ў кало́де[i]с—д. Воскресенское, и друг.

Здѣсь мы имѣемъ фонетическій процессъ, обратный по своему направленію только что указанному на примѣрахъ предыдущаго пункта: тамъ мы имѣли *расширеніе* конечныхъ гласныхъ *и* и *е*, здѣсь мы имѣемъ *сужéніе* конечнаго *ʼа* (ʌ) въ *е* и *и* (послѣ твердаго *ц—ы*). Срв. въ древне-русскихъ памятникахъ: въ Двинскихъ Грамотахъ XIV вѣка: сужусе— 1 л. ед. ч.—*Востоковъ*.—Описаніе ркп. Рум. Музея. № LXVII. Срв. АЮ. № 409 (V): сужусе съ нимъ предъ Богомъ. Въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ мы имѣемъ всѣ эти окончанія.

Теперь переходимъ къ звуку *а*, слышимому въ формахъ члена—*та*,—*то*, присоединяемаго къ словамъ и не имѣющаго на себѣ ударенія.

Въ нашихъ говорахъ мы слышимъ: абдавѣ́ла та?—Ижевское Спас. у.; Ерахтуръ Касим. у.; рă̈зγавóру-та нé была—Ерахтуръ; цаб бялúть-та?—ib.; вицарá-та—ib.; санп-та?—ib.; д'леⁱ сеⁱбя́-та хош—ib.; на стóл-та?—ib.; рă̈спявáить-та?—ib., ў улеⁱй-та?—Нармушадь: „стáрă̈сту-та сă̈мавó пабúли“—ib.; анá смúрна бáба та; жанá-та—Уланова Гора; „сърă̈фанóф-та ни гатóвют“ - ib.; хóтца-та—Гус. Погостъ; „мѣ́ста-та, правóфта нѣт“ (=правъ, род. п. мн. ч. отъ слова: „прáво“—сущ.); „здѣ́цтва-та падý̆чйвалса“; „вы́гъпу-та нѣ́т явó“; ă̈пчиствá-та—ib.; (род. пад. ед. ч. „óбщества“); „бóльшы нéчим пражытьта“—Забѣлино, зеⁱмля́-та, бичᵘявóй-та—ib.; убеⁱрéш лугá-та, тáм мястóф мнóга, а нáшых-та мáла—ib.; „нá пеⁱть дварóх лóшă̈ть-та аднá“—Бѣльково; на брюха-та! -ib.; зубóх-та нѣ́т; „старикáм-та виньцá пă̈д'нясý̆т“—ib.; „грéца-та анá ншшó ни радúтцы“—ib.; „нильзя́ пóнить-та“ (=пóмнить)—ib.; в лѣ́фках-та—ib.; „кáгжа ни пъцытáть-та свякры́“! - д. Китово; ză̈плятáлă̈ та вянкú—ib.; „у нáс и бáнеⁱф-та нѣ́ту“ (=бань—род. п. мн. ч. отъ слова „баня“); „лѣ́тă̈сь прý̆т-та.... ны́ни рă̈злилсú“—с. Китово; „он атéц та ф плóтьнúках хóдит“—Урядино; я кóлька жылá-та? „он дья́кă̈н-та адúн“; „ză̈кусúть-та пирашкá, тáм блинкáми“ - ib.; кадá бý̆деⁱть чᵘвѣ́сь-та?—Чарусъ (=цвѣсть); „и пóскă̈ни дóма-та ни хватáить“; э́нтă̈т пóп-та виньцáл; „пъжáлуй, на вéсь γод дъстаёть хлѣ́ба-та“ —Чарусъ; „сямья́-та: вóсеⁱмь дý̆ш“—Ивановское; прéсь-та? (=пря́сть-та; неопр. накл.);—ibidem; да зáўтря-та?—Рогачево; „у нáс язы́кта адúн“—ib.; „биз ачкóў-та ня мóжу“; цайкý-та?—ib.; „мáть-

та ана́ ня по́мнит"—Горы; (См. Синтаксисъ—ниже); д'ана́ jе́сь, да мялка́ ряка́ та—ib.; „ана́ рибя́т-та jи́х мно́γа"!—ib.; (См. Синтаксисъ); „ма́ла́-ль у на́с яво́ лѣ́су-та"?—Чуфилово; „я замёрзла ӑт тябя́-та шла"—Зубово; „рӑскари́ли мнѣ́ яво́ жыниха́-та: я и пла́кӑла"—ib.; „из усто́ў бо́льна γряхо́ў-та мно́γа"—Логино; „снаха́-та „кра́сна" бо́льна"! яшчо́ палво́за пӑрашко́ў-та—Семеино; „мнѣ́ суды́ скали́ть-та цаво́ сто́пт"!—Шаранина; „д³эт'та дура́ва-та и jе́сь"! ibid.; („дура́ва"—ягоды въ родѣ черники, растеніе); „у няво́ хо́льна вить въ даму́-та: мо́ют, цы́стют"—ib.; „тё́шта яво с ни́м-та"—ib.; „у мня́ γо́ря-та яво́ мно́γа"—Давыдово; „ф'çё у мя́ сваё пла́тья-та"—ib.; „ф'сё лѣ́та-та заму́цы́с'с'и"—2 л. ед. ч.—Акулово Китов. вол.; „а што о́н плахо́й-ты: хуть пе́ть ра́с пъпали́ лё́н-та"—ib.; са ç'вято́й-та—Андроново; „ў рука́х-та у мяня́ бы́ли аны́ де́ньγи-ти"—Парахино; ис сяла́-та—ib.; и мн. друг. (См. ниже, въ Морфологіи,—„членъ"). Мы здѣсь привели примѣры на звукъ *а* въ членѣ, находящійся не только въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ, но и въ слогѣ, удаленномъ къ концу слова отъ ударенія; это мы сдѣлали для того, чтобы имѣть возможность потомъ сослаться на собранные здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, примѣры: во всѣхъ нихъ звукъ *а* звучитъ *явственно*.

Подробности о членѣ, весьма разнообразномъ, будутъ разсмотрѣны нами въ Морфологіи нашихъ говоровъ; тамъ же будутъ сдѣланы соотвѣтствующія указанія на сохранившійся членъ въ другихъ русскихъ говорахъ, и будутъ даны примѣры члена изъ древне-русскихъ актовъ и грамотъ. Здѣсь интересуетъ насъ самый звукъ.

Теперь переходимъ къ звуку *а*, находящемуся въ *закрытыхъ* слогахъ *непосредственно* послѣ ударяемыхъ слоговъ. Здѣсь, какъ и раньше, мы разсмотримъ звукъ *а* чистый (явственно слышимый), а равно приведемъ примѣры, представляющіе звуковое отклоненіе, т. е. примѣры съ *другими* звуками вмѣсто ожидаемаго звука *а* или *'а* въ этихъ говорахъ. Вообще, прежде всего нужно замѣтить, что, говоря здѣсь о звукѣ *а* (*'а*) чистомъ, или явственно слышимомъ въ нашихъ говорахъ, мы разумѣемъ лишь *относительную* чистоту или явственность, т. к. въ закрытыхъ слогахъ въ нашихъ говорахъ гласные звуки вообще менѣе явственны и опредѣленны, чѣмъ въ открытыхъ.

Звукъ а ('а) въ закрытомъ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго, образовавшійся изъ стяженія. Такой звукъ мы будемъ на письмѣ означать буквою *а* съ знакомъ краткости сверху: *ă*. Знакъ краткости имѣетъ цѣлью выразить звукъ менѣе явственный, чѣмъ будетъ звукъ, означаемый буквою безъ этого знака краткости. Такой звукъ мы имѣемъ во всѣхъ глаголахъ, гдѣ формы образованы путемъ звукового стяженія: aје—аа—а+личное окончаніе. Выше мы видѣли подобный звукъ, но *совершенно явственный*, въ такихъ-же глаголахъ, гдѣ этотъ звукъ стоялъ *подъ удареніемъ*. Примѣры: пабѣгăм—1 л. мн. ч. буд. вр.—Шостья Касим. у.; дѣ́лăм—1 л. мн. ч. наст. вр.—Ломъ; ни з'дѣ́лăш—2 л. ед. ч, з'дѣлăм—1 л. мн. ч.—г. Касимовъ; з'дѣлăш—2 л. ед. ч.—Уланова Гора; з'дѣ́-лăт, з'дѣлăтца—3 л. ед. ч.—Данево; „ф кирьпичя́х рабо́тăм"—1 л. множ. ч.—Гусевской Погостъ; „ницаво́ ни з'дѣлăш: ни жыву́т"—Бѣльково; надѣ́лăм—1 л. множ. ч. (*ā* долгое и явственное)—д. Китово (*не* село). Срв. ницаво́ не[1] з'дѣлаэш—2 л. ед. ч.—Нармушадь; „се́тъки слу́шаэш—2 л. ед. ч.—Бѣльково; эти формы, несомнѣнно, *архаическія*, изъ которыхъ и слѣдуетъ выводить всѣ вышеприведенныя [1]). „Мы рабо́таэм"—Бычково; ницаво́ ни з'дѣ́лăш—2 л. ед. ч.—Катово; д[з] рабо́-тăш—2 л. ед. ч.—ib.; „цаб-жа, радúма, з'дѣлăш"—2 л. ед. ч.—Зубово; „сот пе́ть, ду́мăт о́н, пришле́"—Катово; „ты ду́мăш, кăкао́ ити́ть"?!—Чуфилово; з'дѣлăм—1 л. мн. ч.—Жалудково; „ня ф'се́ срабо́таэш"—2 л. ед. ч.—Фомино (Парахин. вол.); кăк ты ду́мăш?—ib.; рабо́тăм—1 л. мн. ч.—Ахматово и друг.[2]). Звукъ *а* такого же происхожденія, но болѣе явственный въ произношеніи, мы видѣли выше въ *открытыхъ* слогахъ *не подъ удареніемъ*. (См. выше).

---

[1]) Сравни выше формы съ дифтонгическимъ *ударяемымъ* сочетаніемъ *а́э*: хвата́эт—3 л. ед. ч. наст. вр.—Бѣльково, и проч.

[2]) Въ Зарайскомъ уѣздѣ Ряз. губ. мы слышали: рабо́таш, рабо́тат.... Отъ крестьянъ села Ново-Егорія Егорьевскаго уѣзда я записалъ слѣдующія формы: рабо́таш, рабо́там; рабо́тут—3 л. мн. ч. Качества неударяемыхъ гласныхъ я не обозначаю, потому что забылъ и не отмѣтилъ при записи. Это было давно, не въ послѣднюю мою поѣздку въ Спасскій и Касимовскій уѣзды. Срв. дѣ́лаш—2 л. ед. ч.—с. Спасъ-Кле[і]пи́ки Рязанскаго уѣзда. *На югѣ Ряз. губерніи этой особенности нѣтъ.* См. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 125.

Далѣе, *такой-же звукъ а* (*'а*) *по произношенію*, т. е. *ӑ* (*'ӑ*), по *другого* происхожденія, мы слышимъ въ нашихъ говорахъ *въ падежныхъ окончаніяхъ — ой, — ей безъ ударенія*, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: сйт'ч^ч^явӑй, ч^е^ёрнӑй—Дмитріево; с рыбӑй—Расторгуево (звукъ *ā* долгій и явственный); хрéснӑй—Данево; ў пóснӑй дéнь, с кýрйцай—Ерахтуръ; с пълавйнӑй, с снашэ́льнйцай Шостья; у ле^і^нйвай-ти бáби. у э́тӑй, лóшкай—ib.; касмáткай ве^і^ньчя́ют—Уланова Гора; нóшкӑй—Данево; „пат сéткай пад бéлаю" (пѣсня)—ib.; с сýмкӑй—Бѣльково; „атéц нусйлкӑй аддáст"—Истомино (Ветчаны), Аксйньӑй—твор. п. ед. ч.—Горы Тум. в.; пья́нӑй—Бычково; сйнӑй—им. пад. ед. ч. муж. р.—Зубово, Давыдово [1]).

Такое-же *ӑ* (*'ӑ*) мы слышимъ *въ падежныхъ окончаніяхъ*:—*овъ*,—*евъ*, иногда—*ыхъ*, —*ихъ*: арéхāх нáда? (*ā* долгое и явственное)—Бѣлясево Алексѣев. вол.; грыбóвāх—род. п. мн. ч. имени прил. (—*ыхъ*)—Борисково Ветчан. вол.; с'вéжыньках—род. п. мн. ч. им. прил.—Малахово ib.; нс калóтьцӑф—Ерахтуръ; Хвадéй Кандрáтьӑф—Горы, и мн. друг. Въ такихъ формахъ болѣе обыкновеннымъ звукомъ бываетъ, именно, звукъ *ӑ* (не долгій и сравнительно не явственный), но мы привели здѣсь всѣ случаи со звукомъ ā, который мы слышали въ такихъ формахъ, т. к. эти формы должны быть, именно, здѣсь приведены, хотя въ нихъ звукъ *ā* по произношенію представляетъ нѣкоторое уклоненіе отъ звука *а*, слышимаго вообще въ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ.

Мы объясняемъ себѣ сравнительную *явственность* этого звука *а* (*'а*) въ *закрытыхъ* слогахъ послѣ ударенія тѣмъ, что этотъ звукъ проникъ сюда или изъ формъ, гдѣ онъ находился въ открытыхъ слогахъ (см. выше) и представляетъ результатъ стяженія, а потому онъ и *долгій* тамъ, или изъ формъ, гдѣ онъ былъ хотя и въ закрытыхъ слогахъ, но *долгимъ* (см. тоже выше). Такое-же *а* (*'а*) мы имѣемъ изъ *о* (ъ) и изъ *е* (ь): нóньчя рýпь за вы́нӑс—Киструсъ Спасск. у.; ^у^óрлӑм—твор. п. ед. ч. отъ сл. „горло"—ibid.; нáдӑть—Нармушадь Касим.

---

[1]) Объ этомъ гласномъ звукѣ мы говорили подробно выше, когда перечисляли случаи употребленія *долгихъ* гласныхъ въ нашихъ говорахъ, въ I-ой главѣ.

у.; па ма́лӑсци = по малости—Шостья; мужыкі́ дѣ́лӑм пăряжа́ютца—ib.; ря́дăм—твор. п. ед. ч.—Шпилёво; срв. выше: сли́вăк—род. п. мн. ч.—Гус. Погостъ; пани́тăк—Ул. Гора; э̆тӑт—Гус. Погостъ; за 'вра́гăм = за овра́гомъ—Забѣлино [1]); свёкăр—Бѣльково; виту́шăк = виту́шекъ—род. п. мн. ч. („виту́шка“—крендель, баранка)—ib.; лѣ́тăм—тв. п.—с. Китово; с ма́слăм, в Из^жескăм—Чарусъ; Хвадéй Кандра́тья̆ф, Акси́ньяй—Горы; вино́вян—Бычково; в ло́жыцку пятна́тцăть ка́пляф—Шаранина; стари́к по́мяр—Агѣево; (срв. пе́ть по́не^іk—ib.); ко́рям была́ бальна́ (=ко́рью)—Зубово; с Микала́ям—ib.; по́няк ня но́сют—Меркулово (Тумск. вол.); шэзь ɣри́вян [2])—Бѣльково; (Киструсъ Спасск. у.); мно́ɣа де́нях—Нармушадь; цэ́ряс два ɣо́дика—Ерахтуръ; Борки; ɣ̆ре́мям (= временемъ)—Нармушадь; капе́як—Шостья; цэ́ряф (= червь)—Ярыгино; ча́ям пайть—Ул. Гора; ходют в Зу́я̆ф (= въ Зу́ево)—Бѣльково; сваи́м баславлéньям—ib.; фсѣ се́мьде^ісят—ib.; я ни дӑхажу́ да пѣ́сян—ib.; (но и: во́т о̆н и вéцыр—Китово); в Успéньяф день—Ивановское; пе́ть капе́як—Праватарово; (но: по́ме^ір – Парахино); с Аньдре́ям—Фомино; дѣ́лӑм—Алексѣево; ку́плян (прич.)—Мягкова; сюда-же принадлежатъ безчисленныя формы глаголовъ наст. (буд.) времени, гдѣ мы имѣемъ звукъ *а* ('*а*) изъ *е* или *и*:—аш (—'аш),—ат (—'ат),—ам (—'ам) вмѣсто—еш,—иш,—ет,—ит.—ем,—им во 2 л. ед. ч., въ 3 л. ед. ч., въ 1 л. мн. ч. и въ 3 л. мн. ч. (иногда). Объ этихъ формахъ мы тоже говорили выше по поводу долгихъ гласныхъ звуковъ [3]). Здѣсь мы скажемъ, что такихъ формъ безчисленное множество въ нашихъ говорахъ и со звуками *не долгими*, т. ч. долгота является по преимуществу въ нѣ-

---

[1]) Сравни въ др. русскихъ грамотахъ: да промежъ Микулкина Высокого *врагомъ* спорной деревни, а изъ *врага* на двѣ ели, да черезъ рѣку въ *вражокъ*—АЮ. № 8. (1498—1505 г.); по изгороду да по *врагъ*, да *врагомъ* въ рѣчку,—ib. № 75. (1494 г.); № 410 (1472 г.): *врагомъ* ручаемъ, вверхъ *врагомъ* и мн. др.

[2]) Сравни въ Смолен. Грамотѣ 1229 г: гривьнъ и гривенъ—Рус.-Лив. А. Стр. 422 и мн. др.

[3]) Срв. *Шахматова*. Изслѣд. въ обл. р. фон. Стр. 80. (Здѣсь предлагается объясненіе фонетическое). Въ другомъ мѣстѣ *Ш.* какъ будто измѣнилъ свой взглядъ: изъ формъ плача—3 л. ед. ч.—плачатъ, откуда—плачаш—2 л. ед. ч., но, кажется, напрасно.

которыхъ говорахъ (см. выше), и то потеряла свою обязательность, т. е. не обязательно имѣется на-лицо. Дадимъ нѣкоторые примѣры формъ *съ не долгими* гласными: мы уш зна́ям—Антоново Кас. уѣзда (здѣсь мнѣ встрѣтилось это произношеніе *въ первый разъ* на продолженіи моего пути); ана́ вы́ткят—ib. (Кажется, Ибердусовской волости и прихода); бу́дят—Жданово; сы́пят—3 л. ед. ч., вы́льяш—2 л. ед. ч.—Забѣлино; придёт да ля́жат на брюха-та—Бѣльково; за жыниха́ гада́ят—3 л. ед. ч.—ib.; хӑрашо́ сѣяш—2 л. ед. ч.—ib.; траву́ по́лям—1 л. мн. ч.—Китово; руко́й во̆т тире́бям 1 л. мн. ч.—ib.; мѣры три ни сѣям—1 л. мн. ч.—ib.; мо́жыть дьвѣ мѣры-ти нӑкало́тяш—ib.; тады́ бу́дям яво́ пӑд до́шш—ib.; дѣлям—1 л. мн. ч.—ib.; номе́лям—1 л. мн. ч.—д. Китово; пӑкупля́ям—1 л. мн. ч.—ib.; ни пъкупа́ям—1 л. мн. ч.—ib.; фсѣ пънӑдява́ям—1 л. мн. ч.—ib.; пӑбраса́ям—ib.; сѣям, по́лям, со́дям, пъсо́дяш, пӑсте́лям, кало́тям, сни́мям, нӑматаям, вы́ткям—1 л. мн. ч.—Чарусъ; вы́шшаш (= вы́сушишь)—Чарусъ; пало́жам, мо́цам, сте́лям—ib.; даже: мать пла́цать—3 л. ед. ч. (—ть, а не—тъ)—ib.; пшана́ пӑтсыпа́ям—ib.; гдѣ цаво́ зало́жаш—2 л. ед. ч.—Ивановское; а то и симяна́ ино́й рас не сни́мяш—ib.; пла́цаш—2 л. ед. ч.—Ветчаны; ска́жӑт—3 л. ед. ч.—ib.; куды́ но́сӑм ля́жӑт (башмо́к)—ib.; мякинки пӑтсы́пяш—ib.; зацэ́м хо́дям? На будьня́х кӑк нибу́ть схо́дям—1 л. мн. ч.—Горы; сами па́шам—1 л. мн. ч.—Андроново, Малахово; напи́шаш—2 л. ед. ч.—Давыдово; ня ста́няш—ib.; сам пра ся́ ска́жаш—2 л. ед. ч.—Семенно; съ табо́й уш ня бу́дяш и γӑвари́ть—Катово; лён по́лям—1 л. мн. ч.—Акулово; в γря́тки сажа́ям—1 л. мн. ч.—ib.; хто́ ня лю́бят—3 л. ед. числа—Акулово (Китов. вол.); по́жы̆ли, бай, бу́дя̄т: пара́ пъмира́ть—Расторгуево; (γ) γро́п пало́жаш—2 л. ед. ч.—ib.; дру́х па дру́γа хо́дям—Зубово; ня ста́ням—ib.; зна́яш—2 л. ед. ч.—Бычково; мы сами ня зна́ям—Чуфилово; заро́ям—1 л. мн. ч.—Бычково; из Ту́мы-ти ǰи́дям—Норино; (= ѣдемъ); упу́стяш; бро́сят, бу́дят—3 л. ед. ч.—ib.; пасо́дят—3 л. ед. ч.—Андроново; и мн. др. [1]).

---

[1]) Сравни такія произношенія въ блр. нарѣчіи: по́сляй (срв. ниже у насъ: ра́не[й]) яны поѣхали до хаты, ажно́ бачиць, што далеко *ходзяць* свиньня... Гродн. губ. и уѣзда. *Шейнъ.* Матеріалы. II. Стр. 185. № 87. Якъ ты будзяшъ биць яго—ib. Минск. губ. Стр. 186. № 88 и друг.

Мы думаемъ, что этотъ звукъ въ глаголахъ такъ называемаго перваго спряженія образовался фонетически, а въ глаголы второго спряженія перешелъ изъ глаголовъ перваго: дѣйствительно, глаголовъ *собственно* второго спряженія въ современныхъ народныхъ говорахъ почти нѣтъ; тѣ глаголы, которые мы приводимъ ниже, съ произношеніемъ почти московскимъ, представляютъ изъ себя только по звукамъ сходство со вторымъ спряженіемъ, на самомъ дѣлѣ они—перваго спряженія, но со звукомъ e^{i} въ слогѣ послѣ ударяемаго и въ закрытомъ. Такое произношеніе извѣстно и нашимъ говорамъ.

Ниже мы даемъ рядъ примѣровъ, представляющихъ отступленіе отъ вышесказаннаго, именно, примѣры звуковъ e^{i} и *i* какъ въ глагольныхъ формахъ, такъ и въ именныхъ, на мѣстѣ разсмотрѣннаго выше звука *а* (*'а*) въ закрытыхъ слогахъ послѣ ударяемаго.

Примѣры звука e^{i} и *i* въ закрытомъ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго изъ *е, и, ѣ, ѧ*: зна́е^{i}м—1 л мн. ч.—Ерахтуръ Касим. у.; бу́де^{i}т—Данево; надѣ́не^{i}т—ib.; хвата́је^{i}т—Бѣльково; выкупа́је^{i}т—ib.; снима́је^{i}м—Китово; зӑцына́је^{i}ш—ib.; пъкупа́је^{i}м—Урядино; ка́к зӑтира́је^{i}м-тў?—Чарусъ; бу́дит—Ветчаны; прiѣ́дит—ib.; хляба́им—ib.; су́хиньких ишэ́ц хляба́иш—2 л. ед. ч.—ib.; блява́ть ҫё (=всё) тсе́нит (=тя́нетъ)—3 л. ед. ч.—ib.; сил ни хвата́ить—3 л. ед. ч.—Рогачево; иу̯ра́иш—2 л. ед. ч.—ib.; хтѐ јi зна́ит!—Горы: (јi=её или ё=его—ео—ёо—ё); иу̯ра́им, ӑсярьца́иш, сѐиш, по́лиш, сте́лиш—Снохино; хлѣ́бушка бу́дит—Агѣево; бу́дим, зу̯рябаа́м—1 л. мн. ч.—Праватарово; ў кало́де^{i}с бу́хне^{i}ш—Ерахтуръ, вы́пье^{i}ш—2 л.

Мы можемъ свой списокъ еще дополнить: сами но́сям—1 л. мн. ч.—Дмитрiево, ку́пля̆ям—1 л. мн. ч.—Акулово, вы̆ни́сяш—2 л. ед. ч.—ib. (даже въ 3-мъ слогѣ *часто* явственно): фҫя рабо̆таям—1 л. мн. ч.—Парахино; мўжа́т ня лю́бят зна́ть—ib.; бу́дят. пи́шат—ib.; у мя́ ў адно́й ня ло́хка (=ловко) бу́дя̄т—ib.; нихто ни ска́жа̄т—ib.: здѣсь мы видимъ большею частью долготу гласнаго. Хо̆̆ям—1 л. мн. ч.—Астахово: жа́рям—1 л мн. ч.—Парахино; хо́ја̄т—3 л. ед. ч (=хо́дитъ)—Парахино; как пъгавѣ́ям—ib.: ра́зя ни умѣ́яш—ib.; кра́ҫям—1 л. мн. ч.—ib.; ѣ́зьдям—Вельково; ко́ҫям, ҫѣ́ям, ѣ́з^{ъ}дям—Алексѣево; рибят кърау́лям—Волчково: ко́сям, ко́сят—3 л. ед. ч. (ко́сют—3 л. мн. ч.)—Ламакино; сами́м ни хватаят—3 л. ед. ч.—Бѣлясево. См. ниже.

ед. ч.—Бѣльково; зна́jеⁱть, папа̀неⁱть (=попадётъ)—с. Китово; пӑцыпа́jеⁱть—ib.: нӑцына́jеⁱш—ib; пӑтряпа́им—1 л. мн. ч.—Шостья; зна́jеⁱть—3 л. ед. ч.—Киструсъ Спасск. у.; (Ерахтуръ Касим. у.); быва́jеⁱть—Ижевское Спас. у.; цэй бу́деⁱш?—ib.. Какъ видимъ, такимъ произношеніемъ отличаются попреимуществу глагольныя формы отъ глаголовъ на—аjе,—аjе—; глаголы, имѣющіе этимологическое *е* послѣ согласнаго *рѣже* превращаютъ это *е* въ поударномъ слогѣ въ *е*ⁱ или *і*. При этомъ глаголы на—аjе—звучатъ въ приведенныхъ выше формахъ такъ, что слышится между гласными *а* и *е*ⁱ элементъ j, чего мы не замѣчали при сочетаніяхъ: *аэ* съ *э* открытымъ (см. выше), и чего также не наблюдается въ томъ случаѣ, если этимологическое *е* переходитъ въ *і*, что̀ обыкновенно бываетъ послѣ согласнаго, но этого j не слышно и послѣ гласнаго передъ *і*. Можетъ быть, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ рефлексами различныхъ старыхъ образованій и произношеній: если предположить, что въ древнѣйшую пору были глаголы съ сочетаніями—аjе—и—аjе,—то изъ первыхъ мы получаемъ въ своихъ говорахъ—аjеⁱ—аи,—а изъ вторыхъ:—аэ,—аjеⁱ,—но не переходящее въ—аи;—изъ вторыхъ-же съ теченіемъ времени развилось:—аӓ,—аа,—а; послѣ согласныхъ:—е, которое давало въ однихъ говорахъ—еⁱ, въ другихъ—еᵃ, откуда черезъ ö, öᵃ наконецъ—а (’а). Съ теченіемъ времени все это перекрещивалось между собой, и въ настоящее время можно лишь констатировать типы: пъкупа́jеⁱш и пъкупа́иш—2 л. ед. ч.; зна́jеⁱть и зна́ить—3 л. ед. ч.; съ другой стороны: рабо́таэм и рабо́таjеⁱм, далѣе: рабо́та̄м; (особенно слышны растянутые гласные здѣсь ближе къ Елатомскому уѣзду Тамбовской губерніи, а въ Касимовскомъ уѣздѣ: въ Шостьѣ, Ерахтурѣ, Чинурѣ, Ярыгинѣ—къ сѣверо-востоку); далѣе: бу́дет—бу́деⁱт—бу́деᵃт—бу́дёт—бу́д’ат.... Оттѣнокъ между *е*ⁱ и *и* все-таки слышится, и мы думаемъ, что тамъ, гдѣ не было j, тамъ было *е*ⁱ, не *і*, а тамъ, гдѣ былъ j, онъ превратилъ *е*ⁱ въ *і*, такъ что, если мы имѣемъ формы съ—аjеⁱ—при—аэ,—то онѣ представляютъ лишь образованія по аналогіи, занесенныя изъ глаголовъ съ—аjе—аjеⁱ—аjи—аи. Мы привели ихъ лишь потому, что онѣ теперь слышатся кое-гдѣ, напр., въ литературномъ нарѣчіи, гдѣ одинаково скажутъ: и рабо́тъjеⁱм, и рабо́тӑим....

Звукъ *е*ⁱ и *и* является въ нашихъ говорахъ не только въ глагольныхъ формахъ на мѣстѣ ожидаемаго, согласно съ предыдущимъ, *а* (*'а*) именно, вм. *е*, *ъ*, *ѣ*, ѧ старославянскаго языка или, лучше сказать, вм. этимологическихъ: *е*, *ѣ*, *я* въ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго: затóпеⁱц—Киструсъ Спас. у.; рáнеⁱй—сравн. ст.—Ижевское; вóсеⁱмь—Ерахтуръ Касим. у., уцы́теⁱль—Борки; калóдеⁱс—Ерахтуръ; у́леⁱй—Нармушадь; малóдеⁱнькяй—ib.; тру́теⁱнь—ib.; падьлѣ́ цасóвеⁱньки—ib.; памѣ́сеⁱцна—ib.; па манéнеⁱцку—Шостья; па ϐéсить—ib.; ў калóдеⁱц—ib.; óсеⁱнь ib.; за пéцый—тв. п. ед. ч. (=за печью), гри́веⁱньпик—ib.; кáмеⁱньщик—Чинуръ; вёрст дéсеⁱть—Брѣево; мѣ́сеⁱц—Гус. Погостъ; с мáтеⁱрью—Дмитріево; асéннеⁱй—род. п. ед. ч. ж. р.—Данево; па ку́пчеⁱй—Гус. Погостъ; за цасовеⁱньку—Бѣльково; вот какáя мéлеⁱнькā (рыба)—д. Китово; пӑцыжэ́леⁱй, он патóнит—ib.; хлѣ́беⁱц мӑлатˢи́ть—Ивановское; (Срв. карьми́ляц—Чарусъ. Си́рят пóла (=середь—середи)—с. Китово); далѣе: ди́вирь—Ветчаны (изъ дѣверь?), цэ́тьвирьть—ib.; глу́пинькюю, па гóринки—дат. п. ед. ч.,—пéрьвинькяя, дéник нѣ́т, Таýсинь, мѣ́сиц—ib.; хрясти́тиль—Борисково; дéсить—Катово; дéвить—Семеино; дéçить. дéвить—Андроново; три цэ́тьвирьти, ни́тъцки бѣ́линьки—Давыдово; явáнᵞилья—Семеино; ϐи́вирь бы́л—ib.; на си́лу вы́деⁱрнула—Бычково; руп дéник—Шаранина; петь пóнеⁱк—ib. (срв. пóняк—Меркулово Тум. вол.); вы́деⁱрнули—ib.; карьми́леⁱц—Давыдово (срв. выше); (срв. мноᵞа дéнях—Нармушадь); рáнеⁱй шэ́зь ᵞри́вян плати́ли—Бѣльково (и Киструсъ Спас. у.); мáслеⁱнки (грибы)—Ерахтуръ; сéмь трóеⁱк—ib; сѣ́мицка—род. п. ед. ч.—Шостья; вéчеⁱр—Ул. Гора; вéцыр—Китово; у мя́ хязя́ин пóмир—Урядино; (срв. выше—пóмяр); но: брáт у́мяр—Чарусъ; мацэ́ньцы̆х-ти? (=мочéнцевъ то? Срв. выше: цалкóвāх—род. п. мн. ч., дварóх, кȧпляф—и проч)—род. п. мн. ч.—Ивановское (Ветчан. волости) [1]; здѣсь мы видѣли звуки *а*, *'а*, *е*ⁱ, *і* (*ы̆*) изъ основныхъ: *е* (*ь*), *ѣ*, ѩ, ѧ, *и*. Звуки *е*ⁱ и *і* являлись преимущественно *передъ мягкимъ* согласнымъ въ за-

---

[1]) Сравни говоры Китовской, Забѣлинской (Погостинской), Шостинской, Ерахтурской волостей, гдѣ особенно замѣтна пѣвучесть въ говорѣ: изъ мѣ́ры кары́т дéвя́ть—Забѣлино: (см. текстъ); лéбять—Зубово; вдруᵞбрать—Катово.

крытомъ слогѣ, какъ и въ южно-рязанскихъ говорахъ [1]), какъ и вообще въ большинствѣ акающихъ говоровъ, но въ нашихъ говорахъ это далеко *не всегда*, и мы видѣли довольно часто звукъ 'е^а, 'а, рядомъ со звукомъ 'е^і, *і передъ твердой* согласной въ закрытомъ неударяемомъ слогѣ, видѣли также звуки 'е^а, 'а рядомъ со звуками 'е^і, *і* въ закрытомъ неударенномъ слогѣ *передъ мягкой* согласной: грйвян, дéнях, грйве^іп, дéник; плáцать—3 л ед. ч. и трýте^інь, знáить... Изъ этого мы заключаемъ, что наши говоры въ значительной степени представляютъ образцы *смѣшанныхъ*, но не чистыхъ говоровъ.

Для сопоставленія приведемъ данныя изъ блр. говоровъ, гдѣ мы видимъ или разницу, или полное сходство съ данными, только что приведенными изъ нашихъ говоровъ. Будемъ опять слѣдить только за поударнымъ закрытымъ слогомъ, въ которомъ стоятъ основные: *е* (*ѣ*), *о*. *а*, ѩ, ѧ, *и* (или, какъ сказано выше, осн. *ъ*, *ь*): грóшай—Шейнъ. II. 186 (срв. выше у насъ: нáшай); подъ пóлымъ (срв. наше: лѣ̆тăм и друг.)—Шейнъ. ib. 233; ў гóрыдъ (срв. наше: ўóрăт—Рогачево; вы́нăс и друг.)—Шейнъ. ib. 234; зáецъ (срв. наше: мѣ̆сяц и мѣ̆сиц и друг. выше)—Шейнъ. ib. 235; хóчитца, вéсило...—ib. 380. 381. (наше: хóцца, чéтьвиро—Дмитріево и друг.); кóлишь—Шейнъ. ib. 544. (наше: стéляш и стéлиш—выше); нáдыть—ib. 548 (надскѣ—Грам. 1229. Сп. А., Новг. Грам. 1265 г. (Собр. Госуд. Гр. и Догов. I. № 1) и мн. др., срв. наше: нáдăть—выше; и мн. друг., напр., въ Грамотѣ 1490 г.: надобѣ при надабѣ—АЮ. № 5).

Теперь я перехожу къ звуку *а* (*'а*) изъ *и*, большею частью, въ суффиксѣ—ик,—ин,—но и въ глаголахъ вмѣсто тематическаго *и*. Этой особенности опять я почти не встрѣчалъ въ южно-рязанскихъ говорахъ, а здѣсь она распространена. Примѣры: павóйняк—Андроново, Малахово Касим. у.; уря́дьняк—ib.; кýрьняк—Парахино; хаз^жя́ян царá каçи́л—Астахово Парахин. волости (=хозя́инъ вчерá коси́лъ); бáрян—д. Жданово. При этомъ: миня́ пакóял—Логино Тум. волости. Срв. дóне^іл—Куземкино Ерахтур. волости. (На югѣ губерніи

[1]) См. мое соч. «Къ діалектологіи». Стр. 10. 22. 23. 30. 31. На югѣ Рязанской губерніи говоры становятся сильно акающими, а сѣверно-рязанскіе говоры лишь заимствовали свое аканье и яканье.

почти всегда: по́нял, до́нял и под..[1]). Уфторьник про́лял до́ш— Деревенское Спас. у.; жэ́сьтяю—тв. п. ед. ч.—Шостья Касим. у.

Наконецъ, *а* въ закрытомъ слогѣ послѣ ударяемаго въ членѣ, гдѣ онъ звучитъ (звукъ *а*) вообще такъ же неопредѣленно, какъ и въ большинствѣ выше разсмотрѣнныхъ нами случаевъ. Впрочемъ, я долженъ сказать, что эта звуковая неявственность или неопредѣленность лишь относительная: мѣстами слышится ясно *а* (*'а*), мѣстами не совсѣмъ ясно, и потому въ предыдущихъ примѣрахъ я обозначалъ неопредѣленность гласнаго знакомъ краткости (˘) надъ нимъ; гдѣ нѣтъ такого знака, тамъ звукъ слышался мнѣ яснѣе. Говоря объ этомъ звукѣ *а*, я опредѣлилъ его мѣсто *въ членѣ*, но это, конечно, условно: было бы мало вѣроятія въ предположеніи, что этотъ гласный звукъ представляетъ собой остатокъ *тематическаго* гласнаго имени, хотя такое предположеніе возможно и высказывалось. Въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ: Ви́ш, он са́д-ăт—Нармушадь Касим. у.; ăстава́еⁱтца во́ск-ăт, он яво́ жмётъ: во́ску-ту мно́ӯā—ib.; чялно́к-ăт—Дубровка, Гиблицы; пло́х-ăт, всхо́д-ăт—Бѣльково; ради́тцы у нас хлѐб-ăт—Китово; ру́пь шызьдеⁱся́т за го́д-ăт—Урядино; наш до́м-ăт—Чарусъ; ӯрăд-ăт я ня по́мню—Рогачево; я бы ди́сьтяры́м рăздяли́ла пу́д-ăт—ib.; хлѐба ма́ла уража́й-ăт—Горы; да што́ о̆н, му́ж-ăт—Зубово; онъ ба́рин-ăт мяня́ пъжалѐя—3 л. ед. ч.—Давыдово; „как тво́й-ăт сы́н—сыно́к бѐшăнай"—Семеино; он тяпе́рь до́ма му́ж-ăт—Катово; в до́м-ăт сто́-та рубле́й му́ж-ăт пришлѐ—3 л. ед. ч.—ib.; д'ыть о́н сы́н-ăт пайдѐ—Шаранина; он ни пришо́л сы́н-ăт—ib.; д'ыть он пріяжжа́я по́п-ăт!—Расторгуево; мо́ст-ăт на Ту́му-ту—Амляшово; мы́'ить наро́д-ăт

---

[1]) Срв. *Шахматовъ*. Изслѣд. Стр. 209—210. Произношенія нашихъ говоровъ: три́тцӑть, два́тцӑть и под. мы видѣли уже выше. Срв. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 21—22: вы́пял, по́лял, спо́рял... Стр. 20: пирявори́ᵃм—1 л. мн. ч. Стр. 18: хто ста́нятъ... Ркп. № 127. 1683 года. Переходную ступень къ вышеприведеннымъ произношеніямъ изъ нашихъ говоровъ мы имѣемъ въ муромскихъ: ба́рен, поста́вел (срв. наше: ба́рян, пако́ял), поло́жел..... См. *Колосова*. Замѣтки... Указ. соч. Стр. 311—312. «Сказка о злущей волшебницѣ». Срв. формы множ. ч. въ открытыхъ слогахъ: ѣздели, видяли... *Колосовъ*. Ib. 147. Пѣсня изъ Олонецкаго края. Срв. *псковское*: во́ен и т. п.

ни уцо́нӑй—Зубово; ӑдьдѣ'ли́л он ва́с атец-ӑт—Чуфилово; „нас Бо́γ-ӑт нӑрадил, дӑ ни уγадил“—Бычково; двухъята́жпай до́м-ӑт—Немнясево; зипу́н-ӑт—Норино; на́ш-ӑт ба́тюшка ня пьё—Праватарово: сы́н-ӑт—Фомино; он ади́н-ӑт рабо́тьник у мя́—Астахово; „Ди́ди Ла́дуўн-ӑт игра́ля: э́та ѣ́ла фçё забы́та“!—Парахино; харо́шӑй ко́нь-ӑт—Ахматово; γаспо́ть пасла́л другой хлѣ́б-ӑт—Алексѣево; мы јих купля́ям тава́р-ӑт—Акулово Китов. волости.

О членѣ см. ниже, въ Морфологіи. Что касается двухъ послѣднихъ явленій, то ихъ мы имѣемъ довольно часто и въ другихъ говорахъ: первую въ южно-великорусскихъ по преимуществу, вторую въ сѣверно-великорусскихъ тоже по преимуществу [1]); такой членъ извѣстенъ и въ древне-русскомъ языкѣ, особенно въ языкѣ Лавр. списка лѣтописи [2]). Соболевскій отмѣтилъ произношеніе: ижжа́рянъ, а́ньялъ (*я* изъ *е*) въ Липецкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи. Сравни у насъ выше: ку́плян, вино́вян, ка́пляф. но: де́ник при де́нях, по́ник при по́няк, по́мир при по́мяр и у́мяр и проч Изъ остатковъ формъ члена Соболевскій приводитъ только изъ Печорскаго края [3]) такую форму, какую мы видѣли въ нашихъ говорахъ повсемѣстно, но намъ извѣстна эта форма и изъ другихъ сѣв.-влкр говоровъ [4]). Напр., въ др. русскомъ: холмътъ—Ипат. лѣт. л. 60. столб. 1. (фототипич. изд.); срв. въ Лавр. сп.: холмотъ—л. 49. Въ Олонецк. говорѣ: Да вальякъ-отъ литый красна золота—Гильфердингъ. Онеж. был. Столб. 1062 и др. Москвичи также, даже образованный классъ, въ прежнее время говорили такъ: у Фонъ-Визина въ томъ говорѣ, которымъ говорили Простаковы и Скотинины [5]), извѣстенъ былъ такой членъ: перёдъ-отъ (Недоросль. Д. III. Явл. 3).

---

[1]) *Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. Вып. I. Стр. 14 отмѣтилъ: ба́рянъ, но неизвѣстно, въ какой мѣстности. Срв. мою брошюру: «Главн. черты народн. р. говора въ Каз. губерніи». В. 1894. Стр. 29.

[2]) См. ниже примѣры.

[3]) *Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. Вып. II. Стр. 24.: хлѣ́бо-тъ.

[4]) Срв. выше въ говорѣ Каз. губерніи и въ Ярославской губ. Даль. О нарѣчіяхъ. LVI. XLVIII. Въ Тверской губерніи: человѣкъ—отъ и проч.

[5]) Этотъ говоръ зналъ и мѣну *ф* на *х*: арихметика. Простакова о своемъ языкѣ говоритъ: « *по здѣшнему* сказать». Д. II. Явл. 5.

Крыловъ въ своихъ Сатирическихъ журналахъ пишетъ такъ-же [1]), въ басняхъ—тоже [2]); Грибоѣдовъ тоже [3]). Такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ наши говоры представляютъ сходство съ сѣверно-великорусскими, но умѣренно-акающими; что-же касается глагольныхъ формъ на-*'ат*,-*'ам*,-*ат*,-*ам*, то здѣсь наши говоры приближаются тѣснѣйшимъ образомъ къ говорамъ бѣлорусскимъ Минской и Могилевской губерній. Мнѣ думается, что среди древнѣйшихъ русскихъ говоровъ находились и говоры умѣренно—акающіе, которые помѣщались, вѣроятно, въ серединѣ говоровъ окающихъ и говоровъ, ставшихъ впослѣдствіи сильно акать. Такіе говоры мы можемъ назвать переходными не въ этнографическомъ, а въ историческомъ смыслѣ [4]).

---

[1]) Напр., въ журналѣ: «Зритель». Спб. 1792 г.

[2]) Напр., въ баснѣ: «Лжецъ» (1815 г.): «Однако-жъ мостъ-атъ нашъ каковъ».

[3]) Фамусовъ—важный московскій баринъ—говоритъ: «И въ чтеньи прокъ-отъ невеликъ». Д. I. Явл. 2. (Булгаринская рукопись комедіи «Горе отъ Ума». См. *Гарусова*. Горе отъ Ума. Спб. 1875 года. Стр. 225).

[4]) Собственно говоря, мы даже имѣемъ нѣкоторыя доказательства того, что уже въ древности, гораздо ранѣе XIV вѣка, нѣкоторые говоры знали звукъ *о* склонный къ *а* или настолько открытый, что переписчики иногда ошибались и ставили начертаніе *а* вмѣсто *о*: такія написанія, какъ: Воню об*а*нѧвъша мѵра ис тебе—Сент. Минея 1095 г. л. 173-а. (Ягичъ. Минеи. 230), я объясняю себѣ существовавшими въ языкѣ произношеніями въ родѣ: обн*а*влѧѥми *б*ыхомъ—Изборникъ 1073 г. л. 9а, горькыѩ своб*а*ждѧвъшоу работы—л. 37 с. ѩко зѧтв*а*рѧете—л. 44 б. ѥдинъ бо б҃ъ можеть пр*а*штати грѣховъ—л. 45 а. пр*а*штаѥть—3 л ед. ч.—л. 45 с. пом*а*гаѥть—3 л ед. ч.—л. 45 d. пом*а*ганиѥ—л. 45d. ом*а*каѩ—л. 51b. отънем*а*гаютьсѧ—3 л. мн. ч.—л. 52а. възг*а*раѩсѧ—л. 53d. и мн. др., гдѣ мы видимъ это *а* въ «многократномъ видѣ» глаголовъ. Срв. въ Минеѣ XI—XII в.: *ба*гатьно—*Срезневскій*. Др. п. р. п. и яз. (Изв. А. Н. Х. вып. V. Стр. 442. 443). Тріодь Постная XII в.: пог*а*нѧѩ—ib. 450. Псалтырь 1296 г пог*а*нѧѩи—л. 65. пом*а*гаѥть—л. 105 об.—*Буслаевъ*. Матеріалы для исторіи письменъ. Юбилейное изданіе Моск. У—та. 1855 года. и др. Было бы, мнѣ кажется, не совсѣмъ правильнымъ толкованіе этихъ и подобныхъ написаній въ *древне-русскихъ* памятникахъ, какъ сохраненіе въ живомъ языкѣ русскомъ чередованія *о—а* въ глаголахъ однократнаго и многократнаго вида. Кажется, что эти написанія въ памятникахъ *русскихъ* могутъ свидѣтельствовать собой вообще начало расширенія звука неударяемаго *о*, независимо отъ значенія глагольной формы;

§ IV. Перехожу теперь къ звукамъ гласнымъ, по преимуществу къ звуку *а* нашихъ говоровъ, въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго слога къ началу и къ концу слова. Выше въ разныхъ мѣстахъ мы, приводя примѣры на произношеніе гласныхъ въ нашихъ говорахъ въ слогахъ, сосѣднихъ съ ударяемымъ, видѣли также и произношеніе гласныхъ въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ ясно можно видѣть, что гласные въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударяемаго, звучатъ, большею частью, *неопредѣленно*, то съ большей, то съ меньшей ясностью качества звука: по обозначеніямъ этихъ гласныхъ на письмѣ мы видѣли, что надъ ними въ большинствѣ случаевъ стоитъ знакъ краткости (˘), а иногда они обозначались нами и знаками *ъ* или *ь*. Вообще, можно сказать, что качество такихъ гласныхъ еще менѣе опредѣленно, чѣмъ качество гласныхъ въ сосѣднемъ съ ударяемымъ слогѣ закрытомъ послѣ ударенія, но отсюда надо исключить звукъ *ă*, стоящій въ третьемъ слогѣ передъ удареніемъ и происшедшій изъ основного *а* или *о*; этотъ *ă* звучитъ всетаки, большею частью, настолько близко къ чистому *а*, что его обозначать знакомъ *ъ* обыкновенно приходилось только тогда, когда онъ находился *не въ началѣ слова* а *послѣ согласной*, но и здѣсь, какъ мы видѣли выше, бываютъ варьянты въ произношеніи. Яснѣе другихъ въ такомъ положеніи звучитъ звукъ *у* и въ началѣ слова, и послѣ согласнаго. Итакъ, звуки ряда *а—о* даютъ въ означенномъ положеніи *ă—ъ*, звукъ *у* остается яснымъ, а звуки ряда *'а—'е* даютъ звукъ, близкій къ *і*, почти *і*; самъ-же звукъ *і* въ означенномъ положеніи остается яснымъ. Звукъ *е* послѣ шипящихъ и *ц* въ большинствѣ случаевъ даетъ звукъ *ы* или *ы̆* (менѣе ясное), какъ увидимъ изъ примѣровъ, между тѣмъ

сравни: оубогъри нб̆са—Сильвестровскій Сборникъ до 1350 г.—*Срезневскій*. Др. п. (Изв. А. Н. Х. вып. VI. Стр. 651). Мы уже не говоримъ о собственныхъ именахъ въ родѣ: Олексию (Жит. Нифонта 1219 г. Запись), *О*нтонъ, Лазорь (Посланіе Симона XIII в., Поликарп. Ев. 1307 г. и др.) и о памятникахъ XIV и позднѣйшихъ вѣковъ. Съ другой стороны, мы видимъ слѣдующее: видѣ желѣза. иже бѣша на немь и на подроузѣ ѥго изл*а*мана—Сильвестров. списокъ сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ XIV в. л. 137. Ь. *Срезневскій* Спб. 1860 года. Сравни наше южно-великор. изла́манъ, сла́манъ и т. п.

какъ во второмъ слогѣ, въ предударномъ, этотъ звукъ въ означенномъ положеніи обращается въ нашихъ говорахъ, какъ мы видѣли выше, въ *а* (чаще) и въ *ы* (рѣже).

Приведемъ нѣкоторые примѣры на произношеніе гласныхъ въ слогахъ, удаленныхъ отъ ударенія. Атьвѣ́дай кутéйки па мăладéньцу—Киструсъ Спас. у; ў пăнеⁱдѣльник—Деревенское Спас. у., пăўлядúтя—Ижевское Спас. у.; ўры́бавá даскá—Ерахтуръ Касим. у.; пълуцы́ла—Шостья; гы́варя́ть—3 л. мн. ч.—ib.; хлябá хърашы́—ib.; пăшанá—Ерахтуръ; пăшанúца—Нармушадь; пăлаткáми (=платками)—тв. п. мн. ч.—Уланова Гора; блины́ ис пшанá рăжаны́я—Чарусъ; пăшанá насы́пют—Ветчаны (Истомино); „кăравáтка смăшшанá" =смощенá—Таусень—ib.; он вăдавóй (=вдóвый)—Чуфилово; пăхристóскаимся 1 л. мн. ч.—Праватарово; нăцынáеⁱть—3 л. ед. ч., нăцынáеⁱш—2 л. ед. ч.—Китово; пăцыжэ́леⁱй—д Китово; припомнимъ также произношенія: с крáсниськуй' з бумáшкуй—Шостья; з завя́зăнуй галóушкай — ib.; „рăстяря́хи—пăднявѣ́стицы" — Нармушадь; пăнеⁱсьлú — Шостья; зăплеⁱтéна—Гус. Погостъ; Авдакúм—Лѣсново, малашнýю (=мелочнýю)—д. Китово; ăтрайлси, ăбяшшáлси—Ерахтуръ; абламúлси—Данево; истамúлси—ib.; урадúлась—Чарусъ; плеⁱмяшы́—Ижевское Спас. у.; Ерахтуръ Касим. у.; па пьтацкý—Шостья; јиравы́ји-ти—Лѣсново; либеⁱдúная—Данево; в јиравóй жнитвѣ́—ib.; скипятúш—2 л. ед. ч.—Забѣлино; апшывны́я сáни-ти—Чарусъ (=обшивны́я); абвянцáли—Ерахтуръ; надіют—3 л. мн. ч. (=надѣваютъ) — Дмитріево; адявáютца — Ерахтуръ; адявáла (=одѣяло)—Антоново; сирябрá — Ул. Гора; пеⁱряшы́та—ib.; тˢирямý—Дмитріево; привязýт — Гус. Погостъ; веⁱцарýшную пѣ́сьню—Бѣльково; зáмужъм—Ул. Гора и зáмъжăм—Чарусъ; глаголы такъ-же, какъ и выше: дéрьгаеⁱм—1 л. мн. ч. и свя́зъваям—1 л. мн. ч.—Китово; пéрид зáганьём (sic!)—Гус. Погостъ; *послѣ шипящихъ и ц*: ф цытьвярóм — Бѣльково: жынихóф пóјеⁱст=поѣздъ — Нармушадь; ж жынихóм — Дмитріево; шылухú—Забѣлино; жыреⁱбья́—Бѣльково; ж жынихá—Шаранина; жынихá ў бáни памóют—3 л. мн. ч.—Фомино (Парахин. волости). Остальное—,какъ и въ южно-рязанскихъ говорахъ. Замѣтимъ еще: пиринéцык—Катово Тум. край; пьринéцык—Лоўино тоже въ Тумскомъ краю (версты 4 обѣ деревни другъ отъ друга); пиряпáхываиш — 2 л. ед. ч. — Снохино ib.; теⁱмнаўнѣ́дая, цы́лавáть — Ижевское Спас. у., Ерах-

туръ Касим. у.; зилянóва — Ерахтуръ; цылаэ́к — Шостья; сеiлеiзéнь — Данево; шызьдеiся́т — Дмитріево. Насчетъ такихъ словъ, какъ Авдакúм (Лѣсково Касим. у.), Апрасúнья (Шаранина), Алдакúм (Дубровка), Илдакúмаф (Дубровка), а равно: исинью́ (=осенью)—Урядино и под. замѣтимъ, что въ сѣв.-влкр. и въ древне-русскомъ мы имѣемъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ звукъ *о*: Ѡфросинья—крестъ кн. Евфросиньи Полоцкой 1161 г. (*Срезневскій.* Др. п. Изв. А. Н. Х. II. Стр. 101. Памятникъ Галицко-волынскій?); Овдокúмъ—АЮ. № 11. Омѣльянъ—Смол. Лѣт. Авраамки. Стр. 177. Наше: Меальянам—твор. п. ед. ч.—Парахино Касим. у.—съ отпаденіемъ начальнаго звука *о—а*. Такія формы, какъ вышеприведенное *Илдакúмаф*—Дубровка Касим. у.—должны объясняться изъ основного **Еiвдакúмовъ* со звукомъ *е*i закрытымъ, развившимся въ извѣстной группѣ говоровъ; а такія формы, какъ: Овдокúмъ, Авдакúмъ... - изъ основныхъ формъ, со звукомъ *е*а открытымъ. „Исинью́“ — Урядино—изъ **е*i*сенью́*, а южно-ряз. „асинью́“ изъ **е*а*сенью́*. Я полагаю, что въ русскихъ нарѣчіяхъ діалектически могли быть извѣстны формы: ѥсень при осень [1]). Но въ пѣснѣ мы имѣемъ и: „*и*глянулась я наза́т“—дер. Китово.

Такимъ образомъ, въ 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго мы видѣли звуки: ă, ъ, еi, і, ь, у, ы ŭ, изъ основныхъ: о, а, е, ѥ, ѧ, и, у.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, гласные звуки въ ихъ зависимомъ положеніи относительно ударенія и ударяемаго слога, мы видѣли, ка́къ рефлектируются въ нашихъ говорахъ основные гласные звуки: *а*, *о*, *ъ*, ѥ, (ѧ), *е*, *ь*, *и*, *ѣ*; мы видѣли вмѣсто нихъ въ нашихъ говорахъ звуки ā и ă, ди-

---

[1]) *Шахматовъ* (Изслѣд... Стр. 5—6) полагаетъ, что еще въ общеслав. яз. имѣлись діалектически формы: jäsенъ при äsенъ, образовавшіяся по диссимиляціи со слѣдующимъ *е* изъ jesенъ—jösенъ—jäsенъ. Правда, что изъ формъ *äsенъ... (ст.—сл. есень) мы можемъ вести формы осень..., но откуда мы должны выводить формы діалект. исинью́?! Для нихъ мы предполагаемъ и въ нарѣчіяхъ прарусскаго языка формы: *jäsенъ или, по моему, вѣрнѣе *jesенъ со звукомъ еi закрытымъ, который сталъ таковымъ вторично ассимилируясь слѣдующему мягкому слогу—sенъ. Срв. указаніе *Соболевскаго* (въ рец. на трудъ *Шахматова*) на слово: ѥлово въ ср. болг. памятникѣ XIV вѣка. См. Ж. М. Н. Пр. 1894. (май?). Стр. 429—430. (здѣсь приведена и блр. форма).

фтонги ͡уо, ͡юо, ͡іе, звукъ *о*, *е* подъ удареніемъ, звукъ ӹ и ӹ̆, звукъ й и й̆, звуки, смягчающіе собой предшествующіе согласные: 'ā и 'ă. Въ общемъ мы можемъ сказать, что наши говоры по своему вокализму представляютъ собой потомковъ тѣхъ говоровъ, въ которыхъ замѣчалось сильное вліяніе мягкаго согласнаго и слога на предшествующій и послѣдующій гласный, т. е. нашъ говоръ принадлежалъ когда-то къ говорамъ группы β, употребляя терминъ Шахматова [1]), и въ этомъ мы видимъ доказательство древности нашихъ говоровъ.

Въ настоящее время въ нашихъ говорахъ замѣчается *скрещеніе* различныхъ особенностей вокализма, распредѣлявшихся, быть можетъ, въ древнее время болѣе послѣдовательно по говорамъ; положеніе нашихъ говоровъ въ центрѣ между акающими и окающими говорами было причиной заимствованій и видоизмѣненій въ вокализмѣ нашихъ говоровъ, но консонантизмъ нашихъ говоровъ, а равно и нѣкоторыя особенности въ произношеніи ударяемаго древняго *ѣ*, будутъ говорить намъ, какъ увидимъ ниже, что наши говоры сложились не изъ тѣхъ элементовъ, которые мы находимъ въ окрестныхъ говорахъ, окружающихъ наши. Такимъ образомъ, это еще болѣе насъ убѣждаетъ въ томъ, что въ зернѣ нашихъ говоровъ кроется какой-то особый говоръ *съ дифтонгами* и *долгими* гласными, между тѣмъ какъ нынѣ, насколько намъ извѣстно изъ опубликованныхъ матеріаловъ по діалектологіи, по близости отъ нашихъ говоровъ нѣтъ въ рѣчи народа ни дифтонговъ, ни особаго *ѣ*, ни тѣхъ согласныхъ, которые мы разсмотримъ ниже. Это еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что *ӓканье* нашихъ говоровъ въ нынѣшнемъ его видѣ есть явленіе позднѣйшее, результатъ вліянія аканья окружающихъ говоровъ, и въ самомъ аканьѣ нашихъ говоровъ мы усматриваемъ слѣды того, что наши говоры были нѣкогда говорами *съ умѣреннымъ аканьемъ*. Въ виду особаго *ѣ* нашихъ говоровъ мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію звука *ѣ подъ удареніемъ*, а въ связи съ нимъ разсмотримъ и тѣ звуки, которые стоятъ въ нашихъ говорахъ на мѣстѣ древняго ударяемаго *ѣ*.

---

[1]) *Шахматовъ*. Изслѣдов... Стр. 199—200. У *Брандта* «ёкальскіе» говоры. Этногр. Обозр. 1895. № I. 143.

Такимъ образомъ, слѣдующая глава будетъ посвящена обзору звуковъ *е*, *і*, *іе* подъ удареніемъ въ нашихъ говорахъ. При этомъ намъ придется касаться и звуковъ, являющихся въ нашихъ говорахъ вмѣсто ожидаемыхъ вышеназванныхъ *е*, *і*, *іе*.

Глава III-я.

Звуки *е*, *і*, *іе* въ говорѣ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Здѣсь мы разсмотримъ эти звуки подъ удареніемъ и для сравненія будемъ приводить примѣры на употребленіе этихъ звуковъ или имъ соотвѣтствующихъ и въ говорахъ прилежащихъ къ Касимовскому уѣзду частей Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Основной звукъ *ѣ* является въ нашихъ говорахъ, конечно, чаще всего такимъ-же, какъ и звукъ *е* подъ удареніемъ, т. е. звукомъ *е* болѣе или менѣе широкимъ и узкимъ, смотря по слѣдующему слогу, и всегда смягчающимъ предшествующую согласную. Звукъ *э* открытый и не смягчающій предшествующую согласную мы видѣли только на мѣстѣ основного *е* (*ѣ*) въ нашихъ говорахъ послѣ *ж*, *ш*, *шш*, *ц* и послѣ гласной *а* въ глаголахъ, не стянувшихъ—аје—въ—аа,—а. Въ прочихъ случаяхъ мы наблюдаемъ въ нашихъ говорахъ полное отождествленіе звуковъ *ѣ* и *е* подъ удареніемъ. Но это не во всѣхъ мѣстностяхъ: есть говоры среди изслѣдуемыхъ нами, гдѣ звукъ *ѣ* основной подъ удареніемъ *звучитъ всегда закрытѣе*, чѣмъ звукъ *е* въ одинаковыхъ положеніяхъ, т. е. приближается къ звуку *і*; въ этихъ говорахъ *даже передъ твердымъ слогомъ* мы находимъ ударяемый звукъ $е^{і}$ или *і* или *іе* на мѣстѣ основного *ѣ*, тогда какъ звукъ *е* въ означенномъ положеніи остается звукомъ болѣе открытымъ въ этихъ же говорахъ.

Дифтонгъ і͡е на мѣстѣ основного ѣ: куды́ і͡е́вьдим?—1 л. мн. ч. — Нармушадь Касим. у.; і͡е́дить—3 л. ед. ч. — ib.; і͡е́вьдит—3 л. ед. ч.—Лѣсново; абъі͡е́щик—Гус. Погостъ (почти какъ „абъјéⁱщик.“). Срв. бóлі͡е ницавó — Бѣльково; мі͡е́ру натóпцу—1 л. ед. ч. буд. вр.—Шаранина; кадá х пéц станóўим и х'мі͡е́ль—ibid. (хмѣль?); ні͡е́ту, ні͡е́ту!—Чуфилово; не сумѣ́ю пéⁱсьни пі́еть—Парахино; я бай ні́ет!—ib.; вóçимь мі́ер на тᶜягло́—Ахматово. Особенно интересенъ этотъ звукъ *въ д. Норинъ* (Шéинскаго прихода): здѣсь мы имѣемъ *постоянно* вмѣсто ударяемаго *ѣ* какой-то звукъ средній между *і* и *е всегда мягкій*, такъ что онъ то слышится ближе къ звуку *і*, то ближе къ звуку *е* закрытому: очень часто слышится въ этихъ случаяхъ и *ясное і*: вмі́éстѣᵃ, ді́фьки, јі́дям—1 л. мн. ч., çё запри́ло (= запрѣло), хле͡і́пца—род. п. ед. ч.; çё съјеⁱдя́т—3 л. мн. ч., я ни ўмі́ю, пајéⁱду—1 л. ед. ч. буд. вр.; дьвѣ́ нидúли; ты к нáм на динёк прі́јить (= прі́ѣдь, прі́ѣзжáй); да ъъвали́м пи́сьни—1 л. мн. ч. буд. вр.; зьди́ся (= здѣсь)—въ пѣснѣ; съји́ла што́-ля нас? (См. Приложенія). Далѣе: хлѣ́ба пајú́сь нѣ́ту—Ветчаны (Истомино); ня бу́диш јúсть ăржаны́х-ти пираʏóў—Зубово Тум. край; д'ыть јúсь нéцъва — ib.; ня съјúсть нихтó — Горы; он јéⁱсь хóца — 3 л. ед. ч. — Катово; цы́дим (= цѣдим) — 1 л. мн. ч. — Шаранина; цэ́рйф јéⁱсть — Жалудково; јúсть нѣ́ту — Чуфилово; свидúтеⁱль — Меркулово; çі́ют (= сѣ́ютъ) — Андроново; присьпі́им — 1 л. мн. ч. (= приспѣ́емъ = приготовимъ, заготовимъ)—Парахино; ку́пі͡ем мукú—1 л. мн. ч.—Фомино Парах. вол. (см. объ этомъ словѣ выше: срв. *Соболевскаго.* Лекціи ². Стр. 225—226); дú-вирь —Ветчаны [1]); с кúм жыў—Ижевское Спасскаго у.; [2]) сú знáють (= всѣ) [3]) — ib.; при свидúтьлях—г. Спасскъ [4]); смат-

---

[1]) Объ этомъ словѣ см. между прочимъ у *Шахматова.* Изслѣд... Стр. 173. Срв. *Miklosich.* Etym. Wtb. s. v. dêverĭ. Здѣсь *ѣ* общеславянское, и въ юВр. говорахъ—ди́вирь—изъ сѣверно-великорусскихъ.

[2]) Вѣроятно, изъ «кѣмъ», а не прямо изъ цѣмь.

[3]) Вѣроятно, изъ «всѣ», а не прямо изъ вьси. Спасск. Ижев.: фсú сматрѣ́ли.

[4]) *Шахматовъ.* Ук. Соч. Стр. 160.

рúть—Ижев. [1]); сматрúла—Ерахтуръ Касим. уѣзда; э́та пъсматрúл?—Катово; у мня́ на се́рьцы нúту—Бѣльково; дúвирь—ib.; пајúсть на́да—Нармушадь; јúсть—неопр. н.—Шостья; смúх (=смѣхъ)—Ул. Гора близъ г. Касимова; с цы́м је[i]дúм-ту? 1 л. мн. ч.—д. Китово; мнѣ́ *нúкада* [2]) хадúть-та—Чарусъ, Ивановское; о́къла Успе́ньява дня́ сíјать—неопр. н.—(=сѣ́ять)—Ивановское; пе́льзи — Анисово. Въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ вмѣсто ударяемаго *ѣ* звукъ *i*.

Теперь мы переходимъ къ звуку *е* подъ удареніемъ въ нашихъ говорахъ изъ основного *е* или *ѣ*; мы разсмотримъ отдѣльно звуки *е* и *'о* (*ё*). Звукъ *е* мы слышимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: не[i] даля́ка, ӑсную́м—1 л. мн. ч., тке́ш - 2 л. ед. ч., тке́м—1 л. мн. ч., нӑпряде́ш—2 л. ед. ч., нӑпряде́м 1 л. мн ч., пане́ва, пане́ву—вин. ед. ч. (м. б., здѣсь звукъ *е* изъ основного *ѣ*?); бе́рда—им. пад. мн. ч.—Киструсъ Спасск. у.; дале́ка, кре́сная ӑдява́е[i]ть—3 л. ед. ч.—Ерахтуръ Касим. у.; абѣ́дьня скóра ӑтайде́ть—Нармушадь; ме́рьзьни—пов. накл. (здѣсь *е* и должно быть, не *ё*.) ib.; наде́жа (изъ *ѣ*)—Ерахтуръ; ѕе́рьуе[i]нка (лёнъ = де́рганецъ, „де́ргенка")—Ерахтуръ; рајéвьня - Ломъ; зубы де́рьгали - Шостья [3]); све́л (=свёлъ)—Уланова Гора (въ пѣснѣ); ус'михне́те[i]ся—2 л. мн. ч. буд. вр.—Дмитріево; вӑстре[i]пе́хнит'чя—3 л. ед. ч. буд. вр.—Данево; праме́ш (=проме́жъ)—ib.; де́рьгае[i]м—1 л. мн. ч.—Китово; „пӑде[i]ре́м'си д[з]апять рӑзбе[i]ре́м'си!"—Китово; „и сипа́с пре[i]-

---

[1]) Въ этомъ словѣ *и* нашихъ говоровъ, м. б., изъ основного *и*: съмотрити.

[2]) Значитъ, *Потебня* правъ, если пишетъ: нѣ́когда, нѣ́кому, нѣ́ у кого... и отстаиваетъ это правописаніе. Онъ говоритъ: «Остается принять, что обороты: нѣ́чегŏ—бы́лŏ v. нѣ́чегŏ бу́детъ дѣлать и проч. съ *было*, *будетъ*, лишенными ударенія и прислоненными къ предыдущему слову съ *нѣ*, предполагаютъ выраженія съ двумя глагольными сказуемыми: «(мнѣ) было (есть) нѣ́ (=неесть) чегŏ дѣлать»...=«мнѣ было (будетъ) такъ: нѣчего (теперь) дѣлать»... «*Нѣ* оправдывается стр. сл. и малорусскимъ». Изъ Записокъ по р. грам. [1]. II. 378—380 и слѣд. Соболевскій. Лекціи[2]. 64

[3]) См. мою вступит. лекцію въ Каз. У-тѣ: «Объ источникахъ для исторіи р. языка».... Стр. 18—19. Казань. 1893. Также мою брошюру о Казанскомъ говорѣ. В. 1894. Стр. 25.

де́ть“ (=пряде́тъ)—д. Китово; „вишьца́ вазьму́ть на прашшэ́най де́нь“—ib.; пайде́ть—3 л. ед. ч.—с. Китово; „прайде́ть де́нь Тро́йцыи“—дер. Китово; ца́сты з’ве́здушки (изъ *ѣ*)—Ветчаны (Истомино); каво?—Сте́пьки-ти? (Сти́пани́ди?—род. пад. ед. ч.)—Катово Тум. вол.; „у няво́ рука́ ни дрӑуане́т“—Рогачево; „о́н jе́сь хо́ца“—3 л. ед ч. (=ѣсть)—ib.; мы ве́драми ни э́та“..—Акулово; „пайде́ адна́ даро́уа“—Жалудково; „а ты́ пря́ма пайде́ш“—ib.; „даду́т яе́ на́ руки“—Меркулово; „у Ляксе́я ме́льницы-ти е́сь, а зе́реⁱн нѣту“—Парахино; срв. также довольно явственное *е* въ словѣ: вы́пьеть—3 л. ед. ч.—Шостья. Въ этомъ словѣ *е* не подъ удареніемъ, какъ видитъ читатель. Въ своемъ трудѣ, посвященномъ главнымъ образомъ обзору фонетики и морфологіи говора *южныхъ* уѣздовъ Рязанской губерніи, мы тоже отмѣтили подобные примѣры произношенія звука *е* вмѣсто литературнаго *ё*, но на югѣ губерніи эти примѣры встрѣчались гораздо рѣже, и по преимуществу мы слышали этотъ звукъ *е* не *ё* въ глагольныхъ окончаніяхъ [1]). На сѣверѣ губерніи, въ Касимовскомъ краѣ, это явленіе встрѣчается *гораздо чаще.* По поводу вышеприведенныхъ примѣровъ произношенія звука *е* слѣдуетъ сказать, что всю массу ихъ слѣдуетъ разбить на нѣсколько группъ: въ одной звукъ *е* не *ё* стоитъ передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ, а потому и не долженъ дать произношенія *ё* по закону великорусской фонетики (таковы формы: ӑтайде́ть, раjе́вьня, рӑзбеⁱре́м’си въ Нармушади, Лому, Дмитріевѣ, Китовѣ, Жалудковѣ и мн. друг.); въ другой группѣ звукъ *е* восходитъ къ *ѣ,* а потому и здѣсь онъ архаиченъ и правиленъ (таковы: наде́жа, з’ве́здушки, ве́драми—Ерахтуръ, Акулово, Ветчаны и др.); въ третьей группѣ звукъ *е* остался даже послѣ отвердѣнія слѣдующаго мягкаго слога или потому, что законъ перехода *е* въ *ё* уже прекратилъ свое дѣйствіе къ этому времени, или потому, что этотъ звукъ *е* обязанъ вліянію другихъ формъ и произношеній, т. е. обязанъ аналогіи (таковы формы 2-го л. ед. ч. или 1-го лица множ. ч. въ Киструсѣ Спас. у. и во многихъ мѣстахъ Касим. у., также слово: „праме́ш“, срв. ме́шка=межка=межька). Наконецъ, въ четвертой группѣ звукъ *е* не *ё* обусловленъ фонетическимъ закономъ,

[1]) См. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 97—99 и 49—50.

найденнымъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ: де́рьгӑли—Шостья, де́рьгае'м—Китово; нѣкоторыя произношенія трудно себѣ объяснить (дале́ка, све́л; см. однако у Шахматова въ „Изслѣдованіяхъ въ области р. фонетики". В. 1893 г. Стр. 188). Принимая во вниманіе, что издавна въ русскомъ языкѣ были говоры не только съ мягкимъ звукомъ *т* въ личномъ окончаніи 3-го лица наст. вр. глаголовъ, но и съ твердымъ *т* (вѣроятно, изъ основного полумягкаго *т*), а также принимая во вниманіе и то, что говоры Касим. уѣзда *по преимуществу* имѣютъ нынѣ *твердое т* въ этихъ случаяхъ, мы должны, вѣроятно, поставить въ связь произношеніе звука *е*, а не *ё*, въ означенныхъ формахъ глагола съ явленіями *долготы* этого самаго звука въ этихъ же формахъ въ говорахъ Касим. уѣзда, а также съ явленіями *дифтонговъ* вмѣсто этого *е*, указанными нами выше въ I-ой и II-ой главахъ настоящаго изслѣдованія. Долготу и дифтонги мы видѣли также и въ формахъ 1-го лица множ. ч.

Вобще, въ разсматриваемомъ отношеніи наши говоры представляютъ много *архаическихъ* чертъ и гораздо архаичнѣе говоровъ на югѣ Рязанской губерніи [1]).

Теперь разсмотримъ случаи со звукомъ *'о* (*ё*) въ нашихъ говорахъ: „э́та-тъ лёкшэй" (сравн. степень: сказано про одноколку сравнительно съ четырехъ-колесной телѣгой; срв. лёгокъ. (См. мой „Отчетъ" стр 11. Отд. оттискъ изъ Каз. Унив. Записокъ. Казань. 1895). — Киструсъ Спасскаго уѣзда. Нёвътъ = неводъ — с. Ерахтуръ Касим. у. Можетъ быть, въ этомъ словѣ скрывается вовсе не отрицаніе „не" въ первой части, а предлогъ (лат.—in), т. е. слово „неводъ"=въ-водъ; срв. слово: „не-вѣста". (См. *Miclosich.* Etym. Wtb. s. v.v. nevêsta, nevodŭ, ne. 1). Въ литературномъ русскомъ нарѣчіи мы неправильно съ точки зрѣнія фонети-

---

[1]) Параллели изъ другихъ русскихъ говоровъ, а также свидѣтельства памятниковъ др. русской письменности относительно произношенія звука *ѣ*, какъ *е* и *и*, будутъ нами указаны ниже, во 2-мъ отдѣлѣ настоящаго труда, гдѣ будетъ выведено отношеніе говоровъ Касимовскаго края къ другимъ современнымъ и древнимъ русскимъ говорамъ, а также будетъ указанъ общерусскій типъ и типъ языка обще-великорусской эпохи—(или эпохи «велико-бѣлорусской», какъ называетъ А. А. Шахматовъ).

ческихъ законовъ русскаго языка произносимъ *нéводъ* вм. *нѐводъ*, каковое произношеніе мы и привели выше изъ с. Ерахтура Касимовскаго уѣзда Ряз. губерніи. Такое произношеніе, быть можетъ, обязано своимъ появленіемъ вліянію тѣхъ словъ, въ которыхъ послѣ *не*—стояла мягкая согласная слѣдующаго слога, хотя не для всѣхъ словъ можно съ вѣроятіемъ указать аналогію. (Срв. *Соболевскаго.* Лекціи[2]. Стр. 63. *Шахматовъ.* „Изслѣдованія"…. Стр. 189. Здѣсь указано Олонец. *неведъ*, которое, вѣроятно, Шахматовъ самъ слышалъ въ Олонецкомъ краю. При первоначальномъ *неведъ*, если только это слово древнее, становится понятнымъ звукъ *е* не *ё* въ произношеніи *нéводъ*, въ такомъ случаѣ произношеніе *нёводъ* будетъ болѣе позднимъ). Далѣе примѣры: хрéснай—Ерахтуръ; Данево (срв. выше: „хрéсная ӑдявáеⁱть"—Ерахтуръ). Такъ и слѣдовало бы ожидать въ русскомъ языкѣ вмѣсто: крéстный, крéстъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго; въ блр мы имѣемъ: хрóсный тáтка, хрóсные бáцьки и даже по аналогіи съ этимъ: хрóсникъ („ихъ кумы доклеровали позвацъ хрóсника ў гóсьци къ сабѣ"... Срв. наше: крéстникъ—крéсьникъ).—Минск. губ. Борис. уѣзда. (*Шейнъ.* Матеріалы. II. Стр. 383.379. № 220). Далѣе; дёржу—1 л. ед. ч. наст. вр.—Нармушадь Касим. у.; удёржыш—2 л. ед. ч. буд. вр., дёржытеⁱ—2 л. мн. ч. наст. вр.; дёржытца—3 л. ед. ч.—Шостья; дёржыт—3 л. ед. ч.—Лѣсново, Гусев. Погостъ; лáвӑцку дёржыть мӑлашнýю—дер. Китово; ты, мой садóвӑй, меⁱня́ тýт дёржыш—2 л. ед. ч.—Чарусъ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы имѣемъ звукъ *ё*, перешедшій изъ формъ, въ которыхъ этотъ звукъ находится подъ удареніемъ и передъ твердымъ слогомъ: дёржыш, дёржыт, дёржым, дёржыте, дёржут при литер. дéржишъ, дéржитъ, дéржимъ, дéржите, дéржатъ являются вполнѣ законными; изъ такихъ формъ и 1-е лицо ед. ч. наше: дёржу. Въ этомъ корнѣ когда-то долженъ былъ быть звукъ *р* полумягкій или мягкій, такъ что литер. дéржиш и т. п. указываютъ на бывшее *дéрьжишь, но послѣ отвердѣнія звука *ж* отвердѣлъ и сосѣдній звукъ *р*, передъ которымъ должно было появиться тогда *ё*, а не *е*. Срв. народн. (сѣв.—влкр., ряз.) дéрьгать при дёргать, вѣроятно, по аналогіи съ дёрнуть, при которомъ мы имѣемъ: дéрьнеⁱш—2 л. ед. ч.; мёрзнуть и мéрьзнеш, мéрьзни и т. п.

Затрудняюсь сказать, былъ-ли корень этого слова съ ирраціональнымъ звукомъ: dьrg—,или со звукомъ полнаго образованія: derg—,Миклошичъ (Etym. Wtb.) предполагаетъ здѣсь корень derg,—и за этотъ ко́рень говоритъ чередованіе derg—и dorg—:удо́ржыт—3 л. ед. ч.—Ярыгино, Дапево Касим. у.; задо́ршка—г. Касимовъ (Ямская Слобода) при задё́ршка и литер. заде́ржка изъ *заде́рьжька; сѣв.-влкр. (вятск., казан.)—доржа́ть, доржы́, задо́ршка, откуда: зада́ржывать и т. п. Даржа́ть—неопр. накл.—г. Касимовъ (Ямская Слобода). Наше: су́-дорга и су́-дорога говорятъ о томъ-же корнѣ. но въ серб. мы имѣемъ: držati, чш. držeti, слов. držati, болг. drъža, однако при польск. dzierżeć. Казалось бы, что здѣсь могъ быть въ корнѣ праславянскаго языка неслоговой ирраціональный ь̯ + слоговой плавный r_0: ь̯r_0, и, послѣ того какъ въ извѣстной группѣ нарѣчій неслоговой ирраціональный ь̯ сдѣлался слоговымъ, а слоговой r_0—неслоговымъ, образовались формы: dьrg—,откуда съ теченіемъ времени—дерг—держати изъ *дергѣти, при *ж* мягкомъ мы имѣли: дер'жа́ти; въ другихъ нарѣчіяхъ могъ остаться слоговой r_0 (болг., серб., словин. и изъ западно-слав.—чешскій). Допустить фонетическій переходъ изъ дёржу́—доржу́, изъ держа́ть, дёржа́ть—доржа́ть—даржа́ть я затрудняюсь въ виду того, что пришлось бы при этомъ допустить и необычное отвердѣніе въ такомъ положеніи звука согласнаго *д*: *дё—до*; въ виду этого, мнѣ кажется, слѣдуетъ остановиться на исконномъ чередованіи корней: derg—и dorg—или: dь̯r_0g—и dъ̯r_0g—.Сравни псков. великолуцк. *за́дорога*—заборъ; сибир. = подъ въ печи. (Опытъ обл. Словаря, s v.). Въ Ряз. губ. въ Скоп. уѣздѣ я слышалъ слово „за́дорога" (=за́до̆рга) въ значеніи жерди по ребру русской печи: лѣзутъ на́ печь и держатся за за́доргу; за́дорога-же служитъ и для того, чтобы съ печи не упасть [1]).

Такимъ образомъ, слова: су́дорга, за́дорга... указываютъ намъ на корень, отъ котораго пошли: доржа́ть, доржу́, зада́ржывать.... Далѣе мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ звукъ *ё*: дащёцку—Шостья (при *ц* твердомъ явилось *ё*: срв. доще́чь-

---

[1]) Срв. у *Даля*, Словарь. S. V. задоро́жный.

кю—дощéчку): ў нéби—Шостья. Это явилось уже не фонетически, а по аналогіи съ нéба (=небо); срв. тётка и тётя.... Патёшут—3 л. мн. ч.—Лѣсново (=потёшутъ, отъ глаг. тесáть; тёсъ); ё—правильно. Пайдёш па мёшкам—Забѣлино (срв. выше: прамéш—Данево; межá—мёжка изъ мéжька, какъ: стезя—стёжка—Скоп.—изъ стéжька); катáлись всéй артéлюй—дер. Китово; ф савéй дирéвьни—Расторгуево; при: фсё, свaё, фсём, сваём и проч.

Въ одномъ словѣ намъ встрѣтился звукъ *е* вм. *ё* (изъ *и* ударяемаго): в муньдéрах ядúм јіé (картóх)—Ахматово Касим. уѣзда. Срв. Вологодск. „мундéр"—*Колосовъ*. Замѣтки. ib. 320.

Теперь переходимъ къ звуку *е* изъ основного ѧ (ѧ) между мягкими согласными подъ удареніемъ въ нашихъ говорахъ. Мы здѣсь слышимъ: прéсь вм. прясть—Шостья Касим. у. (Еще началось это явленіе со Спасск. уѣзда: въ д. Жóлобова Слобода я слышалъ: прéдивă...); пéть чилавѣк—г. Касúмовъ; апéть—какъ и въ южн. уѣздахъ; Урéдúна—Урядино; кады́ прéсь-та?—Китово; атпрéсть, сóт пéть сѣјим, ис прéдива из друγóва; и вянкú эти расьте^i рéли (=растерáли), испужáлись—Чарусъ; хазéин—Истомино (Ветчаны); апéть, тадá н'авúн мéть (=мять)—Ивановское, прéсть—ibid.; пьре^i мѣнютца јéйцăми—твор. п. мн. ч.—ibid.; пéть дѣвăк—Ветчаны; жанúх сéдит к нéй (=сядетъ)—ib.; мýш пьјéнúца—ib. (См. Приложеніе: Гаданіе въ Ветчанахъ на Святкахъ); кýрьца в нявó глéнит (=глянетъ), в зéрькăла—ib.; блявáть çё(=всё) тсéнит (=тянетъ); мóцы нѣт стаје́ть (=стоять)—ib.; тсягло нáда управлéть—Борисково; фçéкіји грыбы́—ib.; нéнюшка, апéть—Катово Тум. вол.; нáс пéте^i ра—ib., Логино; çьлúфьки-ти рази снéть (=снять) с мăлакá?—Рогачево; снóх пéть—ib.; óн вáм дéдя раднóй—ib. (Срв. дéдушка—дѣдушка въ свр.); сóве^i сь (=сóвѣсть) пъте^i рéть ня нáда—ib.; с пле^i мéнникьми жывý, нéγуди взéть—Логино, в де^i вéтьню, дивéтьня шы́ре^а дисéтьни—Андроново, Малахово; апéть—Семеино; γулéть—Катово; птúцка пaмéнит (=помянетъ); срв. птúцки пaмéнут (по аналогіи съ формами въ родѣ „пaмéнит", гдѣ *е* изъ *я* (ѧ) между мягкими согласными)—Горы; аставлéиш—2 л. ед. ч.—Катово; пра сеá бýдя пéть мѣр, ў де^i вéтьню—ib.; справлéиш—2 л. ед. ч., γдѣ јéйцы-ти?—ib; взéли—3 л. мн. ч. пр. вр.—Снохино;

хазе́ин—Тума; апе́ть—Шаранина; я жыдо́у-та ви́дьла фсе́-ких—ib.: апи́ уш ме́кинькiјн—ib.: Пакро́ф справле́им—1 л. мн. ч —Агѣево; и в^е́ли па сваю́ дире́вьню—ib.; за мя́ дава́ли пе́ть рубле́й—ib.; выγапе́ют—3 л. мн. ч.—ib.; стали γле'е́ть (=глядѣть) — Давыдово; зӑставле́ли — ib.; бӑславле́ют — ib.; апе́ть—Акулово; аставле́им—1 л мн. ч.—ib.; и з γаве́дьпай (=говя́диной), ко́лька приде́тцы—Акулово; хоть-бы пе́ть-та!—ib.: „зна́та, по́рьтитцут (=по́ртятся), пънравле́им"—1 л. мн. ч.—Акулово: ли́ш пе́ть зало́уак—Расторгуево: зна́ма, бајé-лись—ib.; паме́ним фсё сро́стья (=сро́дствіе, родство́)—ib,; „нӑцапле́ли паγрамко́ф-та"—ib; он пи́ша апе́ть—Зубово; прихо́т х Пе́тьницы—ib; уяжжа́ют и аставле́ют—ib.; гре́зи (городъ Гря́зи)—ib.; взе́ть—ib.; бяз за́пӑпки-т' лўччи: ана́ ни т^е́ня (=тянетъ—3 л. ед. ч.)—Бычково (Черкасо̆во); и́х уш γане́ли к нача́льнику—Чуфилово; пре́вики свајѝ ѣ́ш—ib.; упре́милси—3 л. ед. ч. пр. вр.—ib.; Ле́ницка γ де́ди уѣ́хӑл, зе́ть што́-ля он яму́—ib.; пара́ пъγуле́ть-та!—ib.; са́м се́-дит 3 л. ед. ч. (=ся́детъ)—ib.; се́ду 1 л. ед. ч. (—по аналогіи съ „се́дит"; срв. выше: „паме́нут" при „паме́нит") на крыльцѣ́ и ш'ш'ита́ю—Чуфилово; ты пъсабле́иш за ѳе́ньγи—ib.; у не́й мы взе́ли надѣ́л—ib.; γре́сь (грязь): жо́рстки пъкла́дь-ны—ib.; управле́им—1 л. мн. ч.—Расторгуево; пане́ть—ib.; се́ть (=ся́дь) та́м-та вон!—Логино; пьје́ньцы (=пья́ницы), взе́ть на́да—Бычково, т^е́нимси из—за цао́?—ib. (но: взяла́—ib.); з^ж е́тя (зя́тя)—Норино; гаве́ди́на—ib.; пасе́димси—ib; уре́нь-ник (=уря́дникъ)—Праватарово; пе́те^iра—ib.; апе́ть—ib.; ко́лӑс сне́ли, вѣ́ять ста́ня—ib.; γрабле́ми (тв п. мн. ч.)—ib.; пъсабле́им—1 л. мн. ч., аддиле́итца (=отдѣля́ется), аддиле́им мики́ну—ib.; (но срв: γрабля́м—дат. п. мн. ч.—ib.); пра-γуле́ли, на база́ри наро́т (=наро́дъ) пъкупле́я (=пъкупля́етъ—покупа́етъ), γдѣ́ пӑдре́дютца—3 мн буд. вр; хазе́йка, ха-зе́ии, састаје́нья (=состоя́нія), пре́сть; γ је́мьки зӑрыва́им—1 л. мн. ч. (=въ я́мки); на пе́ть капе́як—Праватарово; мы γутăрить-та але́пйстыји (=„аля́пистые" въ знач. „грубые"; Срв. наше: „ля́пнуть". Въ словаряхъ нашего слова нѣтъ.)—Анисово; растуре́ш—2 л. ед. ч. (=растурѣ́еш? или: расту-ря́еш? въ знач. „разго́нишь")—ib.; даро́γа тут бу́дит палу́тче^i пале́ми (=поля́ми)—Малышкино; ды је́ ня зна́ю (=я́—мѣст. 1-го л.)—Парахино; яуо́ нѣту͡о де́дўшка-тя—ib.; заставле́ют—

ib.; вз^ж^е́ть — Фомино; срв. паня́ву — ib.; ме́ть ме́льниц́ами (=мя́ть мя́льницами, мя́лками), пре́сть—Залѣсье [1]) Парахин. вол.; рядомъ съ этимъ мы въ Парахинѣ-же слышимъ—намя́лим—1 л. мн. ч. (=наме́лемъ), смя́лим (=сме́лемъ)—1 л. мн. ч.—Парахино. При произношеніи: ме́ть, ме́льница вм. мя́ть, мя́льница произношеніе „сме́лемъ" (отъ гл. смоло́ть) могло бы означать „сомнёмъ" (отъ гл. смя́ть), а потому и получилось „смя́лим", „намя́лим"—1 л. мн. ч.—въ значеніи: „сме́лемъ", „наме́лемъ". Произношеніе гле́нь (=гляди́), гле́нит (=гля́нетъ), гле́ть (=гля́дь) и т. п. упрочило въ этомъ глаголѣ коренной звукъ *е*, а потому мы слышимъ: па^у^ле́дъвать—Катово Тум. волости—вмѣсто: „погля́дывать".

Эта фонетическая черта принадлежитъ также по преимуществу сѣверно-великорусскому нарѣчію. На югѣ Ряз. губерніи подобное произношеніе слышится весьма рѣдко: и то только въ нѣкоторыхъ словахъ, особенно въ словѣ: „апе́ть" [2]).

Глава V-ая.

О звукахъ *о*, *у* и *ы* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Здѣсь мы разсмотримъ нѣкоторые интересные случаи произношенія звуковъ *о*, *у*, *ы* въ нашихъ говорахъ.

Звукъ *о* въ нашихъ говорахъ, какъ въ говорахъ *акающихъ*, можетъ звучать ясно только *подъ удареніемъ*. Но мы имѣемъ нѣсколько случаевъ появленія *ударяемаго звука о* въ нашихъ говорахъ

---

[1]) При названіи «Залѣсье« здѣсь же встрѣчается названіе «Зара́менье». «Ра́менье» въ вятскомъ говорѣ означаетъ: «непроѣзжій лѣсъ». См. *Колосова*. Замѣтки... ibid. Стр. 232. Срв. «Ра́менское» на Моск-Ряз. жел. дорогѣ. «По за лѣ́су—по зара́менью» въ Вятск. пѣснѣ у *Колосова*, ib. Стр. 261. Срв. АЮ. № 410: раменье.

[2]) См. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 23—24.

вмѣсто звука а ударяемаго въ другихъ говорахъ, равно какъ и въ произношеніи литературномъ. Почти всѣ эти случаи объясняются аналогіей къ другимъ, гдѣ ударяемое *о* законное. Такъ, мы наблюдаемъ: при ло́вят—3 л. мн. ч.—Шостья и при неопр. н.—лави́ть—Ерахтуръ... формы: ла́витца—3 л. ед. ч.—Забѣлино, ла́вимъ—1 л. мн. ч.—Ерахтуръ, ла́вють—3 л. мн. ч.—ib., какъ и въ южныхъ уѣздахъ Ряз губерніи. Напр., ни ла́вятца у́тки-ти—Рогачево Касим. у.; далѣе: при глаг. вари́ть—во́рют—3 л. мн. ч.: у на́с тут ня во́рют бра́уу-ту—Горы; сво́риш бра́гу—Агѣево; какъ во́рют?—Зубово; при глаг. ташши́ть—сто́шшим—1 л. мн. ч.—Праватарово; при глаг. брани́ть(ся)—мы ни бро́нимси—1 л. мн. ч.—Праватарово; при глаг. краси́ть (sic! не: кра́сить)—кро́сим—1 л. мн. ч.—Катово; а э́та краси́ть,—са́ми кро́сим—Катово; сини́ть-та аддаё́м: ни мауё́м са́ми-ти, а кро́сим са́ми—ibidem. При глаг. капа́ть—зако́пъвають—3 л. мн. ч.—Шостья; при глаг. каньца́ть—дака́ньцына—ibid. При словѣ: казна́—въ ко́зну—Катово. Отдѣльно стоятъ слова: башмо́шница, башмо́къ (вм. башма́шница, башма́къ)—Шостья [1]). При панё́ва и паня́ва (см. выше)—уменьш. по́нька—Бычково: По́ньку-ту? ана плаха́я клѣ́ткими, а то даро́уими—ib., хо́дим и с по́ньками—Чуфилово; для большей части этихъ словъ и произношеній ихъ мы находимъ точку отправленія въ такихъ произношеніяхъ, какъ: наси́ть—но́сим (срв. краси́ть—кро́сим), праси́ть—про́сим, каси́ть—ко́сим и т. под. Съ другой стороны, приспособленіе къ формѣ неопр. наклоненія съ неударяемымъ *о* (*а*) мы видимъ въ такихъ формахъ, какъ: ла́вим при лави́ть и проч. Срв. кати́ть—ка́тим и ко́тим („И возикъ свой мы не свеземъ, а ска́тимъ"—Крыловъ. „Обозъ"). Для другихъ словъ, какъ: въ ко́зну (въ южно-ряз. еще: ско́мью при скамья́) и под., мы имѣемъ исходный пунктъ въ такихъ образованіяхъ и произношеніяхъ, какъ: вада́—во́ду, нага́—но́гу и т. под. Это колебаніе между звуками *а* и *о* мы вообще видимъ и въ древне-русской письменности: въ Лавр. сп. лѣтописи читаемъ: похволою—л. 43., женома—л. 98. столб. 2 (если только „похволою" не графическое явленіе, объясняемое тѣмъ, что начертаніе *о* проникло въ слогъ—хво—подъ вліяніемъ слѣдующаго слога съ *о*:—ло—). Въ Смолен. Лѣтописи Авраамки: по двѣ нагатѣ—Стр.

---

[1]) Срв. мое соч. «Къ діалектологіи».... Стр. 21.

46 (при обыкновенномъ: погатѣ); манастырь—47 (при—монастырь); смирися съ братамъ своимъ—55; к Наугородчемъ—63; сташа начевать—194; с Навгородци жиша не браталюбно... а свой злый наровь обнажиша—213; Сѣмена Судокова—68. (Въ Казанскомъ уѣздѣ я слышалъ „судо́къ" вмѣсто „суда́къ"—рыба). Срв. стр. 83. 86. Нотальня—94, двожды—94 (двожды, трожды—и на югѣ Ряз. губ. [1]); въ Олонец. краю Повѣнец. у.—тро́жды—Сборникъ *Истомина*. Стр. 100. Эти слова, вѣроятно, особаго образованія, причемъ *тро́жды*, можетъ быть, приспособилось къ слову *двожды*); Тотаровѣ—стр. 103, Тотарьскую—104, при Татарове—104 и мн. др. Смоленская лѣтопись по языку, очевидно, принадлежитъ къ памятникамъ акающаго нарѣчія.

Теперь переходимъ къ звуку *у*. Здѣсь надо различать два вида звука *у*: слоговое *у* и неслоговое. Неслоговое *у* очень распространено въ нашихъ говорахъ и стоитъ всегда на мѣстѣ звука *в* передъ гласнымъ или послѣ гласнаго. Конечно, извѣстно и *в* (или *ф*) въ этихъ случаяхъ, но, если мы находимъ неслоговое *у*, то только въ такихъ-же случаяхъ, не считая неслогового *у* въ дифтонгахъ, о которыхъ мы говорили выше.

Сперва разсмотримъ случаи употребленія слогового звука *у* ударяемаго и неударяемаго въ нашихъ говорахъ, гдѣ этотъ звукъ стоитъ на мѣстѣ основныхъ: *о* (ъ), *ѫ*, частью *ы* и *а*. Прежде всего здѣсь отмѣтимъ появленіе звука *у* (*ю*) нашихъ говоровъ вмѣсто *о* (*е*) въ окончаніяхъ падежей:—*ой*,—*ей*. Здѣсь *у* (*ю*) неударяемое. Примѣры: з у́рькуй сирато́й—Ерахтуръ; Миха́йлуя—твор. п. ед. ч. = Михайлой—Куземкино; с кра́снинькуй з бума́шкуй—Шостья; з завя́зънуй гало́ушкай—ib.; фсе́й арте́люй (вѣроятно, отъ имен. падежа „арте́ля", срв. „посте́ля"); тихо́нькуй (= тихо́нько, по аналогіи съ „кра́снинькуй" чрезъ *„тихо́нькуо. Срв. ти́хуо—Парахино)—дер. Китово; „ни с адно́й снахо́ʸй ни бранюсь"—Астахово Парахин. волости; въ послѣднемъ примѣрѣ звукъ оʸ—ударяемый, но зато и *не ясное у*. „Звать Миха́йлуй"—

[1]) Примѣръ: «Тро́жди за ба́рыняй хади́ли: дво́ждиʸ На́стя хади́ла, а тре́тій я сама́»—г. Скопинъ. Срв. въ зап.-русской Четьѣ 1489 г.: двожды—л. 6.—*Карпинскій*. Стр. 11.

Рогачево Тум. вол.; „Тимахвей Рădiонъц ѣдя за рыбуй“—ib.; з зим'лянйкуй—Чуфилово; с мáтушкуй—Катово; „за сахойтай дёржым'сп, за барóнкуя пѣсьни иγрáйм“—д. Снохпно Тум. волости; (срв. выше: „Михăйлуя“—тоже твор. п. ед. ч.—Куземкино); „праѣхăйтя рѣцкуй“—Жалудково ib.; аеёжа са скóпкуй (=скóбкой)—Бычково ib.; „Лявáшкуй (=Леонидомъ) звали, хут^съ çьмѣйси“—Чуфилово ib. и друг. Мы слышимъ: пул'шýбăк—Нармушадь, Касим. у.; пулцасá—Симопово Тум. вол.; въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ звукъ *у* изъ *о* въ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ. Вообще, въ нашихъ говорахъ мы не замѣчаемъ закрытаго *о* въ 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго, какъ это обыкновенно бываетъ въ свр. говорахъ, а потому здѣсь, быть можетъ, звукъ *у* слѣдуетъ сопоставлять съ такимъ же звукомъ *ó* польскаго языка въ этомъ словѣ. Дóхтур—Ерахтуръ Касим. у.; кáк пумáиш—2 л. ед. ч.—Куземкино; пăтсýлнушках—род. п. множ. ч.—Бѣльково (=подсóлнушковъ); здѣсь мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, съ вліяніемъ гласнаго слѣдующаго слога на гласный предыдущаго: ассимиляцію слоговъ. „Уйдýт к сусѣдам“—Бѣльково; сусвáталя 3 л. мн. ч. прош. вр. (=сосвáтали)—Парахино. Здѣсь представка *су*—изъ *сж*—; ее мы видимъ очень часто и въ современномъ, и въ древнемъ русскомъ языкѣ: напр., въ Изборникѣ 1076 года: въ двоихъ соусѣдѣхъ. (*Срезневскій*. Др. п. р. яз. Изв. АН. X. Вып. V. Стр. 429). Въ нарѣчій „около“—„коло“ мы часто слышимъ *у*: кул те^iлѣги, кул тавáру—Уланова Гора; куль крыльчя́—Данево; óкуль цéрькви пъкʼранйли—Гус. Погостъ; óкул Трóйцы—Акулово; срв. óкъл Ивáна Пóснава γвилкй (=вилкй, „вилóкъ капусты“=кочáнъ) зăвивáютцы—Акулово; óкʼли цéрькви—Гус. Погостъ; въ этомъ словѣ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, должно быть, происходилъ такой процессъ фонетическаго измѣненія: сперва въ словѣ: „óколо“ отпало конечное *о*: „óкол“, затѣмъ *о* въ конечномъ закрытомъ слогѣ частью стало произноситься глухо: óкъл, частью закрыто, близко къ *у* (срв. выше: Михăйлуй, рыбуй, мáтўшкуй, рѣцкуй, скóбкуй, Лявăшкуй... Этихъ примѣровъ здѣсь мы не касаемся, т. к. о нихъ была уже рѣчь выше. Въ нихъ мы видѣли тоже звукъ *у* въ закрытомъ конечномъ неударяемомъ слогѣ). Такимъ образомъ, рядомъ съ *óкъл* имѣлось и *óкул*; послѣднее произношеніе ассоціировалось въ сознаніи говорящихъ съ нарѣчіями:

докýля, откýля, такъ что стало при *óкул* слышаться и óкуль и окýль, у котораго отпало начальное *о*: кýл и кýль. Слова: отколѣ, откулѣ и под. мы имѣемъ и въ нашихъ древнихъ грамотахъ. Точно такъ-же мы слышимъ въ нашихъ говорахъ звукъ *у* въ союзѣ хóть (хотя́) при энклитическомъ его употребленіи: Лявáшкуй (=Леонидомъ) звáли, хутᶜь смѣйси—Чуфилово; хуть на тащя́к—Бѣльково; хуть бы хлѣба-та купи́ть—Бычково, Давыдово; хуть кáк он жалѣя—3 л. ед. ч.—Катово; хоʸть три́тцǎть!—Анисово; замѣтимъ еще: атéц нуси́лкǎй аддǎст—Ветчаны (Истомино); мужавéльник—Рогачево; мужавѣлǎвай куст—ibid.; (объ этомъ словѣ см. выше: здѣсь *у* изъ *о*); *у* бушмаки́ (=башмаки́) абууáли-ти—Фомино Парахин. вол.; ни с аднóй снахóʸй ни бранюсь—Астахово; кружóвник—Оськино, Кобылинск. вол.; (б. м. ассоціировалось со словами: кругъ, круглый, кружить...); съ другой стороны, мы имѣемъ: какýшки вм. кукýшки—Шостья.

Относительно вышеприведеннаго слова: пумáиш—2 л. ед. ч.—Куземкино—замѣтимъ, что звукъ *о* перешелъ въ немъ въ закрытый звукъ, близкій къ *у*, еще тогда, когда это слово было четырехъ-сложнымъ: поимáешь—поʸимáешь—пуймáешь—пумáешь. Это-же мы видимъ и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи [1]). Какъ произошло при „пумáть"—„пымáть", затрудняюсь сказать: быть можетъ, здѣсь произошла ассимиляція звука *о* звуку *и*, когда это *и* еще было слоговымъ [2]): поимáть—пыимáть—пымáть и т. под. [3]).

Теперь разсмотримъ звукъ *ы* въ нашихъ говорахъ и, главнымъ образомъ, случаи, гдѣ этотъ звукъ нашихъ говоровъ стоитъ вмѣсто основного и литературнаго, а также вмѣсто діалектическаго звука *и*. Здѣсь, однако, мы не будемъ касаться того звука *ы*, который является вмѣсто основного *'а* (изъ ѧ) въ мѣстоименіи сѧ, присоединяемомъ къ глаголамъ,

---

[1]) См. нашу брошюру: «Главнѣйшія черты народнаго русскаго говора въ Казанской губерніи». В. 1894. Стр. 17.

[2]) См. по этому поводу соч. *Б. Ляпунова:* «Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи». Спб. 1894. Стр. 29.

[3]) О неслоговомъ *у* изъ *в* въ нашихъ говорахъ мы будемъ говорить въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ.

т. е. не будемъ касаться окончаній—тцы вм.—тьса, такъ какъ объ этомъ рѣчь была уже выше. Главнымъ образомъ здѣсь насъ займутъ формы: *аны́* и *адны́* вм. *они́*, *одни́*, употребляемыя въ нашихъ говорахъ почти повсемѣстно.

Этотъ звукъ *ы* мы слышимъ въ нашихъ говорахъ въ слѣдующихъ словахъ: адны́х—Гус. Погостъ, Касим. у.; у адны́х стару́шкӑф—Уланова Гора, Дмитріево; ка́жнӑму гӑвари́т адны́ пѣсьни—Бѣльково; тады́ ба́бы адны́ управля́ют—Ивановское; адны́, аны́—Ветчаны; аны́ лён пашли́ пало́ть—Рогачево; аны́ сираты́ сѣ́ у на́с—ib.; туды́ адны́ даро́уи—Горы; аны́ мі́рӑм мнѣ́ здают—Бычково; вот каки́ аны́ ва́шы суды́-ти!—ib.; аны́ принаси́ли—ib.; Катово; аны́ уш у миня́ адда́ны—Шаранина; мужыки́-ти ма́ла ткут, аны́ то́-та ма́ла жыву́т—Чуфилово; но: ани́—Праватарово; адны́ ђѣвацки—Парахино; с адны́м жыу́—1 л. ед. ч.—Фомино; куда́ нам адны́м?—Ахматово; с хрясто́м пайду́ адны́м—Алексѣево; ба́бы-ти ушли́: аны́ у на́с ни ко́çют—Волчково.

Сначала я было подумалъ при записи, что формы оны́ одны́... соединяются только съ именами женскаго рода, но вскорѣ убѣдился, что родъ тутъ не при чемъ: эти формы безразлично употребляются и при мужескомъ, и при женскомъ родѣ. Только въ д. *Праватаровѣ* близъ Тумы, но другой волости (названіе не могу отыскать въ своихъ матеріалахъ), довольно послѣдовательно употреблялась форма: ани́—при муж. родѣ имени, когда это слово относилось къ имени муж. рода.

Я полагаю, что разсматриваемыя формы образовались не фонетическимъ путемъ, а по аналогіи съ прилагательными: худы́х, радны́х.... или худы́, радны́... им. п. мн. числа. Формы *аны́* (оны́, ены́, яны́), адны́ (одны́) извѣстны сѣверно-великорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ: Въ Сборникѣ пѣсенъ Арханг. и Олонецкой губерній *Истомина и Дютша* мы находимъ: *оны́* съѣздили то въ погану́ Литву—стр. 42; пріѣзжали *оны́* въ каменну́ Москву—стр. 43 (Олонец.); *оны́* свадьбу играли въ великъ-отъ постъ—стр. 57 (Олонец.); *оны́* ѣдя́тъ траву да все осотливу!—стр. 64 (Арханг.); *оны́* всѣ подъ коврамы, *оны́* всѣ подъ золоты́ма—стр. 101 (Арханг.); садилися *оны́* по мѣстамъ—стр. 219 (Олонец. Въ этой пѣснѣ *оны́*—жен. рода). Также: *одны́хъ* гостюшокъ нѣтъ, какъ нѣтъ.—

Стр. 99 (Олонец.). Въ Онежскихъ былинахъ *Гильфердинга* находимъ: А и повели *оны* толийцами—столб. 402; а й увезли *оны* какъ ко рубежу ко московскому—ib.; а стоятъ *оны* какъ у рубежа да у московскаго—403; а еще говорятъ *ёны самы* промежъ собой—403. Кромѣ *оны́*, здѣсь еще видимъ: *самы́*—402. 403. *Сӑмы́* говорятъ да таково́ слово—столб. 757. Указаніе на то, что произношеніе *оны́* извѣстно и въ Новгородской губерніи, мы находимъ у *Колосова* (Замѣтки... ibid. Стр. 20). Въ бѣлорусскомъ мы имѣемъ довольно часто, чаще, чѣмъ въ свр., и всетаки и въ этомъ отношеніи опять приходится подозрѣвать какую-то связь между средне русскими говорами, въ частности Касимовскими, и бѣлорусскими, или западно-русскими. Напр., вярнулися *яны* домоў—*Шейнъ*. Матеріалы. II. Стр. 235. (Витебск.); пошли *ены* ў лѣсъ—ib. 235 (Минск.); и мн. др.

Но въ этомъ вопросѣ о звукахъ *ы* и *и*, повидимому, еще въ общерусскомъ языкѣ игралъ какую-то особую роль звукъ *р*: по крайней мѣрѣ, и въ современныхъ русскихъ говорахъ, и въ древней русской письменности мы чаще всего находимъ колебаніе между звуками *ы* и *и* при предшествующемъ звукѣ *р*. Такъ, въ нашихъ говорахъ мы слышимъ: капры́зная—Праватарово; грыбо́м заву́т—Парахино; апры́ш Тумы—Фомино; крыца́ть. крыца́ла—Шостья (Ижевское Спасск. у.); пӑкрыцы́ть—3 л. ед. ч.—Нармушадь; рӑзара́ють (=разоря́ютъ)—3 л. мн. ч.—Шостья; пеʲреʲстры́улли—Шостья; ры́жёскай бальза́м—Гусев. Погостъ. (Слово „ры́жёскай" такъ-же произносилось, какъ оно обыкновенно пишется въ зап.-русскихъ древнихъ грамотахъ). Чаще всего изъ этихъ словъ мы встрѣчаемъ въ различныхъ говорахъ слово *крык* и производныя со звукомъ *ы*. Такъ, въ Новгород. губ. мы имѣемъ: крычать [1]); въ Олонец. скрычала [2]); въ Вятск. крыцит [3]), крычит [4]); во Влад. Муром.: крык, грыбы (но: криса, царяпоть, дряница) [5]); въ Вологодск. крык [6]). Срв. въ Вятск. крыница [7]). Въ пѣсняхъ

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки... Ib. 20.
[2]) Ibid. 145.
[3]) Ibid. 259.
[4]) Ibid. 280.
[5]) Ibid. 298.
[6]) Ibid. 328.
[7]) Ibid. 254.

Архангельской и Олонецкой губерній тоже часто: закрычи—Истоминъ. 44 (Олонец.); крыцить—ib. 48 (Олонец.); 58. ib; закрыцялъ—64. 65; скрыцялъ—66 (Арханг.); срв. поскрывываютъ—Истоминъ. ib. 120 (Арханг.); скрыцялъ—131 (Арх.); но: крицяла—192. ibid. Срв. стр. 194 (Арх.), 230 (Арх.), крйцялъ (?)—232 (Арх.). Въ Сборникѣ *Гильфердинга* также: крычала—столб. 365. срв. крикъ—ст. 995; крыку—ст. 1123. 1125 (и „закричалъ“); срв. столб. 277 (крйку); закрычалъ—столб. 245; столб. 18. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, гдѣ *р* окончательно отвердѣло, мы это находимъ еще чаще: крычыць, крычиць—Витебск. Минск.—у *Шейна*. Ib. II. 235 и мн. др. Интересно, что и въ древности въ разныхъ мѣстахъ такъ произносили: *крычатъ* тѣлегы полунощы—Слово о П. И.; но: *кричатъ* подъ саблями Половецкыми—ibid; *рыскаше*, *прерыскаше*, но: *нарищуще*, *рища*—ibid.; зато здѣсь вездѣ мы встрѣчаемъ: *прикрыты* и т. п. формы съ *ы* отъ глаг. *крыть*, между тѣмъ какъ и этотъ глаголъ имѣлъ и *ы* и *и*: „и нѣсть где остріа меча *укритися*“—Смол. Лѣт. Авраамки 1495 г. (П. С. Р. Л. XVI. Стр. 125); также издавна колебался гласный звукъ въ словахъ: користь—Изборникъ 1076 г.: въздрадоуѭсѧ азъ о словесьхъ твоихъ ꙗко обрѣтаꙗ *користь* мъногоу. *користь* бо нарече словеса бжиꙗ.—*Срезневскій*. Др. п. р. яз. Изв. АН. X. Вып. V. Стр. 427. Въ Златой Цѣпи XIV в. (библ. Троицкой Лавры) мы имѣемъ также: батво наше инѣмь в *користь* бы... *Буслаевъ*. Истор. Христ. 496. Срв. здѣсь-же: *ѡригати* парою пьꙗньственою на ѡлтарь бьи.—Стр. 498[1]). Въ Новгор. Стихирарѣ 1163 г.: видѧща ꙗрость звѣриноу. на вы текоущоую. и *рикающоу*—*Срезневскій*. Ibid. Стр. 502. Въ западно-русской Псалтыри 1296 г.: скоумени *рикающе*[2]) въсхытити—*Буслаевъ*. И. X. Стр. 88. Въ Изборникѣ 1073 года мы имѣемъ *и* въ словѣ: *риба*—л. 251, а также: *користь*—л. 49 в. Въ Лавр. сп. лѣтописи 1377 г: *трызно*—л. 9 (вин.

---

[1]) Въ этой же Златой Цѣпи читаемъ: висѧтьсѧ—Бусл. И. X. 501. Срв. ряз. *висакó*; помислити—ib. 501.

[2]) Здѣсь-же: псалтырꙗ (послѣсловіе). *Буслаевъ*. Матеріалы... И. X. Стр. 83. 84.

п. ед. ч. опискою вм. трызноу); срв. въ Смолен. Лѣтописи Авраамки 1495 г. сътворю *тризну* мужу моему—стр. 233 и: повелѣ *трызну* творити—ib. стр. 233. Слово: *трызна* и производныя встрѣчаются уже въ Изб. 1073 г. (*Mikl.* Lex. s. v. тризна); и въ Словахъ Гр. Богослова XI в. (*Востоковъ.* Словарь s. v. трызна). Въ Смоленской-же лѣтописи читаемъ: съ многою *користью*—стр. 96; с побѣдою и *користью*—106. (Срв. обрѣтше *корысть* многу—стр. 118); а друзіи скоро *рищуще*—стр. 123. (Какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ—выше); послѣ *р* намъ еще встрѣтилось колебаніе гласнаго звука въ словѣ: Борисовцы: дали есьмо сюю нашу грамоту *Борысовцомъ*—Гр. 1396 г. (Акты Юж. и Зап. Россіи. I. № 4. Срв. *Борисъ* Хомѣковичь—ib. № 5. 1398 года) [1]. Также: *товарыщи*, *товарыща*—АЮ. № 20. 1534 г., № 21. 1541 г. (Здѣсь-же: наѣхали въ *одныхъ* рубашкахъ—№ 21); срв. № 26. 1612 г.; № 30. 1680 г. здѣсь-же: пьяные *крычали* безобразно; безчинно *крычать*; *товарыщи*—№ 61. 1679 г., № 64. 1661 г. Вышеприведенное слово (Касимов.) „апры́ш" въ древности звучало: *опрочь*—АЮ. № 3; *опричь*—ib. № 5; срв. № 19. (опрочь); *опроче*—№ 26; № 50; *опричь* (*оприцъ*)—№ 71. (XXVI и XXVII); срв. № 86. Основной формой была, вѣроятно, форма *опроче* (кор. прок,—в-проч-емъ...), откуда послѣ отпаденія конечнаго *е* (какъ: лише—лишь; топере—АЮ. № 24—топерь...) образовалось: *опрочь*. Затѣмъ, вѣроятно, произошла какая-нибудь ассоціація съ другимъ словомъ, можетъ быть, со словомъ: „оприсно" [2]; см., напр., въ АЮ. № 5 (1490 г.)—*опрично* душегубства. Но противъ этого говоритъ, повидимому, слово: *опричнина*, *опричникъ*... Какъ бы то ни было, изъ *опричь* могло получиться фонетически слово: *опрычь*, изъ *опрично*—*опришно*—*опрышно*, но наше: *апры́ш* указываетъ на конечный звукъ *с'*—мягкій: *апрысь—*опрысь—*опрись, и, вѣроятно, слова *опрочь* и *опричь* не имѣютъ по корню ничего общаго между собой. При разсужденіи о звукахъ *ы* и *и* послѣ *р* въ рус-

---

[1] Замѣчательно, что интеллигентные малороссы, утратившіе уже большую часть своихъ діалектическихъ особенностей въ рѣчи, по моимъ наблюденіямъ, сразу могутъ быть узнаны по произношенію звука *и*^{ы} послѣ *р*. Въ этомъ случаѣ они произносятъ среднее *и* между *ы* и *и*. Такъ, я слышалъ въ Херсонской губерніи: кри́^{ы}са, кри́^{ы}ша, Бори́^{ы}с, бори́^{ы}сь, закри́^{ы}ть...

[2] *Ягичъ.* Критич. Замѣтки. Стр. 69.

скомъ языкѣ, я думаю, надо принимать въ расчетъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, что звукъ *р* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ совершенно *отвердѣлъ* (въ блр. нарѣчіи), во-вторыхъ, что звуки *ы* и *и* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (млр.) совпали въ одномъ звукѣ полумягкомъ, полутвердомъ, или среднемъ — млр. *и*. Эти два обстоятельства объяснимы только при предположеніи, что въ общерусскую еще эпоху звукъ *р* отличался отъ прочихъ звуковъ своей природой, и что звуки *ы* и *и* діалектически уже тогда совпадали въ одномъ среднемъ звукѣ, который, вѣроятно, принадлежалъ почти всему общерусскому языку, и лишь въ нѣкоторыхъ діалектахъ различалось чистое *ы* и чистое *и* при согласныхъ. При этомъ относительно звука *р* интересно припомнить, что „во всемъ Остромировомъ Евангеліи нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы было написано ѥ послѣ *р*“. *Это замѣчаніе имѣетъ силу и для разныхъ другихъ памятниковъ* [1]). Относительно этого-же звука *р* замѣтимъ, что уже въ Остр. Ев. мы встрѣчаемъ Боура (*Востоковъ*. Словарь. s. v.) вм. Боурꙗ. Ниже, въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ, мы будемъ имѣть случай вновь вернуться къ звуку *р* въ сочетаніи съ другими гласными, кромѣ *ы*, и увидимъ, что звукъ *р* долженъ быть принятъ, по крайней мѣрѣ, для эпохи обще-восточно-русскаго языка, т. е. для праязыка бѣлорусско-великорусскаго, какъ звукъ полумягкій, при которомъ гласный могъ колебаться между твердымъ и мягкимъ. Срв. кӑмарú— Катово, Тум. вол. [2]).

Что касается звуковъ *ы* и *и* не послѣ *р*, то, кажется, зубные звуки должны быть признаны тоже имѣвшими вліяніе на слѣдующій гласный въ смыслѣ его твердости или мягкости; по крайней мѣрѣ, кромѣ звука *р*, мы наблюдаемъ еще и въ зубныхъ звукахъ способность сочетаться въ однихъ и тѣхъ же словахъ то съ гласнымъ *ы*, то съ гласнымъ *и* въ

---

[1]) *Яничъ*. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. Стр. 28.

[2]) Колебаніе *и* и *ы* мы видимъ также въ др. р. *крило:* Въ Сузд. Лѣтоп. подъ 1231 г.: и въ *крилꙋ* мѣсто *раскрили* сюдꙋ и онудꙋ—*Срезневскій*. Др. пам. ibid. Въ Смолен. Лѣт. 1495 года: *шестокрилатыхъ*—Стр. 112. Нынѣ мы говоримъ и слышимъ: *крыло*, *крыть* и проч. (см. выше). Срв. мое соч. «Къ діалектологіи»... Стр. 37—39, а также стр. 94—96 и примѣчанія.

современныхъ говорахъ и въ древне-русскихъ памятникахъ письменности. Правда, что изрѣдка это колебаніе между *ы* и *и* встрѣчается и при другихъ согласныхъ, напр., при губныхъ, причину чего надо искать, по моему мнѣнію, въ вышеуказанномъ характерѣ древне-русскаго звука *ы*ⁱⁱ или *и*ⁱⁱ, но зубные звуки и *р*, кажется, сами по себѣ способствовали отвердѣнію слѣдующаго за ними гласнаго звука *и* тѣмъ, что они въ эпоху общерусскаго языка (быть можетъ, въ эпоху обще-восточно-русскую) были *полумягкими*, и, такъ какъ къ этому же времени въ языкѣ существовалъ звукъ средній между *ы* и *и*, то *полумягкіе зубные* и *р* въ сочетаніи съ этимъ среднимъ звукомъ діалектически *стали или твердыми, или мягкими* [1]). Мы имѣемъ, напр., въ Олонец. краю: Владымеру, Владымера—*Истоминъ*. Пѣсни. Стр. 33. Наше: *туды́*, *суды́*—Рогачево, Тум. вол. Касим. уѣзда (и обще-великор.)—я вывожу изъ формъ на—*ѣ*: тѫдѣ, сѫдѣ чрезъ „*туди́, *суди́, откуда: туды́, суды́ [2]). Выше мы видѣли *ы* въ словѣ: псалтырю—Послѣслов. Псалт. 1296 г., съ такимъ-же колебаніемъ гласнаго мы постоянно встрѣчаемся въ словѣ *Хутынь* и *Хутинь*: въ Грам. Вкладной Варлаама Хутынскаго 1192 г. читаемъ: вхоуже тоу землю *Хоутиньскоую—Срезневскій*. Др. пам. Изв. АН. X. Вып. V. Стр. 510. Въ Служебникѣ Хутынскомъ 1400 г. въ Послѣсловіи читаемъ: рукою грѣшьнаго Федора просвитера стго спса на *хутинѣ—Буслаевъ*. Матеріалы... Стр. 39. Срв. въ Псковской 2-ой Лѣтописи: въ манастыри святаго Спаса на *Хутыни*—П. С. Р. Л. Т. V. Стр. 42. Въ Смолен. Лѣтоп. Авраамки: игуменъ святого Спаса на *Хутинѣ*—П. С. Р. Л. XVI. Стр. 47. Срв. стр. 49: *на Хутино, с Хутина*. На стр. 197: игумена святого Спаса *Хутыньского*. Въ Новг. Лѣтописи подъ 1211 г. читаемъ: а самъ пострижеся на *Хȣтинѣ* у св. Спаса—*Срезневскій*. Др. пам. ibid. Въ другихъ словахъ послѣ зубныхъ: а долѣ на земли *с рогатынями* и съ обнаженымъ оружіемъ стояху—Смолен. Лѣт. ib. Стр. 122. Въ Ипатскомъ спискѣ Начальной Лѣтописи имѣемъ: *непостыжну*—л. 24.

---

[1]) Срв. сказанное *Шахматовымъ* (Изслѣдов.... Стр. 16) о звукѣ *т* въ окончаніяхъ именъ и 3 л. глаголовъ.

[2]) Срв. *куды*—АЮ. №№ 6. 8. 16. *коуды*—Новгор. Лѣт. по Синод. Харат. Сп. (фотолитогр.)—л. 20б.

Столб. 1. Въ Псковской 2-ой Лѣт., какъ и въ Грамотахъ и древнихъ Актахъ (и въ рязанскихъ). мы имѣемъ: полтына— ib. 24. 26. Въ Изборникѣ 1076 г. читаемъ рядомъ: просить отъ своеѧ твари не малыѧ ли и оудобьтворимыѧ *милостыни*...

Нъ того просить. еже намъ на пользю на спасение. просить бо *милостинѧ*—*Срезневскій*. Др. и. р. и. п яз. Изв. А. Н. Х. Вып. V. Стр. 430. Срв. въ другомъ словѣ послѣ *т*: пришедъ отъ *пустиня*—Смол. Лѣт. Авраамки. Стр. 112. Въ Постной Тріоди Новг. Соф. библ. 1100 г. читаемъ: ωнъ бо оукрȣхъ възьмъ на хлѣбъ ωтълȣчисѧ. ωбразьмь *си* оученикъ, дѣльмь же съı гоубитель—*Срезневскій*. Ib. 448.

Изрѣдка встрѣчаемъ колебаніе гласнаго *ы* и *и* послѣ *л* и губныхъ: выше мы видѣли въ Златой Цѣпи примѣры: *висѧтьсѧ*, *помислити*; вотъ еще примѣры: Смол. Лѣтопись: повелѣ *истребыти*—39. *размисливъ*—231. *измившеся* прѣдѣте ко мнѣ—232. Въ Двинскихъ Грамотахъ начала XV в. находимъ: къ посадникамъ *колываньскимъ*. На оборотѣ Грамоты адресъ: к посадникам *коливаньскимъ*. (*Востоковъ*. Опис. ркп. Рум. Муз. № XLIV). Послѣ *л* еще: исполнь укоризны и *хули*... Татарове же к нимъ прямо на градъ *голими* саблями своими машуще—Смол. Лѣт. 123.

Наконецъ, сюда же отнесемъ тѣ имена прилагательныя, которыя сохранили до сихъ поръ въ говорахъ древнія окончанія имен. пад. множ. ч. муж. р. краткой (безчленной) формы—*и*, между тѣмъ какъ въ нынѣшнемъ литературномъ произношеніи это *и* замѣнилось звукомъ *ы*.

Въ своемъ первомъ трудѣ по рязанскому говору мы привели слѣдующія формы именъ прилагательныхъ, слышанныя нами въ уѣздахъ Ряз. губерніи съ окончаніемъ *и*: ра́ди, баɣа́ти, винава́ти, ɣаладні́ (ɣо́ладни), сы́ти, кви́ти („Къ діалектологіи"... 38). Теперь мы можемъ дополнить этотъ перечень еще слѣдующими словами: *мо́ла́ди*—г. Касимовъ; *ɣара́зьди*; Умѣют фсѣ ɣла́дкіjи пѣсьни-ти и ɣра́ть: ɣара́зьди!—Снохино, Тум. волости. Тутъ же: ра́ли—Катово. Замѣтимъ, что и въ древне-русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ по преимуществу эти же слова съ окончаніемъ *и*: виновати—АЮ. № 26. ради—Смол. Лѣт. 233, Псков. 2-я Лѣт. Стр. 40. въсколебашяся аки *пьяни*—Псков. Лѣт. 37. Но и: прави—ib. Стр. 43. здорови—Смолен. Лѣт. Стр. 63. Такимъ образомъ, и въ прилагательныхъ

колебаніе гласнаго сохранилось по преимуществу *послѣ зубныхъ* звуковъ. Форму *пьяни*, кажется, я гдѣ-то слышалъ, но не помню мѣстности. Въ Смоленской Лѣтописи Авраамки встрѣчаются еще написанія: князый Ростовьскыхъ—90 и той зымы—150. Часто колеблются также иностранныя слова: кивотъ и скима (схима) въ др. р. письменности, что̀ тоже знаменательно: Смол. Лѣт.: *в скымѣ*—56. *в скыму*—67. 81. *кывотъ*—73. Срв. скимнаго образа... Грамота печер. игумена Василія къ Кириллу Туровскому. (Приб. къ Твор. св. Отц. X. 347); азъ же не о собѣ скажю ти о св. *скимѣ*, но отъ св. книгъ—іѢ. Ипат. Лѣт. подъ 1147 г.: бѣ бо черноризьць *скимникъ*... и мн. друг. Я думаю, что это не графическое явленіе и не стоитъ въ связи съ бывшей когда-то твердостью звука *к*, какъ звука задне-небнаго, гортаннаго, такъ какъ во всѣхъ этихъ памятникахъ мы имѣемъ доказательства мягкости произношенія живого звука *к*. Замѣтимъ странное по ударенію: ки́воти—Пѣсни *Истомина*. Стр. 83. („Во бѣло́й стоитъ она да во ки́воти"—Свадебн. пѣсня Арханг. губерніи Арханг. уѣзда).

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ случаевъ употребленія и смѣшенія звуковъ *ы* и *и* въ древнихъ и современныхъ русскихъ говорахъ мы можемъ вывести заключеніе, что колебаніе этихъ звуковъ было въ значительномъ количествѣ случаевъ и доказано для случаевъ сочетанія этихъ звуковъ съ *р* и зубными Колебаніе на письмѣ, а равно и въ живыхъ современныхъ говорахъ не можетъ не указывать на бывшую когда-то близость этихъ звуковъ другъ къ другу. Несомнѣнно, что въ общерусскую эпоху, кромѣ звуковъ *ы* и *и*, былъ еще звукъ средній *и*ы или *ы*и; вѣроятно, этотъ звукъ и сохранился въ нынѣшнихъ малорусскихъ говорахъ. Въ Добриловомъ Ев. 1164 г. мы также имѣемъ: погубывыи, просыти, сотныкъ и проч. Принимая во вниманіе нѣкоторыя данныя изъ другихъ слав. языковъ (напр , чешскаго), а также колебаніе *ы* и *и* въ самомъ старославянскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, едвали не придется признать звукъ средній между *ы* и *и* еще въ общеславянскомъ языкѣ. (Срв. *Михальчука*: Кіев. Стар. 1893. Сентябрь. 475).

Лескинъ (Грам. старосл. яз. Рус. перев. Москва. 1890 г.) говоритъ: „Замѣна знака ы чрезъ и, напр., рыба—Зогр., Супр.

при ръіка, отъкрываѭ—Супр., =—кръіваѭ и др., основана на позднѣйшемъ, проникшемъ въ рукописи, совпаденіи ъі съ и въ звукѣ *i*". Стр. 34. Сказано нѣсколько неясно: что значитъ здѣсь „позднѣйшемъ"? Если совпаденіе ъі съ и въ звукѣ *i* могло уже проникнуть въ Зогр. и Супр. рукописи, т. е. въ памятники X—XI вѣка, значитъ, это совпаденіе было и въ томъ живомъ нарѣчіи паннонскихъ славянъ, на которомъ написаны Зографское Евангеліе и Супр. рукопись; слѣдовательно, это совпаденіе звуковъ во всякомъ случаѣ *доисторическое*, если даже основываться на данныхъ только старо-слав. письменности. Если же привлечь къ этимъ даннымъ еще показанія современныхъ живыхъ слав. нарѣчій, то мы увидимъ, что это совпаденіе *ы* и *и*, или, что̀—то-же, среднее *ы*^{и}, среднее *и*^{ы}, принадлежитъ еще общеславянской эпохѣ, когда этотъ средній звукъ былъ явленіемъ, вѣроятно, *діалектическимъ*. Срв. нынѣшній сербскій, чешскій и русскій языки.

Теперь переходимъ къ отдѣльнымъ, большею частью, мелкимъ явленіямъ въ области гласныхъ звуковъ нашихъ говоровъ и на этомъ окончимъ обзоръ вокализма говоровъ Касимовскаго уѣзда.

Глава VI-я.

Отдѣльныя явленія въ области гласныхъ звуковъ говоровъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Подъ *отдѣльными* явленіями мы помѣщаемъ тѣ явленія, которыя встрѣчаются въ нѣсколькихъ, немногихъ словахъ, составляютъ не фонетическій законъ, а—случайность, или не могутъ пока быть подведены подъ какой-либо законъ, или, наконецъ, встрѣчаются сплошь во всемъ юవр., а иногда и въ свр. нарѣчіи, и потому не относятся къ области говоровъ Касимовскаго уѣзда, наконецъ, еще тѣ, которыя, встрѣчаясь въ однихъ случаяхъ, отсутствуютъ въ другихъ однородныхъ и т. п. Здѣсь мы будемъ говорить о слѣдующихъ явленіяхъ: 1) *Отпаденіе начальнаго гласнаго въ словѣ*: Ме^{е}льян = Емелья́нъ—

Парахино Касим. у. (См. выше въ памятникахъ др. письменности): Графе́на = Аграфе́на—Бѣльково. („По Огрофенѣ“ —Грамота 1490 г. АЮ. № 5); Ляксáндра = Алексáндра—Катово. (Олександръ—АЮ. №№ 24. 71. XXXVII и мн др.). Срв. также др. рус.: Оме́ля, Омельянъ—АЮ. №№ 414. 422. Далѣе: мяни́нничя = именинница - д. Спохино и др. 2) *Приставка гласнаго въ началѣ слова*: альляна́я (= льняна́я)—Ерахтуръ; срв. с льляны́м ма́слăм—Акулово. Алянóк—Шостья; аржы́—Дмитріево (= ржи; мн. ч. отъ сл. „рожь“. какъ: овсы́, сѣна́, проса́, капаны́... „Сѣна́“ мы имѣемъ и въ древне-русскихъ грамотахъ: „а тѣ пустоши покошены и *сѣна́* стоятъ на нихъ“—АЮ. № 3. 1485 г. Или: „и мы, господине, потому тѣ лѣсы пашемъ, а *сѣна́* косимъ, по своей по правой грамотѣ“.—АЮ. № 11. 1504 г. „Сѣна́“ я всегда слышалъ отъ крестьянки Лаишев. у Каз. губерніи). Аржы́цу ста́нуть бра́ть — Ивановское; афто́рьник — Ерахтуръ; у афсѣх—ib.; уве́сь по́ѣст (= по́ѣздъ).—Нармушадь. 3) *Изъ = съ изрѣдка* (*из = с*) *и наоборотъ*: ис цаво́? = съ чего?—д. Китово (напр., „ис цаво́ ты взя́л“? „ис цаво́ бье́мси-ти? ис = изъ-за?); из утра́ пайдё́ш—2 л. ед. ч —Ерахтуръ (= „съ утра“); з гре́цы́хи (= изъ гречи́хи)—дер. Китово; з' ăпцаства́ = изъ общества)—Ерахтуръ; бе́ре́м с сѣ́мя бьём. пъкупляям—1 л. м. ч.— дер. Китово (= изъ сѣмени). 4) *Вставка гласныхъ*: пăшана́—род. ед. ч. — Ерахтуръ; пăшани́ца - Нармушадь; пья́нăства быва́е́ть—Нармушадь; пăлаткáми—твор. п. мн. ч. (= платками)—Уланова Гора; блины̀ ис п'шана́, рăжаны́я—Чарусъ (= ржаные); пăшана́ насы́пют—Ветчаны (Истомино); „кăравáтка смăшшана́“ (= смощена́)—въ пѣснѣ „Таусень“ — ibid.; во́се́май го́д = восьмо́й годъ—ibid.; я ня с Па́ве́лăм жыву́—Катово Тум. вол.; он вадаво́й (=вдóвый)—Чуфилово; х пирипăлаве́нью = къ Преполовенію — Праватарово; атьвѣ́дай куте́йки па мăладе́ньцу—Киструсъ (Спасск. у.). Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, какъ видитъ читатель, имѣютъ неопредѣленный гласный звукъ на мѣстахъ основного ъ или ь: пьшено, пиıаньство, ръжанъ, осьмын. пльлъ, вьдовъ, въдовъ, и потому эти случаи скорѣе свидѣтельствуютъ о сохраненіи стараго гласнаго звука, утраченнаго частью въ эпоху исчезновенія глухихъ, чѣмъ о вставкѣ гласнаго, хотя, конечно, въ нашихъ говорахъ вѣрнѣе это явленіе считать *вторичной* вставкой гласнаго, чѣмъ сохраненіемъ его. Другія-же изъ этихъ словъ представляютъ,

быть можетъ, чисто-русскія образованія, соотвѣтствующія фонетически старославянскимъ, вошедшимъ въ нашу литературную рѣчь. Таковы, кажется, слова: па́латка́ми (платъ—полотъ, полот-но, полот-енце), ма́ладе́ньцу (младъ—молодъ, молодой, молоденецъ). Наконецъ, третьи, какъ: ка́рава́тка, представляютъ вставной гласный звукъ между согласными, въ серединѣ группы согласныхъ. Быть можетъ, такія слова со вставнымъ гласнымъ получили этотъ вставной звукъ, поддавшись аналогіи полногласныхъ образованій, но, кажется, и вставка гласнаго въ группѣ согласныхъ—явленіе, свойственное фонетикѣ русскаго языка: вспо́ма́ни, перѐча́тка, смерѐтушка и под. извѣстны въ разныхъ народныхъ говорахъ.

4) *Выпущеніе (выпаденіе) гласнаго звука или слога въ серединѣ словъ*: *сваму́* сы́ну на́да уса́чу (=уса́дьбу) *прибрята́ть*—Борисково, Касим. у.; у *мня́* ма́ни́нькіjі: ка́к фсе́м атайтíть!—ibid.; нѐт'ти (=нѐтути) — ib. Срв. въ Новгород. Синод. Лѣт. нѣтоуть—л. 298. (фотолитогр. изд.); въ Ипатск. сп. нѣтуть—л. 89. столб. 2. нѣтутѣ—л. 89. столб. 1. Въ Лавр. сп. нѣтути—л. 150 столб. 2. Вѣроятно, слово состоитъ изъ двухъ: *нѣту* и *ти,тѣ* (мѣстоим. дат. пад.), откуда при ѣ=и: нѣтути, послѣ отпаденія *и*: *нѣтуть*. Въ Ипатск. спискѣ и во многихъ грамотахъ мы имѣемъ и: нѣту—Ипат. л. 92. столб. 2. Послѣ отпаденія *у* получилось: нѣтъ—Ипатск. л. 93. столб. 1. Этимологія-же слова „нѣту" извѣстна [1]). Что касается мѣстоименій, то богатое количество интересныхъ мѣстоименныхъ формъ мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ Касим. уѣзда, по преимуществу формъ мѣстоименій личныхъ: выше мы видѣли форму: *мня́*—род. п. ед. ч. Срв. въ Пѣсняхъ Истомина: *Е́*сть у *мня* братцы по́лучше тебя — Стр. 13. (г. Онега. Арх. губ.). Вотъ еще нѣсколько формъ, въ которыхъ мы видимъ выпущеніе гласнаго звука: сам пра *ся́* ска́жаш—2 л. ед. ч.—Семеино. Срв. Пра *се́я* бу́дя пе́ть ме́р—Катово; бу́дит *с тя́*—Бычково. Срв. у *те́я* э́та цаво́?—Шара-

---

[1]) *Потебня*. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. [1]. II. 380. Срв. *Miklosich*. Vergl. Gram. III. 330. *Соболевскій*. Р. Ф. В. 1881; № 4. 243 и слѣд. Въ Лавр. лѣт. мы читаемъ: нѣту бо ти нужа никоея.

нина; „*тяй* больши ни видать“ —пѣсня—Бычково. Сами мéжу *сей*—Праватарово. Вотъ на основаніи такихъ фактовъ мы выше высказали мысль, что въ современныхъ русскихъ говорахъ мы усматриваемъ въ такихъ мѣстоименныхъ формахъ формы, образовавшіяся вслѣдствіе выпущенія сначала согласнаго звука *б*, а потомъ ассимиляціи и сокращенія гласныхъ. О другихъ формахъ мѣстоименій мы будемъ говорить въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ и въ отдѣлѣ морфологіи. Другіе примѣры: *óкла* (= около) ɣрáни-ти—Рогачево (ɣрáни = граніцы); *д'ыть* (= да вѣдь) анá тут нѣт рыбы-ти (См. ниже—Синтаксисъ)—Рогачево; *Не́ньгла*—ib.; *т'ыть* анá бралá—Давыдово; *з' асьмýшку* (= за осьмýшку)—Катово; анí пасмялíсь (= посмѣялись)—Шаранина; абѣх вм. обѣихъ—Агѣево. Срв. обѣх—въ Новгород. губ. (Колосовъ. Замѣтки. ib. 25); Анí, мушкí, лю́бют с пахмéля—Акулово; (= они, мужкí, любятъ съ похмелья; мужкí--отъ им. ед.—мужóкъ, уменьш. отъ „мужъ“); слово „пахмéля“ напоминаетъ по произношенію блр. и млр. „похмéлля“, какъ „весілля“ и т. п., но не было слышно двойного *л*. (См. ниже, въ отдѣлѣ согласныхъ звуковъ). Замáцым кадýшку (= замачиваемъ)—Акулово; старикí та нам скáзывут—Жалудково; я уш сицáс дýму—1 л. ед. ч (= дýмаю)—Меркулово, Праватарово; уш ни умѣ́мшы ни зыɣрáиш—2 л. ед. ч.—Чуфилово; Василій Пи́мнаф (= Пименовъ)—Немнясево; нā вíни (= на овíнѣ)—Праватарово; у кó jéсь?—ib. (= у каб вм. у кавó); зáгинья—зáговѣнье—Парахино; кáк jo пíть?—Фомино. (= jавó—jаó. Быть можетъ, изъ: jовó—jоó—jó, какъ и выше: ковó—коó—кó). Окли Казáнскăй ушóл -Астахово; посли зáгвинья—Парахино; пашлá спавѣдáтца—ibid.; кадá кóны (= икóны) прíдут=ib.; рабóтут, плóтницут—3 л. мн. ч.—Ахматово; Лизáр—Алексѣево (= Елеазаръ); изъ этихъ всѣхъ словъ, быть можетъ, слова: *кó* и *jó* вмѣсто кавó и явó (jавó) указываютъ на *окающее* зерно нашихъ говоровъ въ ихъ первоначальномъ видѣ и на ихъ родинѣ: врядъ-ли изъ „каó“ получилось бы „кó“, а изъ „коó“ могло легко получиться—„кó“. Такія же формы мѣстоименій личныхъ, какъ мы привели выше изъ нашихъ говоровъ, есть и въ свр. нарѣчіи: „И возьми-тко *мня* въ службу богатырскую“ —*Гильфердингъ*. Он. былины. Столб. 681. „Ты поди иди за *мня* да во замужество“—ib. 1026. Срв. род. падежъ: „Одна у *мня* любимая племянничка“—ib. 31. „Есть у *мня*

да молода жена“—113. Здѣсь же: „Золотой казны у *мни* да есть по надобью“—113. (Въ другихъ мѣстахъ: *мни*—дат. п. ед. ч. изъ „*мнѣ*“: „Вы попрежде *мни* подайте саблю вострую“—29. „А ко *мни* да вѣломъ посылайте-тко“—83. Срв. 236 и друг.). „Измочила у *мня* шубу черныхъ соболей“—120 Срв. 138 и друг., напр., 396. 1020. 1048. Это сопоставленіе формъ изъ Олонецкихъ былинъ ясно показываетъ, что форма *мня́* есть плодъ позднѣйшаго сокращенія изъ *меня́*, т. к. употребляется даже въ смыслѣ винительнаго падежа, т. е., значитъ, образовалась послѣ того, какъ форма *меня́* стала имѣть и значеніе винительнаго падежа. Мы въ этихъ былинахъ встрѣчаемъ и формы: *тея́*, *тя́*, но я не думаю, чтобы формы: *мя*, *тя*, *ся* и *тѣ*, *ти* (см. ниже), *си* при формахъ: тея́, сея́; теѣ́, сеѣ́—могли бы указывать на сохраненіе особыхъ старыхъ вин. и дат. падежей мѧ, тѧ, сѧ; ти (тѣ), си. Признавать формы: мя, тя, ся; тѣ, ти, си сокращенными изъ: тея́, сея́, теѣ́. сеѣ́, по моему, необходимо; причемъ формы: мя и ти, си тогда слѣдуетъ объяснять, какъ образованныя по аналогіи (напр., *мя* по аналогіи къ *тя*, *ся*) или частью фонетическія (напр., я тѣ скажу—Семенно, Касим. у.; но: спаси́ба-ти—Шаранина, ibid. и друг.; т. е. *ѣ* въ слогѣ послѣ ударенія звучитъ, какъ *и*, подобно тому, какъ это мы видѣли въ падежныхъ окончаніяхъ именъ). Необходимость признанія этихъ формъ за сокращенныя вытекаетъ изъ того, что мы имѣемъ подобныя формы въ языкѣ, несомнѣнно получившіяся путемъ сокращенія: род. *мня* при винит. *мня*. Но есть и: *мене*, *тебе*, *себе*—*Гильфердингъ*. ib. 509. 706. 63 и друг.

5) *Ассимиляція гласныхъ звуковъ въ двухъ смежныхъ слогахъ:* Кипито́н—Антоново Касим. у.; Кистинти́н—Данево; Гара́ськина—Бѣльково. Срв. АЮ. №№ 98. 410. 413. 414. Въ др. русскихъ памятникахъ мы обыкновенно находимъ: Костянтинъ—и думаемъ, что на это произношеніе могло повліять уменьшительное—Костя; ассимиляція-же гласныхъ звуковъ произошла чисто фонетическимъ путемъ: звукъ *я* сталъ произноситься близко къ *і*, находясь въ слогѣ передъ ударяемымъ, гдѣ были мягкіе согласные, а звукъ *о* перваго слога ассимилировался съ этимъ звукомъ второго слога [1]).

---

[1]) См. между прочимъ статьи *Соболевскаго*: Ж. М. Н. Пр. 1894. № 11. Стр. 29; 1893. № 11. 50—51.

Наконецъ, 6) звукъ *и* послѣ гласнаго не обращается въ *й* (i̯) въ ударяемомъ слогѣ; наоборотъ, звукъ j (i̯) появляется передъ начальнымъ ударяемымъ звукомъ *у* (оү): *по́ила* нясу́ть—Шостья Касим. у. („по́ила“—3 слога; вин. мн. ч. отъ сл. „по́йло“). Срв. „стаяла́“ = сто́йла—им. мн. ч. отъ сл. „сто́йло“—г. Скопинъ. Другой примѣръ: ю́трӑм (jу́трӑм) и ве́цырӑм—Ужыщево Алексѣев. вол. Касим. уѣзда. Въ этомъ словѣ j (i̯) существовало еще въ общеславянскую эпоху согласно закону о присоединеніи *j* (i̯) къ начальному *и* (оү), и въ общерусскомъ языкѣ мы имѣли въ этомъ словѣ j (i̯): срв. бѣлорус. и малорус. *ютро*, причемъ *утро*, какъ полагаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, появилось изъ такихъ формъ, какъ: „за оутра“, гдѣ j (i̯) исчезъ фонетически между двумя гласными.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Глава VII-я.

Передне-небные звуки: *ч*, *ш*, *щ* и *ж* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи. Группа *жд*.

Мы начинаемъ отдѣлъ согласныхъ звуковъ въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ обзоромъ звуковъ передне-небныхъ потому, что, именно, въ области этихъ звуковъ наши говоры представляютъ особый интересъ и замѣчательное явленіе своими, такъ нами называемыми, *средними* звуками: $ч^{ц}$ ($ц^{ч}$), $ш^{с}$ ($с^{ш}$), $ж^{з}$ ($з^{ж}$). Мы разсмотримъ въ этой главѣ передне-небные звуки и ихъ замѣны въ нашихъ говорахъ, а равно—и вышеназванные *средніе* звуки и условія ихъ появленія. Затѣмъ перейдемъ къ группѣ *жд* и ея замѣнамъ въ нашихъ говорахъ. Вообще, надо сказать, что изслѣдуемые нами говоры въ большей своей части — говоры *цокающіе*, т. е. употребляющіе звукъ *ц* вмѣсто литературнаго русскаго звука *ч*, въ меньшей своей части—*чёкающіе*, т. е. употребляющіе звукъ *ч* вмѣсто нашего литературнаго *ц*. Говоровъ цокающихъ и чёкающихъ одновременно очень мало, какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Говоры не цокающіе, т. е. сходные по произношенію въ данномъ отношеніи съ литературнымъ нарѣчіемъ, встрѣчаются лишь на очень небольшомъ пространствѣ за-Окской области Ряз. губерніи (смотря съ юга); при переѣздѣ черезъ Оку мы слышимъ говоръ южно-рязанскій лишь на разстояніи какихъ-нибудь 10—15 верстъ, и то уже съ легкой примѣсью цоканья; эти говоры въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ описан-

ныхъ нами говоровъ въ первомъ нашемъ трудѣ, и общая характеристика ихъ уже дана нами раньше. (Здѣсь, напр., мы слышимъ женскій родъ вмѣсто средняго: адна́ сяло́, адна́ бало́та—Киструсъ Спас. у.; г = γ, хотя есть уже и г = g: γаня́ють, γало́днай γо́т; мягкое *к* послѣ мягкаго согласнаго *и j*: дѣвачькя, чайкю; почти всегда—*ть* въ 3 л. глаголовъ и проч. Таковы селенія: Жолобова Слобода, Гавриловское, Селезёново, Городе́цъ, Ужалье, Новый Киструсъ Спасскаго уѣзда). Въ виду этого я не буду останавливаться на общей характеристикѣ передне-небныхъ согласныхъ не цокающихъ мѣстностей Спасскаго уѣзда, а займусь подробной характеристикой цокающихъ и чёкающихъ говоровъ.

Такіе говоры въ Спасскомъ уѣздѣ начинаются лишь съ д. *Деревенское, гдѣ я впервые и услышалъ цоканье*, направляясь отъ г. Спасска къ сѣверо-востоку. Что касается говоровъ Касимовскаго уѣзда, то они всѣ уже, т. е. во всѣхъ мѣстахъ, извѣстныхъ мнѣ, суть говоры или цокающіе, или чёкающіе, или и цокающіе, и чёкающіе, а потому они цѣликомъ и войдутъ въ мое изслѣдованіе. Какъ сказано выше, и въ *не цокающихъ* мѣстностяхъ Спасскаго уѣзда можно уже замѣтить мелочныя отличія отъ говора южно-рязанскаго, и на эти отличія было и будетъ указано въ настоящемъ трудѣ, но *въ общемъ*-то сохраняется еще знакомый намъ типъ говора южныхъ уѣздовъ, между тѣмъ какъ съ д. *Деревенское* мы попадаемъ въ область *другого* говора, который и служитъ предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія.

По вопросу о передне-небныхъ звукахъ въ нашихъ говорахъ сдѣлаю одно *общее замѣчаніе*, чтобы не повторяться при перечисленіи примѣровъ произношенія ниже. Дѣло въ томъ, что всѣ *средніе* звуки ($ч^ц$, $ц^ч$, $ш^с$, $с^ш$, $ж^з$, $з^ж$), гдѣ они встрѣчаются, имѣютъ произношеніе *мягкое* и появляются вообще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они соотвѣтствуютъ *мягкимъ* звукамъ литературнаго русскаго нарѣчія, звукамъ: *ч'*, *с'*, *з'* Что касается въ частности звука $ч^ц$, $ц^ч$, то онъ можетъ быть и на мѣстѣ *мягкаго звука ч'* (въ литературномъ нарѣчіи), и *на мѣстѣ твердаго* звука *ц* (тоже въ литературномъ произношеніи), и это обстоятельство объясняется прежде всего тѣмъ, что нашимъ говорамъ вообще извѣстна мѣна звуковъ *ч* и *ц*, которая, въ свою очередь, находитъ для себя объясненіе въ исторіи этихъ звуковъ, бывшихъ нѣкогда *мягкими*. Такимъ

образомъ, въ нынѣшнихъ цокающихъ говорахъ звукъ *ц* представляетъ собой *позднѣйшее* отвердѣніе, а въ чёкающихъ говорахъ мы видимъ древнюю мягкость звука *ч*. Ниже, въ примѣрахъ, читатель увидитъ, что кое-гдѣ извѣстенъ до сихъ поръ нашимъ говорамъ и *мягкій* звукъ *ц*, хотя въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ уже *твердое ц*.

Цоканье, или замѣна звука ч (литературнаго) звукомъ ц. Въ настоящее время это фонетическое явленіе извѣстно намъ изъ очень многихъ говоровъ; можно сказать, что чуть ли не во всѣхъ русскихъ говорахъ встрѣчается *цоканье* или какъ *сплошное* произношеніе *ц* вмѣсто *ч* на большихъ пространствахъ, или какъ *спорадическое* явленіе, замѣчаемое лишь въ *единичныхъ* случаяхъ.

Намъ приходится говорить здѣсь о замѣнѣ *литературнаго* звука *ч* звукомъ *ц*, т. к. въ этомъ отношеніи мы не можемъ поручиться за то, что произносимое нами въ литературномъ нарѣчіи *ч*, *вездѣ нынѣ* слышится на тѣхъ мѣстахъ, *гдѣ и въ древности въ живомъ* русскомъ произношеніи слышался тотъ-же звукъ *ч*. Мы хорошенько еще не знаемъ, на какомъ пространствѣ древне-русскаго языка слышались звуки *ч* и *ц* явственно, *не смѣшиваясь* другъ съ другомъ, и слышались, именно, *такъ и въ тѣхъ словахъ, какъ и въ какихъ* мы слышимъ теперь эти звуки въ литературной рѣчи.

Цокающія мѣстности (*ц* вмѣсто *ч*; *ц*, большею частью, *твердѣвшее*, но есть и *мягкое*, что видно будетъ по транскрипціи ниже). Къ цокающимъ мѣстностямъ принадлежатъ: въ Спасскомъ уѣздѣ: д. Деревенское, с. Ижевское, д. Вы́жлясъ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ: с. Ерахтуръ, д. Борки, д. Куземкино, Ярыгино, Брѣево, Ломъ, Шпилёво, Лощина, Перьи, Уланова Гора, Гусевской Заводъ, Пердусъ, Дубровка, Бѣльково, Урядино, Китово (село и деревня), Чарусъ, Истомино (Ветчаны), Ивановское, Малахово; Тумскій край: Катово, Бычково, Симоново, Логино, Чуфилово, Горы, Расторгуево, Зубово, Давыдово, Семеино, Снохино, Кабаново, Меркулово; Шаранина, Андроново, Праватарово, Малышкино, Парахино, Фомино, Астахово, Ахматово, Велькова, Алексѣево, Ужы́щево, Мягкова, Волчково, Ламакино, Бѣлясево, Акулово, Оськино.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстностей сохранился *средній* звукъ: $ч^ц$ или $ц^ч$: въ Касимовскомъ уѣздѣ: Нармушадь, Шостья, Чинуръ, Лѣсново, Ярыгино, Брѣево, Жданово, Дмитріево, Данево, Тимохино. Забѣлино, Урядино, Чарусъ, Борисково (близъ Ветчанъ), Рогачево, Снохино, Бычково, Немясево, Норино, Алексѣево, Ахматово. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ я при своихъ записяхъ часто затруднялся постановкою на письмѣ буквы *ч* или *ц*. Конечно, и въ другихъ мѣстностяхъ, названія которыхъ приведены выше, былъ, вѣроятно, этотъ звукъ, но теперь, по крайней мѣрѣ, на мой слухъ, ясно слышится *ц* и *ч*.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ извѣстно *чёканье*. Это по преимуществу—уголъ Касимовскаго уѣзда, омываемый Окою по направленію съ СЗ. на ЮВ., отъ притока Гусь внизъ по Окѣ до границы съ Тамбовской губерніей, слѣдовательно, самый сѣверо-восточный уголъ нынѣшней Рязанской губерніи, уголъ, врѣзывающійся во Владимирскую губернію и граничащій съ востока съ Тамбовской губерніей; вокругъ этого угла къ западу и югу, какъ мы видѣли, извѣстенъ средній звукъ $ч^ц$ или $ц^ч$, а въ глубь уѣзда пойдетъ *цоканье*, на мой слухъ, съ ясными *ц* и *ч*. Само собой разумѣется, что въ чёкающихъ мѣстностяхъ извѣстенъ и средній звукъ; слѣдовательно, вообще можно сказать, что *средній звукъ извѣстенъ въ сѣверо-восточномъ углу Ряз губерніи* [1]), на границѣ съ Вла-

---

[1]) Самый выдающійся изслѣдователь древняго цокающаго Псковскаго говора по памятникамъ письменности—*А. И. Соболевскій*; его мнѣніе относительно мѣны шипящихъ и свистящихъ изложено въ его трудѣ: «Очерки изъ исторіи русскаго языка». К. 1884. Такъ какъ это мнѣніе очень близко къ тому, которое мы высказали относительно того-же вопроса выше, то мы его приведемъ здѣсь цѣликомъ, хотя читатель и увидитъ, что разница между нашими взглядами—существенная: Соболевскій полагаетъ, что когда-то между шипящими и свистящими не было большого различія, и потому часть русскаго племени начала употреблять ихъ безразлично; читатель самъ видитъ, что при этомъ остается непонятнымъ, *почему же* начали употреблять эти звуки *безразлично*, если это всетаки было *два звука*, хотя и близкихъ другъ къ другу: мало-ли близкихъ другъ къ другу звуковъ? Мнѣ кажется, что это мнѣніе построено на чисто теоретическихъ соображеніяхъ: еслибы А. И. Соболевскій принялъ въ соображеніе современные намъ говоры съ *ихъ средними звуками* $ч^ц$, $ц^ч$, $с^ш$, $ш^с$, $з^ж$, $ж^з$, которые даже опытному человѣку

димирской и Тамбовской губерніями. Тотъ фактъ, что нынѣ при цоканьѣ извѣстно чёканье и средній звукъ, именно, въ совокупности, доказываетъ, на мой взглядъ, наглядно *процессъ вырожденія среднихъ звуковъ* и ихъ отклоненіе либо въ сторону *ц*, либо въ сторону *ч*. Эти говоры—архаичные, и, думаю, *таковыми* были говоры, расположенные въ этой мѣстности по Окѣ въ древности (т. е. говоры *со средними* звуками).

Ниже мы увидимъ, что изслѣдуемые нами говоры Ряз. губерніи не могутъ считаться занесенными цѣликомъ откуда-нибудь, а должны считаться *осадками* старыхъ лѣсныхъ жителей, такъ какъ *неоткуда было взяться тѣмъ фонетическимъ признакамъ, которые теперь находятся въ нашихъ говорахъ*. Напротивъ, часть туземцевъ, выселившихся на новыя мѣста въ разное время, приносила съ собой звуки своего говора, и этимъ объясняется, съ одной стороны, то, что нынѣ мы *въ Вятскомъ говорѣ* слышимъ звуки, напоминающіе намъ наши Окскіе говоры. съ другой стороны, то, что нынѣ, въ краяхъ, заселенныхъ *бѣлоруссами*, мы находимъ звуковыя черты, сближающія тѣснѣйшимъ образомъ говоры бѣлорусскіе съ нашими,

---

трудно изобразить на письмѣ однимъ начертаніемъ, то онъ пришелъ-бы къ заключенію. подобному высказанному нами. Впрочемъ, быть можетъ, въ 1884 году наша діалектологія и совсѣмъ не давала права на такія заключенія вслѣдствіе отсутствія печатныхъ описаній и изслѣдованій, хотя надо вспомнить здѣсь мнѣніе *Каткова* о блр. звукѣ *с*. Соболевскій говоритъ: «Мѣна шипящихъ и свистящихъ—явленіе, возникшее очень рано, задолго до XIV в. Не имѣемъ достаточнаго основанія утверждать, что оно относится къ общеславянскому періоду (хотя это вполнѣ возможно); оно могло возникнуть на русской почвѣ въ то время, когда образовавшіеся изъ гортанныхъ шипящіе и свистящіе еще вполнѣ сохраняли свою мягкость, и когда между ними не было большого различія. Тогда часть русскаго племени перестала отличать всѣ или нѣкоторые шипящіе отъ соотвѣтствующихъ имъ мягкихъ свистящихъ и начала употреблять ихъ безразлично, одни вмѣсто другихъ. Это продолжалось и тогда, когда шипящіе и свистящіе, образовавшіеся изъ гортанныхъ, стали нѣсколько тверже, и когда послѣдніе сдѣлались тожественными съ мягкими свистящими. происшедшими другимъ какимъ бы то ни было путемъ; это повело за собою спорадическую замѣну и этихъ послѣднихъ шипящими. Къ XIV вѣку нѣкоторая часть шипящихъ (*ж* и *ш*) отвердѣла;..... вслѣдствіе этого возникла спорадическая замѣна шипящими даже твердыхъ *з* и *с*». Стр. 149—150.

между тѣмъ какъ ни въ Вятскомъ, ни въ бѣлорусскихъ говорахъ мы не находимъ многихъ чертъ стараго Новгородскаго говора, но зато и тамъ съ теченіемъ времени развились новыя звуковыя особенности, которыхъ нѣтъ въ нашихъ при-Окскихъ говорахъ. Конечно, это только моя догадка: *когда* эти перемѣщенія, выселенія и заселенія были, рѣшить нельзя, но надо думать, что въ нихъ нѣтъ ничего невозможнаго, въ особенности въ эпоху удѣльно-вѣчевого устройства на Руси или даже еще ранѣе, въ IX—X вѣкѣ.

Чёкающія мѣстности, гдѣ *яснѣе* другихъ слышно *ч* вмѣсто *ц*: Дмитріево, Данево должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ (они находятся почти въ самомъ углу, гдѣ сходятся всѣ три губерніи). затѣмъ идутъ: Забѣлино, Гиблица, Тимохино, Антоново, Борисково (Ветчан. вол.), Чинуръ и Шостья. Вездѣ здѣсь извѣстенъ, конечно, и *средній звукъ*. Все это будетъ видно ниже на примѣрахъ.

Примѣры. Ижевское Спас. у.: ў заўлӑцки жывётъ; „зӑцытáлӑсь, нóцэю цытáла псалты́рь“ [1]): у мнѣ́ два уцáстка; старицóк; цавó и цэвó; хóцытъ—3 л. ед. ч.; па атéцэ̆сву Лариўóн Ивáны*цъ*, Ми́тріеви*цъ*; цэ̆лавѣ́к; трóпӑцка; сицáс; нивзнацáй. (У мущинъ я слышалъ: ничявó; они всѣ здѣсь—народъ промышленный). *Вы́жлисъ*: апцэ́с'винскай зямли́; цужóй заɣóн, цаты́ря. (Мущины тоже меньше цокаютъ). *Ерахтуръ Касим. у.*: Хёдӑрыц, сипáс жы́ф; ат абѣ́их па дяфцóнки; саскýцылас, вицавó; анýцы; цытьвяртнýю; ў лáвацку; църнарабóцых; цáје^{i}м—твор. п. ед. ч.; па цужы́м жывýть—3 л. мн. ч.;—г зéмьскӑму нацáльнику; слуцáе^{i}тца—3 л. ед. ч.; ве^{i}ньцáл атéц Ляксáндр'; дѣ́вацка, цэты́ря; аднá дóц астáлас; ɣóдика цэре^{a}с два; тепéрьца; из мацэ́ньца; з дóцэрью; цаó? ў цыты́ри цапкá; цóлнӧк (sic!); пӑ цырядý ткýть; цо? (см. выше: цаó?); вицарá—им. п. мн числа; ўпарáсь, пец (сущ.); кýзаў с прибáвӑцкӑм (=кýзовъ съ прибавочкомъ); ў кýтцки (=въ кучкѣ; *т* ясно слышалось въ этомъ словѣ); аɣýрцыкаў,

[1]) Въ кавычкахъ приведены подлинныя слова въ цѣлой фразѣ, сказанной одной крестьянкой про раскольницу въ Ижевскомъ Сашу. Объ этомъ смотри мой «*Отчетъ* о командировкѣ въ Рязанскую губернію на лѣтніе мѣсяцы 1894 года». Казань. 1895. Отд. оттискъ. Стр. 12. (Ученыя Записки Имп. Каз. Унив. 1895. Январь. Стр. 210).

вилóцкау, вóдăцки [1]); драцóну; мóцуть—3 л. мн. ч.; усё кóнцытца—3 л. ед. ч.; плáцыть—3 л. ед. ч.; рă*сцё*съвають—3 л. мн. ч.; цутóк лиш вйдна. *Борки:* цыстють—3 л. мн. ч.; заóг Кацкóва (=заводъ Качкова); уцйте'ль; сицá; цэряз дóм (=черезъ домъ); ýцуть—3 л. мн. ч. *Шостья:* цатыря, мацóньца, три с цэтьвирьтью, па пьтацкý; сёмицка, валёцкăм, дащёцку (=дощечку—вин. п.); ў мялйнацки; па кýцки разлóжым—1 л. мн. ч.; цэм зăнимáе'мса?, пăкарóца, пъцытáе'ть—3 л. ед. ч.; нăцынáе'м. на зипýньцыки; ве'шнйцку пе'ре'стрыуґли; нóцы ни вйсынáе'м; ў пéцку; цыё сцáсья!, цавó, зацэм; лиш дŏ цэрáпнява днá; кăлакóльцыкăм—тв. п. ед. ч.; стуцыть—3 л. ед. ч.; цэрьви, вытăсцыли (щ=сц); дакáньцына (=докóнчена); вяпцáлас. сицáс давáй крыцáть; с пéцы; бýблицки, пяцáльна; цасóцки, ўстряцáй, вяцóр, ве'цырйна; за пéцэ'й—твор. п. ед. ч.; гре'цыха, крупцáткы; цылаэк, припаш(н)áе'мси—1 л. мн. ч.; ў пе'цэ (=въ печи), ис пéцы (=изъ пéчи); у Пацыньских бярýть (с. Почйнки); луцыну, пъд акóшыцкăм, дяўцóнки, рýцки, цóрнай вóран пракрыцáл. *Брьево*: сицáс, ницавó. *Ломъ:* дле' пцóл (=для пчёлъ). *Шпилёво*: цылаэк, гре'цыха, Никалáпц. *Лощина*: цавó. пълуцыла, плáцыт—3 л. ед. ч. *Перьи*: цавó, сицáс, нăцавáли. *Уланова Гора*: пе'рцáтăцки, рýцыньки, дифцóнка, пъцытáють—3 л. мн. ч., ныньцы, цавó (по преимуществу въ пѣсняхъ осталось цоканье: въ говорѣ этого подгороднаго села (слободы) близъ г. Касимова замѣтенъ уже „городской“, „образованный“ выговоръ; надъ цоканьемъ здѣсь смѣются, а въ пѣсняхъ еще сами, забывшись, цокаютъ). *Гусевской Заводъ*: пă пе'цáли. (Это село въ административномъ отношеніи принадлежитъ къ Владимирской губерніи; здѣсь—смѣсь населенія, но преимущественно—цокальщики). *Ибердусъ*: фсю нóц. *Дубровка*: пре'ттéца (=Предтеча), вéцăр; но: чалнóк·ăт. *Бѣльково*: за цасóве'ньку, сицáс, виньцáл, цатырнăцáтый; пъцамý? на цавó выпье'ш? нацáльники, нацнýт—3 л. мн. ч.; ф сваю и ф цужýю, с пéцы, зацэм, ситницка—род. п. ед. ч.; не' плăцут, ве'царýшную пѣсьню, брóсют пьтацóк;

---

[1]) Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ мы видимъ: в=ў, г=γ,—ть въ 3 л. глаголовъ, а потому мы въ дальнѣйшемъ изложеніи, чтобы не приводить вновь *всѣхъ* примѣровъ, когда будемъ говорить о звукахъ зубныхъ, заднe-небныхъ и губныхъ, будемъ ссылаться на эти примѣры. Въ словахъ: Иваныць, Митріевиць (Ижев.); рă*сцё*съвають (Ерахтуръ)—*ц* мягкое.

за цóрнăва лйба за бѣ́лăва; с цытьвяргá зъцынáли блины́ пéц (глаголъ); грéца (=греча); ф цáстую зацну́т вяснóй; пăбайцэ́я сабрáли бы: мы неⁱ смѣ́лыjи: неⁱ магём—1 л. мн ч.; ф хлóп'цках раслй: буты́л'цку падьнёс—ф цытьвярóм пó дьви (по двѣ)-те; пау́жънăли и на пéцку! *Урядино*: Иван Пятрóвиц. на Цáрус дарóга (=на Чарусъ); цай у каó угóдна, сицáс, преⁱттéца, преⁱттéцскай (приходъ): деⁱфцóнка аднá вы́лăна; хлѣ́беⁱ*цъ*; цаты́ря, край зеⁱмлй уцы́лси (=около земли учился). *Чарусъ*: цытьвёрта треⁱтьяшка (=трехъ-годовалая лошадь); ф Кăцамáри (=с. Качемáръ) т'ить он дьякан-та адйн: у кó цоб jесть; и срóдьники и цужы́я; эта я тапéрь на пацы́ни; цō? (=чего?), цэ́м? сйтьницка хатѣ́ла купйть; я как хацу́ вам сказáть; сицáс падй дяру́ть—3 л. мн. ч; кадá бу́деⁱть *ц*ⁿ*вѣсь*-та? (=цвѣстй); стайть знắцыт (=знáчить); для пьлатéницкăф пáсмăцкăф ўтри, на стѣ́нацках, ў цаты́ря: неⁱудáца бывáеⁱть; ф пéцку палóжăм—1 л. мн. ч; нáда уш пъжырьцэ́я; асóбеⁱнна мóцăм—1 л. мн. ч.; ис цавó (=для чего? изъ-за чего?); мать плáцăть—3 л. ед. ч. (см. выше); я плáцу; в Адéсти (=въ Одессѣ) мнóγа нáших Цáр'ских (=Чáрусовскихъ) рабóтут; нада jiё аплáцы̆вать, вóньца три цэ́тьвирьти; γряцы́ха, радймăй, мы неⁱ сѣ́jили: плóха радйтцы-ть. *Ветчаны* (Истомино): цаó? цай пьють! уцы́лась, сицáс; веⁱньцáлась (—*нь*—доказываетъ бывшую мягкость звука *ц*. Въ цокающихъ говорахъ *ц* было первоначально мягкимъ, какъ и вообще; цоканье древнѣе отвердѣнія звука *ц*; мы говоримъ: веⁱньчя́ть, но винцá (род. п. ед. ч.); произношеніе „виньцá" измѣнилось въ произношеніе „винцá" *послѣ отвердѣнія ц*. Ряз. *виньцá* осталось на старой ступени произношенія *н* и послѣ діалектическаго отвердѣнія *ц*. Это замѣчаніе относится ко всѣмъ однороднымъ слу́чаямъ, гдѣ мы находимъ *сохраненіе мягкаго* согласнаго *въ сосѣдствѣ съ отвердѣвшимъ* согласнымъ, нѣкогда тоже мягкимъ): снацáла; плáцаш—2 л. ед. ч.; ва цужы́ люди (пѣсня); вицару́ха, цулкй, пă трёшницку (но: чижалó—*ч* изъ *т* мягкаго); пъвиньцáютца; каму́ цавó нáда! к цаму́; цы́стай, пъсцытáют; цáсты звѣ̆здушки; у бăγацóф (=у богачей); с мáслицкăм, „тарáнăцки (тарáнь—рыба) jéшли (=если) ху́ньтик на мацáл'цкăх"! разацнётцы—3 л. ед. ч.; мóцы нѣ́т; „кáк ры́бăцка аб лёт"; пăцытáть. *Китово*: иш' анá цы́ста (трава); Ивáн Максймыц; дóцыря—им. п. ед. ч.; γóспăди знáеⁱть ăтцавó! нѣт ницавó, а прясь нéцăва! нáс вот цаты́ри бáбы-ти: свякры́ цытьвёрта; с Мйтра-

ва нацынáе^іть, другáя с Рáжаштва; вóт ŏн и вéцыр! у кавó авéцка, тады́ и зáцынáе^іш; лáпти плятýть и лыцки; „пыть-ве^іртацóк пуцóк“; а у нáс зе^амля́ пе^іспáная. *Дер. Китово*: другáя цýть цýть ляжы́ть—3 л. ед. ч.; „нăцавáть кáк уш тáх-та ня пýстишь—3 л. ед. ч.; лáвăцку дéржыть мăлашнýю; „а хóш цóрнăй хлéп“! мáсле^іницку не^ідéлю блины́-ти пякýть; „кáгжа ни пъцытáть-та свякры́“? прицастúтца—неопр. н.; адинóцки; тýца грóзная. *Ивановское*: вăпалцэ́ньцы вазúли, си-цáс на рабóти (=въ ополченцы); кой цэ́м, гдѣ цавó залó-жаш—2 л. ед. ч.; гряцы́шки; я не^і знáю, какóва цыслá; фся́-кăму хóцца харóшъя мястéпка; па манéницку сéют—3 л. мн. ч.; ф Цáруси (въ Чарусѣ) радя́тца; прéжэ нá пец, на пéцы (=на печú); стáриньки старицкú; цэ́ре^із а^уóнь. (*г* передъ согласными по преимуществу). *Малахово*: там у нáс валóцут (=боронýютъ) лóшăди [1]). *Бычково*: быцкóс^шькіји (=бычков-скіе. На вопросъ: „откуда вы?“); цунно тапéрь (=чудно́); ца-рáсь; тýт цавó нăжывё́ш? нады́сь царьнúки (черни́ки—ягода) аны́ принасúли; лýцци (=лучше); пайдём х цасóвьню (х=въ), тáк и плáцым—1 л. мн. ч.; *свѣч^цки* зат^сéплим—1 л. мн. ч.; быцкóјс^шькая (=бычкóвская; *въ*=ј, какъ здѣсь часто; недавно я познакомился со статьей *Соболевскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1895 г. Май: „Замѣтки по славянской грамматикѣ“. Авторъ неправъ, говоря: „русскій языкъ не знаетъ опущенія *в* передъ мягкими гласными, кромѣ немногихъ случаевъ, лишенныхъ значенія, въ родѣ *ишь* изъ *вижь* (нарѣчія *домой*, *долой* изъ *домовь*, *доловь* могутъ имѣть особое, вполнѣ удовлетворитель-ное объясненіе“. Стр. 91. Ссылка на „Лекціи“ его. 2 изд. стр. 90). Мы уже въ первомъ своемъ трудѣ по діалектологіи имѣ-ли случай говорить о мягкомъ *в* (*въ*)=ј въ ряз. говорахъ, т. е. о замѣнѣ мягкаго *в* јотомъ (ј). Въ Касимовскихъ говорахъ это мы часто видимъ (см. ниже): любóфь=любóј, любóви= любóји.... Такимъ образомъ, представляется полная возможность сближать русскія формы род. пад. мѣстоименій teje, seje, какъ и западно-славянскія teje, seje съ литовскими: tavęs, sa-vęs черезъ славянскія *teve, *seve. О мѣстоименныхъ формахъ

[1]) Въ *Малаховѣ* пропущено: «ны́ньцы ихъ нѣту»; ана цáстая (пѣсня); пăлáцкай—твор. пад. ед. числа; ацы́стим—1 л. мн. числа.

съ фонетической стороны мы говорили выше. См. соч. „Къ діалектологіи“.... Приложеніе. Пѣсни подъ №№ 22 и 26). Далѣе: панаjу́цу (=понаучу́—1 л. ед. ч. буд. вр. Въ пѣснѣ); цо́рнай мак, нӑцава́ть: ф Цырькасо́ва (=въ Черкасово—село (причтъ) для окружныхъ деревень). *Катово*: цы́стить—неопр. н.; ца́с, ницаво́: у папа́ у Хве́дӑра прицаспа́лась; упы́тцыти?—неопр. н.; упы́лишша на γара́х (Горы́—селеніе); цэлавӗк де́рьгаить рука́ми; ф цаты́ри цапка́; паца́ще, из мапэ́ньца: „фсё пӑлу́ч'ч'и хо́цца“! паме́льцэ: цыи́х γаспо́т? пӑринёцык, γадо́цку нѐт'ышша; как ни пъцыта́ть, цаво́ руγа́тца; ляцы́ли; три́ до́цы̆ри-ти, с цо́рным хлӗбӑм; тут ла́вацка jе́сь; пацо́м? Всѣ окрестныя деревни и села Тумскаго края говорятъ одинаково, а потому говоръ этихъ мѣстностей я не буду разсматривать отдѣльно, а вмѣстѣ. Напримѣръ: вя ф пе́рьвый рас цы́щю; не́цӑва—*Симоново*; я нацу́ю, цы̆лавӗк—*Логино*; Рӑγацо́ва, ф прау́лъцык, сица́с, дӗвацка, ӑтвяца́ть; „а тибӗ ахо́та вы́уцытца“? На Цухви́лъве (=Въ Чуфи́ловѣ); вицаро́к: Тимахве́й Радіо́нъц ӗдя за ры́буй; мы ф цыстатӗ не́ жы́ли; „пасто́й, малца́ть“! (Приказъ ребенку); анно́й (=одно́й) ло́жыцкай нильзя́; в пацы́ (=въ ночи́, но́чью) паӗдим лави́ть; цайку́-та? „када́ нӗту спи́цак“?! (=ка̀къ нѣтъ спичекъ?!)); па сӗцам—*Рогачево*; у на́с цаты́ри афцы́; зацэ́м хо́дям?—1 л. мн. ч.; цаво́? jеjи́ц в ла́вӑцки; ня у́цут; са фся́цынкай! дӗвӑцка адна́, два ма́льцыка были; пацо́м папа́лӑ—*Горы*; у Масквӗ (у=въ) пло́тнйцайт—3 л. ед. ч. упы́лищя, дьвӗ вярсты́ ӑт Цы̆рькасо́ва—*Расторгуево*: (Астарγо́ва—произн.); тсярёшкӑцка (Терёха—Терентій); цао́-жа здӗлаш?! дӗу́ка-жа у́цытца; цонибу́ть сё (=всё) ба́ит; стра́сь как крица́ла, нисца́снӑю. Ива́нӑвиц, ва цысто́ по́ля—*Зубово*; цылавӗк, три цэ́тьвирьти, капе́йцка, ни́тъцки: пацо́м? цао?—*Давыдово*. Пьринёцык *адин* ни к паму́!—*Логино*: мы уцо́ны што́-ля?—абро́цык пло́цу—1 л. ед. ч.; ни скуца́ла: пӑшыпьцэ́й рӑзγари́тцы (=поши́бче); пе́цку тапи́ть, палӗнӑцка; ня у́па—3 л. ед. ч.; к вяцэ́рьни—*Семеино*; но́цэй—твор. п. ед. ч. (почью), но́ца тё́мная (=ночь), пти́цки—*Горы*; на ла́вацки, в ако́шыцка, с мало́тцыкӑм, фстряца́ть, аб ва́с ску́цылас; два кушы́ньцыка цара́сь варп́ла; цыя́ (=чья?), но́цы—им. п. мн. ч.; не́цӑва, зацнё́м с цытьвярьγу́, я́ уш заму́цы̆лась, мо́цы нѐт; вну́цык миня́ аба́руит („аба́ровать“—уходи́ть, утомля́ть; „ба́ровать“ =ходить за ребенкомъ); он ӗсь хо́ца—3 л. ед. ч.—*Катово*; цаты́ри дӗвӑцки, цао́-жа

тибѣ́ ищё?—*Снохино*; а типéрь замýцысься, асярьцáпш—2 л. ед. ч Прéш (=преж', преже, прежде) сѣ́јиш. валóцыш (=бороноуешь); фсю пóц слýшайтя!—*Снохино*; ты *цiя́* тáм?—*Кабанóво*. Пó давáть-та? ш'ш'и давáли! *у*вицарý (=ввечерý)—*Горы*; Гаврѝлъвиц—*Агѣево;* на луцы́ну упáла, ва цужóй стăранѣ́, ни уцы́лась. в рѣ́цку вянки́, ли́цка умóют—3 л. мн. ч., вéцар па сýцóцку разлóжут—3 л. мн. ч., пы́ньца ни зăжы*у*áют, лѣ́тăсь зăжы*у*áли: ă*у*арьцэ́нья никáк ни раскáжыш, прицытáла—*Давыдово*; цáдушка (=чáдушко, чадо)—ibid. Па платóцку, ня плáцут у нáс тут та; прицашшáли: ф Цырькасóва; как пъжарьцэ́й; Цухвѝлăва (=Чуфилово), на *Ци*рькасóва, *цé*рйз мóст (=черезъ мостъ: ц—мягкое)—*Расторгуево*; варóцăй. Быцкóва (=Бычково), Ивáн Стяпáнъц. цэ́рйф (=червь)—*Амлягиово*: али́н клюцóк бýдя—3 л. ед. ч.—*Жалудково*; „я на рѣ́ⁱцáх толька тáх-та шыпкá, а винá я ня пью“—*Зубово*; ў Успéнья расцóт (=расчетъ), пълуцы́ла: так апхóдиссы (=обхóдишься) и малцы́ш—2 л. ед. ч.; „я ямý дóц, бăт“! (=баитъ); „кóльки кацáиш. тóльки ни крицы́т дᶻитᶜё“ (ѕитᶜё)! сцытáть (но мущина сказалъ: „ш'ш'итáть“); Цухвѝлъски=Чуфѝловскiе—*Чуфилово*; харьцѝ из дóма. цáй у нáс свóй был; мы *у* люцкóй (=въ людской) нăцавáли—*Логино*; свѣ́цъпки зажгём—1 л. мн ч.; пастéнька; нѣ́т, *цижалá*: пéть сынавéй—*Меркулово*; апы́стим—1 л. мн. ч.; дóцэ̆ри; нацáць (=начать—неопр. н.); *у*ряцы́ха, *у*рéца; цуть—а*у*урьцáт; намацы́ла—*Праватарово*; тᶜялýшыцка, тацóк (=точёкъ, токъ) ахóлила—*Анисово*: па сѣ́цам (=по сѣчамъ)—*Малышкино*; пацы́шшэ (*е* открытое, *ш*—твердое); пеⁱсцáная, плáцут, скуцáть—неопр. н.; я ни *кацáлась* (=касалась); „такóй пéцы (=печи) пѣ́тўо“! доц, па цатьвéртай—*Парахино*; цуднó цаó тáм слуцы́лăсь—*Фомино*; паддᶻéвăцку (дᶻ=ѕ)—ibid. виньцáлаçь (ç=сᵐ)—*Астахово*; цэ́рьва (sic! им. п. ед. ч.) ѣ́ла—*Ахматово*; цаó нăливáть? благацы́ннай—ib. Мѝтриц, гряцы́шка хърашá; цэ́рйф падъѣ́л бóльна—*Вéлькова*; грицы́ха, грéца-та. клюц; прiѣ́диш тóлькя на цáс. салдáтка цатьвéрта, Ăфанáсьиц—*Алексѣево*; ю́трăм и вéцырăм—*Ужыщево*; примѣ́цу—1 л. ед. ч. буд. вр., лáвăцка—*Мягкова*; фцарá, трéтiй цáсти ни стайт—3 л. ед. ч., цуднóй—*Волчково*; пы́шки (=лепешки) хацý зăтявáть. цайкю́; штó ты нас мýцыјиш?—2 л. ед. ч.—*Ламакино*; Сирьгѣ́еⁱвиц; цаó ты тáм?—*Бѣлясево*. С цужы́м мýжăм, цавó—*Шарáнина*; Лаврéньтiй Васѝлиц, дóцэ̆ри-ти аны́'уш у миня́ аддáны; знá-

ма, заму́цы́лась; трепи́цка (=тряпи́чка, тря́пка); уш пи́тацо́к вам жа́лка! в ло́жыцку; ана́ нӑцава́ла на сняγу́; дяўцо́нки, мну́цки (=внучки), сы́нӑвы доцки, ма́цка (=мачка, ма́тшка= бабка. бабушка; ба́цка - ба́чка=дѣдъ, дѣдушка, въ отличіе отъ родныхъ отца и матери, которые зовутся: „батюшка“ и „ма́тушка“); дьяцо́к у на́с, γавя́дйны ца́сть; жывӗ (3 л. ед. ч.) до́ц сирата́; цы́стют—3 л. мн. ч.; ана́ пъцытáя—3 л. ед. ч.: х пяца́х (=въ печа́хъ), ф паста́вӑцки—мѣстн. п. ед. ч.. нато́пцу—1 л. ед. ч.; „дӑ и нацу́я (3 л. ед. ч.) х пяцѣ́-та“; γуваздо́цка. мастóцык, х пе́ц стано́ўим—1 л. мн. ч.; Шулё γа Ты́цкин ямў про́з’виш’ш’а—*Шаранина.* Ану́цы из мацэ́ньца, за цаты́ри, ис цужо́й дире́вьни (но: но́ньчя), вицару́ха, висо́цки (=волосы на головѣ вообще); ну, цаво́ ты! Плато́цы́к, сица́с (и: ате́ц), пӑ пляца́м, швицы́ (=швецы́; тѣ, кто шьютъ)—*Акулово* (Китов. вол.); Яγу́рыц—*Оськино* (Кобылинск. Тум. в.).

Среднiй звукъ ч^{ц}, ц^{ч} *мы находимъ въ примѣрахъ* [1]): ничя^{ц}во́ не^{і} рабо́тае^{і}ть—3 л. ед. ч. Пцёлы́ у няво́ мно́γа у Бари́са Юдич^{ц}я—*Нармушадь*; рюмӑц^{ч}кю—ib.; и ў ч^{ц}яю никáк не^{і} размо́цыш су́шки-ти! фц^{ч}ярá, ў рѣ́ц^{ч}ки ти;—*Нармушадь*; ма́льч^{ц}ик, ц^{ч}яво́, сиц^{ч}я́с, Никифъраць^{ч}ь—*Лѣсново*; нич^{ц}яво́—*Жданово*; ц^{ч}е́м (твор. п.=чѣмъ), ц^{ч}южо́му, пьтац^{ч}ѐк, си́тьч^{ц}явай, ч^{ц}ёрнай, дѣ́йч^{ц}я (=дѣвица)—*Дмитріево*; пле́ц^{ч}ка (=пле́чико), на пӑду́шыц^{ч}ку, асе́нній но́ч^{ц}и (род. п. ед. ч.), Со́нич^{ц}ка, свѣтли́ц^{ч}ку, ате́ч^{ц}ь (=отецъ)—*Да́нево*; на́ ч^{ц}е^{і}тьверьть, кой ч^{ц}яво́ рабо́там—1 л. мн. ч.; бич^{ц}яво́й-та ны́н’а̄ ма́ла; гри́ве^{і}нниц^{ч}ик, ве́ц^{ч}ирӑм—*Забѣлино*; хто́ ле^{і}цы́л?—нич^{ц}яво́!—*Урядино*; ч^{ц}вѣсть (=цвѣсти́)—*Чарусъ*; сиц^{ч}я́с, в ла́вӑц^{ч}ки пӑ пьтац^{ч}ку́—*Ахматово*; Ве́щуръ): мӑлатц^{ч}я́—род. п. ед. ч. (=молодца́)—*Снохино* (Тум. вол. Въ пѣснѣ). С каньц^{ч}я́ зайду́—*Рогачево*; хо́ц^{ч}ц^{ч}я што́-ля ӑт атца́ ӑт ма́тьри ити́ть: сич^{ц}я́с минвя́ вы́ве^{і}ли к ни́м—*Давыдово*; с атц^{ч}ём Микала́ям, бо́лѣ^{а} двӑтц^{ч}яти́ γадо́ў γ Варо́ньжы (=въ Воронежѣ)—*Зубово*; свѣ́ч^{ц}ки зат^{с}е́плим—1 л. мн. ч.—*Бычково*; у атц^{ч}я́ дьякӑна!—*Немнясево*; ате́ч^{ц}ь, чаты́ри, два́тц^{ч}ять, Ги́блиц^{ч}ька̄й (с. Ги́блица), двяна́тч^{ц}ять, сади́тц^{ч}я—3 л. ед. ч.—*Немнясево.* О́куль кало́тч^{ц}я (=кало́дца) паста́вют—3 л. мн. ч.—ibid. Дися́тая пя́тьнич^{ц}я,

---

[1]) Знакомъ ч^{ц} мы выражаемъ звукъ, который слышался намъ ближе къ ч, а знакомъ—ц^{ч}—наоборотъ.

пóц^чь, ц^чярю́, ц^чéрькăфь, уц^чи́тца—неопр. н., у́цыт—3 л. ед. ч.—*Норино.* Грéца-та ниц^чявó!—*Алексѣево.*

Чёканье мы имѣемъ въ слѣдующихъ примѣрахъ и мѣстахъ: Мужы́чькіји те^ілѣ́ги—*Шостья* (здѣсь я встрѣтилъ чёканье въ первый разъ); ради́тчя—3 л. ед. ч.—*Чинуръ* (Здѣсь же *ц*=почти *с*: Чи́нурскіе произн. почти *Си́нурскіји*, какъ и записано въ моихъ матеріалахъ); агурьчи́—*Антоново;* нă-зывáтчя—3 л. ед. ч., чвяткáми (=цвѣткáми)—*Дмитріево*; пă-чялу́й, фстре^іпе^івéтчя—3 л. ед. ч., увивáтчя, сăкрушáтчя—3 л. ед. ч., чилавáлси, чвяты́, аку́нитчя, вăстрипéхнитчя, вă-скалы́хне^ітчя—3 л. ед. ч. (въ пѣсняхъ), дѣ́вичя, на пáльчи—*Данево.* Но вотъ замѣчательно: въ Даневѣ *ч* (орѳографическое) звучитъ почти твердо, почти какъ: *тш*: плáтшыт—3 л. ед. ч. (=плачетъ); отсюда иногда и: пáльчы или пáльтшы (=пáль-цы). Че^ілавáпья—им. пад. ед. ч., атéчь (=отецъ; см. выше); баславéньичя, мóлитчя—3 л. ед. ч. (почти=мóлит'ш'я изъ—т'с'а); атчю́—дат. п. ед. ч., ве^іньчя́ютчя—3 л. мн. ч., и чвя-тáми, ф чéркăфь, ф чéрькву, к ве^іньчю́, куль крыльчя́ (=около крыльцá), пъчялу́е^іт—3 л. ед. ч. буд. вр.—*Даневo.* Чéрква нăзывáе^ітца—*Тимохино*, *Ги́блица*; рупчём (=рубцóмъ) пра-ве^ідёш—2 л. ед. ч.—*Забѣлино*; атчéль (=отсéль, отсéлѣ)—д. *Борисково* (Ветчан.).

Относительно звука ч нашихъ говоровъ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ разныхъ мѣстахъ онъ звучитъ довольно твердо, т. е. вмѣстѣ съ звукомъ *ц* всякаго происхожденія подвергся *отвердѣнію*, причемъ при отвердѣніи естественно вышли наружу оба элемента, изъ которыхъ составился звукъ *ч*, т. е. *т*+*ш*. Эта группа звуковъ *тш* слышна съ разными оттѣнками въ разныхъ мѣстахъ, а иногда и въ одной и той-же мѣстности. (Срв. новые говоры, напр., Казанскій, гдѣ отвердѣніе мѣстами, кромѣ Тетюшскаго уѣзда, пошло настолько далеко, что слышны часто оба элемента (*т* и *ш*) *твердые*). Въ нашихъ говорахъ, напримѣръ, мы имѣемъ: „Мáтшка рáдимая"—Ветчаны (Истомино)—въ пѣснѣ (значеніе этого слова см. выше [1]); „мужы́к, знáта, палу́тшэ"!—Праватарово („Зна-

[1]) Въ такомъ-же значеніи это слово употребляется въ с. Малаховѣ (Андроновѣ), по сообщенію свящ. о. Леонида Сапфирова.

то" = вѣстимо, извѣстно, знамо). Въ Спасск. у. Казан. губ. въ с. *Масловкѣ* я слышалъ всегда: *т'ш*.

Группа чт въ словѣ *что* звучитъ очень разнообразно: шчо (слышны оба элемента: и *ш*, и *ч*) — с. *Ижевское*, Спас. у.; щё—ibid.; што сашлόся (= случилось, пришлось) — *Ерахтуръ*, Касим. у.; *Шостья*; *Чарусъ*; гдѣ наймёт, гдѣ штó-льба (= чтó-либо) — *Ивановское; Ветчаны*.

Самъ звукъ ч передъ *н* переходитъ по обыкновенію въ *ш*: лѣ́тӑшнай—*Выжлисъ* Спас. у.; башмóшница—*Шостья* Касим. у.; датóшный—*Нармушадь* (= доточный, желающій все знать „до точности"); греⁱцы́шнiјi—*Шостья*; кузнéшная издѣ́лья у нявó—*Гусевской Погостъ;* кирьпи́шная—ib.; гърямы́шныя—*Бѣльково;* лáвӑцку дёржыть (3 л. ед. ч.) мӑлашну́ю (= мелочну́ю)—дер. Китово.

Теперь переходимъ къ звуку ш ($ш^с$, $с^ш$). Это явленіе далеко не такъ распространено въ нашихъ говорахъ, какъ цоканье: звукъ средній $с^ш$ или $ш^с$ уже началъ стираться въ произношеніи, вѣроятно, потому, что вообще онъ довольно картавый, шепелявый и не особенно пріятенъ на слухъ. Выше мы уже видѣли въ нѣкоторыхъ словахъ этотъ средній звукъ, часто мы слышимъ *очень мягкое ш* вмѣсто мягкаго *с*, какъ будетъ видно ниже изъ примѣровъ, и мы въ своихъ записяхъ передавали этотъ звукъ [1]) знакомъ *ш* мягкое (*ш'*), а звукъ средній—знакомъ ç или $с^ш$, или $ш^с$. Примѣры: у Ивáнушьки на галóвушьки вили́сь кýдрюшьки (пѣсня) — *Бѣльково;* как jéшьли (= если) уля́жытца—*Ивановское*; срв. jéжли—jéзьли (= éжели)—ibid.; са свѣ́тлӑва Вӑшькреⁱшéнья—ib.; Ивáнӑфьс^{ш}кiјi – ib.; фшя́кiјi пѣ́с^{ш}ьни паём—1 л. мн. ч.—ib. (срв. польск.); „jéшьли пагóниш'ш'и [2]) за мнóю" (пѣсня)—ib.; день мáйшькай (пѣсня)—ib.; мы́лишь (= мылись) свѣ́жаю вадóй—ib. Срв. общерус. страшнóй и страснóй; страшнýю неⁱдѣлю—*Гусевской Погостъ*. Ани́ пришли́ ш' винóм; „ш'вякры́, пӑжӑлуй, и ш'вéкӑр важьмýт, прапью́т"! („Пропи́ть дѣвку" значитъ и теперь „про-

[1]) Я приблизительно описалъ этотъ звукъ въ своемъ «Отчетѣ». Стр. 37. (Учен. Зап. 1895. Янв. 234).

[2]) Въ вятскомъ говорѣ тоже: ругáешша, брани́шша, чýечча, любýючча и т. п. *Соболевскій*. Живая Старина. 1892. Вып. II. Стр. 21. Въ говорѣ Оренбург. губ. я тоже слышалъ: старáешша.

сватать“—въ Ряз. губерніи вообще); прамо́луçя—1 л. ед. ч. (=промо́лвлюсь, ошибусь); за сто́л çя́дут, к пивѣ́çти хлѣ́ба прьнясу́т, çидя́т на за́дьній ла́фьки; сафçѣ́м закры́тыјı; шьвѣ́цъцки (=свѣчечки); „два дня́ у на́с ма́çляна“; је́шьли; нӑкаçи́ть—неопр. н.; „так и çягда́ та́х-та“! „çе́кӑр миня́ би́л“... (срв. выше: ш'ве́кӑр или шьве́кӑр. Срв. также: лат. socer, греч. ἑκυρός (вм. σεκυρός), лит. šešuras. Еще въ общесл языкѣ было вставлено *в*, такъ что наша форма представляетъ, вѣроятно, вторичное исчезновеніе этого *в* передъ мягкимъ гласнымъ: ш'ве́кӑр—ш'је́кӑр—çе́кӑр. Срв. нѣм. schwester, гот. svistar при лит. sesŭ и общесл. sestra)—*Ветчаны* (Истомино); је́çть çя́кай! фш'е́кіјı грыбы (=вся́кіе)—*Борисково*; Çеме́йна (назв. деревни: Семеино)—*Катово* Тум. вол; çѣ́па *у*рябу́—1 л. ед. ч.; ш'е́тъки (=всетаки)—*Логино*; и çли́фьки је́çть!—*Рогачево*; „шашта́ми ни лапа́ткими *у*рябу́т“—3 л. мн. ч.—ib. (здѣсь мы видимъ *ш* вмѣсто твердаго *с*. Это явленіе допускаетъ двоякое объясненіе: или *ш*, само по себѣ отвердѣвши, стало естественно замѣнять собой и твердое *с*, или здѣсь мы имѣемъ второе *ш* по аналогіи съ первымъ, т. е. первое *ш* вызвало собой и второе: шаста́ми (шеста́ми)—шашта́ми, какъ: шашна́тцăть—*Катово*, *Расторгуево* и друг. и на югѣ Ряз. губерніи); „шашто́й *у*о́т, дѣ́вӑцка адна́“ *Горы*; как çлѣ́дуит, „са çвято́й с Па́ски“ (срв. польск. święty, которое въ Петроковѣ и окрестностяхъ произн. какъ çwięty; лит. šventas; зенд. çpeñta; др. инд. корень çv—(*Mikl.* Etym. Wtb. s. v. sventŭ.); де́çить (=десять. Срв. лит. dešimtis); признавать *позднее* явленіе въ произношеніи де́çить нѣтъ никакого основанія. Мы думаемъ, что еще въ нарѣчіяхъ прарусскаго (а, можетъ быть, и—общеславянскаго: срв. польск. мягкій *s* въ словѣ: dziesięć) языка здѣсь былъ *средній* звукъ $с^{ш}$ или $ш^{с}$. Далѣе: „ф како́м çилѣ́“?—*Андроново*, *Малахово*; за фçю́ за по́ньку—*Давыдово*; „мы дире'ве́ньçки, *у*дѣ́ мы бы́ли́-ты уцо́ны што́-ли“!?—*Семеино*; рӑзлама́лӑçи; виçе́лая—ib.; сама́ я *у*арьçка́я—*Горы́* (=Горска́я; суф.—*ьск* здѣсь вездѣ или *ясно* слышенъ, или выдаетъ себя предшествующимъ *мягкимъ* согласнымъ, какъ здѣсь звукомъ *ç*); çя́ (=вся́) мину́итца *у*ульба́—*Катово*; нӑвида́лиçя; нӑприма́юçя—1 л. ед. ч. буд. вр.; ў вӑскриçе́нья виньца́ли; паба́йлиçя (=поговорили); афçя́най; вы́шшы̆ш—2 л. ед. ч. (=вы́сушишь; здѣсь *ш* подъ вліяніемъ звука *ш* въ слѣдующемъ слогѣ);—*Катово*; ста́ли çӗ ш^{с}и́тцы (=си́тцы) наси́ть (въ сло-

вѣ „насить“ сказано было, кажется, со звукомъ *с*, но срв. выше: накаçить—*Ветчаны*)—*Катово*; я фçё баюсь—*Бычково*; „павѣшымшы мужа“ (пѣсня)—*Снохино* (=повѣсивши); „кўралеçить“—*Шаранина* (См. мой „Отчетъ“. Стр. 38. кăралéсшим! —1 л. мн. ч.); ана сроду çё дароуа! —ib; у саçѣд jéçь—ibid. (саçѣд—род. п. мн. ч., какъ соврем. литературн. „аршинъ“, „глазъ“. Срв. Ряз. Скоп. „зубъ“—род. п. мн. ч. и у Крылова: „Повисъ на немъ и *зубъ* не разжималъ“ въ баснѣ: „Собака, человѣкъ, кошка и соколъ“); он çё на Рязани кóçя—3 л. ед. ч.—*Горы*; въ лѣçѣ (=въ лѣсу)—*Агѣево*; óбрăз принеiçли—*Давыдово*; çьявó (=съ его) с мáтирью пъцăлавăлись—ib.; „щё-ля шашнáтцăть вывъду (=вывоwду, т. е. „придáнаго“) рублей“?—ib.; „па шашти нядѣль“ (=по шести)—*Акулово*; шэ́ш нядѣль (=шесть; срв. выше: шаштóй, стрсл. шєстъıи при лат. sextus и греч. ἑκτός изъ *sekstos убѣждаютъ насъ въ томъ, что форма стрсл. языка вм. *χєстъıи, а эта изъ *сєстъıи; въ литов. мы имѣемъ šéštas, которое указываетъ на *особое индоевропейское s*. См. *Фортунатова*. Лекціи по сравн. языковѣдѣнію. Курсъ 1893—4 г. Стр. 244—245. Можетъ быть, и въ діалектахъ прарусскаго языка было çestъи при çeçtъи, откуда впослѣдствіи: *шестóй* и *шештóй*. Срв. древнеинд. çvaçuras вм. svaçuras, гдѣ ç первое вызвано, вѣроятно, вторымъ ç изъ k[1])—*Акулово*; Çимъ-нăва (=Симоново)—*Амляшово* (срв. *Шимонъ* въ лѣтописи); вёрст çéмь (=семь)—*Наумцево*, *Аносово*; наш прихóт Баршcнява (=Бáрснево)—*Амляшово*; збивáлиçя—*Жалудково*; х Тўмьçким лясў (=въ Тўмскомъ лѣсў)—ib.; нарóт шcѣрăй (=нарóдъ сѣрый; срв блр. шэрый, польск. szary—выше)—*Зубово*; вóçимай уóт—ib. (=вóсьмый, восьмóй, осьмóй годъ); кóбы я çмѣлая, а тó я баюçя—*Бычково*; а то çё равнó—*Чуфилово*; в çéрйду (въ сéреду) на мауилу выду—*Меркулово*; атцá Ахванáсшья фçя Цырькасóçька ѕирéвьня (=отца Аѳанасія вся деревня—Черкасово. См. выше)—ib.; шкóлька (=сколько)—*Немнясево*; ат наш (нас) вёрст двянáтцъять—ib.; çѣна накóçим—1 л. мн. ч. буд. вр.—*Бычково*; Шэ́иньçкява прихóду (с. Шéинка)—д. *Норино*; калéçиньçкяй мужык (=Колéсниковскій; с. Колéсникова); идўт каçить; нóриньçки (Нóринскій); çѣна у нас плóха, çё заприло (=запрѣло)—ib.; çѣна; иçкáли (=искали); çмеiçила (=смѣшила); фçё—*Андроново*; нивѣçтйна радня—ib.; çмяялиçь; пѣçни; на пакóçи—*Праватарово*; сни-

çём (=снесёмъ) эта çё—ib; да ма́çлянай, çемь низѣль прайдё (3 л. ед. ч.)—ib.; Рӑжаштво́—*Анисово* (*ш*, быть можетъ, подъ вліяніемъ предыдущаго шипящаго *ж*); изъвѣ́çтій пѣт—ib.; шаштóй ɣадóк—*Парахино*; фçя́ рабóтӑям—1 л. мн. ч—ib.; на́ Гу́çь (=на р. Гусь)—ib.; шэ́ш низѣль—ib.; пѣ́çни игра́ют дѣ́хькя—ib. (=пѣсни играютъ дѣвки. См. выше); с ахцэ́ (=съ овцы́) пӑстригу́т шэ́рьшы (=шерсти)—ib.; придё́т çя́дят—3 л. ед. ч.—ib.; гóрькіjи çи́раты́—ib. (ɣ въ словѣ ɣадóк такъ и было произнесено); на çи́лу—*Фомино*; пъбранимçя—1 л. мн. ч. и т. п. формы на—*çя*—ib; çеⁱрéдьняя—ib.; праçи́ть—ib.; ɣ биçѣ́ди (=въ бесѣдѣ)—ib.; на пакóçѣⁱ вéçь нарóт—*Астахово*; он дяçя́тку принё́с—ib.; в óçинь—*Парахино*; шы́шдися́т—ib.; „ка́к зӑпаçёш, та́к и испячёш“—ib.; кра́çям—1 л. мн. ч.—ib.; „прóса çѣ́яля“—3 л. мн. ч. прош. вр. (см. выше)—ib.; дьвѣ́çтѣª—*Ахматово*; вóçимь міер на тᶜягло́—ib.; кóçям, çѣ́ям (см. выше, въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ); кóçют—3 л. мн. ч.—*Алексѣево*; фçѣ́ рамны́ (=равны́); Бӑташóçки аны́ на́шы-жы луга́—*Волчково* (фам. Баташовъ. См. „Отчетъ“. Стр. 29—30); аны́ у на́с ни кóçют—ibidem.; би́сир ноçю́—1 л. ед. ч. (sic!=ношу́; остатокъ мягкаго звука); у на́с та́х-та нóçют у фçѣ́х; вóçимь; Хядóçья (=Ѳедóсья)—*Акулово* (Китов. вол.); привéçть на́да—*Оськино*, *Кобылинка*.

Нигдѣ мнѣ не приходилось слышать такого послѣдовательнаго и яснаго сохраненія суф.—*ъск*—въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ, какъ въ этомъ краю: иногда слышится только *предшествующій* согласный мягкимъ, а иногда *и предшествующій мягокъ, и самъ звукъ с*, какъ это мы имѣемъ и въ древне-русскихъ памятникахъ письменности (см. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 107—108). Напримѣръ: Рӑма́нӑфьçки, Цухви́лӑфьçки—*Чуфилово*; Ӑстарɣóфьçка и Астарɣóçка—*Расторгуево*; Андрóнӑçка, Снахи́ньçки, Ту́мьçкіjи; оп Зўби́çкяй (изъ с. Зубова); мы́-та?—Нау́мьçки—*Наумцево*; Быщкójçкая—*Бычково*; Пара́хйньçкая—*Парахино*; Ми́трйфьçкіjи—*Дмитріево* (Малахов. вол.); Лóɣиньçкіjи—*Логино*; Лóɣиньçка—им. п. ед. ч. ж. р.—ib.; з Давы́дъçкими—*Горы* (съ людьми изъ с. Давыдова); „тóжа Ба́рьçняçки—*Амляшово* (=Ба́рсневскіе, т. е. прихода с. Ба́рснева); Нямня́çскай—*Немнясево*; Нóриньçки—*Нóрино*; Праўата́рьçки—*Праватарово*. Однако и такъ: г зéмь-

скӑму нацӑльнику—*Ерахтуръ*; кузе́мьскiјн мы́-ти (изъ д. *Куземкино*); Шо́стиньска—*Шостья*; у Пацы́ньских бяру́ть (изъ с. *Почи́нокъ*)—ib.; Даньке́сьĸiјн (?)—*Ярыгино* и мн. др. См. *Морфологiю*.

Само собой разумѣется, что группа—*шься* въ глаголахъ, ассимилируясь, даетъ или—*шша*, какъ мы уже видѣли, или—*сса* (—с'с'а): *у*ля́ть прашыбе́сса—2 л. ед. ч.—*Ерахтуръ*; „жэ́нис'с'и — пеⁱрямѣ́нис'с'и“! — *Нармушадь*; паго́нисса—2 л. ед. ч.—*Дмитрiево*; вазьме́с'с'и —*Гусев. Погостъ*; веⁱрьти́с'с'и—2 л. ед. ч.—ibid. (Срв. выше—с. *Ивановское* Ветчан. вол.).

Переходимъ къ звуку ж и жˣ, зˣ. Мы уже и выше видѣли много примѣровъ, относящихся сюда; теперь мы сгруппируемъ нѣсколько примѣровъ, еще не приведенныхъ выше, или вызывающихъ насъ на замѣчанiя. Такъ, мы слышимъ: важьму́т = возьму́тъ—*Ветчаны*; важьлѣ́ = во́злѣ; ф казˣе́ннай (лѣсъ)—*Борисково*; јéзˣьдил: прйвизˣе́т—3 л. ед. ч.—*Логино;* вазˣьме́тя? *Шаранина*; вазˣьми́—*Бычково*; взˣя́л—*Норино*; у́зˣинькiй—*Андроново*; зˣимо́ю—ib.; ла́зˣим—1 л. мн. ч.—*Праватарово;* хто вазˣьме́—3 л. ед. ч.—ib.; стаи́т зˣйлине́нька—ib.; Рӑжаштво́ зˣимо́й бывӑит—*Анисово*; изˣьвѣ́сˣтiй нѣ́т—ib.; хазˣя́йна нѣ́т—*Парахино*; зˣе́рнушки; веⁱжˣдѣ́—ib.; зˣимо́й бывӑит за́гинья (= за́говѣнье)—ib.; зˣялѣ́нӑва—ib. и *Фомино*; вязˣе́м јiе́ х по́ля—*Залѣсье* (= „веземъ ее въ поле“. *Залѣсье* срв. *Зараменье* Вятск. и *Раменское* Моск. губ., *Ра́менье*—близъ Тумы въ Касим. у. на р. Нармѣ); „хазˣя́ян цара́ (вчера) касˣи́л“—*Астахово*; зˣя́ть (зять)—*Парахино*; ф сыро́й зˣямьлѣ́—ib.; јéзˣьдям—1 л. мн. ч.—*Алексѣево*; хто ко́лька (= сколько) вазˣьме́т—3 л. ед. ч.—*Волчково*; дˣьвѣ́ (ѕвѣ = двѣ)—*Андроново*, *Малахово*; јéж'ли и јéзьли—*Забѣлино* („јéзьли“ и въ Скопин. уѣздѣ я слышалъ). По ассимиляцiи звука *з* со слѣдующимъ *ж* мы имѣемъ группу: *жж*: на во́ж-жа (= на во́зъ-же)—*Праватарово*. Чистое *з* вм. *ж* (литературнаго, но не народнаго) мы имѣемъ въ словѣ: „желѣзо“: „зилѣзьныя тынья́“—пѣсня Тау́сень—*Ветчаны*; на зялѣзнай даро́*у*и—*Горы*; „вядро́ цы́жало́ зилѣ́зна-та“—*Бычково*; на зилѣзнай даро́ги—*Алексѣево*. Съ такимъ же *среднимъ* звукомъ *зˣ* или *жˣ* звучитъ и слово „Ижевское“, названiе села въ Спасскомъ уѣздѣ, которое въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ выше названныхъ мѣстностяхъ,

слышано нами въ такомъ произношеніи: вы́зжёскя̆м (почти = вы́зжьскъм)—въ Ижевскомъ—*Чарусъ* Касим. у. Съ другой стороны, при произношеніи: зилѣзьныя—*Ветчаны* (см. выше) мы слышимъ и обратную замѣну—звука *з* звукомъ *ж* въ сочетаніи *зн*, вмѣсто котораго тогда получается сочетаніе *жн*. Правда, это сочетаніе слышали мы только въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ оно составляетъ достояніе едвали не общеславянской еще эпохи, напр., въ словѣ: дра́жнють—3 л. мн. ч.—*Шостья* Касим. у. Больше такихъ примѣровъ не встрѣчалось.

Переходимъ къ произношенію въ нашихъ говорахъ звуковой (ороографической) группы *жд* (разнаго происхожденія: изъ основныхъ *zg* или *zd* или стрсл жьд).—Эта группа въ нашихъ говорахъ звучитъ разнообразно: то какъ *жж*, то какъ *ж'ж'*, превращающіяся въ концѣ словъ въ глухія *ш* или *ш'*. Напр., „ана́ до́жжык за́лил"!—*Катово* (Объ „ана́"—см. Синтаксисъ ниже); хо̄ла̄д да даж'ж'и́—*Рогачево;* но: при́ӯва̄лӑк дражьде́ц—*Шаранина*; (при́ӯва̄лӑк = при́волокъ. приго́ршня); в до́ш—нѣт!—*Акулово*; до́жжыцкя̆м памо́цыт—3 л. ед. ч.—ib.; даж'ж'ёф мно́ӯа—*Амляшово*; дажжа́ми—*Жалудково*; дажжы́—*Норино;* дош, до́жжык—*Андроново*; особенно интересно произношеніе слова *ждать* съ его формами; мы, напр., слышимъ: „зна́та, ни ж'ж'я́ли"! (= ждали)—*Катово*; ни ж'ж'я́наjи ӯо́сти—ib. (= не жданые); „мы жжа́ли, жжа́ли их к пако́су, аны́ ни пришли́"—*Снохино*; вот жжо́м—1 л. мн. ч. *Шаранина*; „я бы́ла́ ж'ж'яла́ тея́, ра́дъвалась" (пѣсня)—*Агъево;* ты Пакро́ӯ жжы́ (= жди)—*Зубово;* „паjи́-ка, ж'ж'ё мая́ тава́рка Зу́бъçька" (= „поди-ка, ждётъ моя товарка Зубовская", т. е. изъ с. Зубова)—*Меркулово*; ня жжы́—пов. н.—*Бычково;* „миня́ ж'ж'я́ли пӑжджыда́ли" (sic!)—въ пѣснѣ—ib;—въ послѣднемъ словѣ я ясно могъ разобрать *три* звука;—жжо́т—3 л. ед. ч.—*Меркулово;* „ж'ж'яла́, дӑжджыда́ла"—ib.; такой же звукъ *͡жджж* я слышалъ въ словѣ: ѣ́жджу—1 л. ед. ч.—*Андроново* (*Малахово*). Звуковая группа трифтонга *͡жджж* стоитъ въ этихъ говорахъ, быть можетъ, въ связи съ звукомъ $д^ж$ (ђ), извѣстнымъ здѣсь-же, какъ увидимъ ниже: хо́д^жим—1 л. мн. ч. (= ходимъ), ад^жи́н, д^жит^шя́ми (= дитя́ми, т. е. дѣтьми́)—*Андроново*. См. въ отдѣлѣ зубныхъ звуковъ *д* и *т*.

Вотъ еще примѣры произношенія группы *жд*, какъ *жж* или *ж'ж'* (въ концѣ слова—*шш* или *ш*): у̌ фтóрьник прóлял дóшш—*Китово* Касим. у., *Деревенское* Спас. у.; кадá дажжá (им. п. мн. ч.) бýдуть—*Ерахтуръ*; дóж'ж'ик—*Куземкино*; пасля̀ дажжá—*Шостья*; даж'ж'й, даж'ж'éй—*Лѣсново*, *Жданово*; нынп забѝли дажжá (им. п. мн. ч.)—*Ивановское*; сѝльный дóшш—ib.; срв. прӑјежжа́—*Киструсъ* Спас. у. (дѣепричастіе наст. вр.), *Ижевское* ibidem (См. Синтаксисъ тоже); уяжжáють—3 л. мн. ч.—*Ерахтуръ*; пріяж'ж'я̀й—*Лѣсново*, *Жданово*; пріяж'ж'я̀ли—*Данево*, *Китово*; три яжжáлых (жеребца)—*Урядино*; *жж* изъ *жьд*: „мы жжóм (=ждёмъ) их с рабóти-ти"—*Ивановское*; срв. дрóж'ж'и—дер. *Китово*. Но: жгём=жжём—*Шостья*, по аналогіи съ 1 л. ед. ч.—*жгу́*.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ мы видимъ *ж* вмѣсто стрсл. и литературнаго русскаго *жд* изъ *дј*: „эта как ражóна, всё здѣсь жывёть"!—*Ерахтуръ*; Надéжа (*е*, не *ё*)=Надежда (имя)—ibid. (Можетъ быть, это *е* указываетъ на бывшую мягкость звука *ж*? Трудно допустить, чтобы книжное „надéжла", сохранивъ въ народномъ произношеніи свое *нерусское е*, утратило сочетаніе *жд* и передѣлало его на русское *ж*, согласное съ русской фонетикой, тѣмъ болѣе въ *собственномъ* имени, которое обыкновенно звучитъ у народа въ той формѣ, въ какой оно сообщено ему священникомъ. Срв. нарицательное *надёжа*). Далѣе: рӑжавá въ Ывáнафскӑм—*Ивановское;* „прéжэ нá цец"—ib.; (*э*—открытое, *ж*—твердое въ словѣ „прéжэ").

Группа чъш въ нашихъ говорахъ звучитъ, какъ *ч'ч'*, *тч'* и *тш*: лу̌тчеⁱ—*Ерахтуръ* (Срв. въ Лавр. лѣтописи подъ 1096 г.); „ҫéтъки палу̌тшы-ти"!—*Чарусъ*; лу̌ч'ч'еⁱ—*Нармушадь*.

Переходимъ къ звуку щ. Эта звуковая группа въ нашихъ говорахъ звучитъ также разнообразно: то—*шш*—твердо, то—*шш*—полумягко, то—*шш*—мягко, то, наконецъ,—*шч*—мягко (или какъ *щ*): нѣ́т' ышша (=нѣтъ еще), шшу̌ка лáвитца—*Киструсъ* Спас. у.; ямшы́к (=ямщикъ), ш'ш'у̌ки (полумягко тамъ, гдѣ *ш'*, т. е. *ш* со знакомъ мягкости, и послѣ него стоитъ *твердая* гласная), цавó разы̌ш'ш'ыш—2 л. ед. ч.—*Ижевское;* вáльшык (=вáльщикъ, валя̀льщикъ)—*г. Спасскъ;* ишшó—д. *Воскресенское;* тыщю рублéй—*Нармушадь* Касим. у.; жэ̆ньшына, мушшы̌на—*Ерахтуръ;* блӑгавѣ́ш'ш'ынья, извóшшыкъф—род. п. мн. ч., пушшáетца—3 л. ед. ч., „на пра-

да́жу ишшо́"?!. ӑпушша́ють—3 л. мн. ч.—ib., уцы́лӣшша—*Борки;* пращша́йтя—ib., пушша́ють—3 л. мн. ч.—*Нармушадь;* „ни́шшыји шумя́ть цэво́ й-та"!—*Нармушадь;* жэ́ньшыны—ib, све^ішшэ́ньнику, кре^ішшэ́нья—ib; је^імшы́к—*Ерахтуръ* (срв. ямщы́к—*Ижевское* Спас. у.); ӑбяшша́лси—ib; пущя́ють—3 л. мн. ч.—*Шостья;* ишшо́, вы́шшыпӑли, с тава́ряшшӑми, напро́шша (=попроще), шшу́ку, пращша́имси—1 л. мн. ч.—прицашша́имси—1 л. мн. ч., „мушшы́наў (род. п. мн. ч.) не^і пушша́ють", мы́ 'шшо мӑлады́, кладби́шша—*Шостья;* ка́ме^іньщикъ—*Чинуръ;* ф Се^іли́щи—*Селище;* ишшо́—*Дмитріево;* Лащи́на—*Лощина;* не^і щитӑ́й—*Гусев Погостъ;* сьёмшыцы, а ищя́ ма́льчик (ищя́=еще. Срв. *Шахматова.* Изслѣдованія... Стр. 63 и 83. Здѣсь (63) указаны формы древнерусскія *ѥща* изъ Галиц. Ев. 1266—1301 г. и Лукина Ев 1409 г. по „Очеркамъ" *Соболевскаго* (стр. 24 и 141), слѣд., изъ памятниковъ галицко-волынскихъ. Однако эти формы, очевидно, были не только въ южныхъ русскихъ говорахъ [1]): *Даль* (О нарѣчіяхъ... LXV) указываетъ произношеніе *ищá* въ Тамбовской губерніи, мы слышимъ *ищя́*—въ Рязанской Касим. у.—*Уланова Гора*). Далѣе: хряще́нья, щяпна́я пасу́да, ты́щю (=ты́сячу)—*Уланова Гора* (Уланова Гора—пригородное селеніе подъ г. Касимовымъ); хришшэ́нья, иш'ш'о́, до́ш'ш'—*Дмитріево*; тава́рищи, иш'ш'я́—*Бѣльково* (=еще. См. выше); иш'ш'я́, ищя́, ишшо́—*Гусевской Погостъ; Бѣльково*; нӑтащя́к—ib. *Бѣльково*; „на гу́ш'ш'и: в де^іре́вьни у на́с гдѣ́ дро́ж'ж'и-ти"?—дер. *Китово*; пращша́й (въ пѣснѣ)—ib.; „на свякры́, да му́ш: ишшо́ никаво́ нѣ́т"!—*Урядино*; „э́нтӑт' ышшо́ по́п-та виньца́л"—*Чарусъ*; х каму́ пращша́тцы-ти?—ibid.; срв.: „ны́ни-ты нѣ́т' ышта"!; яшто́—*Ивановское;* шшэ́й нальют—*Ветчаны;* яшто́, „кӑрава́тка смӑшшана́" (Таусень), шшэ́ц—род. п. мн. ч.—ibid.; в ро́шшу—*Борисково*; „уцы́лишша на ўара́х" (Горы́—деревня)—*Катово;* яшшо́, ўадо́цку нѣ́т 'ышшӑ—ib.; шшу́ки, яшто́, яшчё—*Рогачево;* „мужыки́ (мужья́) ни присла́ли ишто́ нам"—*Горы;* яшчо́—*Семегино*; ўо́ду нѣ́т'ыштӑ—*Снохино;* х Пали́ш'ш'и (=въ Поли́щи—село), тёшта—*Шаранина*; пращчя́йтя, про́з'виш'ш'я яму́—ib.; ш'ш'и́ дава́ли—*Горы*; дѣтӣшча, жани́х

---

[1]) См. мою брошюру: «Главнѣйшія черты народнаго р. говора въ Каз. губерніи». В. 1894. Стр. 22.

и мáть яшчó—*Давыдово*; шчы́ варúм, хлябáим—1 л. мн. ч.—*Акулово* (въ слогахъ, изображаемыхъ на письмѣ такъ: *чы*, *чо*, *ча*... звукъ *ч* состоитъ изъ двухъ элементовъ *т* и *ш*, причемъ второй элементъ твердый (*ш*), а первый—еле слышный, кажется, полумягкій или мягкій); прицашшáли, и свяшшэ́ньнику ф Цырькасóва, шчы́ варúм—1 л. мн. ч.—*Расторгуево*; халстᵉúны-ти рѣ́жым мушчы́нăм—ib.; ăγрябу́ш'ш'іи (=такіе, что хоть загребай руками)—*Амляшово*; нѣ́т'ышта—*Зубово*; бăγатѣ́юшăй (=богатѣющій, превосх. степень—богатѣйшій)—ib.; „а как таварúшчᵘя ни найду́"!—*Бычково*; ну, цавó ж jéй яштó?—*Чуфилово*; аннá (=однá) свякрóј (свекровь) ташшы́т—ib.; я ни ш'ш'пта́л, нальют ш'ш'éй—ib.; пузúшша бальшáя—*Меркулово*; я карóў ни пушшу́—ib.; „яштó какýю вáм"?—*Норино*; шшэ́й—ib.; яштó—*Праватарово*; стóш'ш'им—1 л. мн. ч. буд. вр., шчы́ варúм, скарьбя́шшая—ib.; шшэ́й, яшшó—*Анисово*; сташшы́м салóму пацы́шшэ—*Парахино*; яшшó—ib.; „распу́шшъ́ная (косá), ну, и пъвязᵡлú"—ibid; хлы́шчят—3 л. ед. ч. (=хлыщетъ—хлыстать), пахлы́шчюот и паје́ду͡от—3 л. мн. ч.—*Парахино*; шшэ́й—*Фомино*; прашшáюсь—1 л. ед. ч., прицашшáтца—неопр. н.—*Парахино*; нăстая́шчая—*Ахматово*; Вéшшурскăва прихóду (с. Вéщуръ)—ib.; „прабóйта мы вы́тъш'ш'ям"—1 л. мн. ч. (=вы́тащимъ)—*Алексѣево*; ш'ш'ú—*Ужыщево*; (произн. Ужы́ш'ш'еᶦва); „фпарáсь ишшó зăцăли жáть"—*Волчково*; шшá'анá дѣ́ушка (=еще она дѣвушка)—*Ламакино*; „мы-бы ти (=тебѣ) нóвў снăридúли јиштó" (поньку)—*Акулово* Китов. волости.

Группа чьт (*чт*): „У нáс Ту́ма штé-ль"?!—*Рогачево*; а мы щё?—*Катово*; щё-жа? И прáвда щё!—*Снохино*; на щé мнѣ́ явó?—*Шаранина*; на щé яé γóрькяю!—*Шаранина*; щё?—*Горы*; шчó-ля!—*Давыдово*; за шчó?—*Зубово*; шчó-ба слы́шна бы́ла—*Бычково*; группа *сш* встрѣтилась мнѣ въ *особомъ* произношеніи только въ двухъ словахъ и мѣстахъ: „щибáлися с путя́" (=сшибались)—*Семеино* близъ *Тумы*; „ращúп" (=расшибъ)—въ пѣснѣ—*Меркулово*, тоже близъ *Тумы*. Срв. въ говорѣ Казанской губерніи: „пŏщибáли", „рощúп", „щúть" (=сшить)—с. *Сунгурово* Каз. у. и г. *Казань* [1]).

---

[1]) См. мою брошюру о Казанскомъ говорѣ. В. 1894. Стр. 22.

Глава VIII-ая.

Зубные согласные *д* и *т* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ мы будемъ говорить о *мягкихъ* звукахъ *д'* и *т'* вообще, какого бы происхожденія они ни были: произошли-ли они изъ сочетанія съ *j*, т. е. изъ смягченныхъ *дj*, *тj*, или изъ сочетаній *д* и *т* съ мягкими исконными гласными. Въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ приходится наблюдать одинаковые звуки, слышать ихъ одинаковое произношеніе, хотя эти звуки нерѣдко по своему происхожденію восходятъ къ совершенно разнымъ звукамъ и звуковымъ сочетаніямъ. Звуки ѕ (*д*ᶾ), *ц* (*т*ᶜ) въ русскихъ нарѣчіяхъ, если эти звуки соотвѣтствуютъ основнымъ *дj*, *tj*, а также—основнымъ *д'*, *t'*, обыкновенно принято было считать принадлежностью бѣлорусскаго нарѣчія и частью малорусскаго, къ которому пріурочивали также и третій *слитный* звукъ *д*ᶾ (въ своей работѣ мы обозначаемъ его условно, какъ и выше, знакомъ ђ). Въ настоящее время, при изслѣдованіяхъ въ области отдѣльныхъ русскихъ говоровъ и поднарѣчій, приходится нерѣдко измѣнять мнѣніе и насчетъ *этихъ слитныхъ* звуковъ, какъ и насчетъ многихъ другихъ. Открываются говоры въ области и сѣверно-великорусскаго поднарѣчія, и въ области южно-великорусскаго, въ которыхъ извѣстны эти слитные звуки, и эти говоры нельзя признавать ни потомками древнихъ бѣлорусскихъ говоровъ, т. е. нельзя признавать ихъ говорами, образовавшимися сравнительно въ позднѣйшее время путемъ бѣлорусской колонизаціи, ни потомками древнихъ малорусскихъ говоровъ, т. е. образовавшимися сравнительно въ позднѣйшее время при посредствѣ малорусскихъ колонистовъ и передвиженій малорусскаго племени. Во 2-ой части своего труда, гдѣ мы постараемся показать и опредѣлить отношенія изслѣдуемыхъ нами нынѣ говоровъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи къ говорамъ древне-русскимъ и другимъ современнымъ русскимъ говорамъ, мы представимъ обозрѣніе и этихъ *слитныхъ* звуковъ (*д*ᶾ, *т*ᶜ, *д*ᶾ) въ различныхъ русскихъ говорахъ, а пока замѣтимъ только, что звуковой составъ нынѣшнихъ говоровъ Касимовскаго уѣзда долженъ, именно,

внести многія поправки въ наши научныя мнѣнія относительно исторіи русскихъ нарѣчій (великорусскаго и бѣлорусскаго); повидимому, является необходимымъ настаивать на существованіи нѣкогда особой эпохи въ жизни этихъ нарѣчій, эпохи общей ихъ жизни, эпохи великорусско-бѣлорусскаго единства или, какъ выразился А. А. Шахматовъ, эпохи „велико-бѣлорусской“. Теперь прямо перейдемъ къ обозрѣнію фактическаго матеріала въ области звуковъ *д'* и *т'* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда.

Нашимъ говорамъ извѣстны звуки: ѕ (*д*^{з}), *ц* (*т*^{с}) и ђ (*д*^{ж}) вмѣсто *д'* и *т'* литературнаго произношенія.

Вотъ примѣры звука д^{з} (ѕ): Рад^{з}и́мый (въ пѣснѣ)—впервые я услышалъ въ с. *Ерахтурѣ* Касим. у.; д^{з}е́рьγе^{і}нка (=„де́рγанецъ“ на югѣ Ряз. губ., конопля)—ib.; ад^{з}я́я́ла, д^{з}ялóў—род. п. мн. ч.—ib.; хóд^{з}ить—3 л. ед. ч.—рад^{з}и́ма. зӑрад^{з}и́ла—ib ; па д^{з}е́сить—*Шостья*; за́муш не^{і} вы̆хад^{з}и́ла—*Ивановское*; ся́д^{з}им—1 л. мн. ч. буд. вр.—ib.; д^{з}ьвѣ́ дяфцóнки—*Борисково;* ста́ршая д^{з}ѣ́ўка—*Катово*; в д^{з}е́нь вы́сӑхла—ib.; дзѣ́jки=дѣ́фьки—*Зубово* (Срв. ниже сказанное про мѣстоименія теjé, сеjé и слова: любój, любójи=любóфь, любóви и проч.); ни хад^{з}и́ла, д^{з}и́вирь был—*Семеино;* сид^{з}ѣ́ла, ся́д^{з}ит—3 л. ед. ч. буд. вр.—ib.; д^{з}е́ньγи-ты, нид^{з}ѣ́лю, сид^{з}ѣ́ть—ib.; *Катово* тоже; „дъвяд^{з}ё-ли, нѣ́т-ли γаспóть да каньцý“ (=доведетъ-ли, нѣтъ-ли Господь до конца̀)—*Катово*; „да́вя я пълсапóшки над^{з}ѣ́ла“—*Бычково*; студзе́ну—в. п. ед. ч. ж. р.—*Шаранина*; ни хад^{з}и́тя—*Зубово*; д^{з}яре́вьня—ib.; д^{з}ѣ́ўку—вин. п. ед. ч.—*Горы*; вярсты́ д^{з}ьвѣ́—*Амляшово*; „на́м ца́стую пѣ́с^{ш}ьню иγра́ть за д^{з}е́ньγи-ти“!—*Зубово*; „ани́ нӑіятя́ (3 л. мн. ч.) фс^{ш}я́ д^{з}ире́вьня“—ib.; „ма́ть-та жы́ва, хóд^{з}я кали́—*Катово*; „дзѣ́ўка, та́к ана́ и jе́с^{ш}ь“!—*Бычково*; „ад^{з}ёжа са скóпкуй“ (=со складкой)—ib.; д^{з}ит^{с}е́—*Чуфилово*; „д'ыть он пъγляд^{з}ѣ́л“, „ты пъсабле́иш за д^{з}е́ньγи“—ib.; хад^{з}и́ла—*Логино*; д^{з}ире́вьня—*Меркулово*; ад^{з}ёшки нѣ́ту—ib.; нидзѣ́ (=нигдѣ́)—*Бычково*; д^{з}ьвѣ́—*Норино*; д^{з}ире́вьня—*Праватарово*; сóд^{з}им—1 л. мн. ч., хóд^{з}я—3 л. ед. ч.—ib.; клад^{з}ём—1 л. мн. ч., д^{з}ьвѣ́, д'уш бýдзя—3 л. ед. ч.—,рӑзвид^{з}ёш—2 л. ед. ч., д^{з}ирём—1 л мн. ч., „бре́д^{з}инь над^{з}іjёш“—2 л. ед. ч. (=надѣваешь)—ib.; д^{з}ѣ́тӑк убра́ть на́да, д^{з}е́ньγи пълуца́ть—*Анисово*; ви́д^{з}ѣ̆ла, пѣ́с^{ш}ьни игра́ю͡от д^{з}ѣ́хькя (=дѣ́фьки)—*Парахино*; ад^{з}ёжай, вы́д^{з}им—

1 л. мн. ч.—ib.; дзе́нь—*Фомино*; ви́дзӗла, „шу́пку ла́дзят, паддзёвӑцку"—ib.; дзьвѣ́—*Астахово*: хо́дзям—1 л. мн. ч.—ib.; „дзѣлују̑от со́ла̄т" (=дѣлаютъ солодъ)—*Парахино*; за́муш вы̆хадзи́тсь—ib.; и мн. др.

Примѣры звука тс (*ц*): пу́стсили деашо́ўку (=жел. дорогу)—*Ерахтуръ* (*впервые* я этотъ слитный звукъ услыхалъ *здѣсь*); сце́лють (=сте́лютъ)—ib.; ј́есць=есть, тсія́=тебя́, тсёмна, зӑхатсѣ́л, ӑптсрала—ib.; настсе́лим—1 л. мн. ч.—*Шостья*; сё па ма́лӑсци, сце́лим—1 л. мн ч, сеібѣ́ насиць, хатсѣ́лас—ib.; „тся́глая пѣ́сня" (=протяжная)—ib.; привыка́тсь—неопр. н., ј́есць, не́сць, тсе́рйма—род. п. ед. ч.,—тсиряму́ (въ)—ib. и *Дмитріево*; с'вѣ́тсит 3 л. ед. ч.—*Дмитріево*; пътсеіряеіш—2 л. ед. ч.—ib.; „хлѣ́беіц мӑлатси́ть пріѣ́дут"—*Ивановское*; „пӑтсиря́еіш сво́й паклон" (пѣсня)—ib.; „тсё́мну но́цыньку", утсира́лись (=утирались), „сваё́ тсѣ́ла прӑдала́"—ibidem. „Была́ ня ди́тяцка" (пѣсня)—*Ветчаны* (Истомино). Почему здѣсь *ц* вмѣсто *твердаго т*? Можетъ быть, по вліянію *предшествующаго* мягкаго гласнаго? Плитсе́нь (=коса)—ib.; „с'вѣ́іцёл мѣ́сиц"—ib.; тсе́нит—3 л. ед. ч. (=тянетъ), тсягло́—ib.; куды́ јих тсяну́ть-та?—*Логино*; „Тсярѣ́шы̆цка другуо́й уо́т ста́рӑстай"—*Зубово*; „уаспо́ть про́сьтсил"—(=простилъ; избавилъ, разрѣшилъ отъ бремени)—*Семеино*; уцыше́нья мнѣ́ (=утѣшенье)—ib.; уаспо́тсь ницао́—ib.; „до́лх платси́ть нѣ́т тя́жэ"!—ib.; „ху́ньтика три и ця́ним (=тянемъ) уо́дйка три"!—*Катово*; вы́дьтся—2 л. мн. ч. пов. н.,—ступа́йтся—*Зубово*; на пьтсялты́ннай—ib.; тсяпло́—*Катово*; ана́ ни тсе́ня—3 л. ед. ч. (тянетъ)—*Бычково*; та́м наци́ськӑна (=нати́скано)—*Чуфилово*; дзитсё—ib. и *Бычково*; срв. *атьвяла́*, „*тьвѣ́т* папо́ртил"—*Логино* (Срв. влад. *твѣтъ*, *свѣтъ*; курск. тверск. тул. *твѣтъ* и проч.); с'вѣ́чнки затсе́плим—1 л. мн. ч. буд. вр.—*Бычково*; „карьми́леіц, пътсирьпи́"!—*Меркулово*; (аттьвёл—ib ; =отцвѣлъ); Тацья́на, Кӑтсяри́на—*Праватарово*; мало́тсим—1 л. мн. ч. наст. вр.—ib.; „я тсѣ́ уӑвари́ла"!—ib.; наца́ць—неопр. н.—(=начать)—ib.; халстси́ны—ib.; („тьвята́ми тьвятё" =цвѣтами цвѣтетъ;—ib.); тсялу́шыцка—*Анисово*; нада зӑплатси́тсь—*Фомино* (Парахин. вол.); „цао́ туды́ кла́сць-та"?—*Парахино*; тсю́плинькяю (=тёпленькую)—ib. (смотри выше, въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ); Алдо́тсья (=Авдотья—Овдотья—Евдокія), выхадзи́тсь—ib.; „во́симь міе́р на тсягло́"—*Ахматово*.

*Переходимъ къ звуку д*ж (ђ, д') и *т*ш (*т*'): пидж*ѣ́*ля—*Андроново*; фсш*ѣ́* сидж*ѣ́*ли—ib.; „пӑɣаджьн*ѣ́*й биз в*ѣ́*тру"—(=погоднѣе безъ вѣтра, т. е. поудобнѣе)—*Праватарово*; джьв*ѣ́*—*Парахино*; адьдж*ѣ́*льпай—*Фомино* (Парах. вол.); джялйтца (=дѣлиться)—ib ; аджёжа̄—ib.; падьджёхку—вин. п. ед. ч. (=поддѣвку)—ib.; наджѣ́нуот—3 л. мн. ч.—ib.; зӑвиджёныји пѣ́сшьни-ти"! (=заведенныя, обычныя)—ib.; хо́джям—1 л. мн. ч. наст. вр.—ib.; дж*ѣ́*лӑли—*Парахино*: на лъшаджя́х катáютцу (—тъ)—3 л. мн. ч.—ib.; джирэ́вня—*Мягкова* (въ другой разъ такого *р* полумягкаго мнѣ слышать не удалось: можетъ быть, это обмолвка или ослышка съ моей стороны); мӑлатшйть—неопр. н., джитшя́ми—твор. п. мн. ч. (=дѣтьми́)—*Андроново* (Малахово). Здѣсь особенно хорошо, какъ и въ Парахинѣ и Фоминѣ, слышны шипящіе оттѣнки при *д* и *т*. Наш по́п Стшяпáн—*Праватарово*; мӑлатшйли—прош. вр. 3 л. мн ч.—*Парахино*; одинъ разъ я слышалъ звукъ *т*ш въ *Шостьѣ*: шымирйтшь—3 л. ед. ч. (=сѣмери́тъ, „сѣмени́тъ ногами". См. мой трудъ: „Къ діалектологіи"....), да одинъ разъ въ с. *Ижевскомъ* Спас. у.: тшяɣлá—род. п. ед. ч.—но: тёɣла—им. п. мн. числа. Какъ видно читателю, внимательно слѣдившему за нашимъ трудомъ, эти звуки *д*з, *т*с, *д*ж, *т*ш мы встрѣчали по преимуществу въ деревняхъ и селахъ Тумскаго края и въ Парахинской волости, слѣдовательно, на пространствѣ между рѣками *Гусемъ* и *Нармою*, близъ Владимирской губерніи. Въ этихъ же мѣстахъ находимъ мы и переходъ *мягкаго д въ j*, тоже явленіе извѣстное въ русскихъ говорахъ.

Переходъ мягкаго д въ j мы видимъ въ словахъ: „Ты, пајй, ищё лу́ччи миня́ зна́яш"!—*Бычково* (пајй=поди́); „пајйка, жжё мая́ тава́рка Зу́бӑсшька"!—*Меркулово* (жжё=ждётъ. См. выше); склајёш—2 л. ед. ч.—*Парахино* (=складёшь); „быва́юот ту́т глеіја́т"—(=бываетъ, что тутъ глядятъ)—*Парахино*; хајйла (=ходила)—*Фомино*; „на Ма́льцаў хо́јёт" (=на Мальцевъ заводъ *онъ* ходитъ)—*Фомино*; схáјила (=ходи́ла)—*Астахово*; хо́јам—1 л. мн. ч. (=ходимъ)—ib.; „хо́јат драва́ рубйть" (=онъ ходитъ)—*Парахино*; пајём спӑвѣда́тца (=пойдёмъ исповѣдаваться)—ib.; „пајй, та́м ф т*ѣ́*м"?—*Алексѣево* (=поди́, тамъ въ томъ).

Переходя отъ *д* мягкаго къ *т* мягкому, мы видимъ его и въ чистомъ видѣ очень часто въ окончаніяхъ 3-хъ лицъ

глаголовъ—*тъ*, но, какъ уже выяснилось изъ массы приведенныхъ примѣровъ, эти окончанія—*ть* встрѣчаются по преимуществу въ южныхъ частяхъ Касимовскаго уѣзда и въ Спасскомъ уѣздѣ, между тѣмъ какъ въ говорахъ со *средними* звуками мы имѣемъ *по преимуществу* окончанія твердыя—*тъ* или формы вовсе *безъ окончаній* И на это мы обращаемъ *особенное* вниманіе, такъ какъ и въ этомъ отношеніи обнаруживается несостоятельность дѣленія русскихъ говоровъ на *акающіе* и *окающіе*: наши говоры *всѣ безъ исключенія нынѣ—акающіе* и принадлежатъ къ группѣ говоровъ *шепелеватыхъ*, которые въ древности имѣли глагольныя формы на—*тъ* или вовсе безъ окончаній, т. е. отличались отъ говоровъ, имѣвшихъ—*ть* при формахъ безъ окончаній. Формы-же глаголовъ безъ окончаній—*ть* или—*тъ* въ 3-хъ лицахъ наст. времени есть наслѣдіе отъ общеславянскаго языка и перешли *во всѣ діалекты* и праруccкаго языка.

Окончаніе—ть встрѣчается вообще довольно рѣдко, и это очень понятно: оно должно бы дать звуковую группу: $т^{ш}$ъ или—$т^{с}$ъ. Это окончаніе—*ть* мы встрѣтили въ Касимовскомъ уѣздѣ только въ деревнѣ *Китовѣ* и въ селѣ *Китовѣ*, въ *Чарусѣ*, въ *Ветчанахъ* (Истоминѣ), т. е. въ глубинѣ уѣзда; кромѣ того, на окрайнахъ частью въ *Катовѣ*, *Логинѣ*, *Рогачевѣ*, *Горахъ*, *Жалудковѣ*, *Аносовѣ* и *Оськинѣ* (къ границѣ Рязанскаго уѣзда), т. е. вь Тумскомъ краю. Но надо замѣтить, что даже *и въ этихъ мѣстахъ* мы слышимъ рядомъ съ—*ть* и даже чаще, чѣмъ—*ть*, окончаніе—*тъ*, въ особенности въ Тумскомъ краю. Очевидно, что здѣсь произошло смѣшеніе элементовъ: съ юга пришло *полное* аканье и—*ть*. Вотъ по нѣскольку примѣровъ изъ названныхъ мѣстностей: *папáнитъ* =попадётъ вм. попаднетъ; наст. и буд. вр. по-падý, падý. Срв. завя́нетъ вм. завяднетъ. Вѣроятно, и 1-ое лицо ед. ч. при 3-мъ *папáнетъ* будетъ **папáну*, какъ завя́ну. Еще: знáить, жывёть..., вóзють, прядýть, пре[i]дéть—3 л. ед. ч., вязýть, плятýть... „Нắцавать кáк уш тáх-та ня пýстить“?—3 л. ед. ч., блины́ пякýть, виньцá вазьмýть...—*дер. Китово*; жнитвó патхóдить, Бох јіё знáить, сицáс падú дярýть; кадá бýде[i]ть ч[ц]вѣ́сь-та? как сúла вазьмёть, ниудáца бывáе[i]ть, друγáя ни умѣ́е[i]ть, муш дóлγа ни вы́сылáе[i]ть, на веçь γóт дъстајёть хлѣ́ба-та; „тóли анú хóдють, толи нѣтъ“.... *Чарусъ*; цáй

пьють—*Ветчаны* (Истомино); дастáтки ни хватáють—*Катово* Тум. край; Микóла зимнія у нас прáзнують, „цэлавѣк дéрьгаить рукáми“—ib.; аммáнъваить—3 л. ед. ч.—*Логино*; сил ни хватáить—*Рогачево* (но: „jи́хи бáбы спя́т тут“. Здѣсь *т* твердое, можетъ быть, оттого, что дальше слѣдуетъ слово „тутъ“ съ твердымъ *т*?); ня съjи́сть нихтó—*Горы*; пайдéть адна́ дарóγа—*Жалудково*; „ани́ γью́ть (=вьють; в' = γ'. См. ниже, въ отдѣлѣ губныхъ и задне-небныхъ звуковъ) пруты́“—*Аносово*; знáють—3 л. мн. ч.—*Оськино* (Кобылинск. прихода—Кобылинка).

Въ остальныхъ мѣстахъ по преимуществу я слышалъ въ этихъ формахъ глагола твердое *т—тъ*, но *формы безъ окончаній распространены вездѣ*, какъ мы видѣли выше. Примѣровъ на твердое—*тъ* я приводить не буду: они были видны при различныхъ случаяхъ выше и могутъ быть легко замѣчены читателемъ ниже въ образцахъ пѣсенъ, разговоровъ, разсказовъ. (См. ниже, Приложеніе къ настоящему труду въ концѣ книги). Я приведу здѣсь только названія мѣстностей, гдѣ я слышалъ постоянно окончаніе—*тъ* при формахъ безъ окончаній 3-го лица. Вотъ названія: Ерахтуръ, Шостья, *Лѣсново*, *Ярыгино*, *Брѣево*, *Жданово*, *Дмитріево*, Гусевской Погостъ, г. Касимовъ, Уланова Гора, *Данево*, Забѣлино, Бѣльково, Урядино, Ивановское, частью *село* Китово, Ветчаны; затѣмъ опять: Борисково, Малахово; частью *Логино* (Тум. край), *Рогачево* (см.—*тъ*), *Горы*, *Бычково*, *Давыдово*, *Зубово*, *Семеино*, *Катово* (срв. выше—*тъ*), *Снохино*, Шаранина, Агѣево, Акулово, *Расторгуево*, Амляшово, *Чуфилово*, *Меркулово*, Норино, Андроново, *Праватарово*, *Анисово*, Малышкино, Парахино, Фомино, Астахово, Велькова, Алексѣево, Ужыщево, Волчково, Ламакино, Ахматово, Акулово Китов. волости. Подчеркнутыя названія (первыя *шесть* изъ подчеркнутыхъ) принадлежатъ частью къ мѣстностямъ, лежащимъ почти на границѣ съ Владимирской губерніей, частью (вторыя изъ подчеркнутыхъ—*тринадцать*) составляютъ собой такъ называемый „Тумскій край“, хотя и принадлежатъ *не всѣ* приходомъ въ Туму и *не всѣ* къ Тумской волости, но лежатъ по близости отъ громаднаго и торговаго села *Тумы*. Близко отъ границъ Владимирской и Тамбовской губерній лежатъ и мѣстности: *Алексѣево*, *Ламакино* (отъ Влад. губ.), *Уланова Гора* (отъ Тамбов. губ.).

Перехожу къ звуку *д твердому*, который въ сочетаніи съ слѣдующимъ звукомъ *н* ассимилируется послѣднему, переходя въ *н*. *Звукъ д передъ н.* Если слѣдующій за *д* звукъ *н* мягкій, то и *д* дѣлается мягкимъ и всетаки переходитъ въ *н'*. Вотъ примѣры па оба случая: „П᾽ӑннаму́ пӑрашку́“ (=по одному́), паслѣ́нній—*Логино*; анна́—*Рогачево*; с Питрава́ нни́—ib.; „нӑ сявóннишній вицарóк у вас бýдит“?, аннóй нильзя́—ibidem; „и цуннó таперь пади́“—*Бычково*; „фсё аннó д᾽аннó, вот и ɣли́сты“!—ib.; аннó пальцó (=одно полѣнце)—*Семегино*; пабиннѣ́й стали жыть, ӑннаму́ патя́жэй (=потяжелѣ́й), „дѣ́душка ɣавáрӣвал мáтушки рóннай“, блѣ́нная, аннáкъжа (=однакоже)—ibidem; паслѣ́нною минýтӑцку—*Катово*: сявóннишнію нóцыньку—ib.; из аннóй—*Снохино*; аннó—*Горы*; на сявóннишній дянѐк—*Давыдово*; к Питраву́ нню́—*Расторгуево*; анна́ дарóɣа—*Жалудково*; „на люди-ти вы́тти сӑрахáн, а то сты́нна“!—*Бычково*; аннавó Васи́лья—ib.; раннóй—ib.; ранния́—*Чуфилово*; ни аннавó нѣ́ту—*Бычково*; паслѣ́нній—*Меркулово*; ни аннóй—ib.; урéнник (=уря́дникъ), анны́х (=одни́хъ), анна́ на стаɣу́ стайт, да Хрóлӑва ння́, рассáнник (=разсадникъ)—*Праватарово*: халóннай—*Анисово*; анна́ карóўка; „нидѣ́ли цэ́риз дьвѣ́ гра́д был ннём“ (=днемъ)—*Велькова*. *Д* переходитъ въ *н* въ словѣ: „кáжнӑй“ повсемѣстно Припомнимъ форму изъ дер. *Китово*: папáнить—3 л. ед. ч.—вмѣсто *попáднеть, гдѣ *д* по ассимиляціи съ *н* выпало. Я думаю, что, въ виду различныхъ показаній другихъ русскихъ говоровъ, форму „папáнить“ (по смыслу = попадётъ) слѣдуетъ объяснять, какъ происшедшую *фонетическимъ* путёмъ, о чемъ будетъ говориться подробнѣе во 2-ой части моего труда, а *не по аналогіи* съ такими образованіями, какъ: *встанетъ*, *дунетъ*, *сунетъ*, *дѣнетъ* и проч.

Выпаденіе звука т послѣ с мы видимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ нашихъ говоровъ, какъ и вообще говоровъ великорусскихъ: дён *шэ́сь* хадила—*Выжлисъ* Спас. у.; Бóжъску *мгӑ́сь* з'дѣлай—ib.; *пӑ́цыс'нӑй* (сравнит. ст. = почестнѣе)—*Нармушадь* Касим. у.; ў *пóснай* дéнь—*Ерахтуръ*; *рáдӑсь*, *жы́сь*, *бе'сизэ́сья*—ib.; *прéсь* (=пря́сть)—*Шостья* (произн. *Шóсья*); *стрáсь*—ib.; *сцыс'лгивай*—ib.; *пря́сь*—неопр. н.—*Китово* и друг.

Наконецъ, изъ области зубныхъ звуковъ *д* и *т* упомянемъ также объ обыкновенномъ явленіи *ассимиляціи* звуковъ

въ первоначальной группѣ—*дьск*, — откуда: — *тьск*, — *цьк*— или:—*дск*, —*тск*,—*цк*. — Такъ. мы слышимъ прилагательное *Пáрмушáцкiји* съ твердымъ *ц* отъ имени *Пáрмушадь* (село Касим. уѣзда) потому, что въ формѣ прилагательнаго при произношенiи окончанiя—*скай* вмѣсто—*скiй* звукъ *с* отвердѣлъ, и предшествующiй звукъ *д* (*т*) отвердѣлъ, конечно, тоже, а группа *дс* (*тс*) дала звукъ *ц*. Но такое произношенiе съ *твердымъ ц* не обязательно въ нашихъ говорахъ, какъ вообще не обязательна и всякая другая *твердая* согласная передъ старымъ суффиксомъ —*ъск*—въ нашихъ говорахъ; напротивъ, мы видѣли и выше много примѣровъ, и ниже будетъ объ этомъ особая рѣчь (см. ниже: о мягкихъ согласныхъ вообще), откуда будетъ видно, что въ нашихъ говорахъ *обыкновенно сохраняется слѣдъ* бывшаго суффикса—*ъск* - *въ мягкости предшествующаго этому суффиксу согласнаго*.

Глава IX-ая.

Губные звуки въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губернiи.

Въ этой главѣ мы разсмотримъ губные звуки нашихъ говоровъ опять въ порядкѣ ихъ наибольшаго значенiя для характеристики изслѣдуемыхъ нами говоровъ. Сперва мы будемъ говорить о звукѣ *в*, затѣмъ — о звукѣ *ф*, о звукѣ *б*, о звукѣ *п*, о звукѣ *м* и, наконецъ, вообще о смягченiи губныхъ.

Звукъ в въ нашихъ говорахъ представляетъ наибольшiй интересъ: прежде всего онъ слышится, какъ *неслоговое ў* въ концѣ словъ, въ началѣ словъ, въ серединѣ и вмѣсто предлога *въ*; затѣмъ, этотъ же звукъ иногда переходитъ въ *л* въ серединѣ словъ, а потому звукъ *л* (конечно, твердый) встрѣчается въ немногихъ словахъ на концѣ въ видѣ *неслоговаго ў*. Этотъ-же *твердый* звукъ *в* переходитъ въ нашихъ говорахъ въ звукъ *х* или *у* обыкновенно въ предлогѣ *въ* или въ окончанiи падежей при посредствѣ, конечно, глухого звука

ф, такъ какъ въ нашихъ говорахъ самъ звукъ *ф* переходитъ въ *х* и *хв*; что касается звука *в мягкаго*, то онъ въ серединѣ словъ передъ согласной или гласной и въ концѣ словъ переходитъ въ *неслоговое* ǐ или *j*. (Срв. переходъ *твердаго в* при тѣхъ же условіяхъ въ *неслоговое ў* выше). Далѣе, звукъ *в* передъ *н* переходитъ въ *м*, а звукъ *м*, наоборотъ, передъ *н*- же переходитъ въ *в*; есть, наконецъ, отдѣльные случаи перехода звука *в* въ *б* и звука *р* въ *в*. Кромѣ того, мы имѣемъ громадное количество случаевъ *отпаденія* и *приставки* звука *в*, *выпаденія* и *вставки* его. Въ этомъ порядкѣ мы и разсмотримъ прежде всего звукъ *в*, а потомъ и другіе губные звуки, въ нашихъ говорахъ.

Въ нашихъ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ мы имѣемъ слѣдующіе факты:

Звукъ в = ў: ўнýчькя мáнинькя[і]я, сы́пина дóчь—*Киструсъ* Спас. у.; ис клóчьяў, ис тря́пкаў—ib.; ў весь ў фтóрьник, ў пóне[і]дѣльник, ўдвóя—*д. Деревенское*; ў заўлáцки жывéть, ана дѣўка, ў даму́-ту?, жыўў—1 л. ед. ч. (= живу́)—*Ижевское* Спас. у. [1]); ўнýки-ти?, Пáγарѣ́лъшаў (фамилія: Погорѣ́лышевъ), но: „вдáрил ме[і]ня́“, ў Рязáни, ў се[і]лѣ́—*Ижевское*; ўся́ пγрá, „ў ўаратá ў явó“ (= въ воротá въ егó), (срв. древнее: Ореоломей при Вонъчифоръ Вонъдрониковъ и друг. ниже во 2-ой части); ў γастя́х, ў рóдѣ[а], ў калóшах, палдéўка, ўладáла зямлéй—*Выжлисъ*; „и мой заγóн и яўó заγóн“, „напрóти Ла́пькина“—д. *Воскресенское* („напрóти“ изъ *напрóтіў—напротивъ. Срв. ниже: дамó, далó изъ дамóў, далóў. а эти изъ домовъ, доловъ); каня́ўку рубíли, ў Спáская (= въ Спасскъ—городъ)—ib.: ў калóде[і]с зáвалíлси, „Шарóў купíл у Ликсѣ́я лóшътъ“—*Воскресенское* (Шарóў—фамилія: Шаровъ) [2]); вóўсе[і] никуды́ ни γажá—ib.; ана́ ўвалíлси ў я́му (лошадь), ў

---

[1]) Древнее новгородское «въ мосту плаучемъ»—АЮ. № 81. 1544 г.—при «мостъ плавучей»—ibid. указываетъ на основное для велико-бѣлорусской эпохи произношеніе—плаўўчій, какъ и наше: жыўў—1 л. ед. ч.—См. объ этомъ ниже, во 2-ой части этого труда.

[2]) Примѣры, приведенные изъ мѣстностей Спасскаго уѣзда, записаны отъ крестьянъ вышеозначенныхъ селъ и деревень въ с. Ижевскомъ, въ камерѣ земскаго начальника во время допроса и разборки дѣлъ послѣднимъ.

де'ре́вьню про́дӑл, ў ку́зьницу ушли́—ib.; ў де́нь мо́жна вы́ткă̆ть—*Ерахтуръ* Касим. у.; хо́дють на рабо́ту ў Зўје'ва—ib.; со́ўестюся—1 л. ед. ч., деашо́ўка, ў ла́вӑцку пасла́ть, „хязя̆ўам мы́ла палы́“, ў ста́ры γада́ та́к не́ бы̆ла, ўсе́ на ўсе́, γадо́ў—род. п. мн. ч, зало́ўка, свякро́ў (=свекровь), цаўо́ (цао́ и цаво́), ў хастіни-ти?, у као́? (каво́ и каўо́), ў цыты́ри цапка́ ткать, „ў асно́ўу (=въ основу) пушша́етца“, ў ско́лька таӗ ну́жна, ў Шо́стьји сала́ски дѣ̆лають, ўцара́сь, кўзаў (=ку́зовъ), ў зе'млѣ̆, ў ку́тцки (=въ кучкѣ), а Бо́х яо́ зна́е'ть (яо́—яўо́—яво́), ў γӑрадў (=въ городѣ), Пятро́ў де́нь, аγўрцыкаў, вило́цкаў—род. п. мн. ч.,—ўсе́, сва́дьбаў пятна́тцӑть ў де́нь, з дѣ̆укӑми, раγо́ў—род. п. мн. ч., ушо́л ў ба́ню, цаса́ ў два́, ўмѣ̆с'ти жы́ли, жы́ў се́тъки он?—*Ерахтуръ*; ўлѣ̆ва две́рь, ўста́л ра́на, цасо́ў ў се́мь, „пять со́т *дымо́ў* у на́с ф се'лѣ̆“—*Нармушадь* (срв. въ лѣтописи: Сѣдумавше поляне и вдаша отъ *дыма* мечь—Лавр. Лѣт. Изд. 1872 г. Стр. 16. Или: по бѣлѣй вѣверицѣ отъ *дыма*—ib. стр. 18 [1])); рае́ў (=роевъ, род. п. мн. ч. отъ сущ. „рой“) се́мь за лѣ́та, ў ўлей-та? ў γас'тя́х се́ бывае'ть—*Нармушадь*; ў ле́дьники ляжа́ла, аўсы́, ўре́мям (твор. п. ед. ч.=временемъ), и ў чаяю, с луγо́ў, ў каба́к, ў по́ли, ў до́ми, ў амба́ри, ў атхо́жам (=въ отхожемъ мѣстѣ), сяк ў сва́е мѣ́ста, „здѣ̆лӑлси ўо́фси *дре́внӑй*“, ўхо́жы были, „ў Расто́ји жыла́ ў прислу́γах“ (=въ Ростовѣ. Срв. выше: любо́ји, кро́ји и проч. косв. падежи отъ словъ: любо́вь, кро́вь), „улятѣ̆ли *дало́*“ (изъ *дало́ў*; наше литературное *доло́й*, очевидно, образовалось изъ формы съ *мягкимъ в*, какъ показываютъ вышеприведенныя формы: любо́ј—любо́ји и проч. Въ словѣ *доло́й ј* изъ *мягкаго в: доло́ви—доло́въ—доло́й* (доло́ј). Форма **доло́въ* стала звучать въ нѣкоторыхъ говорахъ: *доло́в—доло́ў*. Срв. *доловъ* въ Жалованной Грамотѣ Подольскаго князя Александра Коріатовича Смотрицкому монастырю 1375 года: „а *доловъ* Смотричемъ“—*Срезневскій*. Пам. р. п. и яз. (Изв. АН. X. вып. VI. Стр. 684). Форму *домовъ* мы находимъ въ Смол. Грамотѣ 1230 г.: „понесеть его *домовъ*“, ib. 602. Еще: „ѣхалъ я сирота *домовъ*“—АЮ. № 30. 1680 г. Въ спискѣ Д.

---

[1]) Это мѣсто изъ Лѣтописи можетъ быть понимаемо такъ, что лѣтописатель во время записи еще не различалъ и смѣшивалъ древлянъ и полянъ, вѣроятно, потому, что это были лишь разныя названія одного и того же племени—народа. Къ этому мѣсту мы вернемся въ 3-й части.

Смол. Гр. 1229 г. читаемъ: „лзѣ емоу Роусина пояти *до- мовь*“—Рус.-Лив. Акты. Приложеніе. Стр. 431. Въ Договорной Грамотѣ в. к. Дмитрія Ивановича съ Тверью 1368 г. (списокъ съ Тверской Грамоты) читаемъ: „А что еси привелъ Ноугородцевъ и Новоторжцевъ къ целованью, а то целованье *доловь*“.—Собр. Госуд. Грам. и Догов. I. № 28. Въ Договорной Грамотѣ кн. Ольгерда и Кейстутія съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ 1371 г. имѣемъ: „и тыхъ ны сослати *доловь*“ — ib. № 31 и друг. Срв. нынѣшнее *домо́ў* въ Витебск. губ. и уѣздѣ—*Шейнъ*. Матеріалы. II. 235. *доло́ў*—Минск. Слуцк. (говоръ съ *дифтонгами*)—ib. 236. *домо́ў*—Минск. ib 238. 285. 287. и друг. Срв. нынѣшнія формы твор. п. ед. ч. именъ ж. р. въ различныхъ млр. говорахъ: ми́лоў, водо́ў, жінкоў, доброў, гороў и друг.—*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892 г. IV. 22. 47. 49. 53. 55. 56. 60. Срв его-же. Лекціи[2]. Стр. 90. Я думаю, что формы *домой*, *долой* могли образоваться и не по образцу малорусскихъ формъ твор. падежа, а *фонетически* выше показаннымъ способомъ изъ древнихъ *домови*, *долови*. Въ пользу моего объясненія говоритъ, во-первыхъ, самая форма *домови*, употребляемая въ значеніи направленія на вопросъ „куда“: въ Лавр. спискѣ Повѣсти врем. лѣтъ—читаемъ: ѩневи же идущю *домови*.... л. 119. столб. 1 и 2. Срв. въ Новг. Лѣтописи по Синод. сп.—*домовь*—л. 111, а, во вторыхъ, и самое *значеніе* этихъ словъ въ древнемъ и современномъ русскомъ языкѣ, хотя слово *доловь* въ др. р. языкѣ мѣстами можетъ быть понято и въ смыслѣ *abl. loci*: „а доловъ Смотричемъ“—выше). Продолжаемъ перечисленіе примѣровъ изъ нашихъ говоровъ: па ўсе́й но́цы γуля́ють, Яγо́раў (фамилія), ў Бо́рки, сро́дьникаў—род п. мн. ч.. ўсѣ ўмѣ́с'ти, ў γо́т, ў це́рькви, „и та́к *дамо́* привязўть“ (*дамо́* вм. и изъ **дамо́ў—домовъ*, которое, въ свою очередь, изъ *домо̀въ—домови*—дат. п. ед. ч.); срв. выше *дало́*; дѣўак—род. п. мн. ч., ўсю но́цу (вин. п. ед. ч. Здѣсь именит. п.—„но́ца“, а не „ноц“, хотя и это послѣднее извѣстно), на Пятро́ў де́нь, Ду́хаў де́нь, ў Е'ра́хтури, о́ўцы-ти асо́быји—с. *Нармушадь* Касим. у. (Эти формы: *дало́*, *дамо́*—обѣ слышаны въ с. *Нармушади*); у ва́с каро́ў се^а^во́ дьвѣ—*Ерахтуръ*; ў сяло́, ў рѣч^и^ки-ти, ў Пе́рья (село) адлана́, блино́ў, ў салда́ты, ў по́снай де́нь, ў даму́, ў прислу́гах жывала (г, а не γ), ўтаро́й ра́с, ў афто́рьник, дѣўку, ўзя́ть,

рӑзγауо́р, у пасте́лю, ў три́ цаса́, ў пе́рьвай ца́с, ў маршы́х ляжы́ть (пѣсня), ў γалава́х стая́ть, ў наγа́х, си́тцэўу—вин. п. ед. ч. ж. р. (=си́тцеву), казло́ўы (=козло́вы),—въ пѣснѣ: т. е., „козловы сапожки", ў старину́—*Шостья*; ў сӑрӑхана́х, пя́ть ху́птаў, ў саду́-ту, ў видрѣ́, ў вадѣ́, жыўўю—вин. п. ед. ч. ж. р.—*Куземкино*; γадо́ў, ў Шо́с'ти, пасьля́ Хро́лаўа л'пя́—*Шостья*; наўо́й, ў Яра́хтур ӑлдаӗш, ў бе́рьди, па́смаў (=па́смовъ, па́смъ)—род. п. мн. ч., ў пе́цку, ро́ўнинька, ўγоржы́ (=во ржы́, изъ уво ржы́, ув оржы́ - ўγоржы́)—*Шостья* (скорѣе было слышно *о* послѣ *γ*, чѣмъ *а*); ў пру́т (=въ прудъ), заўе́ш—2 л. ед. ч.=зовёшь, ў пясо́к, ў снѣ́х, дро́ў касте́р, като́ўпица, ни ўа што́ ни нӑряжа́ютца, ў зага́дьник (=въ загадникъ, т. е. „въ гадальную книгу"), пра жы̆нихо́ў, ў не́би (=въ пе́бѣ), за мужье́ў, ў рабо́тьни́ках, ў сте́пь, ў Тъкаре́ви (=въ Токарѐвѣ—селѣ), жыў (=живъ), ӑрихо́ў (=орѣховъ—род. п. мн. ч.), ў цужы́ люди, ўстряца́й, ў цэ́рькву, ў субо́ту да ў скре[i]се́нья, ў абγо́н (=въ обгонъ), ў Саро́ў хади́ли (=въ Саровскую пустынь), мушшы́наў (=мужчинъ—род. п. мн. ч.), ў И́жэ[и]фская ўо́зють, ў Шо́с'ть[и]и, ў пе[i]цѣ́, ўма́жуть—3 л. мн. ч., ў глаза́х, за́ўтрик, ў хрясцы́ (=въ крестцы́), дяўцо́нки, ў гро́п, во́ўсе[i]—*Чинуръ*; „лён плахо́й во́ўсе[i], хо̆ть не[i] сѣ́й: не[i] ради́тцы"—*Китово*; Пакро́ў де́нь, „у као́ jе́с'ть *нао́с*, *о́зим*" (=у кого есть навозъ, возимъ; *в=ў* почти не слышно было въ этомъ примѣрѣ), да ў на́шӑм се[i]лѣ́, „ў пе́цки се[i]ря́т по́ла, а лѣ́тӑм ў хлѣ[i]вѣ́ на дварѣ́"—*с Китово*; па́смацка(ф) ў три́, ў цаты́ря; была́ ў дѣ́фках, хади́ли ў лѣ́с; „мно́γа на́шых ў падва́лах рабо́тут", два́тцӑть пе́ть γадо́ў бу́де[i]ть, „мая́ ло́шӑть *в* атца́" (=моя лошадь у отца. Это очень рѣдкій примѣръ. но произнесено было *явственно*)—*Чарусъ*; Ива́н Макси́маў, ў де[i]ре́вьнѣ (*ѣ*—открытое), Матвѣ́й Се[i]мѐнаў—*Ветчаны* (*Истомино*); гадо́ў де́сить, нӑпяку́т блино́ў, ис с[ш]ѣмяцкаў, карто́ўки пӑтсы́пяш—2 л. ед. ч., у мя́ каро́ўацки нѣ́т, „у нас място́ў-ти таки́х нѣ́т'ти грыбо́ва̄х"—*Борисково*; грыбо́ў-ти нѣ́ту—*Малахово*; ста́ршая д[з]ѣ́ука—*Катово* Тум. край; ис Като́ўа (=изъ Като́ва), изӑ фсяўо́: из мацэ́ньца, дра́тўу (=дратву), вярӗўки; дву́х дяржа́ў—род. п. мн. ч. (=„двухъ державъ", т. е. двухъ владѣльцевъ—село, двухъ приходовъ—деревня, какъ, именно, въ этомъ случаѣ: дер. Катово раздѣлена между двумя приходами), шэсь дваро́ў, ўся́ ўлица—*Катово*; низдаро́ў, на прати́ўку - *Логино*; да за́ўтря-

та? биз ачкоў-та ня можу: ачкі надію—1 л ед. ч.—*Рогачево*; да Кельцаў, „уγаўору ня знáя"—3 л. ед. ч.—ib; пираγóу — род. п. мн. ч.—*Зубово*; дѣ́ўка, он у нас ў Зубáви, хáш на Пакрóў—ib.; лóўка!—*Давыдово*; γадóў—род. п. мн. ч.—*Семеино*; карóўа jесь—*Бычково*; страхóўку дáли—*Логино*; „из устóў бóльна γряхóў та мнóγа"—ib.; Пётр Пáўлаў—*Чуфилово*; пăрашкóў-та?—*Семеино*; лóўăсть вазьмё—3 л. ед. ч—*Горы* (=лóвкость возьмётъ); ни лáскăўая - им. п. ед. ч. ж. р.—*Катово*; „пей на здарóўя"! вядрó ўхóдя—3 л ед. ч.—ib.; ў васкрисеньи виньцáли, γадóў трíтцăть, мéньшэ бы́ла дварóў-ти, с аўцы́ сымáитца и придётцы (=съ овцы снимается и прядётся)—*Катово*; тады́ уш на паўóй (=навóй). ў девéтыпю (=въ девятьню, въ 9 штокъ), карóўка-та, праўнýка (=прáвнукъ—муж. р.)—*Катово*; прáўду!—*Бычково*; пăрыўáла, апá сразу ўладáла (=владѣла), ня лóўка—*Снохино*; даўнó—*Кабаново*; *Прăўγатáрăўа* (у книжныхъ людей я потомъ уже узналъ настоящее названіе этой деревни, въ Волостномъ Правленіи въ Тумѣ; деревня называется: Праватáрово. Послѣ перваго неслогового *ў* слышалось какое-то *γ* въ родѣ придыханія, такъ что я долженъ былъ сначала нѣсколько разъ услышать это названіе у бабъ, а затѣмъ уже рѣшился фонетически транскрибировать), дурáўγа - *Праватарово* (въ этомъ словѣ „дурáва" (ягода) тоже слышится здѣсь не то „дурáўа", не то „дурáўγа", такъ что звукъ *ўγ* какъ-бы произносится вмѣстѣ); нездарóўая—*Шаранина*; „толи дўоя, толи трóя дитéй-ти", „ўядрó" (=вядрó, но это не=ўjадрó и не=ўадрó, а какъ-бы: ў'адрó, т. е. *ў мягкое*), „я хóжу па ним па стънаўы́м-ти"?! (=по становы́мъ-то?), Любоўя (=имя Любовь), „я жыдóў-та ви́дьла фсеких", Апраси́нья Шыбянькоўа (имя и фамилія), Хрóлаў день, кушынóў—род. п. мн. ч, станóўим—1 л. мн. ч. (=станóвимъ)—ib.; дзѣ́ўку—*Горы*; на γалóўку, лóўка—*Агѣево*; с лууóў—*Акулово*; пéть залóўак—*Расторгуево*; γадóў асьмáтцăть—ib.; „дварóў пятнáтцăть нашы вы́селки-ти"—*Амляшово*; никаких брóдаў нѣт—*Жалудково* (=брóдовъ—род. п. мн. ч); свярцкóў γапяли ѣздили—ib; шэ́зь брáтаў—*Зубово*; ты Пакрóў жжы́ (=жди́)—ib.; па кăраγóду рублёўку—ib.; патóм ў пéцку сóдют—*Катово*; „скóлька карóў, ай ты ня знáиш маих старикóў?"—*Бычково*; „па я́γъды, па дурáўу: такáя цóрная"—ib.; буду *пóўнить* (изъ „пóвнить", которое здѣсь *очень* распространено вмѣсто „пóмнить". См. ниже: *в*—

м), и я выскäцу ў акóшка—*Чуфилово*; у Успéнья расцóт, *γ* лáўку (=въ лавку. См. ниже: *в—γ*, *г*); да Хилйпаўки—*Расторгуево*; дě́ўку вазьмý—*Бычково*; три цóтьвирти аўсá увязлá—ib.; „я х пóли былá ўа льнý“ (=во льну, уво льну), за хуóст пäдымáй—ib.; в Быцкóўа привялй. „*γ*лйсты ряýт“—ib. (=ревýть, вм. реўýт. См. примѣръ: названіе одного изъ московскихъ колоколовъ въ XVI—XVII вѣкахъ—*реутъ*—въ вышe названной статьѣ *Соболевскаго*. Ж. М. Н. Пр. 1894. № 11. Стр. 23. Здѣсь же: Реутово. Реуты, Реутовъ—собственныя названія); дяўцóнка былá—*Меркулово*; я карóў твайх ни пушшý, дóц ў Давы́дъва алданá, д[з]ě́ўкам дадýт—ib.; ў лу*γ*á. „нé жыў, ни здарóў“! маркóўник, ăгурьцóў—*Андроново*; ў Кýршы—ib.; трáўка—*Симоново*; спапóў—ib.; ф стóх (=въ стогъ) дéвить авйнаў—*Праватарово*; ўóрăх сăбирём (=ворохъ), рублéўку, нé́ту у нáс кăнаплéў, *γ*алóўак скóлька? пóўним—1 л. мн. ч. (=пóмнимъ. См. выше)—ib.; драўцá (=дровá)—*Праватарово*; карóўку падóить (sic!)—*Анисово*; „нáда нас дуракóў уцы́ть“, óўцы, дирéўня тут!—*Малышкино*; ў харóмы, ф кузаўя́х—*Парахино*; раўнó, наўéрьшняк—ib. (=навéршникъ; верхняя одежда); ня пóўпю (=не пóмню. См. выше)—*Фомино*; прóти цасóўни—ib. (=противъ часовни); ни ўялят плáкать-та—ib. (См. мое замѣчаніе выше, при словѣ: *ўядрó*—дер. Шаранина); саўóк мукй,—ib.; „*γ* Вязóўку (*γ*=въ. См. ниже) ушóл“—*Астахово*; бъўáла=бывало—*Парахино*; Вéлькăўа (деревня *Велькова*), дварóў, дяўцóнки, грыбóў-та нé́т—*Ахматово*; „знáють нáс рăскóльникаў“, „ăпярьсйнаў приняслá да лимóнаў“—*Оськино*, *Кобылинка*.

Въ этихъ примѣрахъ мы видѣли, что *в*=*ў* и передъ твердымъ согласнымъ или гласнымъ, и передъ мягкимъ, и въ концѣ слова, и въ началѣ слова, и въ серединѣ; кромѣ того, мы слышимъ *ў* и тогда, когда оно соотвѣтствуетъ звуку *ф* другихъ говоровъ, напр., въ словахъ: óўцы=овцы (óфцы), аўсá=овса (офсá), драўцá=дровцá (дрофцá), им. пад. мн. ч. уменьшительное вмѣсто *дровá*. Это звуковое явленіе, какъ мы видѣли на примѣрахъ, распространено по всему Касимовскому уѣзду и по за-Окской части Спасскаго уѣзда. Вотъ въ этомъ фактѣ мы имѣемъ новое доказательство того, что наши „касимовцы“ (называю такъ *условно* жителей тѣхъ мѣстностей, гдѣ я собиралъ матеріалы) не есть переселенцы изъ *разныхъ* мѣстностей. Если мы примемъ во вниманіе еще другія діалек-

тическія черты ихъ, т. е. сплошное цоканье или чеканье, дзёканье, джёканье, средніе свистяще-шипящіе звуки и проч., то мы даже при желаніи не найдемъ такихъ мѣстностей, изъ которыхъ наши „касимовцы" могли вынести свои звуковыя особенности, такъ какъ ни въ одномъ говорѣ мы не находимъ *всѣхъ этихъ фонетическихъ чертъ вмѣстѣ*; если же настаивать на поздней колонизаціи Касимовскаго края и на позднѣйшемъ образованіи современнаго намъ „Касимовскаго" говора, то придется искать колонистовъ этого края чуть-ли не *по всей Россіи*, да и то мы не найдемъ того мѣста, откуда бы могли принести „касимовцы" средніе свистяще-шипящіе звуки; одно изъ главныхъ обстоятельствъ, говорящихъ противъ такого предположенія о заселеніи Касимовскаго края выходцами изъ разныхъ мѣстъ, заключается *въ однообразіи* всѣхъ изслѣдуемыхъ нами говоровъ: еслибы заселеніе было изъ разнообразныхъ мѣстностей, то мы видѣли бы *смѣсь* говоровъ, какъ въ Нижегородской губерніи: мы встрѣтили бы *оканье*; кромѣ того, природа Касимовскаго края дѣлаетъ еще болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь, среди лѣсовъ и болотъ, могли долѣе задерживаться древніе поселенцы, часть которыхъ давно разбрелась по разнымъ мѣстамъ, оставивъ по себѣ воспоминаніе лишь мѣстами въ географическихъ названіяхъ мѣстностей поселенія ихъ и въ типичныхъ особенностяхъ своего говора, особенностяхъ, которыя даютъ нѣкоторое право лингвисту усматривать въ нихъ ближайшее родство съ нашими говорами Касимовскаго края и, такимъ образомъ, помогаютъ напасть на слѣдъ какъ-будто исчезнувшаго безслѣдно когда-то сильнаго и многочисленнаго, но дикаго народа. (Припомнимъ звукъ *о* склонный къ *а* въ нынѣшнемъ вятскомъ говорѣ, необыкновенную *мягкость* при *цоканьѣ* и *чёканьѣ*, мѣну *с* и *ш*, форму *ля́хче*, *нн* вм. *дн*, *дифтонги*, совершенно касимовское употребленіе *члена* и проч., о чемъ—ниже, и мы увидимъ, что этого болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы усмотрѣть между этими двумя говорами *особую* близость: одни *дифтонги* и *долгота* про *цоканьѣ* и *чёканьѣ* и при *среднихъ* звукахъ уже говорятъ объ этой близости или о тождествѣ въ былое время)

Переходимъ къ другимъ явленіямъ въ области звука *в* нашихъ говоровъ.

Переходъ звука в въ л. Твердый звукъ *в* между гласной и согласной переходитъ иногда въ твердый звукъ *л*. Такъ, мы слышимъ: Алдо́тья вмѣсто Авдо́тья—*Катово* Тумской вол., *Бычково* — ib; Алдо́тᵉья—*Парахино*, *Ивановское* Ветчан. вол.; Илдаки́мӑф = Евдокимовъ, Ӑлдаки́м = Евдокимъ—*Дубровка* Ги́блицкаго прихода. Срв. переходъ звука *в* въ *л* въ словѣ ӑслӑбади́тя—2 л. мн. ч. пов. н.—*Чуфилово* Тум. вол. Въ послѣднемъ словѣ мы имѣемъ едвали не общеславянскій звукъ *л*; по крайней мѣрѣ, южно-славянскіе языки и русскій—всѣ знаютъ въ этомъ словѣ *л*, и это указываетъ, кажется, на діалектическое явленіе общеславянской эпохи: быть можетъ въ той части общеславянскаго языка, отъ которой пошли южно-славянскіе языки вмѣстѣ съ русскимъ, было извѣстно слово *sloboda*. Великорусскіе говоры вообще представляютъ рѣдкіе примѣры перехода *л* въ *в* или въ *ў* (неслоговое), но имъ хорошо извѣстенъ переходъ звука *в* въ *л*, какъ мы видѣли выше и увидимъ во 2-ой части нашего труда, гдѣ будетъ представленъ обзоръ фонетическихъ явленій другихъ русскихъ говоровъ, находящихся въ ближайшей связи съ говорами Касимовскими по звуковымъ особенностямъ; поэтому тѣ *немногіе* случаи, которые я встрѣтилъ въ изслѣдуемыхъ нынѣ говорахъ, случаи перехода звука *л* (конечнаго) въ *ў* (неслоговое), именно, въ двухъ мѣстахъ Спасскаго уѣзда, вѣроятно, обязаны своимъ возникновеніемъ привычному чередованію *в* и *л* въ такихъ словахъ, какъ: *Алдо́тья*, но, такъ какъ *обыкновенно* въ нашихъ говорахъ мы слышимъ *ў* вмѣсто *в*, то и тамъ, гдѣ *в* = *л*, получилось *ў* вмѣсто *л*: фе́ршаў (= фе́ршалъ, фельдшеръ), хади́ў (= ходи́лъ)—*Киструсъ* Спас у. Вѣроятно, фе́ршаў изъ фе́ршал черезъ фе́ршав, какъ жы́ў изъ жы́в (см. выше), вслѣдствіе даннаго въ языкѣ чередованія *л* и *в* (Алдо́тья). Вотъ еще примѣръ: „он пасѣяў мо́й заγо́н"—*Выжлисъ* Спас. у. Другихъ примѣровъ я нигдѣ не слыхалъ. Подобно нашимъ говорамъ мы имѣемъ въ *Воронежскомъ* Нижнедѣвицк. произношеніе *Алдо́ха* (*Даль*. О нарѣчіяхъ... LXV), но наши говоры, не смотря на многія точки соприкосновенія съ говорами другихъ мѣстностей (по преимуществу—бѣлорусскихъ), напр., съ говорами Черниговской губерніи (см. 2-ю часть, ниже), въ этомъ, именно, отношеніи рѣзко расходятся съ ними: въ послѣднихъ мы имѣемъ, какъ въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ говорахъ, звуки *в* и *ў* вмѣсто литературнаго русскаго *л*:

жовтъ, повнъ, давъ... (*Соболевскій*. Жив Стар. 1892. I. 20), тогда какъ въ нашихъ говорахъ мы не видимъ звука *в* (*ў*) вмѣсто *л*: въ нихъ есть только звукъ *у* вмѣсто *в* (и нѣсколько примѣровъ звука *л* вм. *в* — выше), и въ этомъ я вижу *признакъ древности* нашихъ говоровъ, какъ это будетъ ясно изъ обозрѣнія во 2-ой части этого труда. Между прочимъ поэтому-же нельзя думать о томъ, что наши говоры образовались изъ бѣлорусскихъ путемъ какой-либо колонизаціи съ запада или изъ малорусскихъ — путемъ колонизаціи съ юга.

Перехожу теперь къ другому явленію въ области звука *в*.

Переходъ звука в въ γ и звука ф (но только изъ в) въ х [1]). Въ говорахъ Касимовскаго уѣзда эти переходы очень извѣстны и распространены. Переходъ звука *в* въ *γ* имѣетъ громадное значеніе, какъ увидимъ во 2-ой части нашего труда, въ области общей исторіи звуковъ русскаго языка. Формулировать точно это фонетическое явленіе въ нашихъ говорахъ нужно такимъ образомъ: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ основной звукъ *в* (или неслоговое *ў*) можетъ переходить въ нашихъ говорахъ въ неслоговое *ў* (или оставаться неслоговымъ же *ў*), онъ можетъ переходить и въ звонкій фрикативный задне-небный звукъ *γ*. Отсюда слѣдуетъ, что звукъ *γ* нашихъ говоровъ является въ чередованіи со звукомъ *ў*, т. е. является вмѣсто *ў* (*в*) твердаго во всѣхъ случаяхъ, гдѣ выше мы видѣли на примѣрахъ *ў*=*в*. Этотъ звукъ *γ* *передъ согласными глухими* переходитъ въ соотвѣтствующій глухой-же звукъ *х*, который въ такихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ глухому звуку *ф* другихъ говоровъ, звуку *ф*, получившемуся по ассимиляціи или въ концѣ слова при паузѣ изъ звука *в*. Слѣдовательно, звуки *γ*, *х* вмѣсто *в*, *ф* мы имѣемъ въ нашихъ говорахъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ словъ передъ гласнымъ или согласнымъ. Однако надо замѣтить, что этотъ звукъ *γ* (*х*) вовсе не обязателенъ въ нашихъ говорахъ *въ каждомъ* случаѣ: мы видимъ рядомъ съ этимъ звукомъ *γ* (*х*) и звукъ *ў* (*в*) и *ф*. Вотъ данныя изъ нашихъ говоровъ: *γ* Масквѣ ана́ жыје̂т-та — *Катово* Тум. вол; а у

---

[1]) О переходѣ звука *ф не изъ в* въ звукъ *х* и наоборотъ мы будемъ говорить *особо* ниже.

на́с сё удво́я улу́бя бу́дит, фсѣ́ умѣ́сти жывём—1 л. мн ч.— *Рогачево*—ib.; у мисаѣ́т прасва́тӑл—*Горы*—ib.; у бӑ́ни сиди́т—*Зубово* ib.; у Масквѣ́—*Расторгуево* ib.; у ни́х дѣ́ўка-жа ўць́тца у Варо́ньжы—*Зубово*; ади́н х по́ли ня во́ин—*Семеино* ib.: х Тў́ми до́хтур (=въ Тумѣ)—ib.; ну, бат, ӑтняси́ х ку́хню—ib.; пашо́л у рабо́ту и по́мяр—ib.; у мисаѣ́т скӑрапи́ли—*Го́ры*; х цэ́рькӑф вяясу́т, х цэ́ркви-ти во́пют—*Катово*; у бало́та! (въ смыслѣ: „къ черту"! Это былъ отвѣтъ на вопросъ: „куда же онъ деньги дѣлъ"?)—ib.; у бало́ти—ib.; у де́нь пе́ть аршы́н вы́ткиш—2 л. ед. ч. ib.; у вицару́-та лу́цци (=лучше)—*Бычково*, ib; ушли́ у Маскву́—*Снохино*, ib.; у Масквѣ́—*Кабаново*, ib.; у бальни́цы—предл. пад. ед. ч.—*Шаранина*; у во́ду в ло́жыцку 15 ка́пляф—ib.; „то́ли в дьякӑ́нах был, а ни х папа́х"!—ib; х Пали́ш'ш'и уѣ́хӑл (=въ Полищи—деревня)—ib.; х пяца́х, х пяцэ́-та (предл. п. ед. ч.), када́ х пе́ц стано́ўим—1 л. мн. ч., у вадѣ́ па́рю—ib; увицару́ леⁱтѣ́ла сама́—*Горы*; умѣ́с'ти—ib.; в jeⁱравóя х по́ля кладу́т—*Агьево*; ни паки́ньтя миня́ х цужы́х людя́х—*Давыдово;* в ра́зныjи х ка́тки (ка́дки) кладём 1 л. мн. ч.—*Акулово*; у ма́сла пало́жым—1 л. мн. ч.—*Расторгуево*; (у) уро́п пало́жаш—2 л. ед. ч.—ib.; х по́ли—ib.; у Ба́рьснѝви, х Цы́рькасо́ви (=въ Ба́рсневѣ, въ Черкасо́вѣ), х Ту́ми, у де́нь вы́тку—1 л ед. ч.—ib.; мы х Ту́му но́сим буравы́, удо́ль, убаку́ (=вдоль, вбоку́) *Амляшово*, *Аносово*; ряка́ х правѣ́ⁱ—*Жалудково*; с Быцко́ва вы убо́к, х Ту́мьским лясу́—ib.; „у бӑ́уацэ́ям на́шым х крыльцо́ ступа́йтя"!—*Зубово* (=къ богате́ямъ нашимъ: въ этомъ селѣ живетъ одна богатая мѣщанка, къ которой насъ и направляли бабы, чтобы тамъ отдохнуть и закусить намъ); вон увярху́—ib.; мы фсѣ́ х по́ньках хо́дᶻим (=въ понёвахъ)—ib.; ка́к э́та у тя́ х Каси́мъвп?—*Бычково*; х по́ли рабо́тая—3 л. ед. ч.—*Чуфилово*; у Маскву́, у ла́ўку (=въ ла́вку)—ib.; а я удава́я, „анна́ у Мама́сᵚьви, друуа́я х то́м, у Рама́нъви" (=одна въ Мамасевѣ, другая въ томъ... въ Романовѣ, т. е. дочери выданы въ эти села)—*Чуфилово*; и́х уш уане́ли к наца́льнику, у управле́ньи-ти—ib.; хпеⁱрёт (=впередъ)—ib.; х паля́х зе́мли-ти маjи́, я х Каси́мъви сро́ду ни была́—*Логино*; х са́мую Тро́йцу, была́ (х) Хатько́ви (=Хотьковъ монастырь), сама́-та х ша́пьки, мы у люцко́й (=въ людской) нӑ́цава́ли—ib.; ф цаво́ нибу́ть увядёш!—2 л. ед. ч. (=введёшь)—*Бычково*; у бальни́цы была́—*Меркулово*; х палку́

в ӑлякса́ндрафскӑм—ib.; у дире́вьни—ib.; „и у бальшы́я бе́рда прӑпускӑи́м“ —1 л. мн. ч.—*Андроново*; умѣ́с'ти, у бѣ́линькай руба́шки—ib.; сто два́тцӑть снапо́ў х паса́ди—*Праватарово;* у два́ ряда́ сажа́им—1 л. мн. ч.,—пря́ма у мяшки́, умѣ́с'ти, х пе́цку, ф са́нную у рабо́ту, х травѣ́-та?, у jе́мьки (=въ я́мки), у вяли́кую субо́ту; х по́ст-ӑт мнѣ́ *не́льзи—Анисово* (срв. др. рус. нѣсть льзѣ, нѣльзѣ, не бѣ льзѣ....); хто́рьник—ib.; х Пара́хи́ни-ти?—*Малышкино*; ў харо́мы, х харо́мку—*Парахино*; х по́ньках—ib.; х по́ли - *Фомино*; „х цэ́рькви, а то у ба́ни с^ше жыта́“—ib.; х кало́де^iс^шѣ^i—ib.; х пе^iньки́ (=въ пеньки́), на прибáхку падд^зе́хку—ib.; „х тялѣ́ги-ли х саня́х“—ib.; игра́ла х пиру́шки—ib.; х па́нидѣ́льник ушо́л—*Астахово*; у Вязо́ўку ушо́л—ib.; х катла́х-та ни варя́т но́ньца—*Парахино*; х пя́тьницу́о—ib.; у бо́к суды́ вот на луга́—*Белькова*; х Ту́му—ibidem; „у бау́атай до́м! удѣ́ яво́ бау́атай вазьме́ш“?——*Акулово* Китов. вол.; ўуаржы́ рябя́ты ня хо́дють—*Шостья* (=ув аржы́, уво ржы́, у аржы́); „прайде́ть (не ё, а е́) де́нь Тро́йцын и тады́ у ве́цыру“—дер. *Китово*. Кромѣ этого, мнѣ встрѣтились такія произношенія: „х к'абѣ́дьни ба́тьшка ушо́л“—*Расторгуево*; это произношеніе, кажется, появилось вслѣдствіе ложно понятаго произношенія „к абѣ́дьнѣ“, какъ будто бы отъ именит. падежа „кабѣ́дьня“. Впрочемъ, возможно и фонетическое происхожденіе такого произношенія. Далѣе, одинъ разъ я слышалъ такую фразу: „о́къл Ива́па По́снӑва *у вилки́* зӑвива́ютцы“ —*Акулово*; но я рѣшить не могъ, что̀ значитъ „у вилки́“, какой это падежъ и число: есть-ли это—„въ вилки́“ завиваются, т. е. кочаны капусты, про которую шла рѣчь; или это *именит.* падежъ множ. числа = „вилки́“? Во всякомъ случаѣ самъ я *нигдѣ* въ этой мѣстности не слыхалъ произношенія начальнаго *в* какъ *ув*, т. е. *не слыхалъ*: увядро́ вм. вядро́, увило́к вм. вило́к и т. п., но мнѣ сообщалъ про такое произношеніе тамошній уроженецъ А. И. Смирновъ (срв. мое соч.: „Къ діалектологіи“.... Стр. 53), увѣряя, что оно существуетъ, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ я былъ, такое произношеніе не могло быть доказано народной рѣчью. Впрочемъ, я долженъ здѣсь вспомнить произношенія села *Праватарова* близъ *Тумы*; я приводилъ уже раньше эти произношенія по другому поводу: мнѣ слышался звукъ *слитный* изъ неслогового *ў* и *у*, но я не могъ уловить, *въ какомъ порядкѣ* эти звуки слѣдовали одинъ за другимъ; въ моихъ

матеріалахъ оказалась запись—одинъ разъ такъ: Праўγатápава, дурáўγа (ягода), а другой разъ такъ: Праγуатáрага, дурáγуа. Какъ бы то ни было, но самый этотъ слитный звукъ γу или уγ въ устахъ народа имѣетъ для исторіи звуковъ русскаго языка особенную важность, какъ мы это увидимъ во 2-ой и 3-ей части нашего труда, когда мы представимъ сравнительное обозрѣніе великорусскихъ говоровъ, близкихъ къ нашимъ, и займемся опредѣленіемъ тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ общерусскій типъ языка видоизмѣнился въ отдѣльные говоры, въ частности въ говоръ Касимовскій. Въ 3-ей части этого труда я постараюсь указать на тѣ фонетическіе законы, которыми было обусловлено видоизмѣненіе общерусскаго языка въ направленіи къ современному Касимовскому говору.

Переходъ мягкаго в въ j. Звукъ *в*, находясь въ положеніи передъ мягкимъ гласнымъ или согласнымъ, т. е. будучи самъ мягкимъ звукомъ, переходитъ во многихъ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣзда въ звукъ *j*, независимо отъ того, будетъ-ли такой мягкій звукъ *в* въ начальномъ, серединномъ или конечномъ слогѣ слова, будетъ-ли онъ стоять въ ударяемомъ слогѣ, или въ неударяемомъ. Если это *в* стоитъ передъ мягкимъ *глухимъ* (отзвучнымъ) согласнымъ, то оно, по общему закону ассимиляціи, само переходитъ въ глухой (отзвучный) мягкій звукъ *ф*, которое, въ свою очередь, въ тѣхъ же нашихъ говорахъ переходитъ и въ этомъ случаѣ въ *j*. Вѣрнѣе сказать, въ нашихъ говорахъ звукъ *j* въ означенномъ положеніи стоитъ въ соотвѣтствіи со звукомъ мягкимъ *ф* другихъ великорусскихъ говоровъ, находящимся въ такомъ-же положеніи. Такъ какъ звукъ *j* есть звукъ не глухой (отзвучный), а звучный, то, кажется, незачѣмъ предполагать для нашихъ говоровъ сперва переходъ мягкаго *в* въ мягкій *ф*, а потомъ—переходъ этого мягкаго *ф* въ звукъ *j*. Вѣроятно, звукъ *в* мягкій переходитъ *непосредственно* въ звукъ *j* и въ положеніи такого звука *в* передъ отзвучной (глухой) согласной, и въ положеніи его передъ звучной согласной. (См. ниже). Въ такомъ переходѣ мягкаго *в* въ *j* мы, кажется, имѣемъ дѣло съ явленіемъ, аналогичнымъ выше разсмотрѣнному явленію перехода твердаго *в* въ неслоговое *ў*. Вотъ примѣры такого перехода въ нашихъ говорахъ: жыjётъ—3 л. ед. ч. (=живетъ)—с. *Ижевское* Спас. у.; зγатójитъ = сготовитъ – 3 л. ед. ч.— *Ерах-*

туръ Касим. у.; ў Растójи жылá (=въ Ростовѣ)—*Пармушадь*; „деⁱшэй“ купи́ть придéтца“—*Китово* (деⁱшэй=дешевле чрезъ *дешеве—дешеjе—дешеj); можетъ быть, въ русскомъ языкѣ, въ извѣстной его части. слѣдуетъ предположить смягченіе губныхъ звуковъ безъ измѣненія слѣдующаго за ними *j* въ *л*? По крайней мѣрѣ. формы: *земь. рупь*, *корапь* и др. извѣстны почти всѣмъ говорамъ русскаго языка. Далѣе: дѣ́jки—*Ижевское*, *Ерахтуръ*, *Пармушадь*. *Шостья*, *Зубово*, *Семеино*, *Агѣево* (въ пѣснѣ), *Бычково*; свякрój—им. п. ед. ч.—*Акулово* Китов. волости; анá мая́ свякрój—*Ветчаны* (*Истомино*); свякрójи—род. п. ед. ч.—*Зубово*, *Семеино*, *Катово*, *Агѣево* (въ пѣснѣ); „зá вӑлăсы свякрój та“?—*Чуфилово*, *Меркулово*, *Ахматово*; срв. „свякрóхь-та“ —*Парахино*, маркóхь—*Парахино*, дѣ́фьки—*Катово* (также); *ү* Масквѣ́ анá жыjéт—3 л. ед. ч.—*Катово*; „на лájки“ (=на лáвкѣ)—*Катово*; „я нады́сь на склянку нъпарóлăсь: крój-та би́ла“! *Бычково*; Любójя—Любóвья. Любóвь (соб имя)—*Шаранина*; с вянкáми идýт па у́лийцы дѣ́фьки“—*Агѣево*; срв. выше: дѣ́jки (въ пѣснѣ)—*Агѣево*; „иной *ү*óт и вójся анá прӑпада́я“—3 л. ед. ч.—*Акулово* (вójся=вовсе); паду́шыцка пăд *ү*алójки (=*ү*алóфьки—голóвки)—*Расторгуево*; „дájца бáила“—*Катово*, *Бычково* (дájца=дáвеча); дѣ́jица—ib. (=дѣвица); „нáда упрájить“ (=управить)—*Расторгуево*; дéjить цылаэ́к—*Бычково* (дéjить=девять); пăлайдёш к лájки ти—*Бычково*; срв. „ані́ *ү*ьют прутí“—*Аносово* (*ү*ьют=вьют, вьютъ. Срв выше: *в*=*ү*); быцкój͡ськая=бычкóвская (изъ бычковьская)—*Бычково*; „а вы́путь—и вójсеᵃ ш'чялá бýдит“—ib. (ш'чялá=щéль); „а тýт мѣ́ста *ү*óрьня: трájки нѣ́туть“—*Симоново* (*ү*óрьня=гóрнее, высокое; трájки=трáфьки—трáвки); с маркójю—*Праватарово* (=съ моркóвью). Изъ этихъ примѣровъ видно, что и *конечное мягкое в* переходитъ въ *j* (можетъ быть—i̯?) подобно тому, какъ *конечное твердое в* переходитъ въ *ў* неслоговое.

Переходъ звука в передъ н въ м. Въ нашихъ говорахъ часто (но не всегда) звукъ *в* передъ *н* переходитъ въ звукъ *м*, тогда какъ звукъ *м* передъ *н* переходитъ въ звукъ *в*: „нядáмна нă абѣ́дьню блáстили: врят ăтайти́ть“!, дамнó—*Киструсъ* Спас. у.; рамнó—*Ижевское* ib.; „анá неⁱ маүлá па рóмнѣⁱ дайти́ть“—д. *Воскресенское* ib.; ăбдавѣ́ла-та дамнó—*Ерахтуръ* Касим. у.; гувнó, „ăт гувнá бли́ска“—*Шпилёво*,

Ломъ; цо́ дамно́? — *Чарусъ*; спо́вни (= вспо́мни) — *Ивановское*; я́ бы по́внила — *Ветчаны*; я ня по́вню — *Зубово, Семеино, Горы*; нядáмна — *Катово*; мну́к — *Кабаново*; мпу́цки, дамно́ — *Шаранина*; „ф Кало́вни (= въ Коломнѣ) дѣ́ти на стáранѣ“ — *Агѣево*; ня по́вню — 1 л. ед. ч. — ib; дамно́ — *Расторгуево*; бўду по́ўнить — *Бычково* (= по́внить — по́мнить); ня по́вню — 1 л. ед. ч. — ib.; нядáмна — *Меркулово*; в нáшых в гу́внах — *Андроново, Фомино, Парахино*; самá ня по́вню — 1 л. ед. ч. — *Праватарово*; фсѣ́ рамны́ — *Алексѣево*. Иногда неслоговое *ў* изъ *в* передъ *н* въ такихъ словахъ выпадаетъ: „нéльзя́ *по́нить*-та“! — *Бѣльково* (= по́внить — по́ўнить...). Замѣчательно, что въ приведенныхъ примѣрахъ мы встрѣчаемся съ твердымъ звукомъ *в* одинаково и передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ или слогомъ, и передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ или слогомъ (срв.: гувно́ — гу́внах и по́вню, спо́вни). Очевидно, что звукъ *в* въ этихъ случаяхъ, не становясь мягкимъ въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ, а оставаясь твердымъ, указываетъ на то, что и звукъ *м*, замѣщенный звукомъ *в*, сохранялъ свою твердость, т. е. не становился мягкимъ передъ слѣдующимъ звукомъ *н*, хотя бы и мягкимъ.

Это-же явленіе извѣстно и въ говорѣ Курской губерніи (*Даль*. О нарѣчіяхъ. LXIV: дамно, ромно, недамно), и въ млр. говорѣ Волынской губерніи (*Соболевскій*, Жив. Стар. 1892. IV. 22. рімний).

Одинъ разъ мнѣ пришлось слышать переходъ звука *в* въ *м* передъ гласнымъ *и* въ словѣ „Дéрьмизу“ вм. „Дéрвизу“ (фамилія: фонъ-Дервизъ): „г Дéрьмизу пирявóзим с Сталбéц“ — с. *Стариково* Спас. уѣзда („Столбцы“ — деревня Пронскаго уѣзда).

Звукъ *в* переходитъ въ *б* въ словѣ: абдавѣ́ла вм. овдовѣла — *Ерахтуръ, Уланова Гора, Гусевской Погостъ* Касим. у., можетъ быть, вслѣдствіе какой-либо ложной аналогіи съ префиксомъ-предлогомъ *об*: — обдать, обдарить, обдѣлать и т. п.

Одинъ разъ также я слышалъ въ с. *Ерахтуръ* звукъ *в* вмѣсто *р* въ словѣ: шававáры вм. шаравáры: шáвавáры даём — 1 л. мн. ч. — *Ерахтуръ*.

Наконецъ займемся случаями *отпаденія, выпаденія, приставки* и *вставки* звука *в*. Эти случаи въ нашихъ говорахъ

чрезвычайно многочисленны и интересны, въ особенности случаи *выпаденія* звука *в*, такъ какъ они собой и въ этомъ отношеніи освѣщаютъ вопросъ о происхожденіи окончанія—*во* въ мѣстоименныхъ формахъ род. пад. ед. числа. Выше мы видѣли, что этотъ звукъ *в* въ родит. падежѣ могъ появиться *только изъ у*, такъ какъ только эти звуки чередуются, въ свою очередь, звукъ *в* могъ легко выпадать, какъ и неслоговое *ў*.

Отпаденіе звука в: си (изъ—ўси́) зпа́ютъ—*Ижевское* Спас. у.; зя́ли (изъ—ўзя́ли)—*Выжлисъ* ib.; бе́рда ся́кая је́сць—*Ерахтуръ* Касим. у. (изъ—ўся́кая); ба́бы си́ хо́дють—ib.; эта сама́ сабо́й се́тъки—ib. *Нармушадь*; „рӑспява́е'ть-та? ся́ки ра́зны слава́“—ib.; сица́с сё бу́де'ть—*Нармушадь*; ся́к ў сваё мѣ́ста—ib.; сѣ́ ра́зныя, каро́ў сяво́ дьвѣ́—*Ерахтуръ*; зо́ры (=взо́ры изъ ўзо́ры)—ib.; сю́ на нём изарра́ла—ib.; ся́ жыва́я была́—*Шостья*; праса́ зашли́ (изъ ўзошли́)—*Куземкино*; о́зьлѣ' изъ ўо́злѣ)—*Шостья*; звѣ́сим—1 л. мн ч.—ib (=взвѣ́симъ); сё па ма́лӑсци!—ib; сѣ́ крӑсна́—ib; на́ от таѣ́!—ib.; до цэра́шпява дня́—ib.; сѣ́х абнима́ть не'вѣ́ста уста́пить—ib.; сѣ́м се́рьцӑм—ib; сю не'дѣ́лю—ib; ся́кія сала́ски—ib.; ся́ка̄ бье́ть (=вся́ко, всячески), сѣ́ пьють, сё се'ле́ння (=все селенье: замѣчательный случай перехода *нј* въ *нн*. См. ниже)—ib; сё (=всё)—*Уланова Гора*; спо́мни (=вспомни), звӑлнава́лась (=взволновалась, въ пѣснѣ)—ib; зо́ры (см. выше, въ пѣснѣ)—*Дмитріево*; прати́ Ку́рмана (=противъ, изъ про́тиў; срв. выше дало́, дамо́ изъ дало́ў, дамо́ў)—*Забѣлино*; се́тъки слу́шаеш—2 л. ед. ч.—*Бѣльково*; „дӑ ана́ сё плаха́я про́са“—*Китово*; „у као́ је́сь, нао́с о́зим“—*Китово* (=наво́зъ во́зимъ—1 л. мн. ч.); и ся́! (=и вся́!)—с. *Китово*; праса́ сѣ́ пъжылтѣ́ли—*Урядино*; „ҫё се́тъки палу́тши-ти“!—*Чарусъ*; „спо́вни сваи́ зо́ры“—*Ивановское* Ветчан. вол. (=„вспомни свои взоры“); сё пла́цу—1 л. ед. ч.—*Ветчаны*; сѣ́ ра́зныји зага́дъвают—ib.; блява́ть с^ш^ё тсе́нит—3 л. ед. ч—ib.; „ка́гжа, атто́да сё справля́ла“—*Рогачево*; ани́ сираты́ сѣ у на́с—ib.; па сѣ́м стӑрана́м хо́дют—*Горы*; „на сѣ́ я цаты́ря ууо́лушка“ (причеть. См. Приложенія).—*Катово*; пра сваю сю забо́тушку—ib.; сё студяно́—*Шарапина*; сяло́-та Хро́лик сё заве́м—1 л. мн. ч.—ib.; по́слѣ' здви́жѣ́пья—*Акулово* (Срв. московск. „Здви́жѣ́пка“—улица); зира́л (=взира́л; въ пѣснѣ)—*Бычково*; ся́кай—ib.; с^ш^ѣ́ ико́ны—*Праватарово*; „римянна́я бра́жнай пра́зьник“—*Парахино* (=временпая Пятница) и друг.

Выпаденіе звука в. Каó, цаó, кó, цó, яó—*Ерахтуръ*; с няó—ib., *Шостья*, *Гус. Погостъ*, *Бѣльково*, *Урядино*, *Китово*, *Уланова Гора*, *Дмитріево*, *Забѣлино*, *Чарусъ*, *Ветчаны*, *Ивановское*, *Борисково*, *Андроново*, *Малахово*, *Зубово*, *Семеино*, *Катово*, *Снохино*, *Шаранина*, *Бычково*, *Парахино*, *Ахматово*, *Алексѣево*, *Ламакино*; зáтряшпя'ва дьня́—*Ерахтуръ*; „хуть и зáтря ня прйнясу"—1 л. ед. ч.—*Шаранина*; заóт Кацкóва (=заводъ Качкова)—*Борки*; па заóди (=на заводѣ)—*Симоново* Тум. вол.; дѣушки, цы́лаэк—*Нармушадь*, *Ерахтуръ*, *Шостья*, *Шпилёво*, *Ломъ*, *Ламакино*; сйтцэу рубáшку—*Ерахтуръ*; за друγóа пашлá—*Куземкино*; без милóо—род. п. ед. ч. (въ пѣснѣ)—*Шостья*; заýть—3 л. мн. ч. (=зовутъ)—*Шостья*; галóушка—*Шостья*; сяó приóзють (=всего привозятъ)—ib.; хазя́ам—дат. п. мн. ч. (=хозя́вамъ, хозяевамъ)—г. *Касимовъ*; хтó јe знáт! (јe=јево, јео, јо, јe, јі)—*Касимовъ*, *Уланова Гора*, *Дмитріево*, *Бѣльково*; хтó јі знáе'ть!—*Китово*; пабóйники (=повóйники)—*Уланова Гора*; дѣич"я (=дѣвица)—*Дмитріево*; у каó јесь, наóс óзим (см. выше)—*Китово*; „я жыý ня здѣсь"—*Ветчаны*; Милянкóскъва (=Меленковскаго)—*Брѣево*; Лóмăски (=Лóмовскіе)—*Ломъ*; „он с"éкăр миня́ бил"—*Ветчаны*; γаспóть приóдит х каньцý (=приводитъ)—*Семеино*; „фсяó мы бис тея́ навидáимси"! (Причеть. См. приложенія)—*Катово*; какаó! (=каковó!)—*Катово*; сăмаáр ни пъстанóвиш—2 л. ед. ч.—ib.; траóй мурабóю (причеть. См. ниже)—*Расторгуево*; „сицáс с Пятрóа ння́ нанимáтцы стáнут"—*Чуфилово*; „он и слóа ня бáит"—*Бычково*; анá налйóм стайт—*Андроново* (=налйвомъ—твор. п. ед. ч.); пътряóжы́ли—*Праватарово*; у нáс какóй наóс (=навозъ)!—*Парахино*; дóма жыýт—ib.; с адны́м жыý—1 л. ед. ч.—*Фомино*; кáк јо пйть? (јо=её. См. выше)—*Фомино*; биз наóзу-ту?—ib.; на заóт (=на заводъ)—*Астахово*; фс"яó бывáя—3 л. ед. ч.—*Ахматово*; „у няó кстйны были"—*Алексѣево*; дѣушка—*Ламакино*. Изъ этихъ примѣровъ чаще всего встрѣчаются родительные падежи единственнаго числа мѣстоименій: каó, чяó, цаó, яó, фсяó, таó, а также сокращенныя формы: кó, чё, цó, јó; эти формы встрѣчаются почти повсемѣстно. Далѣе, мы здѣсь видѣли формы родительнаго падежа: друγóа, милóо [1]); наконецъ,

[1]) *Ягичъ* (Критич. Замѣтки. Стр. 130—131) недовѣрчиво относится къ объясненію *Соболевскаго* окончанія—*во* изъ *γо*, потому только, что не засви-

произношенія „зáтря“, „зáтряшній“ (*Шаранина*, *Ерахтуръ*) показываютъ, какъ нельзя болѣе ясно, что въ нихъ выпущено собственно неслоговое *ў*, а не *в*, такъ что мы можемъ вообще предположить, что основаніемъ для выпущенія звука *в*, а отсюда также и отпаденія этого звука, послужило произношеніе этого звука, какъ неслогового *ў* въ древнѣйшую пору. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ изъ нашихъ говоровъ мы видѣли, большею частью, выпаденіе звука *в передъ твердымъ гласнымъ*, но встрѣчались случаи выпаденія *в* и *передъ мягкимъ*: дѣич"я, с"ѐкăр, цы̆лаэ́к. Можетъ быть, въ этихъ примѣрахъ звукъ *в* не выпалъ, а превратился въ неслоговое į (j), но только я не разслышалъ хорошо этотъ слабый звукъ, или онъ, дѣйствительно, не слышится болѣе въ такихъ словахъ. Замѣтимъ еще произношеніе: прамóлус"я—1 л. ед. ч. = промóлвлюсь—*Ветчаны*.

Вставка и приставка звука в. Суравѣ́шки (=сыроѣжки)—*Борки* Касим. у.; у ватцá дья́кăна—*Ерахтуръ*; у вакúма (=у Акúма)—ib.; адявáла (=одѣяло)—*Антоново*; атéц Леіванúт—*Селище* (=Леонидъ); у вадны́х старýшкăф (=у однѣхъ старушекъ)—*Уланова Гора*; вавздѣ́нут—3 л. мн. ч.—*Ивановское* (=вздѣнутъ); Ванúсово—*Анисово*.

Почти всѣ явленія въ области звука *в*, подобныя только что описаннымъ явленіямъ изъ нашихъ говоровъ, т. е. явленія выпущенія и вставки, приставки и отпаденія звука *в*, восходятъ къ глубокой древности и могутъ быть находимы въ памятникахъ письменности даже XI вѣка, такъ что мы навѣрное можемъ сказать, что эти явленія основаны на доисторической близости звуковъ *в* и *ў*, а ко времени исторической жизни русскаго языка неслоговое *ў* діалектически стало все чаще и чаще пе-

---

дѣтельствована форма *доброо*. Изслѣдованіе живыхъ русскихъ говоровъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что другого объясненія и быть не можетъ: происхожденіе—*во* изъ—*γо* дѣлается несомнѣннымъ фактомъ. Наши говоры Касимовскаго уѣзда даже даютъ намъ желанныя формы: друγóа, милóо (с. Шостья), кромѣ указанія на чередованіе звуковъ *в* и γ. И въ этомъ отношеніи вновь обнаруживается архаичность нашихъ говоровъ. Само собой разумѣется, что и вятскія: *повост, воспоdь, восударыня* и др. указываютъ на звукъ γ. Съ другой стороны, я самъ слышалъ произношеніе *оспóт*, *осподá* отъ крестьянъ Казанской и Вятской губ. Срв. у *Ягича*. ib. 131.

реходить въ звукъ *в*. Слѣдовательно, явленіе выпаденія звука *в* въ историческую эпоху жизни русскаго языка можно разсматривать, какъ результатъ произношенія неслогового *ў* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы теперь уже нерѣдко имѣемъ ясное *в* въ литературномъ нарѣчіи, и гдѣ въ языкѣ народа находимъ до сихъ поръ или неслоговое *ў*, или отсутствіе звука въ этомъ мѣстѣ, т. е.—выпаденіе звука *в* (*ў*). Такъ, литературное живу́, звуча въ народномъ говорѣ—жыу́, показываетъ, что въ этомъ словѣ было произношеніе жыў́у́ (жиўу́), откуда нынѣшнее діалектическое—жыу́; при формѣ 1 лица ед. ч. жиўу́ форма 2-го лица ед. ч. была жиjе́шь (жиjе́шь), откуда далѣе: жыjе́ш и проч.

Приведемъ наиболѣе интересныя данныя изъ памятниковъ др. р. письменности для сопоставленія. Въ Лавр. спискѣ лѣтописи мы находимъ: ожиоуть—л. 6. 8. ноoу—л. 11. фаравонѣ—л. 11. л. 12. Мараоу—л. 17. Семевонъ—л. 19. Ефивопья—л. 2. вустье—л. 6. по оустаоу—л. 24. въ вустьѣ—л. 25. протиоу—л. 39. (здѣсь, можетъ быть, слѣдуетъ читать: *протиў*, откуда *проти*—см. выше въ нашихъ говорахъ—с. *Забѣлино* Касим. у.); в вутробѣ—л. 68. въ вадъ—л. 50. Семевона—л. 61. Заоулона—л. 61. въ Вифлевомѣ—л. 69. Елевоньскую—л. 70. Гедивонъ—л. 71. Если мы эти примѣры присоединимъ къ тѣмъ, которые выше были выписаны изъ Лавр. списка для доказательства того, что въ говорѣ той мѣстности, гдѣ былъ написанъ этотъ списокъ лѣтописи, извѣстно чередованіе звуковъ *в* и *у*, то мы получимъ образецъ древнерусскаго говора, сходнаго съ нашими говорами Касимовскаго уѣзда въ данномъ отношеніи. Въ Ипатьевск. спискѣ мы имѣемъ: за вужа—л. 131. столб. 2. в вѡзеро—л. 6. ст. 1. тивунѣ—л 157. ст. 1. Говоръ этой мѣстности отличается особенно частымъ употребленіемъ *у* вмѣсто *в* и наоборотъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, въ XIV вѣкѣ здѣсь, надо думать, еще произносили *в* какъ неслоговое *ў*: Усеволодь—л. 145. ст. 1. бѣ во Всеволода—л. 145. ст. 2. милостивъ на вбогиꙗ—л. 145. ст. 2. оу Смоленьскѣ—л. 146. ст 1. оунезапу—л. 147. ст. 1. едва втече—л. 147. ст. 1. пребываꙗ оу любви, оу бзи пребываеть—л. 148. 1. оу Ѩрополка мѣсто—149. 2. ни ѡко не види ни вхо слыша—151. 1. оу се же лѣто—в се же лѣто—151. 1. въкраси городъ зданьи црквными—152. 1. оукрасивь

ю всѧкою красотою—152. 1. вътрудивсѧ—152. 2. волъхвъ ꙗвисѧ оу Ростовѣ—155. 2. оу Полотьскѣ—155. 2. оу си же веремена—156. 1. положенъ бысть оу гробѣ—156. 2. оуздержасѧ ѿ пьꙗньства—156. 2. оу Киевѣ—158 1. мало певтону самъ—159. 2. не бѣ лзѣ оукрастисѧ в городь—160. 1. прѣложю праздникы ваша оу плачь и пѣсни ваша в рыданье—161. 1. оу алъчбѣ и в жажѣ—163. 1. бъ оузлюбилъ есть—163. 1. поидоша оу своꙗси—173. 2. оу русьскои земли—177. 1. в русьскои землѣ—177. 1. оуверьглъ еси ножь—177. 1. оуда (=вда)—180. 2 вдаренъ (бысть)—184. 1. въмре—184. 2. оу нѣмъ же и въмре—184 2. внѣмже и вомре—186 1. оуноукъ—188. 1. половци вжасошасѧ ѿ страха—191. 2. вчиниша—192. 2. Эти примѣры говорятъ сами за себя: въ нихъ обнаруживается то, что писецъ затруднялся письменной передачей своего родного звука *в*, который, какъ видно изъ начертаній, произносился имъ, какъ неслоговое *ў*. Послѣдній переписчикъ этого памятника принадлежалъ или по своему говору къ другой мѣстности, или къ лицамъ, знакомымъ съ тогдашней книжной орѳографіей гораздо лучше, чѣмъ его предшественникъ: это мы можемъ видѣть изъ того, что почти всѣ слова, начинающіяся звукомъ *у* въ литературномъ нарѣчіи, написаны чрезъ букву *в* вмѣсто *у*, но это *в* переправлено на *у*: напр.. было написано въбилъ еси—171. 1, а поправлено такъ, что *в* передѣлано въ *у*, *ъ*-же остался: уъбилъ еси—171. 1. и друг. Срв убоꙗсѧ—172. 2., которое передѣлано изъ вбоꙗсѧ—172. 2. Въ различныхъ юридическихъ актахъ мы тоже встрѣчаемся съ явленіемъ фонетической вставки или приставки звука *в*: Левонтіемъ—АЮ. № 2. 1483 г. Левонтей—АЮ. № 9. 1503 г. тотъ езъ вобчей—АЮ № 14. 1510 г. (Срв. въ № 16. 1518 г. обинити вм. обвинити; въ № 19. 1532 г. обинилъ). Ларивонова сына—АЮ. № 20. 1534 г. съ сосны на волху, съ волхи на мохъ—ibid. Родивоновъ—№ 22. 1547 г. Левонтей—№ 24. 1584 г. передъ завтреньею—№ 27. I. 1613 г. (Срв. выше: *затря* и проч. въ нашихъ говорахъ). Михайло Ларивоновъ—ib. II. въ свое мѣсто и старца Леванида—№ 64. II. 1661 г. (подписи) (срв. выше: „атéц Ле̇ванит" нашихъ говоровъ—*Селище* Касим. у.; срв. АЮ. № 68. 1666 г.—нѣсколько разъ). у Вонъчифора у Вонъдроникова—

АЮ. № 71. III (XIV—XV в.). у Ларивона—ib. V. Родивонъ—ib. XIV. Левонтія—ib. XV. наволокъ Левушиньской—ib. XVI. (Срв. XVII. XIX (тѣ-же собств. имена); XXII. № 83. 1550 г. № 84. 1567 г. (подписи)). тыпъ вострой—№ 91. 1579 г. Орѳоломею, Левонтей—№ 409. VI. (XIV—XV в.). Родивонка, Левокъ, Левонтей—№№ 411 (1473 г.) и 412 (1482 г.) и мн. друг. Сравни выше, въ отдѣлѣ *в* = *ў*. Для сравненія съ данными новгородскаго и двинскаго говоровъ приводимъ данныя изъ Смоленской Лѣтописи Авраамки 1495 г.: Левонтѣй—стр. 45. Онцифоръ—74. Ончифоръ—74. срв. 119. у Вольгерда—87. См. стр. 88. прим. 8 (въ изданіи этой лѣтописи); заутра—112. назаутріа—95. наутріа—106. и: назавьтрѣе—106. Подобные примѣры мы видимъ и въ Псковской 2-ой лѣтописи: Максима Ларивоновича - П. С. Р. Л. V. 35. 37. 44. Левонтей—45. 26. Родивоновича—28. Сравни въ Олонец. говорѣ: Левонтей—*Гильфердингъ*. Он. был. 24. 46. Въ Архáнг. говорѣ—Левонтьевицъ—*Истоминъ*. Пѣсни. 98. Такимъ-же произношеніемъ древне-русскаго *в*, я думаю, надо объяснять и выпущеніе *в* въ словахъ: Запсколяне—П. С. Р. Л. V 42. А приставовъ ти не присталивати—Догов. Грам. Новгорода съ Тверью 1270 г.—Собр. Госуд. Грам. и Догов. I. № 3.

Переходимъ къ звуку ф въ нашихъ говорахъ. Звукъ ф переходитъ въ х и *хв*: „хтó изнóсить панéву (не *ё* Срв. др. р. понѣва и понѧва), сăрахáн ткéш“ (не *ё*; срв. казан. лаиш. тŏчё́ш, тŏчё́м.... и др. р. тъчеть—Слово Ипол. объ Антихристѣ по Чуд. сп. XII в. Новоструевъ. 11), Сахóнцăф (фамилія), Трахи́м - *Ижевское* Спас. у.; но: Тимахфéй Прýскăй—ibid.; грахфи́ня—*Ерахтуръ* Касим. у.; каньхфéтка—ib.; Хé-дăр Хéдăрыц—ib ; за хýнт пря́жы—ib.; хéршăл, Хéдăр—*Борки*; хéрьшăла—род. п. ед. ч.—*Ерахтуръ*; бяс хáбрик—*Нармушадь*; ў саръханáх—*Шостья*; хáртук, хýнтаў, Хрóлаўа дня́—ibid.; у Три́хăна—*Ярыгино*; хóбрика—*Гусевской Заводъ* (причисляется въ административномъ отношеніи къ Влад. губ. Меленков. уѣзду); па стáрăму хами́лію—*Бѣльково*; Три́хăнаф, Тимахéй—*Дубровка*, *Гиблица*; Хрóлăф дéнь стéлим—1 л. мн. ч. (accus. temporis)—*Китово*; Хéкла, Хéдăр—дер. *Китово*; у цълавáльника у Ăханáсья—*Урядино*; Хили́п штó-ля̄?—*Чарусъ*; катóрыји лю́ди хýнта два!—*Ивановское* (= нѣкоторые люди....); *ф* переходитъ не только въ *х*, но и въ *хв*, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: сърахвáнцыки—им. п

мн. ч.—*Ветчаны*; ху́нтик ib.; у Хвяко́ли—*Катово* (=у Ѳеко́лы); у Хве́дӑра—ib.; Ӑхвана́сія—*Катово*, *Логино*; хами́лія—*Логино*; Ма́рха-та на Кискантинъвѣа—*Рогачево*; Тимахве́й—ib.; на Цухи́лӑви (=въ Чуфи́ловѣ), Хама́—ib.; „Хаме́нтій, а уш яшчо́ пя зна́ю ка́к"—*Рогачево*; Хваде́й Кӑндра́тья̆ф—*Горы*; дѣвӑцка адна́ Хвяко́ла—ib.; Цухви́лъва (=Чуфилово)—*Чуфилово*; Ӑхвана́сія—*Семеино*; с Ахо́нских уо́р прине́с—*Семеино*; Мики́хӑр—*Бычково*; сар'ханы́—*Зубово*; сӑръхваны́—*Андроново*, *Малахово*; сӑраха́н—*Горы;* Ахре́м (*е* а не *ё*; Ефремъ)—ib.; ху́нт, „ху́нтика три и це́ним уо́дйка три́"! (=тянемъ—1 л. мн. ч. отъ гл. тяну́ть), „цаб ту́т?—хва́ртук! Саръхва́н тке́" 3 л. ед. ч.—*Катово*; Хвядо́сья—*Бычково*; ху́нта три пя хва́тя—*Снохино*; „у на́с сво́й—Хро́лик"—*Шаранина*; „мы́ на Хро́ули́ку"!—ib.; Хро́лаў де́нь—ib.; два ху́нта—ib.; Ӑурахве́на—*Акулово*; „ра́ньшы я жыла́ в Ухѣ"—*Расторгуево*; Цухви́лӑва—*Амляшово*; „Тимахве́й Цухви́лъськӑй вы́сшеілилси и жыве́т ту́т"—ib; „о́н у на́с хвартиру́я"—3 л. ед. ч.—*Зубово* (См. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 126. Имъ правильно предположена форма *хвартера*, откуда: *фатера*, хотя и не обозначено въ его „Лекціяхъ", предполагается-ли имъ произношеніе *хвартера*, или эта форма имъ гдѣ-либо найдена. Въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ эту форму: хвартиру́я—3 л. ед. ч., хотя здѣсь же (*Зубово*) слышимъ и: фӑртиру́нт—3 л. ед. ч.); сар'хана́ три́—*Катово*, *Бычково*; Ахи́мья, Хи́ма—*Бычково*; Хвядо́ра—ib.; стӑрышына́ Хваде́йкин—*Чуфилово*; до Хили́паўки—*Расторгуево*; сар'хва́нцык—ib.; Ахо́ня—*Бычково*; Хвяко́ла—ib.; хе́ршӑл по́мяр—*Меркулово*; „атца́ Ахвана́сья фсшя́ Цырькасо́сшька дзире́вьня"—*Меркулово*; пӑлшто́х вы́нут—3 л. мн. ч.—ib.; сӑрахӑнӑф—ib.; Хве́ня—*Бычково*; Хве́кълка—ib.; Хвӗкла—*Норино*; сӑраха́нцык, кӑнахве́тки вашы—*Андроново*; палшто́х—*Праватарово*; да Хро́лъва ння́—ib.; сӑр'хваны́—ib.; ха́брика тут—*Малышкино*; Хамину́о (=Фомино)—*Фомино*; „ступа́йтя з' Ага́хьjій"—*Парахино* (=за Агаѳьей); Еіхи́м, Храло́м звать—*Фомино*; ху́нт—*Залѣсье* (Парахин. вол.); Аста́хъва (=Астафьево, названіе деревни), Тимахве́ям, Ма́рхвай звать!—*Астахово*; Со́хьяй звать!—*Парахино*; сӑр'хваны́ тиле́рь фсё!—*Алексѣево*; Хвӗкла, Хвана́сій—*Ужыщево*; Митраха́н—*Бѣлясево*; атец Хе́дӑр, Хядо́сшья, Хвана́сій—*Акулово* Китов. вол.; за ху́нт—*Оськино*; Хве́дӑр—ibidem.

Ф (изъ в) переходитъ въ х: дваро́х го́рӑк—*Ярыгино* Касим. у.; па́ пе'ть дваро́х—*Бѣлькoво*; зубо́х-та нѣт—ib.; гадо́х сто, патсу́лнушкӑх—род п. мн. ч.—ib. (=подсо́лнушковъ); сӑмава́рах ти нѣт!—*Урядино*; ф Пакро́х яво́ снима́е'м—1 л. мн. ч.—*Китово;* из листко́х (вѣнки) -дер. *Китово*; малышо́х—вин. п. мн. ч.—мӑлышо́цкӑх, бӑрышо́х—вин.-род. п. мн. ч.—ib. Въ селѣ *Китовѣ*: бӑрышо́ў, мӑлышо́цкаў. „Скро́сь ма́нйнькпх вяно́цкӑх цълава́тца“—дер. *Китово*: „мацэ́ньцъми не' зӑнима́ютца: ве'рёхки вьют“—*Ивановское;* „кӑпапле́й-ти? мацэ́ньцы́х-ти“?—род п. мн. ч.—ib.; срв. х Ку́ршу хади́ла—ibid.; пайдём х по́ля; у́ вѣ'нкѣ-ти?—ib.; дьвѣ́ дѣ́хки—ib.; дѣ́хки—*Ветчаны*; х кӑрау́лку (въ—) привяду́т—ib.; дѣ́хка им. п. ед. ч., дѣ́хьки (срв. выше: дѣ́хки)—ib; х плато́к завя́жут—ib.; у́ бе́дная мѣ́ста пӑпадёш, тра́хки не́нӑцӑва взя́ть—ib; х по́ли ляпо́к по́лям—1 л. мн. ч.—*Борисково;* па́рьни-ти х по́ли—*Малахово*; х цэ́рькви была́—*Бычково*; „х пья̆нӑм ви́дп“—ib; ва хто́рьник—*Горы*; из Нау́мцӑх приписа́лись—*Амляшево* (=изъ Наумцевъ—дер. Нау́мцы); у мужыко́х—*Норино*; дѣ́хки у на́с ня хо́дют—*Андроново*; у папо́х—*Парахино*; „мало́тцыкӑх люби́ть“—ib.; присѣ́сть па тра́хкуӑ—ib.; мы ня зна́ям э́тих дяло́х; пѣ́с^{ш}ьни игра́јуот дѣ́хькя (им. п. мн. ч. См. въ отдѣлѣ гласныхъ звуковъ—выше)—ibid.; „у мя́ ў адно́й ня ло́хка бу́дя̆т“—3 л. ед. ч.—ib.; „с ахцэ́ шэ́рьшы́ настригу́т“ (=съ овцы шерсти....)—ib.; „како́й ты ло́хкӑй“! жы́х! (=живъ: на вопросъ: „старикъ живъ“? былъ такой отвѣтъ)—ibid.; два послѣдніе примѣра записаны и въ *Фоминѣ* близъ *Парахина*; гадо́х во́с^{ш}имь—*Астахово*; авинӑхта?—ib.; бяс трёх гадо́х—*Парахино*; „сва́их луго́х нѣ́ту“—*Ве́лькова*; Пъзняко́х (фамилія земскаго начальника: Поздняко́въ)—*Алексѣево*; „арѣ́ха̄х на́да“?—*Бѣлясево.* Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ можно видѣть наглядно, до какой степени въ нашихъ говорахъ перепуталось старое съ новымъ, свое съ чужимъ, заимствованнымъ у сосѣдей. Я полагаю, что нельзя объяснять формы род. п. мн. ч.: луго́х, мужыко́х, дваро́х, зубо́х, гадо́х, листко́х, папо́х, дяло́х и проч. аналогіей къ падежамъ на —*хъ* (въ мѣстоим. и сущ.), напр., къ падежамъ: сваихъ, этихъ: сва́их дяло́х и проч. уже потому, что этому противорѣчили бы формы такія, какъ: Пакро́х—им. п. ед. ч., карто́х (изъ *карто́ф при карто́фь изъ карто́вь. См. мое соч. „Къ діалектологіи“; картофель—ряз.), а главное—потому, что

такихъ формъ мы, кажется, не имѣемъ въ тѣхъ говорахъ, которымъ неизвѣстна теперь замѣна звука *ф* звукомъ *х*, т. е. тамъ, гдѣ нѣтъ произношенія: Хро́л, ха́ртук, ха́брика и проч., нѣтъ и произношенія: зубо́х, дваро́х и проч. Еслибы послѣднія произношенія были плодомъ аналогіи къ формамъ на—*хъ*: сваи́хъ, двора́хъ ..., то они встрѣчались бы безразлично *во всѣхъ* говорахъ. Изъ этихъ же примѣровъ видно, что слово „сарафа́нъ", хотя и означаетъ *русскую* одежду, но само заимствовано изъ какого-нибудь другого языка.

Обратную замѣну звука *х* (*хв*) звукомъ *ф* мы видимъ въ нашихъ говорахъ *очень рѣдко*: куфа́рка—*Уланова Гора* (подгородная деревня—слобода близъ г. Касимова, а потому это произношеніе можно считать занесеннымъ изъ города); фартиру́ит—3 л. ед. ч.—*Зубово*.

Гораздо интереснѣе случаи произношенія *ф* вмѣсто того *х*, которое получилось уже давно изъ *к*: „ис сяла́ Мя́фкăва"—*Мягкова* (на картѣ); или: „мя́фкай зна́к"—*Алексѣево* (Такъ говорили ученики сельской школы со мной въ с. *Алексѣевѣ*, называя такъ букву *ъ* (*еръ*). Очевидно, и школа не можетъ легко бороться съ материнскимъ языкомъ своихъ питомцевъ.)

Въ нашихъ говорахъ мы также имѣемъ случаи замѣны звука *ф* звукомъ *п* и наоборотъ: Апраси́нья — *Шаранина* (=Евфросинья); патра́пить (=потрафить)—*Бычково*. „Ла́фснискăва прихо́ду", „Ла́фся"—такъ говорили крестьяне села Кочатко́ва („Кăцатко́ва"), Владим. губ. Меленков. у., пріѣхавшіе на базаръ въ Касимовъ. На картѣ я нашелъ не „Лафся", а „Ла́пся"—село, къ которому и принадлежитъ Кочатко́во (деревня?) [1]).

Эти явленія въ области звука *ф* извѣстны и древнимъ памятникамъ, какъ видно изъ слѣдующаго Переписчикъ Лавр. списка лѣтописи навѣрное произносилъ не тѣ звуки, которые изображалъ въ словахъ: соѳьи—л. 104. ст. 2. (такъ написано вездѣ), ѳеврала—109. 2., 111. 2., еѳрѣмъ, стеѳанъ—140. 2. Срв. еще соѳьи—144. 1., 146. 2., ѳеврала—151. 1. Срв. въ нашихъ говорахъ: Со́хья и хавра́ль (см. „Къ діалектологіи"... l. c.). Постоянно встрѣчаемое въ грамотахъ и дру-

---

[1]) Переходъ звука *ф* (иностраннаго) на русской почвѣ въ звукъ *п* извѣстенъ былъ въ глубокой древности: на это указываютъ слова: *парусъ*, *Осипъ*.

гихъ др. р. памятникахъ написаніе *Тфѣрь* (Новг. Лѣтоп. по Синод. хар. сп. Фотолит. изд.—л. 247 и рядомъ: въ тьхвѣрь—л. 167. ib за тьхверью—л. 167. ib.) какъ будто указываетъ на происшедшую въ народномъ говорѣ ассимиляцію звука *в* предшествующему глухому звуку *т* [1]), откуда получилось *Тфѣрь*, перешедшее въ *Тхверь*, но эта ассимиляція довольно рѣдкая, а потому не слѣдуетъ-ли принять другую форму этого названія города въ живомъ народномъ языкѣ стараго времени, такъ какъ мы изъ формы *Тверь* (тьверь) по ассимиляціи скорѣе ожидали бы формы—*Дверь*, а не *Тферь*. Срв. тъчерь—Лавр. сп. Лѣт. 46 при дъчерь—Новг. Лѣт. 79. дъцерь—ib. 172. тчери—Лавр. 50. при дъщерью—Лавр. 34. Срв. еще ассимиляцію въ словахъ: дулѣпьскимъ—Лавр. 8. воевотьство Лавр. 103. 2. и друг. при другихъ примѣрахъ: зблюли—Лавр. 177. 1 з двора—ib. 115. 1. изъ сблюди—ib. 168. 2. сблюденье—ib. 125. 2. Срв. молотшюю—Лавр. 178. 2. Такія написанія мы видимъ часто и въ другихъ памятникахъ русской рѣчи: въ грамотахъ и актахъ всякаго рода. Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ древне-русскаго произношенія видно, что ассимиляція въ словѣ „Тферь" была бы необычная [2]), а потому, мнѣ кажется, и предполагать ее незачѣмъ. Не была-ли первоначальная форма этого слова „Тхерь" (Тьхерь?)?

Что касается мѣны *ф* и *х* въ другихъ русскихъ памятникахъ, то здѣсь мы ее встрѣчаемъ очень часто, именно, въ памятникахъ съ чисто-русскимъ языкомъ. Напр., въ Новгородскихъ купчихъ XIV—XV в.: у Перьфурья —№ 71. V. (АЮ.), но: Перхурей—№ 71. XV. Есипъ—ibid. Тихфина монастыря—№ 427. (1671 г.). Срв. Тифинскій и Тихвинскій. Быть можетъ, изъ первоначальнаго *Тихинскій. Срв. соб. имя Тихонъ. Въ Поручной литов. князей до 1390 г.: Охремъ (срв.

---

[1]) Этого слова *Тфѣрь* касался уже *Шахматовъ* въ своемъ трудѣ: «Изслѣдованіе о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка». Спб. 1886. Стр. 152 слѣд.

[2]) Сравни у *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 99 и 109. Единичный случай написанія: *сторовъ* вм. *здоровъ* (съдравъ) или *кте* (къде—где—гдѣ) не имѣетъ никакого значенія въ вопросахъ фонетики живого языка: *сторовъ* и теперь нигдѣ не скажутъ, какъ не говорили и прежде, равно и *кте* вм. *гдѣ*. Это, конечно, описки—графическія явленія подъ вліяніемъ произношенія списываемыхъ словъ *во время переписки втихомолку*.

въ нашихъ говорахъ: Ахре́мъ), Осипъ, Онципоръ (срв. въ Новгор. грамотахъ выше: Воньчифоръ; Никифоръ=млр. Нічі-пор; Аграфена—γорпы́на...) — Акты ЮЗ. Россіи. I. № 2. Хролъ—1398 г. ib. № 5. (срв. въ нашихъ говорахъ такъ-же) Ходоръ—1400 г. ib. № 6. (чит. Хёдор, и у насъ—такъ) и друг. Срв. въ Смолен. Лѣтописи Авраамки: Опчифоръ—Онцифоръ—стр. 74. 119. По Тфѣрци—98. Тфирици—100. отъ Тфѣряньке—103. подъ Тфирью—101. съ Тфѣрицы—98. Тфѣрь—98. владыку Тьфѣрьскаго—100 и друг. Слово *охвочій*—(Смол. Лѣтоп. Стр. 75. Псков. 2-ая Лѣтопись. Стр. 19. *Истоминъ*. Сборникъ. Стр. 216. Арханг. и друг.)—объяснено *Ягичемъ* (Критич. Зам. Стр. 86).

Переходя къ современнымъ намъ говорамъ, мы находимъ въ нихъ слѣдующее: какъ *обыкновенное* явленіе, замѣчается, что въ тѣхъ говорахъ, гдѣ встрѣчается *рѣдко* мѣна *в* и *у* (см. выше), тамъ *есть ф*, и даже *х*, *хв* переходятъ въ *ф*: таковъ Новгородскій, Олонецкій говоры, гдѣ мы имѣемъ: *фатать* (*Колосовъ*. Замѣтки. ib. 16), *куфарка* (*Колосовъ*. ib. 122. Срв. *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. II. 11) [1]. *Вологодскій* говоръ въ этомъ отношеніи стоитъ особо (старый *Двинскій*), и, вѣроятно, онъ относился къ говорамъ не Новгородскимъ, т. е. былъ говоромъ кривичей (словѣнъ), но не новгородскихъ. Здѣсь мы имѣемъ: *ковды* (см. выше *Вологод. Велик. Устюжск.* Изъ статьи въ „Живой Старинѣ" за 1894 г.), в—у и л—у, л—в: товковать, повзать, довбить, повно, ходи́ў („среднее между *в* и *ў*"), думаў (*Колосовъ*. ib. 331), но при этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, *штох*, *полштоха* (ib. 332), *куфарка*—ib. 331. (Срв. въ Олонец., съ другой стороны, *Хвомку* при *Фомку*—ib. 188. Въ Новгородскомъ говорѣ мы даже слышимъ мѣстами: трёф вм. трёхъ—*Колосовъ*. ib. 16). Итакъ, мы видимъ, что и при разсмотрѣніи этого фонетическаго явленія наши предположенія относительно соотвѣтствія нынѣшнихъ средне-русскихъ говоровъ стараго русскаго племени, извѣстнаго подъ нѣсколькими названіями (см. выше), находятъ новое подтвержденіе: новгородскій говоръ (полушепелеватый) есть говоръ особый, но двинскій (нынѣшній Во-

---

[1]) Въ былинахъ *Гильфердинга* мы находимъ это часто: фаста, фастае при хваста—389. 927 и мн. др.

логодскій) принадлежалъ, вѣроятно, къ говорамъ средней группы (шепелеватымъ). Несомнѣнно, къ этой послѣдней группѣ принадлежали и нынѣшніе говоры губерніи *Калужской*, *Орловской*, *Курской*, *Рязанской* (при—Окскіе), *Владимирской* (Муромск.), частью *Тульской*, *Смоленской*, гдѣ вездѣ мы нынѣ находимъ мѣну *у* и *в* (болѣе или менѣе часто) и измѣненіе звука *ф* въ *х*, *хв*, т. е. отсутствіе (болѣе или менѣе распространенное) звука *ф*, неизвѣстнаго имъ въ древнѣйшее время. (См. *Даль*. О нарѣчіяхъ: хвилипъ, Хвядотъ—LXIII. Хвилипъ, хвуражка—ibid., LXIV. Сюда-же принадлежатъ частью говоры нынѣшней Воронежской губерніи. Хама, хуптъ, Хведзька, Хвядотъ... LXIX. Хавронья, Хевраль—*Колосовъ*. Замѣтки. ib. 297. Срв. у *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. I. 15. 17. IV. 43. О Тульскомъ и Курскомъ говорахъ). Опять особо стоятъ говоры малорусскіе: подольскіе, галицкіе и гуцульскіе, гдѣ мы видимъ особенно частое *ф* вмѣсто *х* и *хв*. (См. *Соболевскаго*. Ук. Соч. IV. 48. 49. 52. 53. 60). Что касается говора *вятскаго*, то въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ какъ-бы середину: ему извѣстенъ звукъ *ф* и *х* въ разсматриваемыхъ случаяхъ; здѣсь мы встрѣтимъ Памхилъ, хилинъ, хляга (*Даль*. ib. L), но и: фомякъ (*Колосовъ*. ib. 226), на трёх дуба́ф (*Колосовъ*. ib. 226. 273). Въ вятскомъ говорѣ, полагаю, легко замѣтить нетуземность этого звука *ф*: онъ, вѣроятно, занесенъ новгородскими колонистами; срв. въ новгород. *трёф* вмѣсто *трёхъ*. О произношеніи „изъ мѣшко́хъ“ въ Сибири (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. II. 25) и т. п. мы ничего не можемъ сказать, такъ какъ говоры Сибири еще ждутъ своихъ изслѣдователей. Срв. въ нашихъ говорахъ: мужыко́х, зубо́х и т. п. выше.

Теперь отмѣтимъ мелкія явленія въ области звуковъ *п* и *б*. Звукъ *п* иногда передъ гласной переходитъ въ нашихъ говорахъ въ *б*: „субаги́ тˢёплыјu“—*Парахино* Касим. у.; пӑславле́ля (=благословля́ли)—3 л. мн. ч. прош. вр.—ibidem. Группа *бм* переходитъ въ *мм* по ассимиляціи: „стару́шку амма́нъваить“—3 л. ед. ч.—*Логино* Касим. у., *Парахино*; о́ммарък (=обморокъ)—*Астахово*; ни аммѣ́нйваймсᵐи—1 л. мн. ч. наст. вр.—*Парахино*.

Это-же явленіе ассимиляціи въ группѣ звуковъ *бм* мы имѣемъ въ Новгородскомъ, Олонецкомъ, Вологодскомъ, Вятскомъ, Архангельскомъ говорахъ: оммарокъ, оммѣривать, ам-

манывать *Колосовъ.* ib. 21, оманываешь—*Гильфердингъ.* 903. 113, омманъ—*Соболевскій.* ib. II. 12. 17. 21. оммепъ—22. омманывай—*Истоминъ.* Сборникъ. Стр. 176.

Наконецъ, въ нашихъ говорахъ извѣстенъ также звукъ *м* вмѣсто звука *н*: Михйхăр—*Бычково,* Касим. у.; но: Харла́пăва—*Зубово*; звать Праско́вьјій Нике́впай (=Михеевной)—*Немнясево* и друг. Крух Мико́лы (=около Николина дня), Зимній Мико́ла и т. п.—повсемѣстно. Срв. Микула—въ АЮ. №№ 3. 5. 409 (V)—XIV—XV вѣка. Въ Смолен. Лѣтоп.: діакона Микыту и Никыту—стр. 102. 103. Въ Псков. 2-ой Лѣтописи—Микиту—стр. 37. 44 и друг.

Теперь скажемъ вообще о смягченіи губныхъ звуковъ въ нашихъ говорахъ. Выше мы говорили по другому поводу, что въ нашихъ говорахъ почти вездѣ сохраняется суффиксъ именъ прилагательныхъ—*ьск*,—т. е. передъ этимъ суффиксомъ почти всегда слышится *мягкій* согласный звукъ; такъ, мы видѣли передъ нимъ мягкіе звуки ç (с^{ш}), з^{ж}. Такъ-же ясно слышатся и губные мягкіе передъ этимъ суффиксомъ, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: г зе́мьскăму нацăльнику—*Ерахтуръ* Касим. у.; Кузе́мьскіји мы-ти!—*Куземкино*; то-же мы увидимъ и въ сочетаніи звуковъ: *л* (удержавшееся явленіе и въ литературномъ произношеніи: се́льскій, а не—се́лскій), *н*, *р* съ этимъ суффиксомъ—*ьск*—ниже. Далѣе, передъ мяггимъ слогомъ—*ки*,—*ти* мы слышимъ и мягкіе губные звуки, какъ въ южно-рязанскомъ говорѣ: тря́пьки—*Киструсъ* Спас. у.; напро́ти Ла́пькина—с. *Воскресенское* ib.; ла́пьти—*Шостья, Жданово* Касим. у.; дѣ́фьки—*Уланова Гора* и друг.; ла́фьки—*Гусевской Погостъ* и друг.; Пятро́фьками—*Забѣлино, Урядино, Дмитріево, Бѣльково, Чарусъ*; зага́фьки (=заговѣнье)—дер. *Китово*: *у* је́мьки зăрывăим—1 л. мн. ч.—(=въ я́мки)—*Праватарово* и мн. друг. подобн. Далѣе, замѣчательно, что повсемѣстно мы слышимъ въ словахъ *семь, восемь* на концѣ *м* мягкое: въ *Ижевскомъ* Спас. у., въ *Нармушади* Касим. у., въ *Ерахтурѣ*, въ *Шостьѣ*, въ *Шпилёвѣ*, въ *Ломý*, въ *Забѣлинѣ*, въ *Ивановскомъ*, въ *Ветчанахъ* наши записи вездѣ имѣютъ отмѣтки: во́се^{і}мь, во́çе^{і}мь, се́мь, çе́мь, с^{ш}е́мь и проч. (см. выше). Наконецъ, въ нашихъ говорахъ *весьма* распространены глагольныя формы 1-го лица ед. ч. съ губнымъ звукомъ основы, заимствованнымъ изъ прочихъ лицъ, т. е. безъ смягчающаго звука *л* изъ *ј* послѣ губного: „я ба́ню

то́пю“ —*Зубово* Каспм. у.: ну, усту́пю!—*Давыдово*; хлѣпца сыпю—*Катово*; ко́рьмю—*Зубово* (sic!); во́пю—*Бычково;* я спю́—*Праватарово*: я про́спю—*Анисово*. Въ одномъ мѣстѣ (с. *Андроново*) я встрѣтилъ произношеніе: *упява́й* вм. *упова́й*. (Пѣть—пѣва́ть: запява́й?). Формъ, подобныхъ формамъ *то́пю*, *спю́*, много и въ другихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, но достойно замѣчанія то обстоятельство, что въ нашихъ говорахъ эти формы вездѣ, гдѣ только это возможно, переносятъ удареніе къ началу слова: то́пю, усту́пю, ко́рьмю, во́пю, про́спю. Мнѣ кажется, что это обстоятельство указываетъ на образованіе этихъ формъ 1-го лица *по аналогіи* съ формами прочихъ лицъ не только въ фонетическомъ, но и въ *тоническомъ* отношеніи; срв. формы: то́пишь, усту́пишь, ко́рмишь, во́пишь, про́спишь (? однако во многихъ говорахъ: про́спалъ...). Это явное заимствованіе формъ 1-го лица изъ формъ прочихъ лицъ указываетъ на позднее образованіе формъ нашихъ говоровъ. Срв. въ другихъ говорахъ: въ млр. ломъю, ломью (Пружанск.), любью и друг. Особенно часто въ основахъ на зубной и передне-небный звукъ: въ *вятскомъ*: колотю, вредю, пустю, бросю, можу (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. II. 21. Ударенія не показаны); заплатю—(*Колосовъ*. Зам. 277); въ *волынскомъ*: ходю, пустю (*Соболевскій*. ib. IV. 20), просю—(ib. 22), летю—минск. (ib. 24), ходю, косю́...—пинск. (ib. 26), пружанск. (ib. 31); ходю́—гродн.—(ib. 33); ходю, пустю, возю, просю—украинск.—(ib. 40) и друг. Это явленіе было извѣстно и въ древне-русскомъ языкѣ: въ Правой Грамотѣ Николаев. Корельскому Монастырю 1530 г. читаемъ: „на поле съ ними битися *лѣзю* и съ иконою *иду*“—АЮ. № 18. Въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ 1613 г. находимъ: „и язъ для того ночью *бѣжу*“—АЮ. № 27 и др.

Переходимъ къ звукамъ задне-небнымъ (*г*, *γ*; *к*, *х*), а затѣмъ къ язычнымъ—плавнымъ (*л*. *р*).

Глава X-ая.

Задне-небные звуки въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Въ этой главѣ мы будемъ обозрѣвать звуки *г*, *γ*, *к* и *х* въ нашихъ говорахъ. Уже изъ предыдущаго изложенія можно было замѣтить, что въ нашихъ говорахъ есть звукъ *г* и *γ*. Опредѣлить точно условія, при которыхъ является звукъ *г* и звукъ *γ*, мнѣ не удалось, да врядъ-ли и есть возможность такого опредѣленія въ виду того, что оба эти звука, и звонкій мгновенный задне-небный, и звонкій фрикативный задне-небный,—встрѣчаются во всякомъ положеніи, независимо отъ того, стоятъ ли эти звуки въ началѣ слова или въ серединѣ, находятся-ли они въ положеніи передъ согласной или гласной. Лишь въ случаяхъ обыкновенной ассимиляціи слѣдующему звуку или въ концѣ слова эти звуки подвергаются обычному переходу въ звуки *глухіе*, переходя въ звуки *к* и *х*, напр., въ концѣ словъ: друк и друх. Оба эти произношенія приходилось мнѣ слышать, хотя первое изъ нихъ и встрѣчается значительно рѣже, чѣмъ второе. Собственно говоря, даже *по мѣстностямъ* ближайшее опредѣленіе этихъ звуковъ *г* и *γ* въ нашихъ говорахъ довольно затруднительно, такъ какъ ни одинъ изъ этихъ звуковъ не пріурочивается *исключительно* къ той или другой деревнѣ, къ тому или другому селу. Нельзя поручиться, что въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ звукъ *γ* (см. ниже), мы не встрѣтимъ въ однородныхъ случаяхъ звука *г*, и наоборотъ: въ мѣстахъ употребленія звука *г* слышится изрѣдка и звукъ *γ*, хотя послѣднее встрѣчается значительно рѣже. Изъ этого, кажется, слѣдуетъ заключить, что наши говоры въ современномъ ихъ состояніи представляются намъ въ значительной мѣрѣ говорами *смѣшанными*. Но не таковы были эти говоры въ древнее время. Прежде, чѣмъ дойти до нынѣшняго смѣшаннаго типа, нашимъ говорамъ пришлось пережить цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій, обусловленныхъ и внѣшними, и внутренними причинами, подъ которыми мы разумѣемъ и сношенія съ сосѣдними говорами, и перемѣны въ составѣ населенія края, и естественное вымираніе звуковъ подъ тѣмъ или другимъ вліяніемъ. По нѣкоторымъ

даннымъ всетаки мы увидимъ ниже, что въ нашихъ говорахъ можно съ большою долею вѣроятности выдѣлить тѣ звуки, которые наслѣдственно переходили изъ говора отцовъ къ говору дѣтей, изъ говора предковъ къ говору потомковъ, и должны быть приписаны *туземнымъ* говорамъ въ древнѣйшемъ ихъ состояніи, въ извѣстную пору. Къ такимъ звукамъ мы относимъ въ области гласныхъ *долгіе* звуки, *дифтонги*, звуки $а^е$, $е^і$ въ извѣстномъ ихъ положеніи передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ; въ области согласныхъ: *средніе* звуки небно-зубные (или передне небно-зубные, шипящіе и свистящіе), звуки $д^з$, $д^ж$, $т^с$, $т^ш$, далѣе *мягкіе* согласные звуки передъ суф.—*ск*—(—*ѣск*—), звукъ *ў* или средній между *в* и *ў*, звукъ *ув* или *ву*; съ этими звуками, по нашему мнѣнію, должны были быть наши говоры въ древнѣйшее время, иначе говоря, эти звуки можно считать на достаточномъ основаніи звуками туземными, и основаніемъ для этого служитъ прежде всего то обстоятельство, что эти звуки неоткуда было заимствовать или принести сюда. Такимъ образомъ, открывается новый типъ центральнаго русскаго говора—*типъ шепелеватый*, *умѣренно акающій, со звукомъ ў*. Относительно термина „умѣренно-акающій“ замѣчу, что этимъ терминомъ я выражаю *для краткости* понятіе о качествѣ звука *е* и *о* въ предударныхъ слогахъ въ нашихъ говорахъ, не опредѣляя этимъ терминомъ *времени*, *когда* появилось такъ называемое *аканье*, и не обозначая вообще ничего другого, кромѣ извѣстнаго качества этихъ гласныхъ въ ихъ различныхъ положеніяхъ относительно качества слѣдующихъ за ними звуковъ. Слѣдовательно, новый терминъ „умѣренно-акающій“ долженъ въ данномъ случаѣ служить обозначеніемъ *очень стараго* звукового явленія. Сравненіе нашихъ говоровъ съ другими современными, а также историческія справки въ древне-русскихъ памятникахъ письменности покажутъ намъ ниже, что наши говоры не стоятъ *нынѣ* особнякомъ, значитъ, не стояли они особнякомъ и прежде, чему доказательствомъ служатъ тѣ памятники, въ которыхъ случайно лучше, чѣмъ въ другихъ, сохранились слѣды шепелеватаго произношенія, слѣды произношенія неслогового *ў*, слѣды долгихъ звуковъ и проч. Если мы не находили *всѣхъ* этихъ слѣдовъ, именно, въ тѣхъ памятникахъ, которые по мѣстности написанія были ближайшими къ мѣстностямъ нашихъ говоровъ, то причину этого надо, конечно, искать и въ

литературной традиціи, въ условіяхъ нашей письменности, и въ самомъ времени. Не смотря па эти обстоятельства, мы все-таки находимъ въ древнихъ памятникахъ письменности доказательства того, что и въ древности были среди живыхъ говоровъ такіе или почти такіе, какіе мы нынѣ встрѣчаемъ въ Касимовскомъ уѣздѣ. Доказательства эти представлены будутъ мною во 2-ой части этого труда Во всякомъ случаѣ можно положительно утверждать, что, благодаря нашему знакомству съ неизвѣстнымъ до сихъ поръ говоромъ Касимовскаго уѣзда, орѳографія древне-русскихъ памятниковъ центральной и сѣверной Россіи должна получить во многихъ случаяхъ иное объясненіе, и самое чтеніе во многихъ случаяхъ, т. е. самое произношеніе, должно нѣсколько видоизмѣниться; словомъ, во многихъ случаяхъ мы нынѣ получаемъ объясненіе въ живыхъ говорахъ для древне-русскаго правописанія и произношенія.

Обращаясь къ звукамъ *г* и *γ*, мы должны сказать, что, по общему характеру звуковъ, въ нашихъ говорахъ звукъ *г* долженъ быть признанъ *туземнымъ* звукомъ, тогда какъ звукъ *γ*—образовавшимся въ нихъ тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ образовалось и *полное* или *сильное аканье* (примѣры см. выше). Этотъ звукъ, очевидно, также занесенъ сюда сношеніями съ сосѣдями, въ говорѣ которыхъ звукъ *γ* есть *единственный*.

Такимъ образомъ, я полагаю, что въ древности районъ такъ называемаго сѣверно-великорусскаго говора (говора шепелеватаго и полушепелеватаго) былъ гораздо больше, чѣмъ нынѣ, и древне-русскіе говоры въ этомъ районѣ отличались другъ отъ друга весьма незначительными оттѣнками произношенія, составляя одинъ общій діалектическій типъ, что мы постараемся ниже доказать и путемъ историческихъ справокъ съ свидѣтельствомъ нашей начальной лѣтописи о разселеніи славянскихъ племенъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. (См. II-ю часть; глава VI-ая).

Звукъ γ мы видимъ въ селахъ и деревняхъ: Киструсѣ, Деревенскомъ, Ижевскомъ, Выжлисѣ, Воскресенскомъ Спасскаго уѣзда; въ Нармушади, Ерахтурѣ, Боркахъ, Шостьѣ, Китовѣ. Чарусѣ, Ивановскомъ, Катовѣ, Симоновѣ, Логинѣ, Расторгуевѣ, Рогачевѣ, Горахъ, Чуфиловѣ, Бычковѣ, Зубовѣ, Давыдовѣ, Семеинѣ, Снохинѣ, Кабановѣ, Шаранинѣ, Агѣевѣ, Амляшовѣ, Жалудковѣ, Меркуловѣ, Праватаровѣ, Анисовѣ, Малышкинѣ, Парахинѣ, Ахматовѣ Касимовскаго уѣзда.

Слѣдовательно, почти на всемъ пространствѣ Касимовскаго уѣзда мы имѣемъ звукъ *γ*, но опять повторяемъ, что во многихъ изъ перечисленныхъ мѣстъ *сохранился* и звукъ *г*, который часто прорывается и въ говорѣ, и въ пѣсняхъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ: *γ*адо́к, на лу*γ*а́, „*γ*о́рлӑм балять в Ужа́льи“—*Киструсъ Спас. у.*; *γ*ря́сна (=грязно)—*Деревенское* ib.; ӑдала́ де́нь*γ*и при табѣ́, пъ*γ*ляди́тя, ў *γ*астя́х, не[i] ма*γ*у́, на па*γ*а́х—*Ижевское* ib.; цужо́й за*γ*о́н—*Выжлисъ* ib.; *γ*арѣ́лай лѣ́с, „ава́ не[i] ма*γ*ла́ па ро́мнѣ[i] дайти́ть“—*Воскресенское* ib.; мно́*γ*а де́нях—*Нармушадь* Касим. у.; „рӑз*γ*аво́ру-та не́ бы́ла, мать *γ*ӑвари́ла“—*Ерахтуръ* ib.; ў ста́ры *γ*ада́. каки́х у*γ*о́дна, *γ*уля́ють, и*γ*ра́ють—ib.; но: „га́рӑм гари́ть“—*Борки* ib.; и: „ра*γ*о́ў нѣ́т“—ib.; „с лу*γ*о́ў-ти“—*Нармушадь* и „грѣ́ить“—ibidem; ста́ръста Я*γ*о́раў, вы*γ*ӑнять—3 л. мн. ч., и*γ*ра́ю, бра́*γ*и, *γ*ро́зная, ў *γ*а́лава́х, *γ*ря́сь, кӑра*γ*о́де[i]—пред. п—*Ерахтуръ*; пе[i]ре[i]стры́*γ*ули, дру*γ*о́й—*Шостья*, но: ў зага́дьник гада́е[i]м—ibidem; игра́е[i]м—ib.; бага́ты—ib.; травы́-ти мно́*γ*а, *γ*о́спӑди зна́е[i]ть ӑтцаво́, „зимўой-ту ў*γ*ли-ти вязу́ть“—*д. Китово*; *γ*лу́пай, *γ*ӑваря́ть—*с. Китово*; „*γ*ра́т нямно́шка пе[i]ркӑлӑка́тил“, ис пре́дйва из дру*γ*о́ва, му́ш до́л*γ*а не[i] вы́сыла́е[i]ть, *γ*адо́ў—род. п. мн. ч., три цэ́тьве[i]рьти тя*γ*ла́, из *γ*о́рӑда сусѣ́т, *γ*ряцы́ха—*Чарусъ*; „ры́бы, пъжӑлуй, не[i] пра*γ*нѣ́вайси“!—ib.; „ра́зи мо́жна цэ́ре[i]з а*γ*о́нь пры́*γ*ать“?—*Ивановское*; Ло́*γ*иньськіји—*Логино*, *Симоново*; у стару́х-ти какіји *γ*ряхи́-ти?—*Катово*; Ӑстар*γ*о́ськи, Ӑстар*γ*о́ва—*Расторгуево*; на *γ*ара́х, *γ*адо́ў де́сить, лубако́ (вм. *γ*лубако́)—*Катово*; с[ш]ѣ́на *γ*рябу́—*Логино*; ру*γ*а́тца—неопр н., Рӑ*γ*ацо́ва, ня *γ*о́рьница, ла*γ*у́шку пътиря́л—*Логино*; дрӑ*γ*анѣ́т—3 л. ед. ч. (=дрогнетъ), у*γ*аўору ня зна́я—3 л. ед. ч.—ib.; бра́*γ*у-ту, даро́*γ*и, шашто́й *γ*о́т, „он и в *γ*лаза́ мо́жа“, „ана рябя́т-та јих мно́*γ*а“—*Горы*; па сѣ́цӑм сӑбира́ли я̆*γ*ӑды—*Чуфилово*; на *γ**γ*лу́—*Бычково*; дру*γ*о́й *γ*о́т—*Зубово*; прити*γ*а́ю, *γ*ли́сты, „ни то *γ*ра́т паби́л“—ib.; ӑстар*γ*о́фьçька, *γ*аро́х, до́л*γ*іји-ти но́шу сӑрханы́, пира*γ*о́ў, сӑпа*γ*и́-те?, дѣ́јки у на́с *γ*ло́жут масо́л, *γ*о́рькаю—вин. п. ед. ч. ж. р.—ibid.; *γ*арѣ́тая (деревня)—*Логино*; „из усто́ў бо́льна *γ*рьхо́ў-та мно́*γ*а“—ib.; *γ*ӑваря́т—3 л. мн. ч.—*Давыдово*; *γ*арьска́я по́ля (—поле, принадлежащее д. Горамъ)—*Семеино*; „ры*γ*а́льнӑва ма́сла“ (регальнаго; совѣтуютъ въ деревняхъ отъ зубной боли), „с Ахо́нских *γ*о́р при-

нёс“—ib.; γулéть—неопр. н.—ib.; „самá я γарьçькáя“—*Горы*; пăγляжý, ни маγлá, γулéть—неопр. н., ни зγруснѝлась, аб γóрьких, „и хóлăду и γóлăду“—род. п. ед. ч.—*Катово*; брáγу-ту?, ăγурьцы́, ты́ уш зăγăварѝл!, д'ыть аγню́ швырнý!, γадóў трѝтцăть, „а мы щё? иш ăшары́ (?) γря́зныjи“!—*Катово*; зацнём с цытьвярьγý—ib.; γряцы́шнинькяй (муки)—род. п. ед. ч. ж. р., γдруγóреть (=вдругóрядъ; срв. въ Псков. II-ой лѣтописи: „и *въ третій рядъ* стала рѣка“—стр 38), ни маγём сáми-ти!—*Катово*; γлáткiјн, иγрáть γарáзьди, γóду пѣт'ыштă!, испуγáлăся, сирéть кăраγóду—*Снохино*; „па тóт бóк аврáγу“—*Кабаново*; „γалýпцык! γóрька“!—*Снохино*; на сняγý—*Паранина*; кóбы я γрăматéй!—ib.; хлѣба карьвéγу (sic! = коврѝгу), γавя́дйны цáсть, γарáсим уѣхăл, „ана срóду çё дарóγа“! павы́шы γваздóцка, на щё яё γóрькяю?—ibid.; анѝ ни γлядя́—3 л. мн. ч.—*Горы*; „эти γадá запреˈстѝли (sic!) иγрáть“; но: брáгу, Гаврѝлъвиц—*Агѣево*; аγáрăк, падрýγа, γдѣ зăвивáют—ib.; мнóγа, *вадьлѣ* пѣсеˈнки прăпиγрáют крýх явó—ib.; „у мня́ γóря-та явó мнóγа, ăγарьцэнья никáк ни раскáжыш“!—ib.; ăтγастѝла я у вáс—*Дадыдово*; сѣна γряблѝ, с луγóў—*Акулово*; в ăγарóдах, в γря́дки, Ăγрахвёна, раγóшкими, з γрыбáми—ib.; Ăстарγóçька, муш хóдя в луγá—*Расторгуево*; падýшыцка пăд γалóјки—ib.; γрóп, γóлăву завя́зывам—1 л. мн. ч., „нăцаплéли пăγрамкóф-та“!—ib.; „γадá-та харóшыји былá тут я́γада, ăγрябýшшiји бы́ли“—*Амляшово*; γрыбы́ јéçть—ib.; адна́ дарóγа на γары́—*Жалудково*; дрýх на дрýγа хóдям—1 л. мн. ч.—*Зубово*; с валóγай, дарóγими—тв. п. мн. ч.—*Бычково*; „нáшы еˈзыкѝ ни γадя́тцы-ть“!—*Чуфилово*; „он мнѣ γóлăву ăтматáя, жанѝх-ăт“!—ib.; тяγлó, ни пуγáй—ib.; „ты пъγадѝ, я скáжу (sic!)—на маγѝлу вы́ду“—*Меркулово*; масóл, знáта, γрызýт—3 л. мн. ч.—ib.; на тилѣγи—*Бычково*; ў луγá—ib.; сóрăк три γóда, на стаγý, я пăдγрябáю, прăγулéли—1 л. мн. ч. прош. вр., калѝ пъруγáимси—1 л. мн. ч., γадѝтцы—3 л. ед. ч.—*Праватарово*; γутáрить—неопр. н.—*Анисово* (произн. *Ванѝсова*); прăγаню́ дóлγа, палóзья γнёт, дарóγа—*Малышкино*; шаштóй γадóк—*Парахино* (см. ниже); па мнóγа—*Ахматово*.

Съ другой стороны, мы довольно часто встрѣчаемъ звукъ *г* и въ Спасскомъ уже уѣздѣ, напр., въ самомъ городѣ *Спасскѣ*, и въ Касимовскомъ: въ *Шостьѣ*, напр., *нидасýк* (=не-

досугъ)—ib.; рага́ти́на, бирягла́, за гару́ ушли́, гара́, гадо́ў, го́ря, го́рька, глу́пӑсти, грыбы́, гарба́тай, на гарбу́, бага́ты, г за́ганью (=къ заговѣнью), абго́п, Гаспо́дь, гну́ть—3 л. мн. ч., мно́га, те^і^лѣ́ги, ў глаза́х, вино́ нӑгаво́рная, де́рьгали—3 л. прош. вр. мн. ч., гро́п, агурьчи́—*Антоново*; па Му́рӑмьскай даро́ги—*Брѣево*; мно́га—*Алексѣево*; гре^і^цы́ха—*Чинуръ*; „я́гӑды ӑт гувна́ (sic!) бли́ска"—*Шпилёво*; глубо́кай, гъвари́т—3 л. ед. ч., друго́й, гуля́ть *Гус. Погостъ*; гурцы́ (=огурцы), прислу́гу, мно́га—*Касимовъ*, *Уланова Гора*; нӑпуга́ли, гадо́ф—род. п. мн. ч., иго́лку, „го́лӑсў нѣ́ту"—*Уланова Гора*; гато́вют—3 л. мн. ч., таргу́ют, бра́гу, пълага́тца—3 л. ед. ч., игра́е^і^м—1 л. мн. ч.—*Дмитріево*; де́ник—род. п. мн. ч., угла́. гле^і^ди́т—3 л. ед. ч., го́сти—ib.; згарѣ́л, по́ лугу, гуля́ть, дӑрага́я, рӑзгаво́ры, но́к—род. п. мн. ч. (=ногъ), згнузда́ю—1 л. ед. ч. буд. вр. (=взнузда́ю), игра́ть—неопр. н., ўгада́т—3 л. ед. ч., грашы́, зӑгаро́дит—3 л. ед. ч., де́ньги, мо́к (=могъ)—*Данево*; „вы́гӑну-та нѣт яво́"—*Гусев. Погостъ*; Яго́р—*Забѣлино*; я го́да три вари́ла, гаро́х, гри́ве^і^нниц^ч^ик, място́ф мно́га—ib.; цаты́рнӑцӑтый го́т—*Бѣльково*; Гара́ськина, гӑрямы́шныя, Графе́на, гадо́х сто́ (=годо́въ), пади́ и гада́ют—3 л. мн. ч., гре́ца—*Бѣльково*; на Ца́рус даро́га—*Урядино*; у као́ уго́дна, ны́нѣ́шній гот, друга́я цуть-цуть ляжы́ть—3 л. ед. ч.—*д. Китово* (срв. выше); зага́фьки (заговѣнье), гавя́ди́ны, „на гу́ш'ш'и, в де^і^ре́вьни у на́с гдѣ́ дро́жжи-ти"? в гла́за не^і^ вида́ли, я гӑварю́ те^і^бѣ́—не^і^ бага́тай до́м!—ib.; в ӑгаро́дах—*Урядино*; „гдѣ гряцы́шки у као́ јесть"—*Ивановское*; гадо́ў де́сить—*Ветчаны*; глу́пинькюю—вин. п. ед. ч. ж. р., угади́ть—неопр. н., па го́ринки, тот и гада́ит, пӑгляди́тца, бага́тай, ни хвата́ит на́ га̄т! тсягло́, çягда́ тах-та! (sic!)—*Ветчаны*; ны́ни я́гӑт нѣ́т—*Борисково*; гада́-ти была́!, нимно́га, па грыбы́, груз^ж^ьде́й—ib.; грыбо́ў-ти нѣ́ту—*Малахово*; вы́прыгнули, в луга́—*Норино*. Этотъ же звукъ *г* мы встрѣчаемъ по преимуществу въ *Андроновѣ*, *Парахинѣ* (см. выше), *Фоминѣ*, *Астаховѣ*, *Ахматовѣ*. Напр., въ *Парахинѣ* мы слышимъ: „у на́с кру́к Мико́лы" (=около Николина дня), пъбягё́ш (=побѣжишь), „игра́ју͡от наро́д", „рӑзгарю́цӑю слязо̆ю улита́" (въ пѣснѣ; см. Приложенія), „ве^і^ж^з^ьдѣ јаё игра́ју͡от раў̆но́", „рѣ́тька го́рька, рѣ́тька сла́тка (наз. здѣсь: *та́лька* и въ Праватаровѣ), яшо́ марко́хь, бабы́, агаро́х, ӑгурьцы́", друго́й го́͡от, асьма́цӑтай го^у^от, „на́

Гуҫь хо́јут" (=на Гусь ходятъ), „зʷимо́ʸй бываит за́гинья", „пе́сʷьни игра́јуот дᶻе́хькя" (им. п. мн. числа), ступа́йти з' Ага́хьјій (=за Агафьей), падру́ги ӑбува́јуот, „с ахцэ́ пъстригу́т шэ́рьш" (=съ овцы настригутъ шерсть), глеⁱдя́т (=глядятъ—3 л. мн. ч.), даду́т гри́вя̆нняк, „ху́ᵒть ф тяле́гу", „жани́х хо́дят (3 л. ед. ч.) крук сапе́й и хлы́шчяⁱт" (=хлещетъ), пъ гӑлаве́, яшшо бугае́м (тв. п. ед. ч.), зӑгара́жъвајуот—3 л. мн. ч., „иш како́й ро́ʸг-ӑт!" (=ишь, какой рогъ!), грыбо́м заву́т шлы́к, „ру́ᵒг-ӑт адип ляжы́т, иш"! „Он ба с на́ми ста́л за ядᶻина го́ря гӑрява́ть" и мн. др. (См. Приложенія). Въ *Фоминѣ:* „у на́с го́ря в э́тът дᶻе́нь была, цэ́риз го́т" (годъ тому назадъ), „патьне́йшта (? почти) фся́ дᶻяре́вьня згаре́ла", „ве́ҫь у на́с на гу́внах и хле́п пъгаре́л", яшшо где́ найду́т, взʷе́ли карве́гу (sic!) хле́ба, во́сеⁱмай го́т!—*Залѣсье* (10 в. отъ Фомина); гуси́нъва пяра́ не́ бы́ла, я гъварю́ теⁱбе́, „га́рь шшы́бла на́с"—*Фомино.* Въ *Астаховѣ:* луга̑ на́шы та́м, па вы́гӑн ганя́еⁱм—1 л. мн. ч., гре́сь ҫе́на, „у на́с гаре́тыји (sic! срв. въ Логинѣ Тум. края, = „гаре́лыя") мяста́", „заму́жная: гадо́х во́ҫеⁱмь винца́лась", я грябла́, трясу́ и грябу́ адна́, яшче́ не́ту грябе́нъва, на други́м (sic!) снапо́х пе́ть бу́дя, „за Се́ргими Тро́йцъми бы́л"; въ *Ахматовѣ*: грыбо́у-та не́т, „во́ҫимь міер на тсягло́", блӑгацы́ннай; *Ве́лькова:* на луга́, гра́дӑм што́-ля ищё, гъваря́т тра́вы гажы̆ мяста́ми; *Алексѣево*: грицы́ха, гре́ца-та ницʸяво́; *Ужыщево*: зӑганя́ют, в луга́х; *Мягкова*: на луга́х, гажа́ ницаво́; *Волчково*: на́шы-жы луга́; *Бѣлясево:* „мы Паго́стиньскъва прихо́ду", „гля́нь-ка, я́ ти гӑварю"—*Акулово* Китов. волости, но: *γ*де́, ба*γ*а́тай—ibidem.

Изъ предложеннаго обзора употребленія звуковъ *г* и *γ* въ нашихъ говорахъ можно видѣть, что звукъ *г* болѣе извѣстенъ на сѣверѣ Касимовскаго уѣзда, чѣмъ въ глубинѣ уѣзда или на югѣ его, почти исключительно звукъ *г* слышенъ въ сѣверо-восточномъ углу уѣзда, въ Дмитріевѣ и Даневѣ, а также по берегу рѣки Гусь къ сѣверо-западу, т. е. въ сосѣдствѣ съ Владимирской губерніей. Въ глубинѣ уѣзда, въ сс. Шостьѣ, Чарусѣ, Ветчанахъ, въ Тумскомъ краю слышны оба звука: и *г* и *γ*. Въ Ту́мскомъ краю рѣшительно преобладаетъ звукъ *γ*, хотя извѣстенъ и *г*. На югѣ уѣзда также рѣшительно преобладаетъ звукъ *γ*, и звука *г* совсѣмъ почти нѣтъ. Для насъ особенно важно, что звукъ *γ* извѣстенъ былъ въ древ-

нее время и въ Псковской области, гдѣ мы находимъ также и звуки: ц", ў, с^{ш}, з^{ж} (см. выше). Въ Псковской 2-ой лѣтописи читаемъ: не хотя ослушатися своего осподаря—37; хощемъ единого осподаря держатися—40; осподарь—45 и мн. др. при: господарь—45, и сами господари великіи князи—40 и друг.

Едвали не слѣдуетъ признать извѣстнымъ звукъ γ рядомъ со звукомъ *г* еще въ общерусскую эпоху во всѣхъ говорахъ, по крайней мѣрѣ, *для нѣкоторыхъ словъ*: почему, напр., теперь въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (напр., въ говорѣ Свіяжскаго, Козмодемьянскаго уу. Казан. губерніи), гдѣ *исключительно* мы слышимъ звукъ *г*, говорятъ рядомъ съ этимъ: оспода́, с оспода́ми, причемъ я иногда слышалъ оттѣнокъ звука γ въ началѣ этихъ словъ? Вѣроятно, такой-же звукъ слышенъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, какъ можно заключать изъ статьи въ Живой Старинѣ за 1894-й годъ о говорѣ въ этой мѣстности. Здѣсь отмѣчено: „звукъ *г* съ густымъ придыханіемъ *х*“: *Осподь*. (На эту статью я ссылался нѣсколько разъ въ своемъ трудѣ, но, не имѣя подъ руками журнала, не могу точно указать номера его). Срв. еще въ *вятскомъ* говорѣ: *хгорохъ* (Жив. Стар. 1892 года. Вып. II. Стр. 21), которое я признаю неточной записью вмѣсто: *гхорохъ*=*γорохъ*. (Срв. здѣсь ниже въ отдѣлѣ о звукѣ *к* и *к͡х*). Срв. въ Правой Грамотѣ 1483 г.: положили грамоты купчіе передъ *осподою*—АЮ. № 2. Срв. о господо—въ Духовной XIV—XV в.—АЮ № 409. II. Въ Судномъ спискѣ 1503 г.: о Оспожинѣ дни—АЮ. № 10. Княининъ человѣкъ, холопъ ли еси княинѣ, отъ княини отъ Анны въ Правой грамотѣ 1547 г.—АЮ. № 22. Въ Докладной Грамотѣ ок. 1485 г.: доложа Осударя—АЮ. № 31. Въ Духовной князя Никиты Александровича Ростовскаго 1548 г.: у княгини и у княини, далъ княинѣ и проч.—АЮ. № 420. Срв. № 421 и друг. Сюда же относятся такія произношенія, какъ: Арханьилскую—АЮ. № 19. Срв. Арханьгилскою—№ 26. № 97. Замѣчательно, что № 16 писанъ „на Москвѣ“ 1532 года, а №№ 26 и 97 писаны „Архангельскими земскими дьячками“, и въ нихъ нѣтъ такихъ написаній, какъ въ № 19. Какъ произносили въ Москвѣ звукъ *г* въ XVI-мъ столѣтіи въ этомъ словѣ? У Востокова (Опис. ркп. Р. М. № XLIV. 15) есть описаніе грамоты въ Колывань 1579 г., изъ правописанія которой мы мо-

жемъ видѣть, что звукъ *γ* не передавался на письмѣ: „ѿ а"се'ско' намѣника и воеводы. Писана в во'чинѣ... в горо'' а"слѣ“ [1]).

Мнѣ кажется также, что нужно признать въ русскомъ языкѣ переходъ мягкаго *г* въ мягкое *д* явленіемъ фонетическимъ, какъ и явленіе перехода мягкаго *к* въ мягкое *т*. Это явленіе перехода легко объясняется физіологически, а нынѣшніе говоры, въ которыхъ почти всякое *к* мягкое звучитъ, какъ мягкое *т* (напр., въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казан. губерніи Мансуровской волости), доказываютъ, что это явленіе фонетическое и однородное съ нынѣшнимъ и древне-русскимъ переходомъ мягкаго *г* въ мягкое *д*. Въ нашихъ говорахъ тоже извѣстенъ послѣдній переходъ: Динáдій Ляксáндрыц—*Велькова*. Срв. въ Псковской 2-ой Лѣтописи очень часто: Жидимонтъ—стр. 27, 28, 29 и друг. Соврем. áньдел, Евдéній и т. п. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1156 г. мы имѣемъ: *Гюрги* поиде къ Кыѥвȣ... и приꙗ и князь *Дюрги* съ чьстью... И благословиша кн. *Дюргя* Володимирича... Въ Евгеньевской Псалтыри до 1100 г.: въ лѫзѣ бо въ дрѫздѣ (Срезневскій). Можетъ быть, принимая переходъ мягкаго *г* въ мягкое *д* за явленіе фонетическое, мы будемъ въ состояніи объяснить себѣ и обратный переходъ мягкаго *д* въ мягкое *г*, который мы часто наблю-

---

[1]) Двоякое *г* въ древне-русской письменности различалось тѣмъ, что γ не писалось, такъ какъ для этого звука не было начертанія: осподарѧ, осподарю—Рус. Достоп. II. 64. Лавр. лѣт. ѡспдна—л. 47. осподарь—Акты Арх. Эксп. I. № 16. ѡсподаря——на чарѣ черниговъ. кн. Владимира Давыдовича до 1151 года (Срезневскій). См. по этому поводу *Колосова*. Обзоръ. Стр. 197. *Ogonowski*. Studien... 91. (оспóдарь). *Шахматовъ*. О языкѣ Новг. Грамотъ. Спб. 1886. Стр. 166. § 19. Затѣмъ, въ Лавр. спискѣ мы имѣемъ при: гюргевци—л. 151. ст. 2. юргевци—151. 2. гюргевъ—163. 1. Выше мы видѣли Гюрги и Дюрги. Сравни въ нашихъ говорахъ: склаjём—1 л. мн ч. (=складёмъ), хójут (=ходятъ) и др. Значитъ, устанавливается фактъ перехода въ древне-русскомъ языкѣ (въ сѣверныхъ и центральныхъ мѣстахъ нынѣшней Россіи) звука *г* мягкаго (или, можетъ быть, γ мягкаго) въ *j* и въ *д* мягкое и обратно, тогда какъ звукъ γ твердое слышался ясно, но не изображался на письмѣ. Вѣроятно, поэтому нужно читать: княjиня, а не княиня, какъ написано; равно и: Арханьjилского, а не Арханьилского и проч. Срв. соврем. áньдел, архáньдел.

даемъ въ древне-русскихъ памятникахъ сѣвернаго происхожденія: въ Новгородской Синодальной Лѣтописи XIV вѣка: дъжгь—л. 45. 46. 49. (фототип. изд.); дъжгемь—63. 210. Но: дъждемь—250. Въ Псковской 2-ой Лѣтописи: „и потомъ не бысть дожгя“ —Стр. 44.

Мягкій звукъ к, находясь въ такомъ же положеніи, т. е. передъ гласной, переходитъ въ звукъ мягкій *т*, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ нашихъ говоровъ: „штăбы эти *нйтти* г дялóм нъме'стйть“—*Ивановское* Ветчап. волости Касимов. уѣзда. Вообще, это явленіе въ нашихъ говорахъ очень рѣдкое, какъ и явленіе перехода мягкаго *г* передъ гласнымъ въ мягкое *д*; намъ удалось записать только по одному примѣру. Но въ другихъ говорахъ, какъ въ говорахъ древне-русскаго языка, такъ и въ говорахъ современнаго намъ русскаго языка, это явленіе хорошо извѣстно и распространено. Въ древне-русскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ: въ Новгородскихъ Купчихъ XIV—XV вѣка: братъ его Лутьянъ—АЮ № 71. IX при: Лукіянъ—ib. № 71. XIII. Срв. въ современномъ говорѣ Сибири: тину, рукавичти, речте (=рѣчкѣ)—*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. II. 25. Это явленіе перехода *к'* въ *т'* и *г'* въ *д'* и наоборотъ особенно распространено въ малорусскихъ галицкихъ говорахъ, гдѣ мы находимъ: кіло, кіженько, негіля, вигіли, кісто, глєгіти, лекіти, кєгати, хогімъ, на свікі, госкі, кєжко и друг.—*Соболевскій*. Ibid. IV. 51. 52. 60. Особенность здѣсь та, что въ представленныхъ примѣрахъ мы имѣемъ звуки *к'* и *г'* вмѣсто *т'* и *д'*, а не наоборотъ, какъ мы видѣли въ великорусскихъ говорахъ. Далѣе, по наблюденіямъ изслѣдователей, оказывается, что въ галицкихъ говорахъ такое мягкое *г* звучитъ всегда, какъ *г*, а не какъ *γ* (*Соболевскій*. ib. IV. 51. Прим. 2). Слѣдовательно, малорусское мягкое *г*, повидимому, указываетъ намъ на то, что древне-русскій звукъ *γ* мягкое не переходилъ въ мягкое *д*, такъ что, вѣроятно, лишь мягкое *г* могло переходить въ мягкое *д* и наоборотъ, а мягкое *γ*, вѣроятно, переходило въ *j*: гюргевци—юргевци (выше).

Мягкій звукъ *к*, какъ извѣстно, является еще въ положеніи *послѣ мягкаго* слога въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ: въ вятскомъ [1]), во многихъ южно-великорусскихъ. Въ

[1]) По этому вопросу см. статью *Бодуэна-де-Куртенэ:* Zur Palatalisierung... въ Jndogerm. Forschungen. III. 1894. Срв. *Соболевскаго*. Древній цсл. языкъ. М. 1891. Стр. 114—115.

нашихъ говорахъ мы имѣемъ довольно рѣдко это умягченіе звука *к* послѣ мягкаго слога или звука, но надо признать это явленіе весьма древнимъ и принадлежавшимъ нѣкогда всему русскому языку. На это указываетъ намъ фактъ перехода такого *к* въ суффиксѣ въ *ц* во многихъ русскихъ говорахъ въ словахъ, именно, съ суффиксомъ—*ик*,—вмѣсто котораго является діалектическое—*иц*. Такъ, мы имѣемъ: въ Яросл. Пошехон.: брусница, поляница, ежевица, земленица [1]); наоборотъ, въ южно-рязан. мы слышимъ: корика вм. корица. Можетъ быть, переходной ступенью между этими формами нужно считать формы съ мягкимъ *к*, которыя сохранились во многихъ говорахъ [2]): корик'а, земленик'а и т. под. Не знаю, чѣмъ объяснить переходъ звука *к* въ звукъ *г* въ такихъ словахъ во многихъ говорахъ: ежевига, клубнига, брусвига (Казан. губ.), ежовига, клупнига (Владимир. Муром. *Колосовъ*. Замѣтки. 299). Въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ: ўну́чькя—*Киструсъ* Спас. у.; адну́ капе́йкю—*Ижевское* (только женщины); то́лькя—*Воскресенское;* но и: то́лька, ско́лька—ib. и *Ерахтуръ* Касим. у.; рюма́ч^нкю, мало́динькяй—*Нармушадь;* сво́йськяя, но то́лька—ib; ро́ўнинька, ко́лькā—*Шостья;* но́винькяй—*Антоново*; Даньке́ва, Данькёськіјп—*Ярыгино* (на границѣ съ Владим. губ.); пе́чька—*Гус. Погостъ;* то́лька—*Ул. Гора*; хърашéнькя—*Дмитріево* (на границѣ съ Влад. г.); за́инькя—*Данево* (тоже), но: капе́йку, мӑлачька́—ib и *Гус. Погостъ;* Бе^ількёськіји—*Бѣльково* (тоже); из Бе^ількёва, „хо̆ш цапо́м, хо̆ш валько́м"—д. *Китово*; мане́нька—ib.; по́нькя—с. *Китово*; „не^і забу́ть-кя"—ibid.; въ деревнѣ *Китовѣ*, въ пяти верстахъ: „не^і забу́ть-ка". Я ко́лька жыла́-та?—*Урядино*; ис то́нинькай—*Чарусъ*; „сица́с ма́нинькай! пыни забйли дажжа́" (=дождй)—*Ивановское*; глу́пинькюю—*Ветчаны*; пе́рьвинькяя—ib; я была́ мало́динькя—*Катово*; „т'ыть он Ту́мськяй"!—*Шаранина* (=Тумскій, изъ Тумы); „на щё яё го́рькяю"!—ib.; Юлинькя—*Чуфилово*;

---

[1]) *Даль*. О нарѣчіяхъ. LVI. Срв. также: кострика при кострица; жерлика при жерлица. (Опытъ Обл. Слов. s. v.).

[2]) Срв. статьи, указанныя выше, *Бодуэна-де-Куртенэ* и *Соболевскаго*. См. звукъ *к'* въ различныхъ говорахъ у *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. I. 16. 19. 20. II. 11. 18. 22. Въ говорахъ: Орловской, Воронежской, Курской (у *Халанскаго*), Рязанской (у меня: «Къ діалектологіи»), Новгородской, Ярославской, Вятской губерній.

мане́нька мало́шинпькяй ка́шы-ти—*Бычково*: ма́нйнькяя—*Норино*; рабо́тӑют хло́пькя (=*и*—вин. п. мн. ч)—*Парахино*; х по́нькях (=въ понькахъ), пѣ́çьни игра́ј͡уот дѣ́хькя (=дѣвки, имен. п. мн ч. См. отдѣлъ гласныхъ звуковъ. Выше), но́пи ста́ли зъплята́ть дѣ́хькям (=дѣвкамъ, дат. п. мн. ч.)—ib. и *Фомино*; муку́ пагрѣ́ш тсю́плинькяю (2 л. ед. ч. буд. вр.; тёпленькую)—*Парахино*; он тада́ был ма́пйнькяй—*Алексѣево*; прiѣ́дйш то́лькя на па́с—ib., но́винькяiй ку́пим—1 л. мн. ч.—*Волчково*; цайкю́—род. п. ед. ч. (=чайку́)—*Ламакино*; то́льки адйн ве́цы̆р—*Ветчаны*; ұряцы́шнинькяй род. п. ед. ч. ж. р. (=гречишной)—*Катово*; но́вйнькiя саро́ка (=—ая, им. п. ед. ч. ж. р.; „саро́ка"—женскiй головной уборъ)—*Акулово* Китов. в.; „гля́нь-кя, плато́цы̆к купи́ла пло́хйнькяй"—ibidem.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что явленiе смягченiя звука *к* послѣ мягкаго слога или звука извѣстно и въ сѣверной части Рязанской губернiи, но здѣсь это явленiе встрѣчается рядомъ съ твердымъ *к* въ такомъ же положенiи и не составляетъ постояннаго правила, какъ на югѣ. Надо думать, что мягкое *к* принадлежитъ къ числу остатковъ отъ старины, а тотъ фактъ, что въ означенномъ положенiи, напр., въ суффиксѣ—*ик*,—звукъ *к* переходитъ въ звукъ *ц* по преимуществу *въ сѣверно-великорусскихъ* говорахъ, указываетъ, мнѣ кажется, на то, что сѣверно-великорусскiе говоры нѣкогда тоже имѣли это мягкое *к*, какъ имѣютъ его нынѣ южно-великорусскiе говоры.

Что касается другихъ видоизмѣненiй первоначальнаго звука *к* въ нашихъ говорахъ, то слѣдуетъ замѣтить, что онъ очень часто переходитъ въ звукъ *х*, который, въ свою очередь, чередуется съ звукомъ *к* и переходитъ въ звукъ *к*. Передъ согласнымъ *т* звукъ *к* почти всегда, какъ и на югѣ губернiи, звучитъ, какъ *х*: так и сᵐягда́ та́х-та!—*Ветчаны*; ұ дъхтара́м—дат. п. мн. ч.—*Логино*; до́хтура нѣ́т—*Семеино*; варо́цӑй на тра́хт!—*Амляшово*; „у на́с та́х-та ня но́сј͡уот"—3 л. мн. ч.—*Парахино*; Микала́й Ви́хтърӑвиц—*Алексѣево*; хто вм. кто—повсемѣстно и въ Спасскомъ уѣздѣ также; трахти́р—*Ижевское* Спас. у.; та́х-та, ў трахти́рѣi—*Ерахтуръ* Касим у.; „нъцава́ть ка́к уш та́х-та ня пу́стить"?!—неопр. н.—дер. *Китово*; пало́жут та́х-та!—*Ивановское*. Передъ согласнымъ *п* мнѣ пришлось слышать только однажды: „х пла-

хо́й шо́л“ (=къ плохой)—*Уланова Гора*. Передъ согласнымъ *р* звукъ *к* переходитъ всегда въ звукъ *х* въ словѣ *крестъ* и производныхъ: хре́сная (мать) — *Ерахтуръ*; у́ хрясцы́ (въ крестцы́, кресте́цъ - небольшой стогъ) — *Шостья*; бис хряста́ — д. *Китово*; хряще́нья, хрясты́ — *Уланова Гора*; хрищшэ́нья— *Дмитріево*; хрясти́тиль — *Борисково*; какъ хре́ст на цэ́рьхви— *Горы*; на Ива́на Христи́тьля—*Агѣево*; на хрясте́, как он хре́ст нёс — *Логино*; мать хре́сная—*Андроново* (Малахово); „с хрясто́м пайду́ адны́м“—*Алексѣево* и т. под. Съ этими словами *крестъ* и *Христосъ*, *Христа* ассоціировалось и слово „крестьянинъ“: у христья́н—*Ерахтуръ* Касим. у,; звукъ *х* вмѣсто *к* мы слышимъ еще въ нашихъ говорахъ часто въ словѣ *церковь* въ косвенныхъ падежахъ ед. и множ. чиселъ: как хре́ст на цэ́рьхви—*Горы*; „цэ́рьхве́й-та мно́ɣа“—*Логино* и друг. Что касается слова *крестъ* съ производными, то въ этихъ словахъ уже въ глубокой древности мы встрѣчаемъ начальный звукъ *х* вмѣсто *к*, какъ свидѣтельствуютъ о томъ памятники письменности: въ Изборникѣ 1073 г. - хрі́стити—л. 28 об. 46 об. 48. 58 об. и др Срв.: на кристѣ Кристосовѣ—ib. 157. Въ Галиц. Ев. 1144 г. хрьстити—л. 5 об. 44. Въ Лавр. спискѣ подъ 1096 г.: за не принѹди мя сынъ твои ѥго же ѥси хрьстилъ; въ Крестной Грамотѣ кн. Всеволода князю Владимирку (въ Ипат. Лѣт. подъ 1144 г.): Володимерко възверже ѥмѹ грамотѹ хрестнѹю. Срв. подъ 1147 г.: хрест'ными грамотами, хрестъ ѥста перестѹпила... поверже имъ грамоты хрестныѩ. Или: въ Лавр. спискѣ Лѣтописи подъ 1197 г.: а, брате и свате, пошли грамоты хрестьныѣ поверзи имъ, а самъ поиді на конь. Подъ 1096 г.: да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малымъ братомъ своимь... и мн. др. Хрестное цѣлованіе мы встрѣчаемъ, напр., въ Псковской 2-ой Лѣтоп. Стр. 11. сынъ хре́стьный—Смол. Лѣтопись Авраамки—стр. 73. ризы хрестцатыи—ib. 78. 87 и друг. Слово „крестьянинъ“ съ начальнымъ *х* мы встрѣчаемъ тоже въ памятникахъ древней письменности: спросите, господине, нашихъ хрестьянъ—Правая Грамота 1485 г.—АЮ. № 3. хрестьяня—ib. № 6. срв. № 8. 17. 11. 19. 20. Но: за волостными крестьяны—№ 26. срв. опять № 46 и друг. Звукъ *к* передъ *т* является въ формѣ *х* также въ древнихъ памятникахъ письменности: въ Лѣтописи Авраамки 1495 г. мы имѣемъ: царь Тохта и царь Токта— стр. 56 и 57. Галахтіона—АЮ. № 68. 1666 г. (подписи).

Интересно также, что звуки *к* и *х* чередуются передъ гласными: въ нашихъ говорахъ мы имѣемъ: скаро́нютца (= схоронятся)—*Шостья*: пăкъранйли (=похоронили)—*Гусевской Погостъ*; каравóт—*Уланова Гора*, *Дмитріево* и др.; кăраводы вóдют—*Бѣльково* [1]); ушóл с Пáски—*Ивановское*, *Андроново*, *Акулово*, *Праватарово*; скăранйли—*Горы*, *Бѣльково*, *Расторгуево*, *Меркулово* и друг.; вмѣсто „сходить" часто - „скади́ть": „мнѣ суды́ скади́ть-та цавó стóит"—*Шаранина*; ты ищё скóлиш—2 л. ед. ч.—ibid. и друг. Основное *к* мы имѣемъ въ произношеніи: „язы́к мя́кăк"—*Чуфилово* Касим. у. Въ произношеніи: „с Праскóвьјій Никéвнай" мы, можетъ быть, имѣемъ *к* вмѣсто *х*, если „Никéвнай" вмѣсто „Михéвнай" отъ имени „Михéй"—*Немнясево* Касим. у. Наконецъ, замѣтимъ мягкое *х* въ произношеніи: хязя́ўам—дат. п. мн. ч.—*Ерахтуръ* Касим. у.; у хязя́йна жыву́ть—*Урядино*. Мягкость звука *х*, вѣроятно, здѣсь подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго звука *з*.

Въ древне-русской письменности чередовались написанія (и произношенія?) словъ: схима и скима, Колмогоры и Холмогоры, ханъ и канъ, казаръ и хазаръ. Срв. въ Олонецкихъ былинахъ: клюха, клюшка при нашемъ литературномъ „клюка". „Скимнаго образа"—въ грамотѣ печер. игумена Василія къ Кириллу Туровскому (Прибавленія къ Твор. св. Отц. X 347): азъ же не о собѣ скажю ти о св. скимѣ, но отъ св. книгъ—ibidem. Въ Ипат. Лѣт. подъ 1147 г.: бѣ бо черноризьць скимникъ. Скима и скыма—въ Смол. Лѣт. Авраамки стр. 53. 67 и др: Псков. 2-ая Лѣтопись. Стр. 42. 55 (Прибавленія). На Колмогорахъ—Грамота 1532 года—АЮ. № 19. Колмогорцы—Грам. 1612 г.—ib. № 26 и друг. Такъ-же въ Лѣчебникѣ 1665 г. (Собраніе ркп. Пискарева. № 196). Срв. книги отдѣльныя Моск. Новоспаск. монастыря 1614 г. (Собр. ркп. Бѣляева. № 97). Въ говорѣ Лаишев. у. Казан. губ. я встрѣтиль произношеніе „гóршунъ" вм. кóршунъ; здѣсь мы видимъ звукъ *г* передъ гласнымъ вмѣсто *к*. Я не могу подыскать какой-либо правдоподобной аналогіи для замѣны звуковъ въ словахъ: хоронить, холмъ, клюха, сходить..., а потому задаюсь вопросомъ: не было-ли когда-нибудь въ русскихъ

---

[1]) Срв. «па кăраўóду»—*Зубово*, *Норино* Касим. у. и на югѣ Ряз. губ.

нарѣчіяхъ звука слитнаго въ родѣ *кх*, подобно другимъ языкамъ, который слышался мѣстами съ преобладаніемъ перваго элемента, мѣстами съ преобладаніемъ второго? Повидимому, въ пользу такого предположенія говоритъ отмѣченное выше явленіе звука „*г* съ густымъ придыханіемъ *х*“ въ Олонецкой губерніи Вытегорскаго уѣзда, затѣмъ вятское *гх* (*гγ*) или *хг* въ словѣ *хгорохъ*, и произношеніе слова „оспода́“ съ слабымъ оттѣнкомъ начальнаго *γ* въ Свіяжскомъ уѣздѣ Казан. губерніи. Если до сихъ поръ слышится въ свр. говорахъ слитное звуковое сочетаніе *гγ*, и оно отмѣчено наблюдателями, то этому дифтонгическому сочетанію прямо соотвѣтствовало-бы предполагаемое нами сочетаніе глухихъ звуковъ *кх*. Не обладая практическимъ знаніемъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій и не слыхавъ живого говора многихъ изъ южныхъ и западныхъ славянъ, я не чувствую за собой права настаивать на *общеславянскомъ* происхожденіи дифтонгическихъ сочетаній *гγ* (gh) и *кх* (*кχ*), но, какъ свою догадку, выскажу предположеніе, что эти звуки должны были быть извѣстны въ эпоху общеславянскую и литовско-славянскую. Предположеніе свое я основываю на слѣдующемъ: въ современномъ верхне-лужицкомъ нарѣчіи мы имѣемъ почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ русскихъ нарѣчіяхъ стоитъ звукъ *х* передъ гласной и даже согласной (діалектически— звукъ *к*), звуковое сочетаніе *kh* (*кχ*?). Напримѣръ: при стрсл. ходъ, ходити мы имѣемъ въ ново-слов. chod, choditi [1]); въ болг. ход (заход), ходја; серб. ход, ходити; чш. chod, choditi; польск. chód, chodzić; нижне-лужиц. chod, chojźiś; общерус. ходити, ходъ; но въ верхне-лужиц.: *khod*, *khodźić* при этомъ литов-

---

[1]) Не понимаю, зачѣмъ *Миклошичъ* въ своемъ Словарѣ (Etym. Wtb.) употребляетъ *два* разныхъ знака для *одного* звука: стрсл. болг. серб. у него написано; hодъ—hод, польск. и чш. chod. Между тѣмъ *Миклошичъ* употребляетъ знакъ *h* для звука γ: gąba—houba, hubka, huba и мн. др. Такимъ образомъ, его транскрипція можетъ ввести въ заблужденіе: если *ch* у него есть *х* (χ), то надо это *ch* писать и въ стрсл. словахъ, а онъ пишетъ тамъ *h* въ значеніи же звуха *х* (χ). Срв. у него же въ «Словарѣ шести слав. языковъ» (В. Спб. 1885), гдѣ мы видимъ: *ch* только для чешскаго и польскаго въ значеніи *х* (χ), какъ и слѣдуетъ, а для стрсл. болгар. и серб.—начертаніе *х*.

скій яз. представляетъ звукъ *k*: dakadas, žokadas. Стрсл. хлѣбъ, ново-слов. chlêb, болг. лѣб и хлѣб, серб хлjеб, чш. chléb, польск. chléb, нижне-луж. *kleb*, общерус. хлѣбъ, но верхне-луж.: *khleb*; литов. klëpas, латыш. klaips. Стрсл хлѣвъ, ново-слов. hlêv, болг. хлѣв, чш. chlév, польск chlew, нижне-луж. chlev, общерус. кхлѣвъ, (хлів, хлѣв и діал. клѣв), но верхне-луж.: *klev* (изъ *khlev); латыш klēvs... Стрсл. хмель, ново-слов. hmelj, серб. хмељ и мељ, болг. хмел, чш. chmel, польск. chmiel, нижне-луж. chmel', общерус. хмель, но верхне-луж. *khmjel*. Стрсл. хохотати при верх.-луж. *khachotać*, *khachot*; русск. хохолъ; верх.-луж. *khochoł*. Стрсл. хладъ—верх.-луж. *khłod*. Стрсл. хлапъ—лит. klapas. Стрсл. хомѫтъ—верх.-луж. *khomot*, литов. kamantai. Стрсл. храбръ, болгр. рабър (?), в-луж. *khrobły*. Стрсл. хорѫгы, др. серб. коругва, чш. koruhev, в.-луж. *khorhoj*, млр. короўва, влр. діал. корогва; литов. karūna, лотыш. karōgs. Русск. ховати—в.-луж. *khovać*, литов. kavovë (сущ.), лотыш. kavāt, kavēt. Стрсл. хрьбьтъ в.-луж. *khribjet*. Стрсл. хрѣнъ—литов krënas. Рус. хрипъ, хриплый—в.-луж. *khrapy*. Рус. хровате (лѣтоп.)—польск. karwat. Стрсл. хоудъ—в.-луж. *khudy*, литов. kudas. Рус. хустка, лит kuska. Рус. *кхуторъ (хуторъ, діал. куторъ).—Стрсл. хвала, серб. хвала при *вала*, в.луж. *khvała*, литов. kvola. Рус. хвоя—польск. choja, в.-луж. *khojna*. Стрсл. хврастъ, в.-луж. *khrost* [1]). Стрсл. хвостъ—в.-луж. khošćo. Стрсл. хлъмъ, в.-луж. *khołm*. Стрсл хрътъ, в.-луж. *khort*, литов. kurtas. Стрсл. хытити, в-луж. *khićić*, лит. kītras (хитръ). Стрсл. хватити - в.-луж. *khvatać*, *khvat*. Рус хилъ, хилить—в.-луж. *khileć*. Стрсл. подхыбьнъ—в.-луж. *khiba*, *khibić*. Рус. хирѣть, хворый,—в.-луж. *khory*. Стрсл. хызъ—в.-луж. *khježa* [2]). Стрсл. хромъ,

---

[1]) Выпаденіе звука *в* (*v*) во многихъ изъ слав. нарѣчій, напр., въ словахъ: *хвоя*, *хворый*, *хворостъ*, *хвостъ*, *хвиля* и друг.: choja, chylá (в.-луж. *khvila*), chory, chrast, chošć... подтверждаетъ сказанное нами выше о звукѣ *в*=*ў*. Въ эпоху общеславянскую и праруcскую звукъ *в* (*v*) не могъ быть такимъ, какимъ мы слышимъ его сейчасъ, въ противномъ случаѣ не были бы такіе результаты звуковыхъ измѣненій. Это былъ *неслоговое и*, можетъ быть, мѣстами, т. е. діалектически—*v* (*в*) или звукъ очень близкій къ *v* (*в*).

[2]) Во многихъ изъ приведенныхъ здѣсь словъ (лѣб. мељ, рабър, вала) мы видѣли *отпаденіе* звука *x*. Это отпаденіе могло происходить только въ той группѣ языковъ, которые изъ общеславянскаго сочетанія *кх* унаслѣдо-

болг. хром, серб. хром, чш. chromý, польск. chromy, н.-луж. chromy, рус. хромъ, но въ верх.-луж.: *khromy.* Срв. въ болгарскихъ говорахъ: пазука, грекóви (*Лавровъ.* Обзоръ зв. и форм. болгар. языка. М. 1893. Стр. 94—95). Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ примѣровъ можно, кажется, замѣтить, что былъ какой-то индо-европейскій звукъ (можетъ быть особаго рода звукъ *s*), который рефлектировался въ литовско-славянскую эпоху сочетаніемъ *к͡χ*, причемъ въ литовской вѣтви развился отсюда звукъ *к*, а въ славянской частью *χ*, частью *к*, частью сохранился *к͡χ*. Звуковое сочетаніе *к͡χ* нужно считать древнѣйшимъ, такъ какъ изъ этого сочетанія можно легко объяснить и позднѣйшее *к*, и позднѣйшее *χ* въ различныхъ языкахъ и говорахъ. Замѣчательно, что не всякое *к* можетъ чередоваться съ *χ* въ слав. нарѣчіяхъ: такъ, тотъ звукъ *к*, который соотвѣтствуетъ основному *к*, и въ слав., и въ русскихъ нарѣчіяхъ не имѣетъ діалектическаго чередованія съ звукомъ *χ*, т. е. звукъ *к*, напр., въ словѣ „который", „конь", „кожа" „край" и под., не чередуется по говорамъ въ этихъ словахъ съ звукомъ *х*; намъ неизвѣстны произношенія „хоторый", „хонь" и под., между тѣмъ какъ звукъ *х*, полученный общеславянскимъ языкомъ изъ какого-то другого основного звука, находится въ чередованіи со звукомъ *к* (см. выше) и въ слав. и русскихъ нарѣчіяхъ, а верхне-лужицкое *kh* и литовское *к* въ соотвѣтствіи съ звукомъ *х* другихъ славянскихъ нарѣчій, вмѣсто котораго является и въ этихъ нарѣчіяхъ діалектическое *к*, повидимому, указываетъ на литовско-славянскій звукъ *к͡χ*. Мы, напр., просматривая слова съ основнымъ общеславянскимъ звукомъ *к* въ Этимологическомъ Словарѣ Миклошича, не нашли почти ни одного слова, которое бы давало вмѣсто основного *к* звукъ *χ* въ слав. нарѣчіяхъ, равно и верхне-лужицкій языкъ въ такихъ случаяхъ не предлагаетъ дифтонгическаго сочетанія *к͡χ* (*kh*), а имѣетъ вездѣ звукъ *к*. Отдѣльно стоятъ слова: при рус. карась—в.-луж. *kharaś*; рус. крестъ—в.-луж. *khšest* (срв. рус. діал. хрестъ и хрёстъ и проч. выше. Здѣсь чередованіе не фонетическое). Мы затрудняемся возвести означенные выше звуки къ какому-

---

вали и развили у себя лишь *второй* звукъ (*х*) этого сочетанія Это *х*, какъ и γ, могло отпадать: *оспода*.

нибудь основному звуку *придыхательному* (звонкому или глухому) въ виду того, повидимому, прочно установленнаго факта, что индоевропейскіе звуки придыхательные, какъ звонкіе, такъ и глухіе, еще въ литовско-славянскую эпоху утратили свое придыханіе и совпали съ индоевропейскими звонкими и глухими *непридыхательными*.

Въ виду нѣкоторыхъ указаній, напр., слова хромъ, мы позволили себѣ выше высказать догадку, что, можетъ быть, въ данномъ случаѣ нужно искать или предполагать индоевропейскій *особый* звукъ *s*, тогда звонкимъ былъ бы какой-то *особый* звукъ *z*. Но это, конечно, только одно предположеніе. Однако какому основному звуку соотвѣтствуетъ звукъ *х* въ нашемъ словѣ хладъ—холодъ или хлъмъ—холмъ и друг.? Срв. „ходъ—ходить“ при корнѣ sad —(Срв. также *Schleicher*. Compendium. Weimar. 1876[4]. Стр. 283. Примѣчаніе).

Глава XI-ая.

О звукахъ язычныхъ (плавныхъ) *р* и *л* въ говорахъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Выше мы говорили о мягкости и твердости звука *р* въ зависимости отъ его положенія въ словѣ; мы видѣли, что звукъ *р* становится твердымъ при слѣдующемъ гласномъ *ы* вмѣсто основного или литературнаго звука *и*, и наоборотъ— часто звукъ *р* становится мягкимъ въ нашихъ говорахъ, и въ связи съ этимъ измѣняется сосѣдній гласный. Здѣсь мы приведемъ нѣсколько относящихся сюда примѣровъ со старымъ или новымъ мягкимъ звукомъ *р*. Такъ, мы слышимъ произношеніе: Кӑмаре́ф (фамилія)—*Выжлисъ* Спас. у.; кӑмари́—им. п. мн. ч.—*Катово* Касим. у.; кама́рь бы́л во́т како́й! ӑт кӑмаре́й му́жаве́льник жгли!—*Рогачево*, *Семеино*; ӑγурьцэ́й—род. п. мн. ч. (=огурцовъ)—*Ерахтуръ*; ӑгурьчи́—*Антоново*; ӑγурьцы́—*Катово*; ӑγурьцэ́й—род. п. мн. ч.—ibid.; „ӑγурьцы́ Ильи́н де́нь пъстява́ют“—*Акулово*; такое-же мягкое *р*, какъ на югѣ Ряз. губерніи, мы встрѣчаемъ въ суффиксѣ передъ *ц*: се́рьцӑм—твор. п. ед. ч. *Шостья* Касим. у.; на се́рьцы (у мня́)—мѣстн. п. ед. ч.—*Бѣльково;* к се́рьцу— д. *Китово*; на се́рьцы ни висяло́—*Чарусъ*; се́рьца аста́лась—

Алексѣево; ӑсярьцáнш—2 л. ед. ч.—*Снохино*; срв. „да свавó дварьцá"—д. *Китово*; тавáрьцу—род. п. ед. ч.—*Забѣлино*. Произношенія: да зӑутря та?—*Рогачево*; паслúя затрúя—*Семеино* стоятъ въ связи съ произношеніемъ „зáфтри", „зáтри" и встрѣчались намъ также и на югѣ Ряз губерніи. Произношенія: рӑзарю́тца—3 л. мн. ч (=разорýтся, раскричатся)—*Бычково*; арют—3 л. мн. ч.—*Парахино*; арю́т—3 л. мн. ч. — *Данево*—заимствуютъ мягкое *р* изъ формъ, гдѣ это *р* стоитъ передъ мягкимъ гласнымъ: орéшь, орéтъ и под. Въ нѣкоторыхъ словахъ сохранилось старое *р'* передъ суффиксомъ: к стӑрьшынѣ́—*Выжлисъ* Спас. у.; стáрьша—срв. степ. (=старше)—*Нармушадь* Касим. у.; пӑстáрьшы—срв. степ.—*Дмитріево*; но: стӑршынá—*Бычково*. Въ слѣдующихъ случаяхъ мягкое *р* обусловлено положеніемъ его передъ слѣдующимъ мягкимъ звукомъ: „с пастá зӑскарьбúла" (=затосковала, заскорбѣла, заболѣла)—*Киструсъ* Спас. у.; ў фтóрьник—*Деревенское* ib.; ў бéрьди—мѣстн. п. ед. ч—*Шостья* Касим. у.; кирьпúшная—*Гус. Погостъ;* ве^ірьтúс'с'и—2 л. ед. ч.—ibid.; *р* мягкое мы слышимъ также въ словѣ: „хéрьшӑла нéт"—*Ерахтуръ*. Наконецъ, цѣлый рядъ произношеній уясняетъ намъ исторію общеславянскихъ сочетаній: неслоговой ирраціональный гласный + плавный слоговой звукъ между согласными (ър, ъл, ьр, ьл): вéрьба—*Нармушадь* Касим. у.; пéрьвай—*Ерахтуръ*; цэ́рьпӑла—ib.; д^зéрьүе^інка—ib.; цэ́рьви—им. п. мн. ч.—*Шостья*; пéрьва—нарѣч.—ib.; дéрьгали—ib.; вéрьбную не^ідѣлю—*Антоново*; сперьвá—*Дмитріево*; дéрьгае^ім—1 л. мн. ч.—*Китово;* зéрькӑла—*Ветчаны*; „цэлавѣк дéрьгаить рукáми"—*Катово;* срв. дéрьнит—3 л. ед. ч.—*Горы*; ка мнѣ́ пéрьва (=сперва)—*Чуфилово*; „се^ірьпы́ нӑзубряли"—*Андроново*; рукáми ни дéрьүаим—1 л. мн. ч.—*Праватарово*. Срв. кадá и цэ́рйф брасáя—*Акулово*, *Жалудково* (=червь бросаетъ); „кадá и бис цэ́рьва"—ib.; цэ́рйф какóй пӑдъядáл—*Амляшово;* Ме^ірькýлъс^шьки—*Меркулово* (=Меркýловскіе); съ другой стороны, мы слышимъ: „за сахóй—тъй дéржымси"—1 л. мн. ч—*Снохино*; „дéржут ня цáшу"—*Логино*; у нявó придóржыватца—3 л. ед. ч.—*Немнясево;* прадóржӥтя—2 л. мн. ч.—*Парахино*. Такое же произношеніе мы слышимъ и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ [1]).

[1]) Срв. съ вышеприведенной формой изъ нашихъ говоровъ форму въ пѣснѣ г. Шенкурска Арханг. губ. въ Сборникѣ *Истомина* и *Дютша*: «Дѣвка водý церьпатъ»—стр. 153.

Звукъ *р* мягкое мы слышимъ также въ словахъ: изрясцо́вӑя—*Гусевской Погостъ*; пиряшка́ зъкусить-ты—*Бѣльково* (=пирожка́); лӑ суме́ряк (пѣсня;=до су́мерокъ)—д. *Китово*. Въ такихъ примѣрахъ, какъ „пиряшка́", нельзя объяснять появленіе мягкаго *р* вліяніемъ предшествующаго мягкаго слога въ виду подобныхъ примѣровъ мягкаго *р* безъ предшествующаго мягкаго слога: сгоря́етъ—въ Олонецкомъ говорѣ (*Колосовъ*. Замѣтки .. ib. 183. Въ сказкѣ). Наоборотъ, твердое *р* мы слышимъ въ сло́вахъ: рӑзара́ють—3 л. мн. ч. (=разоряютъ)—*Шостья*; рабя́ты—*Дмитріево*; рабё́нка—род. вин. п. ед. ч.—*Данево*; ры́жёскай бальза́м (=рижскій)—*Гусевской Погостъ*. Срв. выше приведенныя слова: крыца́ть, крыца́ла—*Шостья*, *Ижевское*; пъкрыцы́ть—3 л. ед. ч.—*Нармушадь;* пе^і^ре^і^стры́ули—*Шостья;* те^і^пе́р—*Ерахтуръ* и друг. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что звукъ *р* былъ особенно склоненъ къ мягкости и отвердѣнію, т. е. былъ какой-то *р*, который звучалъ нѣкогда *полумягко* [1]).

Мягкое л иногда является вмѣсто мягкаго *н*: све^і^шшэ́льник — *Ерахтуръ* (=священникъ); снашэ́льница — *Шостья* (=сноше́нница). Срв. др. рус. москотинникъ—АЮ. № 7. при нынѣшнемъ „москательный"; десятилникомъ—АЮ. № 24. при „десятинный"; „со́тельная" (бумажка сторублевая) при „сотенная" и друг. Свяще́льник—*Зубово*; гӑраже́льник—*Бычково* (загороженное мѣсто); Немля́с^ш^е^і^ва=*Немня́сево* (деревня); Со́слина=*Со́снино* (деревня)—*Праватарово*, *Андроново*. „Ни присталей у нас нѣт"—*Китово*. Слово „присталь" вмѣсто „пристань" могло образоваться и не фонетически. Съ другой стороны, мягкое *л* могло фонетически чередоваться съ звукомъ *j*: у дасто́льнай бла́уъстили—*Киструсъ* Спас. уѣзда; замѣчательно произношеніе: нал'л'у́ть=нальють—3 л. мн. ч.—*Шостья* и: сё се^і^ле́н'н'а (=всё селе́нье)—ibidem; это напоминаетъ блр. и млр. произношенія, но такого произношенія я больше нигдѣ не встрѣтилъ. Срв. др. рус. горносталь—горностали—горносталей—АЮ. № 413. (1483 г.) и въ нашихъ былинахъ—при современномъ: „горностай" [2]).

---

[1]) Срв. въ Олонец. пѣснѣ (*Истоминъ*. Сборникъ)—разгоряетця—стр. 47. гряновитую—Был. *Гильфердинга*. 682.

[2]) «Горносталюшка»—*Гильфердингъ*. Былины. 43. Съ формой «нал'л'у́ть» и «се^і^ле́н'н'а» нашихъ говоровъ срв. въ говорѣ Путивльскаго уѣзда Курск.

Звукъ л вмѣсто *р* твердаго мы слышимъ въ словѣ: Пласко́вьјій — тв. п. ед. ч. (=Прасковьей)—*Праватарово*. Непонятно произношеніе: мӑластыр́ь харо́шай—*Логино* (=монастырь).

Въ заключеніе обзора звуковъ нашихъ говоровъ отмѣтимъ *мягкое н* передъ суффиксомъ—*ц* или—*ъц*, иначе сказать, отмѣтимъ сохраненіе въ нашихъ говорахъ древняго суффикса—*ьц*. Примѣры: ф каньцѣ́—*Борисково*; из мацэ́ньца—*Катово;* с каньцчя́—*Рогачево;* на то́м каньцѣ́—*Бычково*; пшаньца́ нѣ́ту—*Давыдово*; пало́ш палѣ́ньца—*Семеино*; х каньцу́—ib.; „два кушы́ньцы̆ка цара́сь вари́ла“—ib.; виньца́ли—ib.; туды́ сѣ́іньца́—*Расторгуево*; па аршы́ньцу—ib.; Анто́н на тѣ́м каньцѣ́ жыве́—*Чуфилово;* ка вяньцу́—*Меркулово*; три пакло́ньца—*Анисово*; ави́ньца три—*Парахино*; пълате́ньца—ib.; виньца́—*Фомино*; „праса́ лю́бют со́ньца“—*Алексѣево* и друг., какъ на югѣ Ряз. губерніи. Приставлено *н* въ словѣ: низьвини́ти—2 л. мн. ч. пов. н.—*Логино*; твердое *н* вмѣсто твердаго *м* слышно въ произношеніи: на Харла́нӑва (=Харла́мова)—*Зубово*.

Глава XII-ая.

Мелкія явленія въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ въ говорахъ Касим. уѣзда Рязанской губерніи.

Сокращеніе слоговъ и перестановка гласныхъ. Примѣры сокращенія мы слышали слѣдующіе: „А у каво́ до́ма нѣ́т-ти“? (=нѣту-ти)—*Ерахтуръ;* зны̆ш, бы̆т (какъ вводныя слова,=знаешь, баютъ)—ibid.; бӑславля́ють—ib.; мал' ма́ла—*Нармушадь*; „ўастя́м-ти да́-ка зӑкуси́ть“—ib. (=дай-ка); „топка кака́я пра' днаво́“ (=про одного), д'ыть он у на́с здѣ́сь жыни́лси, улятѣ́ли *дало́* (=долой), и так *дамо́* (=домой) прйвязу́ть—ibid. (см. выше); сафсѐм пеір'сыха́ла, у абѣ́х, маму́—дат. п. ед. ч. (=моему); па' зяра́м (=по озерамъ)—*Ерахтуръ*; у

губерніи: наллю́, ву́галля, замире́ння—у *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. Вып. I. Стр. 18. Въ говорѣ Черниговъ. губ.—ib. Стр. 20. Въ говорѣ Ржевск. у. Тверской губ.—ibid. Вып. III. Стр. 11.

ко̄'е́сть (=у каво́)—*Куземкино*; п'латно́ (=полотно), хӑладьнѣ́ (=ѣе, сравн. ст.), привя́зъвуть—3 л. мн. ч. (=привязываютъ), таўси́нькуть—3 л. мн. ч. (=таўсинькаютъ=поютъ Таусень)—*Шостья*; за́уӑнья (=заговѣнье), зауа́дывуть, сваму́, сваво́, маво́ (см. выше), бу́т'ть=будетъ, ни' бдира́мшы (=не обдиравши), цо́рнӑва т'рака́па—*Шостья*; Брѣ́ва=Брѣево (названіе деревни)—ib.; Андре́ва пу́стын—*Лощина;* гурцы́ (=огурцы)—г. *Касимовъ*; зблазни́т—3. л. ед. ч. (=соблазнитъ)—*Уланова Гора*; н' Ула́нъву—ib. (=на Уланову Гору); у мня́ (=у меня)—ib.; см. выше; бӑслави́—*Дмитріево;* дми́трӣфьска—ib.; прима́е'т (=принимаетъ)—*Данево*; бӑславе́ньичя—ib.; у Маисе́й Андре́ва—*Гус. Погостъ*; Яго́р Зӣнаве́ф—*Забѣлино* (=Зиновьевъ); „'ть кака́я прада́жа"?! (=вѣдь....)—ib.; за' вра́гӑм (=за оврагомъ. См. выше объ этомъ словѣ. Въ своемъ мѣстѣ нами были приведены такія формы этого слова и изъ древняго русскаго языка актовъ и грамотъ. Быть можетъ, названіе одной Московской улицы: „Сивцевъ вражекъ"—указываетъ тоже на эту форму слова „оврагъ"), жыре'бья́ закла́ды̆вут, савѣ́ты̆вут—3 л. мн. ч.—*Бѣльково*; вот и хлѣба-та нава́жы̆вут, пе'р'дили́лись (=передѣлились), взду́мўт—3 л. мн. ч. (=вздумаютъ)—ib.; шэ́сь капе́к, хто́ бу́т карьми́ть?—ib.; Ки́т'скіјн (=Китовскіе)—д. *Китово*; и́бр$_{0}$дускӑй (=Йбердусовскій)—с. *Ибердусъ*, с. *Китово*; „жыре́лья бабро̆вая" (въ пѣснѣ)—д. *Китово*; „у мя хязя́ин по́мир"—*Урядино*; „мы Каси́мьскӑва уѣ́зду"—ib.; с каки́х пор ни уа́ю (=играю)—*Чарусъ*; мно́уа на́шых рабо́тут, здѣ́лут—ib.; „пахо́жа, пья́нствӑть"—3 л. ед. ч. (=должно быть, пьянствуетъ)—*Чарусъ*; дуб'вики́, бе'рё́з'вики (грибы)—*Ивановское;* „кауда́ ръжана́, ту́т пӑспиё́т" (=поспѣваетъ)—ib. Сравни съ этой формой форму др. рус. языка: доспію́—1 л. ед. ч.—АЮ. № 47. (Явка 1586 г.). Фся́кӑму хо̆тца (=хочется)—*Ивановское*; „тада́ н'ави́н ме́ть" (=тогда на овинъ мять)—ib.; пабѣ́дӑе'м—1 л. мн. ч. (=пообѣдаемъ).

Перестановку гласныхъ мы слышали въ словахъ: аржэ́ственскай=рождественскій—*Дмитріево* Кас. у.; ванаку́пле'ныјн=новокупленные (крестьяне)—*Забѣлино*; въ слѣдующемъ примѣрѣ переставлены согласные: „в э́тим ф приса́тки-ти наврё́м"—д. *Китово* (=въ этомъ въ присадкѣ-то нарвёмъ).

Общимъ для всѣхъ русскихъ говоровъ явленіемъ въ области согласныхъ представляется явленіе *смягченія согласныхъ*.

въ положеніи ихъ передъ слѣдующими *мягкими* согласными. Относящихся сюда примѣровъ поэтому мы приводить не будемъ: достаточно указать на два-три примѣра: абѣ́дьню, jе́зьдють, за́дьнijи, ɣру́зьди, си́тьницка, по́дьлѣ[i] и мн. др. Но также: „я атьʼэ́тих ɣадо́ў ушла́“—*Ерахтуръ*; „утьʼэ́та вядро́“—ib. и друг. Нѣсколько важнѣе случаи *отвердѣнія согласныхъ* и въ связи съ этимъ—отвердѣнія гласныхъ въ примѣрахъ: зьдѣ́шныjи, зьдѣ́шная — *Данево*, *Борки*, *Гус. Погостъ*; дре́внӑй (=древнiй) — *Нармушадь*; лѣ́тная вре́мя—*Шостья*; да́льную старо́нку—ib.; пре́жныjи-ти ушли́—*Ивановское*; зънима́е[i]мса—1 л. мн. ч.—*Шостья* и друг.; пу́стын (Андрева)=пу́стынь—*Лощина* (срв. за́пӑнь=за́панъ—*Шостья*); на югѣ Ряз. губерніи мы слышали: „ко́ршунь“ (=коршунъ; въ Лаишев. у Каз. губ.=го́ршун.); удо́ржыт—3 л. ед. ч.—*Ярыгино*; до́ржыт—3 л. ед. ч.—*Данево*, *Гус. Погостъ*.

Такимъ образомъ, мы представили обзоръ фонетики говора Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи, послѣ чего намъ слѣдовало бы обратиться къ морфологіи, но внимательный читатель, полагаю, уже могъ достаточно убѣдиться на безчисленныхъ примѣрахъ въ томъ, что морфологія нашихъ говоровъ не представляетъ ничего существенно — новаго и даже ничего особеннаго сравнительно съ морфологіей южныхъ говоровъ въ Рязанской губерніи. Дѣло все въ выдержанности или распространенности извѣстнаго морфологическаго типа: на югѣ мы видѣли въ морфологіи извѣстную выдержанность формъ, между тѣмъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными формами: въ глаголахъ мы видѣли 3-е лицо и на—*тъ*, и на—*ть*, и вовсе безъ окончанія. Само собой разумѣется, что окончаніе—*ть* проникло въ наши говоры изъ сосѣднихъ мѣстностей, какъ проникло и южное а́канье, на это указываетъ намъ то обстоятельство, что окончаніе—*ть* встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ—*тъ* и формы безъ личнаго окончанія, равно какъ и *аканье* здѣсь не вполнѣ южное, а образовавшееся изъ особаго оканья (см. выше и Заключеніе), на что указываютъ нѣкоторые дифтонги и долгота. Болѣе другихъ формъ замѣчательны въ нашихъ говорахъ: краткія формы именъ прилагательныхъ: „мы бы ти *но́ву* снӑря[i]ди́ли jишто́“—*Акулово* Китов. волости; формы личныхъ мѣстоименій: ми, ти, си (дат.); мя, тя, ся (вин.); мня́ (род.)—см. выше;

формы глагола въ наст. времени: работаэм—1 л. мн. ч.—*Катово*; ду́мӑш—2 л. ед. ч., пагрѣ́ш—2 л. ед. ч.—*Парахино*; рабо́там—1 л. мн. ч., здѣ́лӑш—2 л. ед. ч.—*Ахматово* и друг. (см. выше). Особенно же интереснымъ представляется *выдержанный* суффиксъ—*ьск*: Исто́миньска, Ло́ɣйпьскіјн, Ту́мьçкіјн, Но́риньçки, Баташо́çки, Паго́стиньскӑва, на Пру́ськай ɣрани́цэ—*Бычково*; ɣарьска́я по́ля—*Семегино*; мы ди́ре'ве́ньсш-ки!—ibidem и мн. др. (см. выше), также суффиксъ—*ьн*: „зилѣ́зьныя тынья́“—*Ветчаны* (Таусень); суффиксъ—*ьц*: мацэ́ньца и друг. (см. выше). Совершенно отдѣльно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ употребленіе *члена*: такого обилія разнообразныхъ формъ члена и такого частаго употребленія его я нигдѣ не слыхалъ, да и никто изъ наблюдателей не указывалъ на это явленіе въ другомъ какомъ-либо говорѣ. По записямъ и изслѣдованіямъ я знаю только еще *одинъ* говоръ съ совершенно такимъ же членомъ, какъ въ нашихъ говорахъ, это, именно, *говоръ вятскій*. Это новое и не случайное доказательство особой близости этихъ говоровъ, въ которыхъ многое измѣнилось съ теченіемъ времени, но многое и сохранилось отъ прежней совмѣстной жизни. Всѣхъ примѣровъ члена я не буду приводить, хотя они у меня и сохраняются въ записяхъ: я только приведу по одному примѣру на каждый случай. Примѣры: варо́ты-ти; ку́р-та; хлѣ́бата; до́лɣіји-ти; ӑржаны́х-ти; сӑпаɣи́-те; тябя́-та; му́ж-ӑт; смя́тцы-ти; ба́рин-ӑт; ɣряхо́ў-та; у́пря'жы-ти; кӑмаре́й-та; снаха́та; дэе́ньɣи-ты; тво́й-ӑт; папы́-ти; п'атцу́-ту; ты надѣ́иси-ти; варю́-ту; мя́ты-ти; бра́ɣу-ту; „мя́тки-ть хърашо́-бы!“—*Катово*; ɣӑвари́ть-та; „ва вдо́вах-те“; „в ро́ти-ти“ (=во рту-то); до́м-ӑт; „кро́ј-та би́ла“ (кровь-та)—*Бычково*; „за сахо́й-тӑй“; дура́ва-та; з дура́вы-ти; ба́бы-ти; зимляни́ку-ту; жыльцы́-ти; гада́-ти; вот суды́-ты; па́рьни-ти; място́ў-ти; „он жжо́х *яво́* до́м-та̄“ (Здѣсь „яво“—вин. пад. ед. ч. личнаго мѣстоименія, а вовсе не род. падежъ притяжательнаго; слѣд., „*яво*“ здѣсь является, именно, остаткомъ члена, и такъ это мы въ нашихъ говорахъ встрѣчаемъ постоянно, какъ можно было видѣть изъ примѣровъ выше)—*Катово* близъ *Тумы*; сы́н-та; „на прати́ўку ни дѣ́лӑла *яму* мужу ту“ (см. выше)—*Логино*; бра́ɣи-ти; „ба́бы-ти мато́рны“—*Рогачево;* мѐртвых-ти; ту́рки-ти; ɣо́рӑд-ӑт; в рикѣ́-ти; „в рикѣ́-ти *јéй* мно́ɣа ры́бы-ти“ (см. выше)—*Рогачево*; „д'ыть *ана́* ту́т нѣ́т ры́бы-ти“—ib. (здѣсь

ана служитъ какъ бы сокращеннымъ предложеніемъ: „вотъ *оно дѣло* въ чемъ“, и это *ана* надо признать мѣстоименіемъ—членомъ, замѣняющимъ цѣлое предложеніе. На эти случаи были также приведены выше примѣры); урӑжай-ӑт; „мать-та *ана* пя по́мнит“ (здѣсь *ана*—членъ указательный къ слову „мать“ въ имен. пад. ед. ч. Срв. выше въ косвенныхъ падежахъ членъ)—*Горы*; срв.: „ма́лӑ-ль у на́с *яво* лѣ́су-та“?—*Чуфилово*; биз набо́зу-ту; мали́ну-ту; ади́н-ӑт; мы́-ти?; ра́ньшы-ти; х катла́х-та; па́ску-ту; ко́нь-ӑт; в брю́хи-ти; сяна́-та; з дяла́ми-ти; уть э́ту-ту; ба́ба-та; тава́р-ӑт—и мн. друг. повсюду.

Наконецъ, замѣтимъ слѣдующія образованія: дажжа́—им. п. мн. ч.—*Ерахтуръ;* хазя́ам—дат. п. мн. ч. (=хозяевамъ)—*Касимовъ*; хязя́ўам—дат. п. мн. ч.—*Ерахтуръ*; ш’чяла́ вм. ще́ль и но́ца вм. но́чь—*Симоново*, *Нармушадь*; род. п. ед. ч. м. р. на-*у*: прихо́ду, да каньцу́—*Катово*; на-*я*: с путя́—*Семеино*; смѣшеніе падежей именъ прил. твор. ед. съ предл. ед.: х Ту́мьçьким лясу́—*Жалудково*; употребленіе мѣстоим. формъ: таѣ́—дат. п. ед. ч., у тя́—род. п. ед. ч. (*Ерахтуръ*, *Бычково*), *ти*, *си*—дат. п. ед. ч.; иное образованіе прил.: сы́нинъ—*Киструсъ* Спас. у. Род. п. вм. вин. и имен. п. ед. ч. отъ мѣст. *что*: ф *цаво́* нибу́ть увядё́ш—*Бычково*. Согласованіе собират. сущ. со множ. ч.: *ани* палятя́ фся́ дирéвьня—*Зубово*.

~~~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~~~

Часть II-я.

ОТНОШЕНІЕ НАРОДНАГО ГОВОРА ВЪ КАСИМОВСКОМЪ УѢЗДѢ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ КЪ ДРУГИМЪ ДРЕВНИМЪ И СОВРЕМЕННЫМЪ РУССКИМЪ ГОВОРАМЪ ПО ЗВУКАМЪ.

Глава I-я.

О долгихъ гласныхъ и дифтонгахъ.

Выше мы видѣли, что въ современномъ народномъ говорѣ Касимовскаго уѣзда можно отмѣтить, какъ обыкновенное явленіе, долготу гласныхъ въ закрытомъ слогѣ и дифтонгическое сочетаніе *уо* въ глагольныхъ формахъ 3 л. ед. и мн. ч. наст. времени. На этой особенности нашего говора мы и остановимся, какъ на особенности, характеризующей собой говоръ Касимовскаго уѣзда. При дальнѣйшемъ изложеніи предмета будемъ имѣть въ виду типичныя произношенія: въ глаголахъ: бу́д'ā̆т—3 л. ед. ч.; напи́шāш—2 л. ед. ч.; мо́цāм, сте́л'āм—1 л. мн. ч.; для другихъ частей рѣчи: пӗстрай, ми́лāй, дубо́вāй....—по отношенію къ долгимъ гласнымъ; произношенія: рѣ́жуот, пля́шуот—3 л. ед. ч.; при́дуот, зна́јуот—3 л. мн. ч.; ру́ог-ā̆т и т. п.—по отношенію къ дифтонгамъ.

Что касается долготы гласныхъ, то она вообще очень мало вниманія обращала на себя у изслѣдователей русскаго языка; это обстоятельство прежде всего объясняется тѣмъ, что наши наблюдатели живыхъ народныхъ русскихъ говоровъ чрез-

вычайно рѣдко отмѣчали въ своихъ наблюденiяхъ долгiе гласные звуки: дѣйствительно-ли долгихъ гласныхъ нынѣ нѣтъ въ описанныхъ говорахъ, или ихъ только не уловили, не подмѣтили и потому о нихъ не упоминали, мы не знаемъ, но изъ всѣхъ великорусскихъ говоровъ долгота гласныхъ звуковъ отмѣчена, кажется, только въ вятскомъ говорѣ. Правда, что *Даль*, который былъ знакомъ *непосредственно* съ массой народныхъ говоровъ, неоднократно отмѣчаетъ *пѣвучесть* или *протяжность* въ произношенiи того или другого говора, но такая отмѣтка слишкомъ общаго характера недостаточна. Мнѣ кажется, что сами наши наблюдатели виноваты въ томъ, что въ научныхъ изслѣдованiяхъ по русскому языку вопросъ о долготѣ гласныхъ оставляется совершенно въ сторонѣ, еле затронутымъ. Въ самомъ дѣлѣ, многiе ученые даже отвергаютъ существованiе, наличность настоящихъ долгихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Напр., *Р. Ѳ. Брандтъ* говоритъ: „Долгота гласныхъ, которая иногда слышится въ русской рѣчи (въ какой?), имѣетъ чисто случайный, риторическiй характеръ и можетъ являться даже въ словахъ рѣзкаго (на краткомъ гласномъ: рус. со́нный, лу́нный, пору́тчикъ, про́тчiй....) ударенiя“. Однако тутъ-же прибавляетъ: „*Нельзя, однако, считать окончательно рѣшеннымъ вопросъ о существованiи, можетъ быть, въ какомъ-нибудь закоулкѣ Россiи, настоящаго количества*“ [1]). Послѣдняя фраза имѣетъ своего рода пророческiй смыслъ, хотя Брандтъ и не хочетъ какъ будто допустить существованiе количества въ вятскомъ говорѣ [2]); но это лишь простое недоразумѣнiе: было бы важно для рѣшенiя этого вопроса самому послушать говоръ вятчанъ. Въ Казань приходятъ изъ Вятской губернiи плотники, преимущественно изъ Яранскаго и Слободского уѣздовъ, а также много нищихъ - женщинъ; ихъ говоръ, который мнѣ приходилось слышать, обладаетъ и дифтонгами, и количествомъ, да и въ печатной литературѣ мы находимъ нѣкоторыя указанiя по этому предмету.

---

[1]) *Брандтъ, Р. Ѳ.* Начертанiе славянской акцентологiи. Спб. 1880. Стр. 21.

[2]) Ibidem. «Поправки и дополненiя». Стр. 311: «вятскiя долготы соотвѣтствуютъ сербскимъ краткостямъ».

Колосовъ [1]) указываетъ намъ на долготу гласныхъ ударяемыхъ и неударяемыхъ въ вятскомъ говорѣ: здѣсь приведено произношеніе „ничевоо“, говорится, что *всѣ гласные звуки могутъ имѣть долготу*, что *эта долгота не всегда совпадаетъ съ удареніемъ*, приводятся слѣдующіе примѣры: во̄т (воот), ничево̄, говоря̄т, уѣ̄дут, синѣ̄ть, о̄зеро̄, возӣтӣ, бра̄тӣ, пожа̄луста̄. Видно, что въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ. Однако, въ виду того, что наблюденія Колосова носятъ характеръ мимолетныхъ замѣтокъ и часто страдаютъ отсутствіемъ точности, такъ какъ въ нихъ нерѣдко сообщается то̀, чего самъ Колосовъ не слышалъ [2]), то въ виду этого гораздо большаго довѣрія заслуживаетъ почтенный трудъ *Даля*, который говоритъ о вятскомъ говорѣ слѣдующее: „Въ Вятской губерніи... говоръ тягучій, иногда съ пригнуской...; вятское *о* произносится мѣстами *у͡о* или *у͡ы*, почти какъ въ задеснинскомъ черниговскомъ краѣ: ничеву͡о, спру͡осъ, собу͡олья. Этотъ двугласный... встрѣчается также, кромѣ Вятки и Бѣлоруссіи, на взаимныхъ предѣлахъ восточнаго и южнаго нарѣчій, у мещеры, въ Егорьевскѣ, Касимовѣ, Муромѣ. Буква *ѣ* на Вяткѣ въ началѣ слова произносится, какъ двугласное *и*.... Нигдѣ нѣтъ столько *ё*, *іо*, какъ на Вяткѣ: цёрный, воскресеньё, заговѣньё, причемъ это конечное *іо* вытягивается такъ, что *слово получаетъ два долгіе слога*“ [3]). Долготу гласныхъ или ихъ растянутость въ говорѣ вятчанъ признаютъ почти всѣ наблюдатели, писавшіе о вятскомъ говорѣ [4]), но о дифтонгахъ говорятъ не всѣ: нѣкоторые указываютъ вмѣсто дифтонга *у͡о*, *у͡ы* дифтонгъ *о͡у* [5]). Если теперь къ этому наблюденію надъ вят-

---

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки о языкѣ.... Сборникъ р. яз. и слов. Имп. АН. XVII. Стр. 219—220. О долготѣ гласныхъ вятскаго говора Колосовъ говоритъ согласно съ другими и, насколько мы сами могли провѣрить, совершенно справедливо.

[2]) *Колосовъ*. Ib. 218. Онъ склоненъ отрицать дифтонги, потому что онъ самъ ихъ не слышалъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ приводитъ произношенія, которыхъ самъ не слышалъ.

[3]) *Даль*. О нарѣчіяхъ.... Стр. L. Срв. стр. LXII.

[4]) *Соболевскій*. Очеркъ русской діалектологіи. Жив. Старина. 1892. Вып. II. Стр. 20 и прим.

[5]) *Соболевскій*. Ib. Если только здѣсь не опечаткою поставлено *о͡у* вм. *у͡о*.

скимъ говоромъ присоединить еще то, что выше сказано мною про Касимовскій говоръ, то придется признать, что изученіе современныхъ народныхъ говоровъ русскаго языка обнаруживаетъ все болѣе и болѣе присутствіе долгихъ гласныхъ въ діалектахъ его. Эта долгота далеко не всегда и не вездѣ можетъ быть признана риторическою, въ особенности, если эта долгота составляетъ почти правило при извѣстномъ положеніи гласнаго звука относительно ударенія и сосѣднихъ слоговъ или если эта долгота находится въ чередованіи и соотвѣтствіи съ дифтонгами того-же говора или другихъ родственныхъ. Свидѣтельство живыхъ славянскихъ языковъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что долгота гласныхъ была извѣстна общеславянскому языку, и мы не имѣемъ права отрицать долготу даже въ старо-славянскомъ языкѣ, хотя памятники послѣдняго и не имѣютъ особыхъ буквъ для означенія *долгихъ* гласныхъ звуковъ. Равнымъ образомъ мы не имѣемъ права отрицать долготу и въ общерусскомъ языкѣ, если даже и ограничимся на время, впредь до новыхъ изслѣдованій и наблюденій въ области живыхъ русскихъ говоровъ, тѣмъ, что намъ извѣстно до сихъ поръ о долготѣ гласныхъ въ современныхъ русскихъ говорахъ и древнемъ русскомъ языкѣ. Долгота гласныхъ и дифтонги великорусскихъ говоровъ еще ждутъ своихъ изслѣдователей, тѣмъ болѣе, что дифтонги въ великорусскихъ говорахъ до послѣдняго времени еще почти и не были извѣстны, между тѣмъ какъ теперь присутствіе ихъ обнаруживается. Выскажемъ нѣсколько соображеній по поводу нашихъ дифтонговъ и долгихъ гласныхъ. Вышеприведенныя произношенія касимовскаго говора: бу́д’а̄т, сѣ́ја̄т — 3 л. ед. ч. и друг. слѣдуетъ, кажется, прежде всего сопоставить съ такими древне-русскими формами, какъ: бываꙗть — 3 л. ед. ч., которую сохранилъ намъ древній русскій памятникъ XIII вѣка, именно, Монастырскій Уставъ церковнаго служенія до 1200 г. (памятникъ сѣверно-русскій съ мѣной *ч* и *ц*), гдѣ находимъ: и пѣниꙗ ѱалтырнаго не бываꙗть.... (*Срезневскій*. Др. пам. р. п. и яз. Изв. АН. X. Вып. V. Стр. 514). Другой памятникъ древняго русскаго языка XIII вѣка, именно, Рязанская Кормчая 1284 года, съ которой я лишь недавно познакомился [1]), содержитъ въ себѣ то-

[1]) Я успѣлъ прочитать пока только около 100 листовъ и Запись, между тѣмъ какъ вся рукопись содержитъ въ себѣ 401 листъ in f°. Но и по

же глагольную форму: моламъ—1 л. мн. ч., которую мы можемъ и должны сопоставить съ нынѣшними касимовскими формами въ родѣ мóцам и т. п.—1 л. мн. ч. Въ Послѣсловіи къ Рязанской Кормчей 1284 г., писанномъ, кажется, рязанскимъ уроженцемъ [1]), мы читаемъ: мы же грѣшнїи ї худоумнїї *молам* вы сл°зно.... Ркп. Имп. Публ. Библ. F. п. II. № 1. (Запись на л. 401 об.). Такимъ образомъ, уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что наши касимовскія формы не позднѣйшаго образованія: онѣ извѣстны съ XIII вѣка по памятникамъ русскаго языка сѣверныхъ и среднихъ областей. Возьмемъ соотвѣтственныя формы изъ современныхъ русскихъ говоровъ: въ бѣлорусскихъ говорахъ мы слышимъ: гуляяшъ—2 л. ед. ч., пасéямъ—1 л. мн. ч. [2]), извѣстныя въ Рогачевскомъ и Гомельскомъ уѣздахъ Могилевской губерніи; въ другихъ говорахъ юга Могилевской губерніи мы встрѣчаемъ окончаніе *ять* и въ 3 л. *множ.* ч. вмѣсто—*ютъ* тоже при отсутствіи ударенія: лятáять, дабегáять... гуляять [3]), какъ въ нашихъ говорахъ Парахин. волости Касим. у. для *единств.* числа; въ бѣлорусскихъ-же говорахъ мы имѣемъ: паймáамъ—1 л. мн. ч. при вóзьмямъ—1 л. мн. ч. (Соболевскій. ib. Стр. 18), папытáамъ—1 л. мн. ч. (ib. 19); въ говорахъ Минской губ. Бобруйскаго уѣзда: кусáяшъ—2 л. ед. ч., рáдуятца—3 л. ед. ч., бýдамъ—1 л. мн. ч. (все въ одной мѣстности: д. Михалево) [4]); въ Рѣчицкомъ уѣздѣ: пóйдамъ—1 л. мн. ч.[5]); въ Слуцкомъ уѣздѣ (говоръ съ дифтонгами, но не цокающій)—бýдамъ—1 л. мн. ч. [6]) и друг. Конечно, фонетически связаны

началу рукописи видно, что въ ней много можетъ найти интереснаго тотъ, кто непосредственно знакомъ съ живыми русскими говорами. Въ будущемъ я непремѣнно займусь обслѣдованіемъ языка этого памятника и надѣюсь рѣшить вопросъ, писанъ-ли онъ рязанцемъ, или уроженцемъ другой мѣстности. Можетъ быть, исторія рязанскаго говора уяснится тогда.

[1]) По моему Запись Ряз. Кормчей писана не тѣмъ лицомъ, которое переписывало нѣкоторыя части самаго памятника.

[2]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діал. II. Бѣлорусское нарѣчіе. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр. 17.

[3]) *Соболевскій.* Ib. 18 и 19.

[4]) Ibidem. 21.

[5]) Ibidem. 22.

[6]) Ibidem. 26.

съ выше-приведенными формами современныхъ русскихъ говоровъ и древне-русскихъ и формы сѣверно-великорусскихъ говоровъ на—*'ош*,—*'от* изъ прарусскихъ—*ешь*,—*етъ* съ звукомъ *е* извѣстнаго качества, и формы свр.—*'ом* изъ—*емъ*. Это явленіе въ области свр. говора обыкновенное и постоянное: *Колосовъ* (Замѣтки. ib. 14) указываетъ въ Новгородскомъ говорѣ: сы́мёш, будёт, воёт...; въ Олонецкомъ: будёш, настигаёт, ступаёт, накладываёт и т. п.—ib. Стр. 120. Срв. въ пѣсняхъ ib. Стр. 170. 172. 181: работаёт, катаёт, сѣдлаёт, съѣзжаёт, узнаваёт; въ сказкѣ стр 191: ѣдёт; стр. 197: перетекаёт; требуёш—198; ступаёш—200. Срв. у Колосова же ib. Стр. 220 о вятскомъ говорѣ сравнительно съ новгородскимъ: поминаёт, тянё, милуё, скажёт, можот, будёт, проѣдёш, поѣдём... Или на стр. 242 въ свадебной пѣснѣ: увиваётся, дуё, летаёт—248, станём—1 л. мн. ч.—257; въ Архангельскомъ и Вологодскомъ говорахъ—ib. стр. 325, а также—для Архангельскаго и Олонецкаго говоровъ—въ Сборникѣ пѣсенъ *Истомина* и *Дютша* (Спб. 1894): кушаётъ, рушаётъ, закусываётъ—стр. 43, кушаёшь и друг. во 2 л. ед. ч.—ib. 43. 47. 53. 67. 112. 120 и др., плацё—3 л. ед. ч.—стр. 141. 160 (—ётъ). 192 212. 229 и друг. Тѣ же формы мы находимъ и въ Сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга. Въ древнемъ русскомъ языкѣ грамотъ мы находимъ: оже въ грамотѣ *пишотъ* такъ—Грам. 1479—1481 г. АЮ. № 1, въ Правой Грамотѣ 1547 г.: коей на васъ татбы Михайловъ человѣкъ Колупаева Истомка *ищотъ*?—АЮ. № 22. Даже уже въ XII вѣкѣ въ Словѣ Ипполита объ Антихристѣ мы читаемъ: Да *съкажомъ* ѿ прочьнихъ—*Невоструевъ*. 22. Нѣкоторыя формы и галицко-волынскихъ памятниковъ могутъ быть сопоставлены съ вышеприведенными формами древнихъ памятниковъ и современныхъ русскихъ говоровъ. Такъ, въ Поученіи Ефрема Сирина 1492 г. находимъ: дѣляяши—2 л. ед. ч., которую, впрочемъ, Соболевскій признаетъ за поставленную по опискѣ [1]). (Срв. однако выше: бываѭть—3 л. ед. ч.—Мон. Уставъ XIII в. въ сѣв.-рус. нарѣчіи). Далѣе, имѣя въ виду еще формы Касимовскаго говора съ дифтонгическимъ сочетаніемъ *у͡о* на мѣстѣ древняго *е* въ разсматриваемыхъ глагольныхъ формахъ и на мѣстѣ ста-

---

[1]) *Соболевскій*. Очерки изъ исторіи русскаго языка. К. 1884. Стр. 84 и 58.

рыхъ и новыхъ звуковъ *о*, *'о*, *а*, *'а* (*ă*, *'ă*) въ тѣхъ же формахъ, напр., рѣ́жуот — 3 л. ед. ч., прiѣ́д'уот — 3 л. ед. ч. и под., а также усматривая въ буквѣ *ѣ* написанiй *боудѣть*, *придѣть* и под. въ памятникахъ древне русскаго языка галицко-волынской группы особое графическое выраженiе дифтонгическаго сочетанiя *ie*[1] изъ *общерусскаго e*[1] *долгаго* въ положенiи передъ мягкой согласной, за которой нѣкогда слѣдовало неслоговое *ь* [1]), мы будемъ имѣть цѣлый рядъ звуковыхъ измѣненiй въ формѣ 3-го лица ед. числа глаголовъ въ ихъ исторической послѣдовательности, т. е. будемъ имѣть наглядную исторiю звука *е* въ указанномъ положенiи. Для заключенiя объ *общерусскомъ е*[1] *долгомъ* въ указанномъ положенiи намъ не можетъ служить препятствiемъ то, что формы *боудѣть* и под. указываются изслѣдователями лишь для галицко-волынскихъ областей *съ особымъ значенiемъ въ нихъ ѣ* (въ этихъ формахъ), такъ какъ подобныя написанiя, вѣроятно, съ тѣмъ же значенiемъ *ѣ*, встрѣчаются въ изобилiи и въ памятникахъ сѣверно-русскихъ, не галицко-волынскихъ. Многое въ этомъ отношенiи указано *Шимановскимъ* [2]), и мы съ своей стороны, въ виду находимыхъ нынѣ фактовъ современныхъ русскихъ говоровъ, можетъ только усумниться въ томъ, что формы: въздъхнѣть — въ Трiоди ок. 1100 г. (*Срезневскiй.* Др. п. р. яз. и п. Изв. АН. X. вып. V. Стр. 448), възглаголѣть — ib. 449, придѣть — въ Евангелiи 1279 г. (ib. VI. 626), възмѣть — въ Русской Правдѣ по Синод. сп. XIII в. (Рус. Достоп. I. 40), поръвѣть - ib. 41, налѣзѣть — ib. 50 и мног. друг. не имѣютъ никакого отношенiя къ живому произношенiю относительно буквы *ѣ* въ нихъ. Не надо забывать въ вопросѣ о смѣшенiи буквъ *ѣ* и *е* въ древнихъ русскихъ рукописяхъ, съ одной стороны, явленiй русской графики вообще, а, съ другой стороны, и того, что масса явленiй чисто фонетическихъ, масса особенностей произношенiя, не нашла себѣ выраженiя въ памятникахъ древней русской письменности, какъ не на-

---

[1]) *Шахматовъ*. Изслѣдованiя въ области русской фонетики. В. 1893. Стр. 114. 115.

[2]) *Шимановскiй*. Къ исторiи древне-русскихъ говоровъ. В. 1887. Стр. 90. 86. 47. 40. Съ выводами автора о значенiи *ѣ* я вовсе не согласенъ, но ссылаюсь на указанные имъ факты написанiй.

ходитъ она выраженія и въ современной орѳографіи. Поэтому данныя и факты графическаго смѣшенія *ѣ* и *е* въ сѣверно-русскихъ памятникахъ древней письменности еще не могутъ говорить чего-либо противъ соотвѣтствія между старыми и новыми произношеніями въ русскихъ діалектахъ. Все дѣло заключается еще въ изслѣдованіи *современныхъ* русскихъ говоровъ, и ему предстоитъ будущее рѣшеніе многихъ вопросовъ древне-русскаго произношенія.

Мы принимаемъ также мысль *Соболевскаго* о томъ, что въ древнемъ галицко-волынскомъ говорѣ въ извѣстную эпоху жизни этого говора появляется звукъ долгое *ō* изъ новаго *ѣ* (въ закрытыхъ слогахъ); это долгое *о* съ теченіемъ времени или распалось на дифтонгическое сочетаніе *оо* съ первымъ *о* различнаго качества, большею частью, *закрытымъ*, т. е. склоннымъ къ *у*, откуда—*у͡о* въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ, или дало прямо долгое *ӯ* черезъ *ō* долгое, склонное къ *у*, т. е. закрытое, или, наконецъ, перешло въ *і* (вѣроятно, первоначально тоже—долгое) въ галицкомъ и украинскомъ говорахъ, можетъ быть, черезъ посредство *оо*, *уо*, *уэ*, *уи*, гдѣ удареніе было на второй части дифтонгическаго сочетанія. Напр., въ Добриловомъ Евангеліи 1164 года мы читаемъ: ужасаються—3 л. ед. ч., которое объясняется изъ *ужасаѣться*, вѣроятно, черезъ посредство формы **ужасаjōться*; срв. ѥторъ изъ *ѥт'ōр и друг. [1]). Такимъ образомъ, древнее малорусское *ужасаjōться находитъ себѣ соотвѣтствіе въ древнемъ же сѣверно и средне-русскомъ пишотъ, ищотъ [2]), *буд'отъ, *скажотъ; древнее ужасаѣться соотвѣтствуетъ древнему же възглаголѣть и проч. сѣверно-русскихъ памятниковъ; древнее предполагаемое ужасаjу͡оться и ужасаються—3 л. ед. ч. становится фактомъ общерусскаго языка въ виду найденныхъ касимовскихъ формъ: играjу͡от, пляшу͡от и под. Наконецъ, древнее бываѥть и под. рефлектируется современными буд'āт, гуляятъ и под.

При формѣ современ. касимов. мо́цāм—1 л. мн. ч. и друг. (отъ глаг. съ тематическимъ звукомъ—*и*) мы имѣемъ

---

[1]) *Соболевскій*. Очерки изъ ист. р. яз. Стр. 93 и 7.

[2]) Другіе примѣры изъ др. р. памятниковъ см. у *Шахматова*. Указ. соч. Стр. 80.

древнее рязанское XIII вѣка: моламъ—1 л. мн. ч. При этомъ припомнимъ также слышанныя нами формы: ку́піем—1 л. мн. ч.—*Фомино Парах. вол.*; сѣ́јіем, ста́нiем—1 л. мн. ч.—*Парахино*. Ясно, что звуковой процессъ, развившійся первоначально, можетъ быть, въ формѣ 3-го л. ед. ч. наст вр., а, можетъ быть, и одновременно въ 3-мъ и 2-мъ лицахъ ед. ч., и потомъ проникшій въ прочія лица, былъ одинаковымъ для всего русскаго языка, слѣдовательно, принадлежитъ еще эпохѣ общерусскаго языка до его распаденія, причемъ дальнѣйшая судьба того дифтонгическаго сочетанія, которое еще въ общерусскую эпоху получилось изъ e^i долгаго въ положеніи передъ мягкой согласной, за которой нѣкогда слѣдовало неслоговое ь, была уже различна въ обособившихся діалектахъ общерусскаго языка. Такъ, общерусское *играје̄ⁱть въ группѣ западно-русскихъ говоровъ съ теченіемъ времени дало форму *играјiеⁱть (*г* и *у* пока въ расчетъ не принимаются)—играѐть—и *играјо̄ть, откуда играјуоть и проч.; а въ группѣ восточно-русскихъ говоровъ (велико-бѣлорусской) это же общерусское *играје̄ⁱть съ теченіемъ времени, вслѣдствіе спеціальныхъ условій, имѣвшихъ мѣсто, именно, въ велико-бѣлорусской группѣ. т. е. вслѣдствіе отвердѣнія конечнаго *т*, дало форму *играјо̄ть, откуда частью играјуот, частью *играја̄ть, откуда, въ свою очередь, игра́ја̄ть и проч.

Такимъ образомъ, мы должны признать, что процессъ измѣненія общерусскаго $\bar{e}^i$ въ указанномъ положеніи устанавливаетъ твердо еще въ общерусскомъ языкѣ эпоху *долгаго* $\bar{o}$ съ дальнѣйшими его видовыми оттѣнками *изъ долгаго* $\bar{e}$ въ извѣстномъ его положеніи [1]). Это долгое $\bar{o}$ въ общевеликорусскомъ (велико-бѣлорусскомъ) языкѣ распадалось на дифтонгическое сочетаніе *уо* (чрезъ *оо? пишо̄тъ* и под.) или сохраняло діалектически свою долготу, переходя въ звукъ *а* (*'а*). Значитъ, формы срв.: будётъ, ѣдётъ, кушаётъ...., вятскія: скажотъ, машотъ, др. рус. пишотъ, ищотъ, скажотъ... восходятъ къ формамъ: *budо̄t, *jѣdо̄t... skažо̄t—skažо̄t...; формы ювр.: прiѣд'уот... восходятъ къ формамъ: *prijѣd'uot (чрезъ *pri-

---

¹) Замѣчательно, что въ современныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія не сохранилось слѣдовъ этого долгаго $\bar{e}$ въ формахъ 3 л. ед. ч.

jѣdʹoot); формы ювр. и блр.: будʹа̄тъ, ѣдʹа̄тъ... пишатъ... восходятъ къ формамъ: *budā̆t, *jѣdā̆t и проч. [1]) съ долгими гласными звуками: ō, o, ā̆, a обще-великорусской эпохи.

Необходимо при этомъ допустить, что полумягкое t въ формахъ 3 л. ед. ч. еще въ діалектахъ общерусскаго языка представлялось твердымъ, какъ показываютъ нѣкоторыя формы въ юврс. говорахъ, въ говорахъ галицкихъ и нынѣшней Кіевской губерніи [2]). Съ другой стороны, изъ предыдущаго мы видимъ, что первоначально качество слѣдующаго t не вліяло на ē, которое должно было перейти черезъ ступень ō (ō̄) и въ предкахъ малорусскаго, и въ предкахъ великорусскаго нарѣчій. Но, принимая во вниманіе то, что уже съ XIII вѣка твердый звукъ т проникаетъ въ письменность сѣверно-русскихъ и средне-русскихъ памятниковъ (Ряз. Кормчая 1284 г. бесѣдуе͠ᵀ—л. 15. столб. 2), а также и то, что нынѣ формы 3 л. ед. ч. наст. вр. съ окончаніями—*от* (*'от*) въ безударномъ положеніи этихъ окончаній извѣстны только сѣверновеликорусскому поднарѣчію и нашимъ касимовскимъ говорамъ, гдѣ имѣемъ окончанія:—*у͡от* (—*ју͡от*),—*атʹ*(—*'ат*), причемъ вездѣ, гдѣ есть эти окончанія свр. и касимовскія, мы слышимъ *твердое т*, мы должны вывести заключеніе, что дальнѣйшее видоизмѣненіе звука ō въ указанныхъ формахъ обусловлено было положеніемъ его передъ отвердѣвшимъ звукомъ *т*, и что нынѣшніе касимовскіе говоры примыкали къ говорамъ такъ называемаго сѣверно-великорусскаго поднарѣчія. Изъ I-ой части нашего труда мы могли уже замѣтить, что и общій характеръ звуковъ нашихъ касимовскихъ говоровъ есть *въ основѣ своей* сѣверно-великорусскій. Бѣлорусскія формы Могилевской губерніи: лята́ять, дабега́ять, гуля́ять—3 л. мн. числа представляютъ какое-нибудь позднее образованіе по аналогіи точно такъ, какъ и формы 2-го лица ед. числа и 1 л. множ. числа, хотя послѣднія могли быть и сразу охвачены фонетическимъ процессомъ въ то время, какъ началъ отвердѣвать конечный *м* въ 1 л. множ. ч. и конечное *ш* во 2 лицѣ ед. числа. Съ какого, именно, лица (2 л. ед. ч., 3 л. ед.

[1]) Срв. *Шахматова* Указ. соч. Стр. 80.

[2]) См. *Соболевскаго*. Лекціи². Стр. 107.

ч., 1 л. мн. ч.) начался процессъ фонетическаго измѣненія гласнаго *е*, рѣшить трудно. Стало быть, въ нынѣшнихъ говорахъ Парахинской волости Касим. уѣзда, имѣющихъ дифтонги, но не знающихъ окончаній:—*'аш*,—*'ат*,—*'ам* въ разсматриваемыхъ глагольныхъ формахъ, тѣхъ окончаній, которыя, въ свою очередь, извѣстны прочимъ мѣстностямъ (Китовская, Ветчанская, Давыдовская, Погостинская волости) Касим. уѣзда, слѣдуетъ усматривать остатки тѣхъ говоровъ, которые изъ долготы гласнаго развили у себя дифтонги, а въ прочихъ говорахъ сохранилась лишь довольно явственная *долгота* этого вторичнаго *'а* изъ *'ō* долгаго, которое, быть можетъ, обнаруживается въ древнихъ формахъ: *пишотъ*, *ищотъ*, перешедшихъ въ акающихъ говорахъ въ *пишатъ*, *ищатъ*. Какъ малорусское нарѣчіе утратило нынѣ слѣды прежней долготы гласнаго въ формахъ 3 го лица ед. числа наст. времени, такъ утратило эти слѣды и нарѣчіе бѣлорусское. Вѣроятную причину этой утраты можно видѣть отчасти и въ томъ, что млр. и блр. нарѣчія не развили у себя твердаго *т* въ этихъ глагольныхъ формахъ, и потому въ нихъ, какъ и въ настоящихъ южно-великорусскихъ говорахъ, расширенное *ō* подверглось съ теченіемъ времени вторичному суженію. Обыкновенные типы этихъ формъ въ млр. нарѣчіи представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ: *любить*—3 л. ед. ч., *каже*, *хоче*, *побаче*; хотя и есть варьянты по говорамъ: *ідетъ*, *печё*, *лове*, *робе*, *служе*, *ходе*, даже—*несетъ* и под., но слѣдовъ долготы гласнаго или дифтонга передъ окончаніемъ—*тъ*, кажется, не сохранилось нигдѣ [1]).

До сихъ поръ мы слѣдили за судьбой звука *е* въ закрытыхъ слогахъ въ глагольныхъ формахъ русскаго языка. Мы признали, что въ означенномъ положеніи въ общерусскомъ языкѣ было *долгое ē*, которое частью распалось на дифтонгическое сочетаніе еще въ общерусскую эпоху, частью же оставалось долгимъ гласнымъ и съ теченіемъ времени, потерявъ свою долготу въ діалектахъ, слилось въ своей дальнѣйшей исторіи съ звукомъ *е* краткимъ, переживая общую судьбу, общія измѣненія. Мы должны признать, что и звукъ *о* основ-

---

[1]) Его-же. Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. IV. Стр. 41. 43. 58 и др.

ной, общерусскій, имѣлъ свою исторію, совершенно аналогичную съ исторіей основного звука *е* въ закрытыхъ слогахъ, также становясь *долгимъ* въ положеніи въ закрытыхъ слогахъ въ словѣ. Такое признаніе становится необходимымъ при тщательномъ разсмотрѣніи *дифтонговъ* въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Обратимъ вниманіе на слѣдующее: кромѣ касимовскаго и вятскаго говоровъ, дифтонги указаны наблюдателями еще въ бѣлорусскихъ говорахъ, сѣверно-малорусскихъ и изъ сѣверно-великорусскихъ—въ вологодскомъ говорѣ. Изслѣдуемъ ихъ употребленіе въ этихъ говорахъ, поскольку это можно сдѣлать безъ непосредственнаго нашего наблюденія, по печатнымъ матеріаламъ. Займемся дифтонгами изъ основныхъ *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ.

Бѣлорусскіе говоры представляютъ намъ слѣдующіе факты: при ударяемыхъ дифтонгахъ *уо*, *'уо*: вуо́лъ, ву́олъ, мюо́дъ, мюо́дъ— Минск. губ.[1]), муой, двуоръ, юонъ (=онъ), жуонка—Слуцк. у; туой, руодъ, нуочъ, нуожка—Игуменск., Бобруйск. уѣзды и т. п. мы имѣемъ и *неударяемые* дифтонги: вуойна́, па́нуомъ—дат. п. мн. ч., дуобро́ва, ве́чюоръ—въ Подлѣсскихъ говорахъ Мозырскаго, Игуменскаго и друг. уѣздовъ [2]). Слѣдовательно, прежде всего наблюденіе показываетъ, что бѣлорусскимъ говорамъ извѣстны нынѣ *какъ ударяемые, такъ и неударяемые* дифтонги *уо*, *юо* изъ основныхъ *о*, *е* въ закрытыхъ слогахъ [3]). Въ соотвѣтствіи съ этими блр. дифтонгами находимъ дифтонги въ сѣв.-малорусскихъ говорахъ: хвуост (хвуіст, хвуыст, хвыст, хвуст,

[1]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діалектол. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр. 25.

[2]) Ibid. III. 26. 27.

[3]) *Шахматовъ* (Изслѣд. въ обл. р. фон. В. 1893 г.) признаетъ бѣлорусскіе дифтонги восходящими къ *общерусской* эпохѣ (стр. 97), но сѣверно-малорусскіе ведетъ *изъ бѣлорусскихъ* дифтонговъ, которые, будто бы, проникли сюда изъ сосѣднихъ бѣлорусскихъ говоровъ (стр. 123—124), такъ какъ въ бѣлорусскомъ, какъ и въ сѣв.-млр. говорахъ, дифтонги, будто-бы, *только ударяемые.* Хотя и трудно рѣшить вопросъ о происхожденіи сѣв.-млр. дифтонговъ, именно, потому, что эти говоры—*сосѣдніе* съ тѣми бѣлорусскими въ которыхъ сохранились дифтонги, но я склоненъ думать, что и сѣв.-млр. дифтонги восходятъ къ *общерусской* эпохѣ въ виду того, что и блр. говорамъ, и сѣв.-малорусскимъ извѣстны *не только* ударяемые, но и неударяемые дифтонги. Въ бѣлорусскихъ говорахъ мы уже видѣли эти дифтонги въ текстѣ выше, тамъ же будетъ сказано и о млр. *неударяемыхъ* дифтонгахъ.

хвюст—по говорамъ) и хво͡ост[1]) при блр. хвустъ[2]); сѣв.-млр.: плу͡от, пло͡от (плу͡ыт, плу͡іт, плы͡ут, плыт, плут—по говорамъ)[3]) при блр. плутъ (на югѣ Могилев. губерніи); млр. ву͡он (ву͡ын, вы͡ун, ву͡ін—по говорамъ) при блр. также съ дифтонгами: ю͡онъ; млр. ю͡ой (=ей—черниговск., ю͡ий—нѣжинск., ю͡ый и под.—по говорамъ), млр. тю͡отка, пю͡ос, пу͡од, лю͡ог, му͡ох съ ихъ варьянтами по говорамъ при вышеприведенныхъ аналогичныхъ бѣлорусскихъ формахъ. Въ вологодскомъ говорѣ соотвѣтственно этому находимъ: тру͡бсь=тросиь, спру͡бсъ, собу͡бля[4])... Въ сѣв.-млр. и сѣв.-влкр. говорахъ показаны только *ударяемые* дифтонги; вятскій говоръ детально намъ еще неизвѣстенъ, но показаны дифтонги, кажется, и неударяемые, и ударяемые[5]); въ касимовскомъ говорѣ мы имѣемъ, какъ и въ бѣлорусскихъ, и ударяемые, и неударяемые. Теперь вспомнимъ наши касимовскія произношенія: ру͡ог-ăт—*Парахино*; го͡от, дамо͡ой, хтару͡ой, табу͡ой—ib.; зиму͡ой—д. *Китово* и под. Съ другой стороны, мы имѣемъ касимовское: жывю͡ом—1 л. мн. ч. (Парахин. вол.), съ которымъ должно быть сопоставлено блр. жывюмъ—1 л. мн. ч. (=жывёмъ); касим. тˢюплинькяю—вин. п. ед. ч. ж. р.—въ соотвѣтствіи съ блр. цюплый (=тёплый). Такимъ образомъ, мы находимъ полное звуковое соотвѣтствіе въ разсматриваемомъ вопросѣ между блр. говорами и нашими касимовскими, а равно и свр. вологодскими по отношенію къ ударяемымъ дифтонгамъ въ закрытыхъ слогахъ изъ основныхъ *о* (млр. му͡ох, вѣроятно, болѣе поздняго, *аналогичнаго* образованія) и *е*.

Что касается въ частности сѣв.-млр. дифтонговъ, то особенно важно, что дифтонги сѣв.-млр. говоровъ, напр., въ Грод-

---

[1]) *Соболевскій.* ib. IV. 33. 30. et passim.

[2]) Ib. III. 19.

[3]) Ib. IV. 29. et passim.

[4]) *Колосовъ.* Замѣтки... (Сборникъ р. яз. и слов. XVII). Стр. 318. *Бѣлоруссовъ.* Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. В. 1887. Стр. 18—19. *Соболевскій.* Очеркъ р. діал. Ibid. II. 17.

[5]) *Соболевскій.* ib. II. 20.

пенской губерніи, близъ Заблудова, слышатся *не только на мѣстѣ ударяемаго гласнаго*, но *и на мѣстѣ неударяемаго:* вуолы́, вуода́, ге́туой и под., причемъ послѣдній примѣръ представляетъ неударяемый дифтонгъ *въ закрытомъ слогѣ*, какъ и наши Парахинскіе: до́бруой (дат. п. ед. ч. ж. р.), с ры́буой и проч. Важно также и то, что у южныхъ сосѣдей заблудовскаго говора (въ *королёвскомъ* говорѣ) мы имѣемъ дифтонгъ *оо* рядомъ съ *уо* [1]; съ этимъ дифтонгомъ (ударяемымъ и неударяемымъ?) мы должны сопоставить дифтонгъ *оо* въ великорусскихъ говорахъ: касимовское го́ᵘот (=годъ), дамо́ᵘой (=домой), ро́ᵘог-ӑт (=рогъ-то) и проч.—выше. Значитъ, и сѣверно-малорусскимъ говорамъ извѣстны какъ ударяемые, такъ и неударяемые дифтонги въ соотвѣтствіи съ такими же дифтонгами бѣлорусскими *и великорусскими* [2]), дифтонгами *одного и того-же происхожденія.*

Въ древне-русскихъ галицко-волынскихъ рукописяхъ долгое *ō* изображалось сначала въ видѣ *о*, а затѣмъ съ XII-го вѣка уже—въ видѣ *у* (*ю*), послѣ перехода этого *ō* долгаго въ живомъ языкѣ въ *ōᵘ*—*ӯ* долгое, *ō* имѣло мѣсто, по указанію *Соболевскаго* [3]), *какъ въ неударяемыхъ*, *такъ и въ ударяемыхъ слогахъ*, и происходилъ переходъ его въ *ӯ* долгое гораздо чаще, чѣмъ переходъ *о* краткаго въ *у* краткое. Рядомъ съ этимъ Соболевскій отмѣчаетъ (быть можетъ, около XIII в.) переходъ *ō* долгаго въ галицко-волынскомъ нарѣчіи въ дифтонгъ *оо* и тоже, вѣроятно, *съ закрытымъ* первымъ *о*; этотъ дифтонгъ,

---

[1]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діал. ibid. IV. 33. Срв. *Михальчука.* «Къ южнорусской діалектологіи». Кіев. Старина. 1893. Сентябрь. Стр. 472. Изъ дифтонга *оо* (изъ *ō*) при закрытомъ первомъ *о* могло быть *оᵘо—уо*, потомъ *уу*, наконецъ,—*ӯ* или *ў*. Срв. *Житецкій.* Очеркъ звуковой исторіи... Стр. 354 и слѣд.

[2]) Не понимаю дифтонга въ словѣ батюшкоу—зват. п. ед. ч. *Бѣлоруссовъ.* Указ. соч. 19. въ Вологод. губ.

[3]) *Соболевскій.* Очерки изъ исторіи р. яз. Стр. 96—97: Срв. его-же Лекціи². 66—67 и 114.

кажется, и сохраняется до сихъ поръ въ королёвскомъ гродненскомъ говорѣ изъ сѣверно-малорусскихъ [1]).

Такимъ образомъ, дифтонги, какъ слѣдъ бывшей долготы, а частью и сами долгіе гласные въ различныхъ положеніяхъ относительно слога и ударенія въ древне-русскихъ и современныхъ русскихъ говорахъ находятся на-лицо. Ясно, что дифтонги являются идущими *отъ общерусской эпохи* и должны быть признаны *общерусскимъ* явленіемъ (Срв. *Шахматова.* Указ. Соч. Стр. 97 и 121). Какъ уже отчасти видно было, дальнѣйшая судьба дифтонговъ изъ прарусскихъ долгихъ *ō* и *ē* была различна въ діалектахъ русскаго языка: дифтонгъ *o͡o* съ различными оттѣнками въ произношеніи перваго *о* съ теченіемъ времени далъ или *у͡о* или *ӯ*, которое частью сохраняло, частью теряло свою долготу [2]). Такъ мы понимаемъ образованіе въ млр. и блр. говорахъ произношеній съ звукомъ *у*, *'у* въ словахъ: плутъ, хвустъ, юнъ, юй, юсь, люхъ, нюсъ, цюплый, жывюмъ; млр. вун, юй, тютка, нюс, пуд, люг, мух и под.; съ другой стороны, въ словахъ: на ци́хумъ Дунаю, у трэ́цюмъ поли (Минск. г. Новогруд. у.), зъ Бѣлуй Руси, ў бо́жумъ домѣ, ў шé лковумъ пуцѣ (Подлѣсск. говоры, Мозырск. у. и друг.), ў цéмнуй цямницы, пивавáрувъ (род. п. мн. ч. — Бобруйск. у.), на но́вумъ двори, на чужу́й сторони (Гродн. Слоним.). Срв. древнія гал.-вол. написанія: въ твоюмъ, унукумъ, Василювъ, отрочищюмъ, зубувъ (современное сѣв.-малорусское и угро-русское), по божьюмъ нарожѣнъѣ, въ славѣ до́бруй и друг. [3]). Срв. наши касимовскія формы: до́бру͡ой, табу͡ой, даму͡ой и друг. выше, а также: з у͡óрькуй, Михáйлуй, с крáсниҥькуй з бумáшкуй, артéлюй, зимляни́куй, рѣ́цкуй, ско́пкуй, ры́буй и мног. друг. (См. въ I-ой части нашего труда. Глава V-ая). Въ говорахъ, давшихъ начало великорусскимъ говорамъ, мы наблюдаемъ нѣсколько иное: долгое общерусское *ō* *долѣе сохранялось*, какъ звукъ *о*, и съ теченіемъ

---

[1]) *Михальчукъ* (Указ. соч.) считаетъ зерномъ и остаткомъ настоящаго млр. нарѣчія нынѣшній Овручскій говоръ Волынской губ.

[2]) См. предыдущ. стр. примѣч. 1.

[3]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діалектологіи. Ibidem. III. 23—30. Также: Очерки изъ исторіи р. языка и Лекціи[2], passim.

времени въ своей исторіи частью распалось на дифтонгическое сочетаніе, подобное тому, какое мы видѣли въ блр. и млр. говорахъ, частью совпало съ краткимъ *о* и имѣло общую участь съ послѣднимъ въ тѣхъ говорахъ, которые дали начало позднѣйшимъ *акающимъ* говорамъ, откуда и получились касимовскія произношенія: пе́страй, де̍шо́ва̄й, ради́ма̄й. пья́на̄й, бе́ла̄й, „х пья́на̄м ви́ди", с ры́ба̄й; по́снай, су́мкай, с снашэ́льницай, ку́рицай; си́н'а̄й, Акси́ньjа̄й и проч. (См. I-ю часть; главы: I-ю и III-ю § II. Гдѣ долгота не проставлена, тамъ ея я не замѣтилъ въ говорѣ Касим. уѣзда). Сравни въ надписи на Волоколамской плащаницѣ XVI вѣка: *плащєнгіцаю* чи́стою ѡбвивъ... [1]).

Такимъ образомъ, при предположеніи, что въ общерусскую эпоху въ закрытыхъ слогахъ были *долгіе* гласные *о* и *е* изъ основныхъ *о* и *е*, и что эти долгіе *о* и *е* уже незадолго до распаденія общерусскаго языка на нарѣчія въ самомъ общерусскомъ языкѣ частью распадались на дифтонгическія сочетанія *у͡о*, *'у͡о*, частью продолжали сохранять свою долготу монофтонгически, далѣе, что эта долгота звуковъ *о* и *е* монофтонговъ сохранялась діалектически послѣ распаденія общерусскаго языка на западно-русскія и восточно-русскія нарѣчія, въ которыхъ эти звуки вскорѣ слились съ звуками *о* и *е* краткими, переживая съ ними общую судьбу, при этомъ предположеніи, говоримъ мы, становятся понятными вышеприведенныя явленія древнихъ и современныхъ русскихъ говоровъ. Та часть русскаго языка. которая дала начало въ свою очередь будущимъ великорусскимъ говорамъ, вынесла съ собой изъ общерусской эпохи долгіе гласные *ō* и *ē*, причемъ въ будущихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ были получены и дифтонгическія сочетанія, которыя дали начало закрытому звуку *о* склонному къ *у*, а въ будущихъ южно-великорусскихъ говорахъ, вѣроятно, были получены лишь долгіе *ō* и *ē*, которые ко времени отдѣленія послѣднихъ говоровъ уже успѣли слиться въ своей судьбѣ съ основными краткими *о* и *е* и дать свои рефлексы въ акающихъ говорахъ. Мы, значитъ, опять

---

[1]) Извѣстія Археологическаго Общества. Т. VI. 1868 г. Статья *Невоструева*. Стр. 56. См. также снимокъ съ этой плащаницы Іосифо-Волоколамскаго монастыря въ концѣ этого тома (VI).

видимъ, что наши касимовскіе говоры восходятъ къ такъ называемымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ. Кромѣ того, изъ предыдущаго уже отчасти видно, что наши касимовскіе говоры живутъ еще болѣе древнею жизнью, чѣмъ сосѣдніе культурные говоры, что касимовскіе говоры, забившись, такъ сказать, въ уголокъ, стоятъ еще на болѣе ранней ступени своего фонетическаго развитія съ своими дифтонгами и долгими гласными. Это же будетъ видно и при изложеніи вопроса о *ѣ* и о согласныхъ звукахъ.

Судьбу долгихъ [1]) *ō* и *ē* въ закрытыхъ слогахъ изъ основныхъ *о* и *е* раздѣляли и тѣ звуки *о* и *е*, которые очутились въ закрытыхъ слогахъ въ формахъ имен. пад. ед. ч. именъ прилагательныхъ членныхъ муж. рода типа: доброй, синей. Это видно было уже изъ предшествующаго разсужденія и приведенныхъ примѣровъ. Прежде всего замѣчу, что та часть общерусскаго языка, изъ которой выдѣлились будущіе *великорусскіе* говоры, должно быть, *никогда не знала* именъ прилагательныхъ муж. рода въ имен. падежѣ единств. числа въ опредѣленной формѣ съ другимъ окончаніемъ, кромѣ — *ой*, — *ей* (изъ *ъи*, — *ьи*). По крайней мѣрѣ, такъ это представляется мнѣ, и такъ выходитъ изъ данныхъ древне-русскаго языка и современныхъ говоровъ, если не дѣлать никакихъ натяжекъ. Формы на — *ыи*, — *ій* есть формы *орѳографическія*, и таковыми же онѣ были и въ древне-русскихъ памятникахъ сѣверно-русскаго и средне-русскаго происхожденія, что же касается *живого* языка и произношенія, то такихъ формъ нынѣ *нигдѣ* въ области великорусскаго нарѣчія не слышно, и доказать ихъ и для прошлаго времени въ живомъ произно-

---

[1]) Нельзя-ли въ памятникахъ др. р. письменности, въ нѣкоторыхъ написаніяхъ, усматривать своеобразный способъ обозначенія въ орѳографіи древне-русскихъ *долгихъ* гласныхъ живого языка? Напр., какъ понять *удвоеніе* различныхъ гласныхъ на письмѣ, выдерживаемое нѣкоторыми писцами довольно упорно? Въ Изб. 1076 г. читаемъ: и приноуди ѥго *поминаати* тѧ. (*Срезневскій* Др. п. р. яз. Изв. АН. X. вып. V. Стр. 429). У *Шимановскаго* (Къ исторіи др. р. говоровъ) это мѣсто читается иначе: *поминати* — л. 11 б. Приложеніе. Стр. 5. Въ Минеѣ Новгородской 1096—1097 г.: страшьнꙑимъ *врагоомъ* (*Срезневскій*. ib. 338). Въ зап.-рус. Псалтыри 1296 г. постоянно встрѣчаемъ написанія: — аа, ѥе, оѡ, ꙑи. Неужели это прихоть нѣкоторыхъ писцовъ? См. также о Луцкомъ Ев. у *Соболевскаго*. Очерки изъ ист. р. яз. стр. 97.

шеніи нельзя. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что *вся* древне-русская письменность, почти съ XI-го вѣка, идущая изъ сѣверно- и средне-русскихъ областей доказываетъ намъ, что формы именъ прилагательныхъ членныхъ въ им. пад. ед. ч. муж. рода имѣли окончанія—*ой* и—*ей*, и замѣчательно, что чѣмъ памятникъ менѣе подверженъ цсл. вліянію, чѣмъ менѣе въ немъ цсл. элементовъ, т. е. чѣмъ болѣе памятникъ русскій, тѣмъ чаще въ немъ встрѣчаются формы на—*ои* (въ орѳографіи иногда—*ъи*). Въ памятникахъ, заключающихъ въ себѣ очень немного цсл. примѣсей, напр., въ актахъ и разныхъ юридическихъ документахъ древней Руси, мы *почти совсѣмъ* не встрѣчаемъ цсл. и искусственныхъ для великорусской письменности формъ на—*ый*, причемъ исключеніе составляютъ лишь тѣ грамоты и договоры, которые могутъ быть названы *государственными* и исходили изъ княжьей канцеляріи, слѣдовательно, писались оффиціальными лицами, наиболѣе начитанными и книжными дьяками или же, если актъ былъ духовнаго содержанія, т. е. исходилъ отъ духовнаго лица,—духовными лицами разнаго чина, хотя и въ двухъ послѣднихъ категоріяхъ мы изрѣдка находимъ въ орѳографіи слѣды *живого* мѣстнаго произношенія именъ прилагательныхъ [1]).

---

[1]) Не желая затруднять читателя приведеніемъ массы примѣровъ изъ др. р. памятниковъ письменности, я укажу только на нѣкоторые примѣры: еще въ самомъ О. Е. мы имѣемъ: осмъи, сѫдьнъи, нарицаѥмъи и друг.—*Лескинъ*. Грам. стрсл. яз. Рус. переводъ. Дополненіе. Стр. 166 и 183. Въ Евг. Псалтыри XI—XII в. И да не хвалитьсѧ *сильной* силоѭ своеѭ—*Срезневскій*. Указ. Соч. Вып. V. Стр. 471. Възметьсѧ *нечьстивой* да не видить славꙑ гнѧ—ib. 472. Въ Пандектахъ Антіоха XI—XII в. скрьжьтъ *зоуб'нъй*—ib. 494 и друг. У *Соболевскаго* (Лекціи². Стр. 204—206), на мой взглядъ, совершенно невѣрно сказано, что окончаніе—*ъи* въ огромномъ большинствѣ случаевъ можетъ считаться перешедшимъ въ русскіе тексты изъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ (204). Этому противорѣчатъ, во первыхъ, *всѣ великорусскіе говоры*, которые *совсѣмъ не знаютъ* формъ на—*ый*,—*ій* (срв. тутъ же у *Соболевскаго*. Стр. 206), а, во вторыхъ, древніе акты и грамоты, т. е. памятники съ чистымъ или почти чистымъ русскимъ языкомъ, въ которыхъ мы все чаще и чаще съ теченіемъ времени встрѣчаемъ формы на—*ой* и на—*ей*, вытѣсняющія, наконецъ, собой *совсѣмъ* книжныя формы. Если даже *Соболевскій* разумѣетъ здѣсь букву ъ, а не ея произношеніе въ русскомъ языкѣ въ окончаніи—*ъи*, то и съ этимъ нельзя согласиться, т. к. ъ здѣсь имѣетъ не только *русское графическое* значеніе, что несомнѣнно, но

Въ примѣчаніи указаны нѣкоторые примѣры изъ др. р. письменности. Что касается современныхъ великорусскихъ говоровъ, то они и не знаютъ сейчасъ другихъ формъ, кромѣ формъ на—*ой*, независимо отъ ударенія: въ Новгородскомъ, Олонецкомъ, Архангельскомъ, Ярославскомъ, Владимирскомъ краѣ мы слышимъ постоянно—*ой* и—*ей* независимо отъ ударенія (б. м., съ оттѣнками неударяемыхъ *о* и *е* по говорамъ), наконецъ, въ Вологодской губерніи и вообще въ сѣверно-великорусскихъ (См. *Колосовъ.* Замѣтки... ibid. 120, 292, 319). Наконецъ, въ южно-великорусскихъ акающихъ говорахъ

и частью звуковое значеніе. Срв. совершенно справедливое мнѣніе *И. В. Ягича* (Критическія замѣтки по исторіи р. языка. Спб. 1889. Стр. 29) о томъ, что окончаніе—*ой* въ именит. падежѣ именъ прилагат. вовсе не есть заимствованіе изъ церковно-славянскаго языка. См. здѣсь же у *Ягича* на стр. 31. о *ъ=о*. Къ тѣмъ даннымъ, которыя приведены *Соболевскимъ* въ его «Лекціяхъ» (l. c.) по занимающему насъ вопросу о *русскомъ* окончаніи именъ прил. въ им. пад. ед. ч. м. р., мы можемъ отъ себя еще указать на слѣдующее: см. АЮ. № 5, № 6, № 7,—подьячей Якушъ Долгой — № 8 (въ этомъ Судномъ Спискѣ приведена подлинная грамота *митрополита* Симона, которая подписана такъ: «*смиреный* Симонъ митрополитъ всеа Руси», а въ самомъ Судномъ Спискѣ такихъ формъ *нѣтъ*). См. также ib. № 9 учинилъ *третей* срокъ; № 11. вобчей—№ 14; №№ 16, 17, 18; по *задней* уголъ — № 19; №№ 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28,—корешекъ *девесилной* (Въ моемъ соч. «Къ діалектологіи»... на стр. 133 случайно пропущено слово *де́вясил*—inula helenium—дудки, «заря», растеніе, которому и въ Ряз. губерніи народъ приписываетъ лѣкарственную силу). Тутъ-же: пьяной—№ 30 (1680 г.); серебряной, мѣдной, кружечной, подкинутой, милостивой, которой, постоялой, табачной; конюшонной, монастырской, болшой, теплой, заечей, рыбей,—№ 46, № 53, № 59, № 60, № 61, № 68, № 69, № 70 и друг. Это же мы имѣемъ и въ Новгородскихъ Купчихъ: ib. №№ 81, 99, 71—100; въ Двинскихъ и Новгородскихъ Духовныхъ грамотахъ—АЮ. № 409, № 410, № 415, № 419; сукманъ черленой красной, шапочной пухъ, домовой всякой обиходъ—№ 428 (1671 г.). И въ другихъ актахъ и грамотахъ нынѣшней Великороссіи: см. въ «Дѣлахъ Сарской и Подонской митрополіи» 1684—1692 г.г.—пьяной—«Собраніе ркп. И. Д. Бѣляева»—*Викторова.* М. 1881. № 109. Стр. 95. *Мейчикъ.* Грамоты XIV и XV вв. Моск. Архива Мин. Юстиціи. М. 1883. Стр. 103. 108. 124. Изъ *государственныхъ* грамотъ: которой, татарьской — Собр. Госуд. Гр. и Догов. I. № 36. третей—ib. № 33. Срв. № 48, № 130. № 131 — ожерелейной — № 203, царской—ib. Въ №№ 202 и 203 см. прозвища и фамиліи въ подписяхъ на грамотахъ.

окончаніе — *ай*(—*ăй*) доказываетъ собой болѣе раннее для этихъ говоровъ окончаніе—*ой*, а—*яй* болѣе раннее—*ей*. Все это, конечно, взятое вмѣстѣ, говоритъ въ пользу того, что мы и въ древнихъ нашихъ формахъ можемъ и должны видѣть *формы живой русской рѣчи*, формы языка народнаго, который былъ въ прежнее время и языкомъ письменности до извѣстной степени. Лишь только наша современная *условная* ороографія мирится еще съ формами на—*ый* или —*ій*, которыхъ не знаетъ ни великорусскій народный говоръ, ни *литературное* современное произношеніе. Такимъ образомъ, для той части русскаго языка еще въ эпоху общерусскую, для тѣхъ нарѣчій, которыя дали начало нынѣшнему великорусскому, мы признаемъ формы на—*ой* (изъ—*ъй*) исконными формами общевеликорусскаго языка—единства. Слѣды вліянія говоровъ общерусской эпохи, изъ которыхъ выдѣлился великорусскій говоръ, на другіе говоры этой же эпохи, отразились въ такихъ *діалектически сохранившихся* формахъ нынѣшняго бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчія, въ такихъ произношеніяхъ, которыя приведены различными наблюдателями въ ихъ трудахъ. Такъ, въ бѣлорусскихъ говорахъ показаны произношенія: лихóй, святóй, друɣóй, ўтарóй; даже: любéзнай, дубóвай и под. (*Соболевскій*. Жив. Старина. 1892. III. Стр. 8, 10, 11) [1]. Подобное произношеніе бѣлорусскихъ говоровъ для древняго времени доказывается свидѣтельствомъ Лѣтописи Авраамки, писанной въ Смоленскѣ въ 1495 году, гдѣ мы имѣемъ такія формы: и преидоша Донъ въскорѣ *лютой*, *свѣрѣпой* — П. С. Р. Л. XVI. Спб. 1889. Стр. 113., *плотничкой* конѣчь—ib. 171., въ *великой* Новъгородъ—203, *великой* князь — 226 и друг. Въ малорусскихъ же говорахъ мы имѣемъ, по указанію наблюдателей, формы съ окончаніемъ—*ой*: молодóй, полковóй — въ южной части Гродненской губерніи Кобринскаго уѣзда (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. IV. стр. 28).

Теперь очевидно, что въ общевеликорусскую эпоху было извѣстно лишь *одно* окончаніе для именъ прилагательныхъ

---

[1]) *Карскій* говоритъ даже про блр. нарѣчіе: «Мнѣ кажется, что — *ый*, —*ій* только этимологическое написаніе: я никогда не слыхалъ формъ на—*ый* и—*ій*». «Обзоръ звуковъ и формъ блр. рѣчи». М. 1886. Стр. 138. Срв. его-же «Къ исторіи звуковъ»... Р. Ф. В. 1893. I. Стр. 95.

членныхъ въ имен. пад. ед. ч. муж. р., именно,—*ой* и—*ей*; эти окончанія и принадлежали общевеликорусскому нарѣчію, какъ показываетъ предыдущее разсужденіе, причемъ, вѣроятно, діалектически были извѣстны эти окончанія и другой части общерусскаго языка, изъ которой вышли малорусскія и бѣлорусскія нарѣчія. Полагаю, что, если мы встрѣчаемъ формы на—*ый*,—*ій* въ Московскихъ грамотахъ и вообще средне-русскихъ и сѣверно-русскихъ памятникахъ древней письменности, т. е. въ письменности тѣхъ областей, *живой* языкъ которыхъ не имѣетъ нынѣ въ употребленіи такихъ формъ, то въ такомъ случаѣ мы можемъ считать эти формы письменныхъ памятниковъ прямо *книжными*; но если эти формы на—*ый*,—*ій* находятся въ тѣхъ памятникахъ, которые принадлежатъ по языку къ областямъ, гдѣ и нынѣ мы находимъ въ живомъ употребленіи такія формы, то въ такомъ случаѣ эти формы древней письменности должны имѣть иное толкованіе и указываютъ, по моему мнѣнію, на *древнее живое произношеніе* въ этихъ областяхъ.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что въ нашихъ діалектическихъ произношеніяхъ: хтару͡ой, до́бру͡ой, у́ету͡ой и под. (касимов. блр.) надо усматривать въ дифтонгѣ *уо* такой же слѣдъ долготы звука *ō* изъ болѣе ранняго *ъ*, какой мы видѣли выше въ дифтонгѣ *у͡о* изъ *ō* долгаго, происшедшаго изъ основного *о*. Ясно, что *ō* долгое изъ *о* въ закрытыхъ слогахъ, доживъ до общевеликорусской эпохи, совпало въ дальнѣйшей своей исторіи съ *о* краткимъ изъ *ъ* въ закрытыхъ слогахъ и вовлекло въ одинъ общій процессъ измѣненій съ собой и тотъ звукъ *о*, который являлся въ общевеликорусскомъ языкѣ въ имен. падежѣ именъ прилагательныхъ членныхъ въ единств. числѣ муж. рода. Очень можетъ быть, что еще и раньше общевеликорусской эпохи, что еще діалектически и въ общерусскую эпоху могло быть совпаденіе этихъ двухъ *о*, такъ какъ необходимо допустить, что слоговое ъ̥ уже въ общерусскую эпоху должно было въ произношеніи многихъ словъ совпадать со звукомъ *о* краткимъ, т. е. звучать, какъ *о*. По крайней мѣрѣ, мы не вправѣ игнорировать вышеприведенныхъ показаній и блр., и млр. говоровъ, хотя эти показанія и незначительны. Если признать, что въ эпоху общевеликорусскую имена прилагательныя на—*ой* звучали *съ долгимъ о* подобно

формамъ, гдѣ это *о* было долгимъ еще въ предшествующую эпоху и звучало долго, то мы должны будемъ представить себѣ *такое произношеніе* именъ прил въ имен. п. ед. ч. муж. р., при которомъ даже безударное *о* въ окончаніи звучало *совершенно явственно* на подобіе того, какъ звучатъ эти прилагательныя въ современныхъ діалектахъ, между прочимъ, въ касимовскомъ (см. выше: пьянай...). Не этимъ-ли объясняется тотъ весьма интересный фактъ, что въ нынѣшнихъ великорусскихъ говорахъ мы наблюдаемъ въ разсматриваемыхъ формахъ именъ прилагательныхъ замѣчательную *подвижность* ударенія въ именит. пад. ед. ч. муж. рода? Быть можетъ, удареніе, сохранивъ въ большинствѣ случаевъ свое первоначальное мѣсто, діалектически замѣняло собой прежнюю долготу или явственность произношенія безударнаго гласнаго, перешедши въ діалектахъ на этотъ послѣдній. Чѣмъ, напр., объяснить діалектическія произношенія: *быстрой* и *быстрóй*, *пѣшой* и *пѣшóй*, *тóлстой* и *толстóй* и проч? Этимъ вопросомъ на почвѣ современныхъ *народныхъ* говоровъ еще не занимался, можно сказать, никто, но во всякомъ случаѣ это—вопросъ интересный, и ему принадлежитъ будущность [1]).

Глава II-ая.

О звукѣ ѣ.

Звукъ *ѣ* отличался отъ звука *ē* долгаго прежде всего уже тѣмъ, что онъ былъ полученъ *еще въ общерусскомъ языкѣ*, какъ

---

[1]) Подвижность русскаго ударенія на одних и тѣхъ же словахъ и формахъ ихъ въ разныхъ говорахъ не представляетъ собой явленія *исключительнаго*, какъ думаетъ *Р. Ѳ. Брандтъ* (Начерт. слав. акцентологіи. Стр. 11). Ниже, во 2-мъ приложеніи, мы помѣщаемъ цѣлый списокъ такихъ прилагательныхъ съ подвижнымъ удареніемъ въ им. п. ед. ч. м. р. по говорамъ. Это явленіе, думается мнѣ, можетъ быть со временемъ объяснено лишь на почвѣ точнаго и широкаго изученія русскихъ народныхъ говоровъ. Еще *Я. К. Гротъ*, приводя слова съ двоякимъ удареніемъ, замѣтилъ: «Всѣ подобныя слова требовали бы *особаго разсмотрѣнія*, и пора было бы заняться рѣшеніемъ вопроса, на чемъ въ нихъ основывается различіе ударенія». Фил. Разысканія. Спб. 1876². Т. I. Стр. 416.

дифтонгическое сочетаніе $\widehat{ie}$ съ разными оттѣнками въ произношеніи по діалектамъ; таковымъ онъ былъ полученъ изъ общеславянской эпохи [1]), между тѣмъ какъ звукъ *е* сталъ долгимъ лишь въ закрытыхъ слогахъ уже на почвѣ общерусской, и здѣсь, какъ звукъ долгій, подвергся различнымъ измѣненіямъ по говорамъ (См. выше). Въ нашемъ касимовскомъ говорѣ мы видѣли много примѣровъ (См. I-ую часть. Главу III-ю) произношенія древняго орѳографическаго *ѣ*, какъ $\widehat{ie}$, $\widehat{ie^i}$, je^i, почти—*i*. Что касается другихъ русскихъ говоровъ, то мы имѣемъ въ нихъ на мѣстѣ *ѣ* слѣдующіе звуки: *i*, $\widehat{ié}$, $\widehat{ie}$, *ⁱi*, $\widehat{iы́}$, $\bar{i}$, *е*. Напр., въ бѣлорусскихъ говорахъ Минской губ., въ Минск., Слуцк., Игуменск., Бобруйск., Мозырскомъ уѣздахъ мы слышимъ: сіе́но, сйено, табіе, выбіегла, піесня, піели, обіедъ, на століе и под.; въ одномъ говорѣ Могилевской губерніи *ѣ* звучитъ *какъ долгое и*: хлипъ „какъ бы хліипъ“ = хлѣбъ— Озеранскій говоръ [2]); въ малорусскихъ говорахъ у Лемковъ мы имѣемъ *ѣ* = дифтонгу $\widehat{iы́}$: ліы́съ и под.... [3]); въ млр. же говорахъ мы слышимъ *ѣ* = *іе*: въ Черниговской губ. Сосницк. у.: біє́съ, діє́дъ, діє́ло, на доро́зіє, лієсо́къ, также: беда́, бежи́шъ и под. [4]), то-же мы имѣемъ въ млр. говорахъ Гродненской губ., Сѣдлецкой—лі́єсъ, мніє́, усіє́, сліпы́ и под.; въ Корницкомъ говорѣ Сѣдлец. губ.: св$\widehat{іе}$тъ, въ руц$\widehat{іе}$ и проч., причемъ здѣсь мы имѣемъ варьянтъ въ произношеніи, именно, не только ударяемую *первую* часть дифтонга, но и *твердое е* во второй части этого дифтонга, т. е., вѣроятно, здѣсь мы имѣемъ *болѣе открытое е* въ дифтонгѣ, чѣмъ въ другихъ млр. говорахъ, напр., въ Черниговской, Гродненской и отчасти въ Сѣдлецкой губерніи въ другихъ уѣздахъ [5]). Вѣроятно, и звукъ $\widehat{iы́}$ у Лемковъ имѣетъ во второй части дифтонга довольно открытый звукъ. Наконецъ, въ украинскомъ млр. говорѣ, т. е. въ южно-

---

1) См. *Ф. Ѳ. Фортунатова*. Лекціи по стрсл. фонетикѣ. Печатн. изданіе. Стр. 11—12.

2) *Соболевскій*. Очеркъ р. діал. ib. III. 19. 25 и друг.

3) *Соболевскій*. Ibid. IV. 56.

4) *Соболевскій* Ibid. IV. 13. 32. 35. 36.

5) Малорусскія *іє* и *іе*, быть можетъ, рефлексы общерусскихъ $\widehat{ie^i}$ и $\widehat{ie^a}$. Корницкій говоръ см. у *Соболевскаго*: Ibid. IV. 36.

малорусскомъ, мы имѣемъ звукъ *і* вмѣсто ѣ: хліб, сіно, тіло и под.

Что касается свр. говоровъ, то и въ нихъ мы находимъ вмѣсто орѳографическаго *ѣ* частью звукъ *и*, частью дифтонгическое сочетаніе изъ звуковъ *е* и *и*. Такъ, *Шахматовъ* въ своемъ трудѣ: „Изслѣдованія въ области р. фонетики" указываетъ на произношеніе *ѣ* какъ e^{i} въ Олонецкой и Ярославской губерніяхъ, гдѣ звукъ e^{i} слышится даже передъ твердой согласной [1]); въ этомъ звукѣ, конечно, слѣдуетъ видѣть сочетаніе изъ *е* и *і*, образовавшееся изъ древняго ясно слышимаго дифтонга; *Даль* въ своемъ сочиненіи „О нарѣчіяхъ"... (стр. L) говоритъ *о двугласномъ произношеніи и вм. ѣ* въ вятскомъ говорѣ; *Колосовъ* (Замѣтки... Сборникъ II отд. А. Н. Т. XVII. Стр. 222, 293, 323) неоднократно указываетъ произношеніе свр. *ѣ* то какъ *е*, то какъ *и*; наконецъ, въ нашемъ касимовскомъ говорѣ мы имѣемъ *i͡e* вм. *ѣ* довольно часто (см. выше: с.с. *Шаранина*, *Нармушадь*, д. *Норино* и друг.— въ IV-ой главѣ I-ой части) и *і* вмѣсто *ѣ* (см. выше ibid., с.с. *Ветчаны*, *Андроново*, *Парахино*, *Шаранина*, д. *Норино* и друг.).

Сводя все сказанное о произношеніи стараго орѳографическаго ѣ въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, мы будемъ имѣть картину измѣненій звука *ѣ* по мѣстностямъ: этотъ звукъ въ своемъ произношеніи колеблется между дифтонгическимъ сочетаніемъ *i͡e* и звуками *е* и *і* монофтонгическими, проходя въ своемъ измѣненіи черезъ цѣлый рядъ оттѣнковъ дифтонгическаго произношенія, постепенно приближающагося къ монофтонгу типа *е* и типа *і*. Среди этихъ оттѣнковъ въ нѣкоторыхъ говорахъ мы ясно слышимъ дифтонгическое произношеніе *іі*, ясно слышимъ и произношеніе $\widehat{ie}^{i}$ и $\widehat{ie}^{a}$. Если къ этому присоединить еще свидѣтельство др. русскихъ памятниковъ, изображавшихъ этотъ звукъ то въ видѣ ѣ—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нынѣ мы наблюдаемъ произношеніе или дифтонга *i͡e*, или e^{i} закрытое, или *і*, то въ видѣ *и*,—гдѣ нынѣ наблюдается произношеніе *і* или *е* съ извѣстными оттѣнками, то мы будемъ видѣть, что общерусскій звукъ ѣ, дѣйствительно, *былъ дифтонгомъ*, и тѣ говоры, гдѣ дифтонгическое произношеніе его сохранилось, представляютъ, слѣдова-

---

[2]) *Шахматовъ*. Стр. 165 и слѣд.

тельно, образецъ глубокаго архаизма и консервативности въ фонетическомъ развитіи. Наши касимовскіе говоры, какъ видно, примыкаютъ и въ этомъ случаѣ къ типу говоровъ, изъ которыхъ развились сѣверно-великорусскіе говоры. Ясное дѣло, что звуки общевеликорусской эпохи: ē (изъ ĕ *въ закрытыхъ слогахъ* и изъ ь въ томъ же положеніи) съ первичной и вторичной долготой [1]) и дифтонгическій звукъ i͡e (изъ ē долгаго *во всякомъ положеніи*) соединили свою судьбу въ то время и въ тѣхъ говорахъ, когда дифтонгическое сочетаніе i͡e, послѣ отдѣленія восточно-русскихъ нарѣчій (общевеликорусскаго нарѣчія) стало въ своемъ произношеніи приближаться *діалектически* къ монофтонгу. Вотъ почему мы до сихъ поръ можемъ *по конечнымъ результатамъ* измѣненія звука ĕ и ē (ѣ) различать, во-первыхъ, разную судьбу этихъ звуковъ, во-вторыхъ, различное ихъ происхожденіе изъ основныхъ звуковъ. Такъ, при дифтонгическомъ *'уо (юо), о, е, а* изъ основнаго ĕ (въ общерусскомъ языкѣ ставшаго *долгимъ*), *мы однако не наблюдаемъ* тѣхъ же звуковъ изъ основнаго ē (въ общерусскомъ языкѣ ставшаго дифтонгомъ *i͡e*), а вмѣсто ихъ видимъ: дифтонгъ *i͡e, i͡i, i͡ы, і, e^{i}*. При сравненіи этихъ двухъ рядовъ мы сразу замѣчаемъ въ первомъ изъ нихъ измѣненіе въ направленіи *къ звукамъ открытымъ* типа o^{a}, а во второмъ—въ направленіи *къ звукамъ закрытымъ* типа e^{i}. Ясно также, что движеніе звуковъ въ первомъ ряду предполагаетъ среднія звенья: *e͡e* съ различными оттѣнками, *ȯ͡e, ȯ͡ȯ*; а движеніе звуковъ во второмъ ряду предполагаетъ для русскаго языка звенья: *i͡e*^{a}, *i͡e*^{i}, причемъ звено *e͡e*, по моему мнѣнію, въ русскомъ языкѣ уже въ прарусскую эпоху не существовало.

Въ нашемъ касимовскомъ говорѣ мы имѣемъ, между прочимъ, произношене *ку́пi͡емъ*—буд. вр. 1 л. мн. ч. въ смыслѣ conjunct. adhortativus—; это произношеніе, вѣроятно, слѣдуетъ сопоставить съ млр. формами въ родѣ: *пустімо*, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ звукъ *і*, а не *и*, слѣдовательно, это произношеніе предполагаетъ этимологическое ѣ; срв. млр. купєте и под., куда проникъ *ѣ* изъ другихъ формъ; срв. также: поберіємося, одо-

[1]) Звукъ ē долгое изъ ь, конечно, будетъ имѣть позднюю, вторичную долготу сравнительно съ ē изъ ĕ.

шлімо, іdіемъ, іdіемо, іdіете, ходіете, даже позбу́дюмся и т. п. (См. у *Соболевскаго*. Очеркъ р. діал. Жив. Стар. 1892. Вып. IV. 26. 35. 29. 36). Въ блр. говорахъ мы тоже слышимъ: жнéце, пазнéце (= поздните, пов. накл.). Ближе всего къ касимовскому стоитъ бобруйское: хадзіемъ, сядзіеце, абламіеце— пов накл., хотя въ блр. здѣсь дифтонги *ударяемые*. Срв. касим. ку́піемъ. (*Соболевскій*. ibid. III. 23. 27) [1]).

---

[1]) Въ свой обзоръ дифтонговъ и долгихъ гласныхъ въ русскихъ говорахъ мы не включили касимовскихъ формъ: игра́jуот, про́сюот и проч.— 3 л. *множественнаго* числа (с.с. Парахино, Фомино, Астахово, д. Новая), а занимались только формами 3 л. *единств.* числа. Это мы сдѣлали потому, что сами не составили опредѣленнаго мнѣнія объ этихъ формахъ *множ.* числа: есть-ли это *аналогія* къ формамъ 3 л. единств. числа, или самостоятельно развившіяся фонетическимъ путемъ формы? Одно только пока мы рѣшаемся сдѣлать: предложить въ видѣ вопроса слѣдующее: нельзя-ли сопоставить вышеприведенныя касимовскія формы съ подобными-же въ чешскомъ и сербскомъ языкахъ, напр., pletou, nesou, hřebou, pekou, zdrihnou и под.—3 л. мн. ч., причемъ въ сербскомъ мы имѣемъ долгіе гласные: то̏нӯ, у̀мијӯ, пи̑шӯ, си̏јӯ и под. также въ 3 л. мн. ч.? Въ нѣкоторыхъ русскихъ акающихъ говорахъ, именно, въ нашемъ касимовскомъ мы имѣемъ тутъ также долготу: но́сю̄т, беру́т, пла́цӯт, пъцыта́ю̄т—3 л. мн. ч. (Расторгуево, Катово, Снохино, Парахино и др.); въ вятскомъ окающемъ говорѣ наблюдателями показано произношеніе также съ долгимъ гласнымъ: берӯт (см. выше) При сопоставленіи этихъ фактовъ, кажется, можно видѣть, что старина тутъ за нашими касимовскими формами. Можетъ быть, въ гласныхъ: чш. *ou*. серб. *ӯ*, русск. *уо* и *ӯ* мы имѣемъ указаніе на видоизмѣненія основного гласнаго носового, стрсл. ѫ, такъ какъ основной гласный *ǫ* могъ съ теченіемъ времени дать въ результатѣ своихъ діалектическихъ измѣненій звукъ *у* (*u*) лишь при посредствѣ какого-либо звука *ио*. Срв. *Шахматова*, который говоритъ «Мнѣ представляется вѣроятнымъ допустить переходъ *о* носового въ прарусскомъ языкѣ въ uо и объяснять прарусское же *u*, какъ результатъ дальнѣйшаго измѣненія uо (перешедшаго непосредственно въ uu): распаденіе гласнаго *о* въ uо стояло бы въ зависимости отъ потери имъ носового свойства, вознаграждало, именно, эту потерю. Равнымъ образомъ іǫ (jǫ) переходило въ iu (ju) черезъ посредство iuo (juo)». См. его литографированный курсъ лекцій по русскому языку въ Моск. Унив. 1890-1891 академич. года. Стр. 129. Если мы находимъ въ глагольныхъ формахъ русскихъ говоровъ дифтонгическое сочетаніе *уо* въ 3 л. множ. ч. подобно вышеприведеннымъ формамъ касимовскихъ говоровъ, то приходится уже нѣ-

Такимъ образомъ, параллельное разсмотрѣніе звуковъ, соотвѣтствующихъ др. русскому начертанію ѣ, въ касимовскомъ и другихъ современныхъ русскихъ говорахъ насъ привело къ слѣдующимъ результатамъ: звукъ ѣ еще въ обще русскомъ языкѣ былъ *дифтонгомъ*, это дифтонгическое произношеніе изъ общерусскаго языка получено было и обособившимися восточно-русскими нарѣчіями, т. е. той частью общерусскаго языка, которая легла въ основаніе будущаго свр и блр. нарѣчій; ювр. говоры выдѣлились несомнѣнно изъ особой части общевеликорусскаго языка (общевосточнорусскаго); нашъ касимовскій говоръ выдѣлился изъ тѣхъ нарѣчій, изъ которыхъ и свр и блр. говоры.

Глава III-ья.

О прочихъ гласныхъ звукахъ.

Въ этой главѣ мы разсмотримъ лишь нѣкоторыя явленія вокализма нашихъ говоровъ древнихъ и современныхъ, именно, тѣ явленія, которыя, по нашему мнѣнію, должны имѣть новое объясненіе послѣ изслѣдованнаго нами говора Касимовскаго уѣзда, а также тѣ явленія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ явленіямъ говора въ Касимовскомъ уѣздѣ. Прежде всего замѣчу, что здѣсь я не буду касаться такъ называемаго *аканья*, понимая подъ этимъ терминомъ произношеніе предударныхъ звуковъ *о* и *е*, какъ *а* и *’а* (*я*), хотя и буду гово-

---

сколько измѣнить мнѣніе о *прарусскомъ и* изъ *о* носового въ томъ смыслѣ, что при звукѣ *и* въ діалектахъ прарусскаго языка, вѣроятно, уже было извѣстно и сочетаніе *и͡о* изъ носового *о*. Конечно, это допущеніе можетъ быть сдѣлано лишь въ томъ случаѣ, если наши русскія діалектическія формы съ сочетаніемъ *у͡о* не представляютъ изъ себя явленій позднѣйшей аналогіи. Впрочемъ, сравненіе съ чешскими и сербскими формами указываетъ во всякомъ случаѣ на путь измѣненій основного *о* носового въ той части общеславянскаго языка, которая утратила носовой элементъ основного праславянскаго звука ǫ. Вѣроятно, въ этой части общеславянскаго языка было извѣстно еще до распаденія послѣдняго сочетаніе и͡о изъ ǫ. Тогда понятна и долгота, и дифтонгическія сочетанія въ сербскомъ, чешскомъ и діал. русскомъ.

рить вообще о звукѣ *а* нашихъ говоровъ. Это я дѣлаю потому, во-первыхъ, что объ аканьѣ въ указанномъ смыслѣ было уже говорено мною въ моей первой работѣ по діалектологіи, а, во-вторыхъ, потому, что аканье касимовскихъ говоровъ я считаю явленіемъ, не принадлежащимъ собственно фонетикѣ тѣхъ русскихъ говоровъ, слѣды которыхъ сохранены намъ въ касимовскихъ говорахъ; это явленіе въ нихъ— позднѣйшее, заимствованное изъ ближайшихъ сосѣднихъ говоровъ южной части Рязанской губерніи, которая, очевидно, первоначально представляла собой типъ древнихъ русскихъ говоровъ, отличныхъ отъ говоровъ, легшихъ въ основаніе нынѣшнихъ касимовскихъ, ведущихъ свое начало отъ говоровъ типа окающаго, т. е. типа со звуками $о^у$ и $е^о$ въ предударномъ слогѣ, а не типа акающаго, т. е. типа со звуками $о^а$, $е^а$ въ означенномъ положеніи. Какъ мы уже говорили въ I-ой части нашего труда, весь характеръ звуковъ нашихъ касимовскихъ говоровъ указываетъ намъ наглядно на то обстоятельство, что эти говоры сохранили намъ въ своемъ звуковомъ составѣ доказательства своего особаго происхожденія, отличнаго отъ говоровъ *чисто акающихъ*, южно-великорусскихъ. Въ нашихъ касимовскихъ говорахъ, какъ было сказано, мы понынѣ наблюдаемъ постепенное вымираніе старыхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній (слитные согласные, дифтонги, долгота, дифтонгическое *ѣ* и друг.) и приближеніе ихъ къ сосѣднимъ говорамъ. Это же мы говорили въ своей магистерской диссертаціи *по поводу нѣкоторыхъ данныхъ изъ Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи*. Очевидно, мы имѣемъ на ряду съ явленіями поздняго происхожденія въ нашихъ касимовскихъ говорахъ явленія глубочайшей древности лишь потому, что эти говоры какъ бы забились въ медвѣжій уголокъ, гдѣ долѣе другихъ могли сохранять свой первоначальный звуковой составъ и жить особою жизнью древодѣловъ и дроворубовъ.

§ I. Остановимся прежде всего на явленіи произношенія звука *'а* (*'$а^е$*) изъ *и* въ нашихъ говорахъ.

Въ первой части своего труда мы указали произношенія: да́ля = да́ли, вы́пйля = выпили, ҫѣ́йля = сѣяли и проч., а также: дѣ́хькя = дѣвки, с рибя́тъмя, са́мя и мн. др. Наши касимовскія формы въ родѣ *да́ля*, *ҫѣ́йля* и под. съ конечнымъ гласнымъ звукомъ *'$а^е$*, т. е. звукомъ, который

по произношенію колеблется между *а* и *е*, слышится, какъ очень широкое *е*, имѣютъ для себя соотвѣтствія въ формахъ древне-русскаго языка, изображавшихся на письмѣ съ буквою ѣ въ концѣ причастныхъ формъ множ. числа на—лѣ. Мнѣ кажется, въ виду діалектическихъ произношеній этихъ формъ въ современномъ русскомъ языкѣ, что конечное ѣ древне-русскихъ формъ означало звукъ *открытый*, а *не закрытый*, и я такъ думаю вопреки уже высказанному въ ученой литературѣ мнѣнію о закрытости этого древне-русскаго ѣ.

Современная русская діалектологія, какъ увидимъ, заставляетъ насъ вести наши конечные звуки въ этихъ формахъ въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ изъ древне-русскаго *открытаго*, а не закрытаго звука. Изъ всѣхъ ниже приводимыхъ данныхъ древне-русскихъ и современныхъ русскихъ говоровъ ясно видно, что разсматриваемыя формы причастій, а равно и формы, близкія по произношенію къ нашимъ: дѣхькя, са́мя и под., извѣстны въ большей части русскихъ говоровъ, причемъ въ древне русскомъ языкѣ мы для каждой изъ этихъ формъ можемъ указать, какъ будетъ видно ниже, ея первоначальный видъ, какъ онъ переданъ въ древне-русской ороографіи. Сравнивая приводимыя ниже данныя между собой, мы устанавливаемъ главнымъ образомъ фактъ фонетическаго перехода конечнаго звука *и* въ открытомъ неударяемомъ слогѣ въ звукъ *'а* при посредствѣ звуковъ: $и^е$—$j̯е^а$—j̯ä; вотъ послѣдній-то звукъ изъ этого ряда мы и видимъ въ древне русскомъ ѣ въ конечныхъ открытыхъ слогахъ разсматриваемыхъ формъ. Замѣтимъ, что этотъ законъ перехода звука конечнаго *и* въ открытый звукъ типа *е* обнаруживалъ свое дѣйствіе лишь *въ неударяемыхъ* слогахъ и стоялъ первоначально только въ зависимости отъ ударенія, какъ показываютъ подобныя формы въ блр. и млр. нарѣчіяхъ; въ великорусскомъ же нарѣчіи этотъ законъ получилъ широкое распространеніе со времени XIV вѣка, когда замѣчается открытое произношеніе конечнаго звука *е* не только изъ древняго *и*, но и изъ древняго *е*, напр., въ окончаніи 2-го лица множ. ч. глаголовъ—*те*. Замѣчательно, что нынѣ мы слышимъ *какъ въ акающихъ*, *такъ и въ окающихъ нарѣчіяхъ* произношеніе съ конечнымъ $е^а$—*'а* неударяемымъ въ формахъ, въ родѣ: „сиди́тя“, „$не^і$си́тя“ при „няси́тя“ и проч. Значитъ, явленіе *общерусскаго языка* съ теченіемъ

времени, по выдѣленіи восточно-русскихъ нарѣчій, получило дальнѣйшее развитіе въ этихъ послѣднихъ: именно, тотъ фактъ, что нынѣ мы имѣемъ въ акающихъ говорахъ произношеніе „да́ли“, „дѣ́фьки“, „са́ми“ и проч при „да́йтя“, „сиди́тя“ и проч., между тѣмъ какъ въ окающихъ говорахъ мы имѣемъ: „да́ля“, „дѣ́хькя“, „са́мя“ и проч. при „да́йтя“, „сиди́тя“ и проч, показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ разными процессами фонетическаго измѣненія конечнаго *и* к *е* въ акающемъ и окающемъ говорахъ. Тотъ фактъ, что конечное *и* первоначальное не было вовлечено въ аналогію процессомъ аканья въ акающихъ нарѣчіяхъ, показываетъ намъ, что въ группѣ говоровъ, развившихъ у себя аканье, конечное *и* при указанныхъ условіяхъ *не переходило въ открытый звукъ*. Итакъ, это расширеніе звука *и* есть явленіе свр фонетики. Приведемъ примѣры. Напримѣръ, въ Смоленской Лѣтописи Авраамки мы находимъ: а намѣсницѣ Московьскыи Андрѣевы *сбѣжалѣ*— Стр. 57. а въ Пьсковѣ *почалѣ* бяше грабить недобрѣи люди—60. что *сѣдѣлѣ* в тали—62. и слово правое *далѣ*—67. а сами *побѣжалѣ* въ нѣмѣчкый городокъ—70. хто что *вынесле* на поле—72. чтобы есте *поборонилѣ* насъ отъ нѣмець—75. а мужій моихъ *побилѣ*—81. а нашихъ *пострѣлилѣ*—92. а в Новѣгородѣ *принялѣ*—93 двожды *шлѣ* Новгородци Волгою—94. а иныи истопоша безъ вѣсти и *поплылѣ* внизъ по Тфѣрци—98. а инііхъ *поималѣ* и *повязалѣ*—101. и Колмогоры вземь и *пожглѣ*—164. три церквѣ *съжглѣ*—172. твои слы *водилѣ* суть цари ротѣ—230 и друг. Срв. въ Смоленской Грамотѣ 1229 г. (сп. F.): абъша... тои правды *держалѣ*—Р.-Лив. Акты. Стр. 423. (Срв. въ спискѣ, изданномъ Дубенскимъ въ Русск. Достопамятностяхъ. II. М. 1843. Стр. 249: а бъша три правдъı *держалѣ* и в вѣкъı). Мы не можемъ считать этихъ написаній выражающими звукъ *и* на концѣ словъ, во первыхъ, потому, что въ этихъ памятникахъ, хотя и замѣтна мѣна *ѣ* и *и*, но она особенно ясна лишь тамъ, гдѣ *ѣ* стоитъ вмѣсто *и* *подъ удареніемъ* (нѣ́ту—Смол. Лѣт. 76. бесчѣ́слено—ib. 86 и мн. др.); тамъ-же, гдѣ *ѣ* не подъ удареніемъ, оно можетъ выражать и не чистый звукъ *и*, тѣмъ болѣе, что *ѣ* въ этихъ случаяхъ часто стоитъ и не вмѣсто *и* (гостѣ́й - 70. Тфѣ́рь—70. тѣ́сть—99. Смолѣ́ньску и Смоле́ньску—Грамота 1229 г. ib. и друг.); во-вторыхъ, потому, что далеко не во всѣхъ памятникахъ, имѣющихъ *ѣ* вмѣсто *и*, мы

находимъ эти формы съ конечнымъ *ѣ*. Напр., въ Лаврентьевскомъ спискѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ 1377 г., гдѣ мы имѣемъ: обърѣнъ и объринъ (фототип. изд. л. 8.), копѣхъ и конихъ—л. 30, печенѣзи—л. 45, насмѣхаются и насмисаются—л. 117. столб. 1, по истѣнѣ—л. 132. ст. 1. и по истинѣ—л. 135. столб. 2. суздалцѣ и суждалци—л. 170. ст. 2. и мн. др., при этомъ, сколько знаю, мы находимъ только одну форму на—*лѣ* [1]). Между тѣмъ въ Ипатскомъ спискѣ той же лѣтописи мы читаемъ: *сѣлѣ* суть—л. 5. столб. 1. (фототип. изд.), *пришлѣ* бѣша—л. 9. ст. 1, суть *вдалѣ*—л. 12. столб. 2, *изошьлѣся* суть—л. 40. столб. 1, бяху *оубилѣ*—л. 43. ст. 2, бѣша *пожьглѣ* половци—л. 189. ст. 2. и др. и при этомъ тоже находимъ и *ѣ* вмѣсто *и*. Шахматовъ [2]) приводитъ еще данныя изъ памятниковъ XIV и XV вѣка: кралѣ, видилѣ, побилѣ, послалѣ, былѣ... (изъ Русской Правды, изъ того-же списка Смол. Грамоты 1229 г., изъ котораго мы привели выше: держалѣ, изъ Новг. Лѣтоп. XV в.). При этомъ замѣтимъ, что, насколько намъ извѣстно, въ Новгородской лѣтописи по Синод. списку XIV в. такихъ формъ опять нѣтъ. Въ Двинской Духовной Грамотѣ мы опять находимъ: А что порубили Тойвита въ поральѣ, *выдалѣ* голецъ Өедору... АЮ. № 409. (XI)—XIV—XV в. Наконецъ, въ виду того, что въ современныхъ намъ говорахъ мы находимъ такія формы, какія мы привели выше въ рѣчи жителей Парахинской волости Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи, мы не можемъ объяснять и написаній древне-русскихъ памятниковъ графическими причинами или звуковымъ тождествомъ *ѣ* и *и*. *Свидѣтельство живыхъ говоровъ—самое важное*: здѣсь должно было это *ѣ* имѣть какой-либо звуковой оттѣнокъ въ рѣчи писцовъ, употреблявшихъ эти написанія; этотъ оттѣнокъ, вѣроятно, приближалъ это *ѣ къ открытому, а не закрымому* звуку; можетъ быть, къ звуку—*ӓ*. Я склоненъ сопоставлять эти формы съ такими, какъ *е́смя*, *дворя́ня* и проч. Срв. *дѣтмѣ*—у Шахматова (Изслѣдованія... Стр. 250) и приведенное нами выше Парахинское: рибя́тъмя, а также пермское: столами добо́вымя, цве-

---

[1]) Мы знаемъ только одинъ примѣръ: бѣ бо стополкъ с володимеромъ рядъ имѣлѣ—л. 185. ст. 1.

[2]) *Шахматовъ*. Изслѣдованія... Стр. 168-169. Срв. 249—252.

то́чкимя а́ленькимя, фсемя́ городами [1]), а также: села съ поселкаме въ Олонецкомъ говорѣ (Рыбниковъ. III. 372). Въ виду этихъ данныхъ приходится признать, что это былъ звукъ *открытый* въ означенномъ положенiи, а *не закрытый*. Вѣроятно, въ образованiи этого звука участвовала какая-нибудь аналогiя [2]), такъ какъ звуки: *е—і 'а* въ различныхъ говорахъ чередовались и чередуются до сихъ поръ въ конечныхъ открытыхъ неударяемыхъ слогахъ. Я дѣлаю свое предположенiе, но не претендую на его доказательность и долженъ сказать, что это явленiе вообще загадочное въ др.-русской письменности, и я не нахожу удовлетворительнаго объясненiя для этого явленiя ни у Соболевскаго [3]), ни у Шахматова, ни у кого другого. Кажется, то обстоятельство, что мы часто встрѣчаемъ въ нашихъ грамотахъ эти формы на—*лъ* съ формою глагола *есмѧ*, *есмя*, говоритъ въ пользу предположенiя о возможности влiянiя на эти формы формъ глагола *ѥсмъ*—*ѥсмѧ*, но въ основѣ своей, всетаки, это явленiе *фонетическое*. Сравни: той товаръ *творилъ* есмя, *взялъ* есмя, есма *доконцялъ*,

---

[1]) См. *Соболевскаго*. Очеркъ р. дiалектологiи Жив. Стар. 1892. Вып. II. Стр. 23.

[2]) См. у *Шахматова*. Изслѣдованiя въ области р. фонетики. Стр. 212—221. Срв. стр. 250—252.

[3]) *Соболевскiй* въ своихъ «Лекцiяхъ» не останавливается на этомъ явленiи: онъ нигдѣ не объясняетъ, какъ онъ смотритъ на это явленiе, хотя нѣсколько разъ приводитъ подобныя формы; см. стр. 146. 211. 217. Въ статьѣ «Смѣшенiе родовъ» мы читаемъ: «Причастiя прошедшаго времени, такъ называемыя спрягаемыя (на—*лъ*), которыя употребляются теперь исключительно, какъ сказуемыя, сохранили для подлежащихъ всѣхъ родовъ только одну старую форму—форму муж. рода, такъ что мы говоримъ теперь *шли*, *ѣхали*, *дали* при подлежащихъ и муж., и женск., и средн. рода». Лекцiи[2]. Стр. 191. Въ фонетикѣ тоже не находимъ указанiй. Зато въ его «Изслѣдованiяхъ въ области р. грамматики». (В. 1881) мы находимъ относящееся къ данному вопросу: формы: человалѣ, переступилѣ и т. д. Соболевскiй объясняетъ влiянiемъ формъ мягкихъ основъ на—*ѣ* на формы твердыхъ основъ (Стр. 30—35). Здѣсь приведены и блр. формы: *быля*, *хадзи́ля* (виленск.), и Соболевскiй объясняетъ эти формы такъ-же, какъ и я: здѣсь *я* изъ *ѣ*. Но съ объясненiемъ его формъ на—*мя* (ibid. 49—53) едвали можно согласиться: срв. касим. *са́мя* и древне-русское *са́мъ*—въ Ипат. сп. лѣтописи (ib. 35). Другое дѣло: ри́бятъмя....

есмя *спустилѣ*, *цѣловалѣ*, *былѣ*, *взялѣ*—Рус.-Лив. Акты № 96. (1373 г.); или: есме *отдалѣ*, а потомъ: *взялѣ* есте, есте *прислалѣ*..., *порубилѣ*, *погорѣле*, *поимале*, *повѣстовалѣ*, *побилѣ*, *целовалѣ*... Ibid. № 115 (1392 г). По крайней мѣрѣ, послѣ изслѣдованія говора жителей Касимовскаго уѣзда можно, кажется, утверждать слѣдующее: это конечное *ѣ* выражаетъ въ древнихъ русскихъ памятникахъ письменности звукъ открытый, колеблющійся между *'а* и *'е*, на это указываютъ современные говоры: касимовскій и пермскій; далѣе, это звуковое явленіе, какъ прежде, такъ и теперь, наблюдается *въ говорахъ цокающихъ и чёкающихъ* и, быть можетъ, въ говорахъ, сохранявшихъ долѣе другихъ свои дифтонги; наконецъ, по памятникамъ письменности видно, что это явленіе не особенно старое: ранѣе XIV-го вѣка его нельзя прослѣдить по памятникамъ [1]), а къ этому-же времени приблизительно становится замѣтнымъ подобный фонетическій процессъ и въ другихъ образованіяхъ: есми - есме—есмя, есте—естя, купи́те—купи́тя, дади́те—дади́тя. Можетъ быть, формы на—*те* были исходнымъ пунктомъ такихъ образованій, и это—*е* было открытымъ не только въ будущихъ акающихъ говорахъ, но и въ окающихъ говорахъ, которые очень рано стали умѣренно а́кать [2]). Насколько знаю, ни въ современныхъ бѣлорусскихъ, ни въ современныхъ малорусскихъ говорахъ мы не имѣемъ теперь такихъ произношеній въ большомъ количествѣ, но слѣды ихъ должны быть, и кое-что мы видимъ въ памятникахъ древней письменности и живой рѣчи [3]) современныхъ бѣлоруссовъ. Напр. млр.: говореле, розлучеле—Пинск. у. (Жив. Ст. 1892. IV. 24).

Если взять за типъ словъ, которыми мы сейчасъ занимались, слѣдующія: „сами", „ребятами", „дали", (сѣ́яли), „дѣв-

---

[1]) *Колосовъ*. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ р. языка... Стр. 104. 114. 132. 170. Формы только съ XIV в.

[2]) *Шахматовъ*. Ук. Соч. Стр. 295 (говоры со звукомъ $о^а$ въ предударномъ слогѣ).

[3]) Срв. предыдущ. стр. примѣч. 3. Блр. виленск.: бы́ля, хадзи́ля, весе́линькимя и др. Срв. *Карскаго*. Обзоръ... Стр. 46 (звукъ—ä). Наконецъ, формы на—*лѣ* мы имѣемъ и въ Волынской лѣтописи. *Колосовъ*. Очеркъ. Стр. 171 (Впрочемъ, можетъ быть, это особенности сѣверянина—переписчика).

ки", то выйдетъ, что для современнаго мѣстнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ мы имѣемъ вмѣсто приведенныхъ выше слѣдующія произношенія: са́мя. рибя́тъмя. да́ля, (ḉѣйля). дѣхька. Во всѣхъ этихъ словахъ мы имѣемъ въ современномъ касимовскимъ говорѣ звукъ *'а*ᵉ или *'е*ᵃ изъ основного *и* (предполагая „сами"—для муж. р. им. п. мн. ч. форму на—ами, какъ заимствованную изъ именъ женскаго рода на—*а* еще въ древне-русскомъ языкѣ XIII-го вѣка, „дали",—какъ форму для им. п. мн. ч. муж. рода, и въ словѣ „дѣвки" изъ дѣвъкы звукъ *к* уже смягченнымъ издавна). Ясное дѣло, что этотъ звукъ—*и* перешолъ черезъ другія ступени прежде. чѣмъ стать звукомъ открытымъ. и эти ступени мы нашли въ древне-русскихъ памятникахъ въ написаніяхъ съ—*ѣ*, которое въ этихъ формахъ было, конечно, звукомъ открытымъ: мы видѣли древне-русскія: самѣ, далѣ, совр. пермск. формы на—*мя*, блр. формы на—*ля.*—*мя*, касимов. на—*мя*,—*ля*,—*кя* съ особымъ звукомъ *'а*, и для формъ касимов. въ родѣ *дѣхькя* находимъ въ бѣлорусскомъ: ру́чкѣ мые, при: дзѣвкѣ́ вино выпили, мужикѣ́, вовкѣ́ или вѣнкѣ́. дворѣ́... (*Соболевскій*. Лекціи². Стр. 167. 163). Соболевскій видитъ въ такихъ формахъ результатъ смѣшенія твердыхъ и мягкихъ основъ, слѣдовательно, явленіе не фонетическое, но я не могу себѣ представить. чтобы въ русскомъ языкѣ XIV-го вѣка (не ранѣе: формы въ родѣ: Варлааме вдале... сюда не относятся) формы мягкихъ основъ на—*ѣ не подъ удареніемъ* въ живомъ произношеніи были *настолько явственны* для слуха и настолько многочисленны, чтобы вовлечь въ аналогію съ собой всѣ вышеразсмотрѣнныя и подобныя слова. Мнѣ кажется, что здѣсь слѣдуетъ искать *фонетическаго* закона: вѣроятно, что въ группѣ восточно-русскихъ нарѣчій, давшей начало великорусскому нарѣчію, конечный звукъ *и* приближался діалектически къ звуку *е* черезъ предполагаемую мною группу звуковъ ẹе; такимъ образомъ, съ теченіемъ времени звуки ẹе—е изъ *и* совпали въ своей исторіи съ звуками *е*—*ѣ* изъ *'е* и *ı͡е*; вотъ почему мы имѣемъ въ этихъ формахъ и *ѣ*, и *е* въ той части говоровъ, отъ которой пошли сѣверно-великорусскія нарѣчія и сѣверно бѣлорусскія; поэтому мы имѣемъ и формы неопредѣленнаго наклоненія, съ одной стороны, на—*ти*, съ другой,—на—*тѣ*,—*те*. При взаимномъ вліяніи и столкновеніи разныхъ говоровъ, въ эпоху аканья, съ того-же XIV-го вѣка (можетъ быть и ранѣе), говоры ака-

ющіе придали кое-гдѣ особую окраску этому конечному звуку, а равно получились и въ окающихъ говорахъ особые оттѣнки, въ которыхъ лишь съ трудомъ можно теперь усматривать прошедшую судьбу этихъ конечныхъ звуковъ *е* и *и*. Напримѣръ: въ Новгородскихъ купчихъ XIV—XV вѣка читаемъ: тимъ *володѣтѣ* Өедору Макарову—АЮ. № 71. (VI); Лавр. лѣтопись: не творите—неопр. н. — л. 40 (фототип. изд.); въ Ипатск. спискѣ лѣтописи: нача пѣтѣ—л. 97. столб. 2. Срв. нача пѣти—л. 97. столб. 2 (фототип. изд.). Сравни въ современномъ Новгородскомъ говорѣ: будите—неопр. н., знобите—неопр. н. Колосовъ приводитъ [1]) еще формы: скопите, купите, носите—неопр. н.—изъ пѣсни Псковской губерніи въ Сборникѣ Шейна и форму—узяте [2]) изъ Грамоты 1229 г. Съ формами касимов. дѣхькя. блр. дзѣвкѣ, ру́чкѣ слѣдуетъ сопоставлять новгор. (валдайск.): *ягодке* вм. ягодки [3]) Если форму „нѣтути“ считать древнѣйшей (нѣту-ти). то написаніе Ипатск. списка лѣтописи: нѣтутѣ—л. 89. ст. 1. свидѣтельствуетъ о томъ же фонетическомъ процессѣ; срв. нѣтуть [4])—ib. л. 89. ст. 2.

§ II. Совершенно обратный фонетическій процессъ происходилъ съ конечнымъ звукомъ *'а* (стрсл. ѧ) въ открытомъ слогѣ, въ мѣстоименіи *сѧ*, присоединяемомъ къ глаголу. Здѣсь мы наблюдаемъ еще общерусское явленіе фонетическаго *суженія* этого конечнаго *'а* въ *і* черезъ ступень *е*. Въ разсужденіи этого фонетическаго явленія надо принять во вниманіе, что мѣстоименіе *сѧ* при глаголахъ образовало вмѣстѣ съ глаголомъ *одно* слово, которое и чувствовалось, именно, какъ *одно* слово еще въ общерусскую эпоху во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неизвѣстно было раздѣльное употребленіе глагола и мѣстоименія *сѧ*, а такихъ случаевъ, какъ показываетъ древне-русская письменность и современная діалектологія, представляющая дальнѣйшую судьбу этихъ глагольныхъ формъ въ разныхъ говорахъ, было гораздо больше въ русскомъ языкѣ, чѣмъ случаевъ раздѣльнаго употребленія глагола и мѣстоименія *сѧ*. Такимъ

---

[1]) *Колосовъ*. Замѣтки... Сборникъ отд. р. яз. XVII. 1877. Стр. 11. прим. 3. Стр. 12. прим. 1 (переносъ со стр. 11).

[2]) Русско-Лив. Акты. Приложеніе. Стр. 426, 430 и др. вездѣ—*и*.

[3]) *Колосовъ*. Ibidem. Стр. 12. прим.

[4]) На л. 150. столб. 2. мы имѣемъ: нѣтути.

образомъ, фонетическій процессъ суженія конечнаго *неударяемаго ’а* въ открытомъ слогѣ обнаружился со всею яркостью и замѣчательной послѣдовательностью въ глагольныхъ формахъ на—*ся*, именно, потому, что эти глагольныя формы не сознавались, какъ сложныя изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, а сознавались, какъ *простыя* слова, въ которыхъ и обязательно было обнаруженіе дѣйствія фонетическаго *закона*

Если мы въ § I нашли, что общерусское конечное неударяемое *и*ᵉ въ великорусскихъ нарѣчіяхъ измѣнилось въ извѣстной средѣ (будущихъ окающихъ говоровъ) по направленію къ звуку *а* подъ вліяніемъ законовъ сѣверно-великорусской фонетики, то въ вопросѣ о конечномъ общерусскомъ неударяемомъ звукѣ *’а*ᵉ мы увидимъ, что измѣненіе этого звука не въ однихъ великорусскихъ нарѣчіяхъ, а *во всѣхъ нарѣчіяхъ* русскаго языка шло по направленію къ звуку *і*. Слѣдовательно, данныя языка насъ должны убѣдить въ томъ, что этотъ процессъ начался еще въ прарусскую эпоху и былъ общимъ для всѣхъ нарѣчій русскаго языка. Нельзя думать, что это явленіе позднее, такъ какъ мы не имѣемъ графическаго выраженія его въ *древнѣйшихъ* памятникахъ письменности, потому что противъ такого мнѣнія стоитъ свидѣтельство *всѣхъ* современныхъ русскихъ говоровъ и свидѣтельство *тѣхъ* памятниковъ русскаго языка XIV вѣка, орѳографія которыхъ была ближе всего къ орѳографіи фонетической. Остается только неяснымъ, почему этотъ законъ не проявлялся *во всѣхъ* случаяхъ, гдѣ было конечное *’а* въ неударяемомъ положеніи, но на этотъ вопросъ можно отвѣчать пока лишь гадательно, предполагая причину этого въ томъ, что предшествующій согласный *с* имѣлъ какое-либо вліяніе на измѣненіе слѣдующаго за нимъ звука *’а*.

Трудно, почти невозможно, по моему мнѣнію, допустить, что разсматриваемое измѣненіе звука *’а* обязано своимъ появленіемъ и сохраненіемъ *во всѣхъ* русскихъ говорахъ тѣмъ *немногочисленнымъ* случаямъ, въ которыхъ было извѣстно въ древне-русскомъ и старославянскомъ языкахъ употребленіе дательнаго падежа *си* при глаголахъ. А главное, что при такомъ предположеніи намъ придется игнорировать формы стараго и современнаго русскаго языка на—*се*, формы, извѣстныя въ *громадномъ количествѣ* и образовавшіяся, несомнѣнно, *фонетическимъ путемъ*.

Такъ, мы имѣемъ, напримѣръ, въ Двинскихъ Грамотахъ XIV вѣка: сужусе—1 л. ед. ч.—*Востоковъ*. Описаніе ркп. Рум. Муз. № LXVII. Срв. АЮ. № 409 (V): сужусе съ нимъ предъ Богомъ.

Въ современныхъ говорахъ мы имѣемъ всѣ окончанія: *а* (*'а*), *е* и *и*. Такъ, въ сѣверно-великорусскомъ мы имѣемъ: опуститься, биться, бороться и друг.—Олонец. (Истоминъ. Пѣсни. 34), боротца—46, срв. 49, 84 и друг.; *се*: стр. 35, 44, 48, 71, 87, 105, 117, 129, 130; женитьсе, вѣньцятьсе, просшатьсе—148—Арханг.; просшатсе—222—Арханг. и др. (если записи вѣрны);—*си*: стр. 47. Олонецк. и друг. Срв. у *Колосова*. Замѣтки... ibid. Стр. 11. 168. 25 прим. 2: шатáтьцы... Срв. въ Сборникѣ Гильфердинга: напивалиси, наѣдалиси—Столб. 100. срв. столб. 12, 98, 106, 134 и друг.

Въ бѣлорусскомъ: малúлиси, но: поклóнюццá—3 л. мн. ч., астáпци, сабрáлиси, кылыхнúся, гадзúцця—неопр. н.; есть возвр. залоги на—*са* (Рѣчицк. у. Минск. губ.), на—*ця*,—*са* въ Мозырск. уѣздѣ, на—*се*: женúцисе—Минск. у., Бобруйск. у. и друг. [1]).

Въ малорусскомъ нарѣчіи: озвáтьсє, обещáўса, дивітса, крийса, хваліўса, бою́са, судíлосе, женытыся, боіцє, бою́сє, бьецє, бьесє, бьеся, даєсі, даєсе, даєси и друг. [2]).

Такимъ образомъ, это явленіе надо отнести къ эпохѣ общерусскаго языка или даже къ эпохѣ прарусскаго языка. Въ самомъ старославянскомъ языкѣ мы имѣемъ въ извѣстныхъ случаяхъ глаголы возвратнаго залога на—*сѧ* и рядомъ на—*си*. При глаголахъ: съжалити си, сътѧжати си и подобныхъ мы имѣемъ одновременно и глаголы другого управленія, но думаю, что въ русскомъ языкѣ съ теченіемъ времени, когда конечное—*сѧ* (—*с'а*) при глаголахъ перестало сознаваться, какъ особое слово или какъ винительный падежъ мѣстоименія, это мѣстоименіе стало просто концомъ слова, его окончаніемъ, и подчинилось относительно своего гласнаго звука общему фонетическому закону. Мнѣ кажется сомнительнымъ объясненіе русскаго *се* (сѣ) изъ *си* подъ вліяніемъ *себѣ* [3]): въ малорусскомъ нарѣчіи мы имѣ-

---

1) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалект. Жив. Ст. 1892 г. Вып. III. passim.

2) Ibidem. Вып. IV. passim.

3) *Соболевскій*. Изслѣдованія въ области р. грам. Стр. 60—63.

емъ формы: мі, ті, сі для дат. падежа, гдѣ ясно отношеніе ихъ къ формамъ на—*ѣ*, но онѣ ничего общаго фонетически не имѣютъ съ древними формами: ми. ти. си: формы-же на—*ѣ*: мѣ, тѣ, сѣ только предполагаются, но живыми говорами ихъ доказать нельзя: мы имѣемъ теперь въ касимовскомъ говорѣ: у мня́. у мя́, у тя́ при: у ме'ня́, у те'я́, у се'я́. откуда можно вывести, что первыя, дѣйствительно, образовались изъ вторыхъ путемъ выпаденія или сокращенія звуковъ; но формъ: ми или ме (мѣ), ти или те (тѣ), си или се (сѣ) мы не видимъ въ живыхъ влкр. говорахъ, если не считать такихъ выраженій, какъ: я те дамъ!, гдѣ опять видно сокращеніе *те*, которое звучитъ *те*', изъ теѣ—тебѣ́. Вообще, этихъ формъ для дат. падежа личныхъ и возвратнаго мѣстоименій, какъ отдѣльныхъ словъ, мы совсѣмъ не видимъ, въ особенности, формы для 1-го лица: ме', ме, мѣ, а она должна бы была гдѣ-нибудь сохраниться, еслибы она была. Форма же *ся*, *се*, *си* извѣстна только, какъ окончаніе нѣкоторыхъ словъ, причемъ первая въ говорахъ еще встрѣчается, но опять, какъ сокращенная изъ *себя́*.

Кромѣ того, вышеприведенныя млр. боюсє и под. говорятъ своимъ звукомъ є противъ формъ на—*ѣ* или на—*и*. Если мы имѣемъ такія формы, какъ: *спусте* на третей день—АЮ. № 10 (1503 г.), то мы вправѣ видѣть и въ формѣ: *сужусе* тотъ-же фонетическій процессъ измѣненія конечнаго *'а* въ *'е* и, наконецъ, въ *и*. Точно такъ-же млр. судiлосе, даєсе и под (см. выше) говорятъ своимъ конечнымъ звукомъ *е*, не смягчающимъ предшествующую согласную за *фонетическій* процессъ: еслибы здѣсь чувствовался дательный падежъ—*си*, то—*се* не получилось бы: еслибы здѣсь чувствовался дат. падежъ—*сі* (изъ—*сѣ*, которое, въ свою очередь, образовалось подъ вліяніемъ, будто-бы, формы—*себѣ*), то точно такъ-же въ глаголахъ не получилось бы—*се*. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что надо отдѣлить мѣстоименія, какъ особыя слова, отъ того возвратнаго мѣстоименія, которое издавна слилось съ глаголами и переживало въ жизни русскаго языка общую судьбу съ словами, въ которыхъ не было сложенія съ мѣстоименіемъ, но которыя имѣли одни и тѣ-же окончанія съ этими сложными глаголами. Въ эпоху измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ характера ударенія въ русскомъ языкѣ, не-

ударяемый конечный гласный здѣсь подвергся извѣстнымъ фонетическимъ измѣненіямъ. Точно такъ и появленіе звука *ц* изъ *тс* въ глаголахъ, думаю, началось съ процесса отвердѣнія конечнаго—*т* въ 3 л глаголовъ или, лучше сказать, обусловлено твердымъ конечнымъ—*т* въ 3 л. глаголовъ въ тѣхъ русскихъ говорахъ, которые имѣли это твердое—*т* искони или раньше другихъ говоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ говорахъ, которые теперь имѣютъ 3 л глаголовъ на—*ть*, замѣчается и мягкое *ц*, а не твердое, въ глаголахъ возвратнаго залога, напр , въ вышеприведенныхъ формахъ бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій: твердое *т* повлекло за собой отвердѣніе—*с* и дало твердое *ц*. Срв. АЮ. № 19: возитца, вывезутца; № 21: битца; № 30: имянуетца, напиватца; № 69: уставитца, объявитца; № 92: доведетца; № 96: ставитца; № 98: вступатца, учинитца; № 99: вступатца, учинитца и мн. др. Формы неопредѣленнаго наклоненія, естественно, совпали в массѣ глаголовъ съ формою 3-го лица наст. времени, отсюда: уставитца, ставитца, учинитца и др., а нѣкоторые глаголы при звуковомъ совпаденіи въ обѣихъ формахъ стали различаться только удареніемъ: во́зи́тца, объя́ви́тца и мн. др. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ 3 л. глаголовъ имѣетъ мягкое—*ть*, и неопредѣленное наклоненіе, кажется, сохраняетъ мягкое *ц*, которое поддерживается общей массой формъ 3-го лица ед. и множ. числа: блр. аста́цци, гадзи́цця. Замѣчательно, что при неопр. наклоненіи на---*ти* (млр.) вообще рѣдки формы съ твердымъ—*с* въ возвратномъ залогѣ въ неопр. наклоненіи. Изъ этихъ формъ, т. е. изъ формъ 3-го лица ед. и множ. числа, твердое *с* могло проникнуть и въ другія формы. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что въ блр. и млр. формы на—*сы*,—*цы* вообще, кажется, рѣдки, если онѣ и есть, такъ какъ не всѣ русскіе говоры переживали послѣ своего обособленія одни и тѣ-же звуковыя измѣненія [1]). Вліяніе предшествующаго звука на

---

[1]) Впрочемъ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, кажется, всѣ эти виды окончаній употребительны, какъ и въ великорусскомъ. См., напр., *Шейна*. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣв.-западнаго края. II. Спб. 1893: Гродн. губ.: же́ницца, пытаяцца, выпирацца, упилася, жаніўся, смяяцца, осталися—№ 87. Стр. 185. бъетцы, робилосё—№ 88. Стр. 186. 187. (Минск. губ.); остаўся, дзѣлыицца—№ 107. Стр. 232 (Витебск. губ.); уваліўса,

возвратное мѣстоименіе, присоединяемое къ глагольной формѣ, вліяніе на согласный элементъ этого мѣстоименія можно видѣть изъ сопоставленія, напримѣръ, слѣдующихъ формъ, из-

---

осталиса, попужалиса— № 108. Стр. 235. 236. (Минск. губ.); пріостаноўляетця, пасецся, спотклетца—№ 117. Стр. 251. 252. (Гродн. губ.); сгодивса, осталися, нашлосе, оставса—№ 177. Стр. 334. (Гродн. губ.); дзяліўся, згодзилися, спужаўся, хочитца, уппраютца, становитца—№ 220. Стр. 379. 378. 380. 381. (Минск. губ.); подкосяцца, боцца, зирайся, вертайся—№ 44. Стр. 545. (Смоленск. губ.); обтынюся, обгороджўся, освячўся, обрыюся—№ 48. Стр. 547. (Минск. губ.); вернйся, оглянйся, уймйся, явйся—№ 59. Стр. 552. (Смоленск. губ.); само собой разумѣется, что не всѣ эти формы одинаково древни: онѣ взяты, большею частью, изъ говоровъ переходныхъ, но говоровъ въ общемъ очень близкихъ къ изслѣдуемымъ нами говорамъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи. Въ современныхъ намъ говорахъ приходится одновременно наблюдать и такія произношенія, которыя представляютъ собой остатки или слѣды стараго фонетическаго измѣненія, и такія, которыя получились, какъ результатъ взаимодѣйствія многихъ и сложныхъ причинъ, нерѣдко обнаружившихъ свое значеніе лишь въ позднее время; таковы: взаимное вліяніе говоровъ другъ на друга, распространеніе образованій по аналогіи, которая, въ свою очередь, иногда бываетъ очень древняго происхожденія, иногда указываетъ намъ на свое недавнее возникновеніе, какъ аналогія уже вторичная или третичная. Я только убѣжденъ въ томъ, что начало измѣненій—*сѧ* въ—*се* и далѣе въ—*си* (черезъ—*се*^{i}), съ одной стороны, затѣмъ—*сѧ* (*с'а*) въ—*се*, въ—*сӧ*, въ—*сӧ*^{a}, съ другой, -есть *фонетическій* законъ (См. выше форму блр. *робилосё* и под. въ сѣв.-влкр.). Срв. *Шахматова*. Изслѣдованія. Стр. 207—209. Еще въ Изборникѣ 1073 г. мы имѣемъ такіе обороты, какъ: молить *си* быти помоштьника—л. 47 в. (Изд. Общ. Древн. Письм. Фототипическое). Срв. въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по Сильвестрову списку XIV вѣка, гдѣ довольно *часто* встрѣчаются такіе обороты: абиѥ старѣи. сънемь перстень и прекрти *си* руку вдасть ми рекъ. възложи си се на руку. и прекрти *сѧ* и цѣлить ти руку—л. 132. в. *Срезневскій*. Спб. 1860 г. См. также мое соч. «Къ діалектологіи» Стр. 118—119. Что касается «отвердѣнія» звука *с* (въ мѣстоименіи въ сложеніи съ глаголомъ), то, хотя я выше предложилъ свою догадку относительно происхожденія этого *с* изъ формъ 3-го лица ед. и множ. числа съ *твердымъ* окончаніемъ—*т*, гдѣ получалось естественно и слѣдующее за *т* *с* тоже твердое, откуда—*ц* лишь впослѣдствіи, но я не настаиваю на безошибочности своего объясненія, это лишь—предположеніе; и могу сказать, что мы всетаки какъ-будто имѣемъ примѣры «отвердѣнія» звука *с*, напр., въ словѣ: *саво́дня* и *сово́дня* (Казан., Мамадышскаго уѣзда и Вятское, Слободск.).

вѣстныхъ въ литературномъ р. нарѣчіи и нѣкоторыхъ говорахъ: несу́съ — 1 л. ед. ч., неси́сь пов. н. 2 л ед. ч.; сажу́съ — сади́сь, сужу́сь — суди́сь, найду́съ — найди́сь, займу́съ — займи́сь, вожу́съ — вози́сь и т. п Настоящее время въ формѣ 1-го лица ед числа съ такимъ произношеніемъ могло впо-

---

Думаю, что здѣсь нѣтъ аналогіи съ словомъ: таво́, тово́.., такъ какъ у насъ нѣтъ слова: таво́дня, тово́дня... Срв. въ Грамотѣ 1392 г. (Рус.-Лив. Акты № 115): на *сомъ* поморьи, по *сому* доконьцанию, хотя здѣсь же мы имѣемъ: с короломъ, такъ что, можетъ быть, это просто *написаніе* для звука *ѐ*. Еще данныя: «розливаласе Дунай да рѣчька быстренькая» — *Колосовъ*. Замѣтки... ib. 169. Срв. мнѣніе Колосова о формахъ въ родѣ *напилси́* — ib. Стр. 11. *Шахматовъ* (Ук. Соч. l. с.) смотритъ на это иначе, но надо сказать, что едвали старая форма дат. падежа — *си* могла не только удержаться при глаголахъ, которые были извѣстны съ этой конструкціей мѣстоименія, но даже распространиться и на массу другихъ глаголовъ: взялси́ атарвалси́, пъдддалси́ и проч. Мнѣ кажется, что формы взялси́ и под. возникли въ недавнее время въ тѣхъ говорахъ, гдѣ извѣстно — *си*, изъ двоякихъ формъ: взя́лси, да́лси и взялса́, далса́, откуда потомъ: взялси́, далси́. Относительно формъ: *ся*, *тя*. какъ отдѣльныхъ словъ, и — *те́я*, *ся́*.. въ Новгор. и Влад.—Яросл. говорѣ см. *Колосова*. Ibidem. Стр. 26. 301. Въ дополненіе къ своимъ разсужденіямъ относительно фонетическаго закона, усматриваемаго мною для конечнаго звука — *и* — *іе* или *и* — *еа* — *'а* еще въ общерусскомъ языкѣ, по поводу формъ: самя, быля... (см. выше) я могу привести еще бѣлорусскую форму: вэльмя (срв. вельми, стрсл. вельми при вельмѣ—вельма. Mikl. Lex. s. v.), извѣстную изъ Сборника *Шейна*. Ibidem. № 177. Стр. 333. (Гродн. Пружан. у.). Интересны также написанія въ Изборникѣ 1073 года: не прѣльштайтеся ни блоудьници ни коумирьници слоужителе и любодѣици — л. 32 d. ни грабителѥ цсрства бжия не причастяться — л. 32 d. бѫдѣте оубо подражателѥ бжии — л. 40 с. оучителѥ — им. п. мн. ч. — л. 44 b. строителе — им. п. мн. ч. — л. 45 d. и мн. др. Срв. здѣсь же неопр. наклоненіе: ѥже ѣсте — л. 50 в. Срв. выше формы Лавр. лѣтописи и Ипатьевской. Такія формы для именит. падежа множ. числа представляютъ собственно образцы смѣшанныхъ основъ (на — *ŭ* и на — *о*); это смѣшеніе извѣстно даже старославянскому языку (см. *Лескинъ*. Грам. Рус. Пер. Стр. 72. § 66. Стр. 57. § 40. Стр. 62. § 50) и, можетъ быть, оно обязано было первоначально семазіологическому сходству въ словахъ на — анинъ... и на — тель, какъ въ словахъ, означающихъ лицъ, а потомъ, съ теченіемъ времени, въ эпоху общерусскую сюда привзошелъ фонетическій элементъ, законъ, который обобщилъ собой нѣсколько *первоначально* различныхъ формъ и произношеній.

слѣдствіи захватить въ этотъ процессъ съ собой и всѣ формы 1-го лица наст. времени, какъ напр.: утоплю́съ (но и: утоплю́сь), учу́съ (но и: учу́сь), пощу́съ (но и: пощу́сь), колю́съ (но и: колю́сь) и т. п. Въ этихъ послѣднихъ формахъ собственно должно бы быть мягкое *с'*, но мы видимъ обратное тому, что должно быть (Срв. формы, приведенныя здѣсь въ примѣчаніи).

Изъ приведенныхъ выше фактовъ мы видимъ, что наши касимовскіе говоры въ разсматриваемомъ отношеніи переживали общій всѣмъ говорамъ процессъ измѣненія конечнаго *'а* въ мѣстоименіи *сѧ* (*ся*) при глаголахъ. Кромѣ того, видимъ также, что это измѣненіе конечнаго *'а* было хотя и общерусскимъ, т. е. было извѣстно и до сихъ поръ извѣстно всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, но оно *не было обязательнымъ*, такъ какъ почти во всѣхъ говорахъ русскаго языка извѣстны при формахъ на *си* и формы на—*са*. Лишь только говоры южновеликорусскіе съ сильнымъ (полнымъ) аканьемъ могутъ быть отмѣчены, какъ говоры, которымъ *по преимуществу* теперь извѣстны формы на—*си*. И въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ новое указаніе на то, что наши касимовскіе говоры имѣли нѣкогда свою судьбу, отличную отъ судьбы говоровъ, развившихъ у себя полное аканье, т. е. наши говоры первоначально не принадлежали къ говорамъ послѣдняго типа, а были говорами другого типа, изъ которыхъ впослѣдствіи развились *окающіе* говоры. Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ пунктѣ предшествующаго §, наши говоры и вообще свр. говоры указываютъ на болѣе тѣсную связь свою съ говорами бѣлорусскими, чѣмъ съ ювр.

§ III. Перехожу къ звуку *и* изъ основного ѣ (*i͡е*), древнерусскаго ѣ въ памятникахъ письменности. Выше въ главѣ II мы говорили объ остаткахъ дифтонгическаго произношенія *ѣ* въ нашихъ говорахъ и сдѣлали параллельный обзоръ дифтонгическихъ сочетаній, соотвѣтствующихъ начертанію ѣ, въ современныхъ русскихъ говорахъ. Въ той главѣ мы не говорили подробно о монофтонгическомъ произношеніи ѣ, здѣсь-же мы будемъ имѣть главнымъ образомъ въ виду *монофтонгическое* произношеніе и потому будемъ слѣдить за такимъ произношеніемъ ѣ въ современныхъ и древнихъ русскихъ говорахъ, поскольку это произношеніе отразилось въ памят-

никахъ древней русской письменности. Для наглядности и убѣдительности выводовъ намъ придется представить параллельный обзоръ во всѣхъ главнѣйшихъ русскихъ говорахъ тѣхъ звуковъ, которые нынѣ являются рефлексами стараго ѣ, а потому мы должны будемъ повторить нѣкоторые примѣры, приведенные уже во II-ой главѣ, прежде чѣмъ подвести итогъ нашему обозрѣнію звуковъ *і* изъ ѣ въ нашихъ касимовскихъ и другихъ русскихъ говорахъ. Дѣло въ томъ, что по отношенію къ дифтонгическому произношенію ѣ (см. выше) наши касимовскіе говоры примыкаютъ ближе всего къ говорамъ сѣверно-великорусскимъ (нѣкоторымъ, напр., къ вятскому) и сѣверно-бѣлорусскимъ. Весьма вѣроятно, что всѣ эти говоры вышли изъ одной части общерусскаго языка, но и въ этой послѣдней мы постараемся указать діалектическое разнообразіе, соотвѣтствующее отличіямъ, съ одной стороны, нынѣшняго бѣлорусскаго нарѣчія, а, съ другой,—отличіямъ *той области* сѣверно-великорусскихъ говоровъ [1]), которая своими діалектическими особенностями указываетъ намъ на свое особое происхожденіе отъ говоровъ *тоже сѣверно-великорусскихъ*, но восходящихъ къ *другой* разновидности сѣверно-великорусскаго типа. Къ этой, именно, разновидности сѣверно-великорусскаго типа и восходятъ наши касимовскіе говоры и говоръ *вятскій*, представляющіе, какъ увидимъ въ этомъ §, особенный типъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, идущихъ отъ этой разновидности обще-сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

Шахматовъ [2]) указалъ на говоры Олонецкой, Новгородской и частью Ярославской губерній, гдѣ звукъ *ѣ* ударяемый передъ твердымъ слогомъ даетъ закрытое e^{i}. Въ собранныхъ нами матеріалахъ по говорамъ Касимовскаго уѣзда мы имѣемъ *новое* указаніе на такой-же звукъ e^{i} (частью $\widehat{іе}$ и *і*), какой *Шахматовъ* указываетъ въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи. Наши говоры свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ звукъ былъ нѣкогда болѣе распространеннымъ, и проливаютъ свѣтъ на исторію звука *ѣ* и на его звуковое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ,

---

[1]) Въ нынѣшней Олонецкой и Новгородской, частью Ярославской губерніяхъ.

[2]) *Шахматовъ*. Изслѣдованія.... Стр. 165—166.

все болѣе и болѣе подтверждается мнѣніе *Фортунатова* о звуковомъ значеніи *ѣ* въ общеславянскомъ языкѣ; это значеніе *ѣ* выводится непосредственно изъ свидѣтельства отдѣльныхъ славянскихъ и русскихъ нарѣчій [1]). Дѣйствительно, въ живыхъ говорахъ русскаго языка мы имѣемъ на мѣстѣ ударяемаго стараго *ѣ* слѣдующіе звуки: въ млр. *i͡є*, *i͡е*, *i*, є (см. ниже); въ блр. долгое *и* (*i͡и*), *i͡é*, *i͡е*, є; въ влкр. *и*, *i͡é*, *е*ⁱ, *е*ᵃ, (или є) въ южныхъ и сѣверныхъ говорахъ. Такимъ образомъ, уже на основаніи этого мы выводимъ для *прарусскаго* языка звукъ *i͡е*—дифтонгическое сочетаніе съ ударяемой первой или второй частью: *i͡е* или *i͡é*—и съ *е*ⁱ или *е*ᵃ—по говорамъ. Нельзя думать, что прарусское дифтонгическое сочетаніе *i͡е* стянулось еще въ общерусскую эпоху въ монофтонгѣ, такъ какъ противъ такого взгляда говорятъ малорусскій, бѣлорусскій и касимовскій дифтонгъ *i͡е*. Стяженіе было, вѣроятно, діалектическое, а не общее, т. е. въ говорахъ, гдѣ *i͡е* было равно *i͡е*ⁱ, тамъ *i͡е*ⁱ стало приближаться къ *i͡i*—*i*, а въ говорахъ, гдѣ *i͡е* было равно *i͡е*ᵃ, тамъ *i͡е*ᵃ стало приближаться къ *i̭е*ᵃ—*i̭а*ᵉ—*i̭ä*—*'е*. Звуки перваго ряда съ теченіемъ времени могли скрещиваться со звуками второго ряда вслѣдствіе причинъ аналогіи, причинъ культурныхъ и проч. Примѣры см. ниже. Мы, значитъ, видимъ въ прарусскомъ *ѣ* тоже общеславянское *ѣ* въ его дальнѣйшей исторіи.

---

[1]) *Фортунатовъ* говоритъ:.... «изъ сопоставленія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ надо заключить, что старославянское ѣ было получено не изъ общеславянскаго *е* долгаго, но изъ общеславянскаго сочетанія *ie*, на которое распалось *ē* еще въ общеславянскомъ языкѣ.... Это общеславянское *ie*, получившееся изъ *ē*, въ наиболѣе основномъ его произношеніи было, вѣроятно, дифтонгомъ *ie* съ слоговымъ *i* и съ неслоговымъ *е*, хотя, быть можетъ, въ общеславянскомъ языкѣ существовали діалектическія различія въ произношеніи этого *ie*.... Можетъ быть, старославянское *ѣ* въ наиболѣе основномъ его для извѣстнаго намъ старославянскаго языка произношеніи было сочетаніемъ *i͡ea*, откуда въ другихъ діалектахъ сочетаніе *e͡a* или *i͡a*, можетъ быть, въ однихъ одно, въ другихъ другое».... Лекціи по фонетикѣ старосл. яз. Печатн. изд. Стр. 11—12. Срв. стр. 26—27 (іе діалект. іе....). Срв. серб. ије, је; польск. іа; чш. ě....

По говорамъ мы имѣемъ слѣдующіе примѣры. Въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи. Въ Вятскомъ говорѣ: обидпя, пи́сня, пи́сельпикъ, ри́цьки (при: рѣ́цьку), встри́ча, ди́ти, ди́ло, зви́рь, ми́сяця, си́ть, съи́здить (при: ѣ́хати, ѣ́здя), ни́т, ни́ту, зди́сь, смотри́ть, посмотри́л... „Нигдѣ въ Вятской губ. смѣна *ѣ* на *и* не выдерживается, какъ постоянное явленіе: тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, находимъ и *е* изъ *ѣ* [1]". Въ Новгородскомъ говорѣ чаще, чѣмъ въ какомъ либо другомъ изъ сѣверно-великорусскихъ, но тоже не постоянно, мы слышимъ: ји́сть, ји́здить (эти два слова, кажется, имѣютъ общерусское *i͡eⁱ—i͡i—i̯i—ji*); ни́ту, хли́бца, нади́нь, пови́сил, ли́стница, гди́, зди́сь, вси́ [2]... Въ Олонецкомъ говорѣ—спорадически: оди́ться, ді́ется, ри́чь, не смі́ю [3]); ди́вица (срв. дѣвица—ib. Пѣсня. Колосовъ. Замѣтки... Ук. Соч. Стр. 178). Во Владимирскомъ, Ярославскомъ, Костромскомъ, Тверскомъ, Вологодскомъ, Архангель-

---

[1]) *Колосовъ.* Замѣтки.... Сборникъ отд. р. яз. и слов. XVII. Стр. 222—223. Срв. *Даль.* О нарѣчіяхъ. L. «Въ серединѣ слова очень рѣдко *и* вм. *ѣ*». *Соболевскій.* Очеркъ р. діал. Жив. Стар. II. (1892). Стр. 21: Слободск.: кли́ть, сви́чи; Глазовск.: ди́вки, си́сь, нельзи́ (и въ Парахинѣ Касим. у.); Сарапул.: ви́сь—стр. 22.

[2]) *Колосовъ.* ibid. Стр. 4. 15. Срв. *Даль.* Ук. Соч. XLV. Бронниц.: копіёкъ, разбогатсіемъ. Череповец.: хочу и́сть. XLVI. *Соболевскій.* ibid. Стр. 10: Новг. у.: би́лова дня, би́линькой; Борович.: нихто не и́де (=ѣдетъ); Крест. и Тихвин. у.: би́лой, поли́но. хли́бъ, сни́къ, копи́ёкъ, на двори́.... Кирилов., Череповец. большею частью *передъ мягкими* согласными: би́литьця—3 л. ед. ч., пи́сня.. Стр. 11. Бѣлозер.: ви́теръ, ви́никъ... Стр. 12.

[3]) *Колосовъ.* ibid. Стр. 120. 167 (Въ пѣснѣ № 6: «на́до нам ди́вица»). Срв. *Даль.* Ук. Соч. Стр. LII. *Соболевскій.* ibid. Стр. 13: «Говоръ окрестностей озеръ Выгозера и Водлозера отличается «наклонностью» *ѣ* къ *ч* и *ѣ* къ *и*, но случаи, гдѣ.. вм. *ѣ* чистое *и* рѣдки и непостоянны; обыкновенно слышатся средніе звуки, которые наблюдатель затрудняется передать графически». Среднее между *свитъ* и *светъ*. Говоръ Повѣнца и его уѣзда спорадически имѣетъ *и* вм. *ѣ*: свири́пой, зди́, гди́, мни́... Стр. 14. Близъ Кенозера «*ѣ* весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*». ib. Стр. 14. Насчетъ произношенія *свири́пой* замѣтимъ, что у *Колосова* ib. Стр. 141. въ пѣснѣ Олон. края (Каргополь) записано: «Твоя мла́да не *свирёпая*». Такое *ё* изъ *ѣ подъ удареніемъ* въ свр. нарѣчіи мы имѣемъ крайне рѣдко; напротивъ, мы знаемъ случаи, гдѣ народный говоръ своимъ произношеніемъ возстановляетъ этимологическій звукъ (основной), расходясь нерѣдко съ произношеніемъ литературнаго нарѣчія и сохраняя тамъ звукъ *е*, гдѣ въ литературномъ про-

скомъ говорахъ мы тоже имѣемъ часто *и* вм. *ѣ*: *Влад.* Судогод.: пúсня; Меленков. хлúб (это и я слышалъ въ с. Кочатковѣ—„Къцаткова"), засмотрúлся, јúсь (=ѣсть) и проч. (Колосовъ ibid. Стр. 293. Даль. О нарѣчіяхъ. LV); *Яросл.* Молож.: бúлой, дúтушки, вмúсти, свитлíе, горúть (=горѣть), насúяла (насѣяла); *Костромск.* „случаи *и* вм. *ѣ* чаще, чѣмъ въ Яросл. губ."; *Тверск.*: на рѣкú, въ свúти, сúвиръ... (См. *Даль.* О нарѣчіяхъ. XLVII—XLVIII. *Соболевскій.* Очеркъ.... ib. 18. 7); *Вологодск.* Вельск. почти всегда: дúло, нúту, свúтъ, ко мнú; Яренск: по вúники úдемъ; Устюж. Тотем. Кадников.— передъ мягкими: въ нúге, къ невúсте...; Никольск.—тоже. (*Соболевскій.* ib. 15. 16. 17. *Даль.* ib. XLIX. *Колосовъ.* ib. 321—323. Здѣсь цѣлый списокъ словъ, изъ котораго видно, что въ Сольвычегодск. у. вмѣсто *ѣ* слышно *и* и *передъ твердымъ* согласнымъ: дúвка, хлúб, сúтка; срв. сíеть, цидить (какая форма? неопр. н.?) съ нашими касим.: сíјить, цы́дим— д. Ивановское Ветчан. вол., д. Шаранина Парахин. вол.— выше); *Архангельск.* Онеж. фъ сундукú (Соболевскій. ib. 14). Въ Сборникѣ пѣсенъ *Истомина* (Спб. 1894 г.) находимъ—

изношеніи мы видимъ позднѣйшее *ё* по аналогіи съ другими словами. Такъ, литер. вёдра звучитъ *во всѣхъ народныхъ* говорахъ: вéдра, и въ ювр., и въ свр.: срв. новгород. вéдра—Колосовъ. ibid. 14; ряз. почти повсемѣстно, въ казан. тоже (см. нашу брошюру о казан. говорѣ. Стр. 15) и друг. Если мы имѣемъ свирéпой при свирúпой, то, надо думать, здѣсь въ послѣднемъ случаѣ *и* не изъ *ѣ*, а, вѣроятно, оно сюда попало по аналогіи съ глаголами «свирѣ́пѣть», гдѣ послѣ *р* слышалось $е^і$ или *і*, или здѣсь произошла звуковая ассимиляція въ слогахъ: *сви*—(изъ све—) и *ре*—, какъ въ словѣ *мизúнецъ* и под. (Срв. Минск. г. Борисов. у.: *мезя́ный* палецъ—*Шейнъ.* Матеріалы. II. Стр. 285. Сказка. «Отдай мнѣ, што ў доми ни вядомо». № 136. Срв. въ млр. Харьк. г. Купянск. у.: *мызиния.* Этнографич. Обозр. 1894. № 2. Стр. 78. Эта сказка по содержанію почти такая же, какъ блр. у *Шейна.* Здѣсь мы, дѣйствительно, видимъ вліяніе одного слога на другой: *звуковое подравненіе* въ сосѣднихъ слогахъ: гдѣ слогъ—зú—(—зы́—), тамъ ми—(мы—), а гдѣ слогъ—зя́—, тамъ этимологич. ме—(изъ мѣ—). Обыкновенно, кажется, вліяетъ слѣдующій слогъ на предыдущій, хотя возможно и обратное). Срв. др. польск. świerzopy. См. также *Соболевскаго.* Лекціи[2]. Стр. 65 и 85. Срв. его-же: «Изъ исторіи р. языка» въ Ж. М. Н. Пр. 1894 г. ноябрь. Стр. 28. *Миклошичъ* (Etym. Wtb. s. v. sverp.—) считаетъ въ словѣ сверѣпъ *е* вставочнымъ: sverp, откуда svrěpъ. Но, вѣдь, это не «полногласіе»-же! Почему въ чш. svěřepý? Послѣ *р*, вѣроятно, этимологическое *е*, а не *ѣ*.

цви́тъ—стр. 171. (Олонец.), вси́—172. (Олонец.), за ри́цькой, си́но—178. (Олонец.), на руки́—198. (Олонец.),—201. (Арх. Онеж.), на синемъ то мори́—206 (Арх. Кемь), всúмъ—210 (Олонец.), заци́мъ—230 (Арх. Онеж.), въ руки́—231. ibid.; въ Арханг. говорѣ вообще довольно рѣдко въ срединѣ слова, еще рѣже передъ твердымъ согласнымъ: заци́мъ, касим. зацым. Въ южно-великорусскомъ нарѣчіи это явленіе повсемѣстно извѣстно, кажется, только въ словахъ: јúсть и смотри́ть, но мѣстами встрѣчается и въ другихъ словахъ. Въ *Курской* губ. Путивльск. у. мы слышимъ спорадическіе случаи *и* вм. *ѣ*: сия́ли, паглядúли (*Соболевскій*. ibid. Жив. Стар. 1892. I. Стр. 18); *Псковск*. Великолуцк. имѣетъ также спорадическое *и* вм. *ѣ*: нявúстушка, здúся (*Соболевскій*. ib. 24). Вообще, это явленіе принадлежитъ преимущественно сѣверно-великорусскому и малорусскому нарѣчіямъ, частью бѣлорусскому, но спорадическіе случаи *и* вм. ударяемаго *ѣ* въ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ говорятъ въ пользу того, что звуковое значеніе стараго *ѣ*, какъ закрытаго *е*, склоннаго къ *і*, должно было быть извѣстно въ древности всему русскому языку; лишь позднѣйшія условія быта, колонизаціи и самая судьба звуковъ или ихъ исторія видоизмѣнили звуковое значеніе *ѣ* въ различныхъ мѣстностяхъ русскаго языка. Я вполнѣ согласенъ съ Ягичемъ, который говоритъ: „по памятникамъ древне-русской письменности выходитъ наружу, что народное живое ѣ въ то время (XI—XII в.) въ громадномъ большинствѣ случаевъ и мѣстностей произносилось, какъ закрытое е, суженный же звукъ его и (вм. ѣ) имѣлъ тогда еще лишь ограниченное діалектическое значеніе, не обхватывалъ широкаго пространства на югѣ Россіи, очень можетъ быть не больше, если даже не меньше, чѣмъ на сѣверѣ“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если признать вслѣдъ за Соболев-

[1]) *Ягичъ*. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. Стр. 42. Срв. 13. 25. 40. 46. О такомъ-же звуковомъ значеніи др. р. ѣ, думаю, говорятъ и слѣдующія написанія Изборника 1073 г.: ницни—л. 5 а. срв. нѣцни—л. 5 b. видома—л. 6 а. повѣдѣ—2 л. ед. ч. пов. н.—л. 7 с. ѥсть же оубо и се ꙗвленѣѥ—л. 9. с. сице же ѥже глѧ ꙗвлѥнѣѥ да бѫде—л. 11. с. тꙑ же въ вѣри... окоушаисѧ—л. 17. с. въ описатѣлѣ.

скимъ, что на сѣверѣ Россіи, въ частности въ Новгородѣ, и вообще въ говорахъ сѣверно-русскихъ (т. е. свр. юврр. и блр.) въ XII-мъ уже вѣкѣ произошло полное отождествленіе звуковъ *е* и *ѣ*, такъ какъ вообще различіе между этими звуками на сѣверѣ было слабѣе, чѣмъ на югѣ Россіи, то придется стать въ противорѣчіе со свидѣтельствомъ *современныхъ* говоровъ сѣверно-великорусскихъ, въ частности,—со свидѣтельствомъ *современнаго* Новгородскаго говора, а на это мы не имѣемъ никакого права: напротивъ того, свидѣтельство живыхъ современныхъ говоровъ должно быть исходнымъ пунктомъ нашихъ заключеній о древности и должно нами руководить въ вопросахъ исторического изученія языка. Выше мы видѣли, что *и* вмѣсто *ѣ* является отличительной чертой фонетики современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, и почти нѣтъ такой мѣстности, гдѣ бы этого фонетическаго явленія не знали на сѣверѣ. Когда Соболевскій писалъ свой „Очеркъ русской діалектолологіи", то онъ самъ выразился, что: „главная черта, общая всѣмъ говорамъ цокающей группы свр. нарѣчія, перешедшая въ нихъ отъ ихъ предка—древняго новгородскаго говора,—мѣна *ц* и *ч*,.... обыкновенно сопровождается болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ *и* вм. *ѣ*"..... (Соболевскій. Жив. Стар. 1892. II. 9). Такъ какъ сѣверно-великорусское нарѣчіе почти цѣликомъ *цокаетъ* или *чёкаетъ* (кромѣ незначительной части. См. ibid. стр. 4), т. е. сохранило фонетическую особенность др. новгородскаго говора, то, очевидно, слыша теперь въ этомъ свр. нарѣчіи такое-же сплошное *и* вм. *ѣ* рядомъ съ мѣной *ц* и *ч*, мы должны и явленіе *и* вм. *ѣ* приписывать на тѣхъ-же основаніяхъ и др. новгородскому говору, но *ц* вм. *ч* проникло въ письменность, потому что эти оба звука легко поддавались письменному изображенію, а звукъ e^1 мы и теперь затрудняемся передать на письмѣ. Вотъ и все! Конечно, на основаніи же свидѣтельства живыхъ русскихъ говоровъ мы должны признать различіе звуковыхъ оттѣнковъ древне-русскаго *ѣ* въ говорахъ, легшихъ въ основаніе нынѣшнихъ южно-велико-

---

имать житиѥ—л. 25 b. съмирѩюштесѧ—л. 40 d. Срв. съмѣренъ ꙗвлꙗѩсѧ—л. 39 c. d. и друг. Изд. Общ. Др. Письм. Здѣсь мы имѣемъ смѣшеніе ѣ и и. Одно можно навѣрное сказать про языкъ Изборника 1073 г., что это *не предокъ* малорусскаго нарѣчія.

русскихъ и бѣлорусскихъ, и въ говорахъ, легшихъ въ основаніе нынѣшнихъ сѣверно-великорусскихъ и малорусскихъ. Но надо и то имѣть въ виду, что наше южно-великорусское нарѣчіе еще очень мало изслѣдовано: странное дѣло, однако это всетаки остается фактомъ, что *меньше всего сдѣлано наблюденій въ области южно-великорусскихъ говоровъ*[1]).

Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи мы имѣемъ примѣры: *Витебск.* Себежск.: цы́мъ [2]) (срв. касимов. цы́м—выше); *Могилевск.* Рогачев.: хлі́ипъ, мядзві́цъ, і́хацъ, зусі́къ (=засѣкъ), пуві́шу, дзі́лацъ, цы́лый, ры́зацъ; Гомельск.: і́хали, ді́ло, цы́лая нядзі́ля, ры́зать (=рѣзать); *Минск.* Слуцк. Игуменск. Бобруйск. Мозырск.: сі͡ено, сі͡емъ, сі͡ено, табі͡е, пі͡есня, пі͡ели, дзі͡е (=гдѣ), ві͡екъ, чалові͡екъ, лі͡есъ, обі͡едъ, на столі͡е; но и: табі́ (=табѣ, тебѣ), віе, сіе (=вѣетъ, сѣетъ), сусі͡едъ, мі͡есяцъ, лі͡ето, табі͡е, таі͡е, хадзі͡емъ..; *Черниговск.* Новгородсѣв.: сі́сты (=сѣсть), ді́вочка, мі́сяцъ, хлі́бъ .. [3]); *Гродненск.* Пружанск.: сабіе́, угледзіэў, табі́, чи́мъ, ў дупліе, ўсі́мъ, сокіерчинка (Срв. въ Ипатск. сп. лѣтописи: сокирою—л. 62 столб. 1 Срв. *Соболевскаго.* Лекціи[2]. Стр. 70 и 72); по туй вербіе, всі́хъ;

---

[1]) Сожалѣя о недостаткѣ изслѣдованій и наблюденій въ области юврговоровъ, мы не разъ, обращаясь за справками къ труду *Даля:* «О нарѣчіяхъ»..., удивлялись тонкости его наблюденій и признаемъ его трудъ до сихъ поръ имѣющимъ выдающееся значеніе, по крайнѣй мѣрѣ, въ области ювр. нарѣчія. Нельзя умолчать при этомъ о тѣхъ наблюденіяхъ, которыя онъ сдѣлалъ въ области касимов. говора. Онъ *нѣсколько разъ* говоритъ въ своемъ трудѣ объ этомъ говорѣ: такъ, на стр. XXXVII говорится о касимовскомъ цоканьѣ; на стр. XLVI—о касим. чёканьѣ и дзёканьѣ; на стр. L о касим. дифтонгахъ; на стр. LV—о касим. а́каньѣ; ср. LVII, LXII—о касим. дифтонгахъ, *какъ на Вяткѣ и въ Черниговск. губ.*, о касим. звукѣ *чц*. Срв. LXV, гдѣ о говорахъ Касимова, Елатьмы, Темникова, Шацка. Всѣ эти указанія Даля въ общемъ свидѣтельствуютъ о тонкой наблюдательности его и глубоко правильны; они теперь провѣрены мною. Крестьяне Елатомскаго уѣзда и Меленковскаго, пріѣзжавшіе въ Касимовъ на праздничный базаръ, говорили со мной очень *пѣвучимъ* говоромъ, съ *долгими* гласными, *а́кали* и *цокали.* (Кӑчаткóва—Къцаткóва Меленк. у. Влад. губ. Лапсинск. приходу—деревня сильно акающая. См. ниже примѣры).

[2]) «цы́мъ» имѣетъ *ы* изъ *ѣ*—чѣ́мъ, но не изъ древняго *и* послѣ твердаго *ц*: чи́мъ.

[3]) См. *Соболевскаго.* Очеркъ р. діал. Жив. Стар. 1892. Вып. III Стр. 8. 19. 25. 26. 27. 29.

Смоленск. Порѣчск.: зъи́ла... (см. *Шейна.* Матеріалы. Т. II. Стр. 548. 250. 251. 252...).

Въ малорусскомъ нарѣчіи мы имѣемъ: *Черниговск.* Сосницк.: бі͡єсъ, ді͡єдъ, ді͡єло.., вјітеръ, вјіє, діти, собі; Остерск: міеша (=мѣшаетъ), віра; Глуховск.: слідъ, вікъ, місяць, недєля, грі́ю...; Кролевец., Нѣжинск., Козелецк., Борзенск., Конотопск.—ѣ = і, є; *Полтавск.*: лісъ зъімъ, на печі (ряз. на пячѣ́); *Кіевск.* Радомысльск.: бідни, обєдъ; *Волынск.* Овруч.: білы, чоловікъ, лєсъ, ў свєті; Новградвол.: тобі; Ровенск.: невіска, білыє, хлибъ, снигъ, ды͡єло, вы͡єкъ, вы͡єє, въ сы͡єняхъ, лы͡єтъ (=лѣтъ), собы͡є, на дворы͡є, у печы͡є.., хлы́ибъ (срв. бѣлорус. Могилев. Рогачев. хлі͡ипъ—выше. Здѣсь же мѣстами: соки́ра, мѣстами: сукы́ра. Срв. Гродн. Пружан. сокіерчинка и др. р. сокира—выше. Можетъ быть, это вовсе не заимствованное изъ польскаго sokiera) [1]); Владимир. у.: коліно, сіно, мні, горылка, поєду, мнє; Ковельск.: убідъ, вітеръ и быда́; Полѣсье: тобі, неділя, горілка, бєдна, свєчы; *Минск.* Мозыр.: лісъ, вітру; Пинск.: тобі, бідный, білый, въ лісі, віє, діло, тіло, тобє, єду; *Гродненск.* Кобрин.: іжъ, вікъ, літо, собі, у селі, ды́тки, тысто, се́яты, звіръ; Брестск.: лісъ, тобі, білый, дідъ, сті́ны; Пружанск.: хлібъ, горылка, лєнь, мнє, єжте (=ѣшьте), зъіў; Бѣлосток., Бѣльск. („Заблудовскій говоръ") дифтонгъ і͡є: лі͡єто, на сві͡єці, собі͡є (какъ въ *Черниговск. Сосницк.*, *Гродненск. Пружанск.* (?) и *Касимов.* (Колесник. Ерахтур. Парахин. волости) *Ряз. губерніи*); здѣсь-же: рые́чка, стрые́лка, цые́лы...; білый, віє; *Сѣдлецк.* ѣ=і: ті (дат. ед.: тѣ—тебѣ), істы, тубі, гурі (=горѣ), хлыбъ, мні; діе́ўка, на нозіе́ (Бѣльск. у.); пріле́тіела (Констант. у.); дифтонгъ *і͡е*: сві͡етъ, рі͡езати (Корницк. говоръ, Радин. у.); *Угорскіе* сѣв.-млр. говоры: ѣ=і: зіля, білі. *Южно-малорусскіе говоры.* Украинскій: *ѣ = і*: хлібъ; цепъ (Екатериносл. Харьков.); дети (Курск.); *Галиція*: дітъ (=дѣдъ), горіхъ (=орѣхъ), собі (Станисл. окр.); кісто (=тѣсто)—Покутье, місіцє—род. ед. ч., на свікі (=на свѣтѣ)—Коломыйск. окр.; *Буковина*: горіўка; *Угро-русск.* (лемк.)—коле́но при колі́но, ме́сто — місто, неде́ля — неділя; дифтонгъ *і͡ы*: лі͡ысъ,

---

[1]) Сравни: серб. секира, чш. sekera, п. siekiera. Осн. *sekera и *sekira. *Mikl.* Etym. Wtb. s. v. sek—2.

кві͡ытокъ; въ говорѣ *Бойковъ* (Галиц. и Угорск.)—тоже: горі͡ука и гуцульск. такъ-же [1]).

Изъ этого перечня рефлексовъ ударяемаго *ѣ* въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ видно, что для эпохи прарусскаго языка звукъ *ѣ* былъ дифтонгическимъ сочетаніемъ *і͡е*, въ которомъ была діалектически то первая, то вторая часть *неслоговою*, а вторая часть, кромѣ того, представляла изъ себя по говорамъ то болѣе открытый звукъ e^{a}, то болѣе закрытый—e^{i}: *і͡е́* и *і͡е*; откуда изъ *і͡е́* при *і̯* получилось *je*—є, а изъ *і͡е* при *е̯* получилось *jі*—*ї*, въ первомъ случаѣ, вѣроятно, чрезъ посредство *іє*, во второмъ—чрезъ посредство *іі* [2]).

Мы не будемъ приводить примѣровъ изъ изслѣдуемыхъ нами касимовскихъ говоровъ на случаи произношенія ударяемаго *ѣ*, какъ *ʾе*: достаточно сказать, что такихъ случаевъ гораздо больше въ нашихъ говорахъ, чѣмъ случаевъ, гдѣ *ѣ* = *іе́* = e^{i} = *і*. Достаточно привести изъ вышеназванныхъ примѣровъ: Ляксе́й, суме́ю, пе́сьни — Андроново, Парахино и мн. др. Касим. уѣзда.

Такимъ образомъ изъ обзора рефлексовъ древняго ударяемаго *ѣ* въ нашихъ говорахъ видно, что наши говоры ближайшимъ образомъ стоятъ въ связи въ разсматриваемомъ отношеніи съ говорами *Олонецкаго* края и блр. млр. говорами *Минск.* (Игумен. Мозыр. Слуцк. Бобруйск.), *Гродненск.* (Пружанск. Бѣльск. Бѣлосток.), *Черниговск.* (Сосницк.). Изъ этого мы заключаемъ, что, такъ какъ говоры нынѣшней Минской, Гродненской и Черниговской губерній смѣшанные, и въ нихъ мы находимъ черты бѣлорусскаго и малорусскаго нарѣчій, а говоръ Олонецкаго края не имѣетъ, какъ извѣстно, *ѣ*=*і͡е*, между тѣмъ какъ въ нашихъ говорахъ Касимовскаго уѣзда есть и *ѣ*=*і͡е*, и *ѣ*=*і*, то наши говоры, стало быть, представляютъ собой особый типъ говоровъ сѣверно-великорусскихъ, и жители Касимовскаго края не—переселенцы Новгородской или

---

[1]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. Вып. IV. Стр. 13. 14. 16. 19. 20. 21. 22. 27. 31. 38. 39. 40. 48. 51. 56. 57. 58. 60.

[2]) Срв. въ статьѣ *Михальчука*. Кіев. Стар. 1893. Сентябрь. Стр. 473. Также 471—472. Срв. *Житецкій*. Очеркъ звуковой исторіи.... 353—356.

Олонецкой губерній, а скорѣе представляютъ изъ себя потомковъ того народа, который имѣлъ въ своемъ говорѣ дифтонгическое *ѣ*, дифтонги у͡о, у͡а, звукъ $о^у$, закрытое *ó* (какъ въ Олонец. говорѣ у Шахматова. Изслѣд.. 296) и долгіе гласные. Изъ современныхъ говоровъ по этимъ признакамъ подошли бы сюда говоры сѣверно малорусскіе и частью бѣлорусскіе, но, принимая во вниманіе консонантизмъ нашихъ говоровъ, мы должны признать, что этихъ общихъ признаковъ нашихъ говоровъ съ говорами сѣв-малорусскими и частью бѣлорусскими еще недостаточно для того, чтобы признать въ жителяхъ Касимовскаго края выселенцевъ изъ области сѣверно-малорусскихъ говоровъ; напротивъ, консонантизмъ нашихъ говоровъ, въ общемъ *шепелеватый* („мазураканье"), какъ увидимъ ниже, а равно и характерное цоканье, чёканье говорятъ далеко не въ пользу ближайшаго родства между говорами Касимовскаго края и сѣверно-малорусскими и бѣлорусскими; ближе всего и правильнѣе всего намъ кажется признать особенно близкое родство между нашими говорами и вятскими, если откинуть позднѣйшее аканье нашихъ говоровъ, о которомъ мы говорили выше, а, съ другой стороны, принять во вниманіе то, что вятскіе говоры по своему о̀канью не тождественны съ *типичными* окающими говорами [1]), такъ какъ въ вятскихъ говорахъ есть элементы, указывающіе на склонность произносить *о* открыто: $о^а$. Къ тому же заключенію объ особой близости нашихъ говоровъ къ вятскимъ мы приходимъ и послѣ разсмотрѣнія согласныхъ звуковъ въ нашихъ и вятскихъ говорахъ. Замѣтимъ, что весьма вѣроятнымъ становится предположеніе о томъ, что на этомъ великомъ рѣчномъ пути чрезъ Оку, Волгу, Каму и Вятку въ томъ мѣстѣ, гдѣ жили древніе вятичи, остались въ дремучихъ лѣсахъ остатки того суроваго, дикаго и непокорнаго племени, о которомъ такъ несимпатично отзывается наша Начальная Лѣтопись, и которое, какъ будто, исчезло съ лица земли, между тѣмъ какъ въ былое время представляло изъ себя грозу и страхъ для окружавшихъ сосѣдей. Преданіе ведетъ вятичей отъ ляховъ (мазуракающихъ?) не напрасно: не одинъ псковскій говоръ

---

[1]) По свидѣтельству *Магницкаго*. См. Жив. Стар. 1892. Вып. II. Стр. 22. прим. 2.

былъ въ древности шепелеватымъ, и консонантизмъ нашихъ говоровъ подтвердитъ намъ это [1]). Если же признавать въ жителяхъ нынѣшняго Касимовскаго края *только* переселенцевъ, то пришлось бы видѣть въ нихъ переселенцевъ чуть-ли не изо всѣхъ концовъ Россіи.... [2]).

§ IV. Звукъ *е* является между прочимъ въ нашихъ говорахъ вмѣсто *ударяемаго* звука *я между мягкими* звуками. Это *е* въ нашихъ говорахъ также остается ударяемымъ. Въ I-ой части нашего труда мы видѣли большое количество примѣровъ произношенія въ нашихъ говорахъ такого ударяемаго *é* между мягкими звуками вмѣсто звука *я* ударяемаго въ литературномъ произношеніи (См. Часть I-ая, Глава IV-ая настоящаго труда). Уже при первомъ взглядѣ на эти собранные тамъ примѣры видно, что въ этомъ отношеніи наши касимовскіе говоры совершенно сходятся съ говорами *сѣверно-великорусскими*, признакомъ фонетики которыхъ и служитъ между прочимъ означенное произношеніе русскаго литературнаго *я* (стрсл. ѧ, ꙗ) между двумя мягкими звуками или и въ началѣ слова, но подъ удареніемъ.

Теперь мы разсмотримъ это явленіе нашихъ говоровъ въ связи съ такимъ же явленіемъ другихъ русскихъ говоровъ.

---

[1]) Происхожденіе нынѣшнихъ вятчанъ наукою не выяснено; нѣсколько разъ въ печати высказывалась мысль о томъ, не есть-ли вятчане потомки древнихъ вятичей. Это все было говорено не на основаніи лингвистическихъ данныхъ (Однако см. *Колосова.* Замѣтки .. выше). Единственный источникъ ранней исторіи Вятскаго края—«Хлыновскій Лѣтописецъ»—заподозрѣнъ историками со стороны своей подлинности: его признаютъ поздней фальсификаціей. См. по этому вопросу: «Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края». 1780—1880. Вятка. 1880 г. Т. I. Стр. 53. 54. 55. 56. Особенно стр. 60 и 61 (мнѣніе Костомарова) и прим. 12. Томъ II. Стр. 740. Въ «Древнихъ Актахъ» Вятскаго края я не нашелъ по этому вопросу ничего. См. также Изв. Общ. Археологіи, Ист. и Этнографіи при Имп. Каз. Унив. Т. VI. Вып. 2. Библіографія: о рефератахъ *Верещагина* на VII Арх. Съѣздѣ въ Ярославлѣ. Стр. 71—72. *Спицына.* ib. 37—46. За всѣ эти указанія я благодарю проф. *И. Н. Смирнова.*

[2]) Въ дополненіе къ обзору рефлексовъ *ѣ=и* представляю любопытныя данныя изъ старой письменности юга, запада и сѣвера Россіи: въ Поликарп. Ев. 1307 г. (галицк.—волын.) находимъ: свѣд*и*тельство—л. 6., дѣра (=дира)—

Въ своемъ первомъ трудѣ по рязанскому говору мы указывали на то, что въ Касимовскомъ уѣздѣ вообще много относящихся сюда произношеній, гдѣ мы имѣемъ вмѣсто ударяемаго *я́* между мягкими ударяемое *е́*. Тогда для насъ для самихъ не было ясно, что̀ за говоръ въ Касимовскомъ уѣздѣ; теперь мы изъ предыдущаго обзора видимъ, что это говоръ по преимуществу въ основѣ своей сѣверно-великорусскій, т. е. одинъ изъ тѣхъ говоровъ, изъ которыхъ развился нынѣшній сѣверно-великорусскій говоръ. *Соболевскій* (Лекціи². Стр. 77—79) указываетъ на такое *е* изъ *'а* въ Псковскихъ памятникахъ XIV-го вѣка [1]); помимо этого, наши говоры Касимов-

---

л. 23. (Срв. блр. Гродн. Пружанск.: «вырубаў ў ду́би *дзѣрку* и вылызъ»— *Шейнъ.* Матеріалы. II. Стр. 251. Чш. díra, польск. dziura. *Носовичъ.* (Словарь s. v.) даетъ двѣ формы: дзюра́ и дзи́рка. Быть можетъ, это слово принадлежитъ къ тѣмъ, которые въ корнѣ имѣютъ *ѣ*, но очень рано, по извѣстнымъ причинамъ, замѣнили это *ѣ* звукомъ *и*, какъ слово: дѣтѧ—дѣтя—дитя при дѣти....); въ сѣв.-русскихъ памятникахъ: Моисеево Ев. 1355 г.: см*и*шениѥ—л. 143 об.; Сильвестр. сп. Сказ. о Бор. и Глѣбѣ XIV в.: повел*и* ѥи на литургии предъстоѩти—л. 132 b. (*Срезневскій.* Спб. 1860); списокъ съ мѣной *ц* и *ч*: Лукино Ев. 1409 г. Предисловіе: при марчи (Марцѣ?). Всѣ эти данныя взяты изъ *Буслаева.* Матеріалы для исторіи письменъ. М. 1855 г. Особенно интересны данныя изъ *Двинскихъ Грамотъ* XIV в.: 1349 г. (*Востоковъ.* Опис. ркп. Рум. Муз. № LXVII): у Федора в Ларивонова сна лоскут земли на гор*и*. Оуласей игумену и старост*и*. № LXVII: на малом Ѡстровк*и* оу м*ѣ*х*и*ѩ, у степанов*и* конц*и*, оу глухомъ погост*и*, въ сел*и*; паметь по сил*и* (=ѣ); Се купи.... оу Вуст*ѣ*на... ѥсипъ стму Никол*и*—XIV в. ibid. Въ западно-русской Псалтыри 1296 г. (*Буслаевъ.* Матеріалы...): свѣд*и*тели—л. 65 об. Срв. наше Касимов. выше: «свиди́теⁱль»—Касим. у. passim и г. Спасскъ Ряз. губерніи.

[1]) *Шахматовъ.* (Изслѣд... Стр. 237) говоритъ: «Я увѣренъ, что въ современныхъ говорахъ можно найти слѣды явленій, пережитыхъ древнепсковскимъ говоромъ и не чуждыхъ, вѣроятно, и другимъ говорамъ»... Въ нашихъ говорахъ находятся почти всѣ признаки того, что они когда-то были особенно связаны съ псковскимъ говоромъ, составляли одну общую группу говоровъ. Шахматовъ такъ характеризуетъ древній псковскій говоръ на основаніи изслѣдованій Соболевскаго: «судьба звуковъ *о—а—е* въ древне-псковскомъ говорѣ стояла въ какой-то тѣсной связи и зависимости отъ мягкихъ *с*, *з*, *ц* и шипящихъ»... Смѣшеніе *ч* и *ц*, *ш* и *с*, *ж* и *з* въ др. псков. памятникахъ «объясняется тѣмъ, что звуки *ч* и *ц* перешли *въ сред-*

скаго уѣзда вообще довольно близко стоятъ къ говорамъ псковскимъ, въ особенности по своему консонантизму: и тѣ, и другіе—шепелеватые (ç, з^{ж}, ж^{з}, т^{с}, ч^{ц}), какъ отчасти уже можно было замѣтить изъ примѣровъ, въ достаточномъ количествѣ приведенныхъ нами въ I-ой части нашего труда. Наши говоры ближайшимъ образомъ находятся въ связи *съ тѣми* говорами сѣв.-влкр. нарѣчія, изъ которыхъ получился между прочимъ и псковскій говоръ. Въ старомъ новгородскомъ говорѣ это звуковое явленіе, повидимому, было менѣе распространено, чѣмъ въ старомъ псковскомъ (См. *Соболевскаго.* ibid.); но западные говоры восточной группы древнихъ русскихъ нарѣчій знали это звуковое явленіе хорошо: срв. племеньникъ—Четья 1489 г. *Карпинскій.* 8. непрѣетелю—ib. л. 206. Карп. 9. (Впрочемъ, срв въ ряз.—Скоп.: „пӑкаје́нья"—д. Журавинка; всклянь—Скопинъ („до́-верху", по́лно) и „вскле́нь"—Даль. Слов.; навстря́чь—Скопинъ—при „навстрѣ́чь"—ibid.). Такимъ образомъ, переходъ *я́* въ *е́* въ означенномъ положеніи мы имѣемъ не только передъ мягкимъ *конечнымъ* согласнымъ, но и въ серединѣ слова (См. также *Брандта.* Лекціи по историч. грам. р. язк. Стр. 28). Изъ сѣверно-великорусскаго отмѣчено это явленіе въ Олонецкомъ говорѣ: повѣнце́лись, запеце́литсе, зе́ть, взе́ли, исполне́ть, гре́зь, перекресте́сь, нате́гивает, че́шша [1]); *въ Вятскомъ говорѣ особенно часто*: забреце́ло, завѣце́ю, обвѣнце́ли, зе́ть, взе́ли, опе́ть, зне́ли (сня́ли), не гле́нится, пре́ники [2]), скле́ница (срв. въ Псков. Прологѣ 1383 г. у Соболевскаго—ib.: вь стьклѣници); въ Арханг. Вологодск. и Пермск. распространено это явленіе повсемѣстно: сіе́ть, стое́ть, че́ща, наче́льник, каче́ть, каче́й, де́дя, зе́ть, гуле́ть, роне́ть, погоне́й, не́ня, пе́ть, се́дь, ковыре́ть [3])... Такое же произношеніе этихъ словъ мы видѣли выше и въ нашихъ

ній звукъ (у насъ: ч^{ц}), *ш* и *с*—въ š очень мягкое (у насъ: ç), *ж* и *з* въ ž очень мягкое (у насъ: *з*^{ж}, *ж*^{з})». Стр. 233... «Древне-псковское нарѣчіе по чертамъ своего вокализма не принадлежало къ говорамъ β». Ibid. И въ нашихъ говорахъ мы замѣчаемъ смѣшеніе чертъ говоровъ α и β. Замѣтимъ, что такіе-же *з* и *с* мы находимъ въ Смолен. Порѣцк. у.

[1]) *Колосовъ.* Замѣтки... ib. 121.

[2]) *Колосовъ.* ibid. 223. Въ виду вятск. скле́ница нѣтъ надобности считать *опискою* и др. псковское: стьклѣници. Срв. Шахмат. ib. 232.

[3]) *Колосовъ.* ib. 326. (скле́ница—см. стр. 234).

говорахъ. Думаю, что этимъ-же фонетическимъ закономъ объясняется и варьянтъ произношенія: пе́тля при пя́тля (*Колосовъ.* Замѣтки... ib. Стр. 123. Олон. Каргопол.), съ другой стороны, —петля́, откуда: питля́ и затѣмъ: пи́тля (*Колосовъ.* ib. Стр. 320. Перм.). Изъ другихъ мѣстностей свр. нарѣчія приводятся: кне́сь, кне́зя, бое́ринъ, перспе́ми, срежее́итсе [1]), (Арх. губ. Онеж. у.); це́до—передъ твердымъ согласнымъ (вѣроятно, изъ формъ другихъ падежей: о це́ди...)—Шенкурск у. [2]). Въ Уржумск. у. Вятской губ. мы слышимъ: ве́знуть, гре́зной [3]). Въ Сборникѣ пѣсенъ *Истомина* и *Дютша* между прочимъ находимъ: поклоне́юся—Арх. 84, стое́ли—Арх. 101; но и: переве́зоцьку—Олонец. 105; но масса примѣровъ и такихъ, какъ: кня́зь, хозя́инъ, хозя́юшка, гуля́ю, гуля́ньицо и проч., если только можно довѣрять записи (См. мою рецензію на этотъ Сборникъ. Отд. оттискъ изъ Каз. Унив. Записокъ 1895 года). Изъ бѣлорусскихъ говоровъ къ нашимъ ближе подходятъ въ этомъ отношеніи говоры Смоленской губерніи (кромѣ части Минской, Витебской—см. выше и стр. 253. прим. 1): здѣсь мы находимъ: криче́ть, гле́дючи—уу. Смоленск., Ельнинскій, Духовщинскій, Бѣльскій, Рославльскій [4]). Въ Могилевской губ. также: гле́дзючи, но и: дре́нно [5]). Срв. здѣсь-же с. Озераны: пе́ць (=пять), ўзе́ли, ме́са, ўсе́кій [6])..., вѣроятно, чрезъ формы: ўзе́ли, ме́са, ўсе́кій... Гродн.: зне́ли вм. сняли [7]). Разсматриваемое нами явленіе довольно обычно и въ южно-малорусскихъ говорахъ: въ Галицкомъ и Угро-русскомъ: гуцульск. ўзе́ти, пе́ницеми (твор.), даже: жа́ль и т. п. со звукомъ *ä* [8]). Въ Покутьѣ мы слышимъ: пе́тий, леже́ти; въ Бережанск. окр.: зе́ть, но и: че́съ. Такъ-же и въ собственно-галицкомъ говорѣ: пе́ть и друг. [9]). Мѣстами мы слышимъ и: мье́со вмѣсто мя́со—

---

[1]) *Соболевскій.* Жив. Стар. 1892. II. 14.

[2]) Ibid. Стр. 15. Также стр. 16. 17. 19.

[3]) *Соболевскій.* ib. Стр. 22.

[4]) *Соболевскій.* Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр. 13.

[5]) Ibidem. 14.

[6]) Ibidem. 19.

[7]) Ibidem. 29.

[8]) Ibidem. Жив. Стар. 1892. IV. Стр. 60.

[9]) Ibidem. 50. 49.

Люблин. губ Томашов. у., прийнéти (=принять), лежéть (=лежáтъ—3 л. мн. ч.)—ib. Холмск. уѣзда [1]) Неударяемое-же *е* изъ *я* мы слышимъ почти повсемѣстно и довольно часто и въ украинскомъ, и въ сѣв.-млр. говорахъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ малорусскихъ говорахъ *é* изъ *я́* встрѣчается довольно часто и въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ, между тѣмъ какъ въ свр. нарѣчіи мы видѣли этотъ звукъ въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, объясняемыхъ, большею частью, образованіями по аналогіи. Это стоитъ, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что звукъ *'а* неударяемый еще въ общерусскомъ языкѣ имѣлъ склонность переходить въ звукъ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ независимо отъ слѣдующей за нимъ согласной: мягкость предшествующаго согласнаго оказывала большее вліяніе на гласный звукъ, чѣмъ мягкость слѣдующаго согласнаго; во всѣхъ вышеприведенныхъ малорусскихъ примѣрахъ мы видѣли звукъ є ('е), смягчающій предшествующую согласную, изъ *'а,* но этотъ звукъ всетаки отличался тѣмъ, что онъ могъ и не быть звукомъ небнымъ, т. е. въ своей дальнѣйшей судьбѣ онъ не слился со звукомъ малорусскимъ *і* изъ *ѣ*, между тѣмъ какъ великорусскій звукъ *'é* изъ *'á* все болѣе дѣлался небнымъ, приближаясь къ звуку *і*. Слѣдовательно, семья малорусскихъ говоровъ въ этомъ отношеніи составляетъ особую группу, хотя процессъ суженія *неударяемаго 'а*, вѣроятно, былъ свойственъ общерусскому языку, и отсюда пошло діалектическое различіе [2]).

---

[1]) Ibidem. 45. 46.

[2]) Въ древне-русской письменности мы также находимъ: держелъ еси—Смол. Лѣт. Авраамки, стр. 196 (П. С. Р. Л. XVI). святас Уфимья—ib. 222. проявлеше—ib. 120. Но и: стъкланица—ib. 123. слышети—ib. 42 (Значитъ, и не подъ удареніемъ). Срв. также не подъ удареніемъ: светого—Грам. 1396 г. (Акты ЮЗ. Россіи. № 4. Т. I). Въ Витебской Грамотѣ ок. 1301 г. (Рус.-Лив. А. № 49) кнéжо при кня́жо, гдѣ *ж*, вѣроятно, еще колебалось относительно своей мягкости: жяль, жялобою, горожянъ, горожяне и т. п. Сравни въ Актахъ Юридическихъ: Вежицкого монастыря при Вяжицкѣмъ хрестьянемъ и діякъ Васюкъ Якимовъ Вежицкой—№ 62. (1501 г.); у племенника своего—№ 79 (1539 г.). Здѣсь же читаемъ: ручяемъ, какъ и въ Лавр. спискѣ лѣтописи: надъ ручаемъ—л. 27 (Быть можетъ, это слово склонялось, сохраняя въ косв. падежахъ удареніе именительнаго: *ручáй* и *ручéй*). Въ Смолен. Лѣт. мы то-

§ V. Теперь приведемъ нѣсколько данныхъ, касающихся звука *ё* (*'о*) изъ *е* въ его исторіи.

Нѣкоторыя интересныя параллели къ нашимъ словамъ, приведеннымъ въ I-ой части нашего труда, въ IV-ой главѣ, изъ говоровъ Касимовскаго уѣзда, находимъ мы и въ другихъ русскихъ говорахъ, отклоняющихся въ этомъ отношеніи вмѣстѣ съ нашими касимовскими говорами отъ литературнаго нарѣчія, которое представляетъ намъ звукъ *е* ударяемый въ этихъ примѣрахъ. Напримѣръ, „они роютъ и копаютъ, елинушку *тёшутъ*: молодому полковницьку вѣцьной домикъ строятъ“ —Дер. Усолье, Онеж. у., Арханг губ. (Сборникъ пѣсенъ *Истомина* и *Дютша*. Стр. 223. Спб. 1894 г). Срв. въ нашихъ говорахъ выше: патёшутъ—3 л. мн. ч.—*Льсново* Касим у. Въ этомъ же Сборникѣ пѣсенъ неоднократно находимъ: дёржишь—Стр. 35 (Олонец), дёржи́тъ—48 (Олонец.), испридёржала—дёржало—Стр. 64. 65 (г. Онега Арх. губ.), сдёржитъ—175 (г. Кемь Арх. губ.), дёржи́тъ—201 (Дер. Усолье Арх. губ., см. выше: тёшутъ). Въ Новгородскомъ говорѣ мы имѣемъ также: дёржитъ, трёснулъ, отпёхнуть и друг. (*Колосовъ*. Замѣтки... ib. 14) при древне-русскомъ: спехнуша—Лавр. списокъ л. 46; во Владимірской и Ярославской губ.—тоже: дёржитъ (*Колосовъ*. ibid. 289); Вятск.: пёбо, вёрх и даже: ёй, о нёй, своёй, какъ и въ нашихъ говорахъ (ib. 220). Срв царёвна—въ сказкѣ Олонец. края—*Колосовъ*. ibid. Стр. 207. Уже въ Псковской 2-ой Лѣтописи XV вѣка мы имѣемъ: Въ лѣто 6981. Пріѣха изъ Рима за князя великого Ивана Васильевича *царовна*, и пріѣха на Псковъ и на Новгородъ; а Псковичи много чтиша ю и даша въ даръ 50 *рублов*ъ“. П. С. Р. Л. V. Стр. 36. Срв. *Колосовъ*. ibid. Стр. 120. Приведенныя данныя изъ народныхъ говоровъ убѣждаютъ насъ, съ одной стороны, въ томъ, что такія формы, какъ литературная: „царёвна“, ***вовсе не свойственны*** русскому языку и, вѣроятно, обязаны своимъ возникновеніемъ въ ювр. нарѣчіи какой-нибудь аналогіи (царё-

---

же имѣемъ: надъ ручаемъ—230. Обыкновенно въ формѣ твор. падежа. Можетъ быть, это два разныхъ образованія: *ручáй* и *ручéй*, а, можетъ быть, и фонетическое измѣненіе. Срв. въ Лавр. лѣт.: чалѧдью—л. 27. при совр. чéлядью; деревлене—л. 28 при древлѧне—л. 29. *ме* вм. *мѧ*—л. 169. столб. 1, (какъ въ нашихъ говорахъ: *je* вм. *я*—выше). *Спусте* вм. *спустя*—АЮ. № 10 (1503 г.); отъ Истри врагомъ ручаемъ—АЮ. № 410 (1472) и мн. др.

вичъ?); съ другой,—что такія формы, какъ литературная и ювр. „де́ржиш“, представляютъ изъ себя остатки древняго произношенія, видоизмѣнившагося въ свр. говорахъ, въ которыхъ, очевидно, ранѣе отвердѣлъ звукъ *р*, и потому получилось также фонетически правильное произношеніе: дёржиш; срв. древне-русское: дерьжаху—Лавр. сп. Лѣт. л. 30. Срв. также вятск. вёрх при ювр. ве́рх изъ и при ве́рьх (ювр. и московское). До сихъ поръ мы привели данныя изъ древне-русскаго языка, представляющія произношеніе *ё* въ XV вѣкѣ, но, конечно, такое произношеніе *е* было извѣстно и гораздо раньше; вообще, я думаю, что слѣдуетъ усматривать въ русскомъ языкѣ переходъ *е* въ *о* (*'о*) гораздо раньше, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ: хотя у насъ есть *немного* данныхъ для такого предположенія, но *эти данныя нельзя оставлять безъ вниманія* или принимать за ошибочныя. Такъ, мы имѣемъ уже въ XI-мъ вѣкѣ примѣры перехода *е* въ *'о*, *проникшіе даже въ письменность* (Срв. *Шахматова*. Изслѣдованія... Стр. 191—192. *Соболевскаго*. Лекціи[2]. Стр. 61). Мы, напримѣръ, должны видѣть *не описки*, а свидѣтельство фонетическаго процесса въ живомъ языкѣ въ слѣдующихъ написаніяхъ: Изборникъ 1076 г.: тѣхъ вождевъ възискаша и ꙗшаса *твордо* за роукꙑ ихъ—*Срезневскій*. Др. пам. р. яз. и письма (Изв. АН. Х. вып. V. Стр. 428). Доказательствомъ того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ опискою, служитъ свидѣтельство другого памятника, показывающаго намъ, что въ написаніи *твордо* мы видимъ просто неумѣлую передачу на письмѣ живого произношенія, желаніе приблизить написаніе къ произношенію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Смоленской Лѣтописи Аврамки 1495 года, писецъ которой *несомнѣнно* уже зналъ произношеніе *е* какъ *'о* въ извѣстныхъ случаяхъ, мы видимъ такой же способъ передачи на письмѣ произношенія этого слова, какой употребленъ въ Изборникѣ 1076 года; такъ, на стр. 117 мы читаемъ: *твордо* брашася и мужескꙑ храброваша—П. С. Р. Л. XVI. Стр. 117. Другіе примѣры XI—XII вѣка приведены у *Шахматова* l. c., у *Ягича* (Критич. Замѣтки. Стр. 35 и слѣд.), у *Соболевскаго* въ его „Лекціяхъ“ l. c. Примѣры болѣе поздняго времени встрѣчаются гораздо чаще и не возбуждаютъ уже сомнѣнія ученыхъ; но надо вообще замѣтить, что хронологія извѣстнаго звукового явленія *лишь*

приблизительна, и наши примѣры XI—XII вѣка могутъ принадлежать и, вѣроятно, принадлежатъ *языку, а не письму.* Такъ, въ XIII в., въ зап.-русской Псалтыри 1296 г. мы находимъ: ꙗко на стѣноу *преклононоу* плотъ въ въздриновенъ—л. 118 об. (*Буслаевъ.* Матеріалы...); въ Сильвестровомъ Сборникѣ до 1350 г.: *трохъ* (*Срезневскій.* ib. Изв. АН. X. вып. VI. 649); въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по тому-же списку XIV в. (*Срезневскій.* Спб. 1860) читаемъ: а дв҃дъ и *о̓логъ* в черниговѣ—л. 136а; въ Параклитикѣ 1386 г. запись: при попе *Фодоре....* (*Соболевскій.* Очерки изъ исторіи р. яз. Стр. 131); въ Ипат. спискѣ Лѣтописи: *коворъ*—л. 176. столб. 1. (фототипич.); въ Лавр. спискѣ: *потробу*—л. 86. столб. 1. (фототипич. изд.). Мы не приводимъ данныхъ изъ памятниковъ чисто свѣтской литературы, гдѣ данныхъ этихъ еще больше, чтобы показать, что это явленіе перехода звуковъ было очень распространено, равно не приводимъ данныхъ и болѣе поздняго времени. Изъ предыдущихъ примѣровъ мы видѣли, что этотъ переходъ *е* въ *'о* (сначала, вѣроятно,—*'ö*, которое тоже невозможно было изобразить на письмѣ, какъ и *ё*) извѣстенъ и сѣверно-русскимъ, и западно-русскимъ, и южно-русскимъ (кіевскимъ) памятникамъ ранняго времени, слѣдовательно, это явленіе перехода было извѣстно всей части русскаго языка, которая легла въ основаніе будущихъ великорусскихъ говоровъ. Въ нашихъ грамотахъ и актахъ этихъ же мѣстностей, т. е. написанныхъ на этомъ же нарѣчіи, мы *постоянно* читаемъ: „рубловъ", а въ одной грамотѣ 1392 года находимъ: на *сомъ* поморьи, по *сому* доконьцанью (Рус.-Лив. Акты. № 115), здѣсь-же читаемъ: *короломъ*—твор. п. ед. ч.

Само собой разумѣется, что и *аканье* надо отодвинуть *гораздо дальше* въ живомъ языкѣ, чѣмъ XIV вѣкъ, когда оно уже распространено даже въ письменности. Звукъ $о^а$ былъ издавна извѣстенъ нѣкоторымъ русскимъ говорамъ, онъ, вѣроятно, діалектически восходитъ даже *къ общерусской эпохѣ*, и умѣренно-акающіе говоры несомнѣнно восходятъ къ говорамъ съ этимъ $о^а$ въ предударномъ слогѣ. Написанія *жона*, *чоломъ* (въ Псковск. Смоленск. Лѣтоп. и мн. др.) уже должны были произноситься во время написанія: жо^{а}на́, чо^{а}ло́мъ... въ этихъ говорахъ, а въ другихъ: жана́, чяло́мъ...

Это замѣтилъ еще *Ягичъ* (Критич. Замѣтки. Стр. 36—37). Только при допущеніи нашего взгляда *о началѣ аканья задолго до XIV вѣка въ живомъ языкѣ* можно объяснить себѣ такія написанія уже въ XIV вѣкѣ, какъ напр., „видѣ желѣза. иже бѣша на немь и на подрузѣ ѥго *изламана*“—Сильвестр. списокъ Житія Бор. и Гл. XIV вѣка. л. 137Ь. (*Срезневскій*. Спб. 1860 г.). Срв. современное ювр. акающее: изла́манъ — ряз. (Мое соч. „Къ діалектологіи“... Стр. 21). Наконецъ, то обстоятельство, что въ свр. говорахъ мы находимъ звукъ *ё* независимо отъ ударенія и отъ предшествующаго согласнаго, доказываетъ намъ собой, что лишь этой части общевеликорусскаго языка *извѣстно было издавна* это звуковое явленіе *во всей силѣ*, между тѣмъ какъ той части, которая развила у себя съ теченіемъ времени полное аканье (его надо отличать отъ произношенія *о*ᵃ въ древности; это послѣднее *могло и не развиться въ аканье*, а остаться на прежней ступени произношенія или *развить оканье*), извѣстно было звуковое явленіе перехода *е* въ *'о* лишь *до извѣстной поры*, до появленія аканья, обусловленнаго удареніемъ. Когда началось это аканье (гораздо раньше XIV в.), то и предударное *'о* (изъ *е—'ӧ*) перешло въ *'а*, какъ и *о* перешло въ *а* въ такомъ же положеніи. Въ нашихъ касимовскихъ говорахъ, связавшихъ свою судьбу съ теченіемъ времени съ судьбою акающихъ говоровъ, какъ и въ блр. говорахъ, это предударное *е* (*'о*) подпало подъ вліяніе общаго закона объ аканьѣ, подчинившаго себѣ эту часть говоровъ при-Окскаго района. Если мы припомнимъ примѣры нашихъ касимовскихъ говоровъ: „пріѣд'у͡от дружка“—3 л. ед. ч. (*Парахино*) и под. и сопоставимъ ихъ съ свр. пріѣдёт и под., то мы увидимъ въ нашихъ касимовскихъ говорахъ ихъ *общую судьбу въ прошломъ съ сѣверно-великорусскими говорами*: звукъ *ё* въ свр. *пріѣдёт* восходитъ къ общерусскому звуку ō̄ долгому, которое въ этихъ говорахъ должно было пройти въ своемъ измѣненіи черезъ ту ступень, которая сохранена намъ въ касимовскихъ говорахъ: ō—о͡о—оʸо—у͡о—у͡о. Такъ *приблизительно вѣрно* представляется мнѣ этотъ путь измѣненій. Слѣдовательно, мы и въ этомъ пунктѣ находимъ слѣды тѣснѣйшаго родства нашихъ касимовскихъ говоровъ съ говорами сѣверно-великорусскими въ ихъ прошломъ.

Глава IV-ая.

СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

О звукахъ шипящихъ и свистящихъ.

Въ этой главѣ мы будемъ говорить не только о звукахъ, называемыхъ обыкновенно „шипящими“ и „свистящими“, т. е. о звукахъ: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *с*, *з*, *ц*, но и о звукахъ *съ оттѣнкомъ* шипящимъ или свистящимъ, т. е. о звукахъ, которые мы назвали выше (часть I-ая, гл. VII-ая) звуками *„средними“*, именно,—$ч^{ц}$ ($ц^{ч}$), $ж^{з}$ ($з^{ж}$), $ш^{с}$ ($с^{ш}$), $д^{з}$, $д^{ж}$, $т^{с}$. Выше, въ VII-ой главѣ I ой части настоящаго труда, а равно и во II-ой части (III гл. § III), мы отмѣтили то обстоятельство, что наши касимовскіе говоры являются въ отношеніи согласныхъ звуковъ передне-небныхъ особенно интересными: именно, наши говоры вносятъ много новаго въ наши свѣдѣнія о такъ называемомъ *цоканьѣ* и *чёканьѣ*, вносятъ много новаго и интереснаго и въ исторію звуковъ русскаго языка: *ц*, *ч*, а также—*ж* и *ш*. Наши говоры, обладая звуками *средними*, колеблющимися между *ц* и *ч*, *ж* и *з*, *ш* и *с*, и звуками: $д^{з}$, $д^{ж}$, $т^{с}$, могутъ по справедливости называться говорами *шепелеватыми* (своего рода—„мазуракающими“), а сравненіе ихъ съ другими русскими говорами приводитъ къ выводамъ, что 1) нашъ говоръ Касимовскаго уѣзда вовсе *не единственный* изъ русскихъ, обладающій *средними* звуками описаннаго качества; 2) наши мнѣнія относительно цоканья въ древнихъ русскихъ говорахъ невѣрны, неполны и подлежатъ измѣненіямъ; 3) равнымъ образомъ наши представленія относительно цоканья и чёканья въ современныхъ русскихъ говорахъ тоже были до сихъ поръ не совсѣмъ правильны, и, наконецъ, 4) необходимо предложить *новое ученіе* о звукахъ передне-небныхъ, въ частности, о звукахъ шипящихъ и свистящихъ, въ русскомъ языкѣ, ученіе, согласное съ данными современной русской діалектологіи.

Вотъ мы и попытаемся дать новое освѣщеніе этому темному вопросу объ исторіи цокающихъ и чёкающихъ говоровъ, представимъ посильный опытъ изложенія исторіи цоканья и чёканья въ русскихъ говорахъ и укажемъ вѣроятныя причины возникновенія такихъ типичныхъ говоровъ. Припомнимъ, что

наши касимовскіе говоры въ однѣхъ мѣстностяхъ представляютъ намъ „*средніе*“ звуки, въ другихъ—цоканье, въ третьихъ — цоканье и чёканье. Для опредѣленія отношенія нашихъ говоровъ къ другимъ древнимъ и современнымъ обратимся прежде всего къ тому вопросу, какъ у насъ до сихъ поръ представляется вопросъ о цоканьѣ, и какими свѣдѣніями мы пользовались для объясненія этого явленія.

Пора намъ перестать думать, что *только одна* Новгородская область издавна знала мѣну *ц* и *ч*, такъ какъ распредѣленіе цоканья по современнымъ намъ народнымъ говорамъ никакъ не можетъ собою подтверждать нашихъ предположеній объ исключительности цоканья древне-русскаго языка въ предѣлахъ старой Новгородской земли. Все, на что мы имѣемъ право, пріобрѣтенное нами въ письменныхъ источникахъ для изученія др. русскаго языка, такъ это только на то, чтобы признавать въ древне-новгородскомъ говорѣ *смѣшеніе* звуковъ *ц* и *ч*, причемъ терминомъ „смѣшеніе“ нисколько не опредѣляется ни *качество* звука *ц* или *ч*, ни *характеръ* цоканья или чёканья. Весьма возможно, что, еслибы другія области оставили намъ въ наслѣдіе такую - же богатую письменность, какъ древній Новгородъ, то мы должны бы были измѣнить свое мнѣніе о другихъ древне - русскихъ говорахъ... Весьма возможно также, что историческія, политическія и культурныя условія древняго Новгорода отражались такъ или иначе на грамотныхъ людяхъ, уроженцахъ Новгородской области; быть можетъ, и писцы - грамотники здѣсь составляли собой нѣсколько иной типъ новгородцевъ, у которыхъ и отношеніе къ книгѣ выработалось иное, чѣмъ это было въ другихъ мѣстностяхъ... Конечно, все это предположенія, но нельзя не признавать въ этихъ предположеніяхъ возможности; нельзя рѣшительно отвергнуть эти предположенія, такъ какъ для этого нѣтъ основаній. Напротивъ того, сами эти предположенія навязываются и кажутся вполнѣ естественными при изученіи современной діалектологіи и памятниковъ древней русской письменности. Хотя явленіе цоканья и чёканья еще не изучено въ русскомъ языкѣ, еще не изслѣдовано; хотя и въ настоящее время не опредѣлено пространство, на которомъ народъ нашъ цокаетъ или чёкаетъ, не разъяснены причины этого явленія, не доведено это явленіе до праязыка, но нельзя сказать, чтобы оно не интересовало собой ученыхъ. Нѣкоторые

ученые даже строили предположенія, подобныя высказаннымъ выше нами, напр., Колосовъ (см. выше), но наука ни на чемъ опредѣленномъ не остановилась. Для меня лично болѣе всего имѣетъ значенія то мнѣніе, которое высказывается въ пользу какихъ-то очень мягкихъ звуковъ *ч* и *ц* въ прарусскомъ языкѣ [1]). Надо думать на основаніи свидѣтельства современныхъ русскихъ говоровъ и памятниковъ древней письменности, что въ прарусскомъ языкѣ были діалекты (ихъ было большинство), въ которыхъ звукъ *ц* былъ настолько мягокъ, что приближался къ звуку *ч* или наоборотъ ($ц^{ч}$, $ч^{ц}$); точно такъ-же звукъ *з*, вѣроятно, приближался къ звуку *ж* ($з^{ж}$, $ж^{з}$); звукъ *с* — къ звуку *ш* ($с^{ш}$, $ш^{с}$); были особаго рода звуки *д'* и *т'* ($д^{з}$, $д^{ж}$= ѕ, ђ, ћ; $т^{с}$). Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ, очевидно, принадлежали еще діалектамъ общеславянскаго языка. При допущеніи этого предположенія понятенъ станетъ переходъ или чередованіе звуковъ: *ц* и *ч*, *з* и *ж*, *с* и *ш*, понятны *слитные* согласные: ѕ (зѣло), ц, ч, ђ въ славянскихъ и родственныхъ языкахъ. При допущеніи же этой мысли нѣкоторые древнерусскіе говоры, какъ напр., древне-псковскій говоръ станутъ для насъ понятными и не будутъ занимать какого-то исключительнаго положенія среди другихъ русскихъ говоровъ [2]).

---

[1]) Срв. *Ляпунова.* Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Спб. 1894. Стр. 5. *Лескинъ* въ Beiträge zur vergl. Sprachforschung. VI. 159. Я самъ имѣлъ случай говорить съ поляками изъ Петрокова, и въ ихъ польскомъ говорѣ меня затрудняли звуки: c′(=почти $ц^{ч}$), s′(=почти $с^{ш}$), z′(=почти $з^{ж}$).

[2]) *Шахматовъ* (Изслѣд. въ обл. р. фонетики. В. 1893) говоритъ: «. .мы видимъ указаніе на какое-то особенное свойство мягкихъ *с*, *з*, *ц* и шипящихъ въ древне-псковскомъ говорѣ сравнительно съ прочими мягкими согласными. Такое указаніе подтверждается и другимъ: въ псковскихъ памятникахъ мы находимъ не только смѣшеніе буквъ ч и ц, смѣшеніе обычное въ сѣвернорусскихъ нарѣчіяхъ, но также еще смѣшеніе буквъ ш и с, ж и з, щ и ст или сц (послѣднее изрѣдка встрѣчается въ двин. и новгород. памятникахъ)... Такая особенность указанныхъ согласныхъ объясняется тѣмъ, что звуки *ч* и *ц* перешли въ средній звукъ, который обозначимъ č очень мягкое, *ш* и *с* въ š очень мягкое, *ж* и *з* въ ž очень мягкое: эти новыя нёбныя согласныя отличались отъ прочихъ согласныхъ мягкихъ своею особенною мягкостью»... Стр. 233. Я вполнѣ согласенъ со взглядомъ Шахматова на образованіе такихъ среднихъ звуковъ и на смѣшеніе звуковъ ш и с, ж и з. въ говорахъ русскаго языка, но только думаю, что такіе средніе

Точно такъ же становится понятнымъ чередованіе *ст* и *сц* въ древне-русскомъ языкѣ въ такихъ формахъ, какъ: дъстѣ и дъсцѣ, русьстіи и русьсціи и т. п., гдѣ видно, что *т'* (*т*—мягкое) принимало свистящій оттѣнокъ *т*ᶜ. Наконецъ, польскіе мазуракающіе говоры, словацкіе шепелеватые говоры, въ которыхъ мы имѣемъ: šebe, dzešat', želený и т. п. заставляютъ насъ возвести разсматриваемые слитные звуки къ эпохѣ общеславянскаго языка и признать эти звуки діалектическимъ явленіемъ общеславянскаго языка. Кромѣ польскихъ и словацкихъ говоровъ, къ такому же заключенію приводятъ насъ нѣкоторые говоры сербскаго языка и говоры средне-болгарскіе [1]); наконецъ, и самому старославянскому языку не чуждо цоканье и чёканье въ отдѣльныхъ словахъ: по крайней мѣрѣ, въ Супрасльской рукописи и въ Саввинной Книгѣ встрѣчаются написанія: црѣноризьць, доконьча, село скѫдьльнице [2]). Ограничиваясь пока областью однихъ русскихъ нарѣчій, мы можемъ замѣтить, что въ древности шепелеватый говоръ былъ извѣстенъ и предку нынѣшняго малорусскаго нарѣчія, и предку нынѣшняго великорусскаго. Самыя цѣнныя указанія изъ литературы по этому вопросу въ области стараго галицко-волынскаго говора принадлежатъ А. И. Соболевскому, у котораго въ трудѣ: „Очерки изъ исторіи русскаго языка" (Ч. I. Кіевъ. 1884) мы читаемъ: „Мѣна шипящихъ и свистящихъ была очень рѣдка въ древнемъ галицко-волынскомъ нарѣчіи и существовала, вѣроятно, только въ немногихъ его говорахъ. На нее мы находимъ указаніе въ: биць—Тип. № 6., очта, обѣщничи, ѡверзешися, ложью—Полик. Ев. 1307 г., такозде, тозде—Луцк. Ев., помысляи, скрусьна (=скрушена)—Ефр. Сирин." и друг. [3]). „Въ современныхъ малорусскихъ гово-

č, š, ž очень мягкіе не могутъ называться вообще *новыми* звуками, такъ какъ противъ этого говорятъ русскія и славянскія нарѣчія (см. выше, въ текстѣ); эти звуки діалектически были извѣстны даже общеславянскому языку и перешли въ діалекты прарусскаго языка.

[1]) *Соболевскій.* Очерки изъ исторіи р. яз. стр. 150. 151. 152.

[2]) *Соболевскій.* Ibid. 152. *Miklosich.* Mon. linguae palaeosl. e cod. Supr. 90. *Срезневскій.* Пам. юсового письма. Саввина Книга. Стр. 33 и 109. Здѣсь *ч* и *ц* напечатаны курсивомъ.

[3]) *Соболевскій.* Ib. Стр. 111. См. примѣч. 2. Говоря здѣсь о замѣнѣ *ж* черезъ *з* въ Ипат. спискѣ Повѣсти вр. лѣтъ, Соболевскій замѣчаетъ: «Остает-

рахъ", продолжаетъ Соболевскій, „взаимная мѣна шипящихъ и свистящихъ, существовавшая въ обширныхъ размѣрахъ въ древнемъ псковскомъ говорѣ,—неизвѣстна" [1]). Но далѣе приводятся примѣры изъ нѣкоторыхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ: церез, цес; галиц ци, цитати; лемковск. цюю [2]). Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что нынѣ гдѣ-либо мы не замѣчаемъ мѣны шипящихъ и свистящихъ звуковъ, еще не доказываетъ собой того, что этой мѣны никогда здѣсь и не было: по крайней мѣрѣ, въ области малорусскаго нарѣчія были въ древности шепелеватые говоры; южновеликорусское нарѣчіе же и донынѣ сохранило мѣстами слѣды бывшей шепелеватости, какъ увидимъ ниже. Слѣдующимъ важнымъ обстоятельствомъ въ вопросѣ объ исторіи шипящихъ и свистящихъ звуковъ русскаго языка является то обстоятельство, что въ современныхъ намъ говорахъ великорусскаго нарѣчія есть такіе, которые *имѣютъ до сихъ поръ мягкое ц*, и замѣчательно то, что тѣ говоры, которые имѣютъ мягкое *ц*, знаютъ и обратную мѣну звуковъ *ц* на *ч*, а не только мѣну *ч* на *ц*. Это преимущественно сѣверно-великорусскіе говоры [3]). Кромѣ такихъ говоровъ сѣверно-великорусскихъ, въ которыхъ мы находимъ мягкое *ц*, цоканье и чёканье, есть еще говоры, гдѣ до сихъ поръ слышится звукъ средній между *ч* и *ц* ($ч^ц$, $ц^ч$); это собственно и есть говоры *шепелеватые*, но мы выше придавали это названіе, вообще обозначая имъ особенность произношенія шипящихъ и свистящихъ звуковъ, состоящую въ смѣшеніи шипящихъ и свистящихъ. Говоря о цоканьѣ, мы вносимъ въ свое разсужденіе и вообще шипящіе звуки, кромѣ звука *ч*, т. е. мы касаемся и звуковъ *ж*, *ш*, такъ какъ тѣ говоры, которые отличаются теперь особенностью произношенія этихъ

ся вопросомъ, гдѣ явилось это *з*, на югѣ, или на сѣверѣ». Конечно, по отношенію къ Ипат. списку это—вопросъ; но вообще несомнѣнно, что переписчикъ не переправилъ этого *з* потому, что и въ его говорѣ слышались подобныя произношенія. Смотри другіе примѣры изъ Ипат. лѣт. выше въ текстѣ.

[1]) *Соболевскій*. ib. 111.

[2]) Ibid. 111. Срв. *Ogonowski*. Studien... 72. Однако есть и въ млр. твердое *ц*. См. ниже.

[3]) Насколько, конечно, можно судить по *печатнымъ* матеріаламъ и изслѣдованіямъ.

послѣднихъ звуковъ, принадлежатъ къ говорамъ шепелеватымъ и смѣшиваютъ *ж* съ *з*, *ш* съ *с*, а, слѣдовательно, въ области согласныхъ передне-небныхъ переживаютъ явленія, однородныя съ *цоканьемъ* или *чеканьемъ*, а потому мы, въ интересахъ цѣлостности разсужденія, и далѣе будемъ имѣть въ виду явленія въ области всѣхъ вообще шипящихъ звуковъ и ихъ замѣны свистящими или наоборотъ.

Приведемъ теперь нѣкоторыя данныя изъ современныхъ намъ говоровъ относительно мягкаго *ц* и чёканья, а затѣмъ— относительно средняго звука *ч*ц, *ц*ч. *Мягкое ц* мы имѣемъ въ говорахъ: *Новгородскомъ Кирилловскомъ* и здѣсь-же *чёканье*: кобацёкъ, заплацю́, си́нница (вѣроятно, фонетически: *си́нничя*); въ *Новгород. Череповскомъ* и здѣсь-же *чёканье*: цяялъ, чена́, ку́рича (—чя?); въ *Бѣлозерскомъ*: винця́, бра́тець; *въ Олонецк. Каргопольск. и Вытегорск.* повенце́лись, си́кци [1]); *въ Повѣнецкомъ*: братцёвъ. Срв. столичѣ, граничѣ; борци, на дворци, молодци; личя́ [2]); братци [3]), стрѣльця, ларци, братци́ и мн. др. [4]); живуци, цяемъ, оци, кормильця, сердчё, потѣшаюци, птичей, туци, идуци, цего, летяци, прячюци, птиця, лицю, дивиця, ноцью, цево, дѣвичю, птичя, сердцю, сестрицю, оцень, дѣвицю, дѣвиця,

---

[1]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалектологіи. Живая Старина. 1892. Вып. II. стр. 11, 12, 13. Оказалось, что вытегорскій говоръ, по позднѣйшимъ наблюденіямъ, тоже—чёкающій, какъ и слѣдовало ожидать, не смотря на мимолетныя «Замѣтки» Колосова: въ немъ мы встрѣчаемъ: кормилечъ (— чъ?) и т. п. Я увѣренъ, что и въ другихъ говорахъ, гдѣ только показано наблюдателями мягкое *ц*, сохранилось донынѣ или, по крайней мѣрѣ, было прежде и *чеканье*. Новыя наблюденія должны время отъ времени производиться, и русская діалектологія отъ этого только выиграетъ, какъ и исторія русскаго языка. Срв. у *Барсова*. Причитанья сѣвернаго края. II. Стр. 101: при сродчахъ сродничкахъ... Стр. 116: сердчё (*ч*—мягкое, а выше—неправильное этимологич. написаніе); стр. 120, 121: личе; 137: ранчи; 159: деревче и друг.

[2]) *Гильфердингъ*. Он. былины. Столб. 120. 138. 29.

[3]) Ibid. 71.

[4]) Ibid. 77. 173. Срв. *Колосова*. Замѣтки... Ibid. стр. 121—122. *Барсовъ* Причитанія. I. стр. 39: живуци; кормильця—57; сердча, оци—74; сродчи—99; срв. 113; полуноци—179; горѣци—185; бладенця—195; ко ларчамъ да окованымъ—200; красота была въ личѣ—201 и мн. др.

дѣвоцьи и дѣвочьему [1]). Что касается говора окрестностей *Кенозера* и *Моши*, то онъ, конечно, тоже имѣетъ *мягкое ц* и чёкаетъ [2]), какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: чѣловальники, скачéнъ жемчугъ [3]) (вм. скатсéнъ—скацéнъ), станицю, дѣвици, улицю; (срв. *ш'* (*ш*—мягкое): пишё—3 л. ед. ч. — Гильфердингъ. 1056, 1178); купцями, богачествомъ, целомъ, гонцёвъ, лиця, чѣловальники и чѣловальники, пьяници, Муромци, уздицю, муниця, вѣнци, новгорочкіемъ, сердцё, чаря (чяря?), Муромецъ, Муромечь, Муромчо, Муромча, рукобитьиче и мн. др. [4]). Сравни въ Сборникѣ Истомина: *въ Петрозавод. у. Оло-*

---

[1]) *Барсовъ*. Ibidem. I. 39. 40. 52. 57. 59. 74. 76. 80. 98. 115. 149. 211. 212. 213. 218. 222. 228. 234. 255. 254. 257. 256. Вообще, гдѣ въ записяхъ стоитъ (въ цокающемъ говорѣ) послѣ *ч твердый* гласный, тамъ я принимаю такія написанія за фонетически-ошибочныя, сдѣланныя подъ вліяніемъ нашей ороографіи. Это, конечно, относится къ говорамъ съ *мягкимъ ц*. См. ниже.

[2]) Въ словахъ *Соболевскаго*: «Говоръ окрестностей оз. Кенозера и рѣки Моши отличается «чистымъ» произношеніемъ *ц* (т. е. нѣтъ *ч* вм. *ц*, но *ц* вм. *ч* обычно)». Жив. Стар. ibid. 14—я вижу здѣсь какое-то недоразумѣніе. Соболевскій взялъ это замѣчаніе у Гильфердинга. Он. былины. Введеніе. Стр. XXXI, но мы выше (въ текстѣ) видѣли примѣры *чёканья* изъ былинъ, записанныхъ самимъ-же Гильфердингомъ въ этихъ мѣстностяхъ, затѣмъ видѣли *мягкое ц*, да и замѣчаніе самого Гильфердинга во Введеніи не зачѣмъ было такъ комментировать, какъ это сдѣлалъ Соболевскій въ Живой Старинѣ 1892. II. 14—въ скобкахъ. Да, кромѣ того, *Рыбниковъ* довольно точно выразился о произношеніи здѣсь звуковъ ч и *ц*. Онъ говоритъ: «*ц* и *ч* постоянно употребляются одно вмѣсто другого или, лучше сказать, обѣ буквы произносятся, какъ *ць*, напр., чѣлый, чѣдить, молодець, умничя, ларчя, личо, цюжой, вецёръ, поворьчюсь»... *Рыбниковъ*. Пѣсни. IV. (Спб. 1867). Стр. 279. Очевидно, здѣсь Рыбникову слышался звукъ *средній* (чц, цч). Срв. у него-же III. (Петрозав. 1864). Стр. 347: «Въ нѣкоторыхъ заплачкахъ мы сохранили всѣ особенности мѣстнаго выговора: *ч* произносится, какъ *ць*»... (Примѣчаніе). Срв. здѣсь-же ниже, стр. 349. прим.: «*ц* произносится какъ *ць*». См. ниже въ текстѣ у насъ.

[3]) *Гильфердингъ*. Он. был. Стлб. 1052. 1064.

[4]) *Гильфердингъ*. Ibid. Стлб. 1050. 1052. 1053. 1054. (Срв. 1057 *ш'*—*с*) 1062. 1078. 1098. 1099. 1108. 1123. 1134. 1135 (Срв. *с*—*ш'*—1146. 1320). 1176. 1178. 1230. 1234. 1242. 1245. 1250. 1294. 1296. 1297. 1304. Мы здѣсь нигдѣ не приводили примѣровъ употребленія *ц* вмѣсто *ч* (собственно *цоканья*), такъ какъ эти примѣры сами собой подразумѣваются въ разсматриваемыхъ теперь нами сѣв.-влкр говорахъ.

нецкой губ: золоцёному, тоцёному, вѣнцятися—29, сердчё, полянчи, полянича (—чя?)—35, цядó—36, разгоряетця—47, Ивановиця—47, братцю—48, улицю, улицямы—50; *Повѣнецк. у*: цярь—51, цярицꙗ—52, цюжедальные, цево—85, вѣнцю—106, дѣвиця, красавиця—110, примѣцяли—145, цють — ib., кузници, кузнеця, клюцёмъ, клюця, молодця—151, сердцё—171, крыльцё, кольцё, словцё, полуцяй—174, молодечъ(—чь)—30 (Повѣнец.); въ паличи—33. Въ говорахъ *Архангельской* и *Вологодской* губерній мы имѣемъ то-же самое: *г. Онега*: красáвичя, молотчя́, чена́ [1]); *Шенкурск.*: цясъ, цюдо, цедо(=чадо); въ *Кемск.*—то-же; *Вельск. Вологодск.*: доць, тецётъ, свица(—ця), личо(—чё?), сончо(—чё?), чвитъ („съ *ц* мягкимъ“), пусцю́, полицю́ (=полечу); *Яренск.*: пецéль, несцéсье; *Сольвычегод. Вел. Устюжск*: цястой, мостоцьку [2]); отця, отцю; то-же въ *Тотем. Кадников. Грязовец. Никольск. уу.* [3]). *Въ Тверской губ. Корчевск. у.*; *Ярославск. Молож. и Пошехонск.*: цесць, цёмно, цюжéнинъ, цясъ [4]); относительно *Владимирской* губерніи (цокающей ея части), а также *Тамбовской*, *Нижегородской* и *Рязанской* (цокающей ея части) мы можемъ сказать, что въ этихъ послѣднихъ замѣчается *отвердѣніе ц*; по крайней мѣ-

[1]) Жив. Стар. 1892. II. 14. Въ Сборникѣ *Истомина*: рѣць, цясты́е—г. Онега—стр. 5; лицё—12; лицёмъ—18; каця́тъ—63; нáвстрѣцю—63; клюци, закрыцялъ, княженецького, цёботовъ, горницю—64; сердцё́мъ—65; зыцё́нъ—83; руцюшку—84; Петровиць--91; дѣви́цꙗ — 93; воротця—93. Срв. 98. 101. 102. 103 (*ш'*: шё́лкова); вецёръ, ноцью́, цясъ—108. 109. 111. 112; цяй, сестрицями—113. 114. 115; сватовцю—116; цюжо, одивáльницей — Шенкурск. — 117. 118. 119; взголовьицё, Архипыця, встрѣцять, цюлоцькахъ — 119. 120. 121. 123 и мн. др. Срв. 135. 136.—*Кемь*: Михайловиця, у́цила, цядо, оцёсливой, примѣцяй, жемцюжная. Срв. 140, 141. Срв. чесна, черезъ и друг.—153. 155; съ *черною* грязію—200; *цёрну*—221 (Очевидно, что говоръ со среднимъ ^{чц}—$ц^{ч}$ и, слѣдовательно, *чекающій*. Срв. у *Соболевскаго* выше: ченà, личò...). Изъ сопоставленія этихъ и другихъ примѣровъ видно, что *отсутствіе примѣра на ч вм. ц* въ Сборникѣ *Истомина* въ пѣсняхъ Арх. губерніи объясняется неточностью записи. Срв. *мою рецензію* на этотъ Сборникъ: *Ученыя Записки Имп. Казан. Унив. 1895. Мартъ.* Критика.

[2]) Жив. Стар. ibid. 15. 16.

[3]) Ibidem. 17. Срв. *Бѣлоруссова*. Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологод. губ. В. 1887. Стр. 30. 37. 38. *Колосовъ*. Замѣтки... ib. 329. 330.

[4]) Жив. Стар. ib. II. 17. 18. Срв. *Колосова*. Замѣтки... ib. 19.

рѣ, и изъ описаній, и изъ личныхъ своихъ наблюденій я вывожу заключеніе, что въ этихъ мѣстахъ преобладаетъ *отвердѣвшее ц*, но и здѣсь оно *было мягкимъ*; это видно изъ того, во первыхъ, что среди говоровъ этихъ губерній встрѣчаются и *чёкающіе* (Влад Меленк —чалковой; Рязан. Касим. см. ниже) [1]); во—вторыхъ, изъ того, что среди этихъ говоровъ есть и говоры съ мягкимъ *цч* или *чц*, т. е. со звукомъ среднимъ [2]). Далѣе, въ *Вятской* губ.—то-же: цярь, отець, цюдо и чюдо, чюлъ (*особенно мягко*) [3]), оцюнно, цюю, сцесье, молодичя, лючкі́ (=людскі́), забрецéло, бречя́ть, цею (=чаю), циво, чýеччя—3 л. ед. ч., любýюччя—3 л. мн. ч. (тоже въ нашихъ говорахъ Касим. уѣзда), бречéть [4]) — это явленіе во всѣхъ уѣздахъ Вятской губерніи; это же явленіе мы встрѣчаемъ частью въ *Костромской* губ., въ *Пермской*, въ *Сибири* [5]).

Въ *бѣлорусскихъ* говорахъ мы имѣемъ цоканье при чёканьѣ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ *Витебской губ. Велижск. у.*: при: цагó, цасóцыкъ—серча, черьква; мацыха — женитча; *Витебск.* у.; *Городокск.* у.: цыстъ, жэмцухъ, но: чáрства [6]). Наконецъ, въ *Смоленской* губ. (частью) и въ прилегающей части *Тверской* губ. мы тоже встрѣчаемъ: доцъ, цасъ, но: вулича, чарства и мн. др. [7]). *Малорусское* нарѣчіе, какъ извѣстно, *сохранило въ большей части* своихъ говоровъ *мягкое ц* [8]).

Изъ приведенныхъ данныхъ наглядно видно, что въ настоящее время, можно сказать, большая часть Россіи заселена говорами, знающими мягкое *ц* и чёканье. Мы видѣли это фонетическое явленіе на громадныхъ пространствахъ Архан-

---

[1]) Ibid. 19. *Колосовъ*. Замѣтки... Стр. 300.

[2]) См. *Ляпунова*. Ук. Соч. passim. См. также въ концѣ *карту*.

[3]) Жив. Стар. ib. II. Стр. 19—22. *Колосовъ*. ib. Стр. 224. 225. Примѣры въ пѣсняхъ: Стр. 244. 245 (охотницёк); 254 (крыниця); 256 (царя); 273 (птичи—род. ед.); 276 (птиця); 277 (крыльцях); и мн. др.

[4]) Жив. Стар. ib. 22. Срв. *Колосова*. ib. 223.

[5]) Жив. Стар. ib. 23—25.

[6]) Жив. Стар. 1892. III. стр. 9. 10. *Щейнъ*. Матеріалы. II. Стр. 544. Смоленск. Поръч. *сврбуцій, ломуцій...*

[7]) Жив. Стар. ib. 11. См. прим. выше 6.

[8]) Жив. Стар. ib. IV. Стр. 18. 19. 20. 21. 23. 48. 49.—Здѣсь есть указанія на діалектическое *твердое ц* въ млр. нарѣчіи.

гельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской губерній, въ Вятской, Пермской губ., въ Сибири, частью въ Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской (см. ниже), наконецъ, въ Витебской, Смоленской и Тверской губерніяхъ. Ясное дѣло, что далеко не во всѣхъ этихъ губерніяхъ мы можемъ усматривать поселенцевъ старой Новгородской земли; для многихъ мѣстъ новгородскіе колонисты предполагаются, но не доказаны (Вятская, Рязанская губ.); если мы прибавимъ къ этому то, что на громадномъ пространствѣ малорусскаго нарѣчія мы тоже имѣемъ мягкое *ц*, но *безъ чёканья*,—и то, что въ древнемъ русскомъ языкѣ чуть не до XIV вѣка повсемѣстно, откуда только мы имѣемъ памятники письма и языка, было извѣстно мягкое *ц* и *ч*, а послѣднее (*ч*) и понынѣ въ большей части говоровъ русскаго языка мягкое, то, кажется, мы вправѣ будемъ утверждать, что: 1) во всемъ русскомъ языкѣ искони было мягкое *ц*, слѣды котораго остались до сихъ поръ во многихъ говорахъ; 2) точно такъ-же во всемъ русскомъ языкѣ, т. е. на всемъ его пространствѣ, но *діалектически не во всѣхъ его говорахъ, хотя въ большинствѣ говоровъ* были извѣстны звуки средніе *ч*ц или *ц*ч—мягкіе, откуда съ теченіемъ времени въ однихъ говорахъ развилось мягкое *ц* и мягкое *ч* въ словахъ, гдѣ былъ звукъ средній: стало возможнымъ произношеніе: цюдо и чюдо, цей и чей, цѣловать и чѣловать, цѣна и чѣна..; въ другихъ говорахъ осталось мягкое *ц*, между тѣмъ какъ *ч* начало твердѣть (малорус. нарѣчіе); въ третьихъ—дѣло было наоборотъ: *ц* начало твердѣть, а *ч* оставалось мягкимъ (ювр.); въ четвертыхъ, наконецъ, сохранились звуки средніе, шепелеватые, и эти говоры нужно признавать архаичными. Къ нимъ мы сейчасъ перейдемъ. Предварительно замѣтимъ только, что, не смотря на различную судьбу звуковъ свистящихъ и шипящихъ въ разныхъ говорахъ, мы можемъ *почти во всѣхъ* говорахъ до сихъ поръ наблюдать *спорадическіе случаи колебанія* между *ц* и *ч*. Это обстоятельство говоритъ несомнѣнно въ пользу того, что звуки средніе *ч*ц или *ц*ч принадлежали громадному большинству говоровъ прарусскаго языка, если не всему ему. Въ млр. украинскомъ мы и сейчасъ слышимъ: *цурайся* при *чурайся* (влкр. чурайся), *причепиўся* и друг. Самое слово *цѣпъ* при *чепъ*, можетъ быть, должно объясняться этимъ-же колебаніемъ или близостью звуковъ *ц* и *ч* въ

прарусскомъ языкѣ. Наконецъ, интересно знать, чѣмъ инымъ, какъ не предположеніемъ *среднихъ* звуковъ, можно объяснить колебаніе *по говорамъ* между произношеніемъ *цюдо* и *чюдо*: вѣдь, въ тѣхъ говорахъ, гдѣ слышно только *чюдо* (не цокающихъ), это слово не появилось же изъ говоровъ цокающихъ, а было самостоятельно, и потому нельзя и предполагать того, что произношеніе *чюдо* стало извѣстно у тѣхъ лицъ, которыя всякое *ц* произносили, какъ *ч*; наоборотъ, мы вовсе не должны предполагать, что слово „чюдо“ сперва было услышано цокальщиками въ формѣ *чюдо* и потомъ, въ силу измѣненія здѣсь всякаго *ч* на *ц*, превратилось въ говорахъ, знающихъ только *цюдо* (или рядомъ съ *чюдо*), въ такое произношеніе: *цюдо*. Конечно, это произношеніе *цюдо* явилось здѣсь такъ же самостоятельно, какъ и вышеприведенное *чюдо* явилось самостоятельно въ не цокающихъ говорахъ. Оба произношенія явились изъ одного общаго праязычнаго *$ц^{ч}$юдо (*$ч^{ц}$юдо), и потому-то и явились варьянты: и *цюдо*, и *чюдо въ одномъ и томъ же говорѣ*, между тѣмъ какъ въ другихъ: *цюдо*, *чюдо*, *цудо*, *чудо*.

Уже по разнымъ поводамъ выше мы ссылались на говоры со средними звуками $ч^{ц}$ или $ц^{ч}$. Теперь скажемъ только, что изъ предыдущаго обзора мы сами можемъ вывести заключеніе, что всѣ говоры съ мягкимъ *ц* и *чёканьемъ* должны, собственно говоря, имѣть звуки средніе $ц^{ч}$, $ч^{ц}$. Но не обо всѣхъ ихъ говорятъ наблюдатели, а потому мы приведемъ ниже только тѣ говоры, о которыхъ сами наблюдатели говорятъ, что они употребляютъ звуки средніе между *ц* и *ч*. Такъ, мы находимъ, что говоръ Олонецкій, именно, такой, по свидѣтельству *Рыбникова* (Пѣсни. IV. 279, 280); срв. *Колосова* (Замѣтки... 121, 122); такой говоръ—*Новгородскій*, какъ видно изъ замѣчаній *Колосова* (ib. 18—19); срв. наблюденія изъ Новгород. Черепов. и Олонец. Вытегор. въ Живой Старинѣ за 1894 годъ (не имѣю подъ руками сейчасъ этого выпуска); такой говоръ — *Вятскій*, какъ говоритъ тотъ-же *Колосовъ* (ibid. 224); такой говоръ—*Вологодскій*, по свидѣтельству *Бѣлоруссова* (Ук. Соч. 37, 38) и *Колосова* (ib. 329); срв. Соболевскаго. Жив. Стар. ib. II. Стр. 13, 16 (Олонецкій и Вологодскій говоры); наконецъ, такой-же говоръ нашъ *Рязанскій* Касимовскій (мѣстами. См. ниже). Срв. *Даль* (О нарѣчіяхъ... L, LIV—во Владимир. губ.). Такой-же говоръ, вѣ-

роятно, мѣстами въ *Калужской*, въ *Тамбовской* губ. (*Даль* ib. LXIII, LXV, LXII—о Касимовскомъ). Объ этихъ говорахъ мы находимъ прямо указанія; но о сколькихъ говорахъ нѣтъ указаній, и не сдѣлано наблюденій? Вѣроятно, интересующій насъ звукъ имѣется и въ другихъ говорахъ; напр., лишь отъ *Даля* мы узнаемъ кое-что о говорахъ Калужской и Тульской губерній, а полныхъ изслѣдованій въ этихъ губерніяхъ не дѣлалось. *Даль* намъ говоритъ о Калужской губерніи: „*въ Боровскѣ* говорятъ: цто, цаво, цашка; *въ Медыни*: овча, черяпать, чарапать; *въ Бѣлевскомъ* произносятъ *ч*, *ц* нечисто"—LXIII (*ч*ц, *ц*ч?). Отъ *Даля* же мы узнаемъ, что въ *Тамбовской* губ. у *Кадома*: „*прочь* произносятъ почти какъ *проць*"—LXV (проць?). Точно такъ же мы имѣемъ нѣкоторыя подробности у *Даля* и относительно говора *Тверской* губ.: *въ Торжкѣ*, *въ Старицѣ*, *въ Зубцовѣ*, *во Ржевѣ*, *въ Кашинѣ*, *Калязинѣ—цокаютъ и чекаютъ*—ib. стр. XLVII, XLVIII.

Изъ этого обзора мы видимъ, что средній звукъ *ч*ц, *ц*ч въ современныхъ намъ говорахъ подмѣченъ наблюдателями тамъ, гдѣ и въ древности было смѣшеніе (на письмѣ) *ч* и *ц* въ говорѣ и въ начертаніяхъ, т. е. въ Новгородскомъ краю. Конечно, быть можетъ, къ историческому времени, а навѣрное позднѣе, когда мы уже имѣемъ письменность и изъ другихъ мѣстъ нынѣшней Великороссіи, средній звукъ *ч*ц, *ц*ч переживалъ уже по говорамъ отклоненія въ ту или другую сторону, т. е. въ сторону звука *ч* или въ сторону звука *ц*. Еслибы средній звукъ *ч*ц *ц*ч былъ нѣкогда принадлежностью только одного стараго Новгородскаго говора, то онъ не сохранился бы у переселенцевъ въ чистотѣ, и мы не имѣли-бы говоровъ съ этимъ среднимъ звукомъ; стало быть, этотъ звукъ былъ туземнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы его теперь находимъ. Это опять сближаетъ тѣснѣйшимъ образомъ наши говоры за-Окскіе Касимовскаго уѣзда съ говорами Вятской губерніи.

На основаніи предыдущаго видно, что догадка Колосова о цоканьѣ и чеканьѣ сама собой падаетъ. Колосовъ говоритъ (Замѣтки... ib. стр. 18—19): „Мнѣ говорили, что можно въ одномъ и томъ же мѣстѣ слышать цоканье и чоканье. Примѣры статьи Даля о нарѣчіяхъ подтверждаютъ это сообщеніе. Если дѣйствительно оба признака совпадаютъ въ какомъ-либо говорѣ, то причина явленія остается для меня непонят-

ной. Самъ я однако нигдѣ не встрѣтилъ такого совпаденія... Если же цоканье не совпадаетъ съ чаканьемъ, тогда послѣднее можно, какъ мнѣ кажется, объяснять нѣкогда бывшею въ говорѣ мягкостью *ц*. Сочетанія *ча*, *чу* и т. п. непремѣнно, я думаю, предполагаютъ: *ця*, *цю*, а не *ца*, *цу* Эта мысль подтверждается: 1) измѣненіемъ *ся* въ *ша*: тышаць; 2) тѣмъ, что въ говорахъ, имѣющихъ мягкое *ц*, нѣтъ формъ, подобныхъ курича и проч."... „Трудно объяснить обратное явленіе — превращеніе *ч* въ *ц*... Впрочемъ, явленіе цоканья и чаканья требуютъ еще наблюденій". Такъ кончаетъ Колосовъ. Здѣсь, какъ мы видимъ, многое совершенно невѣрно: 1) *цоканье и чёканье часто встрѣчаются вмѣстѣ*: см. выше Новгород. (Кириллов. Черепов. Бѣлозер.), Олонец., Арханг., Вологод. и др. говоры 2) Въ говорахъ, имѣющихъ мягкое *ц*, именно, *есть* формы въ родѣ *курича* (—чя), и здѣсь то эти формы и должны быть и были. См. выше: Новгор. Черепов.: *цяялъ*, *чена́*, *куричя*. 3) „Превращенія" *ч* въ *ц никакого не было*: формы *курица* (курицят) и *курича* (куричя) восходятъ одинаково къ формѣ *курицъя, *куричъя, откуда могли получиться съ теченіемъ времени разные варьянты

Данныя изъ древнихъ памятниковъ письменности, свидѣтельствующія о смѣшеніи звуковъ *ч* и *ц*, мы имѣемъ въ изобиліи во многихъ памятникахъ, преимущественно, конечно, въ Новгородскихъ. Возьмемъ сперва для примѣра памятникъ *не новгородскій*, а *суздальскій*—Лаврентьевскую лѣтопись, — который въ числѣ прочихъ діалектическихъ оттѣнковъ долженъ носить на себѣ и слѣды суздальскаго переписчика. Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лавр списку находятся: *ци* и *чи*—л. л. 25. 26 (фототип. изд.). ѿтцьство—л. 77. сѣцѧхусѧ—л. 97. столб. 2. полочьскѣ—л. 111. ст. 2. (обыкновенно: *полотьскѣ*, при исчезновеніи ь изъ произношенія получилось: полот'скѣ; *т'с'* дало *ц*: полоцкѣ, откуда: полочкѣ; нашъ случай: полочьскѣ—есть мудрствующее правописаніе, *графическое* явленіе); ци—л. 119. ст. 1. аци—л. 132. ст. 1. ци—л. 179. ст. 1. Въ этомъ-же памятникѣ мы находимъ и колебаніе звуковъ *з* и *ж*, что̀ для насъ особенно важно: покажненъ и показненъ—л. 24. в суждали—л. 99. ст. 2. суздалю—л. 99. ст. 2. суждалю—л. 172. ст. 2. суздалцѣ, суждалци—л. 170. ст. 2. Слово „Суздаль" вообще почти во всѣхъ памятникахъ древней письменности представляетъ по начертанію колеба-

ніе *з* и *ж*; это одно изъ тѣхъ словъ, въ которыхъ, вѣроятно, намъ завѣщано доказательство прарусскаго колебанія звуковъ *з*' (мягкаго) и *ж*' (мягкаго). Этимологіи слова „Суздаль" я не знаю, но, можетъ быть, это слово очень давно стало сознаваться, какъ слово, принадлежащее къ семейству корня ꙁьд—: сѫꙁьдати: *су-зьд-а-л ь, срв. не-вид-а-л-ь, пад-а-л-ь и т. п. слова пассивнаго значенія. Въ самомъ Суздалѣ названіе этого города въ XIV вѣкѣ произносилось, вѣроятно, со звукомъ *ж* или со звукомъ среднимъ *з*ж (*ж*з), какъ объ этомъ можно судить изъ того, что монахъ Лаврентій въ 1377 году написалъ: „Началъ есмъ писати книги сия, глаголемыи Лѣтописець,... и кончалъ есмъ... при епископѣ *нашемъ* христолюбивѣмъ священномъ Дионисьѣ *Суждальскомъ* и Новгородьскомъ и Городьскомъ" (Лѣт. по Лавр. сп. Спб. 1872. Стр. 463). Въ этомъ словѣ *ж* и *з* были мягкими: подъ 1164 г. (ibid. 334) читаемъ: пископу *Сужьдальскому*. Въ Смоленской Лѣтописи Авраамки, написанной въ самомъ городѣ Смоленскѣ въ 7003-мъ (1495) году, какъ видно изъ приписки къ ней самого переписчика „раба Божіа Авраамка" (П. С. Р. Л. XVI т. Спб. 1889. Стр. 319—320), мы постоянно встрѣчаемъ смѣшеніе начертаній *ц* и *ч*, мягкое *ц*, примѣры смѣшенія *з* и *ж*, *с* и *ш*: в Торопечь, на речѣ Хзѣ—стр. 48. Новгородчи—53. в черньчохъ—56. Срв. в черньцохъ—62. Новгородчовъ, Наугородчемъ—63. Срв. 68. свиньчомъ—69. Пьсковици, городцанѣ—89. Галичкого—90. старечь цернець, писечъ, неисцетно, священничи—219. налѣзе Вятицы и рече Вятицамъ—237. (*ц* твердѣетъ; срв. цариця—40. Богородицю—47. Колесницю — 65. Пьсковици, у Псковиць, Пятницю — 77. улицю—82 и мн. др.); Псковицѣ, Псковицамъ—66. при владычѣ—67. Нѣмѣчкого, по Величи дни, Городѣчкую Корѣлу, на Вочкую землю—70. Бориса Сѣменовица—71. митрополица благословеніа—род. п. ед. ч.—74. Онцифоръ и Ончифоръ—74. Полотчкого князя—76. тысяцу—вин.—79. с конча града—97. Зубчовъ (городъ Зубцовъ нынѣшней Тверской губ.), остріемъ меца умроша—100. на рѣчѣ на Овлѣ—102. вѣсти про царевица—104. околницѣй—106. (окольничій) и мн. друг. При этомъ также: Суждаль, на Суждали—44. Суждалю—45. Суждалца—46. Суздаль, Суздальского—90. 105. Срв. 312 313 и мн. др. Кромѣ того: И отъ того времени нача *князенье* великое держати князь.... 208. *с*—*ш*: ускуи—62.

Срв. Пришли Новгородци въ *ушькуихъ*—92. ушькуйници, 70 ушькуевъ—101. на шнекахъ—191. (въ Псков. 2-ой лѣтоп. мы ниже встрѣтимъ: „снеки"); что-же касается собственныхъ иностранныхъ именъ, то и они могли являться въ русскомъ произношеніи въ двоякой формѣ: и со звукомъ *с*, и со звукомъ *ш*: Магнушь король свѣйскый—78. къ Магнушу—79. (конечно, эти формы могли *цѣликомъ* попадать со звукомъ *ш* съ запада къ намъ, но мы увидимъ не на всѣхъ именахъ это; съ другой стороны и „Магнушъ" является въ формѣ „Магнусъ"). Въ Псковской 2-ой лѣтописи (П. С. Р. Л. V. Спб. 1851), гдѣ діалектическій элементъ выразился тоже въ смѣшеніи звуковъ *ц* и *ч* (изъ *ц*ᶜ, *ч*ᶜ), мы имѣемъ: Москвици и Москвичи—Стр. 36. за Юрьевчевъ—33. посла своего царевица—44 и мн. др., а также: съ многыми замысленіи—8 (впрочемъ, можетъ быть, это и болѣе древняя форма, другого образованія. Срв. Ряз. Скоп. смысле́най (не—*ё*) и обыкновенное: смышлёный); ѣхавше Нѣмци *у снекахъ* и въ лодьяхъ—32. (срв. выше въ Лѣт. Авраамки: на шнекахъ—191); въ многыхъ *снекахъ* пріѣхаша—39 но: влѣзше въ *шнеки* по сту человѣкъ—40. Магнушемъ, Магнушъ—52. *з—ж*: бѣста князяще въ Кыевѣ—стр. 1. Изяславъ и Ижославъ (?)—стр. 2. Срв. *зелеза*—30 и *жолоза*—14. 23. 25. и померже вшедшей ржаный корень—44. (быть можетъ, вмѣсто: померзе?). Въ Смоленской Грамотѣ 1229 г. мы имѣемъ: гочкый, оу жельза оусадить (сп. А.), но: оу зельза оусадите (списокъ С.); ко жельзоу горѧчемоу (сп. А.); но: ко железу горѧцему (сп. С.); мьчемь (сп. А.), но: мецемь (сп. С.); оучинить насилиѥ (сп. А.), но: оуцинить насилие (сп. С.); на Вълъцѣ (сп. А.), но: на Воloче (сп. С.); бирица—А и С; что *лъжить* оу ст҃оѥ Б҃це на горе (сп. А.), но: что *лъзить* оу ст҃ое Б҃це на горе (сп. С.); кꙋпьчь (сп. А.), но: купець (сп. С.); на Гочкомь берьзѣ (сп. А.), но: на Гоцкомь бѣрезѣ (сп. С.)—Рус.-Лив. Акты. Приложеніе. Стр. 420—442. Въ Грам. 1230 г. (ib. Прилож. 452)—соуличами, Немьчемъ, при Романовиці и друг. Въ Грам. литов. кн. Герденя 1264 г. мы видимъ также *ц* вм. *ч* и наоборотъ: земля словетъ Полочькая, Немечькому гостю, князя Полочького, в Любьце—№№ 25 a. 25 b. Рус.-Лив. А.; въ Грам. 1281 г. (митр. Рижскаго къ Смол. князю Ѳеодору): ко владычѣ, концяти, челованиі—№ 34; въ Грам.

Витебской ок. 1300 г.: мець, челования, доконцанъ, отъ отчовъ, у своемь сердчи. Немчи, сердчемь и мн. др —№ 49. Въ Полоцк. Грам 1399 г.: Полоцаномъ, Полочяномъ—ib № 122. Срв. также Полоцк. Грам. ок. 1400 г.—№ 134 и друг.

Теперь приведемъ нѣкоторыя данныя изъ Новгородской области и Двинской. Здѣсь прежде всего остановимся на лѣтописи Новгородской XIV в. (по Синод. Харат. списку. Фототип. изд.). Напр., ꙗрославиць—стр. 6. сѣцꙗ—8. скопечь—10. игоревиць—15. хоцю—27. цересъ—28. ноць—42. съ церниговци, съ церниговчи—31. ництоже—ibid. помоць—67. хоцю, хоцемъ—67. просꙗце—91. коньцаша—98. цьрнець—101. (срв. выше въ Смол. Лѣт.); въ чьрнецьстве—103. слнчю—139. ноции—род. п. мн. ч.—143. человаста и цѣлова—152. 163. поидоша воююце—168 и воююче—167. дъцерь—172. и дъчерь—79. немоцьнъ—185. и немочьнъ—186. хочю—201. съ цьстью—202. помочью (срв. выше)—203. и помоцью—233. при цсл. помощь—240. въ цѣрниговъ—214, но: ис чѣрнигова—215. въ цьрниговъ—217. къ черниговоу—238. горцꙗнши—226. просꙗче—241. и просꙗце—91. при цсл. пекоущесꙗ—245 и мн. др. Здѣсь же находимъ: Суждаль—86. Срв. варꙗзьскаꙗ—87, гдѣ произошла просто ассимиляція звуковъ, какъ и нынѣ мы говоримъ: ру́сскъй, варя́сскъй и т. п. Если считать Ипатьевскій списокъ Новгородскимъ, то и здѣсь мы найдемъ: грѣцька—л. 19. ст. 2. (срв. наше: грѣцкій); чѣрь (вм. цѣрь)—л. 44. ст. 1. грѣчкыи—л. 80. ст. 1. цюющю—л. 85. ст. 1. к бѣлоѡзерьчемь—л. 128. ст. 1. бѣлоѡзерьци—им. п. мн. ч.—л. 128. ст. 1. И: Суждаль—л. 171. ст. 2. к Суждалю—л. 108. столб. 1 и мн. др Что касается Ипатьевскаго списка, то разсматриваемое явленіе въ немъ могло принадлежать, какъ мы видѣли, и югу, и сѣверу Россіи Въ различныхъ юридическихъ бумагахъ, какъ-то: судныхъ спискахъ, грамотахъ, духовныхъ, купчихъ и проч. мы также знакомимся съ этимъ фонетическимъ явленіемъ: къ Волочкому пути—АЮ. № 11. отъ ихъ же сродчевъ—АЮ. № 23. (выше мы видѣли различныя изъ этихъ словъ съ такимъ-же произношеніемъ и въ современныхъ намъ говорахъ). Истчи—АЮ. № 71. I. отцинѣ—ib. II. у Семеновица—ib. VIII. у пецати—ib. отечь, теличу—ib. IX. цѣмъ—XI. у Нестеровица, по ручью, съ руцья, песцаной—XV. у Васильевица—XVI. овьцю (ц мяг-

кое) пополопка—XVIII. уцястокъ, цетвертая цясть, телицю (срв. выше), полътретьяцять, рицки, цто—XIX. земличи—XX. на Шипицю—XXIII. опричь—XXVI. оприцъ, руцей, обцую—XXVII. цымъ—XXIX. Офремовицъ—XXXII. цимъ, отець—XXXIII. поповицъ—XXXVI. (№ 71). Очень много сюда относящагося находимъ также въ Духовныхъ Двинскихъ № 409: отцына, цимъ—VII. пять попей, ницто—X. Срв. въ № 422 (1571 г.): чимъ, церепъ, опроченъ (=опрочь) и др. Однако въ Корчемномъ Обыскѣ о крестьянахъ Суздальскаго Покровскаго монастыря 1639 года находимъ только: *Суздаль* съ *з*, а не *ж*—АЮ. № 60. А въ Договорныхъ Грамотахъ Новгорода съ Тверью XIII вѣка нерѣдко находимъ: *Суждаль*, *Суждальскій* (Собр. Госуд. Гр. и Дог. I. №№ 2. 3).

Къ такимъ-же словамъ, какъ *Суздаль*—*Суждаль* въ области звука *з*[ж], *ж*[з], словамъ, колеблющимся постоянно въ памятникахъ письменности, относится въ области звука с[ш], ш[с] (*ц*—мы принимаемъ за слитный звукъ *т*'+*с*' а *ч*—за *т*'+*ш*') слово: *сяберъ*, *сябры* Напр., въ Актахъ Юридическихъ мы находимъ: *сябры*—№ 2. (1483 г.), *сябрамъ*—№ 71. V. (Новгор. Купчія XIV—XV в.); *сябрѣхъ*, *сябры*—№ 90 (1578 г.); *сябрѣхъ*—№ 95 (1596 г.). Но въ формѣ: шаберъ—мы находимъ въ Судной Новгор. Грамотѣ 1471 г. (А. А. Э. т. I. № 92), срв. *сябра*—Акты Ю. и Зап. Рос. Т. I. № 230 (Данная 1487 г.). Въ настоящее время мы тоже имѣемъ въ этомъ словѣ колебаніе звуковъ *с* и *ш* по говорамъ. Такъ, въ Вятскомъ, Костромскомъ, Нижегородскомъ, Пензенскомъ, Симбирскомъ, Астраханскомъ краяхъ мы имѣемъ—*шабёръ*, *шабръ* (Опытъ обл. Словаря. s. v.); въ Ряз. Псков. Зап. Тверск. Кур. Тмб.—*сябёръ* (сябра́, сябры́,—о́въ.... Въ Опытѣ обл. влкр. Слов. s. v. *невѣрно* показано удареніе въ Ряз. Скопин.)—*Даль*. Словарь. s. v. сябе́ръ и шабёръ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ показана и та, и другая форма: Псков. Тмб. Тверск. (см. ibid. *Даль*). Мы опять не касаемся вопроса о происхожденіи этого слова: русское оно, или заимствованное, намъ для нашихъ цѣлей все равно: важно только то, что на *русской почвѣ оно звучитъ двояко* и въ древнемъ русскомъ языкѣ, и въ современномъ. Мы выше уже приводили дублеты: смысленый и смышленый; замѣтимъ, что въ Словѣ о П. И. мы такъ-же, какъ въ нѣкоторыхъ современныхъ говорахъ, находимъ: „томꙋ вѣщии Боꙗнъ и прьвоѥ припѣвкꙋ *смысленыи* рече“. Здѣсь

же находимъ: *шизый* при обыкновенномъ *сизый*; срв. *шéрый* при *сѣрáкъ* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (*Носовичъ.* Словарь. s. v. v.) [1]). Срв. далѣе наше: *скирдъ* при діал. *шкирдъ* (Казан. Спас. Дополненіе къ Опыту Обл. Словаря. s. v.); *в-склянь, скленъ, скля́но, скляный* (Олон. Новг. Арх. Вят Перм. Твер. Волог. Псков. Ряз. Скоп.: *фскля́нь*) при: *шкляно*—Арханг. (Опытъ... s. v.); *соли́ть* при *шоли́ть* — Владим. Меленк. (Опытъ. s. v.). Здѣсь странно *твердое с—ш...* [2]). Срв. также *шти* (щи) изъ* съти (Соболевскій); народное *радошенъ* при *радосный* (срв. *Соболевскаго.* Изъ исторіи р. яз. Ж. М Н. Пр. 1894. XI.—изъ *ст.*); др. р. *покосьнъ* при *покошьнъ*: въ Изборникѣ 1073 г. читаемъ: всѧко мѣсто на молитвоу *покошено*—л. 35 b. с. (Изд. Общ. Люб. др. Письм.), а въ Изборникѣ 1076 года находимъ: вьсѧко мѣсто на млтвоу *покосьно*—л. 231 б. (*Шимановскій.* Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ. Приложеніе. Стр. 94. В. 1887 г.). Оба памятника принадлежатъ одному времени и одному южнорусскому говору [3]). Далѣе, въ народныхъ говорахъ часто является произношеніе: Шкуратовицъ вм. Скуратовичъ (Малюта)—напр., въ пѣснѣ Олонец. губ. Повѣнец. у. (Сборникъ *Истомина.* Стр. 52. 53), какъ и во многихъ Историческихъ пѣсняхъ народа; (срв. *скорá* въ Лѣтописи и *шкура*; *скорлупа* и новорос. *шкорлупа*); многія слова перешли къ намъ изъ другихъ языковъ и извѣстны или въ двоякой формѣ, или въ формѣ, впервые, вѣроятно, услышанной: напр., свейскій, свецкій, швецкій: „А росплачутся Свецкіе Нѣмцы“ [4]). *Шивордъ*—Si-

---

[1]) См. *Карскаго.* Обзоръ звуковъ и формъ блр. рѣчи. М. 1886. Стр. 78. Относительно звука *с* въ блр. см. здѣсь стр. 24. со ссылкой на *Каткова* (Объ элемен. и фр. 99), который говоритъ, что бѣлорусское *с среднее между с* и *ш.*

[2]) Въ нѣкоторыхъ говорахъ первоначальная близость *с'* къ *ш'* повела съ теченіемъ времени къ смѣшенію *с* и *ш* твердыхъ. Таковы говоры въ Казан. губ. См. мою брошюру: «Главнѣйшія черты народнаго русскаго говора въ Каз. губерніи». В. 1894. Стр. 23. *Богородицкій.* Говоръ деревни Бѣлой Каз. губ. (Учен. Зап. Каз. Унив. 1895. Кн. V—VI. Стр. 123).

[3]) *Соболевскій.* Источники для изученія др. Кіев. говора. Ж. М. Н. Пр. 1885. № 2.

[4]) Такъ въ «Русской Христоматіи» Буслаева. 1870 г. Въ Истор. Хр.: «А росплачютца Свѣцкие Немцы». Стр. 1033. Въ Лѣтописи мы имѣемъ: *Шимонъ—Симонъ.*

vert—Грам. 1257 г.; *шабля* (млр. польск.)—*сабля*. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ словахъ, гдѣ звукъ *ш* можетъ быть занесенъ изъ другого слога въ сосѣдній по ассимиляціи: Шашецька—Сашецька—Сборн. Истомина. Стр 172. шашнáтцáть—ряз. и друг. Нѣкоторые говоры нынѣ знаютъ уже замѣну твердаго *с* (*ш*) твердымъ *ш* (*с*) или смѣшиваютъ твердые *з* и *ж*, равно какъ употребляютъ и твердое *ц*, и, что̀ однако очень рѣдко, полутвердое *ч* (тш) [1]). Очевидно, судьба звуковъ: *ш*, *ж*, *ч*, *ц* была одинакова въ томъ отношеніи, что они всѣ направлялись отъ *очень мягкихъ* $ш^с$ ($с^ш$), $ж^з$ ($з^ж$), $ч^ц$ ($ц^ч$) къ болѣе твердымъ звукамъ; нѣкоторые изъ нихъ теперь находятся на одномъ пунктѣ своего историческаго пути, другіе—на другомъ. Въ родственныхъ языкахъ извѣстно тоже это явленіе, а потому до извѣстной степени можно его возводить къ общему индоевропейскому праязыку. Мы, напр., знаемъ *двоякое s* въ общемъ индоевропейскомъ языкѣ, и насъ убѣждаетъ въ существованіи двухъ видовъ звука *s* въ общемъ индоевроп. языкѣ исторія звука *s* въ различныхъ родственныхъ языкахъ: срв. звукъ *х* въ стрсл. между извѣстными гласными и передъ гласными въ словахъ: врьхъ, мѣхъ при литов. virszùs, máiszas и* вьхъ (въ Грам 1192 г. Варл. Хутынскаго): вхоу же тоу землю Хоутиньскоую....—*Срезневскій*. Пам. р. п. и яз. (Изв АН. X. вып. V. Стр. 510) при лит. visas [2]); или стрсл. оконч. мѣстн. пад. мн. ч.—*хъ* при лит.—*se* (др инд.—*su*); стрсл. *снъха*—лат. *snusus; оуχо—лит. ausís и друг. Наконецъ, не менѣе другихъ случаевъ интересное индоевропейское *s* во 2 л. ед. ч. наст. времени! Почему здѣсь еще въ общеславянскую эпоху явилось при—*si*—*ši*? Стрсл.—*си* и—*ши*. Вѣдь, было-же когда нибудь только *s*, и это *s*, вѣроятно, было *s'*, т. е. изображаемое нами $с^ш$ или $ш^с$. Кромѣ извѣстныхъ формъ на—*си*, при которыхъ однако въ русскомъ мы имѣемъ: ѥси (еси), но *дашь*, а даси не осталось, если не считать нѣкоторыхъ формъ *въ былинахъ*, еще въ XV вѣкѣ, въ Лукиномъ Ев. 1409 г. мы читаемъ: въ ѡче твоѥмь не *чюѥси*—97. (*Буслаевъ*. Матеріалы...). По отношенію къ звукамъ *с* и *ш* къ нашимъ касимовскимъ говорамъ опять ближе

[1]) См. предыд. стр. примѣч. 2.

[2]) *Miklosich*. Etym. Wtb. s. v. vĭšĭ.

всего стоятъ говоры Вятской губерніи и, пожалуй, бѣлорусскіе (см. выше замѣчаніе *Каткова*). Въ Вятскомъ мы имѣемъ: яисьница, дивисьникъ, молосной, списъ (=спишь—2 л. ед. ч.) [1]; это же явленіе извѣстно и въ Архангельской губ: королéвисьня, плата гудóсьная, зысьной голосъ [2]); въ Вологод. губ.: молосной (Жив. Стар. 1894 г. Номера не помню и фамиліи наблюдателя. Въ Велико-Устюж. уѣздѣ), но здѣсь всетаки мы имѣемъ вездѣ *с* изъ вторичнаго *ш*, изъ *ч*, не то, что въ вятск. *списъ*. Въ Сибири: больсóй, зáрко и друг. [3]). Въ блр. мы имѣемъ: залко, зазги, ва цузыхъ людзёхъ, лóзыцка, сацёръ (шатеръ), сярдзѣцусько (Смолен. губ.) [4]); залѣзный (Минск. губ. *Шейнъ*. Матеріалы. II. 547. Впрочемъ, это слово—такоеже, какъ *Суздаль*, *сябёръ*, *цѣпь*, въ которыхъ намъ завѣщано воспоминаніе о *среднихъ* общерусскихъ звукахъ передне-небныхъ: *зелѣзо* при *желѣзо* мы имѣемъ во всѣхъ говорахъ, какъ и *земчугъ* при *жемчугъ* (зéмчукъ—Ряз. Спас. с. Ижевское); срв. др. рус. *зълчь* при *жьлчь*. Въ сѣв.-млр. говорахъ: лезáла, взе (=уже), высла, цорный, сце (=еще), зыў(=жилъ), присóў (=пришолъ), жемлянкы, у шынего мора, трыйчать літъ [5]) (Гродн.) Въ Люблин. говорахъ *ші=сі*, хлопчі, світлоньчі [6]). При этомъ обзорѣ проливается нѣкоторый свѣтъ и на личное окончаніе глаголовъ во 2 лицѣ: *си—ши*. Къ такимъ-же словамъ, какъ *цѣпь* при *чепь*, имѣвшимъ, вѣроятно, нѣкогда звукъ средній *ц*ч или *ч*ц, принадлежитъ, кажется, и др. русское: *коць—кочь* (епанча). Въ Воскр. Лѣт подъ 6754 г. и въ Соф. I. 185 мы имѣемъ: *кочь*, а въ Духовной Ив. Калиты 1327 г. (*московскій* памятникъ) имѣемъ: *коць* (См. Словарь *Срезневскаго*. s. v.) [7]). Въ этомъ бѣглымъ обзорѣ мы не при-

---

[1]) *Соболевскій*. Очеркъ р. діалект. Жив. Стар. 1892. II. 21. 22. 20.

[2]) Ibid. 15.

[3]) Ibid. 25. Въ Новгор. Черепов. *порозной* (порожній)—Жив. Стар. 1894. Тотъ-же номеръ, гдѣ и Вологод. Вел. Устюгъ.

[4]) *Соболевскій*. ib. III. 10.

[5]) Ibid. IV. 33.

[6]) Ibid. IV. 46.

[7]) О звукѣ *ц* (ts) см. очень интересную статью въ Indogerm. Forschungen. IV. 1894. Ss. 341—351. *Braune*. «Germanisches *ss* und die Hessen». «Die Verbindung *ts* entsteht gern *durch Affrikation* aus t»... «Die Gruppe *ts* ist also die recht eigentliche Affrikata zu *t*. Межзубной t (inter dental)—см. *Brugmann* Morph. Untersuch. III. 133. 131. ff. Я думаю то-же можно сказать о звукахъ *дз* (ѕ) и его видоизмѣненіи *дж* (ђ)

водили, конечно, очень многихъ данныхъ, касающихся *цоканья* и *чеканья*, изъ *раннихъ* памятниковъ др. русской письменности, такъ какъ данныя для мѣны *ц* и *ч* уже давно трактуются въ разныхъ изслѣдованіяхъ и общихъ курсахъ, между тѣмъ какъ смѣшеніе звуковъ *з* и *ж*, *с* и *ш* менѣе наблюдалось, и этотъ отдѣлъ страдалъ даже отсутствіемъ необходимыхъ примѣровъ изъ источниковъ [1]).

Обозрѣвъ вкратцѣ эти *средніе* звуки въ изслѣдуемыхъ нами говорахъ, невольно замѣчаешь, кàкъ тѣсно сближаются другъ съ другомъ даже въ наше время говоры одного нарѣчія, нарѣчія одного языка и языки одной семьи. Это служитъ надежнѣйшимъ ручательствомъ за то, что мы вправѣ искать для отдаленнаго прошлаго этихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ одного общаго предка, изъ котораго бы можно было вывести современныхъ намъ потомковъ. Напримѣръ, такія произношенія въ русскихъ говорахъ, какъ: з^жима́, з^жимо́й (выше), при сравненіи съ произношеніемъ zima въ славянскихъ нарѣчіяхъ, конечно, указываютъ какъ-будто на *средній* звукъ въ этомъ словѣ только для діалектовъ общерусскаго языка [2]), между тѣмъ какъ въ общеславянскомъ здѣсь надо признать, вѣроятно

---

[1]) Здѣсь мы не приводили данныхъ, очень интересныхъ, напр., изъ: Стихираря 1157 г., Русской Правды (по сп. 1282 г.), Минеи 1096 г., Милятина Ев. 1215 г., Сказанія о Бор. и Глѣбѣ по Сильв. сп., изъ Моисеева Ев. 1355 г. и друг. Замѣтимъ однако Поликарпово Евангеліе 1307 г. (гал.-вол.): наполни гоубоу ѿчта—85 об. 109. *Буслаевъ*. Матеріалы... *Соболевскій*. Очерки изъ ист. р. языка. Стр 39 (смѣшеніе *з* и *ж*).

[2]) Для діалектовъ общерусскаго языка нельзя не признавать такихъ среднихъ звуковъ въ виду свидѣтельства многихъ русскихъ говоровъ. См. выше. Сравни замѣчаніе *Колосова* о вятскомъ говорѣ: (Замѣтки... ib. Стр. 225): «янсьница, дивисьник». «Иногда мнѣ казалось, что я слышу вмѣсто ожидаемой мягкости нѣкоторыхъ согласныхъ твердость ихъ и наоборотъ. Такъ, *т* въ *пять* слышалось мнѣ (м. Чепца) мягче, чѣмъ *тъ*, и тверже, чѣмъ *ть*; *с* въ сейцас', хорошос', вчерас' (=хорошо-съ, вчера-съ)—тверже *сь*, мягче *съ*». Здѣсь-же. зелѣзной, рогозка—Стр. 226. Слово «зелѣзный» принадлежитъ къ такимъ же, какъ: зе́мчукъ, Суздаль, чепь, ше́рый и проч. См. выше. Срв. въ пѣснѣ Вят. губ. у *Колосова*—по земчужинкѣ—Стр. 252. Крыша зелѣзная—263. безвѣшно—въ сказкѣ—ib. 279. Въ муромскомъ: салаш, ошмѣлился—ib. 299. Въ Вологод. губ.—ib. Стр. 330. Суф.—*ьск*, какъ и въ

звукъ *г* (изъ общеиндоевроп. g'h—средненебнаго), но я не знаю, такъ-ли это и вполнѣ-ли это вѣрно: при такомъ признаніи мы, кажется, не принимаемъ въ расчетъ того обстоятельства, что и въ слав. языкахъ звукъ *г* въ такихъ словахъ *не вездѣ одинаковой мягкости*, а литовскій языкъ прямо указываетъ на то, что въ немъ этотъ звукъ былъ полученъ съ большей мягкостью, чѣмъ въ славянскихъ языкахъ (žĕmȁ). Срв. степень мягкости звука *г* въ слав. языкахъ въ словѣ *zemja и *zemeⁱa и литов. ž въ словѣ žĕmė. Въ настоящее время, мнѣ кажется, необходимымъ признавать для прарусскаго языка звука *з*^ж' или *ж*^з' при *з'*, *ж'*, звуки *с*^ш' или *ш*^с' при *с'* и *ш'*, звуки *ц*^ч' или *ч*^ц' при *ц'* и *ч'*, причемъ послѣдніе два звука: *ч* и *ц* относятся къ простымъ звукамъ *с* и *ш*, какъ слитные съ ними и зубнымъ мгновеннымъ глухимъ *т*, т е. это *аффрикаты*, какъ и звуки *д*^з', *д*^ж' при *д*, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. По отношенію къ зубнымъ звукамъ мы уже признаемъ въ общеславянскомъ языкѣ двойной типъ ихъ мягкости: ƀj и ƀlⁱ и т. д., по отношеніи къ зубнымъ *d* и *t* мы тоже должны признавать еще въ общеславянскомъ и ѕ и ц (ћ), съ одной стороны, и *д*^ж (ђ) и *т*^ш (ч), съ другой, равно и по отношенію къ звукамъ *с*, *з* это признаніе необходимо: были звуки: *с'* и *с*^ш', *з'* и *з*^ж'. При этомъ въ ближайшемъ будущемъ, вѣроятно, опредѣлятся и тѣ условія, при которыхъ появлялись звуки *средніе* и звуки *простые*: надо прослѣдить, при какихъ условіяхъ въ родственныхъ языкахъ появлялась *различная* мягкость одного и того-же согласнаго, и изъ какого согласнаго звука праязыка слѣдуетъ выводить тѣ звуки родственныхъ языковъ, которые, не отличаясь въ нихъ своей природой, отличаются только степенью мягкости, иногда доходящей до крайней степени и граничащей съ измѣненіемъ самаго качества звука. Всѣ эти *средніе* звуки, конечно, получаются при смягченіи, т. е. относятся къ группѣ общеславянскихъ *смягченныхъ*: с (ц), ѕ (дз), č (ч), ǧ (дж), čtⁱ (т'ш'т'—чт'), ǧdⁱ (джд'), šč (ш'т'ш'), žǧ (жджʼ) и, вѣроятно,

---

нашихъ говорахъ, мы видимъ у *Колосова* въ различныхъ говорахъ, преимущественно, въ вятскомъ и муромскомъ—см. стр. 225. 298. 299. 327. 20. Діалект. *твѣтъ* и *свѣтъ* при *цвѣтъ* и *чвѣтъ* (*швѣтъ?) доказываютъ происхожденіе звука *ц*

составляютъ *особаго рода* звуки s^i (с^ш), $š^i$ (ш^с), z^i (з^ж), $ž^i$ (ж^з), c^i ($t+s^i$; ц^ч), $č^i$ ($t+š^i$; ч^ц). Особое s^i признается лингвистами, что же касается особыхъ $š^i$, z^i, $ž^i$, c^i, $č^i$, то они еще не изслѣдованы [1]).

Переходимъ къ звуковой группѣ жд. Въ той же VII-ой главѣ I-ой части мы видѣли разные рефлексы въ произношеніи звуковой группы *жд* разнаго происхожденія въ нашихъ говорахъ. Мы указали тамъ па произношеніе двойного твердаго *жж*, двойного мягкаго *ж'ж'* и остановились съ особеннымъ вниманіемъ на произношеніи звуковъ *жд* (изъ жьд-) въ словѣ „*ждать*" съ его формами въ нашихъ касимовскихъ говорахъ. Мы видѣли произношеніе: жжáть и съ разными звуковыми оттѣнками. Оказывается, что параллели къ этому произношенію есть. Подобное произношеніе слова „ждать" стоитъ вовсе не особнякомъ, какъ оказывается, въ нашихъ говорахъ: оно извѣстно и въ Нижегородской губерніи [2]). Въ Смоленской губерніи, въ *не цокающихъ* говорахъ Смоленскаго, Ельнинскаго, Порѣцкаго, Духовщинскаго, Бѣльскаго и Рославльскаго уѣздовъ, составляющихъ въ діалектологическомъ отношеніи *одно цѣлое* [3]), группа *жд* переходитъ въ *жж*: жжи = жди, жжешъ = ждешь [4]). Эта группа говоровъ *не знаетъ дз* и *ц* (изъ *т'*) и сильно акаетъ, между тѣмъ какъ наши говоры знаютъ и *жж* изъ *жд* и въ то-же время знаютъ *дз*, *т*^{с} (почти *ц* изъ *т'*. См. ниже), знаютъ *д*^{ж} (ђ), *с*^{ш} (ç), *з*^{ж} и *цокаютъ* или употребляютъ *средній* звукъ *ч*^{ц} (*ц*^{ч}). Затѣмъ и группа Смоленскихъ говоровъ не цокающихъ знаетъ *ў* вмѣсто *в* и *л*, и наши говоры знаютъ это *ў*, какъ отчасти мы видѣли выше и какъ увидимъ ниже, въ отдѣлѣ *губныхъ* звуковъ. Это

---

[1]) Срв. у *Шахматова*. Лекціи по р. языку, чит. въ Моск. Унив. 1890—91 г. Стр. 118 (литогр.).

[2]) См. *Б. М. Ляпунова*. Нѣсколько словъ.... Спб. 1894. Стр. 24—25. См. также «Поправки и дополненія» въ концѣ брошюры со ссылкою на мой «Отчетъ». Стр. 36. Я тоже согласенъ съ *Ляпуновымъ*, по крайней мѣрѣ, для говоровъ Касим. края, что форма жжóт и под. изъ жджёт. Срв. выше въ текстѣ: «паӂджыдáли» и др. Въ нашихъ говорахъ, вѣдь, есть звукъ *д*^{ж} (ђ). Точно такъ-же нашу форму: *ѣ́жджу* (Андроново) я объясняю изъ *ѣ́ждю* черезъ ѣ́жд^{ж}ю — ѣ́жджю — ѣ́жджу.

[3]) *Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. III. 13.

[4]) *Соболевскій*. ibidem.

обстоятельство сходства и крупнаго различія между нашими говорами и бѣлорусскими смоленскими весьма важно въ томъ отношеніи, что устраняетъ совершенно предположеніе о томъ, что наши говоры образовались изъ какихъ либо западно-русскихъ послѣ переселеній. Сравнительно съ сѣверно-русскими говорами наши говоры также имѣютъ такія особенности (*жж*, *ц* изъ *т'*, $т^{ш}$ изъ *т'*, $д^{ж}$, $з^{ж}$ и друг.), какихъ мы не находимъ въ сѣверно-русскихъ или находимъ, какъ рѣдкость. Слѣдовательно, нельзя видѣть въ поселенцахъ или жителяхъ Касимовскаго края ни бѣлоруссовъ (вѣрнѣе: западныхъ русскихъ), ни сѣверно-великороссовъ, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ мѣстъ, говоръ которыхъ намъ извѣстенъ по настоящее время. Напротивъ того, можно съ извѣстной степенью вѣроятности подымать вопросъ о разселеніи племенъ изъ центральной Россіи, изъ тѣхъ мѣстностей, говоръ которыхъ мы теперь изучаемъ и говоръ которыхъ, вѣроятно, въ древности слышался на берегахъ Оки по всему ея протяженію (см. выше), въ западныя края Россіи, а, можетъ быть, и на востокъ по рѣчной системѣ Оки, Волги, Камы, Вятки, и послѣднее становится тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ мы глубже вникаемъ въ современную намъ діалектологію. Въ самомъ дѣлѣ, допустить, что нѣкоторые звуки пропали на западѣ послѣ выселенія туда нѣкоторыхъ русскихъ племенъ изъ центра, легче, чѣмъ допустить появленіе *новыхъ* звуковъ, которые сами по себѣ и при сравненіи различныхъ русскихъ говоровъ указываютъ на свою древность; кромѣ того, появленіе такихъ звуковъ, какъ deus ex machina, въ нашихъ говорахъ точно такъ же невозможно. Есть еще одно обстоятельство, говорящее въ пользу *особыхъ при Окскихъ говоровъ* въ древности, сохранившихся частью въ нашихъ говорахъ Касимовскаго края, это—то, что наши говоры при сравненіи оказываются довольно близкими *по своему консонантизму* къ говорамъ Муромскаго (и Меленковскаго?) уѣзда Влад. губерніи, но эти послѣдніе *окаютъ* (кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ деревень и селъ въ Меленковскомъ уѣздѣ), а наши *акаютъ*. Быть можетъ, Муромо-Рязанская земля, какъ политическое цѣлое, имѣла когда-либо и *одинъ говоръ*, принадлежавшій по своему вокализму къ типу *умѣренно акающихъ* говоровъ, т. е. къ типу говоровъ, въ которыхъ былъ звукъ $о^{а}$ въ положеніи безъ ударенія, тогда возможно будетъ представить себѣ раздѣленіе этого общаго говора (*съ нашимъ консонантизмомъ*) на двѣ вѣтви въ эпоху образованія *аканья*: на окающую, въ

которой звукъ *о* взялъ перевѣсъ, и ȧкающую, въ которой взялъ перевѣсъ звукъ *а*, или оттѣнокъ *а*. Конечно, странно, что письменность намъ не сохранила ничего достовѣрнаго насчетъ говора древнихъ русскихъ племенъ этого края, въ частности насчетъ говора *вятичей*, но мало-ли чего не сохранили намъ памятники письменности *относительно языка*, а, съ другой стороны, нѣкоторыя крупицы мы находимъ даже и въ письменности (см. выше) въ пользу нашего предположенія, не говоря уже о свидѣтельствѣ современныхъ говоровъ, которые на нашъ взглядъ, очень *многое* даютъ намъ для построенія нашего предположенія о говорѣ *вятичей*.

Прежде, чѣмъ перейти къ слѣдующей главѣ о звукахъ зубныхъ *д* и *т*, я подведу итогъ всему тому, что сдѣлано мною въ этой главѣ о звукахъ *среднихъ* и *слитныхъ* смягченныхъ передне-небныхъ и зубно-передне-небныхъ.

Мы видѣли выше, что на пространствѣ сѣверныхъ, среднихъ, западныхъ и частью южно русскихъ говоровъ чередуются нынѣ *въ нѣкоторыхъ словахъ* звуки: *ч* и *ц*, *ж* и *з*, *ш* и *с*; въ этихъ словахъ мы выше признали остатки древне-русскаго *средняго* произношенія звуковъ *ч*^{ц} (*ц*^{ч}), *ж*^{з} (*з*^{ж}), *ш*^{с} (*с*^{ш}), которые были въ языкѣ еще въ прарусскую эпоху. Къ такимъ словамъ принадлежатъ слова: цѣпь и чепь, желѣзо и зелѣзо, шерый и сѣрый (быть можетъ, шизый и сизый). Мы видѣли также, что звуки *ц* и *ч* нынѣ находятся на пространствѣ всего русскаго языка, но *съ различной мягкостью* по говорамъ: то *ц*—мягкое, то—полумягкое, то—твердое [1]); въ тѣхъ говорахъ, гдѣ до сихъ поръ *ц*—мягкое мы обыкновенно замѣчаемъ его чередованіе съ *ч*, т. е. *чёканье*; само-же *ц* отвердѣваетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно не стоитъ передъ мягкимъ согласнымъ, т. е., въ большинствѣ случаевъ, гдѣ это *ц* не получилось изъ задне-небнаго звука. Эти случаи твердаго *ц* (напр., въ глаголахъ, гдѣ получилось окончаніе:—тца,—тцы...), естественно, повлекли за собой отвердѣніе и мягкаго *ц*; явилась возможность замѣны не только мягкаго *ц* звукомъ *ч*, но и твердаго; звукъ *ч* самъ сталъ діалектически твердѣть, что̀ стоитъ въ связи съ судьбой близкаго къ нему звука *ц* [2]).

---

[1]) См. примѣчаніе 1 на слѣдующей страницѣ.

[2]) Звукъ *ч* твердѣетъ въ Новгор. губ. *Колосовъ*. Замѣтки. ibid. 19. Срв. наши говоры Ряз. губ. въ текстѣ выше о звукѣ *ч*.

Аналогія полная замѣчается и въ судьбѣ звуковъ *с* и *ш*, *з* и *ж*: они съ теченіемъ времени стали чередоваться и въ твердыхъ слогахъ, но еще на памяти исторіи, въ памятникахъ письменности, они были звуками *мягкими* въ извѣстныхъ случаяхъ и сочетаніяхъ (*ж* и *ш* всегда, а *з* и *с* въ извѣстныхъ случаяхъ: *пользя*, *вьсѧ* при *вьса*. Срв. др. польское wsza; wszego и wszej, wszemu и друг. См. *Kalina* Histor a języka polskiego. Lwów. 1883. Стр. 255. 260. 262. 265 и др.)). Нѣкоторые древне-русскіе говоры въ памятникахъ своей письменности сохранили на письмѣ доказательства того, что писцы затруднялись во многихъ случаяхъ постановкою *з* и *ж*, *с* и *ш* (памятники псковскаго письма). Въ древности говоровъ со средними звуками было гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ; къ такимъ говорамъ принадлежали и говоры бассейна рѣки Оки и говоры нынѣшней Смоленской и западныхъ сосѣднихъ губерній (см. Смоленскую лѣтопись). Съ теченіемъ времени говоровъ со средними звуками осталось немного вслѣдствіе массы случаевъ отвердѣнія или органически твердыхъ въ языкѣ звуковъ *ц* и частью *ч* (изъ сочетаній *т*+*с* въ словахъ и *т*+*ш* въ словахъ: см. глагольныя формы и случаи вообще исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь* между этими согласными), звуковъ *з* и *с* и частью *ж* и *ш*, начавшихъ твердѣть очень рано. Въ настоящее время есть повсемѣстно почти слѣды существованія мягкихъ среднихъ звуковъ [1]), а потому они должны быть

[1]) Мы сдѣлали слѣдующее наблюденіе въ различныхъ русскихъ говорахъ по печатнымъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ: a) есть говоры, въ которыхъ звукъ *ц* до сихъ поръ сохранился мягкимъ: въ этихъ говорахъ, по преимуществу, изслѣдователи отмѣчаютъ и *чёканье*, и *средніе* звуки (чц, цч или мѣну *с* и *ш*, *з* и *ж*); b) есть говоры, въ которыхъ звукъ *ц* рядомъ и *мягокъ* и *твердъ*, т. е. на пути къ отвердѣнію, какъ и звукъ *ч*. Въ этихъ говорахъ *чёканье* встрѣчаемъ рѣже, звуки средніе—также; c) есть, наконецъ, говоры, въ которыхъ звукъ *ц* отвердѣлъ. Въ этихъ говорахъ замѣчательно то, что имъ извѣстно также *чёканье* и *средніе* звуки, т. е. эти говоры, стало быть, употребляютъ *ч* мягкое (чёкаютъ) вмѣсто *ц* твердаго, слѣдовательно, измѣняютъ самый характеръ согласнаго звука. Такое явленіе, какъ *чёканье* и *средніе* звуки въ говорахъ съ *твердымъ ц*, доказываетъ собой, что нѣкогда и въ этихъ говорахъ звукъ *ц былъ мягкимъ*, когда и понятно было чёканье въ нихъ и средніе звуки. Процессъ отвердѣнія звука *ц* въ діалектахъ извѣстенъ; звукъ *ц* раньше звука *ч* началъ твердѣть въ этихъ говорахъ, т. к. въ русскомъ языкѣ вообще были примѣры твердаго *ц*, получавшагося еще

признаны въ томъ или другомъ произношенiи звуками прарусской эпохи. Эти звуки сближаютъ въ отдаленнѣйшiя эпохи жизни русскую вѣтвь съ вѣтвью другихъ славянскихъ языковъ и позволяютъ возводить существованiе такихъ звуковъ къ эпохѣ общеславянской (См. между прочимъ соч. *Лаврова*. Обзоръ звуковыхъ и форм. особен. болгарскаго яз. М. 1893. Стр. 95—96).

въ эпоху исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь* или вскорѣ послѣ нея въ глагольныхъ окончаніяхъ, особенно въ тѣхъ говорахъ, гдѣ звукъ *т* въ 3-хъ лицахъ глаголовъ былъ твердымъ; твердость звука *т* сообщилась и слѣдующему мягкому звуку *с*, откуда изъ:—т (ь, ъ)+с'а (въ оконч.—тьсѧ) получилось—тса, или, что̀ то же,—ца и—тца. Подобныя сочетанія въ ушахъ говорящихъ звучали съ твердымъ *ц*, и это я считаю началомъ отвердѣнія звука *ц* въ русскихъ говорахъ. Такимъ образомъ, прарусское мягкое *ц* и *средніе* звуки съ начала исторической эпохи (или даже раньше) уживались уже съ твердымъ *ц* въ различныхъ немногихъ случаяхъ. Дальнѣйшая судьба основного прарусскаго средняго звука *ц*ч (чц), связанная тѣсно съ судьбой другихъ среднихъ звуковъ (см. выше), была однородна у всѣхъ среднихъ звуковъ: мало-по-малу появилась возможность замѣны твердаго *ц* мягкимъ *ч*, вслѣдствіе того, что рядомъ существовали формы съ мягкимъ *ч* и твердымъ *ц* которое, какъ мы сказали, отвердѣло гораздо раньше звука *ч*. Вотъ примѣры на группу говоровъ *а* и группу *с*: къ говорамъ группы *а* принадлежатъ говоры: *Новгородскій* (Колосовъ ib. 18—19. 121. Даль. ib. XLVI); *Олонецкій*, въ которомъ звукъ *ц тверже* Новгородскаго, и при этомъ чёканье—*рѣже* (Колосовъ. 121. 122); *Вятскій* (Колосовъ. 224. 225. 226. 252. 263. 279. мѣна *з* и *ж*, *с* и *ш*. Даль. L. Соболевскій. Жив. Ст. ib. II. 20. 21. 22); *Вологодскій* (Колосовъ. 329. 330. 331. *з—ж*, *с—ш*. Соболевскій. ib. II. 15. 16. 17. Даль, XLIX. См. здѣсь объ оконч. неопр. накл.); *Нижегородскій* (Даль. LVII); *Архангельскій* (Даль. LII. Соболевскій. ib. II. 14—15). *Это—говоры съ мягкимъ ц и. рядомъ съ чёканьемъ и средними звуками.* Къ группѣ говоровъ *с* принадлежатъ говоры: прежде всего говоры бассейна р. Оки (др. русскіе Вятичи): *Калужскій* (Даль. LXIII.), *Рязанскій* (сохранился около Касимова. Даль. LXII), *Тамбовскій* (Даль. LVII. LXV), *Владимирскій* (Даль. LIV. *с—ш*: «ясной пирогъ»=яшной пирогъ (ячной); «яшно на небѣ»=ясно на небѣ... Звукъ *т*ш въ Вязникахъ—ib. LV. «Молосное»=молошное (молочное); «пости́»=пошти́ (почти́); «свѣты» и «твѣты». Этимъ произношеніемъ обнаруживается составъ звуковъ: ч=т+ш (ш=с) и ц=т+с (с=ш), откуда: при пот'ш'ти́—пот'с'ти́—пос'ти́ и пош'ти́; при т'с'вѣты́—т'ш'вѣты́ (чвѣты́)—т'вѣты́ и с'вѣты́—*ш'вѣты́. Это мы имѣемъ въ Меленков. Муром. Вязников. Ковров. Шуйск. Суздальскомъ у.у.—ib. LV. Срв. Соболевскій. ib. II. 19. Колосовъ. ib. 300 и прим. 1. а также 299); *Нижегородскій* (Даль. LVII. Соболевскій II. 19. Срв. также *Ляпу-*

Глава V-ая.

Зубные звуки.

Въ этой главѣ насъ будутъ интересовать *мягкіе* зубные звуки *д* и *т*, которые представляютъ особенность въ произношеніи нашихъ касимовскихъ говоровъ. Извѣстно, что всѣ славянскіе языки по результатамъ измѣненій первоначальныхъ сочетаній *dj* и *тj* можно раздѣлить на двѣ группы, изъ коихъ въ одной группѣ, по преимуществу, въ юго-восточной группѣ языковъ, получились въ результатѣ звуковыхъ измѣненій основныхъ *dj* и *tj* шипящіе звуки, а въ другой, по преимуществу, въ сѣверо-западной,—свистящіе. Такое различіе въ результатѣ звуковыхъ измѣненій основныхъ общеславянскихъ *dj* и *tj* по нарѣчіямъ можно себѣ объяснить тѣмъ, что общесл. *dj* и *tj* еще въ общеславянскомъ языкѣ, надо полагать, измѣнились въ $d^{i}d^{i}$ и $t^{i}t^{i}$, откуда также еще въ общесл. языкѣ получалось $\check{g}d^{i}$ и $\check{c}t^{i}$. Въ старосл. яз. $\check{g}$ измѣнилось въ $\check{z}$, а—$\check{c}$—въ $\check{s}$, такъ что получились: $\check{z}d^{i}$ (жд) и $\check{s}t^{i}$ (шт), между тѣмъ какъ въ группѣ западно-слав. языковъ общесл. $\check{c}t^{i}$ измѣни-

нова Указ. Соч. См. карту). Вотъ это—говоры, которые можно считать съ большою вѣроятностью потомками древнихъ Вятичей и изъ нихъ Рязанскій—Касимовскій самый типичный. Въ виду большаго сходства съ нимъ, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ говоромъ, говора Вятскаго, мы признаемъ нынѣшнихъ Вятчанъ выселенцами съ береговъ Оки въ нынѣшнюю Вятскую губернію (См. здѣсь ниже). Далѣе идутъ говоры сѣверные, принадлежащіе къ группѣ *с*: *Костромской* (Даль. LVI.), *Ярославскій* (Даль. LVI. Соболевскій. II. 17—18), *Тверской* (XLVII стр. у Даля и XLVIII. Соболевскій. II 17.); *Новгородскій* (Даль. XLVI. Соболевскій. II. 10—12. Колосовъ. ib. 19). *Вятскій* (Колосовъ. 224. Даль. L. Соболевскій. II. 20—22), *Псковскій* (Даль. XLIX. Соболевскій. I. 23—24), наконецъ, западно-русскіе говоры *Смоленской*, *Гродненской* и *Люблинской* губерній (Соболевскій. ib. III. 10. 11, IV. 33. 46). Говоръ *Сибири* составился тоже изъ поселенцевъ съ такимъ произношеніемъ (См. Соболевскій. ib. II. 25. Даль. LXI). Нынѣшніе малорусскіе говоры принадлежатъ вообще къ говорамъ, въ которыхъ сохранилось *мягкое ц*, но слѣды среднихъ звуковъ (чёканье) почти исчезли (вспомнимъ: цуратися и чуратися, причепитися...), оставивъ по себѣ воспоминаніе въ памятникахъ древней письменности (изрѣдка) и въ нѣсколькихъ словахъ современной рѣчи (см. выше); но и въ млр. говорахъ, какъ мы видѣли выше, звуки *ц* и *ч* уже встрѣчаются мѣстами съ *твердымъ* произношеніемъ.

лось въ c^ic^i, откуда c^i и затѣмъ *c*; точно такъ-же группа $\check{g}d_i$ здѣсь измѣнилась въ $ʒ^iʒ^i$ (при z^iz^i), откуда $ʒ^i$ (при z^i) и затѣмъ ʒ (дз) при z. Наоборотъ, въ прарусскомъ яз. общеславянская группа $\check{g}d^i$ измѣнилась въ $\check{g}\check{g}$, откуда $\check{g}$ при прарусскомъ же ž, а група $\check{c}t^i$ измѣнилась въ čč, откуда затѣмъ—č. Такъ объясняетъ это явленіе *Ф. Ѳ. Фортунатовъ*. Срв. у *Соболевскаго*. Древній церковно-славянскій языкъ. М. 1891. Стр 119—120. Объясненіе, на нашъ взглядъ, страдаетъ большою натяжкою, будто въ группахъ *дj* и *тj*—j перешелъ въ мягкія *г* и *х*, т. е. получилось: *дг' тх'*, откуда: *дж* и *тш* Что касается процесса образованія стрслв. *жд* и *шт* при посредствѣ сначала ассимиляціи, а потомъ вторичной диссимиляціи, то такое объясненіе, конечно, должно быть признано неудачнымъ. Звуки *дз* и *тс* (ц) русскихъ нарѣчій, соотвѣтствующіе основнымъ *дj* и *tj*, а также—основнымъ *д'* и *t'*, нынѣ, съ открытіемъ такихъ звуковъ въ касимовскихъ говорахъ, должны нѣсколько видоизмѣнить наши прежнія представленія относительно консонантизма русскихъ нарѣчій вообще.

Извѣстно, напримѣръ, что мы имѣемъ звуки $д^з$ (ʒ) и $т^с$ (*ц*) мягкіе въ различныхъ бѣлорусскихъ говорахъ: въ Витебской, Смоленской, Тверской, Виленской, Могилевской, Минской, Гродненской, Черниговской губерніяхъ [1]); эти звуки находятся какъ въ цокающихъ говорахъ названныхъ губерній, такъ и въ не цокающихъ, слѣдовательно, цоканье въ современныхъ намъ говорахъ Бѣлоруссіи не стоитъ въ прямой связи съ звуками $д^з$ и $т^с$. Во многихъ изъ этихъ бѣлорусскихъ говоровъ рядомъ со звуками $д^з$ и $т^с$ имѣются и звуки $д^ж$; такъ, въ Виленской, Витебской, Могилевской, Минской губерніяхъ почти во всѣхъ уѣздахъ слышенъ звукъ $д^ж$ [2]). Въ Гродн. губ. и уѣздѣ мы, напр., находимъ: зачаў поиць, яна стала падаци, ажно́ бачиць (3 л. ед. ч.), ходзяць свиньня, цяперъ будзе, дзѣ (=гдѣ—дѣ); въ Витеб. губ. и уѣзда находимъ: одзинъ, дзялиць, будзиць (3 л. ед. ч.), ў дзиреўню, видзиць (3 л. ед. ч), дзирку, глядзиць (3 л. ед. ч.), за якимъ дзѣлымъ, ў людзёхъ, биць, хуваць и друг.; въ Лепельск. у. той-же губерніи, напр., говорятъ: видзѣў, дзѣ (=гдѣ, дѣ),

[1]) См. *Соболевскаго*. Жив. Стар. 1892. Вып. III. Стр. 7—29 passim.
[2]) Ibidem. Стр. 11. 12. 14. 21. 22. 25. 29.

новадзилися (свиньни), биць, лупиць—неопр. н., говядзину, судзицца, водзицца—неопр. н., будзь—пов. н., у цябе и друг.; въ Минск. губ. Борисовск. у. слышимъ: охрисцимъ (=окрестимъ), вядзи., пдзе—3 л. ед. ч., уцѣху—вин. п. ед. ч., кажуць—3 л. мн. ч., згодзилися, перекусицъ—неопр. н., будземъ, разказаць—неопр. н., бачиць, бяжиць—3 л. ед. ч., шарсьцинка (шерстинка), ляциць—3 л. ед. ч., гнiюць—3 л. мн. ч., нявидзимо и друг.; въ Смоленск. губ. Бѣльск. у. встрѣчаемъ выговоръ: укусиць—3 л. ед. ч., отведзи, Господзи, по пуци, скоцину, дзень, будзець, сцеколушко, лошадзь, дзереву, скакаць—неопр. н. и друг. [1]). Въ Гродненской губ. Пружан. у. мы находимъ звукъ *д*ᶻʰ: гляджу—1 л. ед. ч., при *дз* и *т*ˢ: ведзiе—3 л. ед. ч., медвѣдзя, будзе, цече—3 л. ед. ч. (=течётъ), дзятлы и друг. Въ Минской губ. Рѣчиц. у. также: обгороджуся—1 л. ед. ч., при: ходзи, косьци (сущ.), пойдзець, рубиць, ѣдзя, дзѣцей (вин. п. мн. ч.) и мн. друг. [2]). То-же мы имѣемъ и въ малорусскихъ говорахъ Черниговской губерніи, гдѣ мы имѣемъ и *д*[з] и *д*[ж], Полтавской губ., гдѣ тоже находимъ и *д*[з] и *д*[ж], Волынской губерніи, гдѣ есть и *д*[з] и *д*[ж], Минской губерніи—*д*[з] и *д*[ж], въ говорахъ Угорскихъ—*д*[з] и *д*[ж], въ говорахъ Галиціи—*д*[з] и *д*[ж], въ говорѣ галицкихъ русиновъ (лемковъ)—*д*[з] и *д*[ж] [3]). Кромѣ того, звукъ *д*[з] и *т*[с] находимъ въ говорахъ Волынской, Минской, Гродненской и Буковины [4]), а звукъ *д*[ж] находимъ въ говорахъ Кіевской, Волынской, Гродненской, Сѣдлецкой губерній, въ говорахъ Галиціи, у Лемковъ, у Бойковъ (и *д*[з]), у Гуцуловъ [5]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что слитные звуки *д*[з], *т*[с], *д*[ж] (ѕ, ц, ћ, ђ) вмѣсто основныхъ *д'* и *т'* или *дј* и *тј* въ предѣлахъ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій могутъ считаться своими родными звуками. Если мы внимательнѣе всмотримся и вслушаемся въ говоры остальной части русскаго пле-

---

[1]) *Шейнъ*. Матеріалы... II. Спб. 1893. Стр. 185. 232, 233. 335. 378. 553 и др. Послѣдніе два говора (Минск. Борисовск. и Смоленск. Бѣльск., кромѣ того, *цокающіе*).

[2]) *Шейнъ*. ib. Стр. 251. 547. Срв. 285. (Въ послѣднихъ говорахъ есть и мѣна *з* и *ж*.).

[3]) *Соболевскій*. Жив. Стар. 1892. IV. 15. 17. 22. 23. 25. 38. 49. 54.

[4]) *Соболевскій*. ib. IV. Стр. 26. 32. 33. 53.

[5]) *Соболевскій*. ib. IV. Стр. 18. 19. 28. 34. 35. 36. 47. 56. 58. 59. 60.

мени, въ говоры великорусскіе, то мы найдемъ и услышимъ и здѣсь эти-же слитные звуки: такъ, въ акающихъ говорахъ *Черниговской* губерніи мы слышимъ звукъ $д^{ж}$ [1]), въ акающихъ говорахъ *Псковской* губерніи звуки *д* и *т* „съ свистящимъ оттѣнкомъ" [2]), въ *Тверской*, *Ярославской* и *Нижегородской* губерніи мы находимъ звуки $д^{з}$ и $т^{с}$ [3]), наконецъ, въ *Поволжскихъ* губерніяхъ ниже Нижегородской мы тоже имѣемъ эти звуки. Наши говоры *Рязанской* губерніи тоже знаютъ всѣ эти звуки, какъ увидимъ ниже и какъ мы видѣли отчасти выше [4]). Слѣдовательно, всѣ эти звуки должны считаться идущими отъ глубокой древности, когда они, конечно, принадлежали если не всему прарусскому языку, то, по крайней мѣрѣ, его діалектамъ. Если мы къ этому присоединимъ еще указанія *Даля*, который говоритъ, что звуки $д^{з}$ и $т^{с}$ слышны въ различныхъ уѣздахъ *Новгородской* губерніи, напр., въ *Бронницкомъ*, гдѣ говорятъ: „не разбогатсіемъ", въ *Боровичскомъ*, гдѣ мы слышимъ: „за дзерево циной сойдзе́мси", „тсяни́", „тсипунъ тсебѣ"!, въ *Череповецкомъ*: „дзеньги", въ *Новгородскомъ*—„ходзимъ" [5]), въ различныхъ уѣздахъ *Тверской* губерніи, напр., въ *Торжковскомъ*, гдѣ, большею частью, говорятъ по-московски, но съ дзеканьемъ: „идзи в дзеревню", „онъ тсише тсебя ходзитъ", „родзютъ", „ходзютъ", въ *Корчевскомъ*, гдѣ мы слышимъ: „видзѣу" = видѣлъ, въ *Зубцовскомъ*: „путсёмъ", „бачюшка" (звукъ $т^{ш}$), „страцилъ" (= истратилъ), въ *Ржевскомъ*: говóрюць, въ *Осташковскомъ* и *Весьёгонскомъ*—„ѣдзь" (= поѣзжай) и т. п., далѣе эти звуки, по указанію *Даля*, находимъ во *Владимирской* губерніи въ *Шуйскомъ* у., въ *Судогодскомъ*, въ *Вязниковскомъ*, гдѣ вмѣсто $т^{с}$ мы слышимъ и $т^{ш}$ и $д^{з}$: тшарь, натшальникъ, тшерковь, дзеньги, въ *Меленковскомъ*—глядицъ и друг., въ *Ярославской* губ. *Мологскаго* у., въ южныхъ уѣздахъ *Нижегородской* губерніи, наконецъ, *Калужское зля* само указываетъ на *дзля* (сравни Бѣлевск. *здля*) изъ *д'ля* (наше: *для*, стрсл. дѣлꙗ); эти же звуки мы

---

1) *Соболевскій.* ib. I. 20.

2) Ibid. I. 24.

3) Ibid. II. 17. 19.

4) См. также нашъ «Отчетъ». Стр. 36—37 и слѣд.

5) *Даль.* О нарѣчіяхъ. XLVI.

имѣемъ и въ *Пензенской* губерніи [1]); если, я говорю, мы примемъ во вниманіе и эти указанія, то увидимъ, что наше дѣленіе великорусскихъ говоровъ на *окающіе* и *акающіе*, на сѣверные и южные, страдаетъ неточностью, именно, въ томъ отношеніи, что въ основаніе этого дѣленія принятъ *только одинъ признакъ изъ области гласныхъ звуковъ*—неударяемое *о* или *а*. Почему не принятъ въ расчетъ консонантизмъ? Консонантизмъ говоровъ также имѣетъ всѣ права на вниманіе: онъ еще болѣе устойчивъ, чѣмъ вокализмъ, который гораздо легче теряетъ свои оттѣнки при соприкосновеніи съ посторонними элементами. По указанію Даля подъ самой Москвой дзекаютъ, подъ Можайскомъ уже слышится бѣлорусская рѣчь, слѣдовательно, если признавать безпристрастно какой-либо говоръ *смѣшаннымъ*, то, именно, говоръ Москвы, гдѣ сошлись разные элементы, и такъ это и признаетъ *Шахматовъ* въ своихъ „Лекціяхъ“. Мы видѣли на основаніи разбора консонантизма русскихъ современныхъ говоровъ, что дѣленіе говоровъ на *сѣверно и южно-великорусскіе по одному* признаку, по произношенію *одного* неударяемаго звука *о*, несостоятельно. Въ самомъ дѣлѣ, это дѣленіе уже потому должно быть признано въ наукѣ отсталымъ и негоднымъ, что въ основаніе его положенъ *признакъ новый*, *недавній*, да еще *единичный*. До появленія *аканья* говоры, называемые нынѣ великорусскими, несомнѣнно дѣлились по другимъ признакамъ и отличались другъ отъ друга совсѣмъ другими чертами, а звукъ *о* въ неударяемомъ положеніи игралъ, какъ мы отчасти видѣли выше, второстепенную, еле замѣтную роль, которую мы себѣ представляемъ въ томъ смыслѣ, что въ однихъ говорахъ этотъ звукъ *о* былъ болѣе чистымъ, въ другихъ - болѣе склоннымъ къ *а* ($о^а$), причемъ и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ звукъ *о* былъ чистымъ сравнительно, конечно, были случаи произношенія звука $о^а$, и это было въ древнѣйшемъ даже русскомъ языкѣ въ извѣстныхъ формахъ глагола, какъ мы видѣли выше, слѣдовательно, этотъ признакъ, дѣйствительно, былъ несущественнымъ до извѣстной эпохи. Значитъ, дѣленіе говоровъ на *ака-*

---

[1]) *Даль*. ib. Стр. XLVII. LIII. LIV. LV. LVI. LVII. LVIII. LXIII. LXV. Срв. у *Колосова*. Ук. соч. Стр. 2. 21. 296. 298. (о дзеканьѣ ошибочное мнѣніе *Колосова*). См. примѣч. на 296—297 стр.

ющіе и *окающіе* вовсе не историческое и даже не научное. На основаніи этого признака мы причисляемъ къ говорамъ южно-великорусскимъ тѣ, которые почти ничего общаго не имѣютъ съ другими, признаваемыми нами *тоже* за южно-великорусскіе говоры. Мы выше видѣли, что говоры со звуками $д^з$, $т^с$, $д^ж$, $т^ш$ въ большинствѣ случаевъ оказались тѣми говорами, въ которыхъ мы нашли и *средніе* звуки: $ч^ц$, $ц^ч$, $з^ж$, $ж^з$, $с^ш$, $ш^с$, слѣдовательно, прежде всего нужно выдѣлить изъ всей суммы говоровъ русскаго языка тѣ говоры, которые составляютъ въ этомъ отношеніи приблизительно *одну* группу. Эта группа говоровъ оказывается въ наше время разсѣянной на громадномъ пространствѣ, но нѣкогда, конечно, разселеніе русскихъ племенъ было совсѣмъ иное; при этомъ надо имѣть въ виду, что во многихъ говорахъ еще прарусской эпохи необходимо допустить существованіе этихъ звуковъ, которые были получены прарусскимъ языкомъ или его нарѣчіями изъ діалектовъ общеславянскаго языка. Несомнѣнно, что русскія племена, сидѣвшія по Окѣ, по верховьямъ Волги, Двины, Днѣпра, Сожи, Десны, т. е. приблизительно въ предѣлахъ между 0^0 (черезъ Петербургъ) и 12^0 сѣверной широты и между 50^0 и 58^0 восточной долготы, составляли въ древнѣйшія до-историческія времена по говору и быту одно цѣлое, конечно, съ необходимыми и незначительными отличіями. И вотъ что замѣчательно, что первый нашъ лѣтописецъ ведетъ эти племена съ запада: онъ ихъ роднитъ съ ляхами и объединяетъ общимъ образомъ жизни, характеромъ и обычаями. Сопоставимъ слѣдующія свидѣтельства нашей Начальной Лѣтописи: Словѣни же ови (т. е. бывшіе Дунайскіе) пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, *а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне*.. Такоже и ти Словѣне пришедше и *сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ*... (Лавр. сп. Стр. 5). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: друзии *сѣдоша по Деснѣ* и по Семи и по Сулѣ и *нарекошася Сѣверъ* (Стр. 6). Въ третьемъ мѣстѣ читаемъ: *Отъ нихъ же Кривичи* (я понимаю: „отъ нихъ же“, т. е. „отъ Полочанъ“, которые сидѣли на Двинѣ и прозвались *только по имени* р. Полоты—см. стр. 5), *иже сѣдятъ на верхъ Волги и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра ихже градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сѣдятъ Кривичи* (Стр. 10). Еще въ одномъ мѣстѣ читаемъ: Поляномъ же живущимь особѣ (объ

этомъ *три раза* говоритъ лѣтописецъ, что они жили *особо*), якоже рекохомъ, *сущимъ отъ рода Словѣньска*, и нарекошася Поляне, а Деревляне *отъ Словѣнъ* же и нарекошася Древляне (почему, мы видѣли это выше); *Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ* [1]). *Бяста бо два брата в Ляс҃ѣхъ, Радимъ, а другий Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю и прозвашася*

---

[1]) Мы цитировали слова лѣтописи по *печатному* изданію. Въ фототипическомъ изданіи Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лавр. списку совсѣмъ другая интерпункція, или ея вовсе нѣтъ, а мѣстами и другая редакція текста. Напримѣръ, приводимое мѣсто въ текстѣ выше въ рукописи читается такъ: полѧномъ же живущемъ ѡсобѣ· ꙗкоже рекохомъ· суще ѿ рода словѣньска· и нарекошаса полѧне· а древлѧна же ѿ словѣнъ же· и нарекошаса древлѧне· радимичи вои вѧтичи ѿ лѧховъ· бѧста бо· в҃· брата влѧсѣх· радимъ а другому вѧтко и пришедъша сѣдоста радимъ на съжю· прозвашаса радимичи· а вѧтъко сѣде съ родомъ своимъ по ѡцѣ· ѿ него же прозвашаса вѧтичи· иже бѧху в мирѣ полѧне· и деревлѧне· сѣверъ и радимичь· и вѧтичи· и хрвате. л. л. 8. 9. Прежде всего отсюда не видно, чтобы поляне и древляне были разныя племена съ радимичами и вятичами, т. е. не видно, чтобы радимичи и вятичи не могли быть тѣми-же полянами и древлянами. Въ видѣ догадки, на которой я однако вовсе не настаиваю, я предложилъ бы такое пониманіе этого мѣста по Лавр. списку: про полянъ лѣтописцемъ сказано было, что они получили свое прозвище «поляне» отъ ляховъ; теперь говоритъ лѣтописецъ о томъ, что древляне назывались «древлянами» у словѣнъ, а у ляховъ поляне и древляне назывались «радимичами» и «вятичами» потому, что изъ ляховъ пришли, по преданію, два брата и сѣли въ предѣлахъ рѣки Сожа и Оки. Въ самомъ дѣлѣ, рѣка Сожъ составляетъ какъ бы одну рѣку съ рѣкою Днѣпромъ, и очень можетъ быть, что преданіе и лѣтописецъ нехорошо различали устье Днѣпра, и поляне, сидѣвшіе по Сожу и по его продолженію—по Днѣпру. назывались у своихъ сосѣдей—ляховъ Полянами и Радимичами. Съ этимъ вполнѣ согласно то, что̀ дальше написалъ лѣтописецъ: *иже бяху*, т. е. которые были (а не: «и живяху», какъ въ другихъ спискахъ) полянами и древлянами..... Слѣдовательно, у однихъ сосѣдей назывался народъ извѣстный однимъ именемъ, у другихъ—другимъ: у словѣнъ—древлянами, у ляховъ—вятичами, часть радимичей называлась полянами, а лѣсные жители—радимичами, а у словѣнъ они же могли называться древлянами, сѣверянами, кривичами....

Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Вятичи (Стр. 11—12). Наконецъ, лѣтописецъ сближаетъ всѣ эти народцы общимъ бытомъ и говоритъ: *И живяху* [1]) *в мирѣ Поляне, и Деревляне,* и *Сѣверъ, и Радимичи, Вятичи* и Хорвате [2])…. (Стр. 12). *Си же творяху обычая Кривичи, прочии погании* [3]), не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ (Стр. 13).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что нашъ лѣтописецъ по какому-то преданію ведетъ древлянъ и полянъ *отъ словѣнъ-ляховъ*; далѣе мы видимъ, что онъ-же объясняетъ многія названія словѣнскихъ племенъ, и по его объясненію — древляне — тѣ-же словѣни — ляхи, но поселившіеся въ лѣсахъ, отчего и стали называться древлянами; далѣе мы видимъ, что полочане—тѣ-же дреговичи, только сѣвшіе по р. Полотѣ, а кривичи служитъ какъ бы общимъ названіемъ племенъ, сѣвшихъ по верховьямъ вышеназванныхъ рѣкъ, потому и говоритъ лѣтописецъ: си же творяху обычая *кривичи прочии погании*, т. е. прочіе кривичи—словѣни. Обычаи полянъ отличаются отъ обычаевъ прочихъ кривичей только потому, что поляне не сидѣли въ лѣсахъ, какъ сидѣли древляне, радимичи, вятичи, сѣверяне и прочіе кривичи. Преданіе объ особомъ родствѣ полянъ, радимичей и вятичей съ ляхами надо понимать, конечно, въ смыслѣ какихъ-то отдаленныхъ реминисценцій о близости языка и обычаевъ этихъ словѣнъ къ языку и обычаямъ словѣнъ, сѣвшихъ по рѣкѣ Вислѣ. Мы, конечно, не можемъ не считаться и съ тѣмъ фактомъ, что въ нынѣшнемъ Мосальскомъ уѣздѣ Калужской губерніи существуетъ до сихъ поръ раздѣленіе жителей—народа на двѣ половины: „въ калужской половинѣ живутъ *поляне* (мѣна *у* и *в*), а въ смоленской половинѣ живутъ *полѣхи*“ [4]). Повидимому, лѣтописецъ

---

[1]) Въ рукописи Лавр. лѣтописи: ıже ѣахꙋ.

[2]) Хрвате, я полагаю, стоитъ здѣсь просто ошибочно вмѣсто *Кривичи* См. ниже. Это видно изъ контекста.

[3]) Я читаю *Кривичи прочии*, не отдѣляя этихъ двухъ словъ знаками. На это даетъ мнѣ право интерпункція подлинника. Л. 10 (фототип. изданіе Пов. вр. лѣтъ).

[4]) См. *Даль*. О нарѣчіяхъ... Стр. LXIII. Эта мѣстность, несомнѣнно, въ древности была одной изъ самыхъ лѣсистыхъ. Припомнимъ названія: Ра-

употребляетъ въ различномъ значеніи слова: „прозвашася“ и „нарекошася“: первое слово у него означаетъ какъ будто *прозвище*, данное народу другимъ народомъ—сосѣдями, второе—какъ будто означаетъ *названіе* собственное. Въ первомъ словѣ, означающемъ *прозваніе* или *прозвище*, слышится какъ-будто ироническій или неубѣжденный оттѣнокъ мысли самого лѣтописца, во второмъ словѣ, означающемъ родное, собственное, домашнее *названіе* народа, слышится согласіе или убѣжденность самого составителя лѣтописи. Сравните выраженія: „отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне“ и: „нарекошася поляне, а друзии древляне“.... „друзии нарекошася сѣверъ“; „древяня же отъ словѣнъ же и нарекошася древляне“, но: „Радимичи и Вятичи отъ ляховъ... и прозвашася Радимичи... и... прозвашася Вятичи“. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ авторъ видѣлъ *туземное* названіе, данное *словѣнами*, тамъ онъ выражался „нарекошася“, а гдѣ онъ видѣлъ *чужое* прозвище, данное *не словѣнами*, тамъ онъ выражался: „прозвашася“. Нельзя же серьезно, въ самомъ дѣлѣ, допустить мысль о томъ, что жители рѣкъ Сожа и Оки были *поляками*, были совсѣмъ другого племени, да для этого допущенія нѣтъ и данныхъ не только въ лѣтописи, но, что̀ особенно важно, и въ современныхъ народныхъ говорахъ, которые во всякомъ случаѣ служатъ остатками древнихъ говоровъ, но совершенно иначе размѣщенными, чѣмъ прежде Отношеніе автора къ названіямъ словѣнскимъ и къ прозвищамъ не словѣнскимъ объясняется ниже въ лѣтописи самимъ лѣтописцемъ тѣмъ, что онъ признаетъ словѣнскимъ языкомъ (племенемъ) только слѣдующіе народы: „Се бо *токмо* Словѣнескъ языкъ в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же Велыняне“. Стр. 10. Эти Бужане суть тѣ-же Дулѣбы [1]), которые во время лѣтописца

менье, Зораменье, Полѣсье, Залѣсье и др. въ нынѣшнихъ Рязанской, Калужской, Владимирской губерніяхъ.

[1]) Слово «дулѣбъ» въ ряз. говорѣ значитъ: «глупый», «безтолковый», «неповоротливый», «мѣшокъ»—«дулѣ́п»—с Яблонево, дер. Щелево Скопин. уѣзда. У Даля s. v сказано «косой» Срв. его-же соч. «О нарѣчіяхъ». Стр. LXIV. (Въ Словарѣ: *кур. орл. влд. ряз.*). «Дулѣбъ» неправильно *Даль* пишетъ и въ Словарѣ, и въ статьѣ своей черезъ *е*: тогда было бы и въ говорахъ: «дулёп», а не «дулѣп».

назывались Велыняне, Бужанами-же они, очевидно, назывались по р Бугу, какъ Полочане—по р. Полотѣ и т. п. (см. выше), прозвище же „Дулѣбы“, презрительное и оскорбительное для народа, носящаго это прозвище, очевидно, дано имъ какими-либо сосѣдями Вотъ что ниже пишетъ лѣтописецъ про Дулѣбовъ: „*Дульби живяху по Бугу, гдѣ нынe Велыняне*“—Стр 12. Между тѣмъ какъ выше мы читали, что тотъ народъ, который сидѣлъ *по Бугу* и послѣ сталъ называться *Велынянами*, носилъ названіе и *Бужанъ* по рѣкѣ Бугу.—Стр. 10. Очевидно, остальныя племена, по лѣтописцу, *не словѣнескъ языкъ*, „да то *ся зваху отъ Грекъ* Великая Скуфь“.—Стр. 12. Такимъ образомъ, мы ясно видимъ, что племена, входившія въ составъ *токмо* Словѣньска языка, были слѣдующія: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ. Бужане (=Дулѣбы, Волыняне). Очевидно. въ названіяхъ этихъ *словѣнскихъ* подразумѣваются и прозвища *не словѣнскія* этихъ-же самыхъ народовъ, какъ это и оказалось насчетъ Бужанъ (=Дулѣбовъ, Волынянъ); такъ что въ этомъ перечнѣ стоятъ *только словѣнскія* („Поляне“, вѣроятно, было извѣстно и у словѣнъ: „и ти Словѣне... нарекошася Поляне“—Стр 5) названія, но не упомянуты прозвища этихъ народовъ: Радимичи, Вятичи, Кривичи... (Не видно, какое названіе „Кривичи“; туземное или нѣтъ? Замѣчательно, что слово „*Кривúчъ*“ до сихъ поръ во Влад. и Тул. губ. означаетъ: „облыжный человѣкъ“, „лукавый“. *Даль*). Названіе „Дреговичи“ тоже, кажется, есть прозвище сосѣдей, не туземцевъ, для Полочанъ. Мы, напримѣръ, до сихъ поръ имѣемъ въ *ряз.* и *влд.* говорахъ, слова: Дрегá, дрогá, дрягá = безпокойный человѣкъ, непосѣда. Въ *смл.* говорѣ „Дря́гва“ значитъ *болото, зыбунъ, трясина.* Срв. *курск. Дрегвá, дрягвá.* (Словарь *Даля* s. v. дрожать). Вообще, у нашего лѣтописца довольно ясно различаются слова на—*ичъ*, служащія прозвищами (Дрегвичи, Кривичи, Радимичи, Вятичи), и слова на—*ане,—яне*, служащія *названіями по мѣстностямъ* поселенія, названіями словѣнскими, такъ сказать, оффиціальными и дѣйствительными. Срв. Древляне, Полочане, Сѣверяне, Бужане, Велыняне. Словѣне. Вообще, всѣ эти племена—Словѣне. Что касается Полянъ, то это было и прозвищемъ у Ляховъ и собственнымъ именемъ, такъ что это прозвище *совпало* съ именемъ дѣйствительнымъ—словѣнскимъ, какъ это объясняется изъ Радзивиловскаго спи-

ска Лѣтописи, гдѣ читаемъ: „аще и̑ Поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ. *Полями же прозвани быша, зане в поли сѣдяху*, а языкъ словѣнски единъ". Подъ 898 г. Что-же касается названія „Кривичи", то въ этомъ мы, кажется, не ошибаемся, что это было *прозвищемъ* словѣнъ вообще, отдѣлившихся отъ прочихъ (срв. выше значеніе слова „Кривичъ" въ *влад.* и *тул.* говорахъ. *Даль.* s. v. „Кривой"). По крайней мѣрѣ, въ Лавр. спискѣ (по фотолитогр. изданію) мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ слово „Кривичи" въ такомъ смыслѣ, подъ 6370 г. (л. 14) читаемъ: перьвии насельници в новѣгородѣ *словѣне полотьски кривичи*", т. е. словѣне, полотскіе кривичи то-жъ, словѣне, которые назывались у полочанъ кривичами. Срв. еще подъ 6370 г. (л. 13): „рѣша русь чюдь словѣни *и кривичи вся*"... Подъ 6367 г. (л. 13):—„маху дань варязи изъ заморья на чюди и на сл°вѣне. на мери. *и на всѣхъ кривичѣхъ*". Подъ 6390 (л. 15): „оиде ѡлегъ поимъ воя многи варяги чюдь словѣни мерю *и вся кривичи*"....

Послѣ этого небольшого отступленія, которое выясняетъ, на мой взглядъ, нѣкоторымъ образомъ сущность дѣла относительно древнихъ русскихъ племенъ и говоровъ, кажется, понятно, что дѣлить русскіе говоры на діалектическія единицы слѣдуетъ по нѣсколькимъ *существеннымъ* признакамъ. Мы полагаемъ, что правильнѣе съ точки зрѣнія исторіи языка—народа дѣлить говоры на *шепелеватые* (т. е. говоры *со средними* звуками—самые древніе), на *полу-шепелеватые* (имѣвшіе лишь звуки средніе *ц*ч и *ч*ц, т. е. цокающіе и чёкающіе) и говоры *не шепелеватые*, пошедшіе отъ діалектической группы, *различавшей* звуки *ч* и *ц*, *с'* и *ш*, *з'* и *ж* и проч., или въ самомъ прарусскомъ языкѣ *утратившей* средніе звуки.

Такимъ образомъ, наши при-Окскіе говоры нужно вести отъ древняго говора той части словѣнъ (=кривичей), которую, по преданію, повелъ на Оку какой-то Вятко, происходившій изъ рода ляховъ (=словѣнъ привислянскихъ). Конечно, удивительно, какъ могла остаться горсточка вятичей на своемъ мѣстѣ до сихъ поръ, но: 1) мы не знаемъ, на этомъ-ли мѣстѣ рѣки Оки жили вятичи; вѣроятно, передвиженіе всетаки произошло по теченію рѣки, и часть вятичей могла остаться въ наиболѣе дикой мѣстности, какой представляется нынѣ мѣстность сѣверо-восточнаго угла Ряз. губерніи. 2) Пе-

редвиженіе вятичей даже можно доказывать, какъ мы видѣли выше, тѣмъ, что они распространялись по рѣчной системѣ, и вновь мы ихъ находимъ въ нынѣшней Вятской губерніи. 3) Мы нисколько не утверждаемъ того, что въ нынѣшнемъ говорѣ нашего Касимовскаго уѣзда или въ говорѣ вятчанъ мы слышимъ *древній* неизмѣненный говоръ вятичей, но сношенія съ сосѣдями, колонизація края, наконецъ, культура и громадное пространство времени,—все это нисколько не уничтожаетъ возможности предположенія объ остаткахъ и потомкахъ древнихъ вятичей, предположенія, построеннаго на слѣдующихъ основаніяхъ: фонетика говора нынѣшняго Касимовскаго края очень своеобразна, мы не видимъ въ современныхъ намъ русскихъ говорахъ *такого*, къ которому можно было бы безусловно причислить и нашъ Касимовскій говоръ, лишь только говоръ нынѣшнихъ вятчанъ *болѣе другихъ* совмѣщаетъ въ себѣ особенности фонетики нынѣшняго Касимовскаго говора. Остальныя соображенія и заключенія—чисто историческія и географическія, и мы ихъ высказывали выше.

Мы сочли для себя удобнѣе, именно, въ концѣ этой главы сдѣлать отступленіе историческаго характера, выясняющее нашъ взглядъ на исторію нашего говора и его мѣсто въ средѣ прочихъ русскихъ говоровъ. Этой главой собственно оканчивается параллельное обозрѣніе по говорамъ тѣхъ звуковъ, которые и заставили насъ смотрѣть на касимовскіе говоры, какъ на говоры особые, неизвѣстные до сихъ поръ, но указывающіе своимъ звуковымъ составомъ на свою древность и самостоятельное значеніе. Нѣкоторыя лишь дополненія мы сдѣлаемъ въ главѣ о губныхъ и задне-небныхъ звукахъ. А теперь окончимъ нашу главу о зубныхъ небольшимъ экскурсомъ по поводу касимовскаго произношенія „тьвѣт“ (Логино) и сочетанія *дн*.

Замѣчательно, что по корнямъ общесл. языка kvil—и kvĭt—(*Mikl.* Etym. Wtb.) видно, что въ общесл. языкѣ, въ общеславянскую эпоху такія слова, какъ цвѣтъ и kwiat, цвѣлити и квѣлить, звучали, должно быть, со звукомъ кореннымъ *к*. Но что мы видимъ въ современныхъ намъ славянскихъ языкахъ и русскихъ нарѣчіяхъ? Во всей *южной* группѣ слав. языковъ мы имѣемъ здѣсь звукъ ц, конечно, и въ старосл. языкѣ, какъ въ языкѣ *южной* группы; во всей *западной* груп-

нѣ славянскихъ языковъ мы имѣемъ здѣсь звукъ *к*. Въ русскомъ же языкѣ, какъ мы видѣли выше, въ этихъ словахъ мы имѣемъ *діалектическія ц, ч, т, с, к*. На основаніи этого, кажется, необходимо допустить, что русскій языкъ выдѣлился *изъ той части* общеславянской семьи, *которая знала средніе звуки*: *ц*^{ч}, *ч*^{ц}, наравнѣ съ звукомъ *к*, т. е. прарусскія діалектическія необходимо были такія: čvětъ̯ и ćvětъ̯ (č = ч^{ц}, ć = ц^{ч}) рядомъ съ květъ̯; тогда современныя *цвѣтъ* и *чвѣтъ* идутъ отъ тѣхъ діалектовъ прарусскаго языка, которые *знали средніе* звуки; въ этихъ говорахъ *первоначально* не должно было быть květъ̯ (нынѣшніе сѣверно-и средне-русскіе); современныя-же *квѣтъ, квитъ, квицъ* и под. идутъ отъ тѣхъ діалектовъ прарусскаго языка, которые знали различіе звуковъ *ч* и *ц*, *з'* и *ж*. *с'* и *ш* и при этомъ имѣли květъ̯, слѣдовательно, это тѣ діалекты, которые еще *въ прарусскую-же эпоху*, вѣроятно, *утратили средніе звуки* (см. выше) и, получивъ изъ прарусскаго языка *въ большинствѣ случаевъ различные ч* и *ц*, *з'* и *ж*, *с'* и *ш*, вмѣстѣ съ тѣмъ получили и květъ̯, (нынѣшніе малорусскіе и частью блр. говоры), такъ что въ этихъ говорахъ *первоначально* не должно было быть *т'вѣтъ* и *с'вѣтъ*, а равно *чвѣтъ*, такъ какъ произношенія *т'вѣтъ* и *с'вѣтъ*, какъ и *чвѣтъ*, могли быть только въ говорахъ *со средними* звуками, гдѣ звукъ *ц* звучалъ *т*^{с}, звукъ *ч*—*т*^{ш}, звукъ *с'*—*с*^{ш} или *ш*^{с}, а звукъ *з'*—*з*^{ж} или *ж*^{з}.

Такимъ образомъ, *т*$^{с'}$ могло быть и *т*$^{с'}$ (ц') и *т*$^{ш'}$ (ч) и наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, въ наше время слова эти съ корнемъ *к* преимущественно извѣстны въ области малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, гдѣ въ свою очередь рѣже наблюдается цоканье или чёканье, а слова эти (цвѣтъ, цвѣлити) съ кореннымъ *т* или *с почти исключительно* извѣстны въ наше время тамъ, гдѣ есть цоканье и чёканье, и гдѣ наблюдается *довольно рѣдко* въ этихъ словахъ коренной звукъ *к*.

Теперь относительно ассимиляціи сочетанія *дн* нашихъ говоровъ надо сказать, что это явленіе очень древнее, какъ показываетъ сравненіе русскихъ говоровъ. Только надо отличать отъ древнѣйшихъ случаевъ болѣе поздніе.

Такъ какъ русскій языкъ вмѣстѣ съ группой южно-славянскихъ языковъ выдѣлился изъ тѣхъ нарѣчій общеславянскаго языка, въ которыхъ звуки *д* и *т* передъ *н* и *л* асси-

милировались съ послѣдними [1]), то, надо думать, мы въ нашихъ нарѣчіяхъ Касимовскаго края имѣемъ приблизительно образцы произношенія того времени, когда исчезли глухіе звуки, и сократилось безударное *и*. Можетъ быть, въ такихъ словахъ, какъ: *одни*, *однихъ* и проч. мы имѣемъ болѣе позднія произношенія, книжныя, зашедшія къ намъ съ запада, вмѣсто своихъ народныхъ: *анни́*, *анни́хъ* и проч., которыя должны были появиться въ русскомъ языкѣ послѣ исчезновенія глухихъ звуковъ и звука *и*. Срв одиного [2]), єдиного и проч.; *одинѣхъ* Смолнянъ—въ Смолен. Грам. послѣ 1230 г. (Рус-Лив. Акты. Приложеніе № 2. Стр. 452). Въ современныхъ намъ говорахъ *Новгородской* губ. мы имѣемъ: ланно, ронной (Соболевскій Жив. Стар. ib. II. 10), въ *Вологодской* отмѣчено: ланно (ib. 16), въ *Ярославской* (ib. 18), въ *Вятской* (ib. 21), въ *Сибири*: ланно, три нни (ib. 25); въ *Смоленской* (цокающей части тоже): ранно̀й, анни̇, гало̀нная, анно̀, ро̀нная, анна̀ (ib. III 10). Точно такъ же говорятъ даже *подъ Москвой,* въ Рузскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. Нѣкоторые глаголы въ народныхъ говорахъ правильно образуютъ формы свои съ ассимиляціей звука *д* звуку *н* примѣты—*ну*, какъ и въ литературномъ нарѣчіи глаголы *вянуть*, *стынуть* и нѣк. друг. Напр. при глаголѣ—*загадать* мы имѣемъ въ ряз. *загану́ть* (изъ *загаднуть), въ Олонец. „*загону́лъ* загадку" (*Колосовъ*. Замѣтки. ib. 202), въ блр. *згануў*: „Тогды я *згануў*. що ў хаци за лавою сокіерчинка стырчить"—*Шейнъ*. Матеріалы... II. стр. 251. Гроднен. Пружан. уѣзда. (Въ Словарѣ *Носовича* такого слова нѣтъ Сравни у *Шейна* на этой-же 251 стр.: „Тогды я *згадаў*, що ў хаци на вокнѣ ножичокъ лежиць"...). Такимъ образомъ, въ этихъ формахъ глагола „гадать" мы вправѣ видѣть образованія общерусской эпохи. Срв. наше Касимов. „папа́нить" = *попаднеть = попадётъ — 3 л. ед. ч. *Китово*.

---

[1]) См. *Соболевскаго*. Др. цсл. языкъ. Фонетика. М. 1891. Стр. 125.

[1]) Новгор. Лѣтоп. по Синод. Харат. сп. л. 47. *одиного* (фотол.).

Глава VI-ая.

Губные звуки.

Въ главѣ IX-ой первой части нашего труда мы охарактеризовали наши касимовскіе говоры въ области губныхъ согласныхъ слѣдующими чертами: въ нихъ наблюдается чередованіе *в* и *ў* и ихъ взаимная мѣна; далѣе, въ нихъ чередуются звуки *в* и *у*, извѣстно употребленіе *у* вмѣсто *в*, наконецъ, извѣстенъ переходъ мягкаго *в* въ *j*. Вотъ на этихъ чертахъ мы и остановимся подольше въ своемъ сравнительномъ обозрѣніи губныхъ звуковъ по говорамъ, а затѣмъ перейдемъ къ замѣнамъ звука *ф*, характеризующимъ тоже наши говоры, какъ было сказано въ I-й части, въ IX-й главѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что для извѣстной, доисторической, эпохи русскаго языка звуковая близость *в* и *у* была явленіемъ, по всей вѣроятности, общимъ для всѣхъ діалектовъ русскаго языка. Лишь въ памятникахъ письменности мы замѣчаемъ преобладаніе чередованія звуковъ *в* и *у* или замѣны одного начертанія другимъ, по преимуществу, тамъ, гдѣ эти памятники выдаютъ свое происхожденіе изъ югозападныхъ или сѣверозападныхъ областей Россіи. Напримѣръ, смоленскія, витебскія, полоцкія, псковскія, галицко-волынскія рукописи даютъ больше другихъ памятниковъ образцовъ замѣны одного изъ этихъ звуковъ другимъ [1]), такъ что можно сказать, что въ историческое время, къ XII—XIII вѣку, эта черта фонетики получила не одинаковое развитіе во всѣхъ русскихъ говорахъ: въ иныхъ она, повидимому, развивалась въ томъ направленіи, что разница между *в* и *ў* (неслоговымъ) постепенно увеличивалось въ произношеніи, и случаи замѣны одного звука другимъ становились малочисленнѣе, рѣже, въ другихъ, напротивъ, разница между этими звуками въ ихъ доисторическомъ произношеніи развивалась медленнѣе, а потому неслоговое *ў* все еще продолжало смѣшиваться съ звукомъ *в*, это смѣшеніе, наконецъ, пережило и эпоху исчезновенія глухихъ звуковъ и сохранялось очень долгое время, сохра-

---

[1]) См. *Ягича*. Критич. Замѣтки... Спб. 1889. Стр. 81—85. Срв. *Соболевскаго*. Лекціи². Стр. 109—112.

няется и понынѣ. Къ такимъ говорамъ, въ которыхъ разница между этими звуками была минимальная, въ которыхъ эти звуки менѣе отдалились отъ старины, кажется, принадлежали въ историческое время говоры югозападныхъ и сѣверозападныхъ областей, какъ можно судить по памятникамъ письменности и по живымъ народнымъ говорамъ бѣлорусскимъ и малорусскимъ. Но было бы ошибочно думать, что эта звуковая близость звуковъ *в* и *ў* не была одинаково извѣстна въ древности *всѣмъ* говорамъ праруссniго языка: мы имѣемъ письменные памятники изъ самыхъ разнообразныхъ областей, но всетаки въ каждомъ изъ нихъ мы находимъ нѣкоторое количество случаевъ замѣны начертанія *у* и *в* другъ другомъ. Слѣдовательно, каждый памятникъ сохранилъ на своихъ листахъ свидѣтельство того, что въ области написанія этого памятника или въ языкѣ переписчика его жило въ извѣстное время воспоминаніе о звуковомъ тождествѣ *в* и *ў*. Если мы встрѣчаемъ въ памятникѣ одинъ - два случая такой замѣны, то ихъ никакъ нельзя объяснить говоромъ переписчика, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ такая замѣна встрѣтилась бы не одинъ или два раза, а нѣсколько разъ. Слѣдовательно, эти одинъ-два случая должны пониматься, какъ остатки стараго произношенія, общаго для всѣхъ говоровъ. Напримѣръ, въ XI-мъ уже вѣкѣ, да аще въ такомъ памятникѣ, какъ Изборникъ 1073 года, который по своему языку рѣзко отличается отъ тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ можно усматривать предковъ нынѣшняго малорусскаго нарѣчія, мы встрѣчаемъ мѣну *в* и *у*: оѵселеноуѫ — вин. п. ед. ч.—л. 9d. ни шьстиꙗ добрѣ въѵниıена и сътворивъшааго оѵказано—л. 14c. по широтѣ оѵселенꙑꙗ обьходить—л. 17a. хоштеть сѫдити оѵселенѣи въ правьдѣ—л. 18a. пьр҄вꙑи съборъ бꙑсть оѵселенꙑꙗ въ никеи—л. 23b. вьсеꙗ оѵселенꙑꙗ—л. 27a. и въгодьно бѫдетъ боѵ—л. 35b. оѵселꙗтьсѧ—3 л. мн. ч. буд. вр.—л. 37b. въѵьнемъ—л. 38b. оѵселенѣи всеи зьрѧшти — л. 48c. и мн. др. Мы видимъ здѣсь чередованіе *в* и *у*, слѣдовательно, это уже одно устанавливаетъ фактъ близости звука в и *ў* (неслогового) въ XI вѣкѣ для мѣстностей не югозападныхъ или сѣверозападныхъ. Приводя ниже данныя для исторіи вопроса о звукахъ *в* и неслоговомъ *ў*, мы не будемъ повторять

того, что можно найти у *Соболевскаго* въ его „Лекціяхъ“ и у *Ягича* въ его „Критическихъ замѣткахъ“; намъ важно указать на фактъ замѣны этихъ звуковъ въ *тѣхъ* памятникахъ, которые *не принадлежатъ* югозападнымъ или сѣверозападнымъ областямъ, а потому мы будемъ заимствовать только важныя данныя изъ *другихъ* памятниковъ, изъ памятниковъ *другого* происхожденія Замѣчательно, что слово *оуселеноую* мы находимъ въ массѣ разнообразныхъ памятниковъ: напр., въ Сильвестровомъ Сборникѣ до 1350 г. (*Срезневскій*. Др. пам. яз. и письма. Изв. АН. X. вып. VI. 659), въ Служебникѣ Хутынскомъ 1400 г.: оусемитиса—л. 40 об., въ Спискѣ Упиря 1047 г. (въ библіи 1499 г.): оусемити(са)—passim. Мѣна *оу* и *в* встрѣчается и въ Моисеевомъ Ев. 1355 г. (*Буслаевъ* Матеріалы... М. 1855. Стр. 37); въ Двинскихъ Грамотахъ XIV в.: 1349 г. (*Востоковъ*. Оп. ркп. Рум. Муз. № LXVII): у Федора *в* ларивонова сна; *оу*ласей... *оу* глухомъ погости и мн. др. (Нынѣшняя Вологодская губернія, Вологодскій край). Конечно, несправедливо и то, что будто-бы „въ памятникахъ великорусскихъ, не имѣющихъ особенностей новгородскаго говора, замѣна *в* черезъ *у* встрѣчается весьма рѣдко“ [1]), что будто-бы „въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи мы находимъ *только*: *унуки*, *ноугородьстіи*“ [2]). Въ одной Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лавр. списку мы имѣемъ: нооугородьци—л. 8. со оуноуки—л. 38. нооугородьстии—л. 41. оукоуситъ—л. 74. еоустафии—л. 101. стлб. 1. оу инѣхъ странахъ—л. 111. стлб. 1. паоуломъ—л. 125 стлб. 1. заѹтрокавше — л. 151 стлб. 1. оустрѣте—л. 174 стлб. 1., л. 181. стлб. 1. оусрѣте—л. 178. стлб. 2, л. 182. стлб. 2. заоутрокаи, заоутрокати — л. 174. стлб. 1. оу раку—л. 184 стлб. 2. Это только случаи, гдѣ *у* стоитъ вмѣсто *в*, но и то я не ручаюсь, что привелъ *всѣ* случаи изъ „Повѣсти“. Конечно, этой же мѣной звуковъ *в* и *ў* въ Суздальскомъ говорѣ надо объяснять и такія написанія „Повѣсти“ 1377 года: ожиоуть—л. 6., л. 8 (вмѣсто *ожиўуть. Срв. ниже въ нашихъ говорахъ); завътра—л. 9. ноoу (=нову)—л. 11. фаравонѣ—л. 11., л. 12. Мараоу — л. 17. семевонъ—л. 19. Ефивопья—л. 2. вустье — л. 6. по оустаоу—л.

---

[1]) *Соболевскій* Лекціи[3]. Стр. 110. Срв. у насъ ниже.

[2]) *Соболевскій* ibidem. Срв. у насъ ниже.

24. въ вустьѣ—л. 25 (можетъ быть, слово „вустье“ получилось изъ предложнаго сочетанія: „въ устье“, какъ „*вотчину*“ (вотчина) изъ „*въ отчину*“, какъ указалъ *Ягичъ* Критич. Зам. Стр. 68. Срв. выше у насъ: „*врагъ*“ вмѣсто „*оврагъ*“ въ Грамотахъ); протиоу—л. 39. зооуть — л. 50 (срв. л. 59); в вутробѣ — л. 68. въ вадъ—л. 50. семевона—л. 61. заоулона — л. 61. въ вифлевомѣ—л. 69. елевоньскую - л. 70. гедивонъ—л. 71. ниневгитяне—л. 123. ст. 2. Первоначально такія приставки и вставки звука *в* возможны были на почвѣ звуковой близости *в* къ неслоговому *ў*[1]). Намъ важны также показанія Новгородской Лѣтописи: въ оуторникъ—л. 214. л. 219. (по Синод. Харат. сп. Фотолит. изд.); с довмонтомь—л. 285. срв. съ довмонтомь—л. 284. Мы не приводимъ данныхъ изъ Ипатьевскаго списка, такъ такъ онъ, можетъ быть, дѣйствительно, южный, списокъ съ галицко-волынскаго, но этотъ списокъ *переполненъ* относящимися сюда случаями.[2]).

Весьма интересны еще нѣкоторые сюда относящіеся случаи изъ области Новгородской и Двинской: напр., въ Новгородскихъ Купчихъ мы находимъ: *у* томъ острови — АЮ. № 71. (I); *у* Степана *въ* Иванова *унука*—АЮ. № 71. (V); *въ* Оврама *въ* Онтомановица, *у* прибытъчнихъ мѣстѣхъ, *у* рѣки, *ў* стороньнихъ рѣкахъ, *у* лѣсѣхъ *въ* озерѣхъ—АЮ. № 71. (XIII); *у* Ѳедора *въ* Ларивонова сына—АЮ. № 71. (XVII.); *у* Глухомъ погости—АЮ. № 71. (XXII.); *въ* печати стоялъ Петре *у* Яковле мѣсто—АЮ. № 71. (XXII.). Срв. въ другихъ грамотахъ великорусскихъ: Евстрата и Еустратъ—АЮ. № 3. 1485 г.; Еуѳимей—АЮ. № 19. 1532 г.; передъ завтреньею—АЮ. № 27. 1613 г.; денгою Ноугороцкию—АЮ. № 411. 1473 г. и мн. др.

---

[1]) *Ягичъ* (Критич. Зам. Стр. 81.) говоритъ: «настоящей разницы между *v* и *u* не было, оба звука совпали въ среднемъ *u* (или *v*)»

[2]) *Соболевскій.* Очерки изъ исторіи р. яз. Стр. 64—66. Срв. *Колосова* Очеркъ исторіи зв. и фр... Стр. 150—160. Мы уже не говоримъ о томъ, что у *Колосова* многіе примѣры приведены совершенно невѣрно, и заключенія его потому часто совсѣмъ неправильны. Напр., будто *формы Суждаль нѣтъ въ Лавр. сп.* (см. у него стр. 154.), тогда какъ мы здѣсь выше приводили нѣсколько такихъ формъ изъ Лавр. списка (напр. л. 172. ст. 2.). Да и писали мы уже прежде о трудѣ *Колосова.* См. наше соч.: «Изъ занятій по языку Лаврентьевскаго списка»... Воронежъ. 1891. (отд. оттискъ.) Стр. 45—46.

Послѣ этихъ приведенныхъ данныхъ изъ области нынѣшнихъ великорусскихъ нарѣчій можно-ли сказать, что мѣна звуковъ *в* и *ў* не была извѣстна тѣмъ говорамъ др. русскаго языка, которые легли въ основу такъ называемыхъ „великорусскихъ" говоровъ? Нельзя даже утверждать, что это звуковое явленіе было извѣстно *болѣе* на западѣ и югѣ, чѣмъ на сѣверѣ или востокѣ, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшую пору это звуковое явленіе должно было быть извѣстно повсюду (см. выше). Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ изъ языка XIV—XV столѣтія мы узнаемъ такое-же употребленіе звуковъ *в* и *ў* въ сѣверно русскихъ областяхъ, какое нынѣ извѣстно и въ малорусскихъ или бѣлорусскихъ говорахъ. Конечно, этой же близостью разсматриваемыхъ звуковъ объясняются и слѣдующія написанія дьяковъ и подьячихъ въ грамотахъ и актахъ: Орѳоломей—АЮ. № 409. (VI.). вобчей—АЮ. № 14. 1510 г. Срв. въ обчемъ ѣзу—АЮ. № 19. 1532 г. съ сосны на волху, съ волхи — АЮ. № 20. 1534 г. у Вонъчифора у Вонъдроникова — АЮ. № 71. (III.). Срв. „мостъ плавучей" и „въ мосту плаучемъ"—АЮ. № 81. 1544 г. Срв. также вставки *в* въ серединѣ словъ въ этихъ же областяхъ: Левонтей, Левонтіемъ, Левонъ—АЮ. № 24. 1584 г., № 2. 1483 г., № 84. 1567 г., № 412. 1482 г., № 409. (VI.), № 71. (XV.), № 83. 1550 г. и друг. Ларивонъ, Ларивоновъ—АЮ. № 20. 1534 г., № 27. 1613 г., № 412. 1482 г., № 71. (V. XVII. XXII.) и друг. Родивонъ, Родивоновъ—АЮ. № 22. 1547 г., № 71. (XIV. XIX.), № 411. 1473 г. Леванида—№ 65. 1661 г. (подписи.). Далѣе: Левушиньской—АЮ. № 71. (XVI.) при обыкновенномъ современномъ Леушинъ и проч. [1]) (Срв. Левшинъ—фамилія). Мы

---

[1]) См. объ этомъ явленіи статью *Соболевскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1894. Ноябрь. «Изъ исторіи р. языка» I. Въ этой статьѣ нѣкоторыя вещи необходимо измѣнить и поправить: *Соболевскій* думаетъ, что, «какъ скоро мы имѣемъ дѣло со словомъ, не имѣющимъ въ нашемъ словарномъ матеріалѣ особенно близкихъ родичей, вмѣсто *ву* является *у*:... плаунъ, плауново сѣмя, сравни плавать» и т. п. Стр. 22. Это невѣрно: сравни выше въ АЮ. «мостъ плавучей» и «въ мосту плаучемъ». Кажется, здѣсь слово «плавать» должно бы собой *поддержатъ* и слово «*плавучій*», вмѣсто котораго, еслибы Соболевскій былъ правъ, мы не ожидали бы произношенія *плаучій*. Срв. у насъ въ текстѣ, тамъ такихъ примѣровъ много. Точно такъ-же невѣрно сказано, что влкр говоры имѣютъ: живу, реву, противуположный и т. п. (22). Срв. у насъ въ текстѣ: жыўў и друг. См. также ниже.

находимъ въ древне-русскомъ языкѣ въ этихъ же мѣстностяхъ также фонетическую утрату звука *в* послѣ *б*: *обинити*—АЮ. № 16. 1518 г., № 19. 1532 г. и друг. Послѣ этихъ справокъ въ древне-русскомъ языкѣ сдѣлаемъ нѣсколько справокъ въ современныхъ намъ нарѣчіяхъ и затѣмъ перейдемъ къ фактамъ нашихъ говоровъ, въ которыхъ мы часто встрѣтимъ тѣ-же самыя слова и почти съ такимъ-же произношеніемъ, какъ мы выше видѣли въ Грамотахъ и Актахъ. Наблюдатели указываютъ намъ мѣну *в* и *у* въ *Псковской* губерніи (*Даль.* XLIX.), въ *Черниговской*, *Псковской* (акающихъ частяхъ. *Соболевскій.* Жив. Ст. ib. I. 20. 23. 24.), въ *Новгородской, Вологодской* (Соболевскій ib. II. 11. 16. Срв. *Колосова.* Замѣтки. ib. 16. *Колосовъ* отмѣчаетъ, *какъ рѣдкость*, это явленіе въ Новгород. губ. и въ Владим. губ.—стр. 294). Въ древности, именно, въ этихъ мѣстахъ было распространено это явленіе, какъ мы видѣли выше. Слѣдовательно, если принять нашъ взглядъ на цоканье и чёканье, то съ цоканьемъ и чёканьемъ вовсе и не придется связывать мѣну *в* и *у*. Это — общерусскія явленія. Кромѣ того, конечно, это явленіе извѣстно въ бѣлорусскихъ губерніяхъ: *Смоленской*, *Виленской*, *Могилевской* и другихъ; наконецъ, въ малорусскихъ губерніяхъ разсматриваемое явленіе представляетъ собой самое распространенное и обычное явленіе, такъ какъ встрѣчается во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, и даже, пожалуй, чаще, чѣмъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, хотя оба нарѣчія въ этомъ отношеніи особенно близки другъ къ другу въ наше время, и оба знаютъ не только мѣну *в* и *у*, но и мѣну твердаго *л* и *у*, т. е. въ обоихъ часто твердое *л* звучитъ, какъ неслоговое *ў*. Видимо, что судьба *и̑* праруской эпохи была разнообразна въ разныхъ діалектахъ прарусскаго языка: еще на глазахъ исторіи мы застаемъ близость звуковъ *v* и *и̑*, т. е. остатки стараго неслогового *и̑*, распространеннаго въ тѣхъ говорахъ, гдѣ нынѣ замѣчается уже строгое различіе между *в* и *у*. Напримѣръ, нынѣ въ Новгородскомъ и Владимирскомъ говорахъ указывается это явленіе (мѣна *в* и *у*) наблюдателями, какъ рѣдкость, вовсе не характеризующая этихъ говоровъ, между тѣмъ какъ въ XIV вѣкѣ и въ Новгородской, и въ Суздальской области это явленіе было настолько распространеннымъ, какъ мы видѣли выше, что его можно считать отличительной чертой соотвѣтствующихъ

20*

говоровъ. Далѣе, если мы наблюдаемъ теперь это явленіе въ малорусскихъ говорахъ, какъ ихъ характерную черту, то это служитъ указаніемъ на ближайшую связь между нынѣшними малорусскими говорами и древними говорами галицко-волынскими, въ которыхъ это звуковое явленіе доказано памятниками галицко-волынской письменности. Слѣдовательно, въ этихъ говорахъ означенное звуковое явленіе лишь оказалось болѣе устойчивымъ, чѣмъ въ другихъ, но данныя изъ памятниковъ Кіевской области (или Черниговской? Изборникъ 1073 г.), изъ памятниковъ Новгородской, Суздальской, Московской, доказываютъ собой, что въ древности это явленіе было извѣстно *всему русскому языку*, и вотъ чѣмъ объясняется присутствіе этой мѣны *в* и *у* нынѣ въ такихъ говорахъ, какъ говоры Черниговской, Новгородской, Владимирской, Рязанской и другихъ губерній (см. выше). Такимъ образомъ, въ говорѣ древнихъ древлянъ надо признать существовавшимъ это звуковое явленіе даже въ XI вѣкѣ (Изборникъ 1073 г.), это-же явленіе было извѣстно и въ Черниговской области (въ говорахъ Черниговской губ. мы находимъ это явленіе и нынѣ), такъ какъ, по вышесказанному, это былъ одинъ говоръ, вѣроятно, съ очень небольшимъ отличіемъ: это были *сѣверные* древляне (жители лѣсовъ); при-Окскіе древляне (жители лѣсовъ, вятичи, которыхъ повелъ съ воинами ляхъ Вятко), конечно, имѣли тоже въ своемъ говорѣ эту же мѣну *в* и *у*; она и сохранялась долгое время на большомъ пространствѣ поселеній вятичей: въ XIV вѣкѣ въ Суздальской области ее мы видимъ даже въ языкѣ лѣтописей [1]), мѣстами она сохранилась и донынѣ. Въ нашихъ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣзда мы имѣемъ подобные же факты.

Въ вопросѣ о звукахъ *в* и *ў* (неслоговомъ) есть вообще нѣсколько интересныхъ пунктовъ: неслоговое *и̑* вмѣсто *v* было извѣстно еще въ самомъ началѣ исторіи славянскихъ языковъ,

---

[1]) Одно мѣсто Лавр. лѣтописи (л. 11) замѣчательно тѣмъ, что изъ него видно, что древляне и поляне—одно племя. Такъ что это мѣсто подтверждаетъ высказанныя нами выше мысли *о словѣнахъ*. Въ самомъ дѣлѣ, читая это мѣсто, думаешь, что козары потребовали дани отъ древлянъ, однако даютъ имъ дань *поляне*. Можно и такъ понять, что поляне «были обидимы древлѧми инѣми околними», тогда выходитъ, что *были поляне* и *иные древляне*, и про мѣсто жительства *полянъ* здѣсь говорится то, что выше говорилось про *древлянъ*.

быть можетъ, это неслоговое *и̯* чередовалось съ *v* еще въ общеславянскую эпоху въ извѣстныхъ случаяхъ; мы, напр., имѣемъ завѣдомо общеславянское *v* передъ гласными изъ общеиндоевропейскаго *и̯* въ такихъ словахъ, какъ: слово, пловѫ, любъве, дъва и друг. Въ діалектахъ самого старослав. языка было извѣстно чередованіе неслогового *и̯* и *v*, такъ что врядъ-ли въ старослав. языкѣ *во всемъ* произошло полное совпаденіе индоевропейскихъ *и̯* и *v въ одномъ* звукѣ *v*: по крайней мѣрѣ, въ діалектѣ Синайскаго Требника (въ X—XI вѣкѣ) мы видимъ нѣсколько случаевъ чередованія *у* и *в*: і възаконии връховьнюмоу апłоу петроу...—*Geitler*. Euchol. 1882. л. 20 b. стр. 19. (възаконити—оузаконити); ѡ благо въгодьнѣ грѣбѣ быти—л. 60 а. стр. 14. Гі бже нашъ възаконен достоинъıꙗ себѣ сѫдиꙗ—л. 80 b строка 4. Срв. л. 20 b. 19. выше. Но и: оуобрази въ немь добродѣанıѣ—л. 94 b. стр 5. Въ діалектахъ Маріинскаго (Григоровичева) Евангелія и Зографскаго это явленіе также извѣстно: въ Мар. Ев. читаемъ: бѣ же въ дьне суꙋꙗ въ цркве. а ноштиѭ въдварѣаше сꙗ исхода въ горѣ... *Ягичъ*. Стр. 296. Строка 16—17. Срв. въ Зогр. Ев.: а ноштиѭ оудварѣаше сꙗ... *Ягичъ*. Стр. 128. Столб. 1. Строка 18. Такъ-же въ Никольскомъ Ев. Срв. въ Никольск. Ев. оу ношти вмѣсто Мар. Зогр. ноштиѭ. (*Ягичъ*. Мар. Ев. 296. Прим. 16.); въ Мар. Ев. егда крѣпъкъı оуорѫжьсꙗ хранитъ свои дворъ—ib 248. 11—12. (*Ягичъ* считаетъ эту форму сербохорватскою—ib. прим. 11—12), но въ Зогр. Ев. мы имѣемъ: възорѫжь сꙗ—*Ягичъ*. Стр. 106. 1. 11—12. Въ Ник. Ев.—въ—Въ Мар. Ев.: уселенѣıѫ—196. 10. Въ Зогр. Ев.—въселенѣıѫ—83. 2. 17—18. (Напрасно *Ягичъ*—Мар. Ев. 196. Прим. 10—видитъ въ этой формѣ *вліяніе сербо-хорватскаго языка* на Мар. Евангеліе: это явленіе, какъ мы видѣли выше, извѣстно въ этомъ словѣ и въ нашемъ Изборникѣ 1073 года и составляетъ, быть можетъ, въ этомъ примѣрѣ *остатокъ такихъ словъ*, которыя извѣстны всѣмъ слав. нарѣчіямъ. Припомнимъ выше слова съ звуками $з^{ж}$, $с^{ш}$, $ц^{ч}$ и др. зелѣзо, сѣрый, чепь и под. Во всякомъ случаѣ чередованіе *и̯* и *v*, какъ видно, было извѣстно діалектамъ общеслв. языка). Къ такимъ-же случаямъ фонетическаго чередованія *у* и *в*, основаннаго на первоначальной близости *и̯* и *v*, я отношу и употребленіе

въ старослав. памятникахъ глаголовъ вꙋчати и оуꙋчати безъ разницы въ значеніяхъ: не крѣшти вꙋчьнетъ—Зогр. Ев. *Ягичъ.* 6. 2. 5. оуꙋчатъ—ib. 123. 2. 14. наꙋчьнетъ—ib. 112. 2. 31.

Изъ другихъ славянскихъ языковъ мы знаемъ, что это явленіе (*ў—в*) извѣстно южнымъ славянскимъ языкамъ, и извѣстно даже въ памятникахъ древней письменности. Такъ, напр., въ старомъ болгарскомъ языкѣ мы находимъ въ Тріоди Григоровича (XII—XIII в.): възратъ вм. оузратъ—стр. 339 (*Срезневскій* Пам. юсов. п.), ѡправдити — 340, къ ѹуреѡмъ—340, ѹуреискаамп—343, въ праудѫ—343. Такимъ образомъ, мы съ этимъ явленіемъ встрѣчаемся гораздо раньше въ памятникахъ болгарской редакціи, чѣмъ это показалъ П. А. *Лавровъ* въ своей книгѣ: „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка". М. 1893. Здѣсь мы находимъ (стр. 90) старшій примѣръ показаннымъ изъ Хлудовскаго Паремейника (XIII—XIV в.): любащіе мыто гонащіе оуздаганиıа—21 об., но примѣровъ изъ Тріоди Григоровича вовсе нѣтъ; зато мы здѣсь знакомимся съ этимъ явленіемъ въ говорахъ болгарскаго языка, узнаемъ, что это явленіе распространено въ современныхъ говорахъ западно болгарскихъ, хотя извѣстно оно и въ восточныхъ: унук, унука, вхоту, вблиза и друг. (ib. 90.). Это же явленіе извѣстно и въ сербохорватскомъ языкѣ, какъ мы видѣли выше. Въ сербскихъ пѣсняхъ мы часто видимъ примѣры: Која књига од Будима града, краљ га уњој у сватове зове; чашу узе, у сан се занесе; аде Марко у гору зелену; у јутру и мн. др. (*Караджичъ.* Пјесме. II. (1845 г.). Стр. 363. 364. 366 и мн. др.). Такимъ образомъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что разсматриваемое звуковое явленіе, мѣна или чередованіе *ў* и *в*, извѣстно было въ той части общеславянскаго языка, отъ которой пошли южно-славянскіе языки вмѣстѣ со стрслав. и русскимъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя думать, что это явленіе въ русскомъ языкѣ нѣкогда было діалектическимъ, а не общерусскимъ, когда оно и теперь извѣстно всѣмъ главнымъ нарѣчіямъ русскаго языка. Мы его видѣли и въ малорусскомъ, и въ бѣлорусскомъ, и въ великорусскомъ, гдѣ оно извѣстно и на сѣверѣ, и на югѣ: и въ Новгородской и Вологодской губерніяхъ, и въ Рязанской, въ Орловской, въ Курской, въ Черниговской. Напр., въ Курск. Бѣлгород. у. мы слышимъ: у лєси, вгава́ривал, уста́л (*Ха-*

ланскій. Образцы... Изъ Р. Ф. В. 1882. Пѣсня № 6); ухажу́ я, каралєвич, у свитли́чиньку; ни вбива́й сибє—ib. № 7; вда́рить—ib. III. № 8; уся́, усе́—ib. № 32. (Кр. Поляна); № 44. 45. и друг. Срв. въ *Тульской* губ. Новосильск. у.: „у ногахъ топтать"—*Шейнъ.* Рус. Нар пѣсни. М. 1870. Стр. 413. № 2; „я изъ саду да у садъ" —ib. 414. № 4; „часто ѣздишь ты у гости безъ меня"—ib. 422. № 12; „подушечки потонули у слезахъ"—ib. Срв. №№ 15. 16. (Хотя вообще у *Шейна* эти всѣ пѣсни очень дурно записаны). Итакъ, сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что чередованіе *ў* и *в* въ русскихъ говорахъ не занесено какой-либо колонизаціей изъ одной мѣстности въ другую. Незадолго до начала исторической жизни, а, можетъ быть, и въ началѣ своей исторіи, русскій языкъ зналъ произношеніе звука *в очень близкое къ ў*, такъ что мѣстами яснѣе слышалось *ў*, мѣстами *в*. Замѣтимъ далѣе, что въ *ў* могло переходить *только в*, т. е. согласный губной (губно-зубной?) *звонкій фрикативный.* Въ самомъ дѣлѣ, ни въ древнихъ русскихъ памятникахъ, ни въ современныхъ говорахъ мы не имѣемъ *ни одного случая,* гдѣ бы звукъ *ў* (неслоговое) стоялъ на мѣстѣ *глухого* губного, т. е. на мѣстѣ звука *ф*, хотя конечные, напримѣръ, согласные *звонкіе* едва ли не въ первые вѣка исторіи русскаго языка, тотчасъ послѣ исчезновенія *глухихъ* ъ и ь, стали въ извѣстной части говоровъ русскаго языка (а, можетъ быть, и во всѣхъ говорахъ р. языка) произноситься *глухо*, т. е. *в* переходило въ *ф*, *з*—въ *с* и проч. Что это явленіе перехода звонкихъ согласныхъ въ глухіе было извѣстно русскому языку (и старославянскому ?) послѣ исчезновенія изъ произношенія глухихъ гласныхъ ъ и ь, ясно видно, во—1-хъ, изъ *ассимиляціи* конечнаго звонкаго согласнаго предыдущаго слова слѣдующему глухому согласному другого слова, стоящаго рядомъ съ первымъ. Такъ какъ въ рѣчи *чрезвычайно рѣдко* слова отдѣляются такой продолжительной паузой, чтобы при говорѣ слова казались *отдѣльно* стоящими, то такая ассимиляція въ рѣчи должна была проявиться *очень рано*, тотчасъ послѣ потери глухихъ ъ и ь, и въ самомъ старославянскомъ языкѣ. Эта ассимиляція, конечно, попадала на письмо *очень рѣдко*, такъ какъ проникновенію ея въ письмо препятствовала литературная, орѳографическая традиція и оригиналы болѣе ранней эпохи языка. Если мы имѣемъ *въ самыхъ древнихъ* памятникахъ стрсл. языка такія написанія, какъ: бес плода, бес

печали, ис корабл̇ѣ, ис корене и т. п. при без грѣха, без народа, без мене, из васъ и т. п., т. е. въ ту эпоху, когда еще можетъ быть допущено существованіе глухихъ гласныхъ ъ и ь въ старослав. языкѣ, если далѣе мы имѣемъ въ этихъ же самыхъ памятникахъ указанія на то, что глухіе ъ и ь переставали произноситься въ серединѣ и концѣ словъ въ эту эпоху (X—XI в.), такъ какъ ъ и ь часто на письмѣ *опускались* въ означенномъ положеніи, то какое-же у насъ разумное основаніе можетъ быть для того, чтобы отрицать ассимиляцію конечнаго *звонкаго* согласнаго съ начальнымъ *глухимъ* согласнымъ слѣдующаго слова *во всѣхъ словахъ,* а не только въ словахъ: без, из и под.?! Въ русскихъ памятникахъ мы имѣемъ то-же явленіе пропуска ъ и ь и объ этихъ памятникахъ мы можемъ говорить еще съ большимъ правомъ, утверждая въ XI вѣкѣ уже ассимиляцію конечныхъ согласныхъ одного слова и начальныхъ другого въ живомъ говорѣ. Срв., напр., въ Архангельскомъ Евангеліи 1092 г.: ѿ кꙑхъ приѥмлють дани или кинозъ (греч. ἢ κῆνσον)—Ркп. Рум. Муз. № 1666. л. 37.—Въ Остр. Ев.: отъ кꙑихъ приѥмлѭть дани или кинсъ—Востоковъ. О. Е. л. 72. Но на л. 42. въ Арх. Ев. мы уже читаемъ: дати киносъ при О. Е. дати кинсъ—Вост. л. 78. Слѣдовательно, мы наглядно видимъ, что *болѣе всего зависитъ отъ аккуратности переписчика:* въ О. Е. въ одномъ мѣстѣ *точно такъ,* какъ и въ другомъ. Такимъ образомъ, надо признать, что уже въ XI вѣкѣ въ русскомъ языкѣ была такого рода ассимиляція въ произношеніи (Срв. *Соболевскаго.* Лекціи [2]. Стр. 108—109 и 98—99). Если это такъ, то чѣмъ объяснить неслоговое *ў въ концѣ словъ* въ сѣверно-русскихъ, южно русскихъ, средне-русскихъ и западно-русскихъ современныхъ говорахъ? Мнѣ кажется, *единственное* объясненіе, которое можно дать этому явленію, будетъ то, что *переходъ звука в въ неслоговое ў,* или чередованіе этихъ звуковъ, былъ извѣстенъ русскому языку *еще въ ту эпоху, когда конечные звонкіе согласные еще не переходили въ глухіе согласные,* т. е. предположивъ, что конечные ъ и ь исчезли въ русскомъ языкѣ изъ произношенія въ доисторическую эпоху, мы должны допустить существованіе такого періода времени, когда конечные звонкіе согласные и послѣ исчезновенія ъ и ь звучали, не переходя въ глухіе со-

гласные; этотъ періодъ времени продолжался во всякомъ случаѣ до XI-го вѣка, а, можетъ быть, захватилъ собой и XI-й вѣкъ нашей исторіи. Ясно, что русскій языкъ, получивъ изъ діалектовъ общеславянскаго языка такое *v*, которое было близко къ *u͡*, или оба звука: и *v* и *u͡*, пользовался этими звуками долгое время. слѣдовательно, и въ эпоху произношенія глухихъ *ъ* и *ь* (ирраціональныхъ), и въ эпоху, *непосредственно* слѣдовавшую за исчезновеніемъ глухихъ *ъ* и *ь* въ концѣ словъ. Такимъ образомъ, въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ мы имѣемъ конечное неслоговое *ў* вмѣсто *в*, мы имѣемъ окончанія словъ на *звонкіе* звуки, т. е. мы имѣемъ *остатки глубокой старины*, подобно тому, какъ мы имѣемъ остатки глубокой старины въ нѣкоторыхъ дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ, въ нѣкоторыхъ ударяемыхъ окончаніяхъ глаголовъ (напр., спите́, хотитё, глядитё и др.), въ формахъ глагола 3-го лица ед. и мн. ч. безъ окончанія (пише, ѣде, несе...), въ произношеніи звука *е* въ такихъ формахъ, какъ живе́те, живе́ть вм. живёте, живёть и мног. др. Физіологически близко стоитъ звукъ *u͡* къ звуку ł открытому твердому: тѣ люди, у которыхъ замѣчается ненормальность рѣчи, послѣдняя выражается очень часто въ произношеніи звука *u͡* вмѣсто ł: ўотка, ми́ўая, ма́сўа, нашо́ў, асўабля́ть и под. Сравненіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ показываетъ, что общеславянскій языкъ имѣлъ какъ l закрытое (общеевропейское), такъ въ извѣстныхъ случаяхъ и ł открытое (русское „лъ“); l закрытое могло быть твердымъ, среднимъ и мягкимъ въ зависимости отъ сочетанія со слѣдующими гласными или согласными. Въ праруссій языкъ твердый и средній звукъ l закрытый (слоговой и неслоговой) былъ полученъ въ видѣ ł открытаго, а мягкій звукъ l такъ и былъ полученъ мягкимъ закрытымъ (См. *Шахматова.* Лекціи по р. яз. стр. 138 и слѣд.). Я полагаю, что данныя тѣхъ славянскихъ языковъ, гдѣ мы видимъ *u͡* вмѣсто ł, напр., въ сербскомъ, въ русскомъ (малор. и бѣлор., частью великор.), указываютъ намъ на свое происхожденіе отъ тѣхъ нарѣчій общеслав. языка, въ которыхъ судьба общеславянскаго звука *l* была одинакова, т. е. въ которыхъ это общесл. *l* (твердое и среднее, слоговое и неслоговое) закрытое измѣнилось *въ открытое.* Думаю, что и въ сербскомъ языкѣ судьба этого общесл. *l* была такая же. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ серб. пун, млр. повний, блр. повный; серб. во (волъ), дао, плео,

читао; млр. пішов, ходив. знайшов, дав, казав; блр. ходзіў, даў, ўзяў, сказаў и проч. Сравненіе этихъ произношеній показываетъ, что въ основѣ ихъ всѣхъ должно было лежать произношеніе съ неслоговымъ *ȗ*: серб. пун, вѣроятно, изъ *поўн; во изъ *воў (срв. нашу форму въ ряз. касим. дамó, далó изъ домóў, долóў—выше); дао изъ *даў и проч. Эти два процесса: *v* и *ȗ*, съ одной стороны, ł и *ȗ*,—съ другой, въ теченіи времени столкнулись, и отсюда мы стали замѣчать чередованіе *v* и ł: такое общесл. слово мы имѣемъ *слобода* при *свобода* изъ sȗobȯda. Срв. въ Ряз. Грамотѣ Олега 1356 г. *слободичь* при *сгадавъ ѥсмь* и *воззрѣвъ ѥсмь* (*Срезневскій*. Памятн. р. п. и яз. Изв. АН. X. вып. VI. Стр. 678—679. Здѣсь же: *ѥсмь далъ* и *ѥсмъ въѥхалъ*). Такое-же общесл. слово мы имѣемъ, съ другой стороны, въ словѣ: *завтра* при *заоутра*.

Такимъ образомъ, признавая чередованіе и мѣну звуковъ *ȗ* и *v* общеславянскимъ явленіемъ и предполагая, что это звуковое явленіе было получено изъ общеславянскаго языка и прарусскимъ языкамъ (или его нарѣчіями), мы вовсе не признаемъ такой-же древности за другимъ фонетическимъ чередованіемъ ł и *ȗ* (v), такъ какъ для этого нѣтъ данныхъ и въ древнихъ памятникахъ славянской письменности, но утверждаемъ что послѣднее фонетическое явленіе могло развиваться лишь въ тѣхъ языкахъ, гдѣ судьба общеславянскаго звука *l* была одинаковой, т. е. въ тѣхъ языкахъ, гдѣ былъ полученъ ł открытый изъ l закрытаго твердаго и средняго. Первый звуковой процессъ лишь пережилъ собой второй процессъ, и оба процесса, такъ сказать, прониклись другъ другомъ въ жизни языковъ, а потому съ теченіемъ времени получились явленія перехода не только *в* въ *ў* (*ў* въ *в*), но и *л* въ *ў* и *в* въ *л* (или *л* въ *в*).

Перехожу теперь къ другому явленію въ области звука в. Мы уже знаемъ, что въ говорахъ Касимовскаго уѣзда извѣстенъ и очень распространенъ *переходъ звука в въ γ*, а звука *ф* (только изъ *в*)—въ *x*. Именно, объ этомъ явленіи мы будемъ теперь говорить, не касаясь перехода звука *ф* (не изъ *в*) въ *x* и *xв*, о чемъ рѣчь должна быть особая, т. е. о звукѣ *ф*. Въ I-ой части своего труда мы старались точно опредѣлить *условія*, при которыхъ появляется въ нашихъ говорахъ звукъ *γ* (*x*) вмѣсто *в* (*ф*). Теперь мы займемся параллельнымъ обозрѣніемъ этого или соотвѣтствующаго этому звукового явле-

нія въ другихъ русскихъ говорахъ и постараемся выяснить значеніе открытыхъ нами звуковъ въ касимовскихъ говорахъ для исторіи звуковъ русскаго языка вообще. Такъ какъ появленіе звука *γ* вмѣсто *в* въ нашихъ говорахъ, по нашему мнѣнію, проливаетъ свѣтъ на извѣстное, но еще загадочное явленіе чередованія звука *в* и *γ* по говорамъ въ формѣ родит. падежа ед. числа муж.—средняго рода именъ прилагат. и мѣстоименій, то эти два явленія и необходимо разсматривать въ связи. Я полагаю, что интересующее насъ явленіе фонетики нашихъ говоровъ имѣетъ очень важное, можно сказать, рѣшающее значеніе въ теоріи падежнаго окончанія—*во*,—*γо* въ род. п. ед. ч. муж.—средн. рода. Ниже читатель долженъ будетъ припомнить еще одно интересное явленіе нашихъ говоровъ, именно, звуковую группу *γи*, о которой предварительно и скажемъ нѣсколько словъ. Что касается этого послѣдняго явленія, то оно намъ встрѣтилось, какъ сказано было въ I ой части нашего труда, въ говорѣ села *Праватарово* Касимов. уѣзда. Хотя я и затруднялся слухомъ уловить послѣдовательность этихъ звуковъ *γи* или *иγ*, но самый этотъ звуковой комплексъ въ живомъ говорѣ народа имѣетъ для насъ особую важность, именно, въ виду того, что мы теперь до нѣкоторой степени уясняемъ себѣ тотъ фонетическій процессъ, который, повидимому, имѣлъ мѣсто при образованіи словъ съ діалектическими различіями въ начальныхъ звукахъ слова: то съ начальнымъ *в*, то съ *γ*, то съ *γв*, то безъ какого-либо изъ этихъ согласныхъ.

Мы теперь можемъ пред тавить себѣ произношеніе въ *прарусскомъ* языкѣ такихъ словъ, которыя начинались въ ту эпоху предполагаемымъ слитнымъ звукомъ *γv* и впослѣдствіи дали діалектическія разновидности съ начальнымъ звукомъ *γ* и начальнымъ звукомъ *v*. По указанію *Фортунатова* и *Шахматова* [1]), необходимо допустить общеславянскій звукъ *γ* изъ первоначальнаго *g* въ фонетическомъ положеніи передъ *v*: γvor̥bijь, γvьr̥sta, γvozdъ, γvǫkъ; это *γ* въ указанномъ положеніи перешло въ прарусскій языкъ; такое-же *γ* предполагается діалектически въ общесл. и прарусскомъ языкахъ въ положеніи его передъ начальнымъ общеслав. ǫ и прарус-

[1]) *Шахматовъ*. Лекціи. 1890—91 г. Стр. 118.

скимъ *и* въ словахъ: *γǫs'ѣnica при *ǫs'ѣnica, въ корнѣ *γǫz— при *ǫz.—Наконецъ, этотъ звукъ *γ* общеславянскій, не діалектическій, перешедшій и въ праруccкій языкъ, являлся въ окончаніи родительнаго падежа ед. числа мѣстоименнаго склоненія [1]): toγo. dobraeγo и проч. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая, напр., слова: влкр. *воробей*, блр. *веребей*, съ одной стороны, и млр. *воробець* при *γоробець*,—съ другой, затѣмъ, находя въ малорус. діалектахъ произношеніе *γворобець*, мы, естественно, должны предполагать для праруccкаго языка произношеніе *γvorobіjъ, и, такимъ образомъ, въ млр. діалектическомъ *γворобець* мы имѣемъ остатокъ глубокой старины. Равнымъ образомъ, наблюдая произношеніе такихъ словъ въ малорусскомъ нарѣчіи, въ которыхъ является начальное *γв* передъ слѣдующимъ твердымъ гласнымъ и начальное *дзв* передъ слѣдующимъ мягкимъ, мы приходимъ къ заключенію, что этотъ слитный звукъ *дз* получился изъ звука *γ* передъ *v* въ праруccкую эпоху въ положеніи, когда послѣ *v* были мягкія гласныя: e, i, ь, ę. Такъ, мы предполагаемъ: *γvękъ на основаніи млр. дзвяк и для общесл. языка—на основаніи польскаго dzwięk; *γvьnѣti—на основаніи млр. дзвенiти и для общесл. языка—на основаніи старосл. ѕвьнѣти (См. *Срезневскаго*. Пам. юсов. п. Стр. 96 и 161). Мы предполагаемъ праруccкое *γvѣrъ и общеславянское *γvѣrъ (см. *Срезневскаго*. ibid. и 63: Минея Григоровича и 68—Парем. Григоровича); вѣроятно, этотъ же звукъ мы имѣемъ передъ звукомъ *м* со слѣдующей мягкой гласной, какъ показываютъ: стрсл. ѕмии, млр. дзмій. Мы предполагаемъ праруccкое *γvьrsta на основаніи новгор. и псков. гверста (=дресва. Даль s. v.) и общесл. γvьrsta на основаніи чш. hrstwa, серб. дубровац. врста изъ *гврста.

Этотъ звукъ *дз* или *з* переносился изъ словъ со слѣдующимъ мягкимъ гласнымъ послѣ *в* и въ слова родственныя, въ которыхъ уже не было мягкаго гласнаго послѣ *в*, передъ которымъ, согласно вышесказанному, стоялъ въ общеславянскомъ звукъ *γ*, который въ этомъ положеніи уже не долженъ

---

[1]) См. также мою рец. на книгу *Булича*: «Церковно-слав. элементы»... Спб. 1893. Отдѣльный оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ» Казан. Унив. Казань. 1894 г. Стр. 1—3. (Учен. Зап. 1894. Май—Іюнь. Критика. Стр. 1—3)

бы былъ дать звуки *дз* и *з*; такъ, мы имѣемъ изъ общеслав. γvǫkъ—звѫкъ; срв. польск. dzwon, dzwonić и млр. дзвін, дзвонити; млр. звоздик (влр. гвоздика), звіздь (при γвіздь), звіздик указываютъ на такое же прарусское γ. Срв. также: млр. γусли при блр. вусли изъ прарусскаго *γvusli.

Такимъ образомъ, еще для общеславянскаго языка мы должны предположить звуки *g* и *γ*; въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ (см. выше) звукъ γ перешелъ и въ прарусскій языкъ, для котораго этотъ звукъ доказывается русскими нарѣчіями и говорами въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) тамъ, гдѣ онъ чередуется по говорамъ со звукомъ *в*; 2) тамъ, гдѣ онъ встрѣчается въ начальномъ слогѣ слова въ сочетаніи съ *в* въ однихъ діалектахъ, а въ другихъ при этомъ мы имѣемъ то одно *γ*, то одно *в*; 3) тамъ, гдѣ мы имѣемъ русское діалектическое *з* (*дз*) при *г*, *γ*.

Наши говоры даютъ намъ новые матеріалы, во-первыхъ, для построенія и доказательства прарусскихъ формъ съ звуковымъ сочетаніемъ *γv* (*γu̯*), во-вторыхъ, для доказательства того, что формы родительнаго падежа на—*во* произошли, именно, изъ формъ на—*γо*, а не на—*gо*. Возьмемъ первый пунктъ. Наши говоры даютъ намъ образцы произношеній съ звуковымъ сочетаніемъ *γў* или *ўγ* между гласными. Выше мы видѣли, что *Шахматовъ* предполагаетъ такое сочетаніе звуковъ *только въ начальномъ слогѣ* тѣхъ словъ, которыя нынѣ по діалектамъ начинаются то звукомъ *γ*, то звукомъ *в*: γоробець, воробець, воробей; γусли, вусли и под. Мы же имѣемъ въ нашихъ говорахъ произношеніе: дура́ва при дура́γўа (см. выше); въ Словарѣ Даля находимъ подъ словомъ: „дуракъ“ слово: „дура́ха“—ряз.—дурника: „растенье и ягода пьяница, голубика, гонобобель, гоноболь. Vaccinium uliginosum“. Очевидно, въ Словарѣ „дура́ха“ вмѣсто „дура́γа“. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ произношенія: дурава, дураγа и дураγўа, т. е. такое-же произношеніе, какъ и въ словѣ: воробець, γоробець и γворобець, откуда мы выводимъ для прарусскаго произношеніе: дура́γўа и, кромѣ того, допускаемъ, что въ прарусскую эпоху не только въ начальномъ слогѣ слова были сочетанія γu̯, но *и въ срединѣ словъ между гласными.*

Возьмемъ второй пунктъ. Наши говоры показываютъ намъ, что звукъ γ находится въ чередованіи, именно, со зву-

комъ *в*: нигдѣ мы не видѣли звука *г* вмѣсто *в* или наоборотъ (срв. выше: *ɣ*мѣсти – вмѣстѣ, *ɣ*бок—въ бокъ и мн. др.). слѣдовательно, если мы наблюдаемъ нынѣ произношеніе: дурнó*ɣ*а и дурнóва при дурнó*ɣ*о или дурнóво, то на основаніи вышесказаннаго мы вправѣ утверждать, что въ орѳографическомъ „дурнóго" мы видимъ только условную передачу звука *ɣ* знакомъ *г*, который однако не выражаетъ и не выражалъ, вѣроятно, никогда въ русскомъ языкѣ звука *г* въ окончаніяхъ родительнаго падежа единств. числа мѣстоименій и прилагательныхъ мѣстоименнаго склоненія. Наши-же говоры позволяютъ намъ сдѣлать и слѣдующее предположеніе насчетъ такихъ словъ, какъ: *когда*, *тогда*, *всегда*. Если мы въ этихъ словахъ теперь имѣемъ діалектическое *в*: *товды* (*Шейнъ*. Матеріалы. II. 334), *ковды*, то мы вправѣ утверждать, что здѣсь былъ прарусскій звукъ *ɣ*, а не *г*, и этотъ *ɣ* до сихъ поръ остался почти во всѣхъ діалектахъ; при формахъ *товды*, *ковды* становятся понятными и формы: *толды*, *колды* черезъ формы *тоўды́, коўды́, *всеўды́. (См. выше) [1]). Въ говорѣ галицкихъ Лемковъ, гдѣ также извѣстенъ переходъ звука *в* въ *ў*, мы находимъ и переходъ звука *в* въ *ɣ* (*ф* изъ *в* переходитъ въ *х*): гъ лісі, хпаў гъ воду и друг. (*Соболевскій*. Жив. Стар. 1892 г. IV. 54).

Переходъ мягкаго в въ j. Объ этомъ явленіи мы говорили уже нѣсколько выше по другому поводу: именно, объясняя мѣстоименныя формы *тей*, *сей* родит. падежа и приводя объясненія *Соболевскаго*. Здѣсь мы обстоятельно разберемъ это явленіе нашихъ говоровъ. Оно заключается въ слѣдующемъ: неслоговое *ў*, находясь въ нашихъ и нѣкоторыхъ другихъ говорахъ въ концѣ словъ, побудило насъ сдѣлать предположеніе о томъ, что явленіе перехода звука *в* въ неслоговое *ў* по времени предшествовало явленію перехода звучныхъ согласныхъ въ глухіе въ концѣ и серединѣ словъ, а, такъ какъ послѣднее явленіе перехода звучныхъ согласныхъ въ глухіе началось очень рано, слѣды его замѣчаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже въ XI вѣкѣ, то, значитъ, явленіе перехода твердаго звука *в* въ неслоговое *ў* есть явленіе доисторическое въ русскомъ

---

[1]) Срв. у Ѳ. Е. *Корша* въ статьѣ: Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen. Archiv. f. sl. Ph. III. 666. ff.

языкѣ; мы пришли къ заключенію, что русскій языкъ вынесъ изъ общей родины звукъ неслоговое u̯ и v, которые во многихъ случаяхъ и діалектахъ смѣшивались и не различались другъ отъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ *конечный* звукъ *в* успѣлъ превратиться въ глухой *ф*, мы видимъ въ концѣ словъ или этотъ звукъ *ф*, или его замѣстителя—звукъ *х* (см. ниже). Если же *цѣлый говоръ* имѣетъ на концѣ словъ неслоговое *ў*, то это равносильно тому, что въ немъ сохранилось звучное окончаніе словъ на согласную, т. е. этотъ говоръ долженъ считаться поэтому говоромъ древнѣйшимъ, архаическимъ. Нѣчто подобное мы имѣемъ и въ переходѣ *мягкаго в* въ неслоговое *i̯* или *j*: произношеніе дѣi̯ки или дѣjки я считаю болѣе древнимъ, чѣмъ произношеніе дѣфьки или дѣфки. Непосредственно послѣ исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь* изъ произношенія должно было получиться произношеніе *дѣвки*, а затѣмъ—*дѣвьки* (*дѣв'ки*), гдѣ *ь* означаетъ мягкость предшествующаго *в* въ положеніи передъ слѣдующимъ *мягкимъ* звукомъ *к*. Такого произношенія мы уже нигдѣ нынѣ не слышимъ, слѣдовательно, оно утрачено *очень рано*, по крайней мѣрѣ, извѣстной частью русскаго языка, а, можетъ быть, его и не было никогда: по всей вѣроятности, въ эпоху исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь* мы уже имѣли произношенія: *дѣўка* и *дѣjки* (дѣi̯ки), гдѣ начертаніемъ—*ки* я выражаю *вообще мягкій слогъ*, не входя въ подробности о томъ, что окончаніе—*ки* есть, собственно говоря, окончаніе позднѣйшее (дѣўка—дѣjцѣ ...). Такъ могло быть и гораздо раньше эпохи исчезновенія глухихъ *ъ* и *ь*, такъ какъ въ означенномъ положеніи глухіе *ъ* и *ь* были *неслоговыми* еще въ общеславянскомъ языкѣ и тамъ-же уже, вѣроятно, не произносились или теряли частью свое произношеніе. Какъ скоро получилось произношеніе *дѣфка* и *дѣфьки*, то оно *діалектически* уже могло переходить въ русскомъ языкѣ въ произношеніе *дѣхка* и *дѣхька* (см. I-ую часть нашего труда—эти произношенія въ Касимовскихъ говорахъ). Такія произношенія, какъ *дѣхка*, *дѣхьки*, конечно, *новѣе* первыхъ произношеній съ неслоговыми *ў* и *i̯* (*j*), а потому *и говоры*, въ которыхъ извѣстны *только* послѣднія произношенія, *новѣе* тѣхъ говоровъ, которые представляютъ намъ образцы разныхъ произношеній, возникшихъ въ извѣстной послѣдовательности во времени. Точно такое-же значеніе въ вопросѣ о древности имѣетъ и произношеніе: жыjѐть—3 л. ед. ч.—нашихъ говоровъ, гдѣ мы

видимъ по отношенію къ звуку *j* явленіе глубочайшей древности: на это указываютъ формы польскаго, чешскаго, лужицкаго языковъ и діалектическая *прарусская*, на что, въ свою очередь, указываютъ формы млр. нарѣчія (*Miklosich*. Etym. Wtb. s. v. živ.—). Едвали можно разсматривать форму „живётъ“ и под. нашихъ говоровъ и литературнаго нарѣчія, какъ форму *особаго*, но тоже *древняго*, образованія, такъ какъ трудно допустить вставку звука *в* тамъ, гдѣ не было зіянія. Срв. жую́—жуётъ, гнію́—гніётъ и под. Я думаю, что формы „живётъ“ и под. суть формы болѣе позднія, новыя.

Такимъ образомъ, во всей главѣ о звукѣ *в* мы пришли къ заключенію, что звукъ *в* сохранялъ свою близость къ неслоговому *ў* долгое время почти во всѣхъ говорахъ русскаго языка: данныя изъ памятниковъ Новгородскихъ, Двинскихъ, Псковскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, Галицко-волынскихъ (? Ипатьевскій списокъ) убѣждаютъ насъ въ томъ, что разсматриваемое явленіе въ области звука *в* было *общерусскимъ* явленіемъ фонетики, и что, слѣдовательно, были какія-то причины въ самомъ прарусскомъ языкѣ, вслѣдствіе которыхъ звукъ *в* могъ переходить въ *у*, звукъ *у* переходилъ въ *в*. само *в* то опускалось, то вставлялось, то приставлялось. Эти причины, я думаю, кроются въ особомъ произношеніи звука *в* въ прарусскомъ языкѣ, гдѣ *не было двухъ звуковъ*, рѣзко различавшихся другъ отъ друга: *в* и *ў*, а былъ одинъ звукъ—неслоговое u̯, которое съ теченіемъ времени въ однихъ говорахъ превратилось въ *в*, въ другихъ продолжало сохраняться, затѣмъ произошло взаимное вліяніе словъ съ различными оттѣнками произношенія и взаимное вліяніе говоровъ; кромѣ *u̯*, былъ, конечно, звукъ u̥—слоговой [1]).

Переходимъ къ звуку ф въ нашихъ говорахъ. Въ этой статьѣ о звукѣ *ф* мы будемъ говорить, конечно, о томъ звукѣ, который самъ по себѣ въ русскомъ языкѣ является зву-

[1]) Примѣры, приведенные здѣсь изъ памятниковъ, мы могли бы умножить примѣрами изъ западно-русской Четьи 1489 г., гдѣ есть масса случаевъ, относящихся сюда. *Карпинскій*. 12—13. Особенно замѣтно здѣсь: «употребленіе предлога *ув* вм. *въ* передъ словами, начинающимися съ *о*»: оув огонь—263. *Карп*. Стр. 13. Сюда же относятся многія данныя, собранныя нами въ первомъ нашемъ трудѣ: «Къ діалектологіи».... Стр. 61—72.

комъ вторичнымъ, т. е. звукомъ, который произошелъ *въ русскомъ* языкѣ изъ болѣе ранняго звука *в*. Какъ звукъ глухой (отзвучный), *ф* могъ появиться въ чисто русскихъ словахъ только въ положеніи передъ глухими звуками или въ концѣ слова; въ томъ и другомъ случаѣ образованіе этого звука предполагаетъ собой существованіе закона объ ассимиляціи согласныхъ звуковъ въ серединѣ слова и существованіе закона о переходѣ звонкихъ въ глухіе въ *дѣйствительномъ* концѣ словъ. Оба эти закона, конечно, по времени гораздо старше появленія звука *ф* въ русскомъ языкѣ, а потому и явленія фонетическихъ измѣненій звука *ф* сравнительно позднія и молодыя, такъ какъ предполагаютъ собой въ свою очередь существованіе сравнительно новаго звука *ф*. Едвали не одновременно съ возникновеніемъ звука *ф* въ русскомъ языкѣ появилась и его своеобразная артикуляція въ устахъ русскихъ людей: дѣло въ томъ, что этотъ звукъ могъ проникнуть въ русскую среду или книжнымъ путемъ, т. е. этотъ звукъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ первоначально только книжнымъ людямъ, отъ которыхъ онъ могъ съ теченіемъ времени передаваться и неграмотному народу, слышавшему этотъ звукъ лишь въ словахъ собственныхъ именъ, въ словахъ иностраннаго происхожденія, или же этотъ звукъ въ эпоху появленія книги былъ уже извѣстенъ и языку массы, если былъ въ это время уже законъ объ ассимиляціи согласныхъ и о переходѣ звонкихъ въ глухіе въ концѣ словъ. Навѣрное сказать что-либо по этому поводу трудно, но возможно предположить слѣдующее: такъ какъ, съ одной стороны, въ раннихъ памятникахъ письменности мы не встрѣчаемъ описокъ такихъ, которыя давали бы намъ право говорить о произношеніи книжными русскими людьми звука *ф* вмѣсто *в* въ извѣстныхъ случаяхъ, т. е. мы не видимъ написаній: фторой, фсегда, грѣхофъ и т. п., а, съ другой стороны, такъ какъ до сихъ поръ сохранились цѣлые сплошные говоры, гдѣ имѣется произношеніе ўторой, ўсё, грѣхóў и т. п., то мы, кажется, вправѣ изъ этого заключить, что неграмотный русскій народъ въ эпоху появленія письменности (конечно, и до появленія ея) говорилъ въ этихъ и подобныхъ словахъ не *ф*, а неслоговое *ў* (*в*); но мы имѣемъ въ современныхъ намъ говорахъ русскаго языка произношенія: хтарóй, мужыкóх—род. п. мн ч.—и т. п., которыя не могли получиться непосредственно изъ произношеній ўтарóй, мужы-

ко́у (или: второ́й, мужико́в), а, слѣдовательно, для этихъ говоровъ нужно предположить сначала произношеніе *фторо́й*, *мужико́ф*, которыя могли появиться, въ свою очередь, лишь тамъ, гдѣ слышался скорѣе элементъ *в*, чѣмъ неслоговое *ў*; въ такомъ случаѣ, этотъ звукъ *в*, послѣ того какъ началъ свое дѣйствіе законъ перехода конечныхъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе и законъ ассимиляціи, естественно, превратился въ *ф*, откуда его позднѣйшее видоизмѣненіе въ *х*.

Такимъ образомъ, звукъ *ф* въ извѣстныхъ случаяхъ могъ быть въ древности извѣстенъ не всѣмъ нарѣчіямъ или говорамъ русскаго языка, а лишь тѣмъ, въ которыхъ неслоговое *ў* было вытѣснено звукомъ *в*, или въ которыхъ, иначе говоря, *губное* (согласное) произношеніе преобладало въ звукѣ *ў* надъ гласнымъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, мы и теперь не имѣемъ почти звука *ф* тамъ, гдѣ произносятъ *ў*; наоборотъ, звукъ *ф* извѣстенъ и теперь тѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, гдѣ давнымъ давно утрачено произношеніе *ў*. Тѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ нынѣ *х* или *хв* изъ *ф* (изъ *в*) въ русскихъ нарѣчіяхъ съ неслоговымъ *ў*, можно съ увѣренностью считать случаями позднѣйшаго переиначеннаго произношенія на мѣстный ладъ, проникшими въ эти нарѣчія изъ сосѣднихъ со звукомъ *ф*, который и перешелъ здѣсь въ *х* или *хв*, такъ какъ звука *ф* здѣсь не было, и вмѣсто него въ иностранныхъ и собственныхъ именахъ издавна являлся звукъ *х* или *хв*. Наши говоры, при-Окскіе, суть говоры съ неслоговымъ *ў*, слѣдовательно, они не должны имѣть звука *ф*, а вмѣсто него должны употреблять въ чужихъ словахъ *х* (*хв*), а въ родныхъ словахъ должны сохранять слѣды произношенія звонкаго согласнаго на концѣ и въ серединѣ словъ, т. е. должны имѣть *ў*, причемъ случаи произношенія звука *х* вмѣсто *ў* (изъ *в* или вмѣсто *в*) въ нашихъ говорахъ должны свидѣтельствовать собой позднѣйшее заимствованіе такихъ словъ со звукомъ *ф* (изъ *в*) изъ сосѣднихъ говоровъ. Если это вѣрно, если наше предположеніе можетъ быть допущено, то мы, значитъ, имѣемъ въ нашихъ при-Окскихъ говорахъ остатки (конечно, сильно видоизмѣненные и разрушенные) древнихъ русскихъ говоровъ *шепелеватыхъ съ неслоговымъ ў* (остатки говоровъ той части восточныхъ славянъ, которая разошлась по пространству нынѣшней средней Россіи и получила въ древности различныя на-

званія отъ мѣстностей своего поселенія—Древлянъ, Полянъ, Полочанъ, Сѣверянъ, а также—различныя прозвища отъ сосѣдей—Радимичей, Вятичей, Дреговичей).

Намъ нѣтъ надобности здѣсь приводить примѣры произношенія звука *ф*, какъ *х* и *хв*, въ русскихъ говорахъ, такъ какъ это въ достаточной полнотѣ сдѣлано нами въ IX-ой главѣ I-ой части нашего труда. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что такое произношеніе звука *ф* извѣстно нынѣ почти во всѣхъ говорахъ въ большей или меньшей степени, причемъ нѣкоторые говоры по преимуществу обладаютъ этой вообще сравнительно не древнею особенностью. Нѣсколько особнякомъ стоитъ *полушепелеватый* говоръ Новгородской губерніи, тогда какъ говоры средней полосы Россіи въ этомъ отношеніи ближе тѣснятся къ говорамъ юга.

Глава VII-ая.

Задне-небные согласные: *г* и *к*.

Въ X-ой главѣ I-ой части мы собрали данныя относительно произношенія звуковъ *г* и *к* въ современныхъ и древнихъ русскихъ говорахъ. Эту главу начали мы обозрѣніемъ и перечисленіемъ тѣхъ звуковъ, гласныхъ и согласныхъ, которые, по нашему мнѣнію, крѣпко связываютъ изслѣдуемые нами касимовскіе говоры съ глубокой стариной. Въ частности по отношенію къ задне-небнымъ звукамъ *г* и *к* мы указали на звуки *г* и *γ* въ нашихъ говорахъ, на чередованіе *г* мягкаго и *д*, *к* мягкаго и *т*, затѣмъ пришли къ выводу, что прарусскому языку должны были быть извѣстны звуковые комплексы *гγ* и *кх*. Намъ остается здѣсь только прибавить, что по отношенію къ верхне-лужицкому нарѣчію за послѣднее время мы успѣли навести кое-какія справки у людей, владѣющихъ практически этимъ нарѣчіемъ, и мы замѣтили въ произношеніи этихъ лицъ призвукъ *х* при звукѣ *к* въ тѣхъ словахъ, которыя мы приводили выше въ X-ой главѣ I-ой части. Далѣе мы развивать свою мысль не будемъ, такъ какъ этотъ экскурсъ въ области произношенія задне-небныхъ

звуковъ *г* и *к* имѣетъ лишь *посредственное* отношеніе къ матеріаламъ, заключающимся въ нашихъ касимовскихъ говорахъ, а потому и во II-ой части своего труда мы оставляемъ вопросъ о задне-небныхъ звукахъ *г* и *к* лишь намѣченнымъ, не удѣляя ему много мѣста. Въ виду этого обстоятельства, т. е. второстепеннаго значенія звуковъ *г* и *к*, равно какъ и звука *ф*=*х*, *хв*, для нашихъ говоровъ, наши разсужденія по поводу этихъ звуковъ и не нашли себѣ мѣста во II-ой части настоящаго труда, посвященной *опредѣленію отношенія* нашихъ касимовскихъ говоровъ къ другимъ говорамъ *по матеріаламъ*, *заключающимся* въ фонетикѣ нашихъ-же говоровъ Касимовскаго уѣзда.

Часть III-я.

ЗВУКИ ОБЩЕРУССКАГО ЯЗЫКА И ФОНЕТИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ, ОБУСЛОВИВШІЕ ВИДОИЗМѢНЕНІЕ ЭТОГО ЯЗЫКА ВЪ ОБЩЕВЕЛИКОРУССКІЙ И ЗАТѢМЪ ВЪ ОТДѢЛЬНЫЕ ЕГО ГОВОРЫ.

Сводя найденные нами звуки общерусскаго языка въ одно параллельное обозрѣніе, мы будемъ имѣть въ составѣ звуковъ этого языка слѣдующіе: *ō* въ закрытыхъ слогахъ ударяемыхъ и неударяемыхъ, *дифтонги* въ ударяемомъ и неударяемомъ положеніи, какъ болѣе поздняя эпоха; *дифтонгическое сочетаніе і͡е*, звукъ *средній* между *о* и *а* (*о*ᵃ) въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ. Въ области согласныхъ звуковъ мы нашли общерусскіе: звуки *средніе* между *ч* и *ц* (*ч*ᶜ, *ц*ᶜ), между *ж* и *з* (*ж*ᶾ, *з*ᶾ), между *ш* и *с* (*ш*ˢ, *с*ˢ); звукъ неслоговой *ў* съ большей или меньшей его близостью къ звуку *в*; сочетаніе *у͡ѵ* (*у͡и*), звуки *г* и *γ*, причемъ звуки *γ*, *г* и сочетаніе *у͡ѵ* (*у͡и*) были извѣстны *во всякомъ положеніи*.

Переходя къ типу общевеликорусскаго языка, прежде всего замѣтимъ, что послѣдній вынесъ съ собой нѣсколько звуковъ изъ общерусской эпохи, именно, долгое *ō* въ закрытыхъ слогахъ неударяемыхъ и ударяемыхъ; краткіе *о* и *е* разнаго происхожденія: общерусскіе краткіе гласные *полнаго* образованія и *о* и *е* изъ *ъ* и *ь* еще, можетъ быть, въ общерусскомъ языкѣ переходившіе въ гласные полнаго образованія; затѣмъ, дифтонгъ *у͡о* изъ *долгаго* гласнаго *только діалектически*; дифтонгическое сочетаніе *і͡е только діалектически*; звукъ *о*ᵃ въ

предударномъ слогѣ; звуки *средніе* діалектически (*ч*ц, *ж*з, *ш*с) и звуки *ч*, *ц*, *ж*, *з*, *ш*, *с*, какъ болѣе поздніе *изъ среднихъ*, развившіеся уже *по отдѣленіи* общевеликорусскаго языка; звукъ *ў* и звуки *у* и *в*, какъ болѣе поздніе, уже развившіеся изъ неслогового *ў* по отдѣленіи общевеликорусскаго языка; звуки *г*, *ү* и діалектически—сочетаніе *үv* (*үи*).

Законъ ударенія и *законъ утраты долготы* произвелъ новыя видоизмѣненія въ фонетикѣ общевеликорусскаго языка: тѣ говоры, къ которымъ принадлежалъ нѣкогда и нашъ говоръ Касимовскаго уѣзда, т. е. говоры при-Окскіе и при-Волжскіе, Двинскіе и Новгородскіе, распались подъ вліяніемъ закона объ утратѣ долготы въ закрытыхъ слогахъ на говоры съ дифтонгами старыми и новыми и говоры съ монофтонгами новаго происхожденія; послѣдовавшее затѣмъ распространеніе монофтонговъ во всѣхъ говорахъ было обусловлено уже закономъ о наибольшей силѣ ударяемаго слога и гласнаго, который въ ударяемомъ произношеніи прежде всего *въ этой части* говоровъ, сохранявшихъ дифтонги, *сократился* и взамѣнъ утраченнаго дифтонгическаго протяженія пріобрѣлъ *силу*, оставивъ еще на нѣкоторое время дифтонгическое протяженіе неударяемыхъ слоговъ. Неударяемое оа, потерявъ въ этихъ говорахъ свою явственность, *закрылось* въ слогѣ передъ ударяемымъ. Какъ особый фонетическій законъ, обусловившій выдѣленіе изъ общевеликорусской части сѣверно великорусскихъ говоровъ, появился *законъ лабіализаціи* конечныхъ гласныхъ въ неударяемомъ *закрытомъ* слогѣ, поведшій къ образованію гласныхъ типа *у* въ такомъ положеніи, между тѣмъ какъ гласные неударяемые въ *открытыхъ* слогахъ подверглись *закону расширенія*. Такимъ образомъ, важнѣйшими факторами обособленія нашихъ говоровъ являются фонетическіе законы: *потери долготы*, *стяженія ударяемаго дифтонга* и *законы конечныхъ слоговъ*. Напр., общерусское: рṓг дало ру͡ог, стянувшееся въ общевеликор. въ рóг; а общерусское игрáјо̄т дало игрáју͡от въ нашихъ говорахъ подъ вліяніемъ закона о стяженіи *лишь ударяемаго* дифтонга извѣстнаго происхожденія; общерусское дóбро̄й (род.—дат.—твор.—мѣстн. п. ед. ч. ж. р.) дало дóбру͡ой, а по закону конечныхъ закрытыхъ слоговъ въ нашихъ говорахъ—дóбруй; общерусское и общевеликорусское дáли измѣнилось въ нашихъ говорахъ подъ вліяніемъ того

же закона въ *дал̑а* съ его оттѣнками. Вотъ приблизительно какъ я представляю себѣ развитіе звуковъ въ нашихъ говорахъ. Что касается согласныхъ звуковъ, то здѣсь мы имѣемъ лишь развѣтвленіе по говорамъ тѣхъ звуковыхъ сочетаній, которыя очень хорошо сохранились въ своемъ древнѣйшемъ видѣ въ нашихъ говорахъ, благодаря условіямъ жизни и поселенія послѣднихъ.

Заключеніе.

Разсмотрѣвъ звуковой составъ нашихъ говоровъ, мы можемъ заключить, что наши говоры не подходятъ цѣликомъ ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ доселѣ типовъ: наши говоры нельзя назвать ни южно-великорусскими, ни сѣверно-великорусскими, ни бѣлорусскими, ни малорусскими въ строгомъ смыслѣ. Въ ихъ фонетикѣ встрѣчается много общаго съ каждымъ изъ названныхъ типовъ, но есть и свои особенности. Въ виду этихъ особенностей, которыя заключаются главнымъ образомъ въ сохраненіи тѣхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній, изъ которыхъ мы можемъ выводить нѣкоторыя звуковыя разновидности другихъ великорусскихъ говоровъ, слѣдуетъ, кажется, признавать наши говоры не исключительно смѣшанными, а скорѣе видоизмѣненными остатками древнихъ русскихъ говоровъ при-Окскаго края. Наши говоры дѣлаютъ возможнымъ предположеніе о существованіи говоровъ *шепелеватыхъ* съ *ў*, *дифтонгами* и *долгими* гласными; такіе говоры слышались, какъ мы видѣли, въ древнее время на большомъ пространствѣ средней Россіи. Въ зависимости отъ мѣстныхъ и историческихъ условій различныя русскія племена, принадлежавшія по говору къ типу шепелеватыхъ говоровъ, развили на мѣстахъ своего поселенія тѣ или другія звуковыя явленія, сохранивъ однако слѣды своего родства съ шепелеватыми говорами, сохранившимися донынѣ въ большей чистотѣ въ при-Окскомъ лѣсномъ краю. Существенное сходство нашихъ говоровъ съ говоромъ нынѣшнихъ вятчанъ въ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, а также нѣкоторыя географическія названія, позволяютъ намъ сдѣлать

предположеніе о томъ, что наши говоры суть видоизмѣненные говоры древнихъ вятичей Изъ предыдущаго ясно видно также, что наше дѣленіе великорусскихъ говоровъ на южно-великорусскіе акающіе и сѣверно-великорусскіе окающіе не основано на *исконныхъ* фонетическихъ различіяхъ между этими говорами, а на *современномъ* намъ звуковомъ отличіи тѣхъ и другихъ въ области одного вокализма. Въ исторіи восточно-русскихъ говоровъ вообще надо, оказывается, различать говоры *шепелеватые* и *полушепелеватые*, говоры съ неударяемымъ звукомъ *о* открытымъ и закрытымъ; изъ говоровъ полушепелеватыхъ съ открытымъ звукомъ *о* съ теченіемъ времени образовались говоры, называемые нами бѣлорусскими и акающими, а изъ говоровъ шепелеватыхъ съ закрытымъ звукомъ *о*—наши окающіе. Изъ говоровъ полушепелеватыхъ съ закрытымъ *о* ведутъ свое начало малорусскіе говоры. Эти всѣ говоры, соприкасаясь въ разныхъ мѣстахъ, представлялись мѣстами не въ чистомъ видѣ. Дифтонги и долгота гласныхъ должны быть признаны явленіями общерусской эпохи, такъ какъ слѣды этихъ явленій сохраняются во всѣхъ современныхъ русскихъ говорахъ. Нынѣшніе бѣлорусскіе говоры не ведутъ своего начала отъ какого-либо особаго типа: они принадлежатъ по происхожденію къ типу полушепелеватыхъ говоровъ съ открытымъ *о* и вмѣстѣ съ нынѣшними акающими составляли нѣкогда одно цѣлое. Изслѣдованные нами говоры въ связи съ данными изъ памятниковъ древней русской письменности уясняютъ намъ до нѣкоторой степени составъ русскаго племени доисторической эпохи. Аканье изслѣдованныхъ нами говоровъ принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ явленій. Рѣка Ока служитъ естественной границей между двумя говорами въ Рязанской губерніи.

Такимъ образомъ, въ исторіи нынѣшнихъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ надо различать древнѣйшую эпоху общей шепелеватости въ произношеніи, эпоху долгихъ гласныхъ въ открытыхъ и закрытыхъ слогахъ, эпоху долгихъ гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ, эпоху дифтонговъ въ закрытыхъ слогахъ, эпоху неслогового *и̑*, эпоху оттѣнковъ неударяемаго звука *о*. Ясное дѣло, что предки нынѣшнихъ акающихъ говоровъ вовсе не акали, и до эпохи аканья переживали всѣ вышеперечисленныя эпохи. Трудно сказать, въ какой послѣдовательности шли эти эпохи,

но можно утверждать, что 1) *слитные согласные* были вынесены большей частью русскихъ племенъ изъ общеславянской эпохи (шепелеватость съ ея оттѣнками по говорамъ); 2) *долгота* гласныхъ въ извѣстныхъ случаяхъ также была получена русскими славянами изъ общеславянской эпохи; 3) неслоговое *и̯* (болѣе или менѣе близкое къ *в* по говорамъ) также вынесено изъ общеславянской эпохи. Эпоха дифтонговъ среди русскихъ говоровъ наступила, по всей вѣроятности, послѣ отдѣленія русскихъ славянъ и въ языкѣ общерусскомъ находилась въ связи съ діалектическимъ развитіемъ и діалектической утратою старой долготы гласныхъ звуковъ, а также въ связи съ діалектическими разновидностями въ произношеніи неударяемаго звука *о*. 4) Въ общерусскую эпоху были звуковыя группы: *γ͡и̯*, *г͡γ*, *к͡х*, которыя, по всей вѣроятности, были извѣстны и въ общеславянскомъ языкѣ по діалектамъ. По отношенію къ племенамъ восточно-русскимъ, которыя заселили собой мѣстности въ бассейнахъ рѣкъ: Днѣпра, Западной Двины, Оки и Волги, можно утверждать, что эти племена или, лучше сказать, это племя по говору представляло нѣкогда одно цѣлое съ незначительными, можетъ быть, отличіями діалектическими, между тѣмъ какъ племена, жившія нѣкогда по Днѣстру и на западъ отъ него, по своему говору представляли болѣе отличій отъ группы восточно-русскихъ племенъ, чѣмъ эти послѣднія племена между собою. Явленія дзеканья, чеканья, цоканья, неслогового *и̯* и дифтонговъ въ нынѣшнихъ сѣверно-великорусскихъ, южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ доказываютъ, что тѣ элементы, которыми *нынѣ* различаются всѣ эти говоры другъ отъ друга, развились въ теченіе отдѣльной жизни русскихъ племенъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ зависимости отъ историческихъ и культурныхъ условій, различныхъ для каждой изъ этихъ мѣстностей. Нынѣшнихъ южно-великороссовъ и бѣлоруссовъ *въ историческомъ смыслѣ* по языку нельзя отдѣлять отъ сѣверно-великороссовъ, какъ народы, принадлежавшіе нѣкогда разнымъ племенамъ; можно только сказать, что эти всѣ народы нѣкогда принадлежали одному племени, языкомъ котораго былъ языкъ шепелевато-окающій, носившій въ себѣ лишь зачатки нѣкоторыхъ діалектическихъ разновидностей: такъ, одна часть этого племени (словѣне-новгородскіе) заключала

въ себѣ элементы будущаго о́канья съ извѣстными оттѣнками шепелеватости, другая—элементы будущаго аканья съ другими оттѣнками шепелеватости (древляне, поляне, сѣверяне), третья часть—элементы будущаго умѣреннаго аканья съ наиболѣе интенсивной шепелеватостью (вятичи, радимичи, полочане, дреговичи). Наши говоры Касимовскаго уѣзда, представляя нынѣ *нѣкоторыя черты* позднѣйшей формаціи (полное аканье), въ другихъ отношеніяхъ (долгота, дифтонги, слитные согласные, неслоговое *и͡*) сохранили въ себѣ слѣды звуковъ общерусской эпохи и эпохи обще-восточно-русской, какъ, напр., говоры сѣверно-русскіе, утративъ много древнихъ звуковъ (дифтонги, слитные согласные), сохранили слѣды звуковъ общерусской эпохи (закрытое *о*") и даже слѣды общеславянскихъ формъ и удареній (2 л. мн. ч. глаголовъ съ ударяемымъ конечнымъ звукомъ—*е*: спите́, хотите́...).

Наши говоры Касимовскаго уѣзда были нѣкогда о́кающими говорами съ извѣстнымъ оттѣнкомъ неударяемаго *о*, и ихъ нельзя причислять къ говорамъ южно-великорусскимъ въ извѣстномъ смыслѣ этого термина. Термины эти (свр. ювр.— о́кающій и а́кающій) не обозначаютъ ни народности, ни языка и не соотвѣтствуютъ дѣйствительному различію въ говорахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе I-е.

Въ „Приложеніяхъ“ къ своему изслѣдованію мы помѣстимъ нѣсколько пѣсенъ и причитаній цѣликомъ, что же касается прозаической рѣчи, то, естественно, что здѣсь читатель найдетъ лишь *отрывки* изъ разговоровъ, такъ какъ *длинной* рѣчи наши крестьяне не ведутъ, монологовъ у нихъ почти не найдешь, а разговоры постоянно прерывались то вопросами съ моей стороны, то вопросами самой говорящей крестьянки, то случайными обстоятельствами, какой-либо помѣхой и проч. Правда, можно было бы записать сказку одну, другую, но для цѣлей лингвистическихъ сказки, съ моей точки зрѣнія, представятъ много ненадежнаго, такъ какъ сказки могутъ повторять, съ одной стороны, унаслѣдованныя отъ старины выраженія, нерѣдко уже неизвѣстныя нынѣ обыденному разговорному языку крестьянъ данной мѣстности, съ другой,—сказки могутъ быть пришлыми и отличаться даже въ своей формѣ выраженія отъ мѣстнаго и родного произношенія. Въ другомъ мѣстѣ (см. „Этнографическое Обозрѣніе“ 1894 г. № 2. наши: „Матеріалы по русской діалектологіи. I. Образцы народнаго говора Скопинскаго уѣзда Ряз. губерніи“) мы сдѣлали попытку представить небольшое количество матеріаловъ, состоящихъ изъ записанныхъ нами сказокъ въ Скопин. уѣздѣ, но, именно, въ виду того, что для лингвиста дороже всего слышать ту рѣчь, которая, такъ сказать, въ его присутствіи *созидается*, *творится* безъ приготовленія, въ которой проявляется произношеніе данной минуты, мы и предпочли на этотъ разъ ограничиться однѣми бесѣдами, которыя записывались, и причитаніями по покойникамъ, такъ какъ эти причитанія въ значительной степени

обнаруживаютъ личный элементъ и постоянно видоизмѣняются, постоянно находятся въ процессѣ своего развитія, разнообразятся въ зависимости отъ личности плачущаго и отъ обстоятельствъ. Впрочемъ, здѣсь ниже читатель найдетъ и нѣсколько пѣсенъ.

Нармушадь Касим. у. „Лѣ́тъсь он мно́γа де́няγ на пцалѣ́ взял, цалко́вых пълтара́ста". „Што́ й та пло́ха он к няму́ навѣ́дъвайтца! Он яво́ жала́е'ть была суда́; ня зна́ю, γдѣ́ й та он за Каси́мъвам. Пцёлы у няво́ мно́γа: у Бари́са Юдич"я!" „Каγда́ й та тут был мо́ст, да што́ й та яво́ скора нару́шъли". „У ме'ня́ о́пух не' быва́ить ат пцо́л: но́цъю прайде́ть". „Раёу се́мь за лѣ́та". „Нацу́йтя у ме'ня́: у́ γастя́х сё быва́ить: γдѣ́ пасте́люють, а γдѣ́ й—кула́к"! „Вот я́йцы ва смя́тацку; сица́с сё бу́де'ть: ана́ хлапо́цыть у ме'ня́ (работница); ницаво́ не' здѣ́лаэш! До́ц была́ ста́рьша ей, а тапе́рь у́сталь бе'ре́ть. Жэ́нис'с'и, пе'рямѣ́нис'с'и! Мало́динькяй ишшо́ тады́ бы́л. Вы́къшайтя ишшо́ рюма́чькю! У́мѣсти жы́ли! Жыу́ се́гъкн он? Жыу́! День да но́ц, су́тки про́ц! У на́с сяло́ бальша́я: пя́ть со́т *дымо́у* у на́с ф се'лѣ́; Но́ньца у́ста́л ра́на: цасо́у у́ се́мь. У на́с ф се'лѣ́ свято́я о́зяро, хо́дють *стра́ннiјu*, нацу́ють вазля́ о́зяра, мно́γа купа́ютца. Ры́бы-ти мно́γа у на́с! Ры́бу пъкупа́ить на ват́аγи. Па́шани́ца *сво́йсъкя'я*! Я ло́шать дёржу. Куды́ је́зьдим? У́ лѣ́с! Ве́рьба, липня́к, дубня́к: сё је́сь в лясу́. У́ лѣ́ва две́рь, тады́ найдётя! У тајé спро́сють, ты и γъвари́".

Ерахтуръ. „А́бдавѣ́ла—та дамно́: Хе́да́р Хе́дърыц бы́л, за няво́ хади́ла; он сица́с жы́ф: ате́ц бы́л не' ро́днай, ма́ть ме'ня́ ни пушша́ла: γа́вари́ть—жыви́ адна́; плахо́й ра́зум: а́т абѣ́х па дяфцо́нки; *γлупо́й* ра́зум: вот уш де́се'ть зи́м жыла́. Саску́цы́лас, ницаво́! У на́с абря́да во́ кака́я: *ку́рта*, *ану́цы*, *бе'зымёнка*: таки́-ти бе'зымёнки ткутца, как ану́ца, то́лькя с рядáми,—ана́ лѣ́тьнія, па лятáм но́сют, а ану́ца зи́мнія. У́ де́нь мо́жна вы́тка́ть. *Свитка* кака́я-та зау́ть. У на́с сё хо́дють па рабо́ту у́ Зу́ива. Со́уестюся, γля́ть пра́ шыбе́сса! Дишо́ука а́ткры́лъся, праѣ́ха́ла пя́ть рубле́й то́лька́, два каньца́. Хязя́уам мы́ла палы́". „Мнѣ́-ти? три́тца́ть дявя́тай! Я крьпасна́я, *здѣшня́я*! Я цаво́ зна́ю: на свѣ́ти-ти жыла́, я ать э́тих γадо́у ушла́. Ве'ньца́л ате́ц Ляксандра. Цыты́ря γо́да жыла́ с ни́м. Ша́вава́ры даём, пя́ть рубле́й диньγа́ми,

а я вóтки вядрó. Залóўка былá теⁱпéрца астáлась аднá дóц, ᴕóдика цéреⁱз двá мóжна ăддавáть. Бярýть и спéлють из мацэ́ньца, вы̆бирáють дᶾéрьᴕеⁱнку. Кадá *дажжá* бýдуть. Свякрóў была да залóўка: ся́к сеⁱбѣ́ бярёть лён, хто скóлькā. Мáть з дóцэрью анá сеⁱбѣ́, а я сеⁱбѣ́ бярý. Катóра бóльша, катóра мéньша—сѣ́ сеⁱбѣ́ бярýть. Цаó бялúть-та? Пó дьвѣ́ капéйки за хунт пря́жы. У халстúны-ти сколька стѣ́н, у инóй стѣ́нки-ти сéмь аршы́н. Хто прăдаёть, а хтó и нѣ́т: у каó језь за лúшня—прăдають. Ў цыты́ри цапкá ткáть скáтеⁱрьть. *Цóлнăк* пусцáють; рубáхи-ти тóжа ткём; нăпридёш, вы́беⁱлиш и ăддаёш крáсить. Ны́ньца крáсна бумáᴕа ў аснóўу пушшáеⁱтца. Ў ᴕавѣ́нья ткýть, зимóй прядýть, преⁱдём *ўдрýжна*; ᴕдѣ́ сеⁱмéйсва-та бальшáя, пă цырядý ткýть, а у кавó дóма нѣ́т-ти, па людя́м папрóсють. *Ана* стайть *парóжна* избá-та. Скóлька зᴕатóить? (=сготовить). На э́ту стянý *ў* скóлька *таñ* нýжна, вот и кладём! Бéрда ся́кая éсць: éсць дясятьня, éсць дявя́тьня: бирёш и прăдявáиш! Вицарá-та лáпьти плятýть мужыкú. Ў Шóстьјu саля́ски дѣ́лъють; ся́кія бывáють. *Тѣ́-ти ани* краснá прăзывáютца.... Варя́ть кáшу ис пăшанá и мăлакá; ядя́ть кáжнай день ... Лавúть—лáвим, хóдим; у нáс нёвăт (=неводъ). Бáбы си хóдють: ўцарáсь платúца, линéй нълавúли; *ана* дăлякó прашлá рякá-та, а э́та тýт—ни далéка (не-ё). Дóма нялльзя́ варúть: пéц-ти ýтрăм тóпим, а э́та к ýжы́ну. *Кăласникú* (грибы) éсь, éсь и бѣ́лы́я, какúх уᴕóдна. Вéрст зă пятнáтцăть: Лашмá анá прăзывáэтца; изутрá пайдёш, кýзаў с прибáвацкъм; лѣ́с беⁱрёзъвай да асúньник: ᴕрýзьди.... Он пажáлуй ў зеⁱмлѣ́: тáк бы́т ў кýтцки (=въ кучкѣ). На прадáжу ишшó, длеⁱ сеⁱбя́-та хъш!.... На *мужъёф*-ти жанúтца рáзи прихóдиш кáжнā врéмя.... Прáзьники? Зúмній Микóла, Пятрóў день! И ᴕуля́ють, хóдють па дварáм. Штó *сашлóся*: знай рóш мáтушка, ăтвяцáй! На стóл-та аᴕýрцы́каў, вилóцкаў, вóдăцки пъстанóвят, брáшки; мужыкú цужы́я прихóдють. Дѣ́йки (=дѣвки) сăбирáютца на Трóйцу, яйц сăбярýть, мáслеⁱнки. Талкýть ў стýпи пăшанó, драпóну нăпякýть. пăшанó мóпуть. Тáк ўсё кóнцытца до зáтряшьнеⁱва дьня́. Си ᴕадá брóсили!...

Нáда ăтвяцáть! Свáдьбы-ти мисаѣ́дăм, ўцарá ăбвянцáли. Свáдьбаў пятнáтцăть ў дéнь! Сё бóля зимóй! Адявáютца: или шýбу, или паддéўка; жынúх—халáт сукóннāй. У христья́н какóй-ти деⁱвúцник?—сăбирáютца и иᴕрáють; нявѣ́ста плáцыть. На лъшадя́х за бáтюскай прiiéдуть. Хрéсная (не-ё) ăдявáеⁱть.

Рӑспява́е'ть-та ся́ки ра́зны слава́: сирата́ так па сиро́цки во́ить: „Куды́ вы ме'ня́ сӑбира́итя, куды́ вы ме'ня́ снӑряжа́итя, с падру́шками па у́лицу ў цужы́ люди“. Хре́снай ӑбува́ить, ницао́ ни кладу́ть (въ башма́къ): жыниху́ кладу́ть. Дво́я, тро́я с не́ю: рӑстяря́хи — пӑднявѣ́стицы. Расцёсъвають *нӑзадѣ* и свя́жуть: цуто́к лиш ви́дна. Нато́м бӑславля́ють, у радите'ле́й апя́ть пла́цыть: „Радзи́май ты мой ба́тюшка. бӑслави́ ме'ня́ ў цужы́ лю́ди“.... Жыни́х-та сам ӑдява́е'тца та́м ти́ха, сми́рна̄. Адна́ у нявѣ́сьти, друγа́ у жыниха́ (вечеринка). Пӑлате́ныцӑм абвя́зы̆вають *дру́шкаф*; приде́ть з дѣ́ўками, дѣ́йки пасо́дють, бара́нӑк припе'се́ть. Ў Нармуша́ди выкупа́ють: цаво́-та ў стака́н ӑпушша́ють. Ра́с слуца́лӑс: я ни смотри́ла хӑрашо́, што́-та кла́ли. Мӑлоды́х свяду́ть, а ис цэ́рькви па ра́зным мяста́м.... *Быть свѣжӑя* (= надо быть свѣжей: надо полагать—свѣжая): ўцара́сь ў ле́дьники ляжа́ла, нӑцава́ла (рыба). Типе́рйца уш по́ст. Бальни́цы-ти нѣ́т и хе́рьшӑла...

Нармушадь. Сам *ру́бю* лѣ́с! У на́с ницаво́ нѣт γре'цы́хи;аўсы́ харо́шыјн; ўцара́сь до́жжык прӑливно́й бы́л. Бо́х јіё зна́ить! *то́ль увӣжу, то́ль нѣт!* О́бруц с каньцо́м ӑтскацы́л да в γла́с: *ўре́мям* (= временемъ) γлаза́ баля́ть.... И ў чаю́ ника́к ни размо́цыш су́шки-ти... Виш *он са́д-ӑт!* С луγо́ў-ти суды́ яво́. Зы́ку-ти нѣ́ту: тру́те'нь *зык* дае́ть, шуми́ть. Уле'й с *пцалмӣ.* Пасля́ *пажа́ру* но́вая де'ре́вня прӑзывӑэм. Зиму-ту я ч"я́ста, ка́к тяпло́ мал'ма́ла, и паіӗду; а то и пул'шу́бак не' γрѣ́ить: уш пло́ха̄; стӑрика́ ў каба́к ни пушша́ють, прибью́ть; я́ уш и не' хажу́! γа́варя́ть: ты сваё ӑтхади́л; ни ў по́ли, ни ў до́ми! Кра́сная-та цы́стая ска́те'рьть ў амба́ри ў атхо́жа̄м; γастя́м-ти да́-ка (= дай-ка) зӑкуси́ть! Ся́к ў сваё мѣ́ста іӗдить Ӑстава́е'тца во́ск-ӑт, он яво́ жмёть: во́ску-ту мно́γа̄... Здѣ́лалси ўо́фси дре́вна̄й, біӗла̄й, сядо́й: сяды́јн люди—святы́јн! Пӑд бацо́к паду́шку на́дъть. Паде'шо́вля был во́ск-ӑт.... То́пка ка-ка́я пра'днаво́ (= про одного): э́та пра се'ме́йсва, а то́ цыво́-ш!? Апя́ть ляγла́: ни́шшыји *шумя́ть* цэво́-й-та! Ни́шшым-ти пада́ть на́да. Зацэ́м буди́ть, о́н до́лγа не́ спал. Пӑсматрѣ́'ли пцо́л? абѣ́дьня ско́ра ӑтайде́ть (не-ё); γриγо́рій Симёны̆ц, д'ыть он у на́с здѣ́сь жыни́лси! Мы к ни́м ўхо́жы были. З *дитя́ми,* ж жано́й; му́жа γо́т γγна́ли-ти. Па банда́рскай ца́сти. Ў Расто́јн (въ Ростовѣ) γо́да два жыла́, ў прислу́γах

жыла́ у пасьне́сьте'ра (=у почтмейстера). Адна́ до́ц была́ то́лька̄.... Пце́лы улятѣ́ли *дало́* (=долой)... Падьле́ вот цасо́ве'ньки дѣ́йки паю́ть, *па ўсе́й но́цы* ɣуля́ють, ста́ра́сту-та сӑмаво́ пабі́ли: ста́ръста Яɣо́раў. он с пако́йницай Ка́рпӑвна́й знако́м был; э́та цужо́й з заво́да Кацко́ва (=Качкова).... У каво́ прӑсуцка́, у на́с-ти ӑпрасти́лси!... У на́с фцяра́ (sic!) вари́ли ка́шу: *дѣ́ушки-ты* я́йцы ката́ют (sic!), жэ́ньшыпы-ти то́жа. У на́с бѣ́дпыјі-ти сва́дьбы-ти: вина́ вы́пій пажа́луй, а зӑкуси́ть не́пъва! Цэлаэ́к пя́ть-шэ́сь сро́дьникаў: ўсѣ́ ўмѣ́сьти, уве́сь поі͡ест жынихо́ф. Ате́ц бӑɣӑслави́ть, чулки́ сама́ на́дява́я (sic!), ся́дить, пъкрыцы́ть.... Три ра́за ў ɣо́т свишшэ́ньнику ат міру ру́пь з души́, а то́—памѣ́сяцка... Пӑкрыва́итца ў цэ́рькви, и та́к *дамо́* (=домой) привязу́ть. Жэ́ньшыны лу́чче' дѣ́ўак: пӑцэсьне́й; и бье́ть и му́цыть: пья́нӑства ўсю́ *но́цу* быва́ить.... Уш ме́рьзьпи (не-ё) на кришшэ́нья, не' удѐржыш... На Пятро́ў день уяжжа́ють Пра́зьник Ду́хаў день! У Јира́хтури то́лькя Мико́ла зи́мній...

Ерахтуръ. Имшы́к (sic!) с јі́ми хо́дить: се́мь тро́ик пацу́ють до́ма у Хе́дӑра Ива́ны́ца Ляпко́ва. Ис кало́тьцаф вада́ пъхладьнѣ́я; типе́р ишшо́ цэ́м карьми́ть: хало́днай вадо́й да муко́й. И каро́вія (sic!) три стада: о́ўцы-ти асо́быји. Аве́цых три и свины́х-ти. У на́с каро́ў се'во́ дьвѣ́: *кама́ри*, а вясно́й ани́ прибавля́ють, а пато́м тады́ уш; сѣ́ три-та ни даду́ть мӑлака́. У ватца́ дья́кӑна уть э́та вядро́: плахі́јі-ти каро́вы. Ў кало́тьцах бирё́м: ў рѣ́ц"ьки-ти не́ бы́ла, сафсѣ́м пе'рсыха́ла, ана́ кака́я-та салё́на. У Ваки́ма(=Акима) и то лу́тче' (sic!)! Дья́къпава до́ц ў Пе́рья (село) ӑддана́; эта как ражо́на—здѣ́сь жывё́ть. У абѣ́х па дяфцо́нки. Маму́ му́жу на фтаро́й ɣо́т с вальго́тай о́ддали... Ў Е'ра́хтури-ти? Мико́ла зи́мнія (sic!) ишшо́ пра́зьники-ти: *дьвѣ Мико́лы*. Успе́нья прястол-жы! Пӑд рядо́к хо́дють; блино́ў пӑпикё́м, ӑɣурьцэ́й. Ў по́снай день—за́ɣӑвинья: хто́ *кӑцатка́* с ку́ри́цай.... На́да ў даму́ што́-ни́будь. Ка́к ве'ньца́ють-та? Знацо́к здѣ́лъют (sic!), ўтаро́й рас пріѣ́дуть, свишшэ́льник—и ў цэ́рькӑфь вязу́ть. У се́ре'ду и пя́тьницу, ў афто́рьник ни ве'ньца́ють. Ӑдзяя́ла, а хто́ бѣ́днай—ватолу, баце́нъцик (ц—мягко) бра́ɣи. Дѣ́ушки ў сабра́ньјі жыву́ть. Дзяло́ў ни зна́им! Врацы́! К врацам ӑбара́цы́ваимси... До́хтур кӑрянно́й. Цасо́ў-ти у на́с нѣ́т: хто́ *пазно́* идё́ть, ляка́рства ӑтпушша́ють... Па цо́рнӑму нѣ́т ны́ньчя... Пъмало́жа мо́жуть!.. (пѣсни пѣть).

Круговая пѣсня. (Ерахтуръ. Касим. у.).

Ни вяля́ть Ма́шы на рѣ́цыньку хади́ть
Ни прика́зывають Машы Машы мало́тцыка люби́ть ⊤
Хăластóй па́ринь любитель любитель дăрауóй ⊤
Јоп не[i] цу́ствуить любóви любóви никакóй ⊤
Вот на Ма́шыньку пабúли за друшка́
Стаи́ть Машынька ⊤ запла́кăпы улаза́,
У краса́вицы краса́вицы ⊤ затёрты рукава́.
Да дóль са́дику дарóшка прăляула́,
Да й хтó эту, да и хтó эту ⊤ дарóшку прăтари́л,
Хăластóй па́ринь ка дѣ́ушки ⊤ хади́л
Јон ни та́к ни та́к хади́л ⊤—
Пада́ръцык наси́л
За пада́ръцык ⊤ краса́вицу люби́л;
Јон с јіё руки кале́цка пълуцы́л,
Пăлуцóмшы ăбяшша́лси ⊤ јіё за́мўш ўзя́ть
А патóм дѣла вы́шла нăкане́ц
Ăбману́л јіё уда́лай мăладе́ц.

Срв. мой „Отчетъ". Стр. 7—9. Здѣсь эта же пѣсня изъ д. *Жолобова Слобода* Спасскаго уѣзда. Срв. также мое сочиненіе „Къ діалектологіи"... Стр. 126. Эта же пѣсня изъ Тумскаго края Касим. у., но изъ какой именно мѣстности Тумскаго края, я не знаю, такъ какъ эта пѣсня тогда мнѣ была доставлена другимъ лицомъ въ его записи. Нынѣ я предлагаю ту-же пѣсню изъ с. Ерахтуръ (*не* Тумскаго края, а особая волость — Ерахтурская, верстъ 70 отъ Тумы). Настоящая пѣсня записана мною *во время пѣнія*, а потомъ *провѣрена со словъ*. Кстати объясню нѣкоторые знаки, употребляемые мною въ „Приложеніяхъ" къ моей настоящей работѣ: знакъ ⊤ въ этой пѣснѣ означаетъ паузу, гдѣ голось поющихъ останавливается, какъ бы понижаясь и оканчивая извѣстное колѣно, послѣ котораго начинается новое. Затѣмъ вообще подчеркнутыя слова въ моихъ записяхъ разговоровъ и пѣсенъ означаютъ,

что данное слово представляетъ интересъ или своей формой, или синтактическимъ употребленіемъ, или, наконецъ, представляетъ лексическій интересъ. (См. выше въ Нармушади—счетъ избъ въ селѣ по „дыму“, какъ въ нашей Начальной Лѣтописи; также: названія платья, обуви выше и проч.).

Круговая пѣсня (Ерахтуръ ib.).

Прашша́й ра́дӑсь жы́сь мая́
Слышу ѣ́ ⊤ диш ат ме'ня́
Нам далжно́ с табо́й *раста́тцыть*
Т͡сія́ ⊤ бо́ля ни вида́ть (2.) Т͡сія́ = тебя́.
Цё́мна но́ ⊤ цынка ня спа́ть.
Сама зна́ю пъцаму́ (2.)
Сама я дѣ́ушка сказа́ла:
Ты ⊤ за мною (2) ни γани́сь.
Што жа ма́льцыку ни γна́тца!
Цэ́м я ма́лай ни харо́ш (2.)
Буду помнить тваjи́ *зо́ры*,
Твой весе́лай рӑзγаўо́р. (2.)
Был како́й динѐк краси́вай
Шли купа́тца мы мило́й (мы съ табо́й) (2.)
На жалто́й пясо́к сади́лись
Супрати́ свѣ^ажо́й вады́ (2.).
Но́ца тсё́мнӑя, ту́ца γро́знӑя,
Прале́й си́льнӑй до́ш
Рӑступи́сь сыра́ зямля́ (sic!)—(2.)
γрыбава́ даска́ раскро́й ⊤ си
Вcaséнь ма́минька ма́я (2.).
Ни славе́цка ни сказа́ла
Са мной з γо́рькуй с сирато́й (2).

Знакъ ⊤ означаетъ вступленіе хора, подхватывающаго запѣвъ или начало запѣва́лы (женщины). Пѣсню „Как заря́ бѣла занима́етца“ (Ерахтуръ) см. въ моемъ „Отчетѣ“.

Еще пѣсня круговая оттуда-же:

Из-за лу́γу, луγу, лу́γу зилянбва
Там хо́дзить γуля́ить удало́й мало́тцы́к
Хо́дзить выклика́ить кра́сную дѣ́вицу:
Кра́сна́я дѣвица, вы́ди за варо́та,
Вы́ди за варо́та с мăлатцо́м баро́тца.
Дѣ́ушка мало́тцы́ка—па́рьня пăбаро́ла,
Парьня пăбаро́ла яво́ на калѣ́нъцки стăнави́ла,
Пухо́вую шля́пу дало́й скидава́ла,
Си́нію паддё́ўку ва γря́сь измара́ла.
Си́тцеау руба́шку на нём изарва́ла,
Казло́вы сапо́шки с няо́ скидава́ла.
Ста́л—пашо́л мало́тцы́к
Залилси́ запла́кăл:
Ма́тушка радзи́ма, на што́ зăрадзи́ла?
При мі́рѣ́—наро́ди бальшо́м кăраγо́ди....
Си́нію паддё́ўку γря́сь ăптспра́ла,
Си́тцэву руба́шку на нём зăшыва́ла,
Казло́ўы сапо́шки на нём пăдява́ла,
За пра́вую *ру́цу* яво́ пăдыма́ла,
За беiсцэ́сья мо́лăтца се́мь ра́с цълава́ла.

Борки. (7 верстъ отъ Ерахтура). „У на́с наря́да друγа́я: *сукманы́*, раγо́ў нѣ́т, ня по́сють". Уцы́лйшша *адна́*, уцы́теiль, уцы́тйльница, хе́ршăл Хё́дăр. Сица́с цы́стють лѣ́с, *матыжуть*; γăвари́ть с людьми́-ти, лю́ди-ти харо́шыји! Пра́шша́йтя!

Починки. (с. въ 14 в. отъ Ерахтура). Мы ис паци́нăк! (ц—мягко). Ис свинцуса (обыкновенно: Сви́нчюс; такъ говорятъ священники, сельскіе учителя и вообще люди грамотные, у крестьянъ: Сви́нцус, а на картѣ: Свинтусъ.); сви́нцскіји! Ў калоде́iс бу́хнеiш. Ушо́л ў ба́ню. Цаса́ ў два: у афсѣ́х ни сцыта́л нихто́: ряка́ дăлеко́; ба́бы ла́вють *нидё́ткими*.

Куземкино. Мно́γа-ль свѣ́сить? Цаты́ри с пълави́най, три с цэ́тьвирьтью, пя́ть ху́нтаў ры́бы. Ся́ жыва́я была́. Кузе́мь-

ски мы-ти. (Куземкино верстъ 6 отъ Шостьи). Прине^іс^шли́. Ў саду́-ту ни хо́дють се́тью. Се^ітя́ми ла́вют палосе^інь. Ў видре́ ў вадѣ́ с лу́ɣу ту жыу́ю ба принёс! *Свякро́ва* до́ма.

Въ Шостьѣ, Кузе́мкинѣ и въ округѣ говорятъ вмѣсто „да“—„а́тӑ“. Напримѣръ, у этой же крестьянки, которая продавала мнѣ рыбу, я спросилъ: „свекоръ живъ“? На это получилъ отвѣтъ: а́тӑ! И это слово слышится на каждомъ шагу. (Срв. мой „Отчетъ“ стр. 27). Далѣе:

У *мя́* му́ш лави́л, бабы-ти ка́к пума́иш?! ɣрицы́ху сѣ́или, праса́ зашли́ у ко́ е́сь, у ко́ нѣ́т. За *друɣо́й* пашла́, два́тцӑть самой ў Шо́сти. До́ж’ж’ик до́не^іл; па мѣ́рки для *сія́* (=себя́) сѣ́им.

Шостья. Гляди́! Кӑнапи́ мнём! Ў стӑрину́ паси́ли рага́, при мнѣ́ уш смяни́ли. Ў сӑрхана́х хо́дють тапе́рь; *по́нька* спе́рьди раскры́тӑя, нӑ гълавѣ́ *саро́ка з зо́лътам; за́пӑнь* пат по́яс, а э́та *ха́ртук.*

Сица́с у на́с с Питрава́ дня́ пако́с бу́дить, синьца́, ӑляно́к пъспява́итца бра́ть. Се́мицка нӑкало́тим вале́цкӑм, *дащёцку* пало́жым. Мы с *снашэ́льницай* двоя́. Пасля́ Хро́лаўа дня пастсе́лим; нидѣ́ль пя́ть ляжы́ть; по́сли дажжа́, а е́жли *дѣ́ла ве́дра*, он *не́скӑра* улижы́тцы. Ўмяли́вӑцки памнём, пӑтряпа́им и придём, па ку́тъцку разло́жым, на три до́льки явоʹ дѣ́лим. Вазьмём да звѣ́сим. Наша дѣ́ла цэ́м зӑнима́имса?! Пре́сь нӑцина́им пасля́ Ми́трива дня; на зипу́ньцыки! *Ніцку* придём, мы́цьки мо́им. Аве́ц па пято́к е́сь, па се́мь: сё па ма́лӑсци, па мане́ницку! *Сыравинкаю* с сало́мкаю та́х-та и ко́рьмим. А то́ *блюдём*! Но́цы ни вы́сыпа́им. Ни лини́ва̄ мо́жыть два нӑпридёть, а лини́ва—ме́ньша. Паста́вим *jiё пря́жу-ту* ў бёрьди, па́смаў ў бёрьди адина́тцӑть. Бѣ́лим, кало́тим, спе́лим, ў мы́льцы памы́лим, ў пе́цку—се^ібѣ́ наси́ць.... Само́й дру ɣо́й не́цъва *наздѣ́ць*!...

Дѣ́йки сӑбира́ютца, пля́шуть, завива́ютца; *ў ɣоржы́* ребя́ты ня хо́дють. Ў коло́диц вяно́к браса́ють: е́жли баба бро́сить—му́ш намрёть; ў пру́т браса́ли. Вот сица́с два вянка́ свя́жуть: и э́тай яйцо́, у э́тай—друɣо́я: на́ от *тан* (=тебѣ)! Пӑбяру́ть и браса́ють. Ў пясо́к у на́с ни игра́ют. Мужыки́

дѣдӑм пӑряжа́ютца, а дѣ́йки—нѣт. Ани их пужа́ють и ў снѣх *закóпъвают*, привя́зы̆вуть сӑрахáны. Дѣ́йки *таўси́нькуть*:

Тау́синь, у дя́дюшки на дварѣ́
Стайть дрóў кастё́р.
На штó драва́?
На́м *пі́у* вари́ть, (пі́у = пі́ву = пі́во — вин. п. ед. ч.).
На́м Я́къва жани́ть.
Дѣ́ нивѣ́сту бра́ть?
Пъспрéть сяла́:
Та́м Анна хъраша́—
Катóўница, башмóшница!
Ана хóдить шы̆мири́чь (= сѣмери́тъ, сѣмени́тъ? См. мое соч. „Къ Діалектологіи“....)
Кълакóльцыкӑм звини́ть.

„Ӑттаўси́нькуть, а ишшó ницаó“!

Вотъ еще авсеневая пѣсня оттуда-же:

Аусéнь, аусéнь, уш ты за́инька!
Аусéнь, аусéнь, уш ты бѣ́линька!
Аусéнь, литѣ́л сӑкалóк
Цэряз ба́бушкин дварóк,
Урани́л сӑпажóк.
Ты, Матрё́нушка, душа,
Спадыми́ сӑпажóк!
Мнѣ́ нидасу́к (sic!) спадня́ть:
Я шыри́нку шъю
Сваму́ Ку́зи.
Ты, Матрё́нушка, душа,
Ты паслу́шай-ка, штó ў нё́би стуцы́ть:
Там мидьвѣ́дицу вяду́ть,
Там мидьвѣ́дица люта́,
Ў ней рага́тина тупа̀!

Далѣе разговоръ продолжался такъ: „ў загáдьник гадáим: дѣ́йка пра жынйхоў загáдывуть, хто цаó задýмаить, тáм цытáють“. Рябя́та аўсéнькують. Пăкалядáкать кóле'ду ражéствинску?

Кăлядá, кăлядá,
Ты *клюжсыцка* (? Срв. у-клю́жій...).
Бирё́зăва!
Ты и гдѣ́ бы́ла?
Я канéй бирягла́.
И гдѣ кóни?
За вратáми стая́ть.
И гдѣ вăратá?
Их вадá пăнялá.
И дѣ́ вадá?
Быкú пóпили.
И гдѣ́ быкú?
Зá гăру ушлú. (*г*, а не *γ*).
И гдѣ́ гарá?
Цэ́рьви вы́тăсцыли.
Гдѣ́ цэ́рьви?
Гуси вы́клйвăли.
И гдѣ́ гýси?
На траснúк ушлú.
И гдѣ́ траснúк?
Дѣ́йки вы́шшыпăли.
И гдѣ́ дѣ́йки?
За *мужсъё́ў* ушлú.
И гдѣ́ мужья́?
На вайнý ушлú.
И дѣ́ вайнá?
Пăсирéть г . . . á! Тапéрь дакáньцына!

Я вянцáлась гадóў симнáтцăть ў Тăкарё́ви (село); жы́ў мýш, аднá свякрóў былá, дваю́радны брáтьји, радны́ји на стă-

ранѣ были. Ни хат́ѣлась: ни па ндра́ву жыни́х! Се́тъки зӑвидéнья: сица́с сасва́тӑли, дава́й крыца́ть, пря́мӑ ут э́тък вот! Па́дӑла с пе́цы: ра́с пято́к упа̀ла. Па́дӑють с пе́цы как га́ря вазьмӗть! Жыни́х с тава́ришшӑм прихади́л, бу́блицки принаси́л, цыво́-ш?

Каку́рки (не сосватанныя дѣвки) ӑряхи́ пяку́ть ис пшо́нная муки́, талку́ть и пяку́ть.

Нивѣ̆ста *приспява́ить* ис пшана́ блино́ў и ӑряхо́ў....

Тся́глая пѣсьня: вот таѣ! (Протяжная).

Го́лупь си́зинькай,
Злато́й кры́линькай,
Нацу́й у мяня́,
Ни проспи́ мяня́!
Праснулси галу́пцык—
Галу́бушки нѣт!

Мнѣ куда́ литѣ̆ть?
Палитѣ̆л галу́пцык
Ва ўсю т͑ӗмну но́ц
Галу́пку иска́ть.
Он нашо́л галу́пку
Ў зилӗнам саду́
Пад *я́бланiю*
Пад я́бланiю,
Пад зилӗнаю.

Пад зилӗнаю,
Застрилӗнаю.
Хто́ эту галу́пку ушы́п—
—зӑстрили́л?
С Масквы́ двӑряни́н;
С Масквы́ двӑряни́н—
Инара́лскай сы́н!
Инара́лскай сы́н
Пӑ саду́ гуля́л,
По́ сӑду гуля́л,
Ружьӗ зӑряжа́л:

На ўо́здух пушша́л,
Галу́пку папа́л!
Папа́л он галу́пки
Пат пра́ва крыло́,
Пат пра́ва крыло́
Сирьде́цкаӗ!

Разговоръ о свадебныхъ обрядахъ въ Шостьѣ. (Начало см. выше: передъ „тᵉяглой“ пѣсней).

„Кадá прасвáтăють, рăсплятýть кóсу, анá *рăсплятёмшы* идёть. Анá крыцы́ть, а дѣйки рăсплятáють. Жыниху́ дéньги кладýть; *Пóсвитăк* наздѣнуть (= рубаха длинная исподняя); лѣтная врéмя—паддёўку наздѣнуть, а то шýбу: сăрахáн адúн—эта пяцáльна! На гăлаву́ *э́зли* сиратá—напрóшна! Пéрьва пасóдють адну́: анá *вóпить*, јіё *сряжáють*, ана *вóпить*:

Кудá вы мяня́ сăряжáйтя,
Али с падру́шкăми на у́лицу?
Али вы мяня́ сăряжáйтя
На цужу́ дáльную старóнку?
А вы мяня́ сăряжáйтя
Пат стрáсь бальшу́ю!

Падру́ги јіé унимáють:

Мúла ты, мая́ падру́шка,
Настáсья Андрéвна,
Тóшна сăряжáтца
С радúмым бáтюшкай,
С радúмай мáтушкуй!
А нѣ́т ташнѣ́я
Биз радúмай мáтушки!

Тут сцáс уйму́ть и пасáдють. Ту́т нивѣ́ста ăбнимáть падру́х станить: сѣ́х ăбнимáть устáнить *ватъёмшы*. (sic! = вопивши).

Сирóцкая пѣ́сьня:

Радúмай ты, мой бáтюшка,
Прилитú ка мнѣ́
На тóшныји динёцки,
На э́ти гóрькіји цасóцки!
Я сăряжáюсъ сиратá гóрька,
Я сиратá неˈсцáсна,
Я сиратá сăряжáюс

Биз радимава батюшки,
Я уш сăряжăюс ў цужы люди.
Как мнѣ буть каким люлям приставать,
Как мнѣ буть привыкаць...

Перьвай рас завязывуть маю галовушку,
Завязывуть маю буйную,
Завязывуть jiё са младăсти,
Са глупъсти...

Тут сицас завопить:

Галоушка, мая буйная,
Ана у меiня с плец свалилас,
Ана у меiня пă плеiцах ни держытца.

Эзли атец есь, сицас к атцу пъдвядуть:

Ўстряцай миня, мой радимай батюшка,
З завязънай галоушкай!

Тут сицас к матьри:

Стряцай миня, радима матушка,
З завязънуй галоушкай!

Тут сицас падрушку станить абнимать, знама, с каторай спапляйтца:

Падрушка мая, *савѣтная*,
Ликсѣвна!
Мы уш с табой ăтыграли,
Мы уш с табой ăтшутили!

Патом вицор, вйцырина; пайдуть ў баню парьтца; из бани выдить, утиральникăм—рушником накроють и вядуть под рыўки. (=подъ руки).

Тут апя́ть к атцу́:

Стряца́й миня́, ради́май батюшка,
С пакры́тай гӑлаво́й!...

Ве́цырӑм сиди́ть и во́пить:

Я с ва́ми ӑтыгра́ла...

Утрӑм нъряжа́ють к вя'нъцу́ вяньца́тца. Ана́ запла́цыть:

Куды́ у́ы мяня́ сӑряжа́йтя,
Куды́ у́ы мяня́ сӑбира́йтя,
Или с падру́шкӑми на у́лицу...

Аттóль *сӑряжóмшы* из гóрьницы (у нáс ў гóрьницы сӑряжа́ють) к атцу́ апя́ть пӑдвяду́ть:

Стряца́й мяня́, батюшка,
С пакры́тай гӑлаво́й!

И ма́тьри та́гжа! Атéц *падóйде'ть*:

Бӑслави́ миня́, мой ради́май ба́тюшки,
Бӑслави́ миня́ сӗм се́рьцам—жала́ніям
Ў цужы́ји люди...

И ма́тьри сё равно! С пріӗздāм ся́дить за стóл, дӗйки јіӗ дра́жнють:

Как клён да бирӗза к стӗнки льнӗть,
Как Ива́нушка Олюшку к се́рьцу жмӗть!

Дру́жак у нáс дра́жнють:

Ой, дру́шки, мики́нныји брю́шки,
За *пе́цы́й* сидӗли (= за печью; им. п. ед. ч. — *пе́ца*, *нóца*. См: выше).
Мыше́й лави́ли,
Мӑладóй шу́бу шы́ли!

Нивѣсти играют:

Клён да бирёза цэ́м ни драва́?
Как Оля Ликсѣю цэ́м ни жана́?
Как шо́лкăва ни́тка к стѣнки льнёть,
Ликсѣюшка Олю къ се́рьцу жмёть.

Нивѣсту дро́жнють:

Как Олюшка гава́рйвала,
Кра́сных дѣу́ак абма́нъвала:
Я ниду́, ниду́, дѣўка, за́муш
За Ликсѣя за гарба́тăва:
На *гарбу́* да ўсё *сасня́х* растёть, (=сосня́къ)
А нă сăснягу́—грыбы́ ма́слянки,
Грыбы́—ма́слянки бирёзăвы!

Тапе́рь уш уѣдуть ў цэ́рькву!

Вотъ еще образчикъ разговора о времяпрепровожденіи на масляницѣ, о заговѣнахъ, о занятіяхъ крестьянъ въ с. Шостьѣ:

Блины́ пе́ц с пăнидѣльника нацнём, гряцы́шку у ко́ дастатки, бага́ты—крупца́тну пяку́ть. У као́ е́сць, то́т крупца́тны пяку́ть, а то грицы́ху сме́лють *папире́к*, ни 'бдира́мшы. Так ји́сть г за́гăнью рѣткай цылаэ́к: хто́ судака́, хто́ шшу́ку—к ве́цыру, гри́виньник за ху́нт. И дѣйки и ба́бы ката́ютца сю́ нидѣлю на сала́скăх, на саня́х ў субо́ту да ўаскрисе́нья: муш ж жано́й, у ко́ сястра́ есць. Утрăм ба́ньки то́пим, ў Саро́ў прицашша́имся хо́дим—Дѣвѣйф мăластыри двяна́тцăть ве́рст. Там мушшы́наў ни пушша́ють.... Хто лапьти пле'тёть, *палозья́ иза льму́* гну́ть („ильмо́к"—дерево); ся́ки сала́ски—у на́с (м)но́га! Ў Йжэ́ская во́зють, сяо́ прио́зють, со́ли ўо́зють, ба́бы с вато́лăми. Палозья́ на *парьнѣ* гну́ть тапе́рь: *патёшуть* и вазьму́ть, гну́ть .. Сала́ски ў пицѣ напа́рють, ис пе́цы вы́нуть и гну́ть, у ко́ *парьнѝ* нѣт. Парьня́—катёл—туда́ ўма́жуть, три вяньца́ кладу́ть. *Дубнягу́* сваво́ нѣт у на́с: у Пацы́ньских (изъ

д. Починокъ) бяру́ть. Масте̍равы́jи люди у на́с ницао́ бага́та жыву́ть; у бе́дных *мыта́рсва* нѣт. Хто́ ни *мато́рнай*, то́т пӑбиднѣ́й. *Бӑшкава́тай* цылаэ́к на свѣ́ти никада́ ни прӑпаде́ть! И мужы́чькijи тиле́ги дѣ́лають!

Разговоръ изъ области народной медицыны.

Какъ лѣ́цуть, ня зна́ю: *палы́ню на́ўру́дють* да и пьють, штăб *бидьнı́ца* пирястáла. Ся́ка̄ бьеть, да ишшо́ мы́шы бѣ́гăли ў глаза́х! За *застры́нку* ў пе́ц вино́ нагаво́рная ў буты́лки; ани́ *тишко́м* нӑгава́рйвають: хто́ за дверь выхо́дить, хто́ прати́ *ма́тки* стӑнави́тца. Мнѣ́ зу́бы де́рьгӑлв! А то мы *пабѣга́м*, у ко́ забаля́ть зу́бы, цо́рнӑва трака́на пйригрызу́ть; луцы́ну бире́зӑву жге́м, на ско́въраду пастáвим, сок ка́пить, со́кӑм ма́жым зу́п....

Вотъ еще протяжная пѣсня:

Сон мой ми́лай,
Сон сцысли́вай,
Вӑрати́ся сон наза́т. ⊥
Здѣ́лай, лю́бушка, сцысли́ва,
Я сказа́л паслѣ́днiй рас. ⊥
Да дьвѣ́ го́рькiя *каку́шки*
(Ай) ва зе̍лёнай сат лятя́ть. ⊥
Дьвѣ малóдиньки дяўцо́нки
Пад ака́шыцка̄м сядя́ть. ⊥
Слёзна пла́цуть, ани́ рыда́ють,
Пра милóва гы̆варя́ть, ⊥
Биз мило́о(а) жы́ть ни мо́жна,
Биз ра́дӑсти ни юснёш. ⊥ (при пересказѣ: „ни уснёш“).
Хоть уснётца,—ни на до́лга:
Дру́шка ви́дйла ва снѣ́. ⊥
Здѣ́лай, ми́лай, гроп дубо́вай,
Мы пало́жым дру́шка ў гро́п. ⊥
Руцки к се́рьцу прикладáли, (—„ля“ при пересказѣ).

Нăкрывáли пăлатнó. ⊥
Сѣ папы́, дьяцкі́ запѣ́ли. (—ля)
Маво́ дру́шка пăняслѝ. ⊥
Ни *дайдёмшы* да кладби́шша,
Цóрнай вóрăн прăкрыцáл. ⊥
Сё се¹лéння узнáла,
Штă пагúбла та душá. ⊥

Эта пѣсня очень хорошо поется, голосъ очень пріятный; первая половина каждой нечетной строки повторяется два раза, затѣмъ подхватываетъ хоръ, а послѣ каждой четной строки—пауза съ протяженіемъ и замираніемъ голоса.

Уланова Гора (подгородное село близъ г. Касимова).

„У свякрóви жыву́, д'ыть вот зáмужы̆м шэ́сь гадóф.· Жнём, сѣ́jим да спатѣ́м. Нихтó ни нóсит пóньки. А то рáзи у нáс ни виньчя́ют: на Ильjи́ вилѝкай у нáс виньчя́ют. Ни стóит дйривéньску бáбу чя́ям паи́ть! Лён мы ни *сѣ́м*; вáрьшки вяжу́ в адну́ игóлку. Цѣлай кăравóт нăвидёш! бáры̆шняф застáфьти! Гóлъсў нѣ́ту! Пра э́нтава бáть нéчява: óн аткéᵃльта аттэ́льва, атцэ́ль; анá смúрна бáба-та; ни в jи́хам быту́-ту! Анá стáла пришлá явó ругáть; приди́ ка мнѣ́—я на смúх, другóй—на смúх! Ат жынѣ́ уйдёш! Жанá-та харóша, а ищя́ мáльчик вŏт трéтій гóт сё хвóрăй... Сё как слѣдъват справим: съпаги́-та развалённыjи. Придáнăва прóсют; у брáта мавó вéчир был: на вéчйри-ты у нáс сё ф плáтьях, сăръфанóф-та ни гатóвют. Нивѣ́сту касмáткай вильчя́ют: стрáсь плáцыт. У мня́ свáдьба бу́дит на Илью-прарóк! Паглиди́! Ты ни рăзгадáш! Он ни вири́т! (=не вѣритъ). У нáс на базáр кул тилéги, кул тавáру: Папóфьска (=Попова Гора—селеніе) дáльша; Папóфьски прáзнуют: Микóлу зи́мню и Микóлу лѣтьню пăдымáют! брáгу варя́т; в лафьки сту́динь купля́ют; фсё свавó барáньчйка убьёш: ни тóм-шы (sic!), пъжáлуй, на вăскрисéнья! Придáнăва-та? адéжы-ти и вóсимь и сéмь! дублёна шу́ба, пиряшы́та, хажáла шу́ба, читьвёрта: зи́мніи чяты́ря. Лѣтăм: паддёфка сукóнна, пани́тăк ру́ськай; билья́ какóва мáть припасёт.... Я ни тóм-шы: я ни пóмню, мóжы̆ть да миня́ наси́ли пóньки! У вадны́х стару́шкаф паóйники! Кáк яó ни ру-

гáть? Мýжа-та? Зацэ́м-жа óн харóшāй шóл х плахóй?! „Крӑсатý лизáть ай нѣт, а плахóва ни тясáть: тóлька-ба нѐс"!— пӑгавóрка такá та! „И ф пяскóф, и в зóлътаф"—на фсѐ рý-ки! Как прасвáтӑли-ти? Атó! (=Конечно, разумѣется; а то развѣ нѣтъ? и т. п.).

Сакалóк бѣлай Микóлинька
Ивáнавичь
Он искáл сабѣ́ либѐдушку
дýшу Натáшыньку,
Гдѣ бы, гдѣ бы мнѣ јиѐ увѝдить бы́ла;
Увидáл јиѐ сакóл на рѐчиньки:
Сашла Натáшынька дары́ мы́ть,
Свѣл (sic!) Микóлинька каня́ пайть,
Сказáл: Натáшынька тѐ беˡлéнька, красна дѐвица,
Пирзнабѝла-ты сваи́ бѐлы пáльчики,
Пирщипáла фсѐ сваи́ рýчиньки;
Скидавáл Микóлинька с рýк пеᵃрцáтӑцки
Надявáл на Натáшынькины рýцыньки.

Кады́ пӑлаткáми пъдаря́т, в дóми нивѐсты поют:

Шла Мáшынька из лясóчьку
Няслá Мáша два вянóчька
Сибѐ и друшкý;
Маша бáла гъварѝла,
Пӑстушкá к сабѐ манѝла,
Малóдинькӑва.
Пастýх скóра дӑгадалси,
За скатѝнай в лѐс брасáлси.

Гусевской Погостъ (село близъ Гусевскаго Завода, на р. Гусь, почти на границѣ Влад. губерніи). Запись помѣщаемыхъ ниже трехъ пѣсенъ изъ с. Гусевскаго Погоста вручена мнѣ малограмотнымъ крестьяниномъ и сдѣлана имъ по памяти. Какъ образецъ малограмотнаго написанія, очень интересна. Здѣсь только дѣленіе на строки принадлежитъ мнѣ.

Ю воро́тъ ю воротъ
Сасенушка стояла
Ю воротъ ю воротъ
Кудрявая стаяла
Некому, некому
Сасенушку расшетать
Некому, некому
Кудряваю сколыха́ть
Подыми́сь, подымись
Буйный вѣтиръ со горы.
Со горы, со горы,
Со Масковскай стараны,
Ты найди, ты найди,
Найди туча грозная,
Ты убей, ты убей,
Убей мужа дурнова.
Мнѣ не жаль, мнѣ не жаль,
Не жаль мужа дурнова,
Только жаль, только жаль,
На немъ шуба новая,
Новая, новая,
Жерелья бабровая. (Песьня первая).

Ю воротъ девка стояла съ молодцомъ,
Какъ онъ баялъ югаваривалъ её,
Перестань, девка, на юличу хадить,
Перестань, красна, конпаній заводить,
Ва канпаньяхъ пусты рецы гаварить,
Пусты рецы, всѣ на носныя слова. (Песьня другая).

Ня всадо́цыкѣ сало́вушикъ свишить,
Ня сваю ли ёнъ галубушку ишить,
Ня мая ли сизая, мая галу-галубка,
Была всѣмъ приметна

Ю моей ли ю сизой моей галубки
галубки,
Крылышки ю ней сизы, сизыя!
Ю ней перушки, перушки
Ю ней рябы, рябыя! (Третья пѣсня).

Этихъ пѣсенъ въ исполненіи я не слыхалъ въ Гусевскомъ Погостѣ.

С. Дмитріево. (Въ сѣв.-вост. углу Ряз. губ. Касим. у., почти на границѣ съ Тамбов. и Влад губерніей).

Ка́гжа свякро́фь ни пъцыта́ть?! Я пастáрьшы! Рǎжаштво́ два дьни пра́знуим: бра́ги вари́ли; дѣ́фьки в зага́дьник кида́ют; хто́ зна́ит, цаво́ та́м папи́сǎна!

Кълядýют!

Каляда́ пришла́, каляда́,
Наканýни Ражаштва́,
Иска́ли кълядý
Па фсѣ́м па двара́м,
Па праýлǎцкам.
Нашли́ калядý
У Пятро́ва нǎ дварѣ́:
У Пятро́ва жылѣ́знай тын,
На дварѣ́ жылѣ́знай ты́н,
Три тᶜе́ⁱри́ма стая́т:
В адны́м тᶜирямý
Мѣ́сиц сᵚвѣ́тᶜит,
В други́м тᶜирямý
Со́ньца с'вѣ́тᶜит,
Ф тре́тим тᶜирямý
Ца́сты звѣ́зды (не *ё*).

Афсе́нь игра́еⁱм! Зǎпява́й хǎраше́нька! (См. мой „Отчетъ“. Стр. 27—28).

У па́с ате́ц с ма́тирью пъсыла́ют жыниха́ прижы́ть э́ткую дѣ́вушку: jiѐ и бяру́т. Пасо́дют жыниха́ с нивѣ́стай. На диви́шники купля́ют виту́шак фу́нт, патшо́лнухаф; на фтаро́й нидѣ́ли вясны́ тады́ уш випьчя́ют. Дѣ́вка про́сит бӑславе́нья:

Баслави́ ты, мой ба́тюшка,
Ф чюжы́ люди,
Баслави́, мая́ ма́тушка,
К цужо́й т^сѐтушки,
К ц^чюжо́му дя́дюшки:
Цужо́й дя́дюшка
Ни радно́й ба́тюшка,
Цужа́ ма́тушка
Ни карьми́лица ма́тушка.

Миня́ дя́дя ӑбува́л: пшана́ кла́л в башмо́к, пѐрушки кла́л, ишшо́ пътац^чѐк де́ник. Надiю́т—сӑрафа́н нӑзыва́тчя, ч^чѐрнай э́та вре́мя с ч'вятка́ми. Спе^iрьва́ ръсплятýт ко́су до́ма ш'ш'о. Жыни́х прiѣ́дит, пасо́дют нас ря́лам; кнýт выкупа́ют, бярýт де́ник! Го́с'т^си адбира́ют кнýт. Нивѣ́ста ѣ́дит адна́, сва́ха с ней. Дми́трифьска сама́ я! Ни́вѣста сиди́т, ни гле^iди́т никуда́.

На Тро́йцын д^эе́нь вянки́ из бирѐскаф: като́рай вяно́к пътанýл—памрѐт. Кӑраво́ды быва́ют.

Пращя́й, жы́сь-ра́дӑсь (ты мая́)
Слышу (ты), ѣ́диш (ай) ат миня́ ⊥
Я ѣ́ду то́лька ат тибя́:
Нам дал(а)жно́ с табо́й раста́тца,
(ли)
Тибя́ бо ⊥ тибя́ бо́льшы ни вида́ть; ⊥
Бу́ду по(я)мнить тваи зо́ры
Твой висѐлай разгаво́р ⊥ 2.
Тѐмна но́цынька ни спи́тца ⊥
Сама́ зна́ю што к цаму́ (пӑцаму́); ⊥
Сама дѣ́иц^чя сказа́ла:
За мно́й ма́льцык ни гани́с^шь. ⊥ 2.

Есь пагóнисса за мнóю,
Пъ(а)т^{с}пря́иш свой спакóй ⊤ 2.
Спóмни д^{з}ень свóй рӑспрекра́спай:
На гуля́нья шли с табóй ⊤ 2,
(На гуля́нья с ми́лым шли)
Ни дайдéмшы бы́страй рѣ́цки.
Мы сади́лис^{ш}ь на пясóк, ⊤ 2.
На жалтóй пясóк сади́лись
Ўóзьли свѣ́жай (мы) вады́. 2.
Не^{і} успѣ́ли рӑзабра́тца,
Вӑзмути́лас^{ш}я вала́, ⊤ 2.
Вӑзмути́лась, взвӑлнава́лӑсь
Ана́ (вада́) ж жóлтыим пяскóм ⊤ 2.
Вы накрóйти ту́цы т^{с}éмны,
Ты пралéй ка си́ль(ле)най дóш'ш' ⊤ 2.
Рӑступи́сь мать сыра зе^{і}мля,
Вастáнь мáминька мая́. ⊤.

NB. Въ этой пѣснѣ слова и слоги, стоящіе въ скобкахъ ( ), означаютъ то, что *пѣлось* при исполненіи пѣсни, а соотвѣтствующія мѣста *безъ* скобокъ *произносились* при повтореніи пѣсни *говоркомъ*, когда пѣсня мною провѣрялась въ записи съ голоса, съ напѣва. Знакъ ⊤ означаетъ паузу голоса, гдѣ какъ бы оканчивается каждый разъ мотивъ, а цыфра 2 означаетъ повтореніе стиха.

Сва́дьбишна.

Я-у-я-у к Татья́нушки сакóл прилятáл, (2)
Да-ю к Пятрóвьни яснóй припархáр, (2)
А-ю-а-ю он сади́лси на акóшычьку, (2)
На спрéбрину причéлинку. (вторая половина стиха и далѣе повторяется по два раза).

Причéлинка из(а)ламúлась,
Вай-я-и-о-о Татья́нушка испужáлась,
Никамý в руки ни давáлась
Брасá(о-о)лась!
Прилитѣ́ли лафьчú дмúтрифськія,
Схватúли бѣ́лу ры́бушку
Татья́нушку.

С. *Данево* (почти рядомъ съ с. Дмитріевымъ).

Кăравóдная.

Как ни пó лугу лужóцку,
Па зилёнăму лужóчᶣьку
Сúлизéнь с ýткай гуля́ли.
Он гуля́ит с нéй игрáит,
Чеⁱрéс калúн мост пирхадúли,
Кáлин мóстик абламúлси,
Сѣ́ра ýтка пътанýла,
Пътанýла, на днó сѣ́ла:
Сúлизéнь тýжыт, плáчит,
Тýжыт, плáчит, съкрушáтчя,
Вазьлѣ́ ýтки увивáтчя:
Как мнѣ́ эту ýтку жáлка!
Кáлин мóстик вăспадня́лси,
Сѣ́ра утка вăсплывáла,
Сúлизéнь-та взрадавáлся,
С сѣ́рай ýткай чúливáлси.

Плясовая.

Зáинька ва садý
Сѣ́рйнькай ва садý!
Вóт кък, вóт кък ва садý,
Вóт и э́дък ва саду!

За́инька чвяты́ рьвё́т,
Сё́ринькай чвяты́ рьвё́т,
Во́т кък, во́т кък чвяты́ рьвё́т,
. . . .
За́инька вяно́к вьё́т,
Сё́ринькай вяно́к вьё́т!
Во́т кък. . . .
. . . .
За́инька на гало́фку,
Сё́рйнька нӑ гало́фку!
Во́т кък. . . .
. . . .
За́инька на пле́цчька
Сё́рйнька на пле́цчька
Во́т кък. . . .
. . . .
За́инька на друго́я
Сё́рйнькай на друго́я,
Во́т кък. . . .
. . . .
За́инька, рӑзьвирьни́сь,
Сё́рйнькай, рӑзьвирьни́сь,
Во́т кък. . . .
. . . .
За́инька, пӑплишы́,
Сё́рйнькай, пӑплишы́,
Во́т кък. . . .
. . . .
За́инька, то́пни но́шкай,
Сё́рйнькай, то́пни но́шкай
Во́т кък. . . .
. . . .

Зáинька в ладóшы,
Сѣ́рйнькай в ладóшы,
Вóт кък....
. . . .
Зáинька, пăдайдѝ,
Сѣ́рйнькай, пăдайдѝ,
Вóт кък....
. . . .
Зáинька, пăкланѝсь,
Сѣ́рйнькай, пăкланѝсь,
Вóт кък....
. . . .
Зáинька, пъчялýй,
Сѣ́рйнькай, пъчялýй!
Вóт кък....
. . . .

Протяжная.

Вдоль па мóрю, мóрю сѝняму,
Па сѝняму па валы́нскаму,
Плывё́т стада лйбидѝная,
Плывё́т лéбйть са либё́душкай:
Он *плы́т*—плывё́т, сам акýнитчя,
Акýнитчя, въстрипéхнитчя,
Пад нѝм вадá въскалы́хнитчя.
Гдѣ нé взялси млат сизóй арё́л,
Он ушы́п, он убѝл сѣ́ру ýтку на вадѣ́,
Пýстил крóфь па синю́ мăрю,
Пух пушы́л па чистý пăлю,
Пё́рушки вдóль па бéрйшку,
Бралá пýх крáсна дѣ́вицъя душа,
Свамý друшкý на пăдýшыцъьку.

Чя́стăя („и плясáть, и зă рабóтуй“).

Асéнній нóцʻи
Нé спăл да палнóчʻи,
Весь я истамúлси,
Нá ˚бăк пъвалúлси,
Пришлá ка мнѣ́ рáдăсть (sic! т было слышно!).
Рáдăсь дăрагáя,
Сáничʻька милáя.
Взя́л јіé за рýчʻьку,
Пóвёл ва с’вѣ́ітлúчʻьку
Крáснăю дѣ́івúчʻю,
Пъсадúл на лáфку.
Сáм сѣ́л на скамéйку,
Налúл винá чя́ру,
Сам я вы́пил пáру,
Стал ей пъднасúть,
Мúласти прасúть,
Анá ни примáит,
Назáт ăтсылáит,
Зăпрасúла хмéлю,
Завёт на пастéлю,
Пашлú рăзгавóры
Пра чʻёрныји брóви,
Пашлú чилавáнья,
Прамéш нóх савáнья.
Анá явó нóсит,
Цʻють с сибя́ ни збрóсит,
А он дъгадáлси
За грýть брасáлси:
Ну, стóй, ни брыкáйси,
Я тибя́ *згнуздáю* (sic!),
Твой рáзум узнáю,
Абы́чій дивúчій,
А рáзум рибя́чій.

Плясовая.

Пат сѣткай пад бѣлаю
Пайду плясат, раздѣлаю,
Раздѣлъвала, *ръскамáривáла*,
За варóта выхадила, ръзгавáриваїла.

Свáдьбишная.

Бижы́т рѣцька ни тякýч"ія,
Бижы́т Вѣра ни плакýч"ія,
Ни ап чём анá ни плáкала,
Ни па бáтюшки, ни па мáтушки,
Па сваéй па русóй касѣ.

(„Анá заплáцы́т, мы и пиристáним игрáть ей"!).

Ана прóсит бăславéньјичя, мóлитчя и плáцыт, атéчь лиш дóржыт каврúгу. Атѣц"ь хрѣснай, мать патóм хрѣсна бъславя́т и за стóл пъсáдют. (См. мой „Отчетъ". Стр. 28—29).

Жыниху́.

Рóду плéме^іни харóшăва,
Атчю́ с мáтирью пачёт'ливай,
Слы́шыш-ли мы́ тѣ пѣсьню паём?

На свáдьбу *стрáньскіји* пріяж'ж'яли; пьют винó и *с пьяну арю́т* (sic!).

Гусевской Погостъ. „Здѣсь у нáс *двóрьчик* éсть!" Зайди́тя к нямý! („Дворникъ"—содержатель постоялаго двора). У нáс всю нóч"ь *нашнóй улáн* (= сторожъ) хóдит! Аны́ жы́ли дапрéш *рядóм*, кузьнéшнăя издѣлья у явó, у Майсéй Андрѣва; жанá пъмярлá нóньчи, óкўль ч"éрькви пъкранúли. Кушы́ньчик мăлач"ькá адбивáит, или слúвăк *либó штŏ*. Кирьпи́шнăя изрясцóвăя (sic!) пéч"ь.

Забѣлино. „Иравóя пóля ни пáхăпа за *врáгăм* (=за оврагомъ). Дѣ пайдёш па *мéшкам,* вéцʰирăм придёш! Пасьля́ Успле́нья убирёш лугá-та; там мястóф мнóга, а нáшых-та мáла; татáрину скóлька плóтиш, а éжʰьли ни заплóтиш—*тиснé*ніе“

Бѣлькóво. (Деревня Погостинской волости; все въ томъже углу Касим. уѣзда, близъ р. Оки и Гуся). См. также мой „Отчетъ“. Стр. 31—32.

Слѣдующій разговоръ, записанный мною въ Бѣльковѣ, представляетъ изъ себя *только отвѣты* крестьянки на мои вопросы. Эти отвѣты, поэтому, безъ моихъ вопросовъ не имѣютъ внутренней связи, но въ лингвистическомъ отношеніи настолько интересны, что я считаю нужнымъ привести ихъ цѣликомъ, хотя бы и безъ моихъ вопросовъ.

„Нали́ва-т ыщя́ ни ви́дяш“ (=Налива то ещё не видишь): „плóх-ат фсхóд-ăт“! „Мисаѣ́дам у миня́ дитё пóмяр, я на у́ли́цу-ту и ни хади́ла; а кăравóды вóдют, вздýмўт и нацнýт... Сéтъки слу́шаеш! Кăравóдъми-ти игрáют, а мы, старýхи-ти, паýжънали и на пéцку... Зубóх-та нѣт! Гърямы́шныя! Скóлька *сыньёф*-ти жыни́ла да пъкăрани́ла! У нáс ф сваю́ ăддают и ф цужýю. Свёкар прихóдят,—яму́ си́тьницка, а то—хлѣпцă, а *пиряшкá* зъкуси́ть-ты! С пéцы? Зацэ́м? Аná убьётцы!“ (На вопросъ, не бросается-ли невѣста отъ горя съ печи. См. мой „Отчетъ“. Стр. 20. Село Шостья Касим. у.).

„Жыни́х пряно́сят виту́шак, патсýлнушках! („витýшки“ = баранки). Ты пóниш, пади́, Графéна, вицарýшную пѣсьню?! (См. Отчетъ. Стр. 32). *Род* бу́дят събирáтца на вицарýхи вéцы́ръм, а дѣфьки вазьмýт дéньги и уйдýт к *сусѣдам*: ф старину́-ту фсё пъбаýатеʲй бы́ли! Пóньки и рашки́ *пълатя́нныя* были! (=полотняныя). Адявáют, тут штó за *паéнья*?! („паéнья“ =пѣніе; на вопросъ: поютъ-ли что-нибудь, когда невѣсту одѣваютъ?). Тут анá прóсят бăславлéнья:

Бăслави́ миня́, ради́май бáтюшка,
Бăслави́, ради́ма мáтушка,
Сваи́м бăславлéньям.
Нéдăрага мнѣ вáша злáта-сéреʲбра,

Дӑрага́ ва́ша бӑславле́нья:
Вам на ме́ста се́сть,
А мнѣ пӑд вине́цку стать!

И фсѣ́,—*сро́тства* като́ра—фсѣ́ бӑславле́ют! Кажнӑму гӑвари́т адны́ пѣ́сьни (=сродство́=родственники).....

У на́с *кълядý*-ту ни *крыца́т*. Пади́ и гада́ют, хто́ јн зна́ят: сӑбяру́тцы и гада́ют; дѣ́фка за жы́ниха́ гада́ят: за цо́рнӑва кӑраля́ ли́ба за бѣ́лӑва. Выхади́л мнѣ каро́ль цо́рнӑй, а вы́шла за ру́сӑва. Миня́ *ӑнамня́сь*-ти о́ддали..... С цытьвярга́ зӑцына́им блины́ пе́ц; пшано́ талкли́, пе'кли́; гре́ца-та ана́ ишшо́ ни ради́тцы! Хӑрашо́ во́блы-та, а то́ хърашо́ сѣ́ӑш! (На вопросъ: не ѣдятъ-ли на Масляницу судака? Вопросъ предложенъ въ шутку). Тапе́рь сы́ти, мука́ шэ́зь гри́вӑн! На нашу симейству-ту три пу́да ни хвата́ит, у на́с была́ ади́нӑтцӑть ду́ш. Салда́т-ти сядо́й и Се'мён по́мяр....

Пӑбайцэ́я сабра́ли-бы: мы ни ҫмѣ́лыјн люди-ти, вот и ни *магём* пѣ́сьни-ти игра́ть! Нильзя́ *по́нить*-та и́х, пѣ́сьни-ти! Мы ф хло́п'цках рас'ли́. Я была́ ни ху́жа в дѣ́фкӑх-тӑ!.. А но́ни хто́ бут карьми́ть?! Ху́жы, бидьнѣ́й на́шӑва Билькѐва нѣ́т! Нашы билькѐҫькіја гърямы́шныя! Тётка Анна ишшо къляду́ зна́ит, а то́лькя ана́.... Я ни дӑхажу́ да пѣ́сӑн: у мня́ на се́рьцы *ни́ту*: *я́* тѣ сказа́ла: ради́ла да х'рани́ла, ницаво́ ни з'дѣ́лаш: ни жыву́т.

Он ба́ит кӑраводную:

Сѣ́ра у́тка на дно́ сѣ́ла
Пътану́ла,
Силизе́нь зрадава́лси,
С сѣ́рай у́ткай цы́лава́лси.....

Вот и *ришо́на*! (=Вотъ и кончена пѣсня!).

Дапре́ш я са́мӑя *ӑтаръве́нная* нибо́сь была́!

Урядино (Китовской волости, въ глубинѣ уѣзда). „Атцэль на Ца́рус даро́га. Во́от, радимай, сӑмава́рах-ти пе́ет! Цай у као́ уго́дна мо́жна. Вы́шла ф *по́лю*".

„У мя хязяин по́мир. Три сы́на, дифцо́нка адна́ вы́дӑна. Яму́ пашо́л дьвятна́тцатай: цаты́ря дня бйз е'зыка́ был: он зӑлязӑл; хто лицы́л, мы ишо ня спра́вились. У нас *адна́* тя́глышка; э̆тӑт гот ничⁿяво́: есь *хлѣ́бе'цъ*: да ма́слины был свой, а тапе́рь уш пӑкупа́им у цӑлава́льника у Ахана́сья. Мы Каси́мьскава *уѣ́зду*. У мя вот сын ф Пи́тиреᵃ в ламавы́х; пълуца́ит рубле́й шызьдися́т за го́д-ӑт; жана́ тут у мя с на́ми, сын до́ма: *край* зимьли́ уцы́лси у нас в Урядьпеᵃ. Я на свякры́ шла. Он атец-та ф пло́тниках хо́дит ф Тимо́хини-ти. Хъладно́: праса́ сѣ́ пъжылтѣ́ли. Т'ить он дья́кӑн-та ади́н: на Усьпе́нья, З'д'ви́жыпья—пря́сто́л: виньца́ вазьму́т, зӑкусить-та пирашка́, там блинка́ми; и сро́дьпики, и так цужы́я: у ко цоб есь!

Китово (деревня). *у́о́спӑди* *знаить* ӑтцаво́! Тёплыјидни, да *ана́ сё плаха́ја про́са*. Ради́тцы у нас хле́б-ӑт, руко́й вот *тире́бям*, а но́ни нѣт. Лёп плахо́й воўси, хотᶜь ни сѣ́й: ни ради́тцы,—нѣт ницаво́ и прясь пе́цава. Яво́ де́рьгаим, *свя́зы̆вая́м*, хош цапо́м, хош валько́м *валя́ям*. Вы-ти яво́ ни сѣ́јити. Мѣ́ры три ни сѣ́ям: нас вот цаты́ри ба́бы-ти; *можыть*, дьвѣ́ мѣ́ры-ти *нӑкало́тяш*. Тады́ *бу́дям* яво́ на зе́мьлю рӑᶜтила́ть пад дошш, штӑб он уела́лси, ф Пакро́х яво́ сыма́им, *бу́дям* тряпа́ть; *дѣ́лям* на цыты́ри до́ли-ти: свякры́ цытьвёрта, ана пабо́льша *мяня́*. Пӑде'ре́мси, д' апя́ть рӑзбе'ре́мси. Хто с Ми́трава *нӑцына́ить*, другая с Рӑжаштва́. Каки́ји асе́ньниіи дни́-ти: вот он и ве́цыр. кады́ пре́сь-та? И сица́с *пряду́ть*: у ко есь—*приде́ть*. А то ла́пти плятуть и лы́цки. Купи!: цытьвиртацо́к пуцо́к: купи́ть деᵃшэ́й придӗтцы; па рублю́ с лута́, с луто́шка—пять цалко́вах. А у нас зямля́ пе'спа́ная. Па адно́й каро́ви-тиф ка́жнам-ти до́ми-ти! Хе́кла, пади́ рӑскажы́, а то я смяша́юсь.

Блины́-ти хто *пике́ть*, у каво́ как сайдӗтцы! Ис цаво́? С грицы́хи, *наме́лям*, *выс*ⁱⁱⁱ*иям*—на гуш'ш'и: в дири́вьни-ти у нас *у*дѣ́ дро́ж'ж'и-ти. С цым је'ди́м-тў? бирём по́снава: с сѣ́мя бьём, *пъкупля́ям*. Кады́ *бывáить* и смята́на У нас *лъшаде́й-ти* харо́ших-ти нѣ́т *јих*. Хто ји *зна́ить*, каки́ји-ти са́ни- **Масленица.**

ти, а то нѣт *јих саней-ти* харóших-ти. Я дапрéш катáлась фсёй артéлюй: дéсить иль адúнъцать, *ли мóжыть* пять тихóнькуй.

Виньцá *вазьмýть* на прашшóнай день.

Китово (село). У нас пóнькя и рагá: *шышóцки нóсють,* ис халстúны *фшывáють,* и *каты́ нóсють.* (См. мой „Отчетъ". Стр. 33—34).

Протяжная пѣсня.

У варóт, у варóт
Сасёнушка стаяла,
У навы́х, у навы́х
Зилёная стаяла.
Никамý, никамý
Сасёнушку рашшатáть,
Никамý, никамý
Зилёную скалыхáть.
Спаднялси, спаднялси
Бýян вѣтир са гары́,
Са гары́
Са Маскóськай стараны́,
Ты найдú, ты найдú,
Тýца грóзная,
Ты убéй, ты убéй,
Убéй мýжа стáрава.
Мнѣ ня жаль, ня жаль
Мýжа стáрава,
Тóлько жаль, тóлько жаль,
На нём шýба нóвая,

Нóвая, нóвая
Жырéлья бабрóвая.

И я дапрéш зӑплятáла вянкѝ; с вянкáми пайдём на прут, вянкѝ из листкóх *пънадявáям* на гóлӑвы; в *этим* в присáтки-ти *наврём* святóх, вянкѝ *пъбрасáям* ф прýд-ӑт; падрýшки-ти *кумáми* нӑзываютца. Кадѝ *ѝдуть* с вянкáми, *игрáють*: Троицынъ день.

Прӑ|сидѣл-ба мáльцык да сумéряк,
Пӑ|казáлся день манéняк:
Врé|мя ѣхать ка дварý. ⊥

Ни|даѣхамши да свавó дварьцá,
Цы|лавáла свавó мӑлатцá ⊥
Цы|лавáлā я милавáла
Крѣп|ка к серьцу прижымáла:
Ты | пражшáй-ка, мой милóй, ⊥
Ты | пражшáй (ой ка), маѝ милáя,
Пра|шшáй (2), рáдӑсь дарагáя,
Ни | забуть-кя ты мянѝ. ⊥
(Знать|, забѝл ты пра мянѝ)
Я | тадѝ тябѝ забýду,
Ка|дá на свѣти жыть ня бýду.

(Знакъ |, отдѣляющій первый слогъ каждаго стиха, означаетъ, что первый слогъ повторяется два раза, причемъ первый разъ его затягиваетъ запѣвало, а второй—подтягиваетъ хоръ. Знакъ ⊥ означаетъ паузу и какъ бы конецъ пѣсеннаго колѣна).

Эту-же пѣсню нѣкоторыя дѣвушки продолжали такъ:

Младý зáмуш *аддадýть* ⊥,
Аддавáли маладýю на цужýю старанý (2)
Ни за рóвнюшку мянѝ,
Гдѣ-бы рóвнюшку сыскáть,

Бу́ду пла́кать гӑрява́ть ⊥ (2)
Юш я пла́кала рыда́ла
Пӑлатко́м слёзы утира́ла
Иглянýлась я паза́т ⊥ (2)
Зӑпрягай-ка, ми́лай, са́ни
Я паӗ́ду гуля́ть с ва́ми:
Иска́ть *бýдям* малышóх. ⊥ (2).
Мы иска́ли малышóцкӑх
Ни з бальши́х ли барышóх.
Са *Дуна́ю* вална́ *бьётъ* (2)
Бижы́тъ рѣ̆цка. бижы́ть бы́стра:
Пиривóзу па ней нѣт ⊥ (2).
Пиривóз па ней пашóлси,
Пиривошшык *) маладóй ⊥ (2).
Пирьвизи́ мяня́ к ма́тушки радно́й

Скрось вяпóцках нӑцына́им цылава́тца и мяня́имся я̆йцами.

Село *Чарусъ*. „Эта я тапе́рь на пацы́ни; лы́ки мы там дра́ли: мнóɣа дира́ли, сица́с пади́ *дярýтъ*. Лён *сѣям*: тóли зӑради́тца, тóли нѣт; сот петь сѣ̆яли. Скóлько ба́п-ти! Када́ *бýдитъ* ч"вѣсть та? Как си́ла *вазьмётъ*. Как вёдра нѣт, вазьмёш да пасóляш; тады́ пастéлям, калóтям, сни́мям, талкём, нӑмата́ям, вы́бьлям, вы́ткям, а тут уш били́ть. Дли пӑлатеницкаф па́смапка ў три и́ли ў цаты́ря—*узóристай* утóк ади́н, а эт' уш кладём на стѣ̆нацках. Я нóньца аднý халсти́ну нӑпряла́. У двух арши́н питьдися́т, на́рӑзь два́тцӑть петь: вот *тай* питьдися́т. Ниуда́ца *бывáитъ*: друɣа́я ни *умѣитъ*. Я с рóду, садóвай, па я́рманкам ня *хóдю*. Кӑнапи́, зна́тна, как лён *сѣям*: асóбеⁱнна *мóца̄м*, а патóм *стéлям*... Была́ ў дѣф-

---

*) Въ *селѣ* Китовѣ—пиривóшшак, барышŏу, малышŏу и проч. Вторую половину этой пѣсни досказывала мнѣ крестьянка *деревни* Китова.

ках, хади́ли ў лѣс! Ис цаво́? Ис таво́: ч^и^вятки́ зӑвива́ли и на γо́лаву нӑдява́ли, пѣ́сьни иγра́ли. Пажар сдѣ́лӑлси: и вянки́ эти рӑс^ш^ьте^і^рѣ́ли—испужа́лись. Тѣм и γа́варю, штӑ ня по́мню. Ня зна́ю, с кѣх пор ни' γра́ю: брат у́мяр—мать *пла́цать*, я пла́цу: на се́рьцы ни висяло́. В Аде́сьти мно́γа на́шых „ца́р'ских" (=Чарусовскихъ) ў палва́лах рабо́тут... Энтӑт ишшо́ по́п-та миня́ виньцӑл: Хили́п што-ля, Вас^ш^и́лій-ли: два́тцӑть петь γӑдо́у бу́дить я за́мъжам. *Зе́мълю влада́ю*: но́ньца три цэ́тьвирьти тяγла́. Мая́ ло́шать *в атца́...:* Он аттоли ницаво́ ни *шлёть*: пахо́жа *пья́нствать* (3 л. ед. ч.). Жана́ адна́ *прако́рьмитцыть*.

Село Ивановское (Ветчанской волости).

Хороводная пѣсня.

Ис под лѣ́сику, лѣсу темнӑва,
Ис пот са̊дику, саду зилёнӑва,
Ани шли прашли двоя молӑтцы
Двоя молӑтца оба холӑста
Ни жана́тыи, щапливатыи
Ани́ шли прашли́, станави́лися
В роз^ж^ь пашли́, разбрани́лиця,
Выхади́ла к ним кра́сна дѣ́вица
Выхади́ла к ним гавари́ла им:
Вы ня зо́рьтиця, ни брани́тиця,
Вы па со́висти разайди́тиця,
Памѣ́ріймись, каму́ даста́нуся,
Али па́рню бѣ́ламу, бѣлабро́аму,
Ай ли цо́рнаму цэрнабро́аму.
Даставалӑся па́рню бѣ́ламу
Па́рню бѣ́ламу, бѣлабро́аму.
Он и взял јіё за праё руцу,
Он павёл јіё да вдоль па юлицы,
Ён сваей жано́й хва́литцы:
Вот мая́ жана́ ро́мна ба́рыня:

Вторая половина каждаго стиха повторяется съ припѣвкой: „Ой-ли, ой люли!“

Село Ветчаны.

Пѣсня Овсеню.

Та́усинь, Та́усинь,
У Ива́нава двара́
Зиле́зьныя тынья́
Край зиле́знава тынка́
Кăраватка смашшана́.
На крава́тки пе'ри́на пухава́,
На пе'рини пухаво́й
Ива́нушка с Палаге́юшкой спят.
Све'цёл мѣ́сиц Ива́нушка,
Я́сна со́лнушка Палаге́юшка,
Ца́сты звѣ́здушки
Jíхи дѣ́тушки.

Село Ахматово.

Свадебная.

Саќол сако́лушык,
Сакало́к Ива́нушка,
Бѣ́лый ле́бядь наш Ива́навиць
Пълятѣ́л он ва цисто́я по́ля
Ва цисто́ паля ва ци́стое
Рăзмахнул он шылкаво́й пле́гкай.
Он рашшы́п *ста́ду* γуси́нăю,
А друγу́я либяди́нуя,
Он атшы́п сибѣ́ лябёдушку,
Лябёдушку Паласке́рьюшку,
Размало́диньку Ива́навну:
Ты прашто́ ско́ра вылётываш?
Ни сама́ я сабо́й вылётăвăю,

Выдаёт мяня́ ба́тюшка,
Сӑряжа́ит радна́ ма́тушка
Ва цужы́и люди нязна́мы̆я,
Нязна́мыя-низнако́мы̆я.

Село Катово. Причитаніе по матери.

„Кады́ ляжы́т на ла́йки“ (=Когда лежитъ на лавкѣ).

Ради́мая мая́ ма́тушка,
Куда́ ты та́х-та саряди́ласа,
На каку́ю-ш ты старо́нушку атряжа́исси?
Мно́уа у́рюшка мы бис тя наприма́имси
И всяо́ мы бис тя навида́имси,
И всяо́ мы бис тᵉя наслу́шаимси,
И нихто́ нас бис тᶜiя́ ни примо́лыт,
И нихто́ нас бис тᶜiя́ ни приласку́ит,
И карьмилиц наш ба́тюшка
Хуть как он жалѣ́я, хуть как ласку́ит,
И ни как што тваё жала́ньица.
И всяо́ мы бис тᶜiя́ навида́имси,
И всяо́ мы бис тᶜiя́ наприма́имси,
И ради́мая на́ша ма́тушка,
С како́й са старо́нушки нам тᶜiя́ дажыдать,
На како́й нам дарожынки тᶜiя́ встряца́ть бу́дя,
С како́й нам старо́нушки паулёдӑвать?
Ради́мая ма́тушка,
И ка́жнӑй дянёк, ка́жнӑй цасок
Мы тя паулёдӑвали, мы тя дӑжыда́ли.

„Тапер̌ пами́нки; х цэрькӑф̌ внясу́т, х цэркви-ти во́пют“ и проч.

Деревня Снохино.

Протяжная.

Зи́мушка зима́
Халадна́ была́,
Маро́зливая,

Халадна́ была́
Маро́злива,
Замаро́зила миня́ мо́лăдчя.
Ни маро́зь миня́ да миня́ мо́лăдчя,
Я с му́жам жана́
Ни в ладу́ жыла́,
Ни в саула́сьи-ти,
Ни в ладу́ жыла́,
Му́жа извяла́
Му́жа свабо́ извяла́
Павѣ́сила,
В зиляны́м саду́ му́жа павѣ́сила.
Павѣ́сшимшы му́жа пришла́ ка двару́
Пришла́ ка двару́,
Сѣ́ла ва скамью́,
Сѣ́ла ва скаме́йку
Слязно́ папла́кала,
Прокля́тая жысть
С цужы́м с му́жăм жыть:
Бяз му́жа жана́
уо́рька сирата́.
Пайду́ сваво́ му́жа звать:
„Пайдём, муш, дамо́й“.

Предполагая со временемъ напечатать отдѣльно сборникъ матеріаловъ, собранныхъ мною въ Касимовскомъ уѣздѣ и не вошедшихъ въ это Приложеніе, я, въ виду и безъ того большого объема настоящей книги, ограничиваюсь пока лишь приведенными образцами и заканчиваю свой трудъ выраженіемъ глубокой благодарности какъ редактору „Ученыхъ Записокъ“ профессору Ѳ. Г. Мищенку, такъ и стипендіату В. П. Брюханову, который взялъ на себя трудъ корректированія настоящаго сочиненія во всемъ его объемѣ.

Приложеніе 2-е.

Примѣрный списокъ именъ прилагательныхъ съ подвижнымъ удареніемъ въ различныхъ говорахъ.

Ми́ла̄й (Касим. Ломъ, Зубово...)— Литер. Ми́лый. — Мило́й („Вотъ и ѣдетъ мой мило́й"....) Срв. Колосовъ. Замѣтки..... ibid. Стр. 43. Мое соч. „Къ діалектологіи"..В. 1892. Прилож. № 52.

Пе́рьва̄й (Касим. ib.)—Перво́й, перьво́й. („Не въ перво́й"....) Литер. пе́рвый.

Дубо́ва̄й (Касим. Шостья)—Дубово́й. („Летитъ гусекъ—дубово́й носокъ"...).
Литер. дубо́вый.

Литер. ме́лочный—меⁱлашно́й (Касим. Нармуш.: „меⁱлашна́я лафка").

Студе́ный—студяно́й (? студяно́—Ряз. Скоп. и друг.). Садо́ва̄й (Касим. Чарусъ.)—Садово́й литер.

Вясе́лай (Ряз. Скоп. Спас...)—Веселóй (? Висяло́—ряз.) См. мое соч. „Къ діалектологіи"... В. 1892. Прилож. № 32. 51. Литер. весе́лый.

То́щай, литер. то́щій—таш'ш'о́й (Спасск. Ижевское).
Глу́пай, литер. глу́пый—„глупо́й ра́зум." (Касим. Ерахтуръ).
Здѣ́шна̄й (Спасск. Вы́жлисъ)—здѣⁱшня́я (Касим. Ерахтуръ. См. Приложенія).
Литер. здѣ́шній.

Плохо́й—Пло́ха̄й (Касим. Парахино. См. Приложенія).

Вре́менный—(В)римянна́я. Кас. ibid. Временно́й—Новг. (Колосовъ Замѣтки. ib. 22).

Про́ста̄й (Касим. Нармуш. Расторгуево.)—Просто́й литер. (Срв. мое соч. „Къ діалектологіи“. Отд. лексикол. s. v.).

Голо́дный—литер.

„γало́дна̄й γо̄т“ (Спасск. д. Воскресенское)—γӑладно́й (Кас. Зубово: γӑладны́ји были γада́).

Вдо́вый—вдаво́й. вӑдаво́й (Кас. Чуфилово). Ряз. Скоп. (См. мое соч. „Къ діалектологіи“.. В. 1892. Приложеніе № 29.)

Хи́тра̄й (Кас. Ерахт.)—Хитро́й (Кас. Нармуш. Катово...). См. мое соч. Лексикол. s. v.
Литер. хи́трый.

Бѣ́дна̄й (Кас. Ерахтуръ)—бѣдно́й (? „γ бѣ^iднѣ́“—Кас. Катово; = въ бѣднотѣ́).

Бѣ́дный—литер.

Зелӗный (Ряз. Скоп...)—У меня: №№ 32. 46. 52. (См. мое сочиненіе: „Къ діалектологіи“.. В. 1892. Прил. № 20). зе^iляно́й: „в зе^iляны́м саду́“—(Кас. Снохино). Ряз. Скоп.

Ди́кій—дико́й. Арханг. Вят. (Опытъ обл. Слов. s. v.).

Дабы́шнай—(Ряз.)—добышно́й. Новг. Орл. (Опытъ... s. v.).

Пѣ́шій—пѣшо́й (между прочимъ у А. Толстого). Колосовъ. Замѣтки... 123. Олонец. губ.

Развы́тный (Тамб.)—развытно́й (Орл., Опытъ... s. v.).

Тя́жкій—тяжко́й (Вологод. ib.).

Цѣ́лый—цѣло́й (Тверск. ib.).

То́лстый—толсто́й (срв. фамилію Толсто́й).

Ша́ткій—шатко́й (Арханг. ib.).

Че́рӗдный—Псков.—Чередно́й—Вологод. (ib. s. v.).
(О-черӗдный)

Чу́дный—чудно́й. Твер.

Чудо́вый (Тамб.)—Чудово́й (Тверск. ib.)

Ѣ́дкій—ѣдко́й. Новгор. ib.

Ю́ркій—юркой. Новгор. ib.
Жа́ркій—жаркой (Колосовъ. Замѣтки. 22).
Любый (новорос.)—любой. „На любым мѣстѣ"—Муром. (Колосовъ. Замѣтки. 304).
Медо́вый (новорос.)—медово́й.
Воско́вый (новорос.)—восково́й.
Ша́льный (Кур.)—шально́й—литер. (Сарат. Доп. къ Опыту s. v).
Отста́лый—отстало́й—литер.
Пропа́лый (?)—пропало́й („на-пропалу́ю").

Крѣ́пкій—крѣпко́й (Колосовъ. Замѣтки. ibid. 22).
Кру́пный—крупно́й (Колосовъ. ib. 22).
Гла́дкій—гладко́й. (Колосовъ. ib. 22).
} Новгород. губ.

Уста́лый—устало́й (Колосовъ. ib. 123).—Олонецкой губ.
Рети́вый—ретиво́й. Вят. (Колосовъ. 237).
Ро́дный (Новгор. Колосовъ. 43).—Родно́й.
Но́вый—ново́й (Ряз. Скоп.; См. мое сочиненіе: „Къ діалектологіи влкр. нарѣчій". В. 1892. Приложеніе. Пѣсня № 17). Срв: греч. νέος изъ νέϝος.
Си́зый—сизо́й (Ряз. Скоп. ibid. № 18)
Ка́менный—камяно́й (Ряз. Скоп. ibid. № 18.)
Гря́зный—Грязно́й (прозвище).
Хме́льный („Брага хме́льная не разымчива"; также у Пушкина)—Хмельной.
Че́рный—Черно́й (фамилія—„Черны́хъ").
Ме́ртвый—Мертво́й (фамилія Мертва́го).
Се́льскій—Сельско́й.
Стра́шный—Страшно́й (монастырь).
Пухо́вый—Пухово́й.
Че́стный—честно́й („Честно́е слово"—московск. простонародн.)
Отсту́пный (не-)—отступно́й („дать отступно́го").
Чу́ждый (ц. слав.)—чужо́й.
Гра́дскій (ц. сл. См. мое соч. Отдѣлъ лексикологич. s. v.)—городско́й.

Гу́стый (γу́стай—Ряз. Скоп. ib. s. v.)—густо́й.

Хру́шкій (Арх. Даль. О нарѣчіяхъ... LIII. хру́сткій=крупный)—Хрушко́й (хруско́й)—Арх. Кстр. Влгд. Прм. Спб. Ряз. (жесткій, крупный. Даль. Словарь. s. v. „хру́стать". См. мое соч. „Къ діалектологіи". Прилож. Пѣсня № 32. Соболевскій. Изъ исторіи р. языка. Ж. М. Н. Пр. 1894. Ноябрь. Стр. 25).

Со́нный—сонно́й. (Казан. Лаишев.).

Конецъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.	строка		*Напечатано:*	*Должно быть:*
52.	16	сн.:	у хвякóли	у Хвякóли
54.	4	св.:	губерніи	губерніи,
70.	2	сн.:	напи́тца	папи́тца
71.	12	св.:	напи́тцы-ть	папи́тцы-ть
71.	17	—	Кобаново	Кабаново
71.	18	—	ж жынихáм	ж жынихóм
73.	1	—	д[з]анá	д’анá
73.	6	—	„крáсна“	„крáски“
73.	8	—	„д[з]эт’та	„д˙эт’та
74.	18	сн.:	д[з] рабóтӑш	д’ рабóтӑш
77.	13	св.:	номéлям	намéлям
80.	3	—	именко,	, именно,
80.	1	сн.:	вдруүóрать	вдруүóря[1]ть
86.	5	—	Остальное—,	Остальное—
89.	6	св.:	Глава III-я.	Глава IV-ая.
90.	1	—	іе͡зьдим?	іе͡зьдим?
90.	3	—	іе͡зьдит	іе͡зьдит
90.	14	—	хлеі͡пца	хліе͡пца
90.	16	—	зъвали́м	зъвали́м
91.	14	сн.:	д[з]апя́ть	д’апя́ть
104.	9	—	царяпоть	царяпать
112.	19	—	изъ общества)—	изъ общества—

стр.	строка	*Напечатано:*	*Должно быть:*
113.	13 св.:	4)	5)
115.	12 сн.:	5)	6)
116.	1 св.:	6)	7)
118.	5 —	*и*	и
123.	15 —	крупцáткы	крупцáтки
125.	5 —	пýстишь	пу̌стить
132.	12 —	щē-ля	щё-ля
133.	7 сн.:	Быщкóјçкая	Быцкóјçкая
148.	1 —	въ 3-й части	во 2-й части
150.	9 св.:	изъ	изъ—
153.	5 сн.:	про	при
155.	15 —	выѣсто	вмѣсто
161.	4 св.:	Выше мы видѣли, что	По всей вѣроятности,
161.	17 —	изъ	(изъ
164.	23 —	выше были	ниже
165.	1 сн.:	разъ).	разъ);
166.	6 св.:	Левокъ	Левонъ
166.	9 сн.:	хóбрика	хáбрика
167.	3 св.:	Кйсканти́нъвѣ[а]	Кйскинти́нъвѣ[а]
167.	13 —	на	ка
169.	16 сн.:	Лáфсни—	Лáфсин—
171.	5 —	(см. выше)	(см. ниже)
178.	6 св.:	ꙋря́сна	ꙋряска
190.	3 —	хлı͡ебъ	хлı͡ебъ,
190.	10 —	ҳоҳотѫти	ҳоҳотати
206.	21 —	можетъ	можемъ
218.	6 сн.:	Мейчинъ	Мейчикъ.
222.	7 св.:	Главу III-ю	Главу IV-ю.
225.	17 —	zdrihnou	zdvihnou
233.	6 —	мн. ч.	мн. ч.,

стр.	строка		*Напечатано:*	*Должно быть:*
238.	17	—	в	въ
264.	14	—	Саввинной	Саввиной
286.	7	—	Histor a	Historya
287.	13	сн.:	*и.*	*и*
289.	2	св.:	gd_i	gd^i
293.	13	—	совсѣыъ	совсѣмъ
296.	8	сн.:	Зораменье	Зараменье
304.	2	—	Лекціи[3].	Лекціи[2].
315.	12	—	пред тавить	представить
330.	9	—	закрытое о[и]	закрытое о[у]

ОГЛАВЛЕНІЕ.